

ХII төбәк конференция

Рәсәй халыктары телдәре
диалектологияһының көнүзәк мәсьәләләре

ХII региональная конференция

Актуальные проблемы диалектологии
языков народов России

Институт языкознания РАН
Уфимский научный центр РАН
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
Академия наук Республики Башкортостан
Министерство образования Республики Башкортостан
Совет по государственным языкам Республики Башкортостан
Ассамблея народов Башкортостана

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

Материалы XII региональной конференции
(Уфа, 27-28 ноября 2012 г.)

УДК 8 : 389 : 7 (063)

ББК 81 : 83 82 : 85

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII региональной конференции. — Уфа, 2012. — 202 с.

ISBN 978-5-91608-090-2

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XII региональной конференции “Актуальные проблемы диалектологии языков народов России”. В статьях нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской, кавказской, монгольской диалектологии, проблемы и перспективы изучения диалектов башкирского языка.

Сборник адресован лингвистам, фольклористам, этнографам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем тем, кто хочет узнать больше о диалектах языков народов России.

Редакционная коллегия:

Л. А. Бускунбаева, Р.Н. Каримова, Р. Т. Муратова, Ю. В. Псянчин,
Р. А. Сулейманова, Ф.Г. Хисамитдинова.

Составитель:

Р.Н. Каримова

ISBN 978-5-91608-090-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 1982 года в г. Уфе прошла IX региональная конференция по диалектологии тюркских языков. К сожалению, эта конференция стала последней в истории советской тюркологии. В 2010 году традиции ее проведения были возрождены Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра и Институтом языкознания РАН при поддержке Президента Республики Башкортостан. 22 сентября 2010 года в Уфе на базе ИИЯЛ УНЦ РАН была проведена X региональная конференция по актуальным проблемам диалектологии языков народов России. В работе конференции приняло участие более 300 исследователей из различных регионов России и других стран.

XI Межрегиональная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 19-21 октября 2011 г.) объединила представителей академической и вузовской науки из разных регионов России. На пленарном заседании и в ходе работы 3 секций было заслушано более 100 докладов и выступлений, посвященных проблемам диалектологии языков народов России, проблемам и перспективам изучения диалектов башкирского языка, вопросам обучения родным и государственным языкам в условиях диалекта.

В 2012 году Уфа принимает XII региональную конференцию «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», третью – в истории современной России. Организаторами научного форума выступили Институт языкознания РАН, Уфимский научный центр РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Академия наук Республики Башкортостан, Министерство образования Республики Башкортостан. Конференция посвящена трем юбилейным датам: 80-летию выдающегося башкирского языковеда-диалектолога, доктора филологических наук Н. Х. Максютковой (1932–2004), 30-летию IX региональной конференции по диалектологии тюркских языков (г. Уфа, 1982, 8–10 сентября) и 25-летию со дня выхода в свет III тома «Словаря башкирских говоров (Западный диалект)» (Уфа, 1987).

В данном сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XII региональной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России».

IX РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (УФА, 1983) : БОЛЬШОЙ ШАГ В XXI ВЕК

Тридцать лет тому назад, в сентябре 1982 года в г. Уфе под эгидой Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР состоялась IX региональная конференция по тюркской диалектологии. Запомнилась она прежде всего тем, что именно тогда был очень серьезно поставлен вопрос о координации региональных исследований в области тюркской диалектологии. В результате были выработаны окончательные варианты двух крупных академических проектов для тюркологов Советского Союза: «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» и «Диалектологический атлас тюркских языков Сибири».

К сожалению, так получилось, что эта конференция стала последним научным мероприятием подобного рода в советской истории нашей страны, но в 2010 году традиции ее проведения были возрождены Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра и Институтом языкознания РАН при поддержке Президента Республики Башкортостан.

В 2010–2011 гг. в г. Уфа уже состоялись две конференции [Актуальные проблемы диалектологии .. 2010; Актуальные проблемы диалектологии .. 2011; Каримова, Нафиков 2010]. В этом году Уфа принимает XII региональную конференцию «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», но третью – в истории современной России. Нынешняя посвящена трем юбилейным датам: 80-летию выдающегося башкирского языковеда-диалектолога, доктора филологических наук **Н. Х. Максютковой** (1932–2004), 30-летию **IX региональной конференции по диалектологии тюркских языков** (г. Уфа, 1982, 8–10 сентября) и 25-летию со дня выхода в свет **III тома «Словаря башкирских говоров (Западный диалект)»** (Уфа, 1987).

В 1982 году в работе IX конференции приняло участие около двухсот человек, на пленарных заседаниях было сделано двадцать два доклада, на секционных заседаниях – сто шестьдесят.

На конференции работало четыре секции: 1) «Историческая диалектология» (руководители: Н. Х. Ишбулатов, Р. Дж. Маггеррамова, В. Л. Гукасян; всего – 31 доклад и сообщение); 2) «Лингвистическая география и вопросы языковых контактов» (руководители: М. Ш. Ширалиев, Е. И. Убрятова, Н. Х. Максюткова, М. А. Бородина, Д. Г. Тумашева; всего – 21 доклад и выступление); 3) «Вопросы современной диалектологии» (руководители: А. А. Юлдашев, М. И. Исламов, Г. Ф. Благова; всего – 47 докладов и сообщений); 4) «Диалекты и литературный язык» (руководители: Э. Р. Тенишев, М. З. Закиев, З. И. Будагова, А. Т. Кайдаров; всего – 20 докладов и выступлений) с подсекцией «Ономастика и диалектология. Вузовский учебник по диалектологии» (руководители: С. М. Молла-заде, А. Г. Велиев, Д. Насыров, Г. Х. Ахатов, У. Доспанов; всего – 13 докладов и выступлений).

В качестве куратора и координатора этой конференции от Отделения литературы и языка Академии наук СССР выступил один из выдающихся советских и российских ученых-языковедов, заместитель Председателя Советского комитета тюркологов, член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев.

Сам Э. Р. Тенишев сделал два доклада: первый — «Итоги и задачи диалектологии тюркских языков» (совместно с академиком АН АзССР М. Ш. Ширалиевым) 8 сентября на пленарном заседании; второй — «Региональное координирование диалектологических исследований — насущная задача тюркского языкознания в СССР» совместно с Г. Ф. Благовой [Тенишев, Благова 1982], но уже на заседании секции № 2 «Лингвистическая география и вопросы языковых контактов».

На пленарном заседании 8 сентября среди остальных пятнадцати был заслушан и отчетный доклад Н. Х. Максютковой на тему: «О результатах и проблемах исследования башкирской диалектологии».

На заключительном пленарном заседании 10 сентября диалектологи Башкортостана были представлены заведующим кафедрой башкирского языка Башкирского государственного университета Н. Х. Ишбулатовым, выступившим с теоретическим докладом «Сравнительное исследование морфологической системы диалектов башкирского языка».

Башкирские языковеды-диалектологи во главе с доктором филологических наук, заведующим Отделом диалектологии и топонимики ИИЯЛ БФ АН СССР в 1982–1987 гг. Н. Х. Максютковой (1932–2004) всецело поддерживали решения IX региональной конференции по тюркской диалектологии. Так, в 1987 году вышел в свет «Словарь башкирских говоров. Т. III. Западный диалект» [Башкорт һөйләштәренен һүзлеге ... III том 1987]; в следующем 1988 году была издана хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988]. Кроме

того, за указанный период Отдел издал 6 тематических сборников по башкирской диалектологии, две монографии. А в 1985 году в г. Уфа прошла совместная с Институтом этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР Всесоюзная конференция «Ареальные исследования в этнографии и языкознании», в материалы которой были включены и новые разработки по проблемам тюркских языков [Ареальные исследования в ... 1985]. К началу 1986 года была завершена работа над «Диалектологическим атласом башкирского языка» [Максютова 1985; Максютова 1986; Мәксүтова 1986], который был издан в 2005 году [Диалектологический атлас башкирского языка 2005].

В 1989 году увидела свет монография Ф. Г. Хисамитдиновой «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике» [Хисамитдинова 1989], написанная на полевом материале, собранном у носителей среднего говора южного диалекта.

Но вернемся к событиям 1982 года. На открытии конференции было зачитано письмо приветствие известного советского языковеда-тюрколога, Председателя Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, академика АН СССР А. Н. Кононова, к сожалению, не приехавшего в Уфу по состоянию здоровья. Также участникам конференции был организован прием у Председателя Президиума Верховного Совета Башкирской АССР Ф. В. Султанова.

В современном тюркском мире, тюркологической науке даже после этих прошедших тридцати лет IX конференция продолжает ассоциироваться с именем и образом Нажибы Хаерзамановны Максютовой. Конференция, имевшая до 1982 года лишь статус регионального научного мероприятия, именно благодаря ей приобрела неофициальный статус Всесоюзного форума. Среди ее участников были представлены руководители и члены диалектологических школ Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана. Самое активное участие в ее работе приняли также и представители Московской и Ленинградской школ тюркологии, представители тюркоязычных субъектов РСФСР.

Но главная заслуга Н. Х. Максютовой видится в следующем: ее участники не ограничились лишь участием в сборнике тезисов конференции. Так, например, в через несколько лет стараниями Нажибы Хаерзамановны были изданы два академических сборника статей по материалам конференции: 1) «Вопросы диалектологии тюркских языков» (Уфа, 1985) [Вопросы диалектологии ... 1985]; 2) «Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков» (Уфа, 1986) [Проблемы диалектологии и ... 1986]. Все это свидетельствует не только об ответственном отношении Н. Х. Максютовой к возложенным на нее обязанностям, но и ее человечности, уважительном отношении к коллегам.

В конце нашего выступления хотелось бы отметить, что в последующем диалектологам-тюркологам бывшего Советского Союза, несмотря на все трудности, выпавшие им в конце XX — в начале нынешнего XXI веков, удалось в основном воплотить в жизнь решения IX региональной конференции по тюркской диалектологии.

ЛИТЕРАТУРА:

- Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. X региональной конференции. Уфа, 2010. 272 с.
- Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. XI межрегиональной конференции. Уфа, 2011. 214 с.
- Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тез. пятой конф. «Проблемы атласной картографии». Уфа, 28-30 июня 1985 г. Уфа, 1985. 196 с.
- Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр. Өфө: Башк. кит. нәшр., 1988. 224 б.
- Башкорт һөйләштәренен һүзлеге (өс томда). III том (өнбайыш диалект). Өфө, 1987. 232 б.
- Вопросы диалектологии тюркских языков: Сб. научн. тр. Уфа, 1985. 155 с.
- Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа, 2005. 234 с., 169 карт.
- Каримова Р. Н., Нафиков Ш. В. Актуальные проблемы диалектологии народов России: X региональная научная конференция (21-23 сентября 2010 г.) // Проблемы востоковедения. 2010. № 3 (49). С. 102-105.
- Максютова Н. Х. Диалектологический атлас башкирского языка (итоги и задачи) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тез. пятой конф. «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 110-111.
- Максютова Н. Х. Лингвогеографическое изучение башкирского языка // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков: Сб. ст. Уфа, 1986. С. 414.
- Мәксүтова Н. Х. Башкорт тел ғилеменен яңы қазанышы // Башкортостан укытыусыһы. 1986. №6. 35-36 сы б.
- Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков: Сб. статей. Уфа, 1986. 166 с.
- Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф. Региональное координирование диалектологических исследований насущная задача тюркского языкознания в СССР // IX конференция по диалектологии тюркских языков: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. БФ. Уфа, 1982. С. 91-92.
- Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989. 96 с.
- IX конференция по диалектологии тюркских языков: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. БФ. Уфа, 1982. 166 с.

Н. Х. МАКСЮТОВА — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЯЗЫКОВЕД-ДИАЛЕКТОЛОГ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

2012 год — год 80-летия со дня рождения славной дочери своего народа, выдающегося башкирского языковеда, большого специалиста в области башкирской и тюркской диалектологии, общественного деятеля, педагога, доктора филологических наук, профессора, заведующей Отделом диалектологии и топонимики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН») в 1982—1987 гг., заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, главного научного сотрудника в 1988—2000 гг. **Нажибы Хаерзамановны Максютовой** (1932—2004).

Максютова Нажиба Хаерзамановна родилась 27 ноября 1932 года в деревне Сулейманово (башк. *Һөләймән*) Мечетлинского района Башкирской АССР. Ее детство и юность прошли там же; но пришлось они на тяжелые военные и послевоенные годы. После окончания школы она поступила в Башкирский государственный педагогический институт им. К. А. Тимирязева, который окончила в 1951 году. Затем шесть лет преподавала башкирский язык и литературу в школах республики.

В 1957 году начинает работать младшим научным сотрудником Сектора языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1964 году на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР (г. Москва) успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Говор айских башкир» [Максютова 1964] (научный руководитель — доктор филологических наук К. З. Ахмеров).

В 60—70-х гг. XX века она организовала ряд диалектологических экспедиций, результаты которых затем были обработаны и использованы при составлении всех трех томов [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... I том 1967; Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... II том 1970; Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987] и сводного тома «Словаря башкирских говоров» [Башкорт теленәң диалекттары һүзлегә 2002], хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988] и, конечно же, «Диалектологического атласа башкирского языка» [Диалектологический атлас башкирского языка 2005].

В 60—90-х гг. XX века достойно представляет нашу республику на всевозможных научных мероприятиях различного уровня, тем самым завоёвывает заслуженный авторитет не только среди языковедов-тюркологов, но и среди финно-угроведов [Максютова 1967], монголоведов [Максютова 1972] и теоретиков языкознания [Максютова 1973] в бывшем Советском Союзе.

В 1980 году в г. Баку, в Институте языкознания им. Насими АН АзССР Н. Х. Максютлова защищает уже докторскую диссертацию на тему: «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)» [Максютова 1980], в качестве ее оппонентов выступают известные в тюркском мире языковеды-тюркологи Т. М. Гарипов, А. Г. Велиев и В. Л. Гукасян. В 1981 году утверждается в учёной степени доктора филологических наук.

В 1982 году Нажиба Хаерзамановна избирается заведующей Отделом диалектологии и топонимики Института истории, языка и литературы БФ АН СССР. За пять лет ее руководства Отделом, т.е. до 1987 года, была завершена работа над крупным академическим проектом «Диалектологический атлас башкирского языка» (1986) [Максютова 1986], изданы — третий том «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987], хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988], пять научных сборников статей по актуальным проблемам тюркской диалектологии, ономастики и ареальной лингвистики (1982, 1985, 1986, 1988), а также проведена IX региональная конференция по тюркской диалектологии [IX конференция по диалектологии тюркских языков 1982].

В 2008 году был составлен и издан список основных научных трудов Н. Х. Максютовой [Псянчин 2008]. Наличие данного списка позволило нам определить те направления и проблемы, над которыми в течение пятидесяти лет успешно работала Н. Х. Максютлова.

Итак, судя по содержанию списка, это — десять направлений: 1) проблемы монографического описания башкирских диалектов и говоров; 2) проблемы описания теоретической грамматики башкирского языка; 3) проблемы лингвогеографии и ареальной лингвистики; 4) история башкирской лингвистической науки; 5) диалектная лексикография; 6) традиционная и отраслевая лексикология башкирского; 7) языковые контакты и историческая лексика; 8) проблемы тюркской и башкирской ономастики; 9) вопросы функционирования башкирского литературного языка и лингвопоэтики; 10) вопросы текстологии [Псянчин, Гатин, Гайсина 2010].

Действительно, профессор Н. Х. Максютлова обладала широким научным кругозором, что, несомненно, отразилось и на содержании ее изысканий в области башкирской диалектологии.

В нашем сегодняшнем выступлении нам бы хотелось из перечисленных десяти направлений остановиться только на основных из них: 1) проблемы монографического описания башкирских диалектов и говоров; 2) диалектная лексикография; 3) традиционная и отраслевая лексикология башкирского языка; 4) языковые контакты и историческая лексика; 5) вопросы текстологии.

На наш взгляд, именно они и считаются своего рода визитной карточкой Нажибы Хаерзамановны.

1. Самой главной работой Н. Х. Максютовой является ее капитальный труд — монография «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)», изданная в 1976 году в Москве, в издательстве «Наука» и имеющая статус классического исследования [Максютова 1976]. В ней представлены все пять говоров данного диалекта: айский, аргаяшский, сальютский, миасский, кызылский [Максютова 1976, 22-78; 79-171; 172-213; 214-248; 249-289]. В данной монографии восточный диалект охарактеризован в синхронном и диахронном аспектах. Каждому говору здесь посвящена отдельная глава, где подробно излагаются фонетические, морфологические, лексические особенности в сравнении с данными южного диалекта башкирского языка. В качестве дополнительного сравнительного материала привлекаются данные из других родственных и даже неродственных языков. Все это способствует установлению точных границ выделенных пяти говоров, которые иногда совпадают с бывшей исторической племенной границей (например, сальютский, айский говоры), но в большинстве случаев совпадений не наблюдается (например, аргаяшский, миасский, кызылский говоры) [Максютова 1976, 15]. Автору удалось доказать, что восточный диалект является древнейшим ядром башкирского языка.

Следующая монография Н. Х. Максютовой «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» была издана в 1996 году. С помощью современных того периода методик ею были описаны аргаяшский, сальютский и оренбургские говоры. При этом особого внимания заслуживает авторский подход ученого в описании оренбургского говора [Максютова 1996, 192-280]; его оригинальность заключается в отказе от бассейнового принципа в выделении границ говора.

2. В области диалектной лексикографии профессором Н. Х. Максютовой было сделано очень много, так как именно она выступила ответственным редактором и одним из составителей всех трех томов «Словаря башкирских говоров (Уфа, 1967, 1970, 1987)» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... I том 1967; Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... II том 1970; Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987].

Как известно, первый том данного словаря был посвящен восточному диалекту [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... I том 1967], а второй — южному диалекту башкирского языка [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... II том 1970]. Как видим, третий том [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987], посвященный Западному, вернее, Северо-Западному диалекту башкирского языка был издан только через двадцать лет после выхода в свет первого тома.

В третьем томе довольно успешно применена классификация говоров Западного диалекта, автором которой выступили сама Н. Х. Максютова и ее ученик М. И. Дильмухаметов (1940—2009).

Итак, Западный диалект башкирского языка в 1987 году включал в свой состав следующие говоры: 1) гайнинский говор; 2) северо-западный говор; 3) тук-соранский говор; 4) нижне-сакмарский говор; 5) среднеуральский говор; 6) иргизский говор [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 6-9].

3. В области традиционной и отраслевой лексикологии башкирского языка Н. Х. Максютовой написаны и изданы такие статьи, как «К вопросу о лексике башкирского языка» [Максютова 1965], «Свадебные термины в башкирском языке» [Максютова 1975], «Терминология коневодства у башкир» [Максютова 1983], «Проблемы лексикологии и лексикографии башкирского языка» [Максютова 1986], «Семантико-функциональные изменения терминов арабского происхождения в башкирском языке» [Максютова 1990]. Перечисленные статьи Н. Х. Максютовой можно наделить статусом образцовых академических работ по отраслевой лексикологии, так как именно в них содержатся сведения не только сугубо лингвистического характера, но и необходимые данные для этнолингвистических, лингвокультурологических исследований [Псянчин 2011].

4. Различные аспекты проблемы «Языковые контакты и историческая лексика» отражены в ряде статей Н. Х. Максютовой, среди которых мы бы хотели выделить только две из них. «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков» [Максютова 1967] и «Башкирско-монгольские языковые связи» [Максютова 1973].

5. В следующем, 2013 году исполняется двадцать пять лет со дня выхода в свет хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» (Уфа, 1988), включающей в себя 156 текстов-образцов по всем трем (восточный, южный, западный) диалектам башкирского языка. Например, по восточному диалекту представлено 28 [Башкорт һөйләштәренәң үрнәктәр 1988, 12-54]; по южному [Башкорт һөйләштәренәң үрнәктәр 1988, 55-197] и западному [Башкорт һөйләштәренәң үрнәктәр 1988, 198-224] диалектам, соответственно, 95 и 33 образца.

Действительно, издание данного труда стало своего рода ярким событием тогда еще в советском тюркском языкознании, поскольку даже такие самостоятельные тюркоязычные государственные образования в составе бывшего СССР, как Казахская ССР, Киргизская ССР, Узбекская ССР, Туркменская ССР и Азербайджанская ССР не обладали подобной работой, хотя в каждой из них функционировали академические институты языкознания.

В содержательном плане хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» имеет большое значение не только в качестве памятника культуры и духовной жизни башкирского народа, но и как свод текстов живого разговорного языка. Здесь представлены сведения по истории Башкортостана, в частности, по истории заселения деревень и сел, о народных традициях и народном творчестве башкир.

Эти тексты отражают специфику фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики всех говоров восточного, южного и западного диалектов башкирского языка. Ответственным редактором и автором введения является Н. Х. Максютлова, которая проделала огромную работу по текстологической обработке и переводу на русский язык экспедиционных материалов. Названный труд реально претендует и на роль объекта этнолингвистических изысканий.

В становлении Н. Х. Максютловой как ученой сыграл и тот фактор, что она начинала свою трудовую деятельность в качестве школьной учительницы. Она успела проработать более шести лет преподавателем башкирского языка и литературы в Саятбабинской средней школе; даже, работая в системе Академии наук СССР, принимала неоднократное участие в работе ГАК Стерлитамакского государственного педагогического института. В 1979–1984 гг. она же вела в Башкирском государственном педагогическом институте такие курсы, как «Башкирская диалектология», «Сравнительная грамматика тюркских языков», а также спецкурс по исторической диалектологии башкирского языка. В 1981 году была избрана по конкурсу профессором данного вуза.

Запомнили в республике Н. Х. Максютлову и как активного общественного деятеля: ведь ее стараниями было возрождено Общество башкирских женщин; именно она с 1990 года по 2000 год являлась председателем этой организации. Она же и с 1994 года по 2000 год руководила Терминологической комиссией при Правительстве Республики Башкортостан. Всю эту работу она успевала совмещать с обязанностями члена Исполкома Всемирного Курултая башкир.

26 июня 2005 года в д. Сулейманово Мечетлинского района состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной Нажибе Хаерзамановне. Доска была установлена на здании школы, которую когда-то окончила Н. Х. Максютлова. Так мечетлинцы чтут и помнят свою известную и любимую землячку.

Научные изыскания Н. Х. Максютловой по башкирской диалектологии не потеряли своей актуальности и сегодня. Ее монографии «Восточный диалект башкирского языка в сравнительно историческом освещении» (М., 1976) [Максютлова 1976], «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» (Уфа, 1996) [Максютлова 1996], словари, хрестоматии, препринты являются настольной книгой для начинающих языковедов; также они востребованы во всех исследовательских целях по тюркологии в России и СНГ, поскольку являются классическим образцом подобных типов изысканий.

Под ее научном руководством защитили свои кандидатские диссертации Э. Ф. Ишбердин, У. Ф. Надергулов, М. И. Дильмухаметов, Ю. В. Псянчин, М. Г. Усманова. Трое из этого списка — Э. Ф. Ишбердин, Ю. В. Псянчин и М. Г. Усманова — стали докторами филологических наук.

В историю тюркской диалектологии имя Н. Х. Максютловой вписано золотыми буквами наряду с именами таких выдающихся отечественных языковедов-тюркологов, как Э. Р. Тенишев (диалекты уйгурского, саларского, сарыг-югурского языков), Э. А. Грунина (диалекты турецкого языка), Д. Г. Тумашева (диалекты татарского языка), М. Ш. Ширалиев, М. И. Исламов (диалекты азербайджанского языка), Н. А. Баскаков (диалекты алтайского языка), Ж. Амансарыев (диалекты туркменского языка), Ш. Ш. Шаабдурахманов (диалекты узбекского языка), Ш. Ш. Сарыбаев (диалекты казахского языка), Б. М. Юнусалиев (диалекты кыргызского языка), Н. И. Ашмарин, И. А. Андреев (чувашский язык), М. С. Воронкин, М. П. Алексеев (якутский язык).

Полагаем, что в связи с юбилеем настало время для постановки вопроса о переиздании монографии Н. Х. Максютловой «Восточный диалект башкирского языка» [Максютлова 1976], поскольку за тридцать шесть лет она успела превратиться в библиографическую редкость. В настоящее время ведется работа по составлению полной библиографии трудов ученого.

За большой вклад в развитие башкирского языкознания Н. Х. Максютлова была награждена Почетной грамотой Президиума Академии Наук СССР (1974), Почетной грамотой Республики Башкортостан (2000). В 1983 году она удостоилась почетного звания «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР».

ЛИТЕРАТУРА:

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. X региональной конференции (г. Уфа, 21-23 сентября 2010 г.). Уфа, 2010. 272 с.

- Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. XI межрегиональной конференции. Уфа, 2011. 214 с.
- Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. Өфө, 2003. 432 б.
- Башкорт һөйләштәренең һүзлеге: (Ике томда). I том: (көнсыгыш диалект) / Ред. Н. Х. Мәксүтова, Н. Х. Ишбулатов. Өфө, 1967. 300 б.
- Башкорт һөйләштәренең һүзлеге: (Ике томда). II том: (көнъяк диалект). Ред. Н. Х. Мәксүтова. Өфө, 1970. 326 б.
- Башкорт һөйләштәренең һүзлеге: өс томда. III том: (көнбайыш диалект). Өфө, 1987. 232 б.
- Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / Яуаплы ред. Н. Х. Мәксүтова.: 1-се басма. Өфө, 1988. 224 б.
- Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа, 2005. 234 с., 169 карт.
- Максютова Н. Х. Говор айских башкир: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.03.06. М., 1964. 24 с.
- Максютова Н. Х. К вопросу о лексике башкирского языка // Пятое совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. 5-8 октября 1965 г. г. Баку: (Тез. доклад.). Баку, 1965. С. 24-27.
- Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания: Вып. IV. Ижевск, 1967. С. 149-153.
- Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и монгольского языков (на материале салютского говора башкирского языка) // Проблемы алтаистики и монголоведения (Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф.). Элиста, 1973. С. 32-34.
- Максютова Н. Х. Башкирско-монгольские языковые связи (На материале салютского говора башкирского языка) // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973. С. 243-246.
- Максютова Н. Х. Свадебные термины в башкирском языке // Башкирский языковедческий сборник. Уфа, 1975. С. 32-43.
- Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976. 292 с.
- Максютова Н. Х. Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование): Автореф. дисс. ... д. филол. наук (10.03. 06). Баку, 1980. 34 с.
- Максютова Н. Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка: Сб. ст. Уфа, 1983. С. 18-26.
- Максютова Н. Х. Проблемы лексикологии и лексикографии башкирского языка // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике: Сб. ст. Уфа, 1986. С. 7-20.
- Максютова Н. Х. Семантико-функциональные изменения религиозных терминов арабского происхождения в башкирском языке // Материалы и исследования по лексике башкирского языка: Сб. ст. Уфа, 1990. С. 4-13.
- Максютова Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996. 288 с.
- Мәксүтова Н. Х. Башкорт тел җилеменәң яңы қазанышы // Башқортостан уқытыусыһы. 1986. №13. 35-36-сы б.
- Псянчин Ю. В. Список основных научных трудов Н. Х. Максютковой // Труды ИИЯЛ УНЦ РАН / Сост. Р. А. Сулейманова. Вып. II. Уфа, 2008. С. 116-124.
- Псянчин Ю. В. Н. Х. Максюткова и вопросы изучения отраслевой лексики башкирского языка (на примере диалектов и говоров). Уфа, 2011. С.149-156.
- Псянчин Ю. В., Гатин М. К., Гайсина Г. А. Н. Х. Максюткова и башкирская диалектология // Матер. X регион. конф. (г. Уфа, 21-23 сентября 2011 г.). Уфа, 2011. С. 160-166.
- IX конференция по диалектологии тюркских языков: Тез. докл. и сообщ. / СКТ ОЛЯ АН СССР, ИИЯЛ БФ АН СССР, БашГУ им.40-летия Октября. Уфа, 1983. 165 с.

Д. Б. Рамазанова, г. Казань

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ: Н. Х. МАКСЮТОВА ВОПРОСЫ БАШКИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Известный ученый, один из ведущих башкирских диалектологов Н. Х. Максюткова вела активную творческую деятельность и нам неоднократно приходилось встречаться с ней на различных конференциях, семинарах по составлению диалектологических атласов. Она с удовольствием делилась опытом, своими знаниями.

Еще на заре своей деятельности в области диалектологии Н. Х. Максюткова проявила себя как знаток материальной и духовной жизни своего народа, имела неподдельный интерес к названиям реалий народной материальной и духовной культуры. В работе «Говор долины реки Ай», посвященной говорам северо-восточного Башкортостана, она сумела определить основные черты изучаемого ею говора, scrupulously сравнивал данный говор с другими башкирскими говорами, другими тюркскими языками. Ею анализированы и введены в науку архаичные и весьма интересные сточки зрения истории тюркских языков явления: *боо* – дательного-направительного падежа местоимения *бу*, формы приблизительного счета *-таған/-даған* (*биштәгән* – около пяти), словообразовательные аффиксы *-ылдырық/-елтерек* (*һағалдырық* – подбородник из серебряных монет), *-пық* (*қыйпық* – косоглазый, *һалпық* – коротконогий), *-шық/-шек* (*кәмшек* – с загнутым подбородком, *қыйшық* – кривобокий) и др. Аналогичные особенности обнаруживаются и в татарских говорах Западного

Приуралья, Зауралья, Юга Башкортостана и свидетельствуют о тесных этноязыковых контактах татар и башкир.

Фундаментальной работой Н. Х. Максютовой явилась монография «Восточный диалект башкирского языка», где описан ряд говоров этого диалекта, богатого диалектными особенностями, архаичными явлениями. Например, сингармоничные варианты ряда лексем (*эрзэн*)/*арзан* – дешево, *йелем*/йылым – невод и др.), склонения местоимений (шаның – тат. шуның, *анауыңа* – тат. аңа, *шуныңда* – *шанда*); аналогичные явления обнаружены были нами в пермском говоре, системно имеют место в диалектах уйгурского языка, формы *баргайым* (< барган иде, *бармастым*, < *бармасмын* – бармамын), *баргалы* (– барырга) и мн. других. Ученая подробно описала особенности исследуемых ею айского, аргаяшского, сальютского языка: оставила после себя своим ученикам великолепный образец системной и подробной характеристики особенностей говоров.

Особенно следует подчеркнуть то, что в книге большое место уделено диалектной лексике. Дело в том, что в башкирских говорах сохранилась самобытная богатая лексика, которая только после публикаций Н. Х. Максютовой стала достоянием науки.

Вообще, Н. Х. Максютова издавна поняла роль лексических особенностей для изучения истории формирования носителей и их говора, для разработки вопросов исторической лексикологии башкирского языка и др.

Свежий диалектный материал помогал нам в интерпретации особенностей приуральских татарских говоров, выявлялись тесные взаимосвязи между татарскими и башкирскими говорами, формировавшихся в составе одной административной единицы, в общей географической среде. До сих пор не потеряли значения, поднятые ею вопросы об общности в лексике башкирского и удмуртского языков.

Огромную работу провела Н. Х. Максютова по упорядочению и научной обработке диалектной лексики. Увидели свет лексикологические словари 1967, 1970, 1987 годов издания. Данный 3-х томник включал в себя огромное лексическое богатство, собранное на местах экспедиционным путем, одним из активных членов, которых была Н. Х. Максютова, она и является редактором всех диалектологических словарей башкирского языка. У нас – у татарских диалектологов, также и других языковедов эти словари являлись настольными книгами.

Научным достоинством словарей являются вводные статьи, написанные Н. Х. Максютовой. В них рассматриваются вопросы развития диалектной лексикографии в башкирском языкознании, пути и направления развития башкирской диалектологической науки. И во всем этом виден большой вклад ученого в изучение башкирского диалектного языка.

Н. Х. Максютова является одним из создателей такого монументального труда, как Диалектологический атлас башкирского языка, разработчиком принципов сбора материала для него и картографирования на картах Атласа языковых особенностей.

Творческое наследие Н. Х. Максютовой будет служить будущим поколениям образцом беззаветного служения науке. Мы искренне поддерживаем то, что вопрос о научной деятельности Н. Х. Максютовой включен в программу в числе актуальных проблем такого авторитетного форума, как научная конференция.

ЛИТЕРАТУРА:

Баева Н. Х. Говор долины реки Ай. Фонетика и морфология// Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С.145.

Башкорт һөйләштәренен һүзлегә. Өс томда. Өфө. I том. 1967. 300 б., II т, 1970. 327 б.; III т. 1987. – 232 б.

Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005.

Максютова Н. Х. Диалектография башкирского языка // Итоговая научная сессия УИИЯЛ АН СССР (Тезисы докладов). – Уфа, 1966. – С.42–44.

Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания. – Вып.4. Ижевск, 1967. – С.149–153.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.

Ю. В. Псянчин, М. К. Гатин, г. Уфа

«СЛОВАРЬ БАШКИРСКИХ ГОВОРОВ. III ТОМ: (ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ)» (УФА, 1987) — 25 ЛЕТ СПУСТЯ!

1. Нынешний 2012 год стал для башкирских языковедов-диалектологов в определенной степени юбилейным. Ведь именно в 1987 году, т.е. ровно четверть века тому назад, под редакцией доктора филологических наук, тогда — заведующей Сектором диалектологии и топонимики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук

СССР **Нажибы Хаерзамановны Максютковой** (1932—2004) был издан **третий том «Словаря башкирских говоров (в трех томах), III том (западный диалект)» («Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә (өс томда), III том (көнбайыш диалект)»)**, в котором была представлена лексика западного диалекта башкирского языка [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987].

2. Третий том «Словаря башкирских говоров» в структурном плане состоит из следующих разделов: 1) «Введения» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 3-9]; 2) из раздела «Принципы составления словаря» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 9-12]; 3) из самого «Словаря» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 13-227]; 4) из «Списка деревень, в которых был собран лексический материал для словаря» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 228-231].

2.1. Само «Введение», написанное ответственным редактором **Н. Х. Максютковой**, представляет собой краткий очерк истории изучения диалектов и говоров башкирского языка. Ценность данного очерка заключается в том, что история башкирской диалектологии описана путем выделения двух основных ее периодов.

Например, хронологические рамки первого периода охватывают 20-е годы — середину 60-х гг. XX века. Этот период характеризуется активным сбором диалектных данных башкирского языка, изучением лексических, фонетических, морфологических особенностей народно-разговорного языка. Именно с 1923 по 1946 год было организовано 14 диалектологических экспедиций, в составе которых в разные годы работали такие известные башкирские языковеды, как **Г. Давлетшин**, **Х. Абдрашитов**, **Г. Амантаев**, **К. Ахмеров**, **Н. Тагиров** и **Т. Г. Баишев**. По результатам экспедиций было подготовлено множество отчетов, научная ценность которых не потеряла своей актуальности и сегодня. Именно на основе данных экспедиционных отчетов была подготовлена и в 1955 году издана монография **Т. Г. Баишева** «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» [Баишев 1955]. Конечно же, организатором и идейным вдохновителем, научным руководителем большинства экспедиций выступил известный советский языковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР **Н. К. Дмитриев** [Дмитриев 1959, Дмитриев 1976]. Более того, известная классическая работа **Н. К. Дмитриева** «Грамматика башкирского языка» была написана именно на основе диалектных данных, о чем он неоднократно заявлял [Дмитриев 1948].

Однако к середине 60-х годов XX века статус первоочередной задачи башкирской диалектологии приобретает проблема подготовки и издания словарей говоров. Так, уже в 1967 году выходит из печати первый том «Словаря башкирских говоров» (ответственные редакторы — **Н. Х. Максюткова** и **Н. Х. Ишбулатов**), посвященный лексике восточного диалекта, в состав которого тогда уже входили айский, кызылский, аргаяшский, сальютский и миасский говоры башкирского языка [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... I том 1967, 14-6]. В первый том «Словаря башкирского говора» было включено около 8000 диалектизмов.

Второй том «Словаря башкирских говоров» увидел свет в 1970 году под редакцией **Н. Х. Максютковой**, поскольку именно она стала инициатором признания тогда в составе южного диалекта четырех говоров — демского, среднеуральского, ик-сакмарского и караидельского [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... II том 1987, 5-8].

Работа над третьим томом «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» шла, действительно, в очень непростых условиях [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 5-6], т.е. она проводилась параллельно со сбором материала для «Диалектологического атласа башкирского языка» в экспедициях, работавших под руководством **Н. Х. Максютковой** в 1972–1980 гг. В сборе диалектных данных для третьего тома, кроме самой **Н. Х. Максютковой**, приняли участие такие известные башкирские диалектологи, как **М. И. Дильмухаметов**, **У. Ф. Надергулов**, **Р. Г. Азнагулов**, **С. Г. Гильманова**, **Г. Г. Гареева** и, конечно же, доктор филологических наук **С. Ф. Миржанова**.

Таким образом, хронологические рамки второго периода описания диалектной системы башкирского языка включают в себя время с конца 60-х гг. до середины 80-х гг. XX века. Именно в середине 80-х гг. был подготовлен к печати третий том «Словаря башкирских говоров».

2.2. В третьем томе довольно успешно применена классификация говоров западного диалекта, авторами которой выступили сама **Н. Х. Максюткова** и ее ученик **М. И. Дильмухаметов**.

Итак, в 1986 году в состав Западного диалекта башкирского языка входили следующие говоры: 1) гайнинский говор (башк. **ғәйнә һөйләше**); 2) северо-западный говор; (башк. **төньяк-көнбайыш һөйләш**) 3) тук-соранский говор (башк. **тук-соран һөйләше**); 4) нижне-сакмарский говор (башк. **түбәнге һакмар һөйләше**); 5) среднеуральский говор (башк. **урта урал һөйләше**); 6) иргизский говор (башк. **ыргыз һөйләше**) [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 6-9; 228-231]. Как видно, вышеназванная классификация Западного диалекта, кроме бассейнового (тук-соранский, нижне-сакмарский, иргизский говоры) и родо-племенного (северо-западный, гайнинский, среднеуральский говоры) принципов, в значительной степени следует и собственно географическому принципу. Дока-

зательством этому является включение в состав Западного диалекта языка башкир Оренбургской (тук-соранский, нижнесакмарский говоры) и Самарской и Саратовской (иргизский говор) областей: территории распространения перечисленных говоров находятся именно к западу от территории Башкортостана.

2.3. Во «Введении» дается и характеристика основным языковым особенностям диалекта. Так, по чередованию гласных *а - э, о - у, ө-ү, е - е* диалект в чем-то схож и с аргаяшским, айским (восточный диалект) и ик-сакмарским (южный диалект) говорами: *аз - эз, ғәмәр - ғүмәр; үрзәк - өйрәк* и т.д. [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 7]. В западном диалекте вместо согласного *с* часто употребляется *ч*: например, *чирәм* (западный диалект) – *сирәм* (восточный диалект); а вместо согласного *һ* – согласная *с* (*сарык – һарык*) [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 7].

Другой фонетической особенностью западного диалекта принято считать лабиализацию (т.е. огубление – прим. Ю.П. и М.Г.), характерную для речи башкир Сакмарской зоны (т.е. языку башкир, проживающих в Кувандыкском, Сарыкташском, Тюльганском, Гайском районах Оренбургской области – прим. Ю.П. и М.Г.): например *бозау* – лит. *бызау* «телёнок», *богау* – лит. *быгау* «цепь», *бойма* – лит. *бийма* «валенки» и т.д. [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә .. III том 1987, 7]. Также нижнесакмарскому говору характерно довольно частое употребление гортанного согласного *һ* в начале слова: например, *һат* – лит. *хат* «письмо», *һәбәр* – лит. *хәбәр* «весть», *һөрмәт* – лит. *хөрмәт* и т.д. [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 7]. В тук-соранском говоре вместо литературного *һ* употребляется согласный *с*. Например, *сағызак* – лит. *һағызак* «оса», *сайрау* – лит. *һайрау* «петь, заливать трелью», *сүрәт* – лит. *һүрәт* «рисунок», *сызык* – лит. *һызык* «черта» и т.д. [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 7].

Автором очерка Н. Х. Максютовой дается краткая характеристика основным фонетическим особенностям и других говоров западного диалекта; в частности, среднеуральского, гайнинского, иргизского [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 7].

3. Раздел «Принципы составления словаря» отличается оригинальностью авторского подхода. Во-первых, Н. Х. Максютова расписывает содержание термина «диалектизм» и предъявляемые к нему требования. По её мнению, любой составитель диалектологического словаря должен уметь устанавливать границы распространения диалектизма и найти ему литературные соответствия. Всё это требует выявления именно главного слова, определения его значения, поисков его литературных эквивалентов, а при их отсутствии – ограничением толкования значения в очень сжатой форме [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 9-11].

Во-вторых, обязательным требованием для составления диалектологического словаря должно быть включение ономастической лексики как таковой, если в них отражаются те или иные фонетические особенности говоров [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 7]. Например, *Манах сырты* (северо-западный говор) – название холма у деревни Аткулево Краснокамского района БАССР [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 133]. В литературном языке этот ороним имеет следующее звучание: *Манах һырты*, т.е. диалектизму *сырт* соответствует литературное *һырт* (*с→һ*).

В-третьих, автором даются комментарии к тем видам словарных статей, которые по праву могут вызывать ряд затруднений у читателя.

Например, омонимы:

айаз I (төньяк-көнбайыш) и. **аклан** – поляна. Айаз (урта урал);

айаз II (төньяк-көнбайыш) и. **алсак** – приветливый [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 10]

В данном случае омонимы **айаз** представлены при помощи римских цифр и даны в качестве главных слов.

Также каждый синоним представлен в словаре в качестве главного слова:

айкалғас (урта урал) и. **һабан турғайы** – жаворонок;

сырылдак (тук-соран) и. **һабан турғайы** – жаворонок;

сипле турғай (һакмар) и. **һабан турғайы** – жаворонок [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 10].

Таким образом, данный диалектологический словарь представляет собой тип толково-переводного словаря.

4. Действительно, в третьем томе «Словаря башкирских говоров» представлен богатый лексический материал по всему западному диалекту башкирского языка. Например, в значении «божья коровка» функционируют порядка пятидесяти диалектных синонимов: *аллабабай һыйыры, аллабабай пипейе, алматутай, гөз, йетенөктә, көжмәкәй, камка, капкауыс, осайак, кызылһыйыр, тәтәйтауык, тәтәйчебен, әбейкүч* и т.д., что свидетельствует об особом мировосприятии носителей

западного диалекта. Такая же ситуация наблюдается и с диалектизмом в значении «трясогузка»: *сыу сәпсеге, сыу сыпсығы, сыу сәпсеге, сәберсек* и т.д.

В третьем томе «Словаря башкирских говоров» нами выявлено порядка пятидесяти глаголов движения, которые обозначают: 1) движение по горизонтали (*айаксылау, аралау, артлау, басмалау, йанһау, йуллау, тайкалыу* и т.д.); 2) движение по вертикали (*йуғарлау, йуғарылау, төпәй булыу* и т.д.); 3) темп движения (*йелләу, йылышыу, кымтыу, һөләрәу, һөрәнәу* и т.д.); 4) особенности процесса движения (*аташлау, бүкә йөрөү, кәйкәнләу, мамырлау, мокайлау, тертәннәу* и т.д.); 5) колебательное и вращательное движение (*айлану, айкалыу, атыну, салкыу, тулкыныу, эйеу* и т.д.); 6) движение, характерное лошади (*айаңлау, кушайслау* и т.д.).

На основе данных третьего тома возможно составление тематических групп отраслевой лексики по коневодству, родственным отношениям, домашним и диким животным, бытовой лексике.

5. Раздел «Список деревень, в которых был собран лексический материал словаря» включает 173 населенных пункта, расположенных на территории нынешних регионов России – Республики Башкортостан, Пермском крае, Оренбургской, Свердловской, Челябинской, Самарской и Саратовской областях [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987, 228-291]. Всего в «Словаре башкирских говоров: Западный диалект» представлено порядка 11000 слов-диалектизмов.

6. Действительно, данный труд башкирских диалектологов стал заметным явлением не только в башкирском языкознании, но и в отечественной тюркологии. Более того, изданный всего в количестве 800 штук, он очень быстро превратился в библиографическую редкость. Все это свидетельствует о том, что третий том «Словаря башкирских говоров» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә ... III том 1987] оказался очень востребованным не только в тюркском мире, но и среди учителей родных языков, студентов. Да, в 2002 году, т.е. десять лет назад, увидел свет сводный том «Диалектологический словарь башкирского языка» [Башкорт теленәң диалекттары һүзлегә 2002], но сама лексика Западного (северо-западного диалекта) как-то «потерялась». Сегодня очень остро стоит проблема переиздания третьего тома, поскольку второй его выпуск в ближайшей перспективе с совершенно новыми комментариями и дополнениями позволит по-новому взглянуть не только на собственно лингвистические процессы, но также поможет охарактеризовать и те этнолингвистические явления, которые имеют место на данной территории на протяжении последних двадцати лет.

ЛИТЕРАТУРА:

- Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955. 112 с.
Башкорт теленәң диалекттары һүзлегә. Өфө, 2003. 432 с.
Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә (ике томда). I том. (Көнсығыш диалект) / Ред. Н. Х. Мәксүтова, Н. Х. Ишбулатов. Өфө, 1967. 300 б.
Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә (ике томда). I том. (Көнъяк диалект) / Ред. Н. Х. Мәксүтова. Өфө, 1970. 327 б.
Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә (өс томда). III том. (Көнбайыш диалект) / Ред. Н. Х. Мәксүтова. Өфө, 1987. 232 б.
Дмитриев Н. К. Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР за 1928 год // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С.53-88.
Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Л., 1948. 276 с.
Дмитриев Н. К. Диалектологические материалы // Южноуральский археологический сборник: Вып.3. Уфа, 1976. С. 369–374.

Л. Ф. Абубакирова, г. Уфа

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА УРАЛО - САКМАРСКОГО БАССЕЙНА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Современное Оренбургско-Казахстанско-Башкортостанское пограничье – контактная зона, где в течение многих веков происходило взаимодействие различных культур и языков.

В контурных археологических картах культурные слои в Оренбургско-Казахстанско-Башкортостанском пограничье не изолированы. Все археологические культуры вклиниваются друг в друга, как бы вырастая из предыдущих веков и уходя своими корнями в более ранние эпохи.

История развития языков на изучаемой территории, естественно, не была проста и прямолинейна. Языки могли перерождаться, образуя новую прослойку, модернизироваться в другие языки, а некоторые – трансформироваться вплоть до исчезновения. Однако здесь никогда не было гомогенных языков. Если наложить на «Карту предполагаемых прародин шести семейств ностратических языков» В. Иллич-Свитыча [2, С.45] карту распространения современных языков Евразии, куда входит и рассматриваемая нами лингвогеографическая зона, то увидим, что, несмотря на происходившие мутации, все евро-азиатские генетические группы (индоевропейские, алтайские, уральские), сформировавшиеся примерно 40 (?) тысяч лет назад, сохранились в современных языках. Наши на-

блюдения перекликаются с выводами С. Е. Яхонтова о том, что «наиболее вероятной прародиной ностратических языков являются леса Южного Урала и соседних регионов (Поволжья и Западной Сибири)» [9, С. 16]. Наличие общих элементов (соответствий) в современных языках этносов Урало-Сакмарского бассейна дает основание предполагать, что, возможно, племена Урало-Сакмарского бассейна говорили на родственных языках, между тем, они могли быть генетически неоднородными.

Бесспорно одно: нельзя связывать все древние культуры с каким-либо конкретным этносом и языком. В истории немало примеров, подтверждающих данное положение. Например, гипотеза о том, что «...в имя скиф многие разные народы, яко славяне, сарматы и турки, монгалы или паче весь восточно-северный край Азии и Европы, в том числе Германе, Персия и Китай заключались, и оное имя, видится, около 10-го ста по Христе угасло, когда внятнее о народах уведомляться стали, однако же те народы не исчезли, но где-либо под другими именами доднесь остались...у европейцев в третьем на десять веке по Христа имя татар прославилося, и оные оба вместо скиф стали употреблять» [7, С.232-233].

Хронологическая стратификация древних и современных языков исследуемой территории показывает, что распространение языковых черт от одного языка (диалекта) к другому — процесс длительный и постепенный. Потомки сарматов, алан, гуннов, хазар, булгар, мадьяр, печенегов и кыпчаков, бродников, пройдя процесс частичного смешения и частичного перенятия культуры и обычаев друг у друга, потеряли свое этническое название и язык. Однако следы смешения и взаимопроникновения их языковых систем явно обнаруживаются в языках современных народов Урало-Сакмарского бассейна, прежде всего — славян и тюрков. В этой связи показательна языковая ситуация, сложившаяся в Оренбургско-Казахстанско-Башкортостанском пограничье в XIX нач. XX в., представлявшая собой такую же сложную многослойную структуру, как и в древности. Это была гетерогенная адстратная зона, скорее всего, с тюркским языковым влиянием. Древо языков и наречий Урало-Сакмарского бассейна, выглядело примерно так:

- русский литературный язык / старотюркский → урало-поволжский тюрки / фарси;
- местные литературные койне: старожильский казачий язык / кыпчак-булгарский (старотатарский, старобашкирский) язык / кыпчак-ногайский язык (староказахский) язык / язык фольклора башкир / язык фольклора казахов;
- тюркско-славянская региональная речь;
- говоры: среднерусский, южнорусский, севернорусский / усерганский (ик-сакмарский) башкирский / мишарский / каргалинский татарский и др.

Среди казаков-потомков бродников, особенно в Уральском и Донском войсках, было широко распространено славяно-тюркское двуязычие. Нижеприведенные примеры дают все основания предполагать существование билингвального языкового пространства в бывшем центре Уральского (Яицкого) казачьего войска. «С середины XVIII века, после устройства форпостов по Нижне- и Верхне-Яицкой линии, стали оформляться две основные субэтнические группы яицких казаков: низовские и верховские. Кроме различия антропологических типов (низовские казаки — смуглые, черноволосые, с резкими движениями и отрывистым произношением; верховские же русоволосые и белокожие), эти субэтноты говорили на разных диалектах русского языка, что зафиксировано в работах известного филолога Н. М. Малечи. При этом у низовских казаков «хорошим тоном» считалось владение вторым, тюркским языком — своеобразным «французским» яицких, а с 1775 г. — уральских казаков» [3].

Профессор Л. Н. Воробьев, выпускник турецко-иранского факультета Лазаревского Института восточных языков, впоследствии направленный в Уфимскую губернию для изучения тюркских диалектов (1929-1932 гг.), а с 1935 г. преподававший в Уральском казачьем пединституте, «в своих лекциях по языкознанию с большим успехом использовал свои знания тюрко-татарских и восточных языков, что значительно облегчает студентам-казакам понимание и усвоение языко-творческого процесса» [4].

Известный российский ученый и писатель, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета В. Г. Руделёв, проработавший в Оренбургском государственном педагогическом университете в 1957-1972 гг., в своей книге «Рязанский окоём» пишет о происхождении половцев и двуязычности яицких бродников следующее: «...Оказывается, половецкий народ был в конце концов свой, христианский, белый, близкий по языку и по духу, даром что долгие века (видимо, с V века) пропадавший на Востоке, а затем вернувшийся на родные земли»; «...Когда русские князья, внявши просьбе половецкого хана Котяна («Хотена», т.е. «любимого»), стали собираться в поход против татар и пришли на Заруб к Варяжскому острову на Днепре, татары прислали послов (переводчиками были, видимо, *яицкие «бродные» люди* — курсив мой) и те передали...» [6, С.59]

В 1931 г. в журнале «Вольное казачество» (Прага, 1931) Ш. Балинов, ссылаясь на «генуэзеца Варбаро», пишет, что народ, «называемый азак-казак, говорит славяно-татарским языком» [1].

В XXI в. в Оренбургско-Казахстанско-Башкортостанском пограничном регионе евро-азиатская мозаика складывается из русского языка, потенции других языков характеризуются более узкой функцией. Наступает период, когда можно говорить об адстратной зоне со славяно-русским языковым влиянием.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балинов Ш. О происхождении казачества. http://clubs.ya.ru/4611686018427393751/replies.xml?item_no=84
2. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (б - К). М., 1971.
3. Казаки // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://www.mega-book.ru/Article.asp?AID=616846>
4. Личное дело Воробьева Н. И. // Архив Оренбургского государственного педагогического университета. Ф. 971. Д. 5701.
5. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области: Стат. сб. Оренбург, 2006.
6. Руделёв В. Г. Клятва о яицких рубежах / Рязанский окоём: избранные произведения / ред. И. Красногорская. Рязань, 2009.
7. Татищев В. Н. История Российская. История Российская, т.1. Глава 18. Остатки скифов, турки и татары. М., 1963.
8. Чибилёв А. А. Бассейн Урала: история, география, экология. Екатеринбург, 2008.
9. Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков // Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо: Тез. докл. М., 1991.

А. М. Азнабаев, Р. Т. Акбулатова, г. Уфа.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Состав диалектизмов башкирского языка весьма разнообразен, но их можно разделить на две большие группы: 1) фонетические (или лексические) диалектизмы, 2) морфологические диалектизмы.

Фонетические диалектизмы, в свою очередь, подразделяются еще на две группы: а) диалектизмы, согласные звуки которых отличаются от литературного языка и других диалектов. Примеры: *ағлак* (миасский говор), *алтырйан* (караидельский говор), *hah* (сальюгутский говор) и т.д.; б) диалектизмы, гласные звуки которых отличаются от литературного языка и других диалектов. Примеры: *һурау*, *бушыу* (эс *бушыу*), *булашыу*, *токмас* и др. (айский и миасский говоры).

Морфологические диалектизмы — это особенные формы грамматических категорий, используемые только в том или ином диалекте или его говоре. Примеры: в Аргаяшском говоре форма *ағайыма* употребляется в значении *ағайамдар* «мои братья», т.е. обозначает множественное число данного слова [Башкорт теленең диалекттары һүзлеге 2002, 11]. В том же говоре, как отмечает Н. Х. Максютлова, аффикс винительного падежа существительных отличается от литературной формы, т.е. вместо литературной формы *атын* (его лошадь), *алдын* (его дорогу) используются формы *атыны*, *алдыны* [Максютлова 1976, 109]. По утверждению С. Ф. Миржановой, в говоре гайна глаголы настоящего времени единственного числа третьего лица образуются при помощи аффикса — *ат/-эт*. Бер әдәм *кычкырат* (один человек кричит) — лит. *кыскыра*. А форма отрицания глаголов изъявительного наклонения будущего времени образуется при помощи аффикса —мар: *бармарым* (не пойду). Ғүмергә *бармарым* аңка (в жизни не пойду к нему). Мин *килмәрем* (я не приду) [Миржанова 1991, 248-249] — в литературном *бармасмын* — *бармам*, *килмәсмен* — *килмәм*.

В данной статье мы попытаемся раскрыть этимологию или историческую основу лишь нескольких фонетических диалектизмов, согласные звуки которых отличаются от литературных норм.

Интересны следующие диалектизмы: *буғаттау* (аргаяшский говор), *алтырйан* (караидельский говор), *коток* (сакмарский говор), *козок*, *козок*, *койок*, *койо* (в других говорах) [Башкорт теленең диалекттары һүзлеге 2002; 21, 59, 201]. Судя по трудам Дж. Г. Киекбаева, звук *т* употребляемый в середине древнетюркских слов, часто чередовался по формуле *т > д > з > ж > й* [Киекбаев 1958, 127]. Так, в древнетюркском языке было слово *кутук*, в современном якутском языке оно произносится *кутух*, тувинском — *кудук*, хакасском — *кузух*, а в говорах башкирского языка сохранились все формы, соответствующие формуле Дж. Г. Киекбаева: *коток*/ *козок*/ *козок*/ *койок*/ *койо* (колодец). Следовательно, в диалектизме *буғаттау* сохранился древний вариант со звуком *т*, в татарском возник новый вариант со звуком *з* (*буғазлау*), а в башкирском — вариант со звуком *з* (*буғазлау*). В диалектизме *алтырйан* сохранился самый древний вариант со звуком *т*, в других говорах он по формуле Дж. Г. Киекбаева перешел в звук *й*. *алтырзан*, а в последнем слове его звук *з* перешел в звук *й*, т.е. более поздний вариант указанной формулы.

В одном из трудов С. Е. Малова вместо современного звука *й* использован звук *д*: *адак* (айак, нога), *адгыр* (айгыр, жеребец), *адырыл* (айырыл, отделяться), *йадаг* (йэйэу, пешком) [Малов 1959; 89, 95]. Судя по формуле Дж. Г. Киекбаева, слово *адак* произошло от более древнего слова *атак*.

В современном башкирском языке функционируют два слова, произошедших от древней формы *атак* : *азак* (конец) и *аяк* (айак, нога) (*атак* > *адак* > *азак* > *азак* > *айак* (орфогр. Аяк)). Поэтому значения слов *азак* и *аяк* (айак) близки и выражения *баштан аяк* и *баштан азак*, имеющие тождественные значения, употребляются одинаково активно. В дёмском говоре первый вариант употребляется чаще: *Йыйылыштың аяғына хәтле ултырзы* [Башкорт теленен диалекттары һүзлеге 2002, 14] (Сидел до конца собрания). Итак, вариант *аяк* (*айак*), значительно сузив и конкретизовав свое значение, стал обозначать часть тела (нога), а значение варианта *азак* осталось более широким (конец). И в данном случае мы видим образование двух слов из одного древнего. Древние варианты некоторых звуков, как правило, сохраняются в пословицах и поговорках, как более устойчивых единицах языка. Скажем, не ясно значение слова *көтөк* в поговорке «Көтә-көтә *көтөк* булдык», оно отдельно не употребляется, не зафиксировано в словарях. Если попытаемся изменить это слово согласно формуле Дж. Г. Киекбаева, увидим следующую картину: *көтөк* > *көдөк* > *көзөк* > *көзөк* > *көйөк*. Эта поговорка должна была бы звучать так: «Көтә-көтә *көйөк* булдык». Варианты *көйөк* и *көзөк* употребляются с более конкретным значением и часто встречаются в произведениях писателей: Юк бит, бөгөн көтмәгәндә килеп тыуып, күңеленә *көзөк* һалған хәлдән котолалмай за куя (Н. Мусин, Илереү // Ағизел, 2002, № 10, стр.5).

В отдельных словах так же наблюдается след древнего звука **т**: в корне слова *азаш* (тезка) употребляется звук *з*, но это слово не связано со словом *аз* (мало), их значения не совпадают. По формуле Дж. Г. Киекбаева слово *азаш* произошло от слова *аташ*, а слово *ат* имеет значение *исем* (имя), значит, слово *азаш* должно иметь вариант *исемләш* (с таким же именем). Слово *ат* в значении *имя* встречается в языке писателей и поэтов: Улмәсбай *атлы* егет (М. Карим) (Парень по имени Ульмасбай). Часто употребляется выражение *атказанған укытыусы*, *атказанған артист*, которые обозначают учителя или артиста, получивших почетное имя или звание, а не коня (*ат*).

В этой статье мы попытались описать историческую основу (этимологию) лишь некоторых диалектизмов, состав согласных которых отличается от литературных норм. Таких диалектизмов очень много, следовательно, потребуется длительная кропотливая работа.

ЛИТЕРАТУРА:

Азнабаев Ә. М. Башкорт теленен диалектизмдары һәм улардың тарихи нигеҙе // «Ватандаш», 2012, №8. С. 168-174.

Башкорт теленен диалекттары һүзлеге. Өфө, 2003.

Кейекбаев Ж. Ф. Башкорт теленен фонетикаһы. Өфө, 1958.

Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа, 1996.

Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» Уфа, 1967.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 1991.

М. Е. Алексеев, Р. О. Муталов, г. Москва

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА:

ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ

В дагестановедении к настоящему времени накоплен богатый опыт сбора диалектного материала, однако пока нет специальных работ, посвящённых системному исследованию словарного состава отдельных диалектов. Диалектологические словари изданы лишь по аварскому (Саидова П. А., 2008), агульскому (Сулейманов Н. Д. 2001) языкам, причем последний последовательно отражает материал лишь двух диалектных единиц. Лексический материал даргинских диалектов фрагментарно привлекается в ряде работ (Услар 1892; Хайдаков 1973; Nikolayev, Starostin 1994; Гасанова 1971; Van den Berg 2001; Темирбулатова 2009; Гасанова У. 2011; Магомедов 2010 и др.). Однако ни по одному даргинскому диалекту пока нет полномасштабного словаря, охватывающего базовую лексику.

Сложность создания даргинского диалектологического словаря заключается, во-первых, в количестве диалектных единиц, подлежащих включению в словарь. Минимально в их число должны войти материалы пятнадцати диалектов – акушинского, урахинского, мугинского, муиринского, кайтагского, кубачинского, ицаринского, сирхинского, чирагского, кункинского, мегебского, цудахарского, мекегинского, губденского, кадарского (в целом исследователи выделяют в нем более 70 диалектных единиц). Эти диалектные единицы имеют значительные расхождения как на фонетическом уровне, так и в грамматическом строе, а также в лексическом составе, в связи с чем в лингвистических работах последних лет многие из них вполне обоснованно рассматриваются в качестве самостоятельных языков (например, в «Атласе кавказских языков» Ю. Корякова выделено 17 языков даргинской группы).

Поскольку до сих пор не издан даргинско-русский словарь, а также нет и словарей толкового, этимологического и др. – проведение лексикографической работы и в области диалектологии остается одной из актуальных проблем даргинского языкознания.

С другой стороны, в последние годы в связи с глобализацией и урбанизацией наблюдается интенсивный процесс исчезновения языков малых народов, начало которого обычно маркируется изменениями прежде всего в лексической системе. Безвозвратно теряются целые пласты лексики, связанные с традиционным укладом жизни горцев, профессионализмы (здесь следует напомнить, что многие даргинские села в прошлом имели свое традиционное ремесло: обработка камня, железа, дерева, златокузнечество, изготовление тканей, ковров, паласов, не говоря уже о традиционных формах животноводства, террасного земледелия, садоводства и т.д.), микротопонимы, лишь старшее поколение помнит слова оригинальные названия флоры и фауны, слова, связанные с террасным земледелием, обработкой дерева, производством тканей. Переселение горцев на плоскость приводит к конвергенции диалектов, и, пока живы представители старшего поколения, необходимо скорейшим образом задокументировать материал этих диалектов и говоров.

Кроме того, создание диалектологического словаря, в котором были бы показаны лексические особенности каждого диалекта и говора, позволило бы устранить большинство разногласий в вопросах классификации даргинских диалектов.

Многие даргинские диалекты и говоры сохраняют реликтовые формы, исчезнувшие в литературном языке и других дагестанских языках, чем привлекают внимание компаративистов и типологов. Однако отсутствие словаря диалектизмов значительно затрудняет полноценное включение даргинских материалов в общевосточнокавказские сравнительно-исторические исследования. Диалектологический словарь поможет лингвистам в проведении сравнительно-исторических исследований и этимологических изысканий как по даргинскому, так и по другим родственным дагестанским и кавказским языкам.

Не менее важны и прикладные аспекты. Так, ощущается острая необходимость такого словаря, который помог бы ученикам даргинских школ и студентам вузов, педагогам и журналистам, редакторам газет и журналов, а также переводчикам. Подобный словарь может помочь также той части даргинцев, которая выросла в городах, не знает родного языка, но проявляет к нему интерес и хочет его усвоить. Необходимость скорейшей документации и «паспортизации» языкового материала даргинских диалектов вызвана и тем, что проходят процессы конвергенции языков (ср., с одной стороны, влияние русского языка и, с другой – мировых, в том числе английского), приводящие к деформации существующей языковой системы.

Таким образом, диалектологический словарь должен включать прежде всего слова из основного лексического фонда, отражающие материальную и духовную культуру даргинцев, их историю, быт и связи с другими дагестанскими народами. Для решения данной задачи необходимо не только опираться на уже существующие словари основных диалектов и говоров с полным охватом лексического состава и отображением всех имеющихся в них фонетических и лексико-семантических особенностей, но и собрать дополнительный диалектологический материал по ряду единиц.

Следует отметить, что в словарь предполагается ввести и профессионализмы, которые в век глобализации подвергнуты исчезновению. Создание диалектологического словаря станет первым опытом подготовки масштабного свода лексики даргинских диалектов и будет способствовать переходу на качественно новый уровень исследований различных сторон даргинского языка, в частности, проблем сравнительно-исторического изучения языка и этимологии слов.

Необходимо также решить проблемы, связанные с разработкой принципов построения словарной статьи. Согласно рабочей гипотезе, в качестве исходной единицы словаря будет выступать записанная по фонетическому принципу форма акушинского диалекта, основы литературного даргинского языка. Заглавные слова в словаре будут располагаться в алфавитном порядке. Слова, присущие лишь одному или нескольким диалектам, будут даваться со специальной пометкой. Омонимы будут указаны в отдельных словарных статьях и снабжены висячей арабской цифрой. Для обозначения геминированных звуков будут использоваться удвоенные графемы (*тт*, *пп*, *кк* и т.д.), лабиализованные звуки будут обозначаться графемой *в*, используемой после согласных (*кьвял* «корова»), долгие гласные обозначаются черточкой над гласной (*ā*), а фарингализованные – с использованием знака «/» после гласной (*y/*). Диалектный материал предполагается расположить в словаре максимально компактно, без повторов. Существительные будут даны в форме именительного падежа единственного числа; начальной формой глагола в словаре будет служить инфинитив. При наличии в слове классных показателей в качестве исходной будет даваться форма 3-го грамматического класса; функционирующие в слове классные показатели будут выделены знаком «=». В целях терминологической, стилистической и грамматической характеристики к отдельным словам перед переводами предполагается давать пометы *ед.*, *мн.*, *мед.*, *дет.*, *анат.*, *шутл.*, *рел.*, *уст.* и т.д. (их состав представляет собой отдельную проблему).

При наличии семантических расхождений у данной лексики в соответствующей словарной статье в скобках будут указаны значения, присущие тому или иному диалекту или говору. Параллельно с составлением основного словаря предполагается подготовить стословник наиболее употребительных слов всех даргинских диалектов и говоров, позволяющий по лексикостатистическому методу Сводеша установить примерную датировку образования этих диалектных единиц, степени их близости между собой, а также уточнения классификации даргинских идиом; данные материалы будут обработаны для ввода в Интернет-сеть. Собранный диалектный материал будет тщательно перепроверен, систематизирован и проанализирован. Будет проведен сопоставительный анализ диалектных данных с материалом соседних диалектов и литературным даргинским языком.

Х. Ч. Алишина, г. Тюмень

ДИЛЯРА ГАРИФОВНА ТУМАШЕВА — ВЫДАЮЩИЙСЯ ТЮРКОЛОГ XX СТОЛЕТИЯ

В музее Казанского университета, наряду с именами выдающихся учёных Н. И. Лобачевского, Е. К. Завойского, А. М. Бутлерова, К. Ф. Фукса, А. В. Вишневского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. К. Казембека, Н. Ф. Катанова, золотыми буквами написано имя и оформлен стенд, посвященный жизни и деятельности первой женщины-академика Республики Татарстан, профессора, кавалера ордена Ленина Тумашевой Дилары Гарифовны. Именно здесь, в стенах Казанского университета, она прошла трудовой путь от ассистента кафедры до профессора, зав. кафедрой татарского языка, декана самого крупного в университете историко-филологического факультета. Здесь написала и подготовила к защите докторскую диссертацию «Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам» общим объемом 745 страниц. Ее работа обогатила новыми данными сравнительно-историческое языкознание и диалектологию. Особенно ценным для науки было открытие ею неизвестных ранее говоров, обоснование классификации и иерархии диалектных единиц сибирских татар. «Язык сибирских татар, относящийся к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы тюркской языковой семьи, сложился в течение многих столетий. Он имеет следующее диалектное членение: I. тоболо-иртышский диалект (тюменский, тобольский, заболотный, тевризский, тарский говоры); II. барабинский диалект; III. томский диалект (калмацкий, зуштинский говоры)».

В 1969 г. за исследование по данной проблеме Д. Г. Тумашевой присуждена учёная степень доктора филологических наук, в 1970 г. — звание профессора Казанского университета. В университетском издательстве вышли монографии «Язык сибирских татар» в двух частях, «Диалекты сибирских татар», «Словарь диалектов сибирских татар» и многие другие.

Дилара Гарифовна щедро делилась своими богатыми знаниями. Вела большую научно-общественную работу. Была известным и уважаемым человеком не только в Казани, Татарстане, России, СССР, но и за рубежом. В течение многих лет выполняла обязанности члена Советского комитета тюркологов, члена Совета по русскому языку при Президенте РФ, члена Совета по русскому языку при Правительстве РФ, была членом редакционного совета журнала «Советская тюркология», членом Комитета по реализации Закона РТ «О языках народов РТ».

С 1971 по 1980 гг. работала деканом историко-филологического факультета, возглавляла Совет по присуждению ученых степеней по историческим и филологическим наукам, являлась членом Научно-методического совета Минвуза СССР по высшему филологическому образованию. Диларой Гарифовной Тумашевой прочитаны циклы лекций и доклады в Башкирском, Якутском, Тюменском университетах, Тобольском и других педагогических институтах, Сегедском и Будапештском университетах, в обществе востоковедения Венгерской АН, в обществе им. Тукая в Финляндии.

Дилара Гарифовна Тумашева в течение тридцати лет была участником многих международных конференций, проводившихся в Москве, Казани, Новосибирске, Анкаре, др. В 1970-е-80-е гг. сотрудничала с учеными Сегедского университета им. Аттилы Йожефа (Венгрия). По приглашению проф. А. Рона-Таша прочла цикл лекций по татарскому языку для венгерских студентов. Под ее руководством в КГУ прошли стажировку тюркологи из Венгрии (Арпад Берта, Клара Адягаши, финно-угровед Габор Берецки), Румынии (Энвер Мамут, Али Недрет, Вуап Шукран).

В 2004 г. в Казани вышли в свет две биобиблиографические книги «Академик Тумашева», посвященные 75-летию Дилары Гарифовны. В этом сборнике аккумулирована научная тюркологическая мысль XX в. Каких знаменитых и авторитетных имен здесь только нет! Севортян, Рона-Таш, Грунина, Кононов, Тенишев, Ивановы, Убрятова, Дульзон, Хисамова, Добродомов, Ахметьянов, Ахметова, Кашшаф, Абдуллина, Рамазанова, Гарифуллин, Булатов... Авторы статей раскрывают суть научных трудов, характера, судьбы выдающейся современницы.

Отдельно нужно сказать о том, какую уникальную домашнюю библиотеку имела Диляра Гарифовна. Жемчужиной собрания книг является «Дивану-лугат-ат-тюрк» — «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгарского, собранный в XI в. — в 1072 г.! Помню, как Диляра Гарифовна привезла его из Турции, как с гордостью показывала в своем уютном домашнем кабинете. В мае 1987 г., во время подготовки к кандидатскому минимуму по немецкому языку, реферат писала по книгам, которые любезно предоставила мне Диляра Гарифовна.

Это три статьи Штейница о татарских, тюркских и селькупских заимствованиях в хантыйском (там использован и сибирский материал); работа Арпада Берты в Урало-алтайском ежегоднике о структуре, вокализме в поволжско-тюркском; работа Габора Берецки (зав. каф. Будап. ун-та) «Отношения между финно-угорскими и тюркскими языками в регионе Волго-Камья»; работа Арпада Берты «Русские заимствования в диалектах крещеных татар»; ст. Ж. Какук. О. Д. Немете — крупном венгерском учёном.

Нет нужды говорить о том, что только личная дружба с выдающимися зарубежными учёными позволяла иметь редчайшие труды в личном владении.

По линии обмена публикациями, научной информацией, рецензирования научных трудов Диляра Гарифовна имела контакты со многими зарубежными учёными: Герхардом Дёрфером (Геттинген), Ларсом Иохансоном (Майнц), В. Штейницем (ФРГ), Адамом Мольнаром (Венгрия), а также с Турецким лингвистическим обществом.

Диляра Гарифовна создала свою научную школу, в рядах которой двадцать один кандидат, семь докторов наук. Они трудятся в отраслевых институтах Академии наук РТ, Казанском, Томском, Тюменском государственных университетах, Казанском, Елабужском, Набережно-Челнинском, Абаканском педагогических институтах.

Диляра Гарифовна Тумашева очень многого достигла в своей жизни, сумела покорить сияющие вершины науки. В 43 года стала доктором наук, в 45 лет награждена орденом Ленина, в 51 год стала Заслуженным деятелем науки РТ, в 68 лет стала лауреатом Государственной премии РТ в области науки и техники, в 71 год — Заслуженным деятелем науки РФ, в 74 года избрана почетным членом Турецкого лингвистического общества. Одной из первых в 66 лет была избрана академиком Академии наук РТ.

Имя Диляры Гарифовны навечно вписано в историю отечественной науки. Ее душа, ее ум, сердце и мысли, весь труд ее жизни целиком и полностью были посвящены Сибири.

ЛИТЕРАТУРА:

Диляра Гарифовна Тумашева. Серия «Библиографические указатели ученых АН РТ». Казань, 2003. 56 с.

Академик Тумашева. Казань, 2004. 208 с.

Диляра Тумашева — выдающийся тюрколог XX столетия. Серия «Жизнь замечательных людей». Тюмень, 2011. 74 с.

Н.Д. Алмадакова, г. Горно-Алтайск

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕНГИТСКОГО ДИАЛЕКТА И ЕГО ГОВОРОВ

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть некоторые фонетические особенности теленгитского диалекта, распространенного на территории современного Улаганского района Республики Алтай в сопоставлении с алтайским литературным языком.

Носители современного теленгитского диалекта алтайского языка компактно проживают в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай. Теленгиты живут в соседстве с другими тюрко- и нетюркоязычными народами. Так, ближайшим тюркоязычным народом, живущим по соседству с теленгитами Улаганского района, являются тувинцы, которых местные жители (теленгиты) называют традиционно этнонимом сойон. Тувинцы (сойондор) являются ближайшими соседями также теленгитов Кош-Агачского района.

Известно, что язык теленгитов традиционно рассматривается как диалект алтайского языка, входящий в южную группу. В южную группу, кроме теленгитского диалекта, входят алтай-кижи, телеутский (баят) диалекты Северную группу диалектов алтайского языка составляют чалканский, кумандинский и туба диалекты. В основу алтайского литературного языка заложен алтай-кижи диалект, носители которого компактно проживают во многих населенных пунктах Онгудайского, Усть-Канского районов. Что касается Шебалинского района, то носители алтай-кижи диалекта проживают только в нескольких селах компактно, есть немало сел со смешанным населением, где преобладают русскоязычные. Особо следует отметить Майминский район, в котором алтайцы компактно проживают лишь в одном селе Сайдыс. Особенностью этого населенного пункта является то, что здесь преобладают носители туба-диалекта.

Теленгиты, живущие на современной территории Улаганского района, до укрупнения сел, становления колхозов и совхозов проживали с других урочищах, большая часть которых граничила с Тувой. Например, предки теленгитов, проживающих в селе Балыктуюль, до 1950 года проживали в населённом пункте Чодраа, который очень близко граничит с Тувой. Попутно заметим, что в тувинском языке есть слово чодыраа что означает «черёмуха». Теленгиты сохранили произношение, сохранилось и название местности. Местом рождения предки теленгитов села Балыктуюль был также населённый пункт Дьазулу (Язула). Это же село было родиной большинства теленгитов, проживающих в современных населённых пунктах Саратан, Улаган. Заметим, что село Язула близко граничит с Тувой. Из всего сказанного следует, что предки большей части современных теленгитов являлись в основном выходцами из местностей, граничащих с Тувой, соответственно есть основания утверждать, что два близкородственных народа – теленгиты (телениты) и тувинцы – имели тесную связь. Теленгиты Улаганского района тесно контактировали и с монголами, о чем свидетельствуют материалы исследования личных имен. Так, например, в языке современных теленгитов и современном литературном алтайском языке отсутствует слово *чулун*, которое по-монгольски означает «камень». Слово чулун является основой теленгитской фамилии Чулунов, широко распространенной только на территории Улаганского района.

На территории Кош-Агачского района теленгиты компактно проживают в селах Курай, Чаган – Узун, Белтир, Кокоря, хотя здесь есть также несколько казахских семей, а также смешанных семей. В таких селах как Мухор-Тархата, Чаган-Узун, Ортолык, Кош-Агаш, Джазатор проживает смешанное (казахи и телеленгиты) население. Следует отметить, что в Кош-Агачском районе проживает также другой тюркоязычный народ – казахи. Встречаются села со смешанным населением теленгитов и казахов. Теленгиты Кош-Агачского района тесно контактируют с монголами. В Кош-Агачском районе есть чисто казахские села: Жанааул, Тобелер. Что касается жителей Курая, то предки части населения являются выходцами территорий Телецкого озера, покинувшими свою родину в связи с христианизацией.

Таким образом, большинство современных сел Улаганского и Кош-Агачского районов не было исторической родиной теленгитов. Они появились в силу ряда известных исторических причин.

Язык теленгитов, пройдя длительный и сложный путь развития, претерпел различные изменения. В настоящее время язык населения Улаганского и Кош-Агачского районов представляет собой единый язык, характеризующийся единством грамматического строя, общностью субстратных элементов, хотя есть значительные расхождения, представляющие собой фонетические особенности.

Теленгитский диалект подразделяется на две группы, которые условно называем наречиями: наречие Улаганского района и наречие Кош-Агачского района, которые в свою очередь подразделяются на несколько говоров.

Так, наречие Улаганского района подразделяется на четыре говора: саратанско-язулинский, балыктуюльский, кара-кудюрский, чолушманский.

На саратанско-язулинском говоре говорит население, проживающее в селах Саратан и Язула. Балыктуюльский говор локализуется в селе Балыктуюль, он распространен также в селе Паспарта. Центром кара-кудюрского говора является село Кара-Кудюр. Этот говор частично распространен в селе Чибиля. Чолушманский говор распространен в селах Чолушманской (Челушманской) долины Коо, Балыкча.

Особо следует подчеркнуть чолушманский говор, по фонетическим особенностям резко отличающийся от других говоров. Большое влияние на чолушманский говор оказал туба-диалект. Носителями этого диалекта теленгиты Чолушманской долины имеют тесные контакты, проживают по обе стороны Телецкого озера, которое является транспортным путем передвижения теленгитов.

Кош-Агачское наречие теленгитского диалекта также подразделяется на несколько говоров: курайский, кокоринский, мухор-тархатинский. Курайском говоре распространен в с. Курай, кокоринский говор локализуется в с. Кокоря, мухор-тархатинский говор – в с. Мухор-Тархата.

В языке теленгитов Кош-Агачского района, кроме говоров, отмечается несколько подговоров: чаган-узунский, ортолыкский, теленит-сортогойский.

На наличие различных говоров кош-агачского наречия повлияло взаимодействие с другими тюркскими и нетюркскими народами. Так, на кокоринский говор повлияли тувинский и казахский языки, на мухор-тархатинский говор – казахский язык, на теленгит-сортогойский подговор повлиял казахский язык.

Язык теленгитов Улаганского района по просодическим, акцентологическим особенностям резко отличается от языка теленгитов Кош-Агачского района.

Так, улаганское наречие теленгитского диалекта имеет ряд особенностей, отметим лишь некоторые из них.

1. Для языка теленгитов Улаганского района характерно протягивание гласных конечного слога.

2. После звука **О** первого слога во втором слоге употребляется **а**. Эта особенность наблюдается, например, в двусловных непроединных именных и глагольных основах, в именных словоформах с показателем множественного числа. Сравним: теленгитский (далее тел.): *койан* «заяц» (алтайский (далее алт.): *койон*); тел.: *чолман* «звезда» (алт.: *чолмон*); тел.: *бода* = «думать», «считать» (алт.: *бодо* =); тел.: *чота* = «считать» (алт. *чото* =); тел.: *колдар* «руки» (алт. *колдор*).

3. После звука **О** первого слога во втором слоге употребляется гласный звук с призвучком **э**, тяготеющий к звуку **а**, но не доходящий до него. В силу того, что отсутствует знак (буква) для обозначения этого специфического звука, мы будем обозначать его как **а/э**. Сравним, например: тел.: *өрка/э* «суслик» (алт.: *өркө*); тел.: *көра/эрим* «посмотрю» (алт.: *көрөрим*); тел.: *көлдä/эр* «озёра» (алт.: *көлдөр*).

4. После звука **И, Э** первого слога во втором слоге появляется гласный звук с призвучком **э**, тяготеющий к звуку **а**, но не доходящий до него. Например, в именных словоформах с показателем множественного числа, в глагольных словоформах с аффиксами причастия. Сравним: тел.: *иста/эр* «следы» (алт.: *истер*), *жинта/эр* «молодёжь» (алт.: *жинтер*); тел.: *этта/эр* «мяса» (алт.: *эттер*), тел.: *кела/эр* = «придёт» (алт.: *келер* =), тел.: *кела/эта/ан* «приходил часто» (алт.: *келеген*).

5. В именных словоформах с показателем принадлежности обнаружены следующие сингармонические цепочки:

а) после губного **О** первого слога употребляется **у**; после **Э, И**, первого слога следует с призвучком **э**, тяготеющий к звуку **а**, но не доходящий до него. Кроме того, в отличие от литературного алтайского языка, в теленгитском диалекте употребляется только стяженная форма алломорфов. Гласный во втором слоге произносится с протягиванием. Сравним, например: тел.: *колуус* «рука = наша» (алт.: *колыс, колыбыс*);

б) после **У** первого слога следует **ү**. Например: тел.: *жүзүүс* «лицо = наше» (алт.: *жүзис, жүзибис*); тел.: *эна/аас* «мама = наша» (алт.: *эне(е)с, энебис*),

в) после **О** первого слога следует **ү**. Например: тел.: *көлүүс* «озеро = наше» (алт.: *көлис, көлибис*); тел.: *сөзүүс* «слово = наше» (алт.: *сөзис, сөзибис*).

6. В формах изъявительного наклонения со значением действия, совершившегося недавно от момента речи, с показателями лица обнаружены следующие сингармонические модели:

а) после гласного **А** первого слога во втором слоге следует **у**. Заметим, что этот звук произносится с долготой. Например: тел.: *бардуус* «пошли = мы» (алт.: *бардыс, бардыбыс*); тел.: *айтуус* «сказали = мы» (алт.: *айтыс, айтыбыс*);

б) после гласного **Е, И** первого слога во втором слоге следует **ү**. Например: тел.: *келдүүс* «пришли = мы» (алт.: *келдис, келдибис*); тел.: *кирдүүс* «зашли = мы» (алт.: *кирдис, кирдибис*);

в) после **О** первого слога во втором слоге следует **ү**. Напр.: тел.: *көрдүүс* «видели = мы», «смотрели = мы» (алт. *көрдис, көрдибис*).

Форма будущего времени с показателем первого лица множественного числа в языке теленгитов также имеет специфические фонетические особенности: употребляется алломорф с губным гласным, который произносится с протягиванием. Например, сравним: тел.: *бараруус* «пойдём = мы» (алт.: *барарыс, барарыбыс*); тел.: *кела/эрүүс* «придём = мы» (алт.: *келерис, келерибис*); тел.: *көра/эрүүс* «посмотрим = мы» (алт.: *көрөрис, көрөрибис*), тел.: *кира/эрүүс* «зайдём = мы» (алт.: *кирерис, кирерибис*).

Представляет несомненный интерес сопоставление некоторых полученных результатов с данными шорского, тувинского языков. Так, в теленгитском диалекте в именных двусловных словоформах с аффиксом личной принадлежности сохраняются элементы губной гармонии гласных. Аналогичное явление отмечается в шорском (*көлү*), тувинском (*хөлү*) языках [Селютин, 2002, 86]. Что касается двусловных именных словоформ с аффиксом множественного числа, то в теленгитском диалекте обнаруживается нарушение последовательности губной гармонии (*колдар*), что оказывается характерным и для тувинского языка (*холдар*) [Селютин, 2002, 86]. Сходство теленгитского диалекта с тувинским языком обнаруживается также в отклонении от губной гармонии гласных в непроединных именных основах: тел.: *койан* «заяц», тув.: *кодан* [Исхаков, Пальмбах, 1961, 48]. Как и в тувинском языке (*ушту, өстү*) [Исхаков, Пальмбах, 1961, 365], в теленгитском языке формальным показателем прошедшего времени выступает алломорф с губным гласным.

Таким образом, если в литературном алтайском языке лишь в двух из восьми сингармонических цепочек в именных словоформах с огубленным гласным начального слога (**О-о, Ö-ö**) соблюдается губная гармония гласных [Селютин, 2002, 88], то в теленгитском диалекте сохраняется сингармоническая система. В теленгитском диалекте, в отличие от литературного языка, показатели числа с губным гласным, показатели прошедшего времени с узким гласным **ы, и** не употребляются.

ЛИТЕРАТУРА:

- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961 470 с.
Селютин И.Я. Фонетика языков народов Сибири. Горно-Алтайск, 2002. С. 100.

ЕЩЕ РАЗ О ТОПОНИМЕ «МАГАШ»

В нескольких районах Республики Башкортостан встречаются топонимы, имеющие в своем составе слово «магаш» — «Магашлы», «Магашты», «Магашлы Алмантай» или просто «Магаш» [Словарь. 1980 : 102].

Известный башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев высказал мысль, что топоним «Магаш», вполне возможно, достался башкирам как наследие от предков мадьяр, когда-то живших на Южном Урале, что в переводе с мадьярского языка на русский этот Магаш означает «высокий» [Киекбаев, 2002 : 115]. В родном для Дж. Г. Киекбаева Гафурийском районе РБ имеется гора Магаш, что как гора, вполне, может вписаться в понятие «высокий». Поэтому с такой трактовкой Дж. Г. Киекбаева названия указанной горы согласились другие башкирские топонимисты. Гора, действительно, может носить название «Высокая». В подтверждение этого на территории Южного Урала можно указать на башкирские топонимы «Бейектау» (Высокая гора), «Бейек түбә (Высокий холм)». В этом смысле, название горы «Магаш» в Гафурийском районе можно было бы считать как наследием от предков мадьяр. Однако не все «Магашы» в Башкортостане связаны с горами, есть как водные объекты, так и населенные пункты, которых вряд ли можно обозначить словом имеющим значение «высокий». Особенно когда речь идет о таком топониме как «Магашлы», «Магашты». Если к отдельному слову «магаш» могут быть применимы понятие «высокий», то к топонимам «Магашты, Магашлы» слово «высокий» никак не применим. В башкирском языке нет конструкции «бейекле», то есть «с чем?» («с высоким»), если согласиться с предположением Дж. Г. Киекбаева, что топоним «Магаш» содержит в себе понятие «высокий».

Действительно, в мадьярском языке есть слово «могош» близкое, вроде бы, по звучанию к башкирскому Магаш и означает это слово «высокий».

По поводу этого слова во время одной из встреч в Уфе, мы проконсультировались с венгерским исследователем Габором Дьюни, которым были проведены исследования топонимов Южного и Среднего Урала на предмет их связи с древними мадьярами. Со слов Габора Дьюни, в мадьярском языке, действительно, есть, созвучное к башкирскому «магаш», слово «могош», но оно является новообразованием и в период нахождения предков мадьяр на востоке данного слова в их языке не было. Поэтому признать башкирские топонимы Магаш оставленными предками мадьяр невозможно. Сами исследователи из Венгрии южноуральский топоним «Магаш», «Магашлы», «Магашты» никак не считают мадьярским наследием. В частности, известный исследователь А. Рона-Таш слово «Магаш» считает иранским, для этого, как покажем ниже, есть все основания.

Возникает вопрос — «чьим же наследием, если не венгерским, является указанное слово и что оно означает, если не содержит в себе понятия «высокий» с мадьярского?».

Оказывается, топонимы со словом «магаш» имеются не только на Южном Урале, но имеют более широкий ареал распространения. У восточного автора X века аль Масуди есть сведения о том, что у кавказских алан столица называлась Магас [Калоев, 2004 : 83]. В настоящее время Магасом называется новая столица Республики Ингушетии.

Русским путешественником XIX Г. Н. Потаниным на южных склонах Тянь-Шаня во внутренней Монголии у города Хами к востоку от Кошети-дабана зафиксирована небольшая река Магашгол [Потанин. 1948. 102]. Говорить о монгольском Магаш-голе как мадьярском следе оснований не имеется, так как еще ни одним из исследователей не заявлено о нахождении в тех краях предков мадьяр. В то же время это искомое слово нами было обнаружено во всех тюркских языках Сибири. В алтайском, тофаларском, тувинском, хакасском, шорском языках это слово в варианте «маас», «мааш» означает «овод» [Рассадин. 1981. 227; Сунчугашев. 2009 : 149].

Кроме языков тюрков Сибири, это же слово еще до нашей эры зафиксировано в иранских языках, в частности, в Авесте. В иранских языках это слово по звучанию более близко к башкирскому и звучит как «Magas» — муха, «Хармагас» — овод [Боголюбов. 1969 : 92], в некоторых случаях «qarماغas» — большая муха, зеленая мясная муха [Марр. 1939 : 160].

Если заглянуть в историю еще глубже, то близкое по звучанию к «магаш» слово можно обнаружить в индо-арийских языках. Например, раннее арийское *mekša > makša* — др.инд. *makṣa*, *makṣ* — «муха», «пчела» [Напольских. 2010 : 231; Гамкрелидзе, Иванов, 1984 : 923]. У цыган группы лавари муха называется «Маач» [Русско-цыганский..., 2001 : 59]. Исследователи происхождения цыган связывают с древними арийскими племенами. Поэтому, не удивительно, что в их языке муха обозначается фонетически близким к арийскому *makṣa*, *makṣ* словом «маач».

В связи с этим возникает вопрос — «а не являются ли наши башкирские топонимы Магаш, Магашлы, Мәкәш, Мәкеш наследием тех далеких времен?». Вполне даже возможно, что наши южноуральские топонимы восходят к этому арийскому «*mekša > makša*».

Поэтому нам кажется, что значение этого топонима надо объяснять не из с мадьярского, а из других языков. Башкирская форма «магаш» как наиболее древний фонетический вариант сохранил в себе звук «ғ», который у других тюркоязычных народов уже исчез. Таким образом, можно сказать, что топоним «Магаш» является наследием не угорским, а древнетюркским, а, если учесть фиксацию этого слова еще в индо-иранских языках, то, возможно, оно является у башкир наследием индо-иранским через сармато-аланских предков башкир. Связь башкир с сарматами, аланами и нахождение их на Южном Урале у историков не вызывает сомнений, в частности, в Стерлитамакском районе РБ археологами раскопаны курганы, имеющие отношение к аланам. С аланами связывается история башкирского племени бурзян. На территории Южного Урала археологами выявлены многочисленные курганы саков, массагетов, сармат, говоривших на одном из восточноиранских наречий.

Как видим, все фонетические варианты слова «Магаш» («магас», «маас», «мааш» и др.) обозначают какие-либо летающие насекомые. В современной Республике Башкортостан, например, известны топонимы «Себенле», «Чебенки», которые в переводе на русский означают «Мушинные». Наши предки словом «магаш», видимо, обозначали места, изобилующие или оводами, или же определёнными видами мух. Такие места, видимо, выделяются изобилием каких-то разновидностей летающих насекомых, что дало народу их выделить особо.

Таким образом, топонимы могут служить дополнительным источником при изучении этногенеза народа.

ЛИТЕРАТУРА:

- Боголюбов М. Н. Персидские слова с хаг и каг и рыба кара в Авесте // Иранская филология. М., 1969. С. 91-93.
Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Книга II. Тбилиси., 1984.
Калоев Б. А. Осетины. М., 2004.
Киекбаев Дж. Г. Избранные работы. Уфа. 2003.
Марр Ю. Н. Берский конь у персидских авторов // Труды института языка и мышления им. Марр Н.Я. Т.3. М.-Л., 1939. С. 144-173.
Напольских В. В. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сб.ст. памяти В.А.Сафронова). М., 2010. С. 229-243.
Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии. М., 1948.
Русско-цыганский, цыганско-русский словарь (ловарьский диалект). М., 2001.
Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. Абакан, 2009.

Asimi Oluwafemi Musibau, China

MUTUALLY INTELLIGIBLE LANGUAGES OR VARIETIES OF ONE LANGUAGE

Резюме

В статье рассматриваются вопросы языкового взаимопонимания и диалектные особенности отдельных языков. Автор привлекает данные по китайскому, арабскому, английскому, немецкому, украинскому и другим языкам. В статье приводится различие между симметричным и несимметричным пониманием между носителями близкородственных языков.

In linguistics, **mutual intelligibility** is a relationship between languages or dialects in which speakers of different but related languages can readily understand each other without intentional study or special effort. It is sometimes used as a criterion for distinguishing languages from dialects, though sociolinguistic factors are also important.

Intelligibility between languages can be asymmetric, with speakers of one understanding more of the other than speakers of the other understand of the first. When it is relatively symmetric, it is characterized as 'mutual'. It exists in differing degrees among many related or geographically proximate languages of the world,

There is no formal distinction between two distinct languages and two varieties of a single language, but linguists generally use mutual intelligibility as one of the primary factors in deciding between the two cases.^{[1][2]} Some linguists claim that mutual intelligibility is, ideally at least, *the* primary criterion separating languages from dialects. On the other hand, speakers of closely related languages can often communicate with each other to a fair degree; thus there are varying degrees of mutual intelligibility, and often other criteria are also used. As an example, in the case of a linear dialect chain that shades gradually between varieties, where speakers near the center can understand the varieties at both ends, but speakers at one end cannot understand the speakers at the other end, the entire chain is often considered a single language. If the central varieties then die out and only the varieties at both ends survive, they may then be reclassified as two languages, even though no actual language change has occurred.

In addition, political and social conventions often override considerations of mutual intelligibility. For example, the varieties of Chinese and of Arabic are often each considered a single language even though there is often no mutual intelligibility between geographically separated varieties. In contrast, there is often significant intelligibility between different Scandinavian languages, but as each of them has its own standard form, they are classified as separate languages. To deal with the conflict in cases such as Arabic, Chinese, and German, the term *Dachsprache* (asociolinguistic 'umbrella' language) is sometimes seen: Arabic, Chinese, and German are languages in the sociolinguistic sense even though some speakers cannot understand each other without recourse to a standard or prestige form.

Asymmetric intelligibility

Asymmetric intelligibility is a term used by linguists to describe two languages that are considered mutually intelligible, but where one group of speakers has more difficulty understanding the other language than vice versa. There can be various reasons for this. If, for example, one language is related to another but has simplified its grammar, the speakers of the original language may understand the simplified language, but not vice versa.

In other cases, two languages have very similar written forms, but are pronounced very differently. If the spoken form of one of the languages is more similar to the common written form, speakers of the other language may understand this language more than vice versa. This may account for the common claim that Portuguese speakers can understand Spanish more easily than the other way around,^[citation needed] since certain letters that are largely written the same in both languages (e.g. <aeiourns>) tend to have only one pronunciation in Spanish (or if there are multiple pronunciations, they are similar) but they have multiple, often very different pronunciations in Portuguese depending on context and the position in a word.

However, perhaps the most common reason for apparent asymmetric intelligibility is that speakers of one variety have more exposure to the other than vice versa. For example, speakers of Scottish English have frequent exposure to American English through movies and TV programs, while speakers of American English have little exposure to Scottish English; hence, American English speakers often find it difficult to understand Scottish English, while Scottish English speakers tend to have few problems understanding American English.

In some cases it is hard to distinguish between mutual intelligibility and a basic knowledge of other language. Many Belarusian and Ukrainian speakers have a basic knowledge of Russian and use it as a second language or lingua franca. Thus they can understand Russian, while speakers of Russian can understand Ukrainian and Belarusian only partially.

Norwegian Bokmål and Standard Danish have some asymmetric intelligibility, as speakers of Norwegian can understand Danish better than vice versa.^[3] The reason for this is uncertain.

В. Н. Асмондьяров, З. Ф. Шайхисламова, А. Г. Шайхулов, г. Уфа

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье нами впервые предпринята попытка осмыслить идеографические характеристики диалектов ряда тюркских языков народов Урало-Поволжья в сравнительном аспекте на материале говоров башкирского языка. Необходимо заметить, что пока не составлена идеографическая характеристика башкирских говоров, не представляется возможным предварительно интерпретировать сводный корпус «Диалектологического атласа башкирского языка» и дать более объективную характеристику его говоров и подговоров, т.е. их многоаспектную классификацию.

Для достижения поставленной цели мы рассматриваем собранный нами языковой материал башкирского разговорного языка в рамках четырех когнитивных сфер. В этом отношении мы не являемся сторонниками употребления идеографической системы, выработанной в 50-х годах известными немецкими лексикографами Р. Халлигом и В. фон Вартбургом (I Вселенная, II Человек, III Человек и Вселенная) [Hallig, Wartburg, 1963]. Причиной этому является то, что данная классификация, по нашему мнению, сопряжена с исследованием и характеристикой исключительно одного, отдельно взятого языка в методических целях.

В целом, в данной работе мы делаем попытку осмыслить лексико-семантические нюансы апеллятивных единиц башкирского разговорного языка. Как уже было отмечено ранее, в рамках идеографической парадигматики мы рассматриваем четыре когнитивные сферы, предложенные и разработанные А. Г. Шайхуловым: I. Природа (живая и неживая); II. Человек (человек как живое физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица государственной струк-

туры, человек в идеологической системе общества, человек как функциональная единица в общественной жизни); IV. Познание [Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. 2004, 5]. Примечательно, что данная идея была удачно апробирована и в работе З. Ф. Шайхисламовой «Топонимия северо-востока Башкортостана» [Шайхисламова З. Ф. 2009].

В работе мы рассматривали апеллятивные единицы, подходящие четырем указанным сферам в говорах и подговорах башкирского, чувашского и татарского языков. В рамках данной статьи несколько подробнее остановимся лишь на материалах относящихся сфере «Природа (неживая и живая)».

1. Неживая природа:

1.1. Земля, виды земного рельефа: «поляна» – алан (башк., северо-западн. д.), аклан (тат., юж. д. баш. яз., менз. говор сев.-зап. д. баш. яз.), усланка (чув. верх. д.); «низменность» – лыжыгу (башк., караид. говор), йажу (тат. менз. говор), айлам (чув. низовой д.);

1.2. Вода, виды водных объектов и поверхностей: «пруд» — буа (башк. демск. говор) /буам (башк. гайн. говор), бума (тат. шарл. говор), певе (чув. верх. д.);

1.3. Небо, космос. Виды небесных тел.

1.4. Природные явления: «зарница» — нэжегэй (башк. демск. говор), нажагай (тат.; юж. д. баш. яз., менз. говор сев.-зап. д. баш. яз.), саван (чув. верх. д.);

1.5. Погода. Состояние погоды: «ветер» — жил /зил (башк. северо-западн. д.), йел (башк. южн. д.), жил (тат. сред. д.), сил (чув. верх. д.);

2. Живая природа:

2.1. Мир флоры:

2.1.1. Грибы: «гриб» — мәшкә (башк. северо-западн. д.), кампа (чув. верх. д.);

2.1.2. Травы: «осока» - кыяк (башк. гайн., сакм. говор), кыяк (тат. сред. д.), хаях (чув. Верх. д.);

2.1.3. Цветы.

2.1.4. Кустарники.

2.1.5. Деревья: «черемуха» — шоморт (башк. северо-западн. д.) муйыл (южн. д.), йомырт (тат. барабинск. д.), сәмерт (чув. верх. д.);

2.1.6. Строения и особенности мира флоры.

2.2. Мир фауны:

2.2.1. Насекомые: «слепень» — кигәүен /көгәүен (башк. северо-западн. д.), гегәүен (башк. южн. д.), бөгәлжә (тат. перм. говор), паван (чув. верх. д.);

2.2.2. Земноводные.

2.2.3. Пресмыкающиеся.

2.2.4. Рыбы.

2.2.5. Птицы: «скворец» — сийырсык (башк. южн. д.), пакцар (тат. тюрм. говор), шанкарг (чув. низов. д.);

2.2.6. Животные, звери: «кобель» — арзан (башк. вост. д., южн. д.), «самец у кошек и собак» — арлан (тат. центр. д.), «самец» — аса (чув. верх. д.); «лось» — мышый (башк. средне-уральск., демск. говоры) / пышый (башк. северо-западн. д.), моши (тат. миш. д.), паши (чув. верх. д.); «крыса» — ялман (башк. демск. говор), ялман (тат. турб. говор), еке хуре (чув. верх. д.).

2.2.7. Особенности строения мира фауны.

Очевидно, что предложенные выше примеры не могут всецело охарактеризовать идеографические нюансы народных говоров указанных языков, ибо диалектный материал имеет достаточно большой объем и требует тщательной обработки и анализа. Поэтому неудивительно, что ряд когнитивных сфер в данной статье не снабжен примерами. Следует также заметить, что не все предложенные образцы в равной степени тождественны друг другу. Наблюдается как абсолютная [«осока» — кыяк (башк. гайн. говор, сакм. говор), кыяк (тат. сред. д.), хаях (чув. верх. д.)] и частичная [«цыпленок» — пипей (башк. северо-западн. д.), «цыпленок, детёныш» — пиши (тат. менз. говор), чепе (чув. низов. д.)] тождественность, так и полное ее отсутствие [«слепень» - кигәүен /көгәүен (башк. северо-западн. д.), гегәүен (башк. южн. д.), бөгәлжә (тат. перм. говор), паван (чув. верх. д.)].

ЛИТЕРАТУРА:

Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.

Диалектологический атлас башкирского языка. Уф., 2005. 234 с., 169 карт.

Большой диалектологический словарь татарского языка/ Татар теленен зур диалектологик сүзлеге. Казань, 2009. 839 стр.

Сергеев Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 2006. 159 с

Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (Опыт лексико-семантического и идеографического словаря. Часть II. — Словарь однословных

корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья: монгольских, тунгусо-маньчжурских языков в рамках когнитивных сфер "Природа", "Человек", "Общество", "Познание (априори)". Уфа, 2004. 200 с.

Шайхисламова З. Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана: историко-лингвистический анализ. Уфа, 2009. 209 с.

Шайхулов А. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, междюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы "Природа не живая и живая" А. Шайхулов. Уфа, 2000. 494 с.

R. Halling und W. von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexicographie. Berlin, 1963.

Н. В. Ахмадиева, г. Уфа

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БАШКОРТОСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Башкирское население: социально-демографические характеристики (на примере Башкирской АССР 1959 – 1989 гг.) (проект № 12 – 11 – 02006)

На современном этапе изучения языковой ситуации в Башкортостане в научных кругах не существует единого мнения по поводу северо-западных башкир. В частности, в башкирской диалектологии сложилось устойчивое мнение, что группа северо-западных башкир (Аскинский, Балтачевский, Бураевский, Дюртюлинский, Илишевский, Краснокамский, Татышлинский, Туймазинский и др. районы) владеет не татарским языком, а северо-западным диалектом башкирского языка, подтверждением чему служит ряд серьезных многолетних исследований. Данный диалект сформировался в результате длительного общения и сотрудничества северо-западных башкир с пришлыми народами Среднего Поволжья (татарами, чувашами, марийцами, мишарями, удмуртами, мордвой), многосторонних ассимилятивных процессов в быту, в культурных традициях и т.д. На основе взаимодействия двух близкородственных народно-разговорных языков (татарского и башкирского) в регионе сформировался самостоятельный северо-западный диалект башкирского языка со своими особенностями. Однако, сами северо-западные башкиры, обладая двойственной башкиро-татарской этнической идентичностью, считали себя татароязычными. Вполне вероятно, что при проведении переписей 1959–1989 гг., башкиры, носители северо-западного диалекта башкирского языка, были отнесены к категории тех, кто «считает родным другие языки». Под другими языками в основном подразумевался татарский язык [Миржанова 2006; Бердин 2010, 74–88; Северо-западный диалект... 2008 и др.].

Существуют и другие научные оценки этноязыковой и этнодемографической ситуации в северо-западных и западных районах республики. Так, некоторыми исследователями отрицается научный факт существования северо-западного диалекта башкирского языка у башкир данного региона, их всех относят к татароязычным. Кроме того, ставится под сомнение этническая самоидентификация башкир данного региона [Сафин 1997, 191–223; Сафин 2000]. Неудивительно, ведь вопрос о рассмотрении разговорного языка северо-западных башкир в качестве самостоятельного диалекта в диалектной системе башкирского языка, долгое время не находил окончательного решения. Это стало одной из причин, препятствовавших реализации права башкирского населения северо-западного региона на обучение своих детей на национальном литературном башкирском языке. В официальных кругах республики и среди общественности установилось ошибочное мнение, что родным языком северо-западных башкир является татарский язык. Данный научно необоснованный взгляд оказал негативное влияние на проведение объективной языковой политики в республике. Обучение на татарском языке и изучение татарского языка как родного вместо башкирского привело к постепенной утрате в этих районах диалектных особенностей башкирского языка. Этот процесс происходил, прежде всего, в области фонетики народной разговорной речи. Несмотря на это, живой разговорный язык северо-западных башкир оказался устойчивым и на современном этапе сохранил наиболее важные диалектные особенности [Шакуров 2012, 160–161]. Таким образом, языковая ситуация в республике в отношении башкирского населения была осложнена разноречивыми направлениями языковой политики – русификаторской и татаристской.

Существует мнение, что русификация общеобразовательной школы в БАССР в 1970–1980-е гг. в большей степени затронула интересы не башкирского, а татарского и другого нерусского населения. К таким выводам, в частности, склонялся еще в конце 1990-х гг. этносоциолог Ф. Г. Сафин, рассматривая проблемы возникновения конфликтогенности в языковой сфере Башкортостана. Действительно, статистические материалы, приведенные автором, показывали, что с 1970/71 по 1988/89 учебные годы число детей, обучавшихся на башкирском языке, сократилось

всего в 2,3 раза, а татарских – в 8,9 раз. Кроме того, за этот период число башкирских школ возросло с 759 до 1215, а татарских уменьшилось с 1150 до 457. Автор постоянно заявлял о процессах «башкиризации татарских школ», особенно в северо-западных, населенных «преимущественно татарами» районах [Сафин 1997, 191-222]. В то же время, приводя массу фактических подтверждений конфликтогенности языковой ситуации в республике он почему-то старательно умалчивал тот факт, что в течение 1970-х гг. в сфере школьного образования БАССР татарский компонент преобладал над башкирским. К тому же, количество татарских школ и обучавшихся на татарском языке учеников преобладало и раньше – в послевоенные и 1960-е гг. Следовательно, приходим к выводу, что в сфере школьного образования титульная башкирская нация имела меньшие права в реализации родного языка, чем татарское население Башкирской республики.

В отношении «башкиризации татарских школ» северо-западного региона, исконными жителями которого, наряду с другими этносами, являлись и являются башкиры, также возникают вопросы. В 1984/85 учебном году (когда, по мнению Ф. Г. Сафина, «башкиризация» школьного образования достигла «большого размаха») в северо-западном Аскинском районе процент обучавшихся на башкирском языке составлял 24,4%, на татарском – 24,9% от общего числа учеников. Аналогичные данные по Благоварскому району составили по башкирскому языку – 14,5%, по татарскому языку – 18,8%, по Бураевскому району, соответственно, 4,6% и 7,4%, по Дюртюлинскому – 0,0% и 14,5%, Краснокамскому – 1,5% и 29,1%, Татышлинскому 34,6% и 24,1%, Туймазинскому – 43,6% и 26,6%, Шаранскому – 1,6% и 39,8% и т.д. Из перечисленных районов лишь в Татышлинском и Туймазинском доля обучающихся на башкирском языке чуть превалировала, в остальных районах башкирский язык занимал очень слабые позиции, которые еще более утратились к 1988/89 учебному году [Сафин 1997, 200-201, 218-220]. Таким образом, делать выводы о «сплошной башкиризации школ в татароязычных районах», на наш взгляд, не вполне обоснованно и научно.

Отметим лишь, что в начале 1980-х гг. в ряде школ северо-западных районов республики было введено изучение башкирского языка как предмета, а в некоторых начальных школах вводилось обучение на башкирском языке. Однако, данные мероприятия не могли выровнять имеющийся дисбаланс в системе языковой образовательной политики, что приводило к развитию ассимиляционных процессов в языковой сфере.

В республике создавались предпосылки для развития языковой ассимиляции башкир, как в сторону русскоязычия, так и татароязычия, о чем свидетельствуют материалы переписей населения за соответствующие годы. В 1959 г. 1,0% башкир сочли родным русский язык, в то время как 41,4% назвали другие языки [Башкортостан и башкиры в зеркале статистики 1995, 30]. К другим языкам следует, с большой степенью вероятности, отнести башкир, носителей северо-западного диалекта башкирского языка. Безусловно, определённая часть башкирского населения республики была татароязычной. Выявление долевого соотношения татарского языка и северо-западного диалекта башкирского языка в категории «других языков», учтенных в переписях населения, представляется весьма сложной задачей. В то же время, не следует делать поспешный вывод о масштабах языковой ассимиляции башкирского населения в сторону татароязычия.

Еще раз отметим, что феномен двойственной этнической самоидентификации сыграл не последнюю роль в развитии этноязыковой ситуации в республике. Именно в северо-западном регионе был наименьший процент коренного населения, признающего родным башкирский язык. Известный этнограф Н. В. Бикбулатов объяснял это явление тем, что еще до революции 1917 г. у татар и башкир Мензелинского, Бирского, Осинского, частично Уфимского и Белебеевского уездов разговорный язык приобрел черты, общие для обоих народов. При выработке норм башкирского литературного языка в 1923 г. диалектные особенности языка башкир этих территорий не были учтены. В результате нормы татарского литературного языка, во многом продолжавшие традиции старого тюрки, для них оказались более доступными, чем башкирского. Начиная с 1926 г. башкиры северо-западных районов республики во время переписей населения стали идентифицировать свой разговорный родной язык с татарским, хотя между ними имеются заметные различия. В результате произошел разрыв между этнической (национальной) и языковой принадлежностью западных башкир. Обучение в школах на татарском языке, печать, телевидение и радио усиливали этот разрыв, и каждое следующее поколение было склонно преодолевать возникшее «противоречие» путем перехода в татарскую национальность [Бикбулатов 1992, 53-54].

В подтверждение вышесказанного отметим, что в 1959 г. по данным официальной статистики, доля башкир, признавших родным языком башкирский язык в Аскинском районе составила лишь 13,1%, в Бакалинском районе 2,3%, в Балтачевском – 0,0%, Белебеевском 14,6%, Бирском – 12,8%, Благоварском – 1,9%, Благовещенском – 14,4%, Буздякском – 13,1, Бураевском – 0,5%, Дюртюлинском – 2,2%, Ермекеевском – 1,7%, Иглинском – 11,7%, Илишевском – 4,4%. Калтасинском – 5,3%,

Краснокамском – 2,2%, Кушнаренковском – 1,6%, Мишкинском – 5,4%, Туймазинском – 2,0%, Чекмагушевском – 2,7%, Шаранском – 1,6%. Доля башкирского населения в указанных районах варьировалась от 3,1% в Бирском до 62,5% в Илишевском районе, т.е. этот фактор не оказывал прямого влияния на языковые предпочтения коренных жителей республики [Юлдашбаев 1995, 45-47]. Столь низкий процент башкир, признавших родным языком башкирский, должен был неумолимо свидетельствовать о процессах их практической полной языковой ассимиляции. Однако обязательным условием при оценке языковой ситуации в данных районах БАССР является принятие во внимание наличия северо-западного диалекта башкирского языка, близкого к области фонетики народно-разговорному татарскому языку, что вызывало путаницу при оценке языковой принадлежности у башкир.

К концу изучаемого периода языковая ситуация в городах существенно не меняется. По данным переписей населения, в 1989 г. по сравнению с 1959 г., доля башкирского населения возрастает во всех городах республики. В то же время чуть большей становится доля башкироязычного коренного населения в Уфе. В Бирске доля башкир, признающих родным башкирский язык возрастает до 54,5%. В гг. Нефтекамске, Октябрьском, Туймазы, находящихся на северо-западе республики, доля башкироязычных башкир составляла менее половины населения. В городах Зауралья и Приуралья – Сибее, Учалах, Мелеузе, Белорецке – доля башкир, указавших родным языком язык своей национальности была выше 90% [Юлдашбаев 1995, 48-51].

В ряде северо-западных и других районов республики, произошло увеличение доли башкир, признающих родным язык своей национальности. Так, в Аскинском районе доля башкироязычного коренного населения между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилась с 13,1 до 41,0%, в Белебеевском районе – с 14,6 до 45,5%, в Бирском – с 12,8 до 39,1%, в Благоварском – с 1,9 до 35,1%, в Благовещенском – с 14,4 до 75,5%, в Дюртюлинском – с 2,2 до 25,5%, Ермекеевском – с 1,7 до 15,0%, Калтасинском – с 5,3 до 46,8%, Караидельском – с 54,7 до 78,1%, Краснокамском – с 2,2 до 24,3%, Кушнаренковском – с 1,6 до 35,0%, Мишкинском – с 5,4 до 47,6%, Туймазинском – с 2,0 до 13,1%, Шаранском – с 1,6 до 13,2% и др. [Юлдашбаев 1995, 45-51] При этом рост башкироязычного населения происходил как при увеличении, так и при сокращении удельного веса башкир в группе указанных районов. Данное обстоятельство еще раз подтверждает сложность и переменчивость этноидентификационных, этноязыковых процессов в среде башкир северо-западного и западного регионов.

В районах компактного проживания башкир (в основном зауральские и приуральские районы БАССР) процентная доля башкироязычного коренного населения превышала 90%. В ряде районов (Аургазинский, Бижбулякский, Давлекановский, Дуванский, Иглинский, Кармаскалинский, Стерлитамакский, Федоровский, Чишминский), где доля башкир в составе населения районов была весьма незначительна, также указывался высокий удельный вес башкирского языка в качестве родного – от 85% и выше [Юлдашбаев 1995, 48-51].

В отношении башкир, признающих родным языком татарский язык, также наблюдалась заметная дифференциация. Высокий процент татароязычия коренного населения гг. Октябрьский, Бирск, Нефтекамск, Туймазы и столицы был следствием этно-, лингво- трансформационных процессов в северо-западном регионе. Аналогичная ситуация наблюдалась и в северо-западных и западных районах республики. От 45,1 до 96,4% башкир Аскинского, Бакалинского, Балтачевского, Белебеевского, Бирского, Благоварского, Буздякского, Бураевского, Дюртюлинского, Ермекеевского, Илишевского, Калтасинского, Краснокамского, Кушнаренковского, Мишкинского, Татышлинского, Туймазинского, Чекмагушевского, Шаранского, Янаульского районов считали себя татароязычными [Юлдашбаев 1995, 48-51]. Цифры кажутся ошеломляющими, если не учитывать распространенность в большинстве указанных районов северо-западного диалекта башкирского языка.

В целом можно говорить о недостаточно благополучном фоне этноязыкового развития башкирского народа в рассматриваемые годы. Общегосударственная политика в языковой сфере была направлена на повышение престижа и статуса русского языка как единого государственного языка, средства межнациональной коммуникации. Поэтому языковые процессы как в целом по стране, так и в БАССР проходили в русле развития национально-русского двуязычия, а также языковой ассимиляции нерусских народов. Активные процессы русификации (унификации) образовательной сферы, дефицит регионального компонента (башкирского языка) в системе общего образования, подмена башкирского языка татарским в ряде школ северо-западного региона – вот неполный перечень негативных моментов в развитии языковой образовательной политики в республике, способствовавшей языковой ассимиляции башкир. Однако более негативным последствием языковой политики стало заметное снижение статуса башкирского языка, как у самого башкирского этноса, так и у других народов республики.

На этноязыковую ситуацию в БАССР существенно влияли этнокультурные, этнополитические и этноидентификационные факторы. Толерантное межэтническое взаимодействие коренного народа с татарским населением республики вело к усвоению башкирами их языка, культурных ценностей. В то же время происходила нивелировка отдельных элементов национальной культуры башкир, вытеснения башкирского языка из сферы делового и межличностного общения и т.п., что вело к росту межэтнической напряженности в обществе. Противоречивой и сложной оставалась языковая ситуация в северо-западном регионе республики. Для определения степени башкироязычия и татароязычия башкирского населения данного региона требуется специальное комплексное исследование с привлечением этнодемографов и этнолингвистов, специалистов в области диалектологии.

Такие демографические показатели как численность и доля башкир в структуре населения города или района, не были определяющими в развитии языковых предпочтений коренного этноса. Но, в значительной степени, моноэтническая среда способствовала «консервации» родного народно-разговорного языка башкир, о чём свидетельствуют данные по районам компактного проживания этноса. Имелись и положительные моменты. За рассматриваемый период возросла доля башкир, признающих родным языком язык своей национальности. Доля русскоязычных башкир в общей численности этноса не позволяла говорить о серьезных ассимиляционных процессах. Урбанизационный фактор в целом сыграл положительную роль в развитии общественной функции башкирского литературного языка, ведь интенсивно изучаться, осваиваться и функционировать башкирский язык мог именно в городах, как средоточии культурно-образовательных и административных центров. Городские башкиры в целом показывали более высокую степень башкироязычия (признание башкирского языка родным), при синхронном развитии у них национально-русского двуязычия.

ЛИТЕРАТУРА:

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 2006; Бердин А. Т. Еще раз к вопросу о смене этнической идентичности в регионах Урало-Поволжья // Проблемы демографического развития башкирского народа. Уфа, 2010. С. 74-88; Северо-западный диалект башкирского языка. Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 года. Уфа, 2008. 372 с.

Сафин Ф. Г. Конфликтогенный потенциал постсоветской национальной политики в Башкортостане в сфере школьного образования // Ресурсы мобилизованной этничности. М.–Уфа, 1997. С. 191-223; Сафин Ф. Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000.

Шакуров Р. З. Диалектная система башкирского языка // Ватандаш. 2013. № 8. С. 160-161.

Сафин Ф. Г. Конфликтогенный потенциал постсоветской национальной политики в Башкортостане в сфере школьного образования // Ресурсы мобилизованной этничности. М.–Уфа, 1997. С. 191-223.

Рассчитано по: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 30.

Бикбулатов Н. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирии // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVII–XX вв. Уфа, 1993. С. 53-54.

Рассчитано по: Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 45-51.

М. В. Бавуу-Сюрюн, г. Кызыл

КАЗАХСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП. Проект № 2012-1. 3. 3. -12-000-3004-001

Тувинский этнос в настоящее время проживает в 3 государствах: в России, Монголии и Китае. Основная масса тувинцев проживает в Российской Федерации – в Республике Тыва (свыше 220 тыс. человек), небольшие по численности группы живут в селе Верхнеусинское Ермаковского района Красноярского края (около 600 человек), в Монголии (не более 8 тыс. человек), в Китае (около 3 тыс. человек). В Монголии тувинцы живут четырьмя небольшими группами в значительном отдалении друг от друга: в сумонах Цэнгэл Баян-Улэгейского аймака (около 3000 человек), Буянт Кобдоского аймака и в самом городе Ховд (около 2500 человек), Орхон, Зуун-Бурен Селенгинского аймака (около 1000 человек), Цагаан-Нур Хубсугульского аймака (около 800). В силу ряда объективных обстоятельств (смешанные браки, утрата родного языка, как основного фактора этнической самоидентификации и т.д.) сложно назвать точное число носителей зарубежных диалектов тувинского языка. Этнические группы зарубежных тувинцев представляют два диалекта: 1) *алтайский*, куда входят идиомы тувинцев Кобдо, Цэнгэла, Селенги и Китая; 3) *цагааннурский или хубсугульский*.

В силу географического положения, исторических событий тувинский язык с древних времен испытал сильное влияние монгольского языка, а с начала XX века испытывает влияние русского языка; а через них в тувинский язык проникают и другие иноязычные элементы. Наряду с ними, тувинский язык имеет маргинальные контакты с алтайским, монгольским и казахским языками.

Объектом нашего внимания являются казахские элементы в языке тувинцев Китая, что обусловлено совместным проживанием этносов, носителей казахского и тувинского языков. Идиом тувинцев Кобдо Монголии, отпочковавшись от основной группы в 20-30-е годы прошлого столетия, практически не подвергся казахскому влиянию. Поэтому хронологически началом казахского влияния на язык тувинцев Китая и Цэнгэла Монголии нужно считать 30-40-е годы прошлого столетия (точное указание хронологии основано на данных, полученных от информантов). Идиом тувинцев Цэнгэла Монголии меньше подвержен влиянию казахского языка, чем идиом тувинцев Китая.

Наши материалы собраны во время поездок в Китай в 2010—2012 годах, в составе экспедиций ТувГУ, осуществленной благодаря финансовой поддержке РГНФ и ФЦП. В статье приведены также материалы Т. Мавканулы по языку тувинцев Китая, они даны со ссылкой на источник. В остальных случаях использованы материалы экспедиций.

Тувинцы Китая проживают в живописных местах в северо-западной части Алтайского горного хребта близко к южной границе Горного Алтая и на востоке граничит с территорией сумона Цэнгэл Монголии — в Синьцзян-Уйгурском автономном округе в селениях Көк-Догай, Алагаак, Шунгур, Чеменеж, Чиңгил, Хом, Ханас, Ак-Хаба, в городах Буурчин и Алтай. В научной литературе они известны под названиями *көк-мончак*, *мончак*, *тувинцы Китая*, *тувинцы Синьцзяня*, *Джунгарские тувинцы*, *көкчулуутан*. Сами называют себя *тыъва*, *аьлдай тыъвасы* или *көкмончак*, *моьнчак*, а свой язык *тыъважа* или *моьнчакша*. Наибольшая часть тувинцев проживают в селениях Хом, Ханас, Ак-Хаба, откуда были собраны полевые материалы. Сбор материала производился методом аудирования. Достоверность полученных данных проверялось на нескольких информантах.

Впервые о казахском влиянии на язык тувинцев Цэнгэла Монголии упомянула в своей работе Х.Гансух [2009: 18]. По материалам, представленным в монографии Т.Мавканулы «The phonology and morphology of Jungar Tuva» [1999], можно также сделать вывод о значительном влиянии казахского языка на язык тувинцев Китая, но трудно согласиться с отдельными утверждениями данного автора, о чем конкретно будет сказано ниже.

Лексические заимствования из казахского языка. Присутствие казахского влияния заметно в повседневной жизни тувинцев во многом, и они отражаются в диалектной речи. Например, чай подают как казахи: отдельно подают в заварном чайнике черный байховый чай, кипятки в термосе и отдельно кипяченое молоко; при этом во время завтрака часто подают *бал* «мед» вместо лит. *ары чигири*. Традиционный тувинский чай с молоком и солью из зеленого кирпичного чая варят только на чабанских стоянках. Хлеб пекут из бездрожжевого теста и называют по-казахски *нан* «хлеб» вместо лит. *хлеб*. От казахской кухни переняли *бешбармак*. Отдельные реалии современной жизни называются казахскими заимствованиями, например: *мектеп* «школа» вместо лит. *школа*. Основное занятие современных жителей селений Хом, Ханас, Ак-Хаба – туристический бизнес, который стал очень интенсивно развиваться с 2005 года. Туристов тувинцы называют *саяхатчы* «путешественник» вместо лит. *аян чорукчу*, *турист*; которое образовалось от казахского слова *саяхат* «путешествие, прогулка».

Казахские заимствования также используется вместо собственно тувинской лексики: *тенге* вместо *акша* «деньги», *хазыр* вместо *ам* «сейчас», *сагат* вместо *шак* «часы», *заман* вместо *уе* «время», *сускундук* вместо *сускун* «напиток», *орундук* вместо *сандай* «табуретка, стул», *хонак* вместо *аалчы* «гость», *хоомай нашер* вместо *багай* «плохой», *касандык* вместо *печка*, *суугу* «печка». Часть указанной лексики отмечается также в языке тувинцев Цэнгэла [Гансух 2009, 21].

В словаре, приведенном в книге Т. Мавканулы, зафиксировано значительное количество заимствований из казахского языка. Вызывает сомнение часть из них. Например, слово *din* – religion (ТМ 250). При разговоре с нами информанты пользовались монголизмом *шажын* «религия», используемый также и в литературном тувинском языке.

Изменения в области фонетики. Спорадическое проявление фарингализации в речи тувинцев Китая, а именно — произношение кратких гласных вместо фарингализованных в односложных общетюркских словах *ат* «лошадь» вместо лит. *аьт*, *эт* «мясо» вместо лит. *эьт*, но сохранение в двусложных словах *чьеьдер* «дойти», *баьдар* «спускаться», *чыьлгы* «табун лошадей» наводит на мысль о казахском влиянии. Беседуя с информантами, мы заметили, что многие из них в разговоре с нами начинали произносить фарингализованные гласные в словах *аьт* «лошадь», *эьт* «мясо», *кыьш* «зима». Поэтому мы предположили, что такое проявление фарингализации в языке тувинцев Китая явление инновационное, сохраняющееся в языковом сознании билингов. Подтверждением нашего предположения является тот факт, что носители отпочковавшегося кобдоского говора сохраняют фарингализацию до сих пор в неизменном виде и этот говор практически не подвержен казахскому влиянию. Здесь нельзя также отрицать роль алтайского языка, так как часть тувинцев

Китайцы этнически представляют собой группу *делег*, перешедшую на тувинский язык. Принимая во внимание гипотезу В.М.Наделяева о принадлежности артикуляционно-акустической базы (ААБ) этносу, а не языку [Наделяев 1986, 53-63], думаем, что отсутствие фарингализации в речи отдельных носителей данного говора объясняется их генетической принадлежностью. Таким образом, спорадический характер фарингализации в данном говоре обусловлен двумя факторами.

Нам кажется спорным наличие *дж* в анлауте ряда слов как показано в работе Т. Мавканулы, которая не характерна для тувинского языка. Здесь нельзя сбрасывать со счетов то, что автор общался с информантами на своем родном казахском языке [Мавканулы 1999, 35]. Безусловно, будучи естественными билингвами, тувинцы при разговоре легко переходят на близкородственный казахский язык. Известно также, что информанты чаще всего стараются отвечать на языке, на котором говорит их собеседник, либо подражать ему. Поэтому также многочисленны примеры, иллюстрирующие последовательную губную гармонию переднеязычных гласных, варианты аффиксов с переднеязычным широким огубленным *ө*, мы не можем принять как релевантные черты говора, как, например, в слове *өр = лө = л* в м. өрүлөп «поднимаясь вверх». В наших материалах не было зафиксировано, кроме единичных примеров.

В области морфологии. В отличие от литературного тувинского языка, широко используется общетюркский словообразовательный аффикс = *ча* (и его фонетические варианты): *могол = ча* «монгольский язык», *казах = ша* «казахский язык», *кыдат = ча* «китайский язык». Например: **Могол = ча** *домактаныр каыш-ла өг бар* — «Есть несколько семей, где говорят по-монгольски». **Мен билгеним = ше** *ону айдып берейн* — «Я расскажу так, как я понял».

Зафиксирован аффикс = *стан* в слове *Туви = стан*, которое построено по аналогии слов *Татарстан, Казахстан, Башкортостан*. Аффикс = *хана*, персидского происхождения, также вошел в язык тувинцев Китая через казахский язык: *дохтур = хана* «поликлиника, больница» (ТМ 149). Слово интересно тем, что основа *дохтур* заимствована из русского языка.

Используются союзы *эмезе, бырак*, заимствованные из казахского языка.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что в XX веке в языке тувинцев Китая появился ряд черт, заимствованных из казахского языка, не характерных для литературного тувинского языка, обусловленных маргинальными контактами. Казахские элементы проявляются на разных ярусах языка, хронологически датируемые.

ЛИТЕРАТУРА:

- Гансук Хийс. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла. Автореф. канд.дис. Новосибирск, 2009. 20 с.
Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С.53-63.
Talant Mawkanuli. The phonology and morphology of Jungar Tuva. Indiana University. 1999. 295 с.

М. И. Багаутдинова, г. Уфа

ПОСЛОВИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ "ТРУД" В БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

В лингвистической науке в настоящее время растет интерес к паремиологическому фонду языка. Общеизвестно, что в сокровищнице устно-поэтического творчества каждого народа большое место занимают пословицы и поговорки, которые представляют собой особую ценность при изучении культуры и языка.

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или его языковую картину, служит орудием мышления. Восприятие мира зависит от культурно-национальных особенностей носителей определенного языка. Каждое слово, каждое выражение имеет свою национальную действительность, свойственную только данному народу. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении различных слов и выражений языка, складывается в некую единую систему взглядов и установок, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими на данном языке. Пословицы и поговорки (паремии) представляют собой яркое свидетельство исторического развития этноса, отражают нравственно-эстетические и ценностно-нормативную картину мира данной лингвокультурной общности, содержат в себе богатый этнографический и лингвистический материал.

Лингвокультурологическое изучение пословиц и поговорок башкирского языка позволит выявить особенности мировосприятия и менталитета его носителей, исследовать отдельные фрагменты национальной языковой картины мира башкир. Уточним значения некоторых понятий:

концепт, картина мира и пословичная картина мира. Концепт является понятием метаязыка культурологии и обозначает элементы картины мира, которые направлены на комплексное изучение языка, сознания и культуры. По-другому, картина мира – это целостное представление о человеке, обществе и среде в их взаимодействии. Если картина мира – отражение реального мира, то языковая картина мира – фиксация этого отражения. Таким образом, рассматриваемая нами пословичная картина мира – это как фрагмент языковой картины мира.

Пословицы и поговорки башкирского народа сложились в результате наблюдений над жизненными фактами. В них полно и всесторонне отражается вся традиционная культура и история народа, начиная с древности до наших дней, обряды и ритуалы, законы и нормы жизни, деятельность и мировоззрение, мудрость народа. Башкирские пословицы и поговорки можно разделить на следующие тематические группы, охватывающие различные сферы: пословицы и поговорки о труде, о семейно-бытовых и социальных взаимоотношениях, о дружбе, нравственно-эстетических нормах поведения и т.д.

Рассмотрим «пословичный концепт» [Иванова 2003] *труд* в башкирском языке.

Ключевым словом концепта *труд* является лексема *хезмэт*, которая в толковом словаре имеет следующие значения:

ХЕЗМЭТ [хэр.] и. 1. Кешенең билдәле бер максатка йүнәлтелгән эшмәкәрлеге; эш. (*Целенаправленная работа, деятельность, требующая от людей умственной или физической силы*). 2. Рәсми урындағы эш һәм эш урыны; вазифа. (*Место работы, должность*). 3. Кем йәки низер файзаһына ярзам рәүешендә башкарган эш. (*Помощь*). 4. Ниндәйҙер бер илдең кораллы көстәре; армия. (*Служить в армии*). 5. Максатлы эшмәкәрлек һөҙмәтәһе буларак кемдер тарафынан язылған нәмә; эш, әсәр. (*Произведение как результат работы, умственного труда*). В башкирском языке ключевое слово, раскрывающее содержание исследуемого концепта, имеет следующие синонимы: *эш* (работа), *шөгөл* (занятие), *ғәмәл* (деятельность, действие), *мәшғүллек* (занятие), *һөнәр* (профессия, ремесло). Сравните: ЭШ и. 1. Кешенең низер яһау, етештереү, эшкәртеү, ижад итеү һ.б. менән мәшғүл булыуы; хезмәт (*работа*). 2. Нимәнелер булдыру, етештереү, эшкәртеүгә йүнәлтелгән, рухи йәки физик көс талап иткән шөгөл (*занятие*). 3. Билдәле бер максатка йүнәлтелгән төрлө алым, сараларҙан торған күп яклы шөгөл (*деятельность*). 4. Махсус белем, профессия, эшмәкәрлек өлкәһе (*профессия, ремесло*).

В процессе исследования были рассмотрены толкования всех лексем, репрезентирующих пословичный концепт *труд* в башкирском языке. Как выше было упомянуто, лексема *труд* – многозначна. Ее основное номинативное значение дается через синоним *эш* (*дело*) и гиперонимы – *шөгөл* (*занятие*), *эшмәкәрлек* (*деятельность*).

Труд в пословицах и поговорках башкирского языка освещен со всех сторон. В большинстве башкирских паремий понятие *хезмәт* (*эш*) «труд» представляется общечеловеческой ценностью.

Труд — это основа жизни башкирского народа, несмотря на то, что труд понимается как нечто тяжелое (*Эштең тире – каты (әсе), емеше татлы. (Пот труда горький, плоды – сладки. Ауыр эшкә беләк бар, кыйыу эшкә йөрәк бар. Ауыр эште күмәк кул еңгән. Кыйын эшкә – кыйыу кул. Кыйынлығын күрмәй, коймағын ашап булмай. Кыйын эште еңгән—рәхәт күргән, еңәлмәгән гүргә кәргән)*), он приносит материальное благосостояние (*Эшләмәйсә уңыш булмай, эшләмәйсә байып булмай. Тирең кипмәһә, байлығың китмәс*); пропитание (*Кем эшләмәй, шул ашамай. Ашын яратһаң, эшен дә ярат. Ашамай тамак туймай, эшләмәй ризык булмай. Ашына күрә табағы, эшенә күрә тамағы. Бил бөкмәйенсә белен бешмәй*) и удовлетворение. Он требует ответственности (*Башта уйла, унан эшлә. Ике уйла, бер эшлә. Башлы кеше ташты аш итер. Вайымһызың эше алымһың*), стойкости и терпения (*Биш мәртәбә уйла, бер мәртәбә эшлә. Бер тырышлык унлата кайтыр*); эта целая наука, которой нужно учиться (*Эшләгәнең – кешегә, өйрәнеүең – үзеңә*). Наличие ремесла и готовность совершенствоваться, быть мастером своего дела также важны для башкирского народа (*Егет кешегә етмеш төрлө һөнәр зә аз*). Желание трудиться («Булыр» *тигән — булдырған. Дандың төбө — хөрмәт, хөрмәт төбө — хезмәт. Дәрт иткән эшләр. Ижтиһад иткән — моратына еткән*) и выполнять работу коллективно (*Күптең эше күңелле*) намного облегчает трудовую деятельность. В пословицах и поговорках отражаются любовь и уважение к простому труженику, подвергаются осуждению праздность и лень. Как говорится в пословицах, на хлеб нужно зарабатывать своим трудом (*Кем эшләмәй, шул ашамай. Эшләгән — тешләгән*), однако есть место и отдыху (*Уйна ла көл, эшендә лә бел*). Но праздность не должна занимать все время человека, лишь при чередовании труда и отдыха можно прожить хорошую жизнь (*Батырға ла ял кәрәк*). В народе не приветствуется работа в спешке (*Кабалан эшкә акыл эйәрмәй*), либо отложенная на неопределенный срок (*Бөгөнгө эшендә иртәгәгә калдырма. Иртәгәге эшендә бөгөн уйлап куй. Калған эш — төштән кире. Калған эшкә кар яуа*). Пословицы и поговорки, отражающие деление на мужской (*Ауыр йөктө ат тарта, ауыр эште ир тарта*) и женский труд,

говорят о сложности и хлопотности женского труда (*Катын-кызың эше тауык сүпләһә лә бөтмәс*). Люди также делятся в соответствии с их отношением к трудовой деятельности: трудолюбивые и ленивые: первые имеют активную жизненную позицию, много работают и пользуются уважением в обществе (*Эшсэн бәхетте эштән эзләр, эшкнмәгән ситтән эзләр. Егәрленең кулы ете. Кешенең ниндәйлеге төстә түгел, эштә. Кешенең төс матурлығы матур түгел, эш матурлығы матур. Хезмәтенә күрә хөрмәте*). Ленивцы избегают работы, предпочитая ей сон и отдых (*Иренсәккә эш ярамас. Назан кеше һуқырзан яман, ялкау кеше барынан да яман. Көндөз йоклаган ир уңмас*). Понимаемый как положительное явление, труд противопоставляется лени, безделью, в данном случае эти понятия выступают в резкой, четко выраженной оппозиции друг к другу (*Тырыш эшкә һырышыр, ялкау атка һырышыр. Тырышкан эшләр, тырышмаған нишләр? Тырышкан ярпайған, иренгән янтайған. Тырышлык — зурлык, ялкаулык — хурлык. Тырыштан тир кипмәс, ялкаузан сир китмәс. Уңған кеше эш ырата, уңмағаны төш юрата. Хезмәт төбө — хазина. Хезмәт төбө — хөрмәт. Хезмәт эйәһе — хөрмәт эйәһе. Хезмәте юктың хөрмәте юк. Хезмәтенә күрә хөрмәте. Хезмәтең каты булһа, тотканың татлы булыр*).

Анализ пословиц и поговорок показал, что труд является сложной деятельностью, после которой приходит материальное вознаграждение, моральное удовлетворение, но и деятельность, которая имеет свою структуру. В нее входят фазы: как намерение, начало, половина работы, стадия завершения. Одобрительное отношение народа к труду, к желанию и готовности человека много, продуктивно, качественно работать выступает в пословицах и поговорах как закономерность, поскольку общеизвестна созидательная польза труда.

Результаты анализа пословичного концепта *труд* позволяют сформулировать следующие выводы:

1. В пословичном фонде башкирского народа наибольшее распространение получили пословицы, отражающие общечеловеческие ценности: труд, родная земля и дом, счастье, дружба, семья.
2. В процессе анализа было выявлено множество понятий, с которыми связан концепт *труд* (бедность, достаток, мораль, здоровье, отдых, польза, почет, счастье, удача и т.д.).
3. При анализе башкирской пословичной картины мира обнаруживаются характерные черты башкирского народа, такие, как трудолюбие, терпение и большая работоспособность, соблюдение традиций и обычаев.

ЛИТЕРАТУРА:

Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира: На материале английских и русских пословиц: Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Санкт-Петербург, 2003.

Л. Б. Бадмаева, г. Улан-Удэ

ОСОБЕННОСТИ БАЙКАЛО-КУДАРИНСКОГО ГОВОРА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Современный бурятский язык характеризуется как многодиалектный язык. Между некоторыми диалектами и говорами бурятского языка существуют значительные расхождения из-за этнической неоднородности бурят как нации.

Байкало-кударинские буряты наиболее компактно проживают в Кабанском районе Республики Бурятия. Основной костяк байкало-кударинских бурят составляют выходцы из Предбайкалья — потомки эхиритского племени: представители родов *абзай, һэнгэлдэр // хэнгэлдэр, шоно, сэгээн, буура, хамнай, яртага, ехэ шоно, дархат, балтай, тарха, хайтал* и др. [Полевые мат. 2004, 2012 гг.]

Экспедиционное обследование позволило выявить собственно языковые своеобразия байкало-кударинского говора, который является одним из интереснейших в языковом плане говоров бурятского языка. По байкало-кударинскому говору бурят отмечены следующие характерные фонологические, грамматические и лексические особенности:

1) развитие **-sun / -sün > -uu(n)/-üü(n)*: *дабууң* в.м. лит. бур. *дабһан*, стп.-монг. *dabusun* 'соль'; *мандюуң* в.м. диал. бур. *мандиһан*, лит. бур. *мангир*, стп.-монг. *manggir* 'дикий лук'; *нарууң* в.м. лит. бур. *нарһан*, стп.-монг. *parasun* 'сосна'; *алирууң* в.м. лит. бур. *алирһан*, стп.-монг. *alirasun* 'брусника'; *халюуң* в.м. лит. бур. *хальһан*, стп.-монг. *qalisun* 'кора'; *элууң* в.м. лит. бур. *элэһэн*, стп.-монг. *elesün* 'песок'; *хара нэрууң* в.м. лит. бур. *хара нэрһэн*, стп.-монг. *qar-a neresün* 'черника'; *гэтууң* в.м. лит. бур. *гэдэһэн*, стп.-монг. *gedesün* 'живот'; *хилууң* в.м. лит. бур. *хулһэн*, стп.-монг. *sülesün* 'желчь'; *загууң* в.м. лит. бур. *загаһан*, стп.-монг. *jiyasun* 'рыба' и др.;

2) развитие **s > х* вместо начального фарингального *h* в других бурятских говорах: *хууха* в.м. лит. бур. *хууха*, стп.-монг. *saḡuqu* 'сидеть'; *хөөң* в.м. лит. бур. *һүн*, стп.-монг. *sün* 'молоко'; *хүхэ*

вм. лит. бур. *hүхэ*, стп.-монг. *sūke* 'топор'; *о'ооң* вм. лит. бур. *уһан*, стп.-монг. *usun* 'вода'; *хайндэр* вм. лит. бур. *хайндэр*, стп.-монг. *sayin edür* 'досл. хороший день; праздник'; *хуооң* вм. лит. бур. *хуһан*, стп.-монг. *qusun* 'берёза'; *хахал* вм. лит. бур. *хахал*, стп.-монг. *saqal* 'борода'; *хэльбэ* вм. лит. бур. *хэльбэ*, стп.-монг. *selbiy* 'весла'; *хайхаң басган* 'невестка брата' вм. лит. бур. *хайхан басаган*, стп.-монг. *sayiqan basayan* 'красивая девушка'; *ханаха* вм. лит. бур. *ханаха*, стп.-монг. *sapnuqi* 'думать; вспоминать' и др.;

3) стяжение морфем и выпадение фарингального «h»: *хүдмэр* вм. лит. бур. *хүдэлмэри*, *мэдхүй* вм. лит. бур. *мэдэхэгүй*, *тигшэааң* вм. лит. бур. *тиндэг һэн* 'делал так'; *мэдэгшаам* вм. лит. бур. *мэдэгшэ һэм* 'знал'; *тэндэааң* вм. лит. бур. *тэндэһээ* 'оттуда'; *худхагшаам* вм. лит. бур. *худхагша һэм* 'помешивал', *ера'аң* 'пришедший', *яба'аң* вм. лит. бур. *ябаһан* 'шедший' и др.;

4) употребление гласного *о* вместо *и*. *о'ооң* вм. лит. бур. *уһан* 'вода'; *хоби* вм. лит. бур. *хуби* 'часть, доля', *хорим* вм. лит. бур. *хурим* 'свадьба'; *хоор* вм. лит. бур. *хура* 'дождь'; *Ходоро* вм. лит. бур. *Худара* 'Кудара' (топоним) и др.;

5) развитие **ki > si, ti* вместо *xi* в литературном бурятском языке: *дээрси* вм. лит. бур. *дээрхи*, стп.-монг. *degereki* 'верхний'; *эси* вм. лит. бур. *эхи(н)*, стп.-монг. *eki* 'начало'; *тамси*, *тамти* вм. лит. бур. *тамхин*, стп.-монг. *tamaki* 'табак'; *арси* вм. лит. бур. *архи*, стп.-монг. *ariki* 'водка'; *та-сяа* вм. лит. бур. *тахяа*, стп.-монг. *takiy-a* 'курица'; *хальсиң* // *хальсиң* вм. лит. бур. *халхин*, стп.-монг. *salki(n)* 'ветер'; *сосихо* вм. лит. бур. *сохихо*, стп.-монг. *sokiqu* 'бить, ударять, колотить, избивать'; *зосихо* вм. лит. бур. *зохихо*, стп.-монг. *jokiqu* 'подходить, соответствовать, годиться'; *сятад* вм. лит. бур. *хитад*, стп.-монг. *kitad* 'китаец, китайский' и др.;

6) в морфологическом плане в байкало-кударинском говоре наблюдается слияние грамматических форм, например: *гуйжайна* < лит. бур. *гүйжэ байна* 'бежит'; *неэжэна* < *энеэжэ байна* 'смеётся'; *ошт'айна* < лит. бур. *ошожо байна* 'идет'; *бэшэт'тёо* < лит. бур. *бэшэжэрхёо* 'написал';

7) в лексическом плане выявлены слова, отличные от литературного бурятского языка, но присущие языку западных бурят, например: зап.-бур. *аяр зон* 'искусный, ловкий народ', зап.-бур. *гутаар* 'правнук', зап.-бур. *зантуу* 'железное ведро', зап.-бур. *хубсар* 'коврик из кусков шкур с телёных ног', *ульбүүр* 'веник, метёлка', зап.-бур. *ёлоохой* 'темечко у ребёнка', *шильжаахай* 'цветок', *сайлгаса* 'сметана', *хангууң* 'свежий помёт домашнего скота', зап.-бур. *гульдхаха* 'собирать', зап.-бур. *хүүр* 'слово, речь', *наартай* 'хороший, приятный, пригожий', *ойшон* 'лесник, охотник', зап.-бур. *өөбэй* 'люлька, колыбель', зап.-бур. *тагша* 'чаша, чашка', зап.-бур. *төөдэй* 'бабушка, мать отца', зап.-бур. *уряанай* 'древний', зап.-бур. *ушарха* 'встречаться, встречать', *сагааша* 'человек, который проводит шаманский обряд', зап.-бур. *эзии* 'мама', *баккай* < *бага ахай* 'второй по старшинству брат', *эльгэндэр* < *эльгэн үдэр*, ср. эхир.-булагат., парн. *ураг эльгэн* 'близкие родственники', досл. 'печёночный день или день близких родственников' – 'следующий день после похорон' (в этот день огню преподносят печень и им угощают только близких родственников), *ярдаан* 'прорубь' < русск. *иордан* 'место (прорубь) в реке, где проводится таинство крещения' и др.

Для решения актуальных проблем, связанных с происхождением и историей развития современного бурятского языка, его диалектов и говоров, необходимо изучение исторических связей бурятского языка с языками народов сопредельных регионов.

В «Сокровенном сказании монголов» говорится, что праматерь Чингис-хана Алун-гоа была дочерью Баргужин-гоа, а ее дядей был Баргудай-мэргэн. Возможно, это не личные имена, а имена, образованные от названия племени «Барга». Об этногенезе хуучин-баргутов монгольский историк Харгана Ж. Олзий отмечает, что «происхождение баргутов тесно связано с племенем Барга хуннского периода, которое в свое время было одним из крупнейших племен, входивших в союз лесных племен. А баргузинские буряты являются одной из ветвей племени Барга» [1999, 34]. Более того, по мнению исследователя истории баргутов Галзууд Тубшиннимы, историю баргутов нельзя рассматривать в отдельности от истории бурят [1983, 55.].

Как показывают наши полевые материалы, язык байкало-кударинских бурят действительно схож с языком хуучин баргутов или старых баргутов, компактно проживающих в пределах Хулун-Буирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Баргуты Хулун-Буира делятся на хуучин барга и шэнэ барга, т. е. на старых и новых баргутов. Численность старых баргутов можно определить в пределах 10 тыс. чел. Они образуют один самостоятельный Хуучин Барга хушуун (центр – Баян Хүрээ балгас). Новые баргуты составляют два хошуна – Шэнэ Баргын Зүүн хушуу «Восточный хошун Новой Барги» (центр – г. Амгалан) и Шэнэ Баргын Баруун хушуу «Западный хошун Новой Барги» (центр – г. Алтан Эмээл). Их численность составляет 20-25 тыс. чел. [Нимаев, 1998, 44].

Анализ полевого материала и экспедиционные исследования, проведенные в Хулунбуирском аймаке АРВМ КНР (2003, 2004, 2005 гг.), позволяют обозначить следующие предварительные ре-

зультаты. Язык баргутов характеризуется как «серьезно подверженный исчезновению». При непосредственном общении с носителями баргутских говоров во время лингвистической экспедиции было заметно, что их речь сильно подвержена влиянию литературного монгольского языка, в частности шилингольского диалекта монгольского языка, который положен в основу литературного монгольского языка Внутренней Монголии КНР. Кроме того, баргуты в своей речи активно употребляют китаизмы, например: *дяньхуа* ‘телефон’, *дяньши* ‘телевизор’, *нан хуу* ‘термос’, *шаафаа* ‘диван’, *бинган*, *евэн* ‘печенье’, *джао сянь ди* ‘фотоаппарат’, *пиитен* ‘самолет’, *шатан* ‘сахар’, *пiao* ‘билет’, *дязя* ‘блюдец’ и др. [Бадмаева, 2003, 53].

В результате сравнительно-сопоставительного рассмотрения бурятского языка с языком баргутов можно подтвердить высказанное проф. В.И. Рассадным предположение о существовании некой древней баргу-бурятской языковой общности [1989, 175-176]. Причем язык баргутов четко подразделяется на два говора: старобаргутский (хуучин-барга) и новобаргутский (шэнэ-барга). При этом язык хуучин-баргутов близок к языку бурят-эхиритов Баргузина и Байкало-Кудары Республики Бурятия, а язык шэнэ-баргутов сближается с языком хори-бурят. В целом следует заметить, что грамматический строй данных языков идентичен, лексика, в основном, общемонгольская с вкраплениями русизмов, тюркизмов, китаизмов, эвенкийских и дагурских слов. Анализ языка и родоплеменного состава новых баргутов говорит о том, что они единого происхождения с хори-бурятами, а в родоплеменном составе старых баргутов имеются названия родов прибайкальских бурят (*харнууд*, *шарнууд*, *хурлат*). В языке хуучин-баргутов и байкало-кударинских бурят обнаружены следующие характерные языковые параллели:

а) развитие **-sun > -uu (n) / -üü (n)*, например: стп.-монг. *qubčasun*, ст.-барг. *xusu.*; байк.-куд. *хусуу*, лит.бур. *хубсаһан* ‘одежда’; стп.-монг. *пиyusun*, ст.-барг. *pugu.*; байк.-куд. *нугуу*, лит. бур. *нугаһан* ‘утка’; стп.-монг. *arasu(n)*, ст.-барг. *aru.*; байк.-куд. *аруу(н)*, лит. бур. *арһан* ‘шкура’; стп.-монг. *moilsun*, ст.-барг. *moni.*; байк.-куд. *мойн*, лит. бур. *мойһон* ‘черёмуха’; стп.-монг. *mölsün*, ст.-барг. *mül,ü.*; байк.-куд. *мүлюун*, лит. бур. *мүльһэн* ‘лед’; стп.-монг. *qabtasun*, ст.-барг. *хаftu.*; байк.-куд. *хабтуу*, лит. бур. *хабтаһан* ‘доска’; стп.-монг. *burγasun*, ст.-барг. *burga.*; байк.-куд. *бурга’ан*, лит. бур. *бургаһан* ‘ивняк’ и др.

б) развитие **s > x*, например: стп.-монг. *sara*, ст.-барг. *хар*, байк.-куд. *хара*, лит.бур. *һара* ‘луна’; стп.-монг. *sonin*, ст.-барг. *хонin*, байк.-куд. *хонин*, лит.бур. *һонин* ‘новость, весть’; стп.-монг. *sayin*, ст.-барг. *хайn*, байк.-куд. *хайн*, лит. бур. *һайн* ‘хороший’; стп.-монг. *sayi*, ст.-барг. *хaj*, байк.-куд. *хая*, лит. бур. *һая* ‘только что’; стп.-монг. *sapaγ-a*, ст.-барг. *хана.*; байк.-куд. *ханаа(н)*, лит. бур. *һанаа(н)* ‘мысль’ и др.

Следует заметить, что ни в одном из монгольских языков древний **s* не трансформировался в *q/k (x)*, а только в языке старых баргутов Китая и байкало-кударинских бурят России.

Кроме того, в них отмечены некоторые архаичные слова, например, в языке памятника монгольской письменности «Сокровенное сказание монголов» (ССМ) зафиксировано выражение *sumuci kitugai* ‘маленький ножик для очинки перьев’ (§ 80. *modud-i sumuci kitugai-bar-iyān hoqturi’at* ‘срезав ветви деревьев ножиком для очинки перьев’), данный термин отмечается у байкало-кударинских, закаменских, селенгинских бурят, например, (охотн.) *һомошо // хомошо // сомошо* ‘нож’; *һомошо хутага* ‘небольшой охотничий нож, применяемый при освеживании туши заколотого животного’; а в языке старых баргутов *хотош* означает ‘монгольский нож’ [Bousiyang Bu., 1996, 325], в хоринском диалекте *һомошо хутага* означает ‘женский ножичек в ножнах, прикрепляемый к левому кругу бокового украшения’ [Бабуев, Бальжинимаева, 2004, 202].

Также в языке баргутов и прибайкальских бурят обнаруживаются лексические параллели, например, в речи хуучин-баргутов употребляется слово *ууган* ‘старший’, данная лексема с подобным же значением употребляется и в западно-бурятских говорах; (ст.-барг.) *аадии* ‘сестра’// (нов.-барг.) *аджаа* ‘мама’// (зап.-бур.) *ажаа* ‘матушка’// (сел.) *аадии*, *ааджы* ‘бабушка по отцу’// (бич., джид.) *адяа* ‘старшая сестра’; (ст.-барг.) *авюун* // (закам.) *һабиһан* // (бур.) *абьһан* ‘невестка (жена одного брата по отношению к жене другого брата)’; (нов.-барг.) *бойтог* ‘обувь из коровьей шкуры’// (зап.-бур.) *бойтог* ‘меховые унты’ и др.

Более того, в родоплеменном составе старых баргутов встречаются названия родов прибайкальских бурят, например: *харнууд*, *шарнууд*, *хурлат* и т. д. Важно отметить, что байкало-кударинские буряты, как и западные буряты, и старые баргуты являются приверженцами шаманизма.

Рассмотрение фонологических, морфологических, лексических особенностей говора прибайкальских бурят, в частности, байкало-кударинского говора показывает, что в них сохранились архаичные элементы, характерные для древних монгольских языков эпохи XIII-XIV вв.

В заключение следует отметить, что проблема изучения бурятского языка в контексте монгольских языков и диалектов северо-восточного ареала Центральной Азии с опорой на экспедиционные исследования имеет большое значение в решении актуальных проблем бурятской диалектологии.

В результате в научный оборот вводятся новые, уникальные материалы и их научная интерпретация. Это представит надежную фактическую основу для следующего этапа – сравнительно-исторических изысканий в области грамматики бурятского языка.

Таким образом, бурятский язык имеет древние исторические связи с монгольскими языками северо-восточного ареала Центральной Азии (в частности с языком баргутов Китая).

ЛИТЕРАТУРА:

Бабуев С. Д., Бальжинимаева Ц. Ц. Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи. Улаан-Удэ: «Бэлиг» хэблэл, 2004. С. 203.

Бадмаева Л. Б. Этнолингвистический очерк о баргутах // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивановны Цинциус (13-14 октября 2003 г.) / Отв. редакторы Н. Я. Булатова, С. Л. Чариков. СПб., 2003. С.50-56.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

Нимаев Д. Д. Барга и баргуты. Материалы научной конференции «Цыбиковские чтения – 7». Улан-Удэ, 1998.

Полевые материалы, собранные в экспедициях по Кабанскому, Баргузинскому районам Республики Бурятия в 2004, 2012 гг.; в экспедициях по Автономному району Внутренняя Монголия КНР (2003, 2004, 2005 гг.).

Рассадин В. И. Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989. С. 173-176.

Харгана Ж. Олзий. Барга монголын түүх. Улаанбаатар: «Содпресс» хэвлэлийн газар. 1999.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. 1: А-Н: 30000 үгэ. 636 с.; 2008. Т. 2: О-Я: 30000 үгэ. 708 с.

Bousiyang Bu., Jiranige. Barγu aman ayalγu. Öbür Mongγul-un Yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 1996. С.325.

Yaljuud Tubšinnima. Barγučud-un teüken irelte. Obür Mongγul-un soyol-un keblel-ün qoriy-a. 1983. 152 q.

Р. Ф. Баймырзина, Эбйэллil р.

ХАЛЫК ТЕЛЕ — ХАЛЫКТЫҢ АЛТЫН ХАЗИНАҢЫ

Диалектология фәне башкорт теленең тарихын, уның башка төрки телдәренә мөнәсәбәтән өйрәнүе яғынан зур әһәмиәткә эйә. Башкорт әзәби теле үсешендә лә диалекттар һәм һөйләштәр зур роль уйнаған. Милли әзәби тел үзенең артабанғы үсеш тарихында һөйләштәр һәм диалекттар иҫәбенә байый, нормаларын камиллаштыра бара.

Мәктәп программаһында һәм дәреслектәрҙә ерле һөйләш үзенсәлектәрен өйрәнүгә зур ғына урын бирелә. Шуға нигезләнеп, методик әзәбиәт диалект шарттарында башкорт телен укытыу үзенсәлектәрен яҡшыртуу бурысын куя. Р. Ғ. Азнағолов үзенең «Ерле һөйләш шарттарында башкорт теленә өйрәтәү методика»һы китабында ерле һөйләш, диалект үзенсәлектәренән сығып, мәктәптә башкорт телен укытыуҙы камиллаштырыу мәсьәләләрен яҡтырта; диалект шарттарында туған телгә өйрәтәү методтары, алымдары, эш төрҙәре менән таныштыра.

Эйтергә кәрәк, укыусыларҙың һөйләү һәм языу телмәрендәгә күпселек орфоэпик һәм орфографик хаталар ерле һөйләштән көслә йөгөнтөһә аркаһында барлыкка килә. Укыусыларҙың һөйләү һәм языу телмәрендәгә диалект хаталарҙы ике төркөмгә бүлөп карарға мөмкин: 1) дөйөм диалект хаталар; 2) айырым һөйләш үзенсәлектәренә нигезләнгән хаталар. Дөйөм диалект хаталар иҫәбенә көнсығыш, көньяк, төньяк-көнбайыш диалекттарҙың төп үзенсәлектәре йөгөнтөһөндә барлыкка килгән хаталарҙы индерергә мөмкин. Укыусыларҙың телмәрендә исем, сифат, кылым яһаусы һәм күплек ялғауҙары әзәби телдәгә **л** өн-хәрәфтәре урынына **т, д, з** тартынҡылары менән башлана. Мәсәлән, *йырзай, уйзай, аштык, иптәп, йоктай, өннәй, яннай* (*йырлай, уйлай, ашлык, ипләп, йоклай, өнләй, янлай*).

Безҙең башкорт теле илаһи көскә эйә, моңло тел, рухлы тел һәм башкорт теле укытыусылары өсөн бигерәк тә ошо күркәм телебезҙә һаклап калыу бурысы йөкмәтелә. Заман технологияһы үсешкән һайын телмәҙәрәбезҙә төрлө интернациональ һүҙҙәр, варваризмдар, ике телдә бутап һөйләшеү өстөнлөк ала. Бына ошоларҙы мөмкин тиклем туктатып калыу мөһим. Мәктәптә генә түгел, ғаиләлә лә балаларҙың аралашыуҙарына нығыраҡ игтибар итеү кәрәк, кәрәк сакта төҙәтәп ебәрәү зә зарур. Билдәле булыуынса, хатта зыялы ғалимдарыбыҙдың, языусыларыбыҙдың балалары, ейәндәре телдә белмәй үскән осрактар бар. Ни мәғәнә, ейәнең-ейәнсәрең һинең ижадыңды белмәй икән. Зыялы кешеләребез ошоно ла күз уңында тотһа ине.

Ә инде диалект, ерле һөйләш — ул бер ниндәй зә хата түгел. Халык теле — халыктың алтын хазинаһы. Халыктың йәнле һөйләү теле лә, милли әзәби телебез зә безҙең өсөн берҙәй кәзерле. Милләттең берҙәмлеге — уның туған телендә.

ӘЗӘБИӘТ:

Азнағолов Р. Ғ. Ерле һөйләш шарттарында башкорт теленә өйрәнү методикаһы. Өфө, 2006.

ТИПОЛОГИЯ ВОСТОЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДИАЛЕКТАХ СИБИРСКИХ ТАТАР

Язык сибирских татар уникален по лексическому составу, по грамматическому строю. Тюркологи всего мира придают особое значение проблеме его научного изучения, практического применения. Весьма примечателен тот факт, что выдающаяся исследовательница диалектов сибирских татар Д. Г. Тумашева в числе первых была избрана действительным членом созданной Академии наук Татарстана [Алишина 2004, 37].

Язык тоболо-иртышских татар относится к кыпчакской группе тюркских языков с сохранением некоторых древнетюркских (имеется в виду язык древнетюркских памятников) и восточнотюркских черт (то есть особенностей общих с восточнотюркскими языками: тувинским, шорским, хакасским, якутским, алтайским).

Диалекты сибирских татар имеют отличительные особенности:

1. Абсолютно глухие начало и конец слова. Несколько согласных в позиции между гласными могут озвончаться. Широкое употребление глухих согласных является отличительным признаком древности языка. Па⁰ш «голова», па⁰шы «его голова», қа⁰с «гусь», қа⁰сым «мой гусь».

2. Йоканье. По линии йоканья сибирско-татарский язык сходен с туркменским, караимским, башкирским, узбекским, уйгурским языками. Йыр «песня», йэй «лето», йер «земля», йелэк «земляника».

3. Цоканье. Цоканье наблюдается в говорах тюркских языков: в верхнебалкарском говоре карачаево-балкарского языка, мишарских говорах, барабинском, чулымско-тюркском языках, др. Цыцқан «мышь», ца⁰бақ «чебак», па⁰лык-ца⁰бақ «рыба», «рыбная мелочь», ца⁰цта⁰рақ «гребенка» [Алишина 1994, 45].

Основу лексики тоболо-иртышского диалекта, как в целом и всего языка сибирских татар, составляют: общетюркский фонд и производный от него. Отметим, что общетюркский фонд отражает связи со многими языками и диалектами тюркского мира: языком древнетюркских памятников, якутским, тувинским, хакасским, тофским, алтайским, киргизским, казахским, каракалпакским, туркменским, чувашским и многими другими языками. Нетюркский фонд представлен монгольским, арабским, персидским, русским пластами лексики.

Генетические связи сибирских татар нашли отражение в строевых элементах языка, его лексике и подтверждаются исследованиями ученых. После принятия ислама в конце XIV в. сибирские татары перешли на письменность, основанную на арабской графике.

Источниками заимствования арабских и персидских слов были письменная литература и язык просвещенных служителей ислама. Они проникали и на почве торговых отношений со Средней Азией [Насибуллина 2001, 14].

Описание лексики восточного происхождения невозможно без описания заимствований из арабского языка. Трудно определить точно время заимствования арабизмов, так как сибирско-татарский язык существует только в разговорной форме. Арабизмы прочно освоены, подверглись различным семантическим, фонетическим и морфологическим изменениям. Такая адаптация позволяет считать многие арабизмы сибирско-татарскими лексемами. Из лексических единиц активного словарного запаса арабского происхождения в речи тобольских татар, зафиксированных в словаре И. Гиганова, большая часть лексем относится к религии: агырь самань – конец света, ар. ахир – конец, последний, окончание, недавний; Алла – бог, аллах; апталь – человек определенной профессии, совершающий мусульманский обряд обрезания, ар. афдал – лучший, наилучший, достойнейший; асань – призыв на молитву, ар. азан; иблис – дьявол, черт; имамь – религиозный сан, ар. имам – правитель, руководитель, глава, вождь; йома – пятница, ар. жумаат – пятница, неделя; йарапый – о, господь, ар. ярабби – мой господь, кэр – запретный, несправедливый, ар. харам – запрещенный, запретный, незаконный; кабер – иноверец, ар. кафр – неблагородный, неверующий, нечестивый, неверный; кябен – саван, ар. кафан; корманнык – жертва, ар. курбан – жертва, приносить жертву; к,эч – паломничество, ар. хадж – паломник; нягънять суккыр, нэгънэт пулгыр – проклятие, ар. лагнат – проклятый; манара – минарет мечети, ар. манара – маяк, минарет, вышка, башня; мулла – мулла, учитель; мясцидь – мечеть, ар. масжид; патига – прочтение молитвы по окончании трапезы, ар. фатиха – начало, введение, краткая молитва, первая сура араби; рамазань – религиозный праздник после уразы, ар. рамадан – девятый месяц лунного календаря; сатака, сатага – милостыня, подаяние, ар. садакат, сауап – доброе дело, пожертвование, ар. саваб – вознаграждение, доброе дело; соннять – обряд обрезания, ар. суннат – обычай, закон, практика; зыййарать – мусульманское кладбище, ар. зыйарат – посещение, визит, паломничество; динь – вера, ре-

лигия, ар. дин – вера, религия, вероучение; ара – молитва, ар. дуаа; тярать – омовение, ар. тахарат – религиозное очищение, омовение, чистота, непорочность; вафат – кончина, смерть; васыйать – завет, завещание.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что фонетическое освоение иноязычных слов произошло на основе закономерностей наречия сибирских татар. Семантических изменений не много, они касаются слов-профессионализмов апталъ, шыкъ, а также обряда обрезания – суннатъ. Некоторые термины стали употребляться с тюркскими словообразовательными аффиксами: тыва – тывалык, кябень – кябенликъ. Различия имеются в объеме значений: в арабском языке одно слово может иметь несколько значений, тогда как в языке тобольских татар – одно [Алишина 1994, 74].

Число арабских и персидских заимствований в названиях предметов бытовой лексики и домашней обстановки сравнительно небольшое. К ним относятся савуть «посуда», пярда «оконные занавески», цыракъ «свеча, лучина», ксяянка «чулан в сенях», ахшамъ «вечер, время вечерней молитвы» и т.д. При этом следует подчеркнуть, что большая часть приведенных арабо-персидских заимствований обнаруживается и в других тюркских языках.

Персидские слова проникали в язык сибирских татар и в результате непосредственных контактов, через язык бухарцев-таджиков. В составе лексики выявлены слова: пиясь – лук, юва – полевой лук, шаль – шаль, дастурганъ – скатерть, кауынь – огурец и др.

Исследователь Рамазанова Д. Б., отмечая те же восточные заимствования, констатирует: «...отличались пути проникновения арабо-персидских заимствований в язык волго-уральских и сибирских татар». По ее мнению, подавляющее большинство этих заимствований характерно для всех татарских говоров: азап «мука, мучение»; алка – алка/алга «серьги»; арзан «дешево»; кинэ «мстительность»; мэцет «мечеть»; нагыш «узор (вышивание)»; намыс «честь»; сау «здоровый»; сауда «торговля» и т.д. Другая их часть бытует в сибирских говорах в несколько ином звучании: агыйык лит. ахак («агат»); газиз – сиб. азис (дорогой); гажеп – сиб. айап (удивительный); атат/этет – гадэт – обычай; ацайып – гажэйеп – удивительный; балат – пулат – палаты, дворец; бириштэ – лит. фэрештэ – ангел; мэрчен/мардзан – мэржэн (коралл); некэ – лит. никах – бракосочетание; барабинск. пакты – лит. бэхет – счастье; пэйел – фигыль – настроение; пэр-сэнт – форсат – удобный момент, благоприятное обстоятельство; сэчэрэ – шэжэрэ – родословная; туба гылу – лит. тэубэ кылу – раскаяться и др.

Ряд арабо-персидских слов в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар характеризуется семантическим сдвигом: тат. лит. ахшам – время вечерней молитвы, а в сиб. – вечер; сиб. пэ-тер – пресная лепешка; тат. лит. фытыр – подавание после уразы; сиб. тастымал – мочалка, пас тастымал – половая тряпка; тат. лит. тастымал – салфетка; сиб. сират купере – радуга, тат. лит. – «мост над адом тоньше волоска и острее ножа».

Таким образом, исследование лексики дает богатую информацию о наиболее существенных сторонах этногенеза сибирских татар, об этноязыковых контактах населения с древнейших эпох и до наших дней. С развитием научно-технического прогресса происходят изменения в способе ведения хозяйства, а вместе с тем и деактуализация многих лексических единиц. Лексика как наиболее подвижный уровень языка подвергается сильному влиянию иноязычной среды быстрому разрушению и историческому забвению. Диалектная лексика является одним из надежнейших источников разработки языковых проблем дописьменной истории языка, дает ценный материал для установления исторических взаимоотношений между языками и диалектами. В процессе своего исторического развития диалекты сибирских татар, в частности исследуемый нами тоболо-иртышский диалект, претерпели большие изменения. Анализ сибирско-татарской диалектной лексики восточного происхождения, уникальной по составу и структурно-семантическому богатству, необходимо продолжать.

ЛИТЕРАТУРА:

Алишина Х. Ч. Говоры сибирских татар юга Тюменской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1992.

Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994.

Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

Барсукова Р. С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002.

Баязитова Ф. С. Себер татарлары. Казан, 2001.

Гиганов И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым. СПб, 1801.

Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими Муллами свидетельствованные». СПб, 1804.

- Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар. Л., 1981.
 Древнетюркский словарь. М., 1969
 Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961
 Насибуллина А. Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. Тюмень, 2001.
 Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989
 Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 4: наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб, 1872.
 Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова. т. 1-4. СПб., 1893-1911.
 Рамазанова Д. Б. Себер диалектларыннан материаллар. Казан, 2001.
 Рахимова А. Р. Лексика диалектов сибирских татар. Казань, 2001.
 Русско-башкирский словарь. М., 1964. 46 000 слов.
 Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.
 Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
 Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.
 Тумашева Д. Г. Конбатыш себер татарлары теле. Казан, 1961.
 Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.
 Тумашева Д. Г. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
 Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.
 Тумашева Д. Г., Насибуллина А. Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000.
 Тумашева Д. Г. Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. Тюмень, 1997.

Ф. С. Баязитова, г. Казань

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ЦОКАНЬЯ В ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Западный (мишарский) диалект татарского языка по наличию одной из ведущих фонетических особенностей делится на две большие группы говоров: цокающую и чокающую.

К цокающему типу или цокающей группе говоров в настоящее время относятся генетически связанные между собой: сергачский говор – распространенный в районах Нижегородской области; дрожжановский говор – распространен в Дрожжановском и Буинском районах Татарстана, в Батыревском и Канашском районах Чувашии; Чистопольский – в районах Закамья; мелекесский – в северных районах Ульяновской области, байкибашевский – в Караидельском районе Башкортостана, а также в говорах сел Сургодь (Сыркыды, Горенка, Тат. Лундан (Искил) Мордовии, Азеево (Әжи), Тархан (Тархан) Рязанской и с. Татарщино (Күршә) Тамбовской области.

Фонема *ц* – переднеязычный глухой аффрикативный согласный. По данным «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (Казань, 1989), аффрикатам *ч-ж* мишарских говоров соответствуют различные варианты аффрикат *ц-дз*.

В чистопольском говоре, а также в сергачском и в говорах Сургод (Сыркыды), Татарщино (Күршә) отмечены два варианта звука *ц*: твердый и мягкий. Ниже приводятся примеры на твердый и мягкий варианты *ц*.

Твердый вариант *ц* встречается в соседстве с задними гласными, мягкий вариант – в соседстве с передними гласными.

Твердый вариант звука *ц* мягкий вариант звука *ц*

Цалгы – чалгы ‘коса’ *цэц* – чэч ‘волос’

Камцы – камчы ‘плеть’ *цэйнек* – чэйнек ‘чайник’

Цыбыркы – чыбыркы ‘кнут’ *чилэк* – чилэк ‘

Цугынган – чукунган ‘крещеный’ *цэцү* – чэчү ‘сеять’

Пыцак – пычак ‘нож’ *печән* – печән ‘сено’

Цабата – чабата *печкән* – печкән ‘отрезанный’

Цылбыр – чылбыр ‘цепь’ *цебеш* – чебеш ‘цыпленок’

В чистопольском и сергачском говорах употребляется еще более мягкий вариант звука *ц*, который встречается перед палатальным *й*. В словах *цүлмәк* – чүлмәк ‘горшок’, *цүкеч* – чүкеч ‘молоток’, *цүгәл* – чүгәл ‘встать на корточки’, *цәнцү* – чәнчү ‘колоть’ и т.д. мы наблюдаем третий вариант звука *ц*, напоминающий русский палатализованный *т* в слове *теперь*.

Звук *ц* в сергачском говоре активно употребляется и в фольклоре, а именно в старинных обрядовых песнях. Например, в весенних календарных песнях «Зимцэцэк»:

Зимцэцэк, зимцэцэк,

Зимә буйы зимцэцэк..

В свадебных песнях-пожеланиях:

Бақцалардан зийып алдым

Руза цэцэк куцасын.

Шыл цэцэклар куцасына

Тормышыгыз ошасын.

Цоканье в течение долгого времени сохранилась даже в речи представителей интеллигенции. Однако, как было отмечено Л. Т. Махмутовой (1978: 66), в говорах, распространенных на смежных со средним диалектом территориях (дрожжановском, чистопольском), эта особенность постепенно стала утрачиваться, уступая место различным вариантам аффрикат *ч* и *ж*. В этом, конечно, совершенно определенную роль играет татарский литературный язык, на котором ведется обучение.

В чистопольском говоре в ряду расположенных, или даже в одних и тех же населенных пунктах наблюдается параллельное употребление *ц* и *ч*. Примеры: *печән//печән* 'сено', *цабата//чабата* 'лапоть', *цук//чук* 'кисть', *цыбар//чувар* 'пестрый', *мунца//мунча* 'баня', *цыбык//чыбык* 'прут', *күмәц//күмәч* 'хлебце', *цүмәлэ//чүмәлэ* 'копна' и др. В говоре чистопольских крещеных татар цоканье отсутствует.

Цоканье не является спецификой лишь мишарских говоров. Цоканье, т.е. соответствие звука *ц* общетюркскому *ч*, а иногда и звонкой аффрикате *ж* через ступень ее оглушения имеет место и в диалектах сибирских татар. По исследованиям Х.Ч.Алишиной (1994:23) глухая аффриката *ц* встречается во всех позициях слова. Например, в анлауте: *чай* 'чай', *цац* 'волосы', *цийган* 'чирей', *цымылтык* 'занавес', *цит* 'сторона чужая, задворки, край', *цук* 'кисточка на одежде', *цам* 'обида', *цым* 'весенний обряд: поминовение умерших' и др. В инлауте: *қайцы* 'ножницы', *қамцы* 'плетень', *цывалцан* 'дождевой червяк', *цыцқан* 'мышь', *цицэк* 'цветок', *цацак* 'бахрома', *цэнецке* 'вилка', *цэцэй* 'оспа'. В ауслауте: *цүмец* 'ковш', *үтенец* 'сожаление', *үтенец* 'просьба', *пурыц* 'долг', *пороц* 'перец', *үрмәкуц* 'божья коровка', *көлэгәц* 'смешливый', *ац* 'голодный' и др.

В некоторых случаях *ц* может заменять звуки *т, с, ш, ж, ч* татарского языка: *цыцқан* – тычкан 'мышь', *цөцкерү* – төчкерү 'чихать', *қыцыклау* – кытыклау 'щекотать', *пацкыц* – баскыч 'лестница', *цицеу* – чишү 'развязать', *паца* – бажа 'свояк', *кицә* – кичә 'вечер', *цумыу* – чуму 'нырять' и т.д.

По многочисленным обрядовым текстам диалектов сибирского ареала, записанных нами на магнитофонную пленку (Баязитова 2010: 25–500), у сибирских татар повсеместно наблюдается вариант произношения слов как с *ц*, так и с *ч*.

Цымылтык // *чымылтык* 'полог, занавес';

Кэбэц // *кэпэц* 'тюбетейка';

Ницаклы // *ничаклы* 'сколько';

Сауцы // *саучы* 'сват, сваха';

Чай // *чай* 'чай';

Тукац // *тукач* 'пончик'

Пөргәнчек // *пөргәнчек* 'головное покрывало'.

Однако по материалам исследований диалектов сибирских татар видно, что цоканье, как и в мишарском диалекте, постепенно уступает место глухой аффрикате *ч*. Появление глухой аффрикаты *ч* вместо *ц* в тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта отметила Д. Г. Тумашева (1977: 58–59). Л. В. Дмитрива, исследователь языка барабинских татар, обнаружила, что в Куйбышевском, Чановском, Венгерском, Кыштомском районах Новосибирской области всюду вместо аффрикаты *ц* встретила глухая аффриката *ч*, которая произносится очень твердо – с некоторым «призвук» «ц». Ученые считают, что появление *ч* вместо *ц* в диалектах сибирских татар обусловлено влиянием поволжско-татарского и русского языков (Дмитриева 1981; Алишина 1994:23).

Цоканье – одна из особенностей кыпчакско-тюркских языков. В. В. Радлов в «Codex Cumanicus» транскрибировал *ч* как *ц* (W.Radloff. Das türkische sprachmaterialien des Codex Cumanicus St-Petersbourg, 1887).

Переход *ч > ц* как древний кыпчакский элемент, встречается в диалектах карачаево-балкарского языка: *ац* 'открой', *бахца* 'огород', *цаба* 'бежит', *цыфцык* 'воробей' (Аппанаев 1960: 17). Цоканье охватывает диалекты южного Азербайджана (Ширалиев 1958: 171–173), наблюдается в галицком диалекте караимского языка (Мусаев 1964 : 72; Соттаев 1961: 132–134; Садыхов 1966: 178–179). Кроме того, цоканье, сохранилось в некоторых словах в речи отдельных представителей киргизского племени чайырчы, живущих в горах Таджикистана и Киргизии (Юнусалиев 1976 : 144–145; Батманов 1938: 23; Бакинова 1975: 101–103). Мы приведем по этому поводу заключение предыдущих исследователей, в частности, мнение Л. Т. Махмутовой (1978:66): «Такое распространение цоканья в большинстве случаев параллельного ему дзоканья, дает основание полагать,

что аффрикаты *ц-дз* некогда были характерны для части тюркских племен, которые впоследствии по ряду исторических причин оказались на разных территориях».

По исследованиям марийских языковедов, цоканье и чоканье имеется и в наречиях марийского языка. Считается, что современные типы цоканья и чоканья в марийском языке утвердились под влиянием соответствующих диалектов соседних тюркских языков (Казанцев 1987: 193). Например, исторические данные свидетельствуют о вероятности связей сергачской группы мишарей и марийцами. Многие татарские слова в горное и северо-западные наречия, от которых трудно определить йошкар-олинский говор, перешли из мишарского диалекта, особую черту которого составляет цоканье. Таким образом, неслучайно, что в йошкар-олинском говоре, горном и северо-западном наречиях татарские слова имеют согласный *ц*:

цэвэр 'красивый' – миш.д. *чибәр*;

цырэ, цырэй, цыри 'лицо, облик' – миш.д. *цырай* и др.

Таким образом, в йошкар-олинский говор татарские слова восприняты из цокающих диалектов. Это, несомненно, обусловило сохранение древнемарийской аффрикаты *ц* в исконных словах западных марийских диалектов (Казанцев 1987: 194).

Цоканье, как древнее диалектное явление, имеет место и в восточнославянских говорах. Как свидетельствуют данные древнерусской письменности, цоканье охватило в XI–XIV вв. обширные территории восточнославянского северо-запада и севера. Характерной чертой новгородских берестяных грамот является системное написание *ц* вместо *ч*. Смещение букв *ц* и *ч* отмечено, таким образом, в древней новгородской письменности, особенно в восточно-новгородских говорах, в берестяных грамотах XI в.: *пеци, пець, цисть* (Зализняк 1995: 34).

Цоканье и чоканье неодинаково характеризует все севернорусское наречие: в одних районах проявляется цоканье (напр., Архангельском, Вологодском областях), в других – цоканье (напр., в районах Кировской области). Смысло-различительная роль *ц* и *ч* минимальна. К тому же *ц* и *ч* по своим физиолого-акустическим свойствам были очень близки друг к другу и отличались лишь местом взрыва и свистящим и щипящим оттенками.

По мнению русских ученых-исследователей (напр.: Филин 1972: 263) цоканье в русском языке является субстратом, возникшим под воздействием неславянских языков: «Цоканье, может быть, возникло в результате взаимодействия с какими-то неславянскими языками, хотя этого утверждать нельзя. О том, что в современных рязанских «мешерских» говорах цоканье развилось в результате ассимиляции мешеряков-неславян, мы можем только предполагать, но доказать этого не можем (мешерский язык нам неизвестен)». Из изложенного видно, что цоканье – несомненно, древнее диалектное явление, сохранившееся и в тюркских, и в славянских языках.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994. 118 с.
- Аппанаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960. С. 17.
- Бакинова Г. О. О цокающем говоре киргизского языка: звуковая и семантическая структура языка. Фрунзе, 1975. 156 с.
- Батманов И. А. Северные диалекты киргизского языка. Вып. 1. Фрунзе, 1938. 216 с.
- Баязитова Ф. С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы (Йола һәм фольклор текстлары ясылыгында). Казан, 2010. 738 с.
- Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар. Л., 1981. 225 с.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. 720 с.
- Казанцев Д. Е. К истории цоканья в диалектах марийского языка // Материалы и исследования по марийской диалектологии. Йошкар-Ола: марийский научно-издательский институт. 1987. С.177–197.
- Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 344 с.
- Radloff. W. Das türkische sprachmaterialen des Codex Cumanicus St-Petersbourg, 1887.
- Садыхов Б. П. О некоторых кыпчакских элементах в айрумском говоре азербайджанского языка. Баку, 1966. С.178–181.
- Соттаев А. Х. Диалектный состав балкарского языка // ВДТЯ. Казань, 1961. С.23–38.
- Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977. 225 с.
- Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. – Л., Наука, 1973. – 655 с.
- Ширалиев М. Ш. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (по материалам диалектов и говоров) // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965. С. 11.
- Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясе. Фрунзе, 1971. 264 с.

КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ

Проблема исследования художественного концепта в процессе лингвопоэтического описания текста – одна из основных в когнитивной лингвистике. Главная специфика художественного слова – заключать в себе многообразие смысловых единиц, и проходя сквозь текст, становиться как бы эквивалентом произведения в целом. Этот факт позволяет считать язык художественной литературы особой формой творческого познания мира и, в свою очередь, рассматривать лингвистику, как часть поэтики. Таким образом, использование методов концептуального анализа в лингвопоэтическом описании текста является наиболее предпочтительным.

Художественный концепт является как бы заместителем образа, в силу чего природа художественного освоения мира отличается эмоционально-экспрессивной маркированностью, особым словесным рисунком, в котором красками выступают эксплицируемые вербальными знаками образы и ассоциативно-символьные констелляции. В этом плане одним из наиболее сложных, неоднозначных можно считать соотношение понятия/концепта и слова "душа", отражающих национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию русского народа. Характерно, что понятие души в христианской традиции неразрывно связано с понятием "живое", "живая душа", "дух жизни", "давать духу", "давать жизни", "живым духом", "душа болит", "душа горит", "душа перевернулась", "отводить душу", "надрывать душу" и т. п.

Понятийный слой внутри концепта «душа» выделяется на основании данных из лексикографических источников. В русском языке слово душа чаще всего употребляется в значении «внутренний, психический (психологический) мир человека». Следует отметить, что в настоящее время получает распространение второе по частоте значение (религиозное) души как «нематериального начала». Ключевыми компонентами концепта «душа» в русском языке являются понятия: «жизнь», «личность», «совесть», «чувство», «характер человека», «эмоции». Концепт «душа» в русской языковой культуре связан с концептами «дух», «жизнь», «человек», «совесть», «сердце».

Обращение в данной статье к творчеству А.Ахматовой неслучайно, так как, по меткому выражению А.Коллонтай, именно Ахматова дала «целую книгу женской души».

Гениальной русской поэтессе Анне Ахматовой был данный от Бога дар передать все тончайшие оттенки женских переживаний. Сама Анна Ахматова отмечала, что она научила женщин говорить, ее лирическая героиня олицетворяла собой саму женственность. Многолики, прекрасны женские образы в ее поэтических творениях. Каждое имя способно поведать историю любви, открывая новые грани в женских характерах. Ахматова отразила в своей лирике целую вереницу женских судеб. Это и жена, и любовница, и вдова, и мать. Устами своей лирической героини поэтесса говорит о собственных самых сокровенных мыслях и чувствах, передает все оттенки эмоционального состояния, сопутствующего влюбленности.

Женская душа в подлинном смысле живет любовью. Чувство, само по себе острое и необычное, оказывается событием и порождает целый ряд событий: первая встреча и первое пробуждение чувства, ожидание свидания и измена, переживание разрыва и смертельная тоска. Женское начало проявляется также в конкретности, детальности видения мира. Именно в ахматовской поэзии женская душа обрела поэтический голос огромной силы.

Любовь в стихах Ахматовой не всегда счастливая и благополучная. Даже наоборот. Часто это страдание. Это чувство не может быть спокойным: Любовь — чувство, которое определяет для героини смысл жизни, ее ход; оно — естественное состояние человеческого сердца. В ранних произведениях поднимается тема простого женского счастья, а также переживаний, понятных и близких каждому: разлука, измена, отчаяние, одиночество.

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе,
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше. (Вечерняя комната) [Ахматова 1989, 34].
Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, всегда в путях своих уверенный
Свет, узревший в шалаше. (Помолись о нищей, о потерянной) [Ахматова 1989, 62].

Её лирическая героиня не отражает персональной судьбы Ахматовой, а отражает проявление женской доли, женского голоса. А.Ахматова сумела передать в стихотворениях силу женской души. Прежде всего, женская душа проявлялась в стихии любви. Движущим началом лирики Анны Андреевны, безусловно, является "великая земная любовь". Ахматова была первой женщиной в поэзии, которая раскрыла сложный мир женских переживаний. С такой мучительностью и напряженностью ни один поэт не смог передать любовь, как Ахматова.

Любовь в изображении поэта драматическая, неразделенная, законченная. Поэзия А. Ахматовой не только исповедь влюбленной женщины, это исповедь человека, живущего всеми бедами, болями и страстями своего времени и своей земли.

В поэтическом мире образ души у А.Ахматовой приобретает специфические психолого-эмоциональные и семантические очертания. Концепт «душа» передает различные чувства в стихотворениях; «Я улыбаться перестала», «Вечерняя комната», «А! это снова ты. Не отроком влюбленным»:

Душе любовное молчанье – (грусть) [Ахматова 1989, 82].

Что только раз рождаются в *душе* – (воспоминание) [Ахматова 1989, 34].

Страшна моей *душе* предгрозовая тишь – (чувство одиночества) [Ахматова 1989, 81].

Образный и ценностный слои находятся на периферии и в структуре концепта «душа». В русской языковой картине мира «душа» предстает в самых различных образах:

1) *как орган чувств и предчувствий*:

О пленительный город загадок,

Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить! *Душа* тосковала,

Задыхалась в предсмертном бреду,

А теперь я игрушечной стала,

Как мой розовый друг какаду. (В Царском селе) [Ахматова 1989, 13];

2) *как материальный орган, как alter ego человека*:

О тебе вспоминаю я редко

И твоей не пленяюсь судьбой,

Но с *души* не стирается метка

Незначительной встречи с тобой (Вечерняя комната) [Ахматова 1989, 34];

3) *как нечто, связующее человека с высшим духовным началом*:

Мир родной, понятный и телесный

Для меня, незрячей, оживи.

Исцелил мне *душу* царь небесный

Ледяным покоем нелюбви. (Стал мне реже сниться, слава Богу) [Ахматова 1989, 115]

Ты совсем устало

Бьешься тише, глуше

Знаешь, я читала,

Что бессмертны *души*. (Дверь полуоткрыта) [Ахматова 1989, 18];

4) *как некоеместилище, тайник, сосуд, оболочка*:

Тяжела ты, любовная память!

Мне в дыму твоём петь и гореть

А другим – это только пламя,

Чтоб остывшую *душу* греть (Тяжела ты, любовная память!) [Ахматова 1989, 79].

Нельзя не согласиться с мнением Л. Н. Малюковой, которая, называя А. А. Ахматову большим поэтом, сравнивает ее с неизъяснимо влекущей тайной. В поэте, «как в прекрасной сказке, есть все: и душа, и мысли, и сердце. Но только сказки всегда имеют счастливый конец, судьба русского поэта трагична...». Ответы на все жизненные вопросы мы находим в поэзии Ахматовой. Именно она — ключ к личности А. Ахматовой и к сокровенным тайнам ее поэтического мастерства.

Ахматова не просто научила «женщин говорить», выразив в своем творчестве женскую душу, — она целенаправленно разрушала веками складывавшийся образ иконы, «гения чистой красоты»:

ЛИТЕРАТУРА:

Ахматова А.А. Лирика/ Сост. и подг. текста В.Черных. М., 1989. 415 с.

К. Н. Бурнакова, г. Москва

РИТМОМЕЛОДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ ЖИВЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ритмомелодическое (интонационное) изучение тюркских говоров и диалектов современных тюркских языков народов Южной Сибири остается наименее изученным разделом отечественного языкознания. Безусловно, оно актуально и для хакасского языка, в виду того, что хакасский литературный язык базируется на двух разных диалектах (сагайском и качинском) в ритмомелодическом плане. Для нормирования ритмомелодических особенностей любого литературного тюркского (алтайского, тувинского, хакасского, шорского) языка Южной Сибири, важно изучить специфические нюансы ритмомелодики диалектов по отдельности. При этом важно опираться, прежде всего, на синтаксические единицы с учетом структурно-семантических и функциональных моделей предложения по трем основным коммуникативным установкам по цели высказывания. Однако слабая изученность синтаксических единиц в функционально-коммуникативном плане диалектов тюркских языков Южной Сибири, делает невозможным исследование ритмомелодики живых тюркских диалектов в системном плане. Очевидно, выявление синтаксических и ритмомелодических специфических диалектных особенностей следует проводить одновременно и приветствовать подобные комплексные исследования на уровне кандидатских и докторских диссертаций.

ций. Ритмомелодика – живое звучание естественного языка. Она заставляет работать и приводить в действие всю иерархическую структуру и систему любого диалекта живого языка одновременно как на сегментном, так и на супraseгментном уровне. В процессе коммуникации задействованы все формальные и содержательные единицы языка и речи. В исследовании звукового строя любого живого языка, мы имеем дело со звуками речи, реализующиеся в различных осложняющихся структурно и системно в – слогах, морфемах, словах, словосочетаниях, предложениях и целых текстах. Они приобретают конкретную семантику, и ритмомелодика приводит в действие всю структурно-системную и семантическую организацию языка в живое движение. В общении коммуникантов охватываются все уровни языка одновременно и оформляются интонационно все структурно-системные и семантические организации в соответствии с коммуникативными функциями речевой деятельности. В этом случае важны все компоненты и коммуникативные элементы, а также основные единицы общения. Собственные компоненты ритмомелодики (частота основного тона, интенсивность, длительность, темп, мелодика, ритм и т.д.) не остаются пассивными, а активно влияют на реализацию содержательной стороны соответствующих компонентов, каждый из которых имеет свою собственную абсолютную единицу измерения. В зависимости от содержания языковых единиц, а также от экстралингвистических факторов и речевого взаимодействия (коммуникации и прагматики) ритмомелодика приобретает свои структурные и системные реализации при функционировании в живом общении. И с другой стороны, ритмомелодика, изменяя работу своих компонентов структурно и системно на базе конкретных синтаксических единиц и целых текстов, может влиять на изменение семантики языковых единиц, тем самым, определяя стратегию и тактику коммуникантов и их коммуникативное взаимодействие.

Л. В. Бусыгина, г. Ижевск

НАЗВАНИЯ ДУШИЦЫ В ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00 –304а

Популярность и широкое распространение душицы, вероятно, способствовало возникновению различных ее наименований в удмуртских диалектах: *душица*, *чай*, *чайтурым*, *пыштурын*, *пычы-чай*, *пыц'ы*, *пыцытурын*, *пыцкулон*, *пыцкылон*, *матрушка*, *лыз матрешка*, *карньтурум*. В словаре биологических терминов С. В. Соколова и В. В. Туганаева отмечены следующие названия: *пыштурын*, *пыцы*, *пыцытурын*, *пыцкулон*, *матрушка*, *тунсык*, *лыз пыцы* [Соколов 1994, 78], из которых слово *тунсык* в качестве названия душицы в ходе полевых экспедиций не было зафиксировано. Наименование *лыз пыцы* также не было отмечено, но были обнаружены отдельно названия *пыцы* и *лыз матрешка*.

Заемствованное из русского языка название *душица* ‘душица’ спорадически появляется в населенных пунктах Унинского района Кировской области (9–11) и в деревне Черный Ключ Воткинского района Удмуртии (99). Данная лексема одного корня со словами *дух*, *душа*, *дышать*. М. Фасмер определяет индо-европейское происхождение этих слов [Фасмер 1964, 556, 559].

Жители д. Дондыкар Глазовского района Удмуртии (25 (3)) параллельно с удмуртским названием душицы *пыцкылон* употребляют и русское слово *чай*. В опорных пунктах 104 и 105 (дд. Бол. Гурезь-Пудга и Бол. Волково Вавожского района Удмуртии) для обозначения душицы используют сложное слово *чайтурым* (образовавшееся из атрибутивного сочетания), одним из компонентов которого является лексема *чай*.

В русский язык слово *чай* пришло, по утверждениям М. Фасмера, через тур., крым.-тат., тат., кирг., алт. *cai* «чай», уйг. *ча*, монг. *cai* из сев.-кит. *chā* «чай», в то время как южнокит. *tē* послужило источником зап.-европ. названиям чая – франц. *thé*, ит. *tè*, англ. *tea* [Фасмер 1973, 311].

Наибольшее распространение и наибольшее количество фонетических вариантов в диалектах удмуртского языка получило название *пыштурын* ‘душица’. Не случайно, наверно, и в письменных источниках оно фиксируется чаще всего: *pis-turim* ‘душица’ Jel. (1896) [Munkacsı 1990, 557], *pys-turym* М, *pis-turim*, *pis-tur'm* U ‘душица’ (1892–1894) [Wichmann 1987, 201], *пыш турын* ‘душица, матрешка’ [Крылов 1919, 30], *пыш турым* юж. ‘душица, обыкновенная трава’ (1933) [Борисов 1991, 245], *пышитурын* ‘душица’ [УРС 1948, 261], *пыштурын* ‘душица’ [УРС 1983, 374], *пыштурын* [УРС 2008, 574].

Данное наименование, в котором вследствие процесса дезаффрикации вместо аффрикаты *ч* появляется *ш*, распространено преимущественно в срединных говорах, за исключением средне-восточного диалекта, а также встречается в говорах центрально-южного диалекта (110, 124, 126, 127).

Фонетический вариант данного названия с неогублённым гласным средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъёма *ь* – *пыштурын* ‘душица’ – употребляется в алнашском говоре (135, 137, 150) и в д. Стар. Юмья Кукморского района Республики Татарстан (144). Жители д. Жувам Юкаменского района Удмуртии (49) в первом слове данного названия произносят звук *э*: *пэштурын*.

В водзимоньинско-омгинском (89, 90, 108), среднеижском диалектах срединных говоров (91, 92, 94–98, 123), в говорах центрально-южного диалекта (112, 113, 129, 131, 133, 134, 136, 148), а также в шошминском говоре (138, 141) зафиксирован вариант с ауслаутным *м* – *пыштурым*,

в котором конечный носовой звук *н* перешёл в губной *м*. (ср.: *зым* < *зын* ‘запах’, *им* < *ин* ‘небо’, *йалам* < *йалан* ‘постоянно; все еще’ и т.д.).

В опорных пунктах кыркмасского (130), граховского (133) и алнашского (135, 149) говоров, а также в деревнях Кукморского района (142, 143, 144) и в д. Пойкино Мамадышского района Татарстана (146) бытует вариант с неогубленным гласным средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема *ь* – *пыштурым*.

Спорадически в нижнечепецком и среднечепецком диалектах, а также в водзимоньинско-омгинском и среднеижском диалектах появляются следующие фонетические варианты данного наименования: *пыцтурун* (47, 48), *пыштурун* (6), *пыштурум* (89, 93, 98, 106). В населенных пунктах шошминского говора (138а, 139, 140) распространен вариант *пуштурым*.

Наиболее древний вариант названия душицы *пыцтырун* зафиксирован в чутырском и шарканском говорах средне-восточного диалекта (59–60, 77г, 79) и в д. Лонки-Ворцы Игринского района (58).

Письменные источники фиксируют следующие формы: *Пычтурын* I, *Пыч турын* II ‘душица’ (1892–1918) [Верещагин 2006, 200], *пыц турын* ‘душица’ [Русских 1931, 16], *пыц турым* св. ‘душица, обыкновенная трава’ (1933) [Борисов 1991, 245], *пыцтырун*, *пыцтырун* ‘душица’ [УРС 1983, 374], *пыцтырун*, *пыцтырун* [УРС 2008, 574].

В с. Муки-Какси Сюмсинского района Удмуртии (84) зафиксировано слово *пыцтырун*, в котором прослеживается звукопереход *ы* > *и*. Данное явление наблюдается также в опорных пунктах Кильмезского района (12, 14) и Якшур-Бодьинского района (72, 74) Удмуртии, где отмечены формы *пыц’и* и *пыци* соответственно.

Возникновение указанных форм в Кильмезском и Сюмсинском районах вполне может быть связано с миграционным потоком шошминских удмуртов. Но следует учитывать и взаимодействие с местным марийским населением, одним из характерных черт диалекта которого является иканье (употребление гласного *и* вместо *ы* (*ι*) и *Ы* (*κ*)) (см. Грузов 1964, 15). Тем более что рядом, в опорных пунктах 13 (д. Салья Кильмезского района) и 81 (с. Гура Сюмсинского района) отмечены формы *пыц’ы* (13) и *пыцы* (81) (последняя зафиксирована в Удмуртско-русском словаре 1983 года [УРС 1983, 374] и в Удмуртско-русском словаре 2008 года издания [УРС 2008, 574], в которых представлена как литературный вариант), в д. Дмитрошур Сюмсинского района (83) – *пычычай* ‘душица’. Влиянием марийцев, по утверждениям С. А. Максимова, можно объяснить звукопереход *ы* > *и* при велярном окружении в некоторых словах в речи местных удмуртов, например, в слове *киси* ‘карман’ (лит. *кисы*) [Максимов 2009, 44].

Как известно, процесс называния фитонимов чаще всего связан с применением их в хозяйстве, в быту. Исследуемое наименование связано с тем, что данное растение, его запах, сильный аромат является надежным средством в борьбе с различными видами насекомых, в частности, с блохами, что и нашло отражение в составе названия: *пыц* ‘блоха’ + *турын* ‘трава’, первая часть которой, по данным Краткого этимологического словаря коми языка, имеет общепермское происхождение (общеп. **рис* [КЭСК 1999, 237]), а допермскую (ф.-у.) основу слова *турын* ‘трава’ авторы названного труда восстанавливают в виде **tarna* и определяют его индо-европейское происхождение [КЭСК 1999, 287]. Заметим, в названии наблюдается структурная «неполнота» синтаксической конструкции, произошло «выпадение» языковой единицы, которую можно восстановить из контекста. Судя по следующим названиям душицы изначально исследуемые названия употреблялись с компонентом *кулон* ‘смерть’. Кстати, и в этих наименованиях также отсутствует один из компонентов – слово *турын* ‘трава’. Эти эллиптированные наименования распространены в говорах северного наречия: *пыцкулон* (1, 2, 19, 21–23, 51, 52, 63, 65), *пыцкулон* (31, 35, 50), *пыцкулон* (26, 28–31, 35, 50), *пыцкулон* (36, 46), *пыцкълон* (45, 49), *пыцкълон* (3, 8, 19, 20, 27, 32–34, 37–44, 61, 62, 75), *пыцкълон* (24), *пыцкълон* (25 (1), 26, 45, 48), что подтверждают и Удмуртско-русские словари 1948, 1983 и 2008 гг.: *пыцкулон* сев. ‘душица’ [УРС 1948, 260], *пыцкулон* диал. ‘душица’ [УРС 1983, 374], *пыцкулон* диал. ‘душица’ [УРС 2008, 574].

А в упомянутых выше вариантах названий душицы *пыц’ы* и *пыцы* в результате выпадения определяемых слов, которые располагаются, как правило, в конце сочетания, осталось однословное название.

Полный вариант названия душицы зафиксирован в словаре Т. К. Борисова – *пыц кулон турын* ‘блошная трава’ [Борисов 1991, 245].

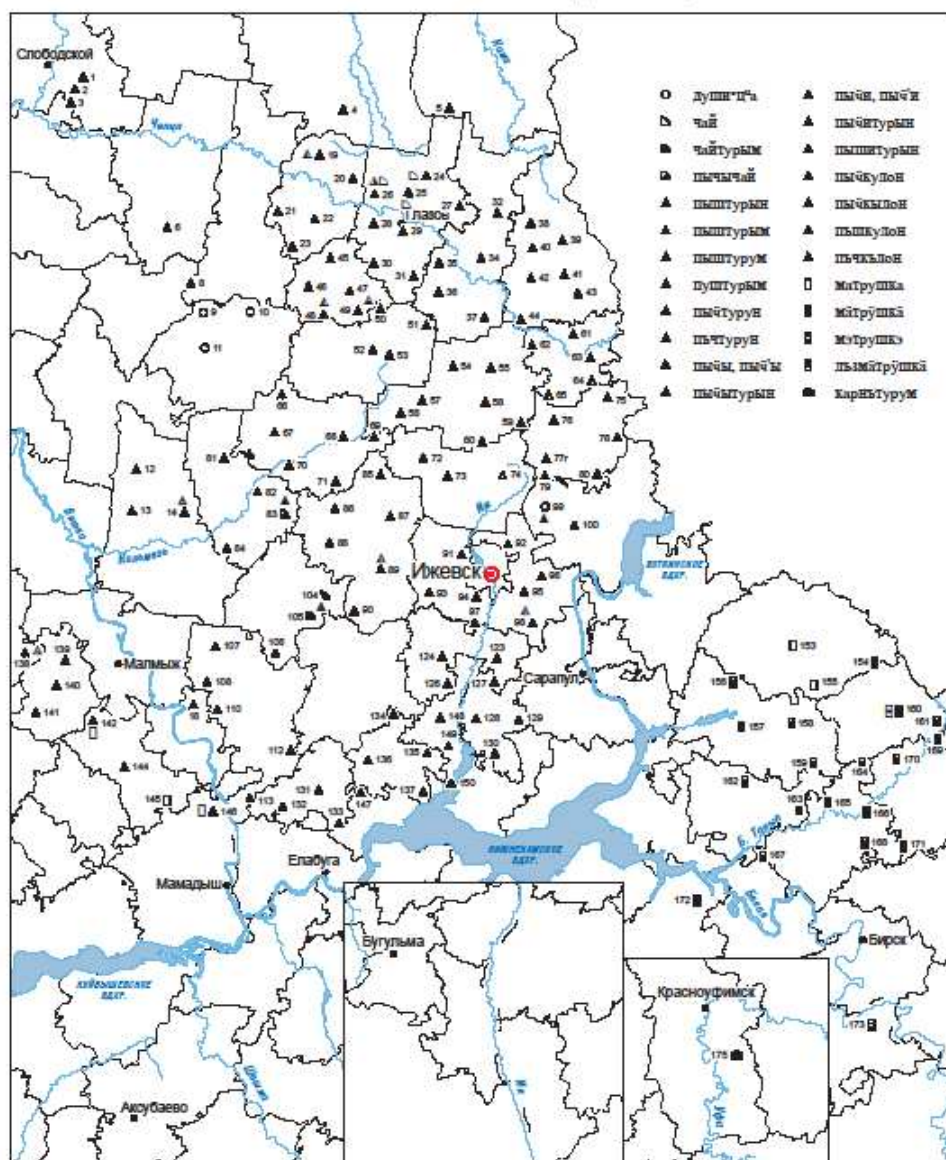
В говорах периферийно-южного диалекта южного наречия в качестве наименования душицы распространено заимствованное довольно в позднее время из тюркских языков слово *матрушка*: *матрушка* (142, 145, 146, 153, 155, 158), *матрюшка* (154, 156, 159–173), *мэтрушкэ* (173) (ср.: тат. *мТрушкТ* ‘душица’ [ТРС 2007, 33]; мар. *матрушка* ‘душица, маткина душка’ [МРС 1991, 187]). В д. Уразгильды Татышлинского района Башкортостана зафиксировано название *лъз матрюшка* (160), которое противопоставляется названию зверобоя *чуж матрюшка*. Вероятнее всего, в тюркские языки данное название пришло из русского языка. По утверждениям М. Фасмера, «маткина душка – растение «*Thymus serpyllum*, чабрец»; ср. сербохорв. *мајкина душица*, чеш. *mateří douska*, польск. *macierza duszka*, *macierzanka* – то же. Существует поверье о том, что в это растение превратилась рано умершая мать» [Фасмер 1967, 582]. Собственно, русский источник подтверждают

и ученые: «матрешка бавл., матрешка бт. «душица» < тат., башк. матрушка, чув. матрушке, матрешке «тж.» (< русск. – Шанский, Иванов, Шанская: 211; Егоров 1964: 129)» [Цит. по: Тараканов 1993: 99]. Также и М. Р. Федотов, автор «Этимологического словаря чувашского языка», пишет: «Слово это получилось в результате неточного воспроизведения русского *маткина душика* (с пропуском *-кина* и заменой *д* звука *р*): *мат (кина) душика* > *матрушка* > *матрешке* > *матрешке*» [Федотов 1996, 344]. Судя по данным Словаря русских народных говоров, многие растения с сильным запахом называют «душкой» или «душицей», например, фиалку душистую, базилик душистый и т. д., непосредственно душицу (*Orimum vulgare*) в Псковской губернии, называют «маткиной душкой» [СРНГ 1972, 284–285]. В удмуртских письменных источниках название *матрушка* ‘душица’ зафиксировано лишь в Удмуртско-русском словаре 2008 года без указаний на диалектное использование (см. УРС 2008, 425).

Жители д. Юва Красноуфимского района Свердловской области (175) душицу называют словом *карньтурум*. Данное наименование является полукалькой из марийского языка, ср. мар.: *кармышудо* ‘блошница (травя)’, состоящей из двух компонентов: *карме* ‘муха’ + *шудо* ‘травя’ [МРС 1991, 104, 105, 425].

Таким образом, анализ всех наименований душицы позволяет говорить о том, что в диалектах удмуртского языка сохранилось древнее название душицы *пыцитурын*. Но при этом удмурты заимствовали названия и у соседних народов: у русских – наименования *душица* и *чай*, у марийцев – *карньтурум*, а также русское наименование *матрушка* в диалекты удмуртского языка пришло через тюркские языки.

ДУШИЦА ОБЫКНОВЕННАЯ

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

ЛИТЕРАТУРА:

- Борисов Т. К. Удмурт кыллокам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов. АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. XXXII. 384 с.
- Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. За выпуск и авт. предисл., комментарии Л. М. Ившин; РАН. УрО. ИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с.
- Грузов Л. П. О редуцированных гласных марийского языка и их истории // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.–Л., 1964. С. 15-26.
- Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919. 47 с.
- Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар, 1999. 431 с.
- Максимов С. А. Названия слезы в удмуртских диалектах и их происхождение // Ежегодник финно-угорских исследований / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. Ред. Д. И. Черашняя. Ижевск, 2009. С. 43–49.
- Махлаюк В. П. Лекарственные растения в народной медицине / Под ред. Г. С. Назарова. Саратов, 1967. 560 с.
- Васильев В. М. Марла-рушла мутер = Марийско-русский словарь / В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола, 1991. 512 с.
- Русских П. М. Русско-удмуртский словарь. Ижевск, 1931. 64 с.
- Соколов С. В. Биологической нимкылёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. Ижевск, 1994. 144 с.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; АН СССР. Ин-т рус. языка. Л., 1973. 372 с.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь / Ижевск, 1993. 170 с.
- Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 3. (М–Я). Казань, 2007. 726 с.
- Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М., 1948. 447 с.
- Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М., 1983. 592 с.
- Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. I. (А–Д). 1964. 562 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. II: Е–Муж. 1967. 671 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М. Т. IV: Т–Ящур. 1973. 852 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. / М. Р. Федотов. Чебоксары. Т. I: А–Ритӑван. 1996. 470 с.
- Munkacsi B. A votjak nyelv szotara / B. Munkacsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pecs, 1990.
- Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

М. Р. Вәлиева., Өфө к.

БАШКОРТ ТЕЛЕ ДИАЛЕКТАРЫНДА Н-М, М-Б-П ФОНЕТИК СИРАТЛАШУУ

Мәкәләнең максаты — *н-м, м-б-п* фонетик сиратлашууы аркылы башкорт, болгар фонетикаһының уртаҡ һәм айырмалы яктарын билдәләү.

Башкорт һәм боронго болгар телдәрәндәге уртаҡ фонетик күренештәрҙең береһе – ул анлаутта һаңғырау *п* тартынкыһының булмауы. *П* өнө тик инлаутта һәм ауслаутта ғына һирәкләп булһа ла осрап булған. Болгар телен өйрәнүҙең ике быуатлык дәүерә эсендә *п* өнөнә кағылышлы төрлө фекерҙәр әйтелгән. Мәсәлән сыуаш телсәһе Н. И. Ашмарин болгар телендә сыуаш телендәге кеүек һаңғырау *п* өнө кулланылған булыуын билдәләй [Ашмарин 1902, 103]. О. Прицак, Р. Г. Әхмәтйәнов ошондай ук карашты яклый [Pritsak 1959, 306; Татар теле һәм әдәбияты 1976, 32, 33]. Волга буйы болгарҙарының эпитафияларын өйрәнүсәләр (Фәйезханов Х., Хакимзәнов Ф. С.) каршы карашты дәлилләй. Сөнки эпитафияларҙа *осраған ärnä başi, Bälax, Tabac* формалары һәм «Дунай буйы болгарҙары исемлегә»ндәге *Безмер, Баян* кеүек хан исемдәре, шулай ук *бихтун* ырыу атамаһы, *бихте, билыгъ* кеүек лексик берәмектәр болгар телендә анлаутта тик яңғырау *б* тартынкы өнө язылыуын күрһәтә.

Шулай ук төп башкорт һүзәрәндә лә *п* фонемаһы осрамай. Тик кайһы бер ғәрәп, фарсы һүзәрәндә күзәтелгән осрактар билдәле, әммә унда ла башкорттар йыш кына *б* өнөн куллана. Мәсәлән, *Пәйғәмбәр—Бәйғәмбәр, пәрәй—бәрәй, пак—бак* һ.б. Башкорт теленә төньяк-көнбайыш һәм һирәкләп көньяк диалектында һүз башында *б* тартынкыһы урынына *п* тартынкыһы килә.

Миҫалдарҙы сағыштырығыз: *бәрәңге—пүреңке, быяла—пыяла, бәрәс—пәрәс, бәрән—пәрән, бәрәмәс—пәрәмәс, бүрәнә—пүрәнә, бүкән—пүкән* һ.б. Әммә юғарыла әйткәнсә, башкорт, болгар телдәрҙә **п** фонемаһы һүз башында булмаған. Быға асыҡ дәлил булып уларҙың үз атмалары башында ла **б** өнө әйтеләүе ишара.

П өнө һүз уртаһында язылған осраҡта ла, Волга буйы эпитафияларында катын-кыздар исеме **AfaX** формаһында укылырға тейешлегең Ф.С. Хакимзянов билдәләй [Хакимзянов 1978, 45]. Башкорт телендә лә йыш кына **п** тартынҡыһы интервокал торошта **ф** өнө булып килә: *тупрак—туфраһ, япрак—яфраһ, керпек—керфек*. О. А. Мудрак карашы буйынса, бик боронғо төрки теле-нең **п** тартынҡыһы башкорт һәм татар телдәрҙә **ф** өнө формаһында сағылыш тапкан [Мудрак, 2].

Урта быуат телсәһе М. Кашғаризың төрки телдәрҙә төркөмләү принциптарының береһе буйынса, кыпсаҡ, сувар, уғыз телдәрҙә һүз башында **б** өнө, болгар телендә **м** өнө күҙәтелә [Гарипов 1979, 83]. Миҫалдарҙы сағ.: *бәңкү—мәңге, бән—мән (мин), белән—менән*. Башка төрки телдәрҙән айырмалы башкорт телендә йыш кына болгар теленә хас фонетик күренеш күҙәтелә, йәғни һүзҙәрҙә **м** өнө әйтелә. Айырыуса көньяҡ диалектҡа хас фонетик күренеш. Миҫалдарҙы карағыз: *кашбау—кашмау, бында—мында, бынан—мынан, бәпембә—мәпембә, бартанлау—мартанлау, бәшмәк—мәшкәк, бәке—мәке, үңербау—ыңғырмау, кыйбат—киммәт* һ.б.

Б-м сиратлашыуынан тыш башкорт теленең диалектарында **н/м** сиратлашыуы йыш осрай. Башкорт телендәге сонор **н (п)** өнө яңғырау **б (в)** тартынҡыһы менән килгән осраҡта йыш кына сонор **м** өнөнә күсә. Миҫалдар: *канбаба—камбаба, көнбағыш—көмбағыш, төнбойок—томбойок, ун бер—ум бер, ун биш—ум биш, күк көнбәзе—күк көмбәзе* һ.б. Волга буйы эпитафик язмаларында бер үк кеше исеме *Анбал, Амбал* формаларында язылған [Хакимзянов 1978, 45] булыуы болгарҙар телендә лә юғарлыа әйтелгән сиратлашыуы күрһәтә.

Башкорт теленең һүз уртаһы һәм һүз аҙағында ла **н-м фонетик сиратлашыуы** орфоэпик канунына ярашлы күҙәтелә: *каған—кағам, калын—калым, һалын—һалым, кабын—кабым, барынта—барымта, кисенте—кисемте, кандала—камдала, канһырау—камһырау, иланһырау—иламһырау, йоконһорау—йокомһорау* һ.б.

Н-м сиратлашыуы Волга буйы, Дунай буйы болгарҙары теленә лә хас күренеш булған. Мәсәлән, «Дунай болгарҙары хандарының исемлегендә *йылан* йылы *диломь* тип бирелгән [Миккола 1915, 35].

Юғарыла әйткәндәргә өстәп тик шуны билдәләргә була: тарихта булып үткән болгар-башкорт этник бәйләнеше башкорттар араһында төрлө яклап үзенең тәрән тарихи эзҙәрен калдырған.

ЛИТЕРАТУРА:

- Ахметьянов Р. Г. Фонетика древнебулгарских заимствований в татарском языке // Татар теле һәм әдәбияты. 5-нче китап. Казань, 1976. С. 32-33.
 Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы. ИОАИЭ, 1902. С., 103.
 Гарипов Т. М. Кыпчакские языки-Урал-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979. С. 83.
 Катанов Н. Ф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920. С. 4.
 Кашгари М. Девону лугат ит-турк. В 3-х т. Т. 1. Анкара, 1939, 530 с., Т. 2. Анкара, 1940, 366 с., Т. 3. Анкара, 1941. 452 с; Кошгари Махмуд. Девону лугат ит-турк, Ташкент, 1960, т. 1, С. 66.
 Миккола И. И. Хронология дунайских болгар. СПб., 1915. С. 35.
 Мудрак О. А. Развитие пратюркской системы фонем. М., С. 2.
 Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий Волжских болгар. М., 1978. С. 30.
 O. Pritsak. Bolgaro-Tschuwaschica. UAJb. 1959. Bd XXXI. 306 p.

Г. Т. Вәлитова, Көйөргәзе р.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА ТУҒАН ТЕЛ ҺӘМ ДӘҮЛӘТ ТЕЛДӨРӨН УКЫТЫУ

Көнъяк диалектың фонетик, лексик һәм морфологик үзенсәлектәре ярайһы кимәлдә өйрәнелгән. Был йәһәттән башкорт диалектологы С. Ф. Миржанованың хезмәтән күрһәтергә мөмкин [Миржанова 1979]. Көнъяк диалектың төп үзенсәлектәренең береһе – һүз һәм форма яһаусы ялғауларҙың, тамырҙың ниндәй өнгә бөтөүенә карап, ике вариантта киләүе. Шулай за күп осраҡта **л** һаҡлана. Мәсәлән:

Әзәби телдә	Диалект
малдар	маллар
аттар	атлар
каззар	казлар
урманлык	урманнык
миңле	миңне

Көнъяк диалект үзенең өндәре, грамматик үзенсәлектәре, һүзлек составы яғынан хәзәрә башкорт әзәби теленә бик яҡын тора.

Көйөргәзе районы башкорттары юшатыр һөйләшсәһендә аралаша. Ялсыкай, Таймас һәм Зәк-Ишмәт ауылдары һөйләшсәләрен сағыштырып карайык. Түбәндә ошо ауылдарҙың ғайһы бер тел үзенсәлектәренә тукталам.

Диалект һүзе	Әзәби телдә	Миҫалдар
сөйзәй	каты	<i>Сөйзәй итеп басылған икмәк, сөйзәй туң ер.</i>
бәс	абруй	<i>Бәсеңдә төшөрмә, балам.</i>
янык	янып тора	<i>Өйзәге ут янык, әсәй.</i>
һүнек	һүндереүле	<i>Ут һүнекме, балам?</i>
сымыры,	егәрле	<i>Эй, ошоно, бигерәк сымыры, бөтмөр кеше лә инде.</i>
бөтмөр		
мехәпәт	мөхәббәт	<i>Бәхетле, мехәпәтле булығыз, балалар.</i>
шарандай	артык киң	<i>Шарандай итеп асмаһаң ишекте, йәйзәр.</i>
ләгән	тас	<i>Мунсанан ләгәнде генә тотоп кер әле, балам.</i>
шәриәтһез	артык, күп	<i>Бигерәк шәриәтһез тотонаһығыз инде һыузы, кызым, улай ярамай.</i>
әшиптән тыш	саманан тыш	<i>Курылған азыкты әшиптән тыш кулланырға ярамай.</i>
әмекәй	катын-кыз холокло ир-ат	<i>Эй, ошо Илдар, әмекәй зә инде, юк-бар һүзгә кысыла.</i>
сосок, сосорай	йй	<i>Сосорама, тизерәк атла.</i>
гарлатан	акырып талашыусы	<i>Гарлатан күршебез кайтты, әсәй.</i>
кәллә	баш	<i>Иллә-мәгәр шәп тә инде һинәң кәллә.</i>
енней	юк-барға кызып китә	<i>Безең якты ни өсөндөр еннейзәр төйәге тизәрсе?</i>
кызматаз	юк-барға кыза	<i>Кызматазланмай ғына эшлә эшендә.</i>
шымафый	астыртын	<i>Шымафый ғына булһа ла, бар эшен еренә еткерә ул.</i>
бәләсник	бәләсел	<i>Эй, һин, бәләсник! Ниңә бакыраһың?</i>
әләңләтеү	артык иркәләтеү	<i>Балаңды әләңләтмә, килен.</i>
аташлай	ашатлай	<i>Һеперткене аташлай сығырға ярамай.</i>
зәйпер	йәйенке	<i>Калай зәйпергә һалып бир.</i>
кәзәңке	кәзәнкә	<i>Артык әйберзәрзе кәзәңкегә кереттем.</i>
карыплашыу	әрепләшеү	<i>Карыплашып торма, тизерәк кыймылда.</i>

Юшатыр һөйләшсәһендә безең территорияға ғына хас диалект һүззәр бихисап. Башкорт теленәң һүзлектәрәндә үсемлектәр донъяһына караған һүззәр, бөжәктәрзең, тау-токомдары һәм минералдарзың, бәшмәктәрзең һәм башка күп кенә өлкәгә караған төшөнсәләрзең атамалары инеп бөтмәгән. Улар халык телендә бар, тимәк кайһы бер диалект һүззәр бөгөн дә башкорт әзәби телен байыктырыу өсөн әһәмиәтле бер сығанак булып тора.

Диалект шарттарында туған тел һәм дәүләт телен укытыуға килгәндә, үзебеззең төбәктә тыуып үскән языусыларзың әсәрзәрен кулланыу, дәрес үткәрәү өсөн материалдарзы якташ языусы Рәшит ағай Солтангәрәевтың әсәрзәренән алыу отошло булыр. Диалект һүззәрзе уның «Оло юлдың тузаны», «Хамбал», «Киәмәтлек кейәү», «Татар менән башкорт» һ.б. әсәрзәренән алына. Диалект һүззәр темаһына туғызынсы класс укыусылары менән «Дәрес–лекция», «Дәрес–семинар» һәм «Дәрес–фәнни-ғәмәли конференция» формаһында дәрестәр үткәрергә мөмкин. Бындай дәрестәр укыусыларза туған телгә, ерле һөйләш теленә карата зур кызыкһыныу уята.

Шулай итеп, туған тел һәм дәүләт телен өйрәнеү дәрестәрәндә диалект темаһына иғтибарзы күберәк бүлүргә, телебеззе байытыу өстөндә эшләргә лә эшләргә әле.

ӘЗӘБИӘТ:

- Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955.
 Башкирско-русский словарь. под. Ред. З. Г. Ураксина. М., 1996
 Башкорт теленәң һүзлегә. Ике томда. М: Рус. Яз., 1993.
 Максюткова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. (В сравнительно-историческом освещении). М., 1976.
 Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1989.
 Псәнчин В. Ш. Әсә теле. Урта мәктәптәң 9- класы өсөн дәреслек. Өфө, 2009.
 Солтангәрәев Р. Безең дус. Хикәйәләр. Өфө, 1984.
 Солтангәрәев Р. Йылы ямғыр. Повесть һәм хикәйәләр. Өфө, 1976.
 Солтангәрәев Р. Оло юлдың тузаны. Повесть һәм хикәйәләр. Өфө, 1995.
 Солтангәрәев Р. Туған якка кайтыу. Повесть һәм хикәйәләр. Өфө, 1985.

О СУБСТАНТИВНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Субстантивная транспозиция прилагательных имеет в русских говорах, как и в литературном языке, довольно широкое распространение. Она осуществляется при наличии соответствующих семантических, морфологических и синтаксических предпосылок.

В СлНГ¹ и в СлД² отмечено значительное количество субстантивированных прилагательных (если в СлД 539 примеров, то в СлНГ по нашим подсчетам около 1000 примеров субстантиватов).

Преобразуясь в существительные, прилагательные претерпевают определенные изменения на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. К признакам транспозиции прилагательных в русских говорах относятся: изменение синтаксической функции и дистрибуции слова, общеграмматического (категориального) и лексического значения, морфологических признаков слова, а также его морфемной структуры, словообразовательных возможностей и фонетических особенностей.

Прилагательные переходят в диалектные существительные, как правило, в форме одного рода.

Субстантивированные прилагательные мужского рода, со значением: а) человека по профессии, должности (*месячный* 'слуга', *береговой* 'рыбак', *кличий*, *избничий*, *мостовой*, *носовой* 'моряк, стоящий на носу судка', *подьячий*, *санничий*); б) участника какой-либо игры (*межевой*); в) человека по каким-либо его качествам (*дикий* 'глупец, дурак', *мимоходный* 'веселый, разговорчивый человек, шутник', *медовый*, *молодой*, *окольный*); г) сверхъестественное существо (*баянный*, *гнилой* 'злой дух' *горный*, *озерной*, *омутной*, *моревой*, *моховой*, *гумённый* 'домовой, обитающий, по народному преданию, на гумне').

Субстантиваты женского рода обозначают: а) женщину по ее качествам (*мужевая* 'замужняя женщина') или по профессии, работе и родственным отношениям (*молодая* 'невестка', *горячая* 'сваха'); б) помещение, предприятие и т.п. (*дьячья*, *жировая* 'жилая, теплая комната «с пекаркой»', *молочная*, *ночевая* 'ночлег, ночевка', *перевалочная*, *покаянная*, *отдельная* 'часть кожевенного завода', *отхожая* 'изба, в которой молодежь собирается на вечеринки', *розыскная*); в) общественное или природное явление, установление (*мирная* и *мировая* 'мир, согласие', *мостовая* 'плата за проезд, переход по мосту', *горная* 'ветер, дующий с гор', *околёсная* 'путь в обход, объезд', в свадебных обрядах: *оставалая* 'свадебная песня', *отвальная* 'отъезд'); г) болезнь (*верховая*, *жёлтая*, *жилая*, *мертвецкая*, *месячная*, *молодецкая*, *молодёнская*); д) растения (*беловая* 'лабазник вязолистный', *горчицная* 'горец перечный, водяной перец, лягушачья трава', *горькая*, *острая*, *горловая*), рыбы (*остроносая* 'стерлядь'); е) игры (*воровская* 'детская игра в шашки (в бабки)'). Субстантивированные прилагательные среднего рода обозначают: а) продукты, угощение по какому-либо поводу, кушанье (*горькое* 'водка', *горячее* 'чай, кофе', *мелкое* 'огородные овощи', *месячное*, *мудрое*, *окладное*, *отвальное* 'прощальный обед, ужин, вечер и т.п. '); б) посевы зерновых (*озимовое*); в) постройки, помещения, их части (*окладное* 'основание, фундамент дома'); г) названия различных видов плат, пошлин (*возовое*, *отвальное*, *побережное*, *подушное*, *причальное*, *сборное*, *солодовое*); г) различные явления (*меженное* 'летнее время без штормов', *озимовое*, *окольное* 'бессмыслица, вздор', *моленое* 'то, что получено после усиленных просьб', *острое* 'юг, южное направление, южный ветер'); д) болезни (*молодёнческое*); е) предметы (*выговорное* 'одежда, которую работник получает по договору по истечении срока работы', *мешковое* 'ткань', *останочное*, *остаточное* 'самая лучшая одежда'). Субстантивированные прилагательные множественного числа обозначают: а) новобрачных, гостей на свадьбе (*гордые* 'молодые', 'гости на свадьбе', *гордые* 'родственники и гости на свадьбе', *молодённые* 'жених и невеста'); б) животных, выполняющих какую-либо работу (*перевальные* 'перекладные лошади'); в) в свадебном обряде – угощение, обед, пир (*горные*, *горячие*); г) зерновые (*озимовые*).

В анализируемых словарях встречается лишь немногочисленная группа субстантивированных прилагательных, и лексически, и семантически совпадающая с литературными аналогами. Например, слова, характеризующие лицо по каким-либо признакам: *бездомный*, *верховой*, *дневальный*, *городовой*, *зрячий*, *зодчий*, *караульный*, *кравчий*, *лесничий*, *мастеровой*, *понятой*, *рабочий*, *хорунжий*. Некоторые из этих примеров имеют определенные расхождения со своими литературными эквивалентами. Например: слово *дневальный*, как субстантивированное прилагательное в литературном языке имеет два значения, и лишь во втором значении «дежурный», совпадает с говорами.

¹Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 1-41. Л.-СПб, 1965-2007.

²Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.М., 1955. 699, 799, 556, 683 с.

Обнаружен ряд примеров, которые лексически совпадая, семантически отличаются от субстантиватов литературного языка. Например, слово *застольная* в говорах имеет значение 'столовая'; в литературном языке значение 'песня'; субстантивированное прилагательное *исподняя* в говорах встречается в значении 'ад'; а в литературном языке в форме среднего рода выступает в значении 'нижнее белье'; слово *отпускная* в первом случае обозначает – документ, во втором – имеет форму множественного числа и означает 'деньги' и др. Незначительное число субстантивированных прилагательных, употребляющихся в говорах, лексически совпадая с простыми по форме прилагательными, имеет совершенно иную сему. Их можно причислить к омоформам прилагательных литературного языка. Некоторые из этих примеров диалектные, некоторые устаревшие или просторечные. Например: *банный* 'домовой в бане', *горные* *црк.* 'небеса', *заповедная* 'письменное обязательство', *заборная* *смл.* 'праздничная рубашка', *печное* 'горячая пицца', *половая* 'веревка, тесьма', *содержащее* 'сосуд', *худой* 'черт, злой дух', *худая* *сиб.* 'венерическая болезнь', *честное* *прм.* 'подарок', *кислая* *влд.* 'сваха', *кислое* 'закваска', *круговой* 'сумасшедший', *крепкий* *црк.* 'бог', *мокрая* 'жребий', *мудрое* *орл.* 'похлебка', *мягкий* 'хлеб', *общее* *сиб.* 'чашка', *опасный* *влд.* 'знахарь', *осеннее* 'сбор', *острая* 'ударение'.

Анализ диалектных субстантивированных прилагательных позволяет заключить, что данные лексемы достаточно продуктивны в русском языке и в своем являются синонимами литературных образований.

ЛИТЕРАТУРА:

- Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000. 177 с.
 Альмухамедова З. М., Слесарева Г. П. Русская диалектология. Казань, 1988. 114 с.
 Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика. Томск, 1984. 133 с.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1955. С. 699, 799, 556, 683.
 Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. 263 с.
 Мошева А. А. Субстантивированные прилагательные цвета в акчимском говоре // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1979. С. 25-44.
 Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров / РАН; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М., 1996. 208 с.
 Русская разговорная речь. М., 1973. 486 с.
 Светлова В. Н. Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей // Учен. зап. Свердловского гос. пед. ин-та. Сб. № 96. Свердловск, 1969. С. 21-31.
 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1-41. Л.-СПб., 1965-2007.
 Сороколетов Ф. П., Кузнецова, О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии / Ред. В. В. Колесов. Л., 1987. 228 с.

М. К. Гатин, г. Стерлитамак, Г. И. Султанова, г. Уфа

МОНОГРАФИЯ М. И. ДИЛЬМУХАМЕТОВА «ГОВОР СРЕДНЕУРАЛЬСКИХ БАШКИР» (УФА, 2006): СТАТУС И ЗНАЧЕНИЕ

В 2006 году издательство «Гилем» Академии наук Республики Башкортостан выпустило свет монографию кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Отдела языка Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН **Миндияра Ишбердиновича Дильмухаметова** (1940–2009) «Говор среднеуральских башкир» [Дильмухаметов 2006]. Основу этой монографии в содержательном плане составила одноименная диссертация автора [Дильмухаметов 1980], защищенная им еще в 1980 году. Заметим, что до этого отдельные материалы глав и разделов данного его исследования были опубликованы в различных сборниках в виде отдельных статей [Дильмухаметов 1976; Дильмухаметов 1981; Дильмухаметов 1985; Дильмухаметов 1986] в 1976-1986 гг.

Монография М. И. Дильмухаметова «Говор среднеуральских башкир» в структурном плане состоит из «Введения» [Дильмухаметов 2006, 3-11]; трех глав «Фонетические особенности» [Дильмухаметов 2006, 12-48]; «Морфологические особенности» [Дильмухаметов 2006, 49-80]; «Лексические особенности» [Дильмухаметов 2006, 81-116]; «Заключения» [Дильмухаметов 2006, 117-122]; «Образцов разговорной речи» [Дильмухаметов 2006, 123-132]; «Списка использованной литературы» [Дильмухаметов 2006, 133-138]; «Принятых сокращений» [7, 139-142]; «Приложения» [Дильмухаметов 2006, 143-189].

Во «Введение» автором отмечается, что: во-первых, башкирское население Среднего Урала проживает именно на той территории, которая граничит с территориями Республики Башкортостан, Свердловской и Челябинской областей. Исследованный регион охватывает Нижнесергинский, Артинский и Красноуфимский районы нынешней Свердловской области и часть, вернее,

север Мечетлинского района Республики Башкортостан. Говор распространяется также и на деревни Аптряково, Арасланово и Юлдашево Нязепетровского района и д. Иткуль, административно подчиненную г. Верхний Уфалей; во-вторых, что, на наш взгляд, очень важно, большинство исследованных населенных пунктов находится в бассейне верхнего течения реки Уфа [Дильмухаметов 2006, 4-5].

Здесь же автором ставится и основная задача его работы: установить, в каком отношении находится язык населения изучаемого региона к прилегающим говорам — айскому, сальзигутскому, аргаяшскому и т.д. [Дильмухаметов 2006, 5].

Основным итогом исследовательской темы «Говор среднеуральских башкир» является вывод автора о том, что *«... на основе изучения фонетических и морфологических изоглосс в составе говора среднеуральских башкир нами выделены две лингвистические зоны: северная и южная. В оппозиции к обеим зонам находится говор д. Иткуль, который по основным языковым показателям относится к аргаяшскому говору восточного диалекта»* [Дильмухаметов 2006, 117].

Также автором было доказано, что башкирские села являются исконными на этой территории, основание которых связано с переселением башкирского племени *упей* (башк. **өпәй**) на рубеже XIII-XIV вв. Это положение автора аргументируется тем, что именно смешанные диалектные зоны способны сохранить древние явления контактируемых языков [Образцы башкирской разговорной речи 1988, 7].

Следует отметить, что монография М. И. Дильмухаметова была опубликована лишь в количестве 150 штук и сразу же превратилась в библиографическую редкость. К сожалению, его в 2009 году не стало. Думается, что в ближайшей перспективе коллегам М. И. Дильмухаметова следует подготовить новую редакцию монографии, но уже для издания по линии Башкирского издательства «Китап» им. З. Бишиевой. В этом случае им придется дополнить книгу словарем говора, поскольку эти сведения необходимы широкому кругу лиц, среди которых не только ученые-лингвисты, но и учителя родных языков, студенты гуманитарных вузов.

Полагаем, что опять же в ближайшей перспективе будет правильным со стороны коллег автора рассмотреть еще и вопрос о месте среднеуральского говора в системе диалектов башкирского языка.

Однако, заметим, что отношение башкирских языковедов-диалектологов к этому вопросу всегда носило двойственный характер: а) например, согласно «Классификации Н. Х. Максүтовой — М. И. Дильмухаметова», говор среднеуральских башкир, наряду с гайнинским, северо-западным, тук-соранским, нижне-сакмарским, иргизским говорами, рассматривается в составе третьего, западного диалекта башкирского языка [Словарь башкирских говоров III том 1987, 231]; б) но в то же время диалектолог С. Ф. Миржанова не включала в состав этого диалекта данный говор [Миржанова 1991, 5-288].

Активным сторонником включения среднеуральского говора в состав западного (северо-западного) диалекта является Р. З. Шакуров [Шакуров 2012, 159-174]. Однако и здесь возникает ряд спорных моментов, связанных напрямую с выводами и наблюдениями М. И. Дильмухаметова: например, он считал, что *«... язык населения южной зоны относится к айскому говору восточного диалекта башкирского языка ...»* [Дильмухаметов 2006, 122]. Отсюда следует, что южную зону среднеуральского говора можно включить в состав восточного диалекта. Язык башкир северной зоны можно рассматривать в составе западного (северо-западного) диалекта, так как в нем, кроме исконно исторических черт, наблюдается еще и активный процесс смешения ряда специфических особенностей башкирского и татарского языков [Дильмухаметов 2006, 122]. А разговорной речи жителей д. Иткуль (башк. **Йәткүл**) следует придать статус переходного подговора в составе аргаяшского говора восточного диалекта, поскольку их язык *«... примыкает к аргаяшскому говору, хотя спорадически обнаруживает черты соседнего сальзигутского говора восточного диалекта ...»* [Дильмухаметов 2006, 122].

Итак, подведем итоги. Все представленные выше факты и наблюдения М. И. Дильмухаметова свидетельствуют о том, что за основу изучения среднеуральского говора был взят, в отличие от бассейнового, именно родо-племенной принцип. Такой подход позволил автору выявить все специфические особенности данного говора, так как его описание опиралось прежде всего на данные этногенеза башкирского племени *упей* (башк. **өпәй**).

ЛИТЕРАТУРА:

Башкорт теленең диалектологик атласы өсөн мәғлүмәт йыйыу программаһы / Төз. Н. Х. Мәксүтова. Өфө, 1973. 32 б.

Дильмухаметов М. И. Некоторые фонетические особенности говора среднеуральских башкир // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976. С. 84-89.

Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир: Автореф. дисс.... к.филол.н.: (10.03. 03) . Уфа, 1980. 24 с.

Дильмухаметов М. И. Материалы по лексике среднеуральских башкир // Исследования и материалы по башкирской диалектологии. Уфа, 1981. С. 44-51.

Дильмухаметов М. И. Особенности наклонений глагола в говоре среднеуральских башкир // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 127-130.

Дильмухаметов М. И. Словообразование существительных и прилагательных в говоре среднеуральских башкир // Вопросы диалектологии и ономастики. Уфа, 1986. С. 25-33.

Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа: Гилем, 2006. 191 с.

Ишбулатов Н. Х. Башкорт диалектологияһы (уҡыу эсбабы): Башкорт дәүләт университеты һәм педагогия институттары өсөн. Өфө, 1979. 87 б.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). М., 1976. 292 с.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979. 272 с.

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 1991. 296 с.

Образцы башкирской разговорной речи / Ред. Н. Х. Максютова. Уфа, 1988. 224 с.

Словарь башкирских говоров. III том.: (Западный диалект)/ Отв. ред. Н. Х. Максютова. Уфа, 1988. 232 с.

Шәкүр Р. Башкорт диалектологияһы: уҡыу кулланмаһы. Өфө, 2013. 240 б.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов, г. Махачкала

К ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ХОРОНИМА АУХ

Аух — исторически кумыкская низкогорная область, с названием которой традиционно связывается кумыкское наименование (аухлу) акинцев — носителей аккинского диалекта чеченского языка, проживавших до 1944 года в одной из прежних частей кумыкского Эндирейского княжества — в междуречье верхнего течения рр. Акташ и Ярыксу. Оно ограничено с юга Салатавским и Андийским (чеч. Гумик-Лам «Кумыкская гора» с первой частью, восходящей к къумукъ — эндо-этнониму кумыков) хребтами.

Подобное понимание связано со сведениями А. М. Буцковского (1812г.). Он указывал, что ауховцами «называются поселившиеся *на землях кумыцких* (выд наше — Г.Г.-Р.) около вершин Агташа и Ярухсу карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности давать вспомогательных воинов» [Буцковский 1958, 154].

В прошлом, надо полагать, пределы этой области были более обширными и включали всю историческую Салатавию (ныне населенный аварцами Казбековский район Республики Дагестан, ареально смежный с областям распространения буйнакского и хасавюртовского кумыкских диалектов), если принять во внимание другое, исторически идентичное и упоминаемое в связи с походом Тимура 1405г. ее наименование — Аухар. Оно означает в древнекуманско-кыпчакском «по направлению к подъёму (аух), перевалу» (Салатавскому и/или Андийскому) [см. Гусейнов 2010, 229]. О том же говорит еще одно кумыкское ее название Юртистан - «сёл страна» [Шихсаидов 1984: 403], т.е. густонаселенная. Поэтому далеко не случайным может быть упоминание у А.-К. Бакиханова насчитывавшего семь тысяч домов города Алмак (ныне селение в Салатавии), разоренного Тимуром [Бакиханов 1926, 64].

Она могла представлять собой одну из средневеково-кумыкских племенных (сельских) территорий, входивших в состав «Кумук хакамиета», или «Вилайета Дагестан» [Ханмурзаев, Идрисов 2008, 123], простиравшегося после распада в 1502г. Золотой Орды от междуречья рек Зеленчук и Кубань на западе и Дербента на юго-востоке. Еще раньше под своим наиболее древним (булгарским, как и Салатав «пастбищная гора», известным и в Крыму [Гусейнов 2012, 178-179]) и исторически первичным названием Аугар (ср. выше Аухар) данная область упоминается еще в VI в.н.э. историком Псевдо-Захарией в принадлежавшем ему списке 13 племен, обитавших за пределами «страны гуннов», севернее Каспийских ворот (Дербента) [Гусейнов 2010, 230].

Обычно полагают, что нынешнее вайнахское (аккинское) население этой области мигрировало сюда из Западной Нагорной Чечни (уже упоминавшегося Карабулака — чеч. Орстхой, восходящее к кум. Арыштогъай) в XVI в. [см. Гусейнов 2010, 225]. Однако первое его упоминание здесь вместе с аварцами нынешней Салатавии имеет место у Яна Потоцкого лишь в 1797г.; ср.: «при источнике реки Акдаш-Суи поселился деревнями .. народ, именуемый Губар (Хубар), они не иначе как для разбоя говорят особливим и им только свойственным языком, которого ниже состоя *авуг* (выд наше — Г.Г.-Р.) не разумеет» [Дагестан в изв. 1992: 301]. Причем карабулакам, из которых лишь «некоторые принимают .. магометанский закон» и «из давних лет большою часть подать да-

вали Андреевским владельцам», в частности, на 1763г. дедам и отцу Аджимуртузали Чопанова, русской администрацией было разрешено в 1772г. при условии принятия русского подданства переселиться в урочище Карасу-Яндырь [Бутков 1869: 200-201,303] (нынешнее с. Яндырка (< кум.Эндирей) в Ингушетии).

В 1781г. подполковник Штедер встречает во время своего путешествия к карабулакам-орстхойцам (ныне одна из субэтнических групп ингушей) юного Андреевского (эндиреевского) князя Шабуллат Аджи, сына Муртузали, ехавшего со своим приемным отцом (аталычество, которое было, кроме народов Кавказа, и у башкир [Косвен 1935, 49]) старшиной карабулаков и 9 чеченцами. Однако уже в начале XIXв. карабулаки уже не имели князей и управлялись старейшинами [Волкова 1974, 53, 55, 164, 165; Сев. Кавказ в европ. лит. 2006, 254].

Можно предполагать, что именно до этого времени, но после 1781г. эндирейские князья потеряли свои владельческие права на Карабулак и покинули его. Так были вынуждены сделать в результате т.н. антифеодальных восстаний чеченцев 1747-1783гг. другие кумыкские князья, ушедшие в Затеречье или вернувшиеся в нынешнюю Кумыкию со своими подданными кумыками и частью чеченцев [Волкова 1974, 183-184].

Именно тогда, между 1781—1783гг. и 1797гг. часть карабулаков в лице нынешних аккинцев могла быть выведена одним из своих князей (Муртузали Чопанов еще упоминается в 1782г. как один из владельцев ныне аварского с. Чиркей [Рус.-даг. отн. 1988, 107-108] - !) в район Эндирея и поселена в верхнем течении указанных рек. Это подтверждается тем, что среди немногочисленных собственно аккинских тейпов известны ингушско-западно-чеченские родовые подразделения Зюгой и Ваппий (Фаппи) в то время, как прочие, составляющие большинство тейпы лишь недавно пришли из Чечни [Арсаханов 1959, 135].

В дальнейшем, как уже отмечалось, по данным «Журнала Комитета Кумыкского округа для разбора личных и поземельных прав туземцев» (1862г.), к которому обратились кумыкские князья с целью восстановления прежних прав. Основанием послужило то, что они «в прежнее время пользовались ясаком: с Чечни, Карабулака, Качалыка, Ауха и Салатавии, и... ясак с ауховцев перестали получать со времени возмущения последовавшего в 1840г.». Однако им было отказано, ибо Комитет пришел к выводу о том, что «...право взимания ясака Андреевскими старшими князьями с ауховцев, приобретенное их предками и утерянное в 1840г. при всеобщем восстании горских племен, ...не должно бы простирались в настоящее время или служить фактом к беспорядочному владению землею ауховскую» [Движ. горцев 1958, 688-689].

ЛИТЕРАТУРА:

- Арсаханов И. А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушских языков. Грозный, 1959.
Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
Бутков И. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869.Ч.II.
Будцовский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // История, география и этнография Дагестана. Махачкала, 1958.
Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М.,1974.
Гусейнов Г.-Р.А.-К. Этнонимы и этниконимы Северо-Восточного Кавказа в историко-лингвистическом и ареальном аспекте эпохи // Материалы Международной научной конференции «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI—XVII первая половина вв.)». Махачкала, 2010.
Гусейнов Г.-Р.А.-К. О некоторых общих булгаризмах в ойконимике Крыма и Северо-Восточного Кавказа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013.
Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIIIвв. Махачкала, 1993.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX вв. Сб. документов. Махачкала, 1958.
Косвен М. О. Аталычество // Советская этнография. 1935. №3.
Русско-дагестанские отношения XIII — начала XIX вв. (сборник материалов). М., 1988.
Северный Кавказ в европейской литературе XVIII—XVIIIвв. Нальчик, 2006.
Ханмурзаев И. И., Идрисов Ю. И. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальства в контексте политического наследия Улуса Джучи на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008.
Шихсаидов А. Р.Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. М., 1984.

Л. Р. Фабдуллина, Яңауыл к.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШКОРТ ТЕЛЕН УКЫТЫУ

Бала фәкәт үз туған теле аша тирә-як мөхитте кабул итә, үз халкының донъяға карашын, холок-фигелен төшөнә, әхлак нормаларын үзләштерә, билдәле этностың вәкиле булып формалаша. Шуға күрә лә телебеззе өйрәнгәндә һәр дәресебеззе комплекслы алып барырга тырышабыз.

Рус мәктәптәрендә башкорт телен укытыу йәшәгән урынга, уратып алган мөхиткә лә бәйле. Кала шарттарында башкортса бер һүз зә белмәгән бала менән эшләүгә караганда, балалар баксаһында йәки ғәиллә күпмелер дәрәжәлә башкортса өйрәнәп килгән укыусыны өйрәтәү күпкә еңелерәк. Шуға ла бәләкәйерәк кала, район үзәктәрендә баланы уратып алган мөхит башкортса йәки ошо телгә якын булган телдә һөйләшһә, аралашһа, ата-әсәләр зә өйзә үз телендә фекер алышһа, бындай бәләкәстәрзә лә башкорт теленә укытыу еңелерәк булыр ине.

Беззәң Яңауыл калаһы халкының теле төньяк-көнбайыш диалектка карай. Төньяк-көнбайыш диалекты озақ йылдар буйына татар теле йөгөнтоһон кисерһә лә, ул үзенә башкорт теленә хас үзенсәлектәрән һаклап калған. Укыусыларыбыз күпсәлек ошо диалектта һөйләшә. Шуның өсөн башкорт диалекттарын өйрәнәү һәм беләү беззәң өсөн бик әһәмиәтле. Сөнки баланың ерлә һөйләшән өйрәнгән һәм белгән сакта ғына, балаларың һөйләү телмәрендәгә һөйләш хаталарын күрһәтәп, уларзы әзәби телдә һөйләргә өйрәтергә мөмкин. Эште башлағанда укыусыларзың һүзлек байлығын арттырыузан, уларзы әзәби телдә һөйләшергә өйрәтәүзән башлайбыз һәм һәм түбәнбәгә эш төрзәрән алып барабыз:

- дәрестә һәм дәрестән тыш аралашыу өсөн ситуациялар тыузыру;
- бирелгән лексик һәм грамматик конструкцияларзы кабатлау;
- һүзлә, йырлы-бейеүлә уйындар кулланыу;
- бер үк тексты башкорт әзәби телендә һәм диалектта укыу, йөкмәткеһән һөйләтәү, сәхнәләштерәү;
- һүзәрзә һәр темаға яраклаштырып, көндәлек тормошта кулланырлык, бер-береһә менән аралашырлык төрлө грамматик конструкциялар менән байытыу.

Тел һәм әзәбиәт дәрестәрәнәң синыфтан тыш тәрбиәләү сараларының педагогик мөмкинлектәрә аша һәр укыусының интеллектуаль һәләтән, белем кимәлен үстәрәүгә, шәхес буларак уның формалашыуына ярзам итеү буйынса файзалы эштәр алып барабыз. Әңгәмәләр, төрлө кисәләр ойшторғанда укыусыларзың игтибарын үз яғыбыззың тәбиғәтенә, тирә-як мөхитенә, йәшәйешәбезгә, якташ языусылар ижадына игтибарзы йүнәлтәбез. Борондан йәшәп килгән гөрөф-ғәзәттәрәбеззән, йолаларыбыззан да ситләшмәскә тырышабыз. Гимназияла нисә йылдар буйына ойшторолоп килгән «Йыйын» түңәрәгә лә туған телдә һаклау, балаларзы халықтың рухи байлығы менән таныштырыуза зур роль уйнай. Унда укыусылар традицияларзы, йолаларзы, халык уйындарын өйрәнә. Укыусылар тасури укыу конкурсында, башкорт әкиәттәрән сәхнәләштергән курсак театры эшендә лә бик теләп катнашалар.

Район һәм шулай ук республика языусылары, шағирзәры менән орашыузар ойштороу якшы йолаға әүерелдә. Ерлә һөйләштә еңел аралашкан, һөйләшкән, аңлаған балалар күренеклә башкорт языусыларына, иҫтәлеклә даталарға бағышланған район ижади эштәрә конкурсында ла бик актив катнашалар, шулай ук шәжәрәләрән төзөйзәр.

Беззәң төп бурысыбыз булып, беренсенән, диалект шартында башкорт телен укытыузың сифатын якшыртыу; икенсенән, балаларзың белемдәрән, күнемәләрән үстәрәү; өсөнсөнән, укытыусыға урындағы шартты, мөхитте якшы беләү, белем бирәүзә уны уңышлы файзаланыу тора.

Ф.Ф. Ғайсина, Өфө к.

БАШКОРТОСТАҢДАҒЫ ҒӘЙНӘ ЫРЫҒЫ ФОЛЬКЛОРЫ* **(ӘЛШӘЙ, МИӘКӘ РАЙОНДАРЫ МИҢАЛЫҢДА)**

*Работа выполнена в рамках проекта «Фольклор гайнинских башкир: традиции и современность» гранта ГНТП

Һуңғы йылдарза ғәйнә ғалимдарзың ғәйнә ырығы тарихы, этнографияһына карата игтибар артыуы күзәтелә. Быға дәлил булып бер нисә хезмәт тә сықты [Кулбахтин 1996; Асфандияров 1996; Янғужин 1998; Юсупов 2009, 2012]. Ғәйнәләр һақында төрлө сығанактарза, матбуғат биттәрәндә лә тикшеренәүзәр күренә. Мәсәлә, М. Хөрмәтуллин мәкәләһендә «ғәйнә» һүзенә аңлатма бирә һәм ғәйнәләрзә әйле ырыуынан көн алып, түл йәйәп үрсәп киткән, тип фаразлай [Хөрмәтуллин 1998, 166].

2004 йылда Тарих, тел һәм әзәбиәт институты хезмәткәрзәрә тарафынан Пермь өлкәһендә йәшәгән ғәйнә ырыуына караған ауылдарза ғилми экспедициялар, командировкалар ойшторолоп, һөзөмтәлә ғәйнәләрзән тормош-көнкүрешә, йәғни аш-һыу, ерләү, дауалау йолалары һақында зур ғилми йыйынтык донъя күрзә [Башкиры-гайнинцы... 2008]. Без иһә Әлшәй районында 2003, 2011, Миәкә районында 2011 йылдарзағы командировкалар вақытында ғәйнәләрзәң ауыз-тел ижады үрнәктәрән язып алдык.

Был райондарзағы халык үзенә ғәйнә ырыуынан икәнән һәм бер ни тиклем тарихын да белә. Информанттар һөйләүенсә, Әлшәй районы Ғәйниямак ауылынан, йәғни ғәйнә ырыуынан халык Тукмакбаш, Бүзәнийәр, Иршат ауылдарына күсәп ултырған. Ғәйниямактан шулай ук Миәкә районы Тәүкәй Ғәйнә һәм Бәләкәй (Мәүләкәй йәки Мәүкәй) Ғәйнә ауылдарына ла күсәп барғандар.

Урындағы халықтың һөйләше үзенсәлекле, кайһы бер атамалар кызыклы. Мәсәлән: түр шаршауын – түр итәге, өрлөк шаршауын – матча итәге, ашъяулык – өстәл итәге, карауат япмаһын – карауат итәге, мөгәрәпте – карбаз, бәшмәкте – мәшкәк, мөйөштө – бочмак, сынаякты – йоморо, сынаяк астын – жәйпе, яран гөлдө – бесәй гөлө, «карға буткаһы» йолаһын – «яңғыр буткасы», тип әйтәләр.

Дөйөм алғанда, ғәйнәләрзәге фольклор жанрзари Башкортостандың башка райондарындағы кеүек үк, шул ук им-том үрнәктәре, тыйыузар, ырым-ышыныузар, һынамыштар, һамактар, йолалар, уйындар һ.б. кабатлана, әммә уларға ғына хас үзенсәлектәр зә күзәтелә. Ғәйнәләрзәң туй йолаһында окшашлыктар һәм айырмалыктар за бар. Мәсәлән, без 2003 йылда Йылайыр районында язып алынған бер тыйыузы Әлшәй районы Ғәйниямак ауылындағы туй йолаһында ла осраттык. Унда: «Кейәү бер йыл буйы өрлөк аша түргә үтергә тейеш түгел. Өйгә тағы йәш кейәү йәки кайныһына бүләк биргәс кенә, түргә уза ала», тиелә, йәғни йола үтәлгәс кенә, ниндәйзер вақыт-арауык тотороклогон һаклағанда кеше ниндәйзер айырым хокуктарға, дәрәжәгә әйә була.

Шулай ук был ауылда, яусының өйгә ингәндә йомошон нисек әйтеүе кызыклы:

«Балта сорарға килмәдем,

Бычкы сорарға килмәдем.

Кыз сорарға килдем», ти ул. (*Әлшәй районы Ғәйниямак ауылы Думаева Сайма Нәжметдин кызынан, 1927 йылғы*).

Туй йолаһында кулланылған ырым-ышаныузар за бик үзенсәлекле. Мәсәлән, Иршат ауылындағы кыз озатканда мөрийәне асып куйыу йолаһы бар. Был ырымға ярашлы мөрийә асыу – юл, күртәләргә асыу мәғәнәһендә.

Тормош-көнкүреш ырым-ышаныузары араһында ла кызыклылары осраны. «Койо урынын һайлағанда ирзәр баш кейемен һауаға ыргыта, кәпәс кайза төшә, шул урынды казыйзар» икән. Ә «яңы ай күргәндә, аяк осона карайзар, баш бармак янында нимә ята, шуны алып йоклайзар. Шул төндө төшкә ингән нәмә дөрөс була» тизәр (Әлшәй районы Бүзәнийәр ауылынан Сәғитова Миңнур Миңнәүәли кызынан, 1940 йылғы).

Бөгөнгө көндә Әлшәй, Бишбүләк райондарында узғарылған «Сәғәт һуқан көн» йәки «Сәғәт һуғыу» йола-байрамы үткәрелә. Был ышаныузар буйынса, 7 июлдән башлап кырау төшмәй, һыу инергә, миндек һындырырға мөмкин, сәскәләр шифалы була, имгә ярай, тип һанала.

Халык ижадын туплаған мәлдә һирәк, каппа-каршылыклы ырымдар, тыйыузар за осраны. Миәкә районы Тәүкәй Ғәйнә ауылында: «Өстәлдә һуған, һарымһак булырға тейеш түгел, тауыш сыға», ә «Йке йәш кауышқан ерзә һуған булла, тауыш сыкмай», тинеләр.

Әлшәй һәм Миәкә райондарында язып алған материалдарға карағанда, әлегә бында халык ижады бер ни тиклем һакланған, тип әйтергә була. Бигерәк тә ырым-ышаныузар, тыйыузар бихисап. Әммә, башка райондарзағы кеүек үк, кайһы бер жанрзар һирәгерәк булыуы, юғала барыуы күзәтелә, мәсәлән, озон көйлө йыр, әкиәт, бәйет, легендалар һ.б. Әлбиттә, был мәкәләлә Башкортостанда йәшәгән ғәйнә башкорттары фольклорына без тулы анализ биреүзә максат итеп куйманык, ә кайһы бер үзенсәлектәрзә генә билдәләргә, күрһәтергә теләнек.

ӘЗӘБИӘТ:

Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 7. Уфа, 1996. С. 10, 71-73.

Башкиры-гайнинцы Пермского края: История, этнография, антропология, этногеномика. Уфа, 2008. 334 с.

Кулбахтин Н. М. Из истории гайнинских башкир. Уфа, 1996. 64 с.

Мукатанов А. Х., Юсупов Р.М. История башкир гайнинцев села Елпачиха. Уфа, 2009. 56 с.

Сөләймәнов Ә. М. Ғәйнә башкорттарының фольклор материалдары // Башкиры племени гайна. Уфа, 2003. С. 41-101

Хөрмәтуллин М. Башкорт башлаусы. Йыһан хужалары //Ағизел, 1998, № 7, 167-169-сы бб.

Юсупов Р. М. и др. Антропология и популяционная генетика Пермских башкир: монография. Уфа, 2009. 188 с.

Янғужин Р. Ғәйнәләр //Башкорт ырыузары. Өфө, 1998. 17-21-се бб.

Габ. Я. Давлетшин, Уфа

ГОВОРЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА*

*Статья «Говоры башкирского языка» подготовлена в честь 120-летия со дня рождения выдающегося башкирского ученого-языковеда Давлетшина Габбаса Ягафаровича (1892-1937) М. А. Сынбулатовой-Давлетшиной.

В настоящее время башкир, как в пределах Башкирии, так и вне ее, насчитывается более миллиона*. Около семисот тысяч* живут в самой Башкирии, остальные рассеяны за ее пределами: в Больше-Глушицком и Пугачевском районах (бывшем Николаевском уезде, Самарской губер-

* По переписи 2010 г.

* По переписи 2010 г. в РБ проживает башкир.

нии), по течению рек Тука, Сурана и Бузулука (в местностях, входивших прежде в Бузулукский и Оренбургский уезды), на границах Средне-Волжского края и Башкирии (в бывших уездах Бугурусланском и Белебеевском), в Ялан-Катайском, Бишкильском, Уфалейском, Челябинском, Миасском, Чачиозерском, Бардинском и Нижнесергинском районах Уральской области, в некоторых местностях Татарии, прилегающих к Башкирии, Уральской области и др.

Конечно, в языке башкир перечисленных местностей есть и диалектные особенности.

Башкирский язык делится на куваканский и юрматинский говоры. К куваканскому говору относятся башкиры, живущие в бывших Аргаяшском, Ялан-катайском, Тамьяно-катайском, Месягутовском и Зилаирском кантонах. В родовом отношении к этому говору принадлежат айлинцы, сальюты, куваканы, кубяляк-тиляуцы, тамьяно-катайцы и бурьянцы. Особенности куваканского говора характеризуются, во-первых, подчинением суффиксов существительных множественного числа, прилагательных и повелительного наклонения глаголов последнему звуку корня. Если корень слова оканчивается звуками: т, д, ґ, с, ч, ш, п, ф, һ, г, к, х, то в суффиксе означенных категорий имеется звук «т»; если корень оканчивается звуками л, м, н, ң, з, ж, то в суффиксе уже звук «д»; если корень оканчивается на «з», р, в, й, и, ы, то в суффиксе звук «з»; если же корень оканчивается гласными звуками а–ә, ы–е, о–ө, то в суффиксе должен быть звук «и».

Все эти явления можно показать наглядно на следующих примерах:

Корни слова	Суффикс мн. числа	Словообразоват. суффиксы		
		Прил.	Сущест.	Пов. накл.
ат, таш,	тар – тәр	ты – те,	тык- тек,	та – тә,
боҫ, көс	дар – дәр	то – тө	дык – дек	
йай, йәм,			док – дөк,	
ком, көн,		ды – де,	дык – дөк,	да – дә,
тышау, тимер,	зар – зәр	до – дө,	зок – зөк,	за – зә,
тоз, төр, бала,	лар – ләр	зы – зө,	лык – лек,	ла – лә
кәртә, һоло, көбө		зо – зө,		
		лы – ле,		
		ло – лө		

Примечание 1. Подчеркнуты последние буквы корня первые звуки суффиксов (см. выше о последних звуках корня и о звуках суффиксов). Возьмем для примера последнее слово первой строки таблицы көс – (сила). Корень оканчивается на с, следовательно, все указанные выше формы образуются через звук «т» в суффиксе – көстәр (мн. числа), көстө (прилагат. – сильный), көстөк (сущ. – относящийся к силе), көстә (пов. наклонение: – притесняй, насилуй).

Примечание 2. В башкирском языке нет слов, оканчивающихся на г, х, д, ч, у, ү. Эти окончания имеются только в словах арабских, персидских и русских, вошедших в башкирский язык.

Примечание 3. Многие слова не образуют всех указанных форм. Если слово образует одну или две указанных категорий, то третье может и не иметь. Напр. слово өстәл (стол) образует следующие формы: мн. числа өстәлдәр, прилагательное өстәлде (имеющий стол), существительное өстәлдек (относящийся к столу). Повелительного наклонения оно не может уже образовать. Нельзя сказать өстәлдә в смысле повелительного наклонения, как напр., көстә (принуждай).

К юрматинскому говору относятся башкиры, живущие в бывших Зилаирском, Стерлитамакском, некоторых местностях Уфимского кантонов, а так же по течению Бузулука, Сурана, Тука, Демы и пугачевские башкиры. В родовом отношении к этому говору принадлежат усергяне, кипчаки, юрматинцы, табынцы, упейцы. Нужно заметить, что к юрматинскому говору принадлежат некоторые из племен говорящих по-кувакански, напр. кипчаки, табынцы. Между куваканским и юрматинским говорами нет разницы ни в количестве звуков, ни в употреблении: даже образование падежных форм и формы прошедшего времени всех глаголов изъявительного наклонения в обоих говорах одинаково. Напр. форма прошедшего времени изъявительного наклонения в юрматинском говоре образуется так:

кайт – кайты, баҫ – баҫты, ас – асты, кит – китте, тот – тотто, ал – алды, кыуан – кыуанды, кил – килде, тотон – тотондо, яр – ярзы, тый – тыйзы, ау – аузы, кей – кейзе, котор – которзо, аша – ашаны, ташла – ташланы, атла – атланы, эшлә – эшләне.

Падежные формы существительных образуются так:

ат – аттың, атты, аттан, атта,
кул – кулдың, кулды, кулда

тау – таузың, таузы, таузан, тауза,
бала – баланың, баланы, баланан, балала

Отличие юрматинского говора от куваканского состоит в том, что в нем словообразовательные суффиксы прилагательных, существительных и повелительного наклонения не варьируется в зависимости от последнего звука корня, как в куваканском говоре, а всегда имеют звук «л», каковым бы ни был последний звук корня.

Например: таш – ташлар (а не таштар), ташлы, ташлык, ташла, юл – юллар, юллы, юллык, юлла. Күз – күзләр, күзле, күзлек, күзлә. Кәртә – кәртәләр, кәртәле, кәртәлек, кәртәлә.

Слова, оканчивающиеся на н, ң, форму множ. числа образуют через звук ң например: барған – барғаннар, киткән – киткәннәр, укыған – укығаннар.

В основу башкирского литературного языка легли оба говора, куваканский и юрматинский. В литературном башкирском языке формы множ. числа образуются по-кувакански, а прилагательные, существительные и повелительные наклонение — по-юрматински. Например, формы множественного числа от вышеприведенных слов в литературном языке будут: таш – таштар, юл – юлдар, күз – күззәр, кәртә – кәртәләр, прилагательные, существительные и повелительные наклонения образуются только звуком л, т.е. по-юрматински.

Кроме куваканского и юрматинского, в башкирском языке есть и другие говоры. По образованию форм эти говоры в основном сводятся к куваканскому или юрматинскому. Но со стороны чередования звуков в них имеются особенности. Например, по употреблению звуков говор сальюттов в куваканском говоре отличается от айлинского, в говоре юрматинском табынский отличается от демского. В сальютском говоре очень часто вместо звуков з, җ, имеющих в куваканском или юрматинском говорах, бывает звук һ.

Вместо: кыз, без, кызыл, баҫ, бармаҫ, килмәҫ, уҫал и т.д. они говорят: кыһ, беһ, кыһыл, баһ, кыһ, бармаһ, килмәһ, уһал и т.д.

Бурьяны и катаяцы вместо җ употребляют һ. Сальютский говор можно было бы отнести к спирантской ветви, но только «спирантность» здесь не совсем полно обнаруживается. Айлинцы в противоположность сальютам вместо з говорят җ и наоборот.

Слова – кыз, без, күз, яз, үсеп и т.д. у них произносятся – кыҫ, беҫ, күҫ, яҫ, үзеп и т.д.

Момент чередования з и җ есть у яланкатайцев и кунашаков, называющих себя хатайцами. Если бы в говоре айдинцев вместо звуков з и җ имелся звук һ, то тогда не было бы разницы между говорами сальюттов и айлинцев. У некоторых табынцев юрматинского говора вместо звука д употребляется т. Например, вместо килдем, һандуғас, ауылдан, анда, они говорят килтем, һантуғас, ауылтан, анта.

Н. И. Данилова, г. Якутск

ЯКУТСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ:

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Историю исследования диалектов и говоров якутского языка можно условно разделить на три этапа. Начальный этап отмечен первыми сведениями о расхождениях в фонетике. Первая научная грамматика якутского языка, изданная в 1851 г. академиком О. Н. Бетлингом на немецком языке, содержит первые диалектологические материалы. Относительно диалектных различий в якутском языке во «Введении» к этой работе автор писал: «Собственно диалектологического различия здесь незаметно: да и Уваровский и Миддендорф решительно уверяют, что везде, где только они были, якуты говорят одним и тем же наречием. Впрочем, всматриваясь ближе в собрания слов и в Миддендорфовы бумаги, нельзя не заметить, что некоторые согласные выговариваются не везде одинаково» [Бетлингк 1999, 3]. По мнению М.С. Воронкина, автор все же зафиксировал фонетическое различие языка по территориальному признаку, в том числе чередование губных и негубных гласных в основах. Но отмечаемые расхождения не квалифицировались как явления диалектного порядка.

Важное место в начальном этапе становления якутской диалектологии занимают исследования И. А. Худякова, С. В. Ястремского, В. В. Радлова, в которых был собран обширный материал, указывающий на обилие диалектных расхождений в местных говорах якутского языка. Для диалектологической науки особое значение имеет «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского, который охватывает говоры Ботурусского, Баягантайского, Мегинского, Дюпсунского улусов Якутского округа и говоры Верхоянского и отчасти Вилюйского и Олекминского округов, содержит обширный материал по говорам якутского языка.

Большой вклад в становление якутской диалектологии внес известный фольклорист и этнограф И. А. Худяков, который, живя в ссылке в Верхоянске с 1867 по 1874 г., собрал огромный материал по фольклору, быту и языку местного населения. Его труд «Краткое описание Верхоянского округа» свидетельствует, что он серьезно занимался изучением языка местного населения. Автор отметил фонетические особенности верхоянского говора и расхождения внутри говора.

С. В. Ястремский в работе «Грамматика якутского языка» рассмотрел аканье и оканье в основах некоторых якутских слов как диалектное явление. Кроме того, в разделе «Фонетика» им отмечены явления под рубриками: «замена согласного другим, не вызванная стоящими рядом звуками (*буус* – *муус*, *хайтах* – *хайдых* и т.д.)»; «ассимиляция наряду с неассимилированными формами» (*Таарта* – *Таатта*, *оппот* – *орпот*). Таким образом, С.В. Ястремский, изучавший якутский язык в разных улусах и имевший возможность зафиксировать территориальное варьирование форм, вплотную подошел к выводу о наличии диалектных расхождений в якутском языке.

В своем классическом труде «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам» акад. В. В. Радлов вскользь отметил диалектные явления в якутском языке, в частности, явление оканья-аканья. В целом, о диалектах якутского языка он отзывается как о существующей категории, не собираясь особо доказывать ее наличие.

Немаловажную роль в становлении якутской диалектологии сыграли работы местных исследователей А.Е. Кулаковского и С.А. Новгородова. В статье А.Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов» собран материал по лексике. Он разбит на 20 тематических групп, из которых 13 – диалектная лексика, а остальные – архаизмы, специальные охотничьи термины, омонимы и синонимы.

Диалектная лексика здесь дана по районам ее распространения, а именно: Олекминскому, Вилюйскому, Усть-Янскому и Жиганскому, Верхоянскому, Сеймчанскому, Колымскому, Охотскому, Ниманскому, Намскому, Таттинскому; и местностям: Бодайбинской, Борогонской и Дюпсунской; Мегинской, Амгинской, Хадарской, Игидейской; Кангаласской, Оймяконской (Баягантайской). При этом каждое диалектное слово, приводимое автором, объясняется на «таттинском наречии».

Данная классификация говоров явилась результатом длительного пытливого наблюдения автора, сумевшего верно схватить языковые особенности упомянутых говоров и сгруппировать их. При этом автор попытался дать историческую интерпретацию говоров, т.е. попытался связать особенности говоров с историей их носителей.

К числу исследователей, изучавших говоры в якутском языке в дореволюционное время, относится первый якутский ученый-лингвист С.А. Новгородов, оказавший неоценимую услугу родному народу в деле его просвещения. Перед самой революцией им была написана специальная статья «К вопросу о говорах в якутском языке».

В своей статье С.А. Новгородов как специалист с лингвистическим образованием подошел к вопросу с научных позиций тех времен. Прежде всего, монолитность якутского языка, т.е. отсутствие значительных диалектных различий, он объясняет тем, что развитие якутского языка в основном завершилось еще до заселения якутами ныне занимаемой ими территории. Автор констатирует наличие говоров в якутском языке и отмечает наличие двух говоров: 1) **лль** (или «акающий» а-ы) 3) **ддь** (или «окающий» о-у). Как отмечает С.А. Иванов, аканье и оканье в территориальном аспекте впервые рассмотрел именно С.А. Новгородов.

В тридцатые годы XX века, когда в процесс научного изучения якутского языка подключилась местная интеллигенция, было положено начало диалектографическому этапу изучения говоров якутского языка. В это время начался целенаправленный сбор материала по говорам, продиктованный задачами языковой необходимости и установления литературных норм. Из работ этого этапа особенно значимы сведения А. А. Иванов-Кюндэ, Г. В. Ксенофонтова, а также материалы диалектологической экспедиции 1938-41 гг.

А. А. Иванов-Кюндэ в работе «Грамматика якутского языка» (1934 г.) привел конкретные лексические и фонетические диалектизмы, в том числе такие важнейшие диалектные явления, как аканье и оканье. Точно указывает наличие лексических и фонетических диалектизмов. Объясняя понятие синонимов, отметил, что в большинстве случаев синонимы появляются из-за диалектных явлений одного понятия. Напр.: куруппааскы – хабды – хабыйахаан – ыалакы: дьордьума (отон) – моонньоон и т.д.

Этнограф, историк и фольклорист Г.В. Ксенофонтов в своем известном труде «Ураанхай сахалар», всесторонне освещая генезис северных якутов, особо останавливается на их говоре. При этом он выявил значительные особенности этого диалектного региона. Они обнаруживаются на всех уровнях языка – фонетическом, морфологическом и лексическом.

В 1938-41 гг. были проведены первые экспедиции по сбору и обработке материалов в Горном, Кобайском, Вилюйском и ряде северных районов – Верхоянском, Оймяконском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Среднеколымском и Нижнеколымском. Собранный материал послужил источником последующих научных исследований.

Вслед за диалектографическим этапом изучения говоров последовал собственно диалектологический этап, когда началось целенаправленное, углубленное изучение говоров в качестве отдельной отрасли якутского языкознания. Якутская диалектология стала развиваться по трем направлениям: монографическое исследование, диалектологическая лексикография и лингвистическая география.

Первым значимым достижением явилась монография Е. И. Убрятовой «Язык норильских долган», вышедшая в 1940 г. Данный язык охарактеризован как своеобразный диалект якутского языка, появившийся в результате якутизации эвенков. Эта работа является первой монографией, где серьезно исследуются диалектные особенности якутского языка. О значении трудов Е.И. Убрятовой академик П.А. Слепцов пишет: «Лидирующее положение диалектологии в значительной мере было предопределено тем, что Е.И. Убрятова являлась ее основателем, консультантом и руководителем диалектологических работ...» [Слепцов 1990,146].

Успехи имеет якутская диалектологическая лексикография. Задача составления диалектологического словаря якутского языка на базе материала по диалектной лексике фактически была реализована к концу 1968 г. Словарь составлен коллективом авторов – П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М.П. Алексеев. В 1995 г. был издан дополнительный том диалектологического словаря. Данное издание отличается от первого широким охватом территории распространения говоров якутского языка и полнотой иллюстративного материала, вплоть до рисунков.

Лингвистическая география, как самостоятельное направление якутской диалектологии, начала развиваться с конца 60-х годов. Были составлены пробные атласы по отдельным говорам. С 1975 г. началось составление диалектологического атласа отдельных зон якутского языка. Работа была проведена в рамках научного отчета, в него вошли 81 карта и комментарии к каждой из них.

В 1991-1995 гг. М. С. Воронкин, С. А. Иванов и И. Н. Новгородов разработали «Диалектологический атлас северо-западной диалектной зоны якутского языка». В 1996 г. началась работа по составлению подобного атласа вилуйской диалектной зоны, завершающего разработку региональных атласов якутского языка. Вслед за этим встала задача создания национального атласа якутского языка, представляющего собой синтез всех предыдущих региональных карт. К настоящему времени диалектологический атлас издан в двух томах.

По мнению исследователей, якутская диалектология является одной из самых интенсивно исследуемых дисциплин в якутском языкознании. Но все же остаются незатронутые наукой грани этой отрасли. Осталась белым пятном диалектная фразеология, якутские диалектные фразеологические единицы не собраны и не систематизированы. Основательного исследования ожидает диалектная лексика, требуется анализ исторического состава диалектной лексики, который бы помог пролить свет на смежные дисциплины - историю этноса, этимологию и т.д.

Таким образом, якутская диалектологическая наука имеет богатую историю становления и развития.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск, 1990.
Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, 1990.

К. В. Даутова, Р. Д. Магасумова, г. Уфа

ЕСТЬ ЛИ ФИЗИКА В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ?

Башкирские сказки необычайно поэтичны и образны, поэтому их использование и переосмысление с точки зрения физики могут выполнять как развивающие, так и воспитательные функции.

В сказках батыры обладают превосходными природными данными человека. Они необычайно быстры, сильны, ловки. Все, что они ни делают, лежит за пределами человеческих возможностей. Поэтому в сказках все гиперболизировано. Основная часть сказок о батырах – это борьба, схватка с чудовищными противниками: с убоями, многоглавыми аждахами, дэвами, ялмаузами, а также с ханами и баями, и даже с вероломными друзьями. Кульминационным событием для батыров является победа, для которой они прилагают невероятные физические усилия и совершают фантастические действия. Батыры не сидят на месте и постоянно куда-то, за чем-то идут. Причем чаще передвигаются с невероятной скоростью. К тому же они время от времени опускаются в глубокие пещеры или поднимаются на высочайшие горы.

Интересно рассмотреть подвиги батыров, их действия и события с физической точки зрения. По описанию действий и их конечным результатам можно оценить: энергию, работу, скорость перемещений, силу, мощность и т.д. Насколько правдоподобны действия героев, а если неправдоподобны, насколько они отличаются от реалий? Для такого анализа мы выбрали учебное моделирование, при котором создается физическая модель сказки. Физическая модель сказки — это абстрактное изображение сказочных ситуаций, физических явлений, параметров сказочных персонажей.

Учебное моделирование отличается от других видов моделирования тем, что связано с познавательными процессами, направлено на раскрытие способов познания или на фиксацию раскрытых путем исследования отношений, связей между объектами и внутри объекта, поэтому является исследовательским методом обучения. Моделирование сказочных сюжетов чрезвычайно интересное за-

нятие. Для того, чтобы определить правдоподобность ситуации или ее нереальность следует дать оценку характеристикам описываемых явлений. Оценочная деятельность развивает практические навыки учащихся, устанавливает связи и отношения между ними, приучает детей логическим умозаключениям как синтез и анализ, сравнение и сопоставление. А также обучает критически оценивать не только сказочные ситуации, но и реальные факты, так как во всех случаях проводится численная оценка физических явлений, объектов. Тем самым стимулируется развитие мышления, что способствует формированию учебных действий.

Использование фрагментов сказок в обучении физике дает широкие возможности для этого. Рассмотрим моделирование сюжета сказок, осуществляемое в несколько этапов:

1. Понимание сказки или ее фрагмента, как основы будущей модели.

На этапе 1 вначале задается фрагмент сказки. Очень трудно для начала определить в ней модель физической ситуации. Она завуалирована невероятными событиями, сказочными явлениями. Не во всех сказках модель можно определить однозначно. Поэтому учитель сам выбирает сказку или ее фрагмент. Так достигается **адекватное понимание сказки и ее будущей физической модели**. Большое значение имеет доступность сказки, ее эмоциональность и познавательное значение.

2. Поиск аналогов будущей модели сказки.

На этапе 2 учитель подробно указывает, на что следует обратить внимание, выделяет нужную информацию. После предварительной работы с физической моделью сказки начинается **процесс ее запоминания** и поиск аналогов. В результате взаимодействия культур у сказок много одинаковых, сходных сюжетов. Это касается не только сказок тюркоязычных народов. Например, у башкир есть аналог сказки А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», правда, с несколько своеобразными отличиями. Нахождение аналогов позволит ученикам применить обобщенные знания по физике к характерным сюжетам.

У учащихся устанавливаются стойкие ассоциации сказочного явления с физическими величинами, которые складываются в целостную картину. Если до этого ученики знали исследуемую сказку, помнят ее, то второй процесс заключается в запоминании не всей сказки, а ее фрагмента – будущей физической модели. В одной сказке могут быть несколько физических моделей.

3. Моделирование сюжета сказки, мобилизация физических знаний.

Этап 3 связан с поисками физических понятий и величин, которые должны сложиться при помощи отношений и связей в определенные действия. Основными видами учебной деятельности при этом являются умения анализировать, характеризовать, объяснять, устанавливать причинно-следственные связи. Таким образом, согласно стандарту второго поколения, на этом этапе реализуется цель на уровне учебных действий. Этап извлечения из памяти по существу и является анализом физической модели сказки. Одной из существенных действий учеников является обучение **оцениванию**. Оно присутствует при задании реальных параметров физических величин, их сопоставлении. Для задания оценки надо понять рассматриваемое физическое явление, выбрать разумные численные значения физических величин для физической модели сказки, и, наконец, получить численный результат. Оценка представляет собой источник эстетического и эмоционального наслаждения, является предметом дискуссии, споров. Каждая оценка создает проблемную ситуацию. Кроме того, оценка физических величин дает возможность проверить знания учащихся и умения применять их к практическим потребностям. Оценки требуют, чтобы решающий знал физическую модель рассматриваемого явления на уровне **понимания и запоминания**, выбирая самые главные физические параметры, определяющие в основном физику задачи, и получил ответ. Таким образом, этап 3 - главный этап моделирования, заключающийся в поисках физических явлений и оценке его параметров.

4. Переход от модели к конкретной физической ситуации, описанной в фрагменте сказки, сопоставление сказки с моделью.

Этап 4 является переходом от модели к фрагменту сказки, обеспечивает изучение ее правдоподобности. Он помогает составить представление о сказочной и реальной картине мира, определяет степень гипертрофированности явления и вымысла. Часто данный этап помогает оценить и народный юмор, заложенный в сказке. Сопоставление модели сказки с реальным миром лишено для учеников эмоционального дискомфорта. Часто при решении задач от учителей можно слышать требование: «проверьте ответ на правдоподобность!». Ученики боятся, что при неправильном решении задачи получится невероятный результат, который может быть осмеян другими. В случае сказки может получиться самый фантастический результат, (на то она и сказка!), и это нормально.

Мы смоделировали 12 моделей фрагментов сказок, используя реальные оценки сюжетов, по которым вычислили: дальность полета и начальную скорость «метательных» оружий батыров – 90-батманной дубины, лома и топора; температуру и скорость дыхания, выдыхаемого Аждахой; ско-

рость бури, поднятой крыльями Акбузата; силу, которая действует на ладонь батыра, когда он ловит летящую стрелу и целостность костей ладони при этом; напряжение, созданное стрелой батыра в серебряном седле и т.д. В одном случае получались довольно реальные результаты, сравнимые с экстремальными на Земле, в других – совершенно неправдоподобные. Любой полученный результат обсчета модели не снижает, а более того, повышает мотивацию к овладению учебным материалом по физике через сказку.

ЛИТЕРАТУРА:

Башкирское народное творчество. Том 1. Эпос. Уфа, 1987. 544 с.
Башкирский народный эпос. М., 1977. 519 с. с илл.
Башкирские сказки и предания. Уфа, 1996.

Т. Р. Душенкова, г. Ижевск

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОКЛЯТИЕ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В каждой культуре существует такое понятие как проклятие. Это «словесная формула, содержащая пожелания бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т.п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком – нарушителем законов и обычаев» [Славянские древности 2009, 286].

В удмуртском языке существует два слова для обозначения проклятия: *юриськон* и *карган/каргаськон*, кроме того, используется сложное образование *каргаськон-юриськон*.

Оба являются отглагольными существительными, которые образованы при помощи суффикса -он с отвлеченным значением действия, состояния, орудия действия или объекта. Первое существительное, по данным словаря Т. Борисова, употребляется в южных говорах и диалектах – *каргаськон*, а другое – *юриськон* – в срединных и северных [Борисов 1991]. Действительно, первая лексема заимствована из татарского языка, и широко распространена в тех говорах и диалектах, где были тесные контакты с тюркским населением. На сегодняшний день обе лексемы широко используются в литературном языке и употребляются как абсолютные синонимы: **проклятие карган, юриськон** [УРС 1956, 850].

Имеется ли между ними семантическое различие? Безусловно, если учесть, что они образованы от глаголов – **юриськыны** 1) наклика́ть беду, навле́чь (навлекать) беду; 3) прокля́сть, прокли́нать, пожелать (желать) зла кому-л. [УРС 2008, 817]; **каргаськыны** 1) браниться, ругаться; 3) прокли́нать [УРС 2008, 282]. Интуитивно чувствуешь превосходство *каргаськон*. Оно сильнее и по звуковому/фонетическому звучанию. Фоносемантические измерения, эксперименты явно отдадут предпочтение *каргаськон*. *Юриськон* представляется мягче [Журавлев 1991].

Носители языка дифференцируют семантику двух слов. Психолингвистический эксперимент показывает, что *каргаськон* имеет более сильную негативную коннотацию, оно покрывает большую площадь охвата действия. *Юриськон* более соотносима с личностными переживаниями и желаниями навле́чь/наклика́ть беду, пожеланиями зла другому.

Следует отметить, что проклятия (*юран кыл, карган кыл*), наряду с заклинаниями-порчей (*сёрон кыл*) относятся, по классификации Т.Г. Владыкиной, к вредоносной магии [Владыкина 1997, 68].

1. Каргаськон.

Данная лексема, как указывалось выше, была заимствована. Исследователь удмуртско-тюркских языковых взаимосвязей И. В. Тараканов отмечает, что «тюркско-удмуртские языковые связи были постоянными, это привело к сильному взаимопроникновению языковых материалов. Поэтому не случайно в отдельных диалектах, особенно в местах интенсивного контактирования, исследователями обнаружено 2800 тюркских заимствований (см. Р. Ш. Насибуллин 1973)» [Тараканов 1993, 23]. Если влияние тюркских языков не ограничилось лексическим и семантическим уровнями, оно распространилось как на фонетику, так на и грамматический строй удмуртского языка; то влияние удмуртского языка на соседние – татарский, чувашский и башкирский – в основном представлен сферой лексики (см.: [Тараканов 1993, 26]).

В монографии, по поводу интересующей нас лексемы, приведен следующий этимологический пример: «*каргау* (Мункачи) «проклятие» < башк. *каргау*, тат. *каргау*, «прокли́нать, быть проклятым» ... (Дтс 426)» [Тараканов 1993, 76]. Более того, если мы сравним статьи двух словарей, то увидим весьма любопытные вещи:

Русско-татарский словарь (1966)	Удмуртско-русский словарь (2008)
карга 1. ворона // вороний...; 3. <i>перен.</i> разиня; 3. пики (масть в картах); // пиковый; ♦ кара карга грач <...>; карга кузе <i>бот.</i> пас-	карга I 1. злая старуха; ведьма; карга <i>разг.</i> 3. <i>диал.</i> пьяница карга II <i>диал. зоол.</i> 1. ворон, ворона 3. чеглок каргетйсь каркающий; ~ куакаосты но оз кылылы не слышал даже каркающих ворон

лён чёрный; вороний глаз; карга милеше бузина; волчья ягода; карга оясы пустая, бестолковая голова; каргалар <i>неодобр.</i> вороныё; вороны (накликающие беду) <...> 00	каргетон карканье каргетыны каркать *Видимо, с данными представлениями связана и такая примета: если над хозяйством пролетает каркающий ворон (<i>кыр-ныж, куака</i>), то вслед ему обязательно произносят слова – <i>зэм ке вераськод, куарадэ вошты!</i> ‘если говоришь правду, измени голос’. Считается, что таким образом он несет проклятие, а данная фраза поможет отвести беду. Здесь так же следует отметить, что в мифологических представлениях многих народов ворон считается вещей птицей, наделяется эпитетом <i>зловеций</i> . Однако «за вещую душу его не больно-то любят, и люди охотно верят, что ворон приносит несчастье своим прилетом к жилью» [Грушко 1995, 51].
каргалу <i>страд. от каргау</i> проклинаться, быть проклятым.	
каргану 1. проклинать, проклясть, говорить проклятия; // проклятие; 3. божиться, поклясться; //клятва; 3. <i>перен. см. су-крану</i> (роптать, сетовать ворчать, выражать недовольство; брюзжать).	карганы проклясть, проклинать карган <i>сущ. от карганы</i> каргаськон проклятие каргаськыны 1. браниться, ругаться 3. проклинать каргаськыны-юриськыны проклинать
каргату <i>понуд. от каргау</i> допускать (допустить, позволять, позволить) проклинать, проклясть себя.	каргась проклинающий
каргау проклинать, проклясть, клясть; накликать (<i>на чью-л. голову</i>) бедствие; // проклятие, проклина-ние.	
каргашу <i>взаимн.-совм. от каргау</i> проклинать друг друга; проклинать <i>кого-л. вместе с кем-л.</i>	
каргыш 1. проклятие, зложелательство <...>; 3. <i>перен.</i> ругань, брань	каргуш <i>диал.</i> проклятие; заклинание каргыш <i>ср. юж.</i> проклятие [Борисов 1991, 126].
каргышлы проклятый	каргам проклятый проклятие; ~ тушмон проклятый враг

Известный удмуртский фольклорист Т. Г. Владыкина выделяет как отдельный жанр *каргась-коньёс* ‘проклятия’ (в книге приведено 50 выражений): *Албасты басьтон люкет!* ‘Чтоб тебя албасты забрал!'; *Быдэс улонэд жукиртыса мед ортчоз!* ‘Чтоб тебе всю жизнь скрипеть!'; *Вералод ке – вера, кылыд мед сисьмоз!* ‘Говоришь – так говори, пусть твой язык отсохнет!'; *Вордйськоно нуныед сэрегпум мед луоз, нылдэ-пидэ шайтан мед воштоз!* ‘Чтоб ребенок твой головешкой родился, чтоб детей твоих шайтан подменил!'; *Гудэм гуад ачид мед усёд!* ‘В вырытую тобой яму тебе же и провалиться!'; *Жеч улонэз медад адзы: кукке гур выл шоры сяська потйз, кырым пыдсад гон ке потйз, соку жеч улонэз мед аджод!* ‘Чтоб тебе хорошей жизни не видать; только тогда пусть хорошую жизнь увидишь, когда на печи цветы вырастут, когда на ладони шерсть вырастет!'; *Инмар мед чашьёз!* ‘Чтоб тебя молнией поразило!'; *Каргаськем кылыд аслыд мед луоз!* ‘Чтоб твое проклятье на тебя же пало!'; *Сэлед мед посьтоз!* ‘Чтоб селезенка у тебя лопнула!'; *Убир мед басьтоз!* ‘Чтоб вампир тебя унес!'; *Чагпис кадь мед куасьмод!* ‘Чтоб тебе высохнуть, как сухое полено!'; *Ымад куака мед пыроз!* ‘Чтоб в твой рот ворона залетела!’ и др. [Удмуртский фольклор 1987, 250–253].

3. Юрьскон.

Что касается слова *юриськон*, то Т. Борисов [Борисов 1991]¹ указывает его распространение в северных и срединных говорах. Он приводит другую форму – *юриськем* ‘проклятие’, а рядом поговорку: *Шырлэн юрьськемез кохышлы уз усыы* ‘проклятия мыши на кошку не упадут’ [Борисов, 366–367].

¹ Словарь Т. Борисова впервые был опубликован в 1932 г.

Существительное образовано от глагола *юриськыны*: '1. наклика́ть беду, навле́чь (навлекать) беду 2. прокля́сть, проклина́ть, пожела́ть (желать) зла кому-л.'; или *юраны* 'желать что-л. плохое себе' – в современном удмуртском языке употребляется редко. Как уже отмечалось выше, Т.Г. Владыкина в своей работе использует термин *юран кыл* [Владыкина 1997, 68].

В коми языке находим: *ёрӧм, ёрсьӧм* 'проклятие', *ёрны кодӧскӧ* 'предать кого-н. проклятию' [Русско-коми словарь 531]. В КЭС приводится следующая этимологическая справка: *ёрны* П 'клясть, проклинать, проклясть'; *jog-* вс.; *jog-* з., *jord-* п., *ju-*т- кя. / удм. юриськыны 'тж'; *jwt-* (Wichm.-Uot., 81) ; *jeg-* бес. – Общеп. **jig-* 'проклинать' // ? маар. В. ираш 'бранить, ругать' / ? эрз. эрдекстамс 'побранить, проклясть'. К. ? < иранск., ср. осет. *ard, ärd* 'клятва' [КЭС 1999, 101].

Таким образом, мы можем предположить, что данная лексема является словом общепермского происхождения.

3. Кроме того, встречаются и другие лексемы, выражающее данное понятие. В словаре синонимов В.М. Вахрушева находим уже знакомые *карганы, юрины, юриськыны, каргаськыны*, и новые *касаны, каршыны*, все они используются в значении 'проклинать, клясть, проклясть' [Вахрушев 1995, 113].

Рассмотрим глаголы *касаны* '1. питать зло; 2. диал. завидовать, разносить сплетни из-за зависти' и *касланыны* диал. 'злобствовать, питать чувство злобной (чёрной) зависти'; от них образованы существительные *касан* и *касланон*. Кроме того, существует прилагательное, которое широко используется в литературном языке: *кас* 'злой, враждебный, завистливый'; *кас тушмон* 'злой враг'; *кас мурт ассэ но адӟонтэм каре* погов. 'злой человек и сам себя ненавидит' [УРС 2008, 285].

Другая диалектная лексема *каршыны* '1. выступать против, возражать, противиться; упрямиться; 2. браниться, ругаться', от него образовалось существительное *каршон* '1. возражение, выступление против; упрямство 2. брань, ругань || бранный'; *каршон кылъёс* 'бранные слова', а также *каршы* (напр. *каршы кыл* 'бранное слово, брань, ругань') [УРС 2008, 284].

4. В удмуртском литературном языке чаще всего используются два слова для обозначения проклятия – *юриськон* и *каргаськон*. До сих пор, как указывал Т. Борисов еще в начале XX века, удмурты отдают предпочтение своему варианту: южные – *каргаськон*, северные и срединные – *юриськон*. Такой «выбор» лексемы обусловлен многими историческими, экономическими, социальными и др. факторами, а также языковыми контактами.

Хотя удмурты отмечают, что *адямиос вылтэ юриськыны умой övöl* 'нехорошо желать людям зла'; *мурт вылтэ эн юриськы – ас вылад усёз* посл. 'не рой другому яму, сам в неё попадёшь', но, тем не менее, довольно часто пользуются проклятиями. Записанные учеными и услышанные тексты поражают своим разнообразием и богатством форм, а также устрашающими «последствиями». И не дай Бог испытать на себе подобные пожелания.

К сказанному следует добавить, что «религиозно-мифологическое мировосприятие видело угрозу для человеческого здоровья и благополучия в проклятиях (юриськон/каргаськон) и неисполненных обетах и обещаниях богам, божествам или духам. Считали, что если кого-то прокляли, словесно пожелали ему всех бед и несчастий (в том числе – И болезней), проклятье обязательно сбудется. Особой силой наделяли проклятия матери в адрес детей, поэтому рекомендовалось воздерживаться от любых сказанных в сердцах злых пожеланий в адрес детей» [Никитина 2004: 90].

ЛИТЕРАТУРА:

- Борисов Т. Удмурт-зуч кылбугор. Ижевск, 1991. 384 с.
Вахрушев В. М. Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор. Ижевск, 1995. 280 с.
Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематика: Монография. Ижевск, 1997. 356 с.
Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород, 1995. 368 с.
Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: Просвещение. 1991. 160 с.
Удмурт фольклоръя лыдзет / Люказ, радъяз но валэктонъёссэ гожтӥз Т. Г. Владыкина. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 с.
Кельмаков В. К. Удмурт синоним кылпокам. Ижевск: Удмуртия, 2009. 296 б.
Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
Никитина Г. А. Мифологические представления в народной медицине удмуртов // Удмуртская мифология / Под ред. В. Е. Владыкина. Ижевск, 2003. С. 84–96.
Русско-коми словарь. – Сыктывкар, 1966. 776 с.
Русско-удмуртский словарь / Гл. редактор Вахрушев В. М. М., 1956. 1360 с.
Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. 656 с.
Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993. 170 с.
Татарско-русский словарь. М., 1966. 864 с.
Удмуртско-русский словарь / Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
Удмуртская мифология / Под ред. В. Е. Владыкина. Ижевск, 2003. 196 с.
Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / Составитель Т. Г. Перевозчикова. Устинов, 1987. 276 с.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ВНУТРЕННЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: К ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

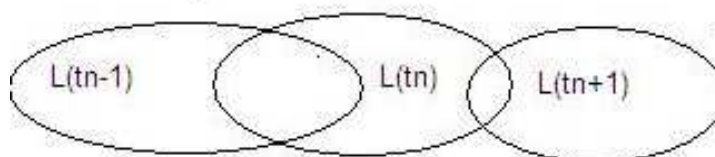
1.0. Теоретические постулаты сравнительно-исторического языкознания.

Язык — это постоянно изменяющаяся знаковая система, обеспечивающая коммуникацию внутри некоторого социума.

Передача языковых знаний происходит в результате обучения языку через его использование, а при использовании и обучении, как во время любого процесса передачи информации, происходят сбои и утеря малозначимых данных вследствие объективных помех; таким образом, язык в восприятии учителя обязательно не совпадает с языком в восприятии ученика. Регулярность звуковых изменений в конкретном языке в конкретный период времени обусловлена тем, что звуковые изменения реализуются как смещения случайного характера в движении и взаимном расположении речевых органов, вызывающие допустимые (не замечаемые социумом, равно как и каждым отдельным говорящим) изменения в акустическом потоке. Они не замечаются, пока не мешают пониманию речи (не нарушают в сознании говорящих идентичность знаков); для этого они не должны существенно нарушать систему противопоставлений, существующую в языке.

Когда регулярные фонетические изменения существенно нарушают имеющуюся в языке систему оппозиций, необходимую для однозначной передачи информации, то в дело включается другой тип языковых изменений — изменения, направленные на сохранение системного характера языка. Они как бы выстраивают из обломков поврежденного участка предшествующей системы новую систему, что обуславливает преемственность между этими системами.

Принципиально возможно получение информации по истории языка даже если этот язык изолированный, т.е. пользуясь только знаниями о соотношениях различных частей данной языковой системы на ее синхронном срезе. Это вытекает из изложенного выше представления об исторических процессах, действующих в языке: постоянном разрушении, "износе" старой системы и постоянном восстановлении системного характера языка. В результате каждый синхронный срез языка представляет собой сложный конгломерат из основной, "рабочей" в данный момент системы и периферийных частей — следов старых системных отношений и зачатков новых в тех местах, где ныне действующая система уже подвергается износу. Таким образом, схематически он может быть изображен так:

Итак, всякий язык включает сам в себе свою историю; конечно, достоверным образом извлечь ее возможно лишь в некоторой степени и — поскольку извлечение заключается в построении гипотез о возможных направлениях изменения — лишь при жестком контроле со стороны объективных данных внешнего сравнения

Человеческая речь предстаёт перед нами в виде звуковых цепей, т.е. непрерывных модификаций звучания, размещённых на временной оси.

При языковом восприятии речи происходят три операции: 1) членение звуковой цепи на минимальные звуковые отрезки;

2) отождествление каждого такого отрезка с подобными звуковыми отрезками, которые могут занимать то же место в звуковой цепи, не нарушая её связи с элементами содержания;

3) отождествление данного звукового отрезка с звуковыми отрезками, выступающими в других окружениях, но занимающими одинаковое место в системе противопоставляемых отрезков.

Минимальная единица фонологии, вычленяемая в результате указанных операций, называется фонемой. Итак, фонема — это звук речи как особый признак, служащий для отождествления и различения в языке звуковых оболочек смысловых единиц.

Возможности противопоставления фонем меняются в зависимости от их позиции. Позиции, в которых возможно различение максимального числа фонем, называются сильными; позиции, в которых возможности противопоставления фонем редуцированы, называются слабыми. Фонемы в соответствующих позициях тоже называются сильными и слабыми.

Указанные операции и полученные в результате их фонологические единицы не имеют непосредственного отношения к таким структурам языка как предложение, синтагма, слово, морфема, морф. Для того чтобы связать эти единицы с этими структурами, нужно перейти на морфонологический уровень языка. Для этого надо привлечь информацию о смысловом, морфологическом членении звуковых цепей и о тождестве-нетождестве морфов. Установив тождество морфа, встреченного в разных фонетических позициях, мы обнаруживаем, что состав фонем, выражающих его, в зависимости от позиций меняется, хотя количество и порядок обычно неизменны.

Например, в словоформах *vóš* (воз), *vlz-ý* (возы), *vý-vəs* (вывоз), *p'ər'ie-vóš-kə* (перевозка) морф {voz} выступает как блок, состоящий из трёх рядов фонем: 1) *v*, 2) *o*, *л*, *ə*, 3) *z*, *S*, *s*. Единство фонем каждого такого ряда, занимающего определённое место в морфе и распределяющего свои составляющие в зависимости от позиций, называется морфонемой. Так как морфонема состоит из ряда, включающего сильную фонему и слабые фонемы, мы можем рассматривать сильную фонему в качестве представителя морфонемы, а для слабых фонем ввести правило порождения, рассматривая их как модификации данной морфонемы в определённых фонетических позициях. Такая запись морфонем, как *v*, *o*, *z*, с синхронной точки зрения, будет глубинной, а правило порождения будет правилом вывода из глубинной записи на поверхностный уровень. Но одновременно мы установили исторически предшествующий фонетический вид морфов и ряд исторических фонетических процессов: 1) процесс редукции гласных, 2) процесс регрессивной ассимиляции согласных по звонкости-глухости, 3) процесс оглушения согласных в конце слова. То есть мы произвели внутреннюю реконструкцию предшествующего состояния русского языка.

Фонетическое развитие языка идёт таким образом, что его предшествующее состояние как бы вытесняется на глубинный уровень, из которого поверхностный уровень выводим посредством строгих правил порождения.

2.0. Примеры извлечения исторических данных из синхронной ситуации в языковой системе на башкирском материале

2.1. Вокализм

2.1.1. Фонетическая система гласных башкирского литературного языка:

	Переднерядные		Среднерядные		Заднерядные	
	негубные	губные	негубные	губные	негубные	губные
Узкие	<i>и</i> [i]	[y] <i>й</i>			<i>ы</i> [y]	<i>у</i> [u]
Полуузкие			<i>е</i> [ə]			
Полуширокие				<i>ө</i> [ʊ]		<i>о</i> [u]
Широкие	<i>ə</i> [ä]				<i>а</i>	<i>ä</i>

Кроме того, выделяются бифонемные сочетания [yj], [əj], которые в закрытом слоге имеют слитную артикуляцию и звучат близко к *i*, так что в (Грамматика 1981, 31) (конечно, ошибочно, но в соответствии с орфографией) они рассматриваются как аллофоны *i*.

Из них легко объединяются в одну фонему фонемы *ä* и *a*, как находящиеся в дополнительном фонетическом распределении: *ä* встречается в первом и непервом закрытом слоге фонетического слова, *a* — в непервых открытых. Что касается остальных фонем, то, как указывал А. А. Юлдашев (Грамматика 1981, 33-35), сильной позицией для гласных башкирского языка являются открытые первые слоги фонетического слова, где в смысловоразличительной функции выступает максимальное число гласных фонем, то есть все обозначенные, кроме *ä*, которое является аллофоном *a*. В непервых слогах набор различающихся гласных ограничен, отсутствуют /u/, /i/ и /ü/; соответственно, это слабая позиция.

Фонологическая система, построенная на основании минимализации количества различительных признаков, выглядит для литературного башкирского так:

Ряд	Передние		Задние	
	Неогубл.	Огубл.	Неогубл.	Огубл.
Подъем				
Верхний	i	ü	y	u
Средний	ə	ʊ		
Нижний	ä		a	

Если рассматривать морфонологическую связанность гласных, то оказывается, что сингармонические пары обнаруживают асимметрию. Если в фонологическом смысле в привативной оппозиции по огубленности состоят *i* ~ *ü*, *y* ~ *u* и *ə* ~ *ʊ*, то морфонологически парными по огубленности оказываются *y* ~ *u* и *ə* ~ *ʊ*. То же касается и оппозиций по ряду. Очевидно, современное состояние

восходит к такому, где симметрия не нарушалась: фонема у относилась к тому же подъему, что и, э и ч.

2.1.2. Фонетическая система гласных кизильского диалекта

Ряд	Передние		Средние		Задние	
Подъем	Неогубл.	Огубл.	Неогубл.	Огубл.	Неогубл.	Огубл.
Верхний	i (ит, бит, ижау, кире, сирак)	ü (түс, сүс)	(i̯) (ти [ti̯], бие [bi̯ə])		(y̯j) (быйма [b̥y̯jma])	u (күл [kul], бүре [burə], тун [tun])
Средний			э (эш [əʃ])	э° (э°w) (китеу [kitə°w], төз [təʒ])	ь (ыс, был)	ь° (һыу [h̥b̥°w], быу [b̥b̥°w], он [ɔ̃n])
Нижний	ε				а	

Редуцированные верхнего подъема - позиционные аллофоны э и ь в соседстве с j.

"Склейка" таблицы по минимальным различительным признакам дает следующую фонологию:

Ряд	Передние		Задние	
Подъем	Неогубл.	Огубл.	Неогубл.	Огубл.
Верхний	i	ü		u
Средний	э	э°	ь	ь°
Нижний	ε		а	

Сингармонические варианты здесь вполне симметричны. Но i и u оказываются нейтральными по ряду: бите [bitə], ижау [iʒaw], кире [kirə], сирак [siraq]; бүре [burə], бушлык [buʃlyq]. Эта морфонологическая нейтральность является показанием к историко-лингвистической гипотезе о совпадении в каждой из этих фонем двух, различных по ряду.

2.2. Что касается согласных, то в большинстве тюркских языков начало слова, а также положение в контакте с другими согласными - слабые позиции для консонантизма. Наиболее сильной из имеющихся следует признать интервокальную позицию. В ней различается максимальное количество согласных фонем.

2.2.1. Посмотрим, как с этим фактом коррелирует выбор алломорфов аффиксов. Данный пример внутренней реконструкции был, по-видимому, проработан, но не эксплицирован Н.К. Дмитриевым в его «Грамматике башкирского языка».

Для литературного башкирского¹, как известно, наблюдаются следующие ряды позиционных чередований² для среднеязычных согласных в начале аффиксов (особая морфонологическая позиция для агглютинативных языков!).

Позиция	Acc -nI ⁴ , Gen -nI ⁴ η, Abl -nA ² n, Praet. -nI ⁴	Pl -lA ² r, Loc -lA ² , Simil -lA ² j, Comp - lA ² ʃ, Dur3 -lI ⁴ r, *Caus -lI ⁴ r-, Conj - lA ²	Adj -lI ⁴ , NomAbstr - lI ⁴ k, Denom - lA ² , *Pass - lI ⁴	*Refl -l ⁴ n *Pass -l ⁴ n	Caus -t, Part -tI ⁴ k, NomRes -tI ⁴
V_V	n	l	l	n	t
δ/r/w/j_V	δ	δ	l	n	t
p/t/θ/s/ʃ/k/h_V	t	t	l	n	t
l/m/n/ŋ/ʒ_V	d	d	l	n	t

¹ Конечно, материал литературного языка может в некоторых своих частях не представлять естественного развития языковой системы, будучи продуктом нормализаторской деятельности. О данной группе явлений, однако, известно, что здесь за основу нормы взяты данные восточного диалекта; можно принять, что последующий анализ касается развития в восточном диалекте.

² Следует уточнить понятие чередования. Чередование - это изменение внешнего облика (фонетического, фонемного, морфемного состава) морфемы какого-либо определенного языка или диалекта в зависимости от окружения. Если устанавливается правило изменения состава оболочки морфемы в зависимости от фонологического окружения, говорят о фонологическом чередовании; от морфемного - о морфонологическом; наконец, при зависимости от морфемного или просто грамматического окружения говорят о морфологическом чередовании (в этом случае чередование в синхронном плане является формой выражения грамматического значения и следовательно оболочкой морфемы). В некоторых работах по тюркологии термин "чередование" употребляется в значениях 1) соответствие (в сравнительно-историческом плане, т.е. межязыковое или междиалектное); 2) варьирование - непозиционное изменение звукового элемента. Во избежание путаницы, мы такого употребления не поддерживаем.

Каждому из рядов чередований, распределенных по одинаковым позициям, мы можем сопоставить отдельную "глубинную морфему" начала аффикса; это первый этап внутренней реконструкции консонантного состава аффиксов. Поскольку сильная позиция — интервокальная, то наиболее естественно выбирать представителем глубинной морфемы начало алломорфа в интервокальной позиции. Это -n для первой группы, -l для второй, -l для третьей, -n для четвертой и -t для пятой. Однако одинаковые морфемы не должны давать разных рядов чередований. Если четвертая группа легко устранима, то о третьей этого нельзя сказать. Тогда -l лучше восстанавливать для ряда с единообразным -l, а для второго ряда выбрать представителя глубинной морфемы, не пересекающегося с другими. Н.К.Дмитриев выбирает здесь -d (опираясь на данные внешнего сравнения).

Н. К. Дмитриев обращается к внешнему сравнению: параллелям из юго-западной (огузской) группы языков. В огузских языках этимологические эквиваленты аффиксов пятой группы показывают нечередующееся -t-. Большая часть этимологических эквивалентов аффиксов второй группы (кроме показателя множественного числа) входят в ряд чередований t ~ d (первый вариант после глухих, второй — остальные позиции). Третья группа, так же, как в башкирском — нечередующееся -l.

В первой группе два первых аффикса - Acc и Gen - имеют нечередующееся -n, а два других — аблатив и претерит - чередующееся t ~ d (те же позиции, что предыдущие группы). Таким образом, прямое возведение башкирского состояния к состоянию, напоминающему огузское, невозможно.

Огузские ряды чередований

Позиция	Acc -nI ⁴ , Gen -nI ⁴ n, *Refl -I ⁴ n	Abl -dA ² n, Praet. -dI ⁴ , Loc -dA ² , Simil -dA ² j, Comp -dA ² š, Dur3 -dI ⁴ r, *Caus -dI ⁴ r-, Conj -dA ²	Pl -IA ² r, Adj -II ⁴ , NomAbstr -II ⁴ k, Denom -IA ² , *Pass -I ⁴ l	Caus -t, Part -tI ⁴ k, NomRes -tI ⁴
V_V, Cзв_V, R_V	n	d	l	t
Сгл_V	n	t	l	t

Для аффиксов второй и пятой групп естественно предположить, что огузские языки, как и башкирский, сохраняют старое различие двух морфем начала аффикса, *-t и *-d, а не смешали их.

Что касается разнобоя в соответствиях первой группы, Н.К. Дмитриев, вновь обращаясь к внутренней реконструкции, обращает внимание на то, что аффикс аблатива представляет собой закрытый слог с постоянным -n на конце, а аффикс претерита в формах 1 и 2 л.ед.ч. также образует с соответствующими личными аффиксами закрытый слог, оканчивающийся на носовой согласный.

Он предполагает, что на начальный звук этих аффиксов в пра-башкирском подействовала назализация, а потом назализованная форма аффикса претерита распространилась (по парадигматической аналогии) и на другие личные формы. Это возможное решение, которое косвенно подтверждается различием в поведении начального согласного аффиксов локатива и аблатива в огузских языках.

Никакие внутренние вторичные распределения не объясняют особого поведения в башкирском литературном языке аффикса множ. числа -IAg. Н.К.Дмитриев полагал, что в башкирском в позиции начала аффикса старое *d переходило в *l, но наличие аффиксов с нечередующимся l закрывает возможность этого решения, если не обращаться к экстралингвистической информации. Дело в том, что при нормировании в литературный башкирский язык попало из восточных диалектов правило о чередовании самого продуктивного из аффиксов со старым *-l-, в то время, как для остальных аффиксов с *-l- работает правило из северо-западного диалекта, без чередования. Действительно, в говорах восточного диалекта точно такие же ступени, что -IAg, и с тем же распределением, имеют аффиксы Adj -II, NomAbstr -IIk, Denom -IA. В восточном диалекте полностью совпали начальные *-d- и *-l- аффиксов.

2.2.3. Еще один интересный момент - соотношение в башкирском двух форм аффикса пассива: -II и -In. Эти алломорфы не находятся в отношении описанного чередования, а соотносятся совсем по другому правилу: если в основе, к которой добавляется аффикс пассива, имеется морфема l, выбирается алломорф -In, в других случаях - алломорф -II. Это правило диссимилятивное и работает не с морфонологическими, а с морфемными позициями (действует для специфического класса морфем). Из общих соображений, оно поэтому должно быть более древним, чем правило о морфонологическом чередовании (ушло на более глубинный уровень языка). Действительно, если привлечь материал внешнего сравнения, оказывается, что данное правило выбора яв-

ляется по крайней мере общекипчакским (в то время как морфемное чередование в его конкретной форме - внутрибашкирское) и, следовательно, работало как фонетическое в более ранний период.

3.0. Таким образом, при внутренней реконструкции исследователь как бы разворачивает морфологическую систему языка, забираясь во всё более глубокие его области, но чем дальше вглубь, тем меньше надёжных фактов и тем менее надёжной становится реконструкция. Внутренняя реконструкция на глубинном этапе исследования нуждается в поддержке внешним сравнением и в его контроле.

Г. III. Дәүләтколова, Салауат к.

ХӘЗЕРГЕ БАШКОРТ ТЕЛЕНЕҢ АКЦЕНТОЛОГИЯҢЫ

Дөйөм тел җилемәндә башымды интернациональ термин «акцент», башым типтарын «акцент типтары» тип йөрөтәләр. Ә акцентология (латин теленән – «башым» accent us һәм һәм грек теленән lo,goi – «һүз, өйрәтү») – тел җилемәнен башым һәм уның менән бәйлә күренештәргә өйрәнәүсә бүлгә. Ул башымды фонологик һәм морфологик күзлектән сығып карай. Акцентологияның фонологик аспекты түбәндәгеләргә үз эсенә ала:

1. башымлы ижектең урынын билдәләү. Башым ирекле (төрлө урында) һәм бәйлә (ирекһез – фиксированный) булырға мөмкин; 2) башымдың фонологик төрөн (тибын) айырыу. Был принцип буйынса ижек акцентлы (слогаакцентный) – мәсәлән: рус, поляк телдәре; мороакцент (боронго грек теле) айырып карала, шулай ук моноакцент һәм полиакцент телдәргә билдәләргә мөмкин. Моноакцент телдәргә (рус, англиз) башымлы ижек бер нисә ысул менән билдәлә, полиакцент телдәргә (балтик, серб-хорват) – бер нисә ысул менән; 3) башымдың фонетик тибын билдәләү. Фонетик йәһәттән квантиталь (башымлы ижекте дауамлылығына карап айырыу), динамик (башымлы ижекте интенсивлыкка карап билдәләү), мелодик йәки музыкаль (тон юғарылығы буйынса) башым төрҙәргә айырып карала.

Акцентологияның морфонологик аспекты:

1. башымдың морфема һәм морфологик структуралары (нигезҙәр менән бәйләнешен); 2) парадигма сиктәрәндә һүз үзгәргәндә башымдың үзгәрәү кағизәләрен булдыра. Парадигма – акцент Һызығы (акцентная кривая), акцент Һызыктарының берләшмәһе акцент парадигмаһын барлыкка килтерә. Хр. Станг славян телдәрәндә 3) төп акцент парадигмаһын айырып карай: баритонлы (баритонированную) (а), окситонлы (акситонированную) (в), хәрәкәтсән (с).

Акцентологияның мөһим бүлектәрәнен береһе булып тарихи йәки диахроник акцентология тора. Ул телдәрҙән һәм тел җәйләләренә башым системаһын реконструкциялауға булышлыҡ итә, төрлө тарихи дәүерҙәрҙә барлыкка килгән акцент үзгәрештәрәнен өйрәнә.

А. Х. Востоков (1831) рус теле акцентологияһына нигез һалыусыларҙың береһе. Ул рус һүзҙәрәнен башым типтары буйынса төркөмдәргә бүлә. А.А.Потебня рус телендәгә башымды тасуирлауға морфологик критерийҙы индерә. XX быуатта рус һәм славян акцентологияһы И. А. Бодуэн де Куртенә, А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев, Л. А. Булаховский хезмәттәрәндә өйрәнелә, үстөрөлә. XX быуаттың 2-се яртыһында В. М. Иллич-Свитыч һәм В. А. Дыбо славян акцентология системаһында тулы реконструкция үткәрәләр. В. В. Колесников рус һөйләштәргә һәм язма комартиктары нигезендә боронго рус телендәгә башымға ентәклә характеристика бирә, рус теле һөйләштәрәнен акцент системаһын диахронологик һәм синхроник аспектарҙан сығып тикшерә.

Башкорт теле акцентологияһы тәү башлап Н. К. Дмитриев һәм Ж. Ғ. Кейекбаев хезмәттәрәндә айырым өлкә буларак яктыртыла. Күп кенә хезмәттәргә, башкорт телендә башым һәр ваҡыт азаккы ижеккә төшә, тип билдәлә. Ләкин был хата караш, сөнки башкорт телендә һүз башымының ярайһы катмарлы үзенсәлә яктары байтаҡ. Бындай күренештәр Н. К. Дмитриев һәм Ж. Ғ. Кейекбаев тарафынан ентәклә тикшерелгән, һығымталар яһалған. Атап үтелгән телсә-ғалимдар башкорт телендәгә башымдың экспирацияға бәйлә булығын раһлай [Кейекбаев 1964: 62, Дмитриев 2008: 54]. Ж. Ғ. Кейекбаев башкорт теле акцентологияһын түбәндәгесә характерлай:

— күп ижеккә һүзҙәрҙә башымдың азаккы ижеккә төшөүе (исем, һан, кылымдарҙың кайһы бер формалары);

— рус теленән һәм рус теле аша сит телдән үзләштерелгән һүзҙәргә ялғауҙар кушканда башымдың инеш телдәгесә һаклануы һәм һакланмау осрактары;

— һорау һәм ярамлыҡ һүзҙәрҙә, кылымдың бойорок формаһында – 2-се затта (башым һәр сак беренсе ижеккә кала) һәм кылымдарҙың юктыҡ формаһында (-ма, -мә ялғауы алдындағы ижеккә төшә) башымдың тоторуклолоғо;

— башым кабул итмәүсә аффикстар;

— һөйләмдәге һүзәр араһында һәм һанағанда һандар араһында логик һәм грамматик бәйләнеш булдырыу талап ителгән осракта һүз башымының урыны, йәғни беренсе ижеккә күсәүе [Кейекбаев 1964: 62-65].

Башкорт телендә тамырзаш һүзәрҙә башымдың урыны ниндәй һүз төркөмөнә караған яңы һүз яһалыуға карап билдәләнгән. Мәҫәлән:

баш: башлык (исем), башлы, башһы (сифат), башла (кылым);

ак: акла, аклай (кылым), аклы, акһы (сифат), аклык (исем).

Тимәк, төп башкорт һүзәрәнән исем яһалғанда башым азаккы ижеккә күсә бара; сифаттарҙа ялғау кабул итмәүсә аффикстар юк; кылымдарҙың башым кабул итмәүсә аффикстары тураһында юғарыла әйтеп үтелә.

Исемдәрҙә башымдың азаккы ижеккә төшмәү осрағы тик үзләштерелгән һүзәрҙә генә күзәтелә. Ләкин был кағизә бөтә үзләштерелгән һүзәргә лә кағылмай, сөнки уларҙың башкорт теленең акцент системаһына буйһонғандары ла бар. Быны түбәндәге таблицаға күрергә мөмкин:

Һүзәр	Азаккы ижеккә күсәү	Азаккы ижеккә күсмәү
урман	+	
ручка		+
портфель	+	
машинист	+	
вышка		+
фабрика		+

Тимәк, инеш телдә башым һүзәң азаккы ижегенә төшһә, башкорт телендә ялғау кушканда, ул азакка табан күсә бара, әгәр киреһенсә икән, ул инеш телдәгесә кала.

Шулай итеп, башкорт теленең акцентологияһы етерлек ярайһы һәйбәт, ентекле өйрәнелгән, ләкин акцентология буйынса күләмле айырым монографик хезмәттәр юк кимәлдә.

ӘЗӘБИӘТ:

Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971. 224 с.

Кейекбаев Ж. Ғ. Башкорт әзби теленең дәрәҫ әйтелеше. Өфө, 1964. 85 б.

Дмитриев Н. К. Башкорт теленең грамматикаһы. Өфө, 2008. 326 б.

Ф.Н. Дьячковский, г. Якутск

ЗАМЕТКИ О ГОВОРЕ ЯКУТОВ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БУЛУНСКОГО, ЖИГАНСКОГО УЛУСОВ)

За последние годы якутская диалектология достигла больших успехов. После фундаментальной работы О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (1851), содержащей богатый материал по диалектным расхождениям якутского языка и некоторым другим тюркским языкам, были созданы замечательные монографические исследования Е. И. Убратовой, П. П. Барашкова, М. С. Воронкина, П. С. Афанасьева, С. А. Иванова, Е. И. Коркиной, Р. Р. Жирковой. На основе этих исследований изданы диалектологические словари якутского языка (М., 1976; Якутск, 1995). Значительным успехом якутских диалектологов является издание «Диалектологического атласа якутского языка» в двух частях (Новосибирск, 2004, 2010). Взаимовлияние якутского и других языков коренных народов Севера в условиях совместных контактов на протяжении многих веков в необъятной Якутии было исследовано в научных статьях и монографиях А. В. Романовой, А. Н. Мыреевой, П. П. Барашкова, И. Н. Новгородова, Н. Е. Захаровой и др.

Булунский и Жиганский районы относятся к северо-западной диалектной зоне якутского языка, которая охватывает также территорию Анабарского, Оленекского районов Республики Саха (Якутия), а также за ее пределами – район озера Есей Эвенкийского округа и Таймырский (Долгано-ненецкий) автономный округ Красноярского края.

Булунский и Жиганский говоры относятся к числу переходных говоров, находящиеся в непосредственной близости к вилюйской и центральной диалектной зоне якутского языка. Именно Булунский и Жиганский районы считаются «основной лабораторией форсирования» якутов-оленьеводов и узловым пунктом их распространения на северо-запад [1, 23]. В результате многочисленных переселений якутами, в основном из вилюйских и центральных районов в рассматриваемые районы сложилась в некотором смысле уникальная лингвистическая ситуация: носители двух раз-

личных по структуре языков – тунгусо-маньчжурского и якутского, в течение многих столетий существовали в тесном контакте друг с другом и с русским населением.

Как известно, вся территория Булунского района относится к арктической группе улусов Республики Саха, а территория Жиганского района находится за полярным кругом.

Целью данной статьи является лексико-семантическая классификация лексики булунского, жиганского говоров северо-западной диалектной зоны якутского языка. Общеизвестно, что данные диалектной лексики служат надежным источником в изучении современного состояния языка, и являются важным средством при установлении исконной и заимствованной лексики, при выяснении генетической связи и исторических контактов. Северо-западная диалектная зона подробно изучался М. С. Воронкиным на уровне фонетики, морфологии и лексики. Автором обнаруживается в диалектной лексике соприкосновение двух полярных диалектных зон – северо-западной и северо-восточной. Ареал распространения первой охватывает левобережную часть территории говора, а ареал распространения второй – правобережную [Воронкин 1984, 153].

Источником настоящей работы послужили материалы комплексной экспедиции, первичные описания лексических заимствований из эвенкийского языка в якутском языке. Сбор материалов в основном производился традиционным методом: анкетный опрос, записи рассказов на разные темы, наблюдения над устной речью местных жителей Булунского и Жиганского районов.

В своей работе мы опираемся на словарный состав, зафиксированный в диалектологических и переводных словарях современного якутского языка, а также на собранный нами языковой материал по лексическому заимствованию, достаточно часто употребляемый в устной речи якутов Булунского и Жиганского районов.

Подавляющее большинство заимствованных слов из тунгусо-маньчжурских языков прочно вошло в лексику якутоязычного населения вышеназванных районов, и большая часть из них активно функционирует в речи современных якутов данного региона. Такая работа необходима для представления характера культурно-исторического влияния эвенкийского народа на якутский язык.

Процесс взаимовлияния на уровне языка связан с общеизвестным понятием заимствование, являющееся не чем иным, как обозначение степени смешения контактирующих языков.

Заимствование – элемент чужого языка (слова, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [Языкознание: БЭС 1994, 158].

Во время экспедиции нами зафиксировано более ста слов, заимствованных из эвенкийского и эвенского языков в якутском языке. Заимствованные слова, перенятые устным путем и широко вошедшие в обиходную речь, подверглись полному фонетическому освоению. Фонетическое переформление произошло в соответствии с требованием фонетической системы якутского языка.

По лексико-семантическим группам заимствованные слова из тунгусо-маньчжурских языков в якутоязычном населении анализируемых районах распределены следующим образом:

Слова, относящиеся к оленеводству: *абга* – недоношенный, аномальный, *иктээнэ* – олень-самец трех лет, *малкни* – рога, отрезанные посередине, *кэтэм* – бесплодная (о важеньке оленя), *дбукэ-энди* – олень верховое седло, *унучээ* – выючный олень, *чалам* – необученный, необъезженный (об олене) и т.д.;

Слова, относящиеся к промысловой и хозяйственной деятельности: *туктуйэ* – посуда под рыбу из коры или ивовых прутьев, *олдоон* – железный крючок для подвешивания котелка над огнем, *дирэ* – плоский, круглый камень, на котором разбивают и размельчают кости;

Религиозно-культурная лексика: *котоку* – ласкательное название лица, предмета с оттенком уважения или сочувствия, *дбукаахаан* – послед женщины-роженицы, который обернув тряпкой, подвешивают в специально построенном маленьком чуме;

Слова, обозначающие одежду и ее детали: *нуула* – пальто из оленьей шкуры мехом внутрь, *епчурээн* – меховая обувь без голенищ, надеваемая поверх торбасов, *дурдуук* – короткая доха с капюшоном, *тупулай* – зимняя шапка без кондыря, обшитая мехом спереди и сзади и закрывающая щеки до подбородка;

Слова, относящиеся к растительному миру: *ылабан* – суставчатая трава, растущая в воде, *дбааһымда* – древесная смола, *тахтыкан* – низкорослое дерево с густыми ветвями, типичное для лесотундры;

Наименования продуктов питания, кушанья, напитки: *хорчоо* – вяленая на солнце рыба, разрезанная на спине, *чылкаан* – блюдо из вареной рыбы, размешанной в голубичном соку;

Наименования, обозначающие животный мир: *даадар* – кабарга, *курээки* – орел, *ньайба* – озерная рыба, имеющая красное мясо, *анабы* – самец горного барана, *киикээхтэ* – мелкий вид турпана;

Постройки, сооружения и различные части строений: *дулга* – жилище пирамидальной формы с усеченной вершиной, *һомкымча* – четыре основных жерди чума, *ачурум* – печная труба;

Посуда, утварь: *иикэпчээн* – деревянная ложка, *туктуйэ* – круглый короб для рыбы, *куонги* – короб берестяной для чайной посуды;

Явление природы, ландшафт: *сибэлэ* – весенние паводковые воды, *һээкирик* – канава, *чур-пуйаа* – островерхие высокие сопки, *босхо* – вершины скалистых гор, гольцы, *пуона* – град, *куун-тэх* – поляна;

Непредметная лексика: *һабааччар* – быть раненым, простреленным, *далба* – близко, *дьиинэ* – увлекаться, *улчуй* – отделяться, *кыһыччы* – совершенно, совсем, *улхан* – около, вблизи и т.д.

Эвенкизмы в якутском языке довольно часто встречаются в лексико-семантических группах слов, которые характеризуют традиционный уклад жизни местного населения и северный ландшафт.

Выводы работы, естественно, не могут претендовать на окончательность и полноту, а являются лишь предварительными данными о лексических заимствованиях из эвенкийского и эвенского языков в якутском языке. Окончательные выводы о результатах взаимовлияния и взаимодействия якутского и тунгусо-маньчжурских языков северо-запада Якутии сейчас делать рано. Исследование необходимо продолжить.

ЛИТЕРАТУРА:

Воронкин М. С. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск, 1984. 221 с.
Языкознание:БЭС / Гл. ред В.Н.Ярцева.2-е изд. М., 1998. 685 с.

Р. Д. Зайдуллина, г. Уфа

ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКИХ И ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ

Башкирские и булгарские (родоначальники татарского народа) племена издревле контактировали с ираноязычными племенами. Это происходило на протяжении многих веков. Несмотря на то, что тюркоязычные племена, осваивая новые пространства, двинулись далеко на запад, связь с ираноязычными племенами не прерывалась. Значительно позже, переселившиеся тюркоязычные племена (булгары, башкиры, сувары, буртасы), разрастаясь до народностей, устанавливали и укрепляли торговлю с ираноязычными народами. Вместе с ней, на наш взгляд, происходил широкий обмен различными видами духовной культуры. Особенно это проявляется в переводе ираноязычной литературы, её поэтических жанров. Как известно, в средние века иранская (персидская) поэзия завоевала всемирную известность. В это время поэты Рудаки, Омар Хайям, Фирдоуси, Сайади и другие сочиняли свои яркие поэмы и лирические произведения. Тюркоязычными народами Урало-Поволжья (башкирами и татарами) переводились эти замечательные произведения на литературный старотюркский язык Урало-Поволжского варианта. По образцу и по сюжетам этих произведений такими поэтами, как Харазми, Х. Кятиб, С. Сараи и другие эпохи Золотой Орды, создавались собственные произведения. Это происходило на основе расширения торговых, политических и духовно-религиозных отношений между государствами. Таким образом, в башкирский и татарский языки постепенно проникали персидские слова и выражения. Заимствования из персидского языка широко наблюдаются и в говорах этих двух языков. Их освоение мы рассматриваем по двум направлениям:

1. мВ этом направлении заимствованные слова претерпевают фонетические изменения.

Персидское слово *ғоман*, имеющее значение 'предположение, опаска; беременность' в среднеуральском говоре башкирского языка употребляется в форме *ғөман* со значением 'плод (в утробе матери)'. Например: Баланың берсе *ғоманда* қалды [2; 76]; В северо-западном говоре башкирского языка оно употребляется в виде *көмәнне* в значении 'йөклө (беременная)' [2; 152]. В процессе освоения этого слова происходит замена звуков *ғ(г) > к*; *ө > о*; Данная лексема употребляется в аналогичном значении также в татарских говорах. В стерлитамакском говоре мишарского диалекта татарского языка употребляется слово *гоман*. Например: Кызым тумаган, *гоманда* ийы [3; 79]; В татарском литературном языке утвердилось слово *көмән*. ср.: Хәмдия: Бу арада минем, әллә нишләп, күңелем болгана. — Гөлнисаттәйгә сөйләгән идек дә, синек *көмәнәң* юк микән, ди. (Т. Гыйззәт) [7; 264].

Дәстмал. Это персидское слово имеет значение 'платок для вытирания рук' и образовано из двух основ: *дәст* 'рука' и *мал* – основа глагола *малидан* 'пахать'. В караидельском говоре башкирского языка и в златоустском говоре татарского языка оно употребляется в фонетическом варианте *тастымал* [2; 308]. В этих говорах оно выражает понятие 'полотенце'. В глазовском подговоре нукратского говора татарского языка употребляется данное заимствование в фонетическом виде *дасмал*. Оно выражает понятие 'салфетка, маленькое полотенце'. При

заимствовании происходит смена звонкого звука в глухой: *д > т*. Например: Чынайак *дасмал*, кул *дасмал*, аяк *дасмал* була [4; 84] В башкирском и татарском литературных языках в этом значении употребляется слово *һәлгә (сөлге)* кижеле *сөлге*, чүпләмле *сөлге*. *сөлге* чигү. Например: Сабан туенда батыр калып, бер кочак чиккән ман *сөлгене* суга манчып алды да аның (авыруның) маңгаена куйды (А. Шамов) [7; 716].

Зәрде (зәрдәк). Данное персидское слово в гайнинском говоре башкирского языка употребляется в форме *зәрәтә* и *сәрзә* со значением 'снять, даягиль' [2; 93]. В златоустском и стерлитамакском говорах татарского языка это слово приняло следующий фонетический вид: *зәрзә сәрдә* (үләне). Например, Балтырганга окшаклы, *зәрзә* үләне диләр ийе (стр.) [4; 95]. *Сәрдә* «анчоус; снять; даягиль» в различных вариантах происходит от персидского слова *зәрде, зәрденә (зәрдәк)* со значением «алтын-сары буяу; шундый буяу бирә торган үсемлек (зәгъфыран, имбир, рәваж, сәрдә)» (краска золотого цвета; растение, дающее такую краску [1, 175]. Корнем слова является *зәрд* 'золото'.

2. В этом направлении заимствованные слова претерпевают семантические изменения.

Дард. Данное персидское слово имеет значение 'мучение, болезнь, страсть'. В старотюркском языке оно употреблялось в палатальном виде *дәрд* со значением 'волнение сердца, болезненное состояние'. В диалектах и в их говорах башкирского и татарского языков заимствованное слово *дард* выражает различные значения. Например, в среднем диалекте башкирского языка слово *дәрт* во фразеологизме *дәрт төшөү* выражает понятие 'симпатизировать(кому)'. Данный фразеологизм синонимичен фразеологизмом *күз төшөү*. Шул кызга дәрте төшөнкөрәй [2; 85]; В аргаяшском говоре башкирского языка слово *дәртәндәү*, имеющее корень *дәрт*, выражает понятие 'ходить на четвереньках (о ребенке)' [2; 85]. В кызылском и миасском говорах башкирского языка, образованное от персидского *дард* слово *дәртәнәү, дәртләнәү* употребляется в значении 'вдохновиться' [2; 85].

Таким образом, персидское слово *дард* с ядерным значением 'болезнь, мучение' в говорах башкирского и татарского языков стало употребляться в несколько семантически измененном виде: 'желание', 'стремление', 'вдохновение', 'интерес'.

В говорах татарского языка персидское слово *дард* наполнялось различным семантическим компонентом и стало выражать различные значения. Например: *дәрт* со значением 'горе, печаль, забота'. Например: Шоноң *дәртеннән* вет инде касталанда [4; 90]; В чупралинском говоре среднего диалекта слово *дәртле* употребляется в значении 'опечаленный, безотрадный'. Например: Кайгылы, хәсрәтле кешене без *дәртле* кеше дибез [4; 90]. Слово *дәртләндерү* в говоре имеет значение 'ачуландыру' (злить, разозлить, сердить, рассердить). Например: *Дәртләндермәгез*, ашагыз мин пешергән ашны [4; 90]. Такие же семантические изменения происходили в словах, имеющих персидский корень *дард-*: *дәртләнү (чпр.)* 'интегү, азаплану, мәшәкатләнү' (мучиться, маяться, утомиться); чагышт.: хыйтлану (среднеуральский говор). Например: Быйыл ызба белән дәртләнделәр сеңелемнең кызлары [4; 90].

В говорах башкирского и татарского языков также встречаются другие заимствования из персидского языка. Например, *азда, ажда* (сакмар.) со значением 'дракон'. В среднеуральском говоре башкирского языка в этом значении употребляются слова *әлдәйылан, әбдәһә* [2; 13]. На наш взгляд, с аналогичным значением эти диалектные слова произошли путем фонетического изменения персидского слова *аждаһа* 'дракон'. Оно образовано из древнеперсидского *ажи даһака* 'кыйраткыч елан' (*ажи* 'елан', *даһа* 'кыйраткыч') [1, 10].

Таким образом, заимствованная лексика из персидского языка проникала в говоры и диалекты башкирского и татарского языков различными путями. Этому способствовали многовековые экономические и культурные связи башкирского и татарского народов с ираноязычными народами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленәң кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001.
2. Башкорт теленәң диалекттары һүзлеге. Өфө, 2003.
3. Татар теленәң диалектологик сүзлеге. Казан, 1993.
4. Татар теленәң анлатмалы сүзлеге. Өч томда. Казан, 1977. I том.
5. Татар теленәң анлатмалы сүзлеге. Өч томда. Казан, 1979. II том.
6. Татар теленәң анлатмалы сүзлеге. Өч томда. Казан, 1981. III том.
7. Мәхмүтов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. Гәрәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гәрәп һәм фарсы сүзләре). Ике томда. Казан, 1993.

О ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ

Изучая древние топонимы, проф. Томского университета А. М. Малолетко в работе «Палеотопонимика» выделил топонимы, смысловое значение которых не раскрывается из языков ныне живущих здесь народов и народностей. По его мнению, эти топонимы оставлены племенами и народами:

- исторически известными, но ныне исчезнувшими с лица земли;
- ушедшими в другие отдаленные регионы;
- пришедшими на другую территорию, но растворившимися среди местного населения;
- прошедшими транзитом.

Сюда же нужно включить топонимы, которые

- стали непонятными для местных жителей вследствие далеко зашедшей эволюции их языка;
- искажены до неузнаваемости пришлым населением и стали непонятными для коренного населения;
- приспособлены пришлым населением в связи с наличием в их языке созвучных слов, но имеющих иное значение;
- совершенно неэтимологизируются (не объясняются) на уровне современных научных знаний [Малолетко 1992, 7].

А. М. Малолетко многим палеотопонимам старается давать разноязычные толкования, и в связи с этим затрагиваются вопросы морфонологии их, что заставляет автора к ведению лингвоархеологических исследований. Наряду с этим он выделяет отдельно и так называемые официально признанные палеотопонимы. Необходимо сказать, что А. М. Малолетко в процесс этимологизации древних топонимов тюркский язык вообще не допускает, ибо он исходит из положения традиционной тюркологии, по которому тюрки якобы как молодые народы появились в свет лишь в IV-VII вв. н.э. на Алтае.

Признанным палеотопонимом А. М. Малолетко считает, прежде всего, гидроним *Томь*. Ни русским, ни тюркам, которых застали русские на Томи, ни селькупам, также жившим здесь, неизвестно значение имени этой славной реки. И таких рек немало, заключает он и продолжает, что имя *Волга* уходит в столь седую древность, что до сих пор ученые не могут найти надежные корни этого имени ни в балтийских, ни в финно-угорских, ни в славянских, ни в иранских языках [там же, 9]. Если бы автор к этимологизации привлек тюркский язык, то можно было бы рассуждать о значении и *Томи*, и *Волги* следующим образом.

Возможно, *Томь* восходит к тюркскому *тюм* 'полный', следовательно, *Томь* – это полноводная река. *Волга*, по-видимому, восходит к первой части этнонима *Болгар/Болгарь*, т.е. к *Болга*, ибо русские смысл этнонима *Болгар/Болгарь* свели к семантике 'житель реки Волга'. Слово *Болга* в русском постепенно превратилось в *Волга*. Ведь между тюркским и русским языками *б-в* часто выступают одной морфемой: *болга/волга*.

По мнению А. М. Малолетко, гидроним *Обь* восходит к иранскому *об* 'вода', в то же время сам же утверждает, что «пока никаких доказательств пребывания там иранцев археологами не получено» [там же, 11]. С точки зрения тюркского языка слово *обь* восходит к тюркской лексике *уп/уба* 'проваливается', *упкын* — 'пропасть, бездна, водоворот, пучина, омут'; *убу* - 'провалиться', *жир упкан* 'земля проглотила'. Следовательно, с точки зрения тюркского языка ни *Томь*, ни *Болга/Волга*, ни *уп/об* не являются признанными палеотопонимами, «смысловое значение которых не раскрывается из языков ныне живущих здесь народов и народностей» [там же, 7].

Надо согласиться с таким тонким наблюдением автора о том, что некоторые имена географических объектов, ныне общепризнанные, были искажены в русском употреблении по нормам русского языка. Так, еще в XVII в. пользовались популярностью имена, упоминавшиеся уже р. *Тюмь-Том* (аборигенный вариант) — *Тома* и *Томь* (русские варианты). Оба русских варианта явно стремились придать имени реки форму женского рода, как это принято в родовом названии «*река*». Такая же трансформация произошла с аборигенным именем *Обь* — *Катун*: русские варианты *Катуня* и *Катунь* также исходили из необходимости придать им женский род [там же, 9-10]. Такие изменения аборигенных слов при заимствовании их в русский язык должны быть учтены в исследовании морфонологии любого слова, в целом, топонимии, в частности.

Самыми древними являются топонимы майя, шумеров, эламцев, троады. Первые известные нам тюркские топонимы закрепились в тюркских вкраплениях в языках американских индейцев. В языковом отношении более или менее изучены народы майя в Юкатане.

Древний город майя в Юкатане назывался *Таш ице*. Тюркское слово *таш* — 'камень', *ице* — 'внутри'. По-видимому, народ майя в Юкатане свои поселения отгораживал каменным забором,

люди жили на территории, огороженной стеной и эта отгороженный каменным забором участок назывался *Таш ице* 'внутри камня, за каменным забором'.

Другой город майя назывался *Тулум*. По описанию ленинградского американиста Р. В. Кинжалова «первой своеобразной чертой Тулума является его расположение. Город находится на берегу моря, на отвесной скале». В тюркских языках слово *тулум/тулым* означает «камени, скалы, торчащие из воды» [Кинжалов 1968, 130].

По сообщению В. Кузмищева, древняя индейская легенда гласит, что индейцы имели еще город *Тула*. Мексиканские ученые в результате систематического изучения древних развалин вблизи сегодняшней мексиканской *Тулы* доказали, что эти развалины принадлежат прежней тольтекской *Тулы*. Другое название топонима *Тула* — *Толан* [Кузмишев, 1968, 159-166].

Эти два названия, возможно, восходят к тюркскому *тулы* 'полный', *тулан* 'полный'. *Тулы* — *Тула* = (ы-а); *тулган-тулан* = (г-Ø).

Этноним *ацтек* — это известное тюркское *астык/аслык*. А топоним *Ацтлан* — вариант топонима, образованного от слияния двух тюркских этнонимов: *асты/аслы алан* / *астлан*.

Субары/сумары/сумеры (измененный вариант: *шумеры*) в Южном Двуречье (между реками Тигр и Евфрат), на территории южной части современного Ирака в V-IV тысячелетиях до н.э. создали первое в истории народов государство и клинописную письменность. Этноним *сумер* от формы *субар* 'речные ары, речные люди', он являлся и топонимом, т.е. названием страны.

Когда на названных территориях господствовали сумеры они возвели город *Самара*, археологические остатки которого обнаружены в 100 км. к северо-западу от Багдада. Надо полагать, что этноним *Самарра* восходит к этнониму *сумер/самар*. По правилам морфонологии изменение *сумер* в *самарра* вполне допустимо. Названия *Самара* — реки в Оренбургской и Самарской областях и реки — притока Днепра на Украине, по-видимому, также связаны с продолжением применения слова *Самарра* у шумеров.

В топониме *Самарканд* первая часть, по-видимому, называет какую-то часть *самаров-сумеров*, вторая часть — иранское слово со значением 'поселение'.

Топоним *Элам* восходит, по-видимому, к тюркскому *Илем* 'моя страна, мой народ'. С любовью назвать объект именно моим (с притяжательным аффиксом —*м*) присуще тюркам: *хорезм/хуар-ас-м* 'мой хуарас', *бардым* 'мой барды' (Пермь), *чулым* 'река — моя дорога' и т.д. С точки зрения морфонологии образование слова *элам* от *илем* вполне допустимо: *илем* > *элам*. В конце VII в. до н.э. в тюркоязычном Эламе господствующее положение перешло в руки других тюрков — *мидийцев*. В официальной исторической науке этот процесс описывается как завоевание Элама Мидией. Позже здесь начали господствовать персы, и Элам полностью вошел в состав страны иранцев.

Древнетюркскую топонимию мы обнаруживаем и в древней Малой Азии. Топоним *Азия* первоначально произносилось как *Асия*. На территории Азии в скифское время, может быть еще раньше, среди других племен и народов *асы/ясы* — тюркские племена занимали доминирующее положение. Поэтому эту территорию называли топонимом *Асия/Азия*, где *ас* — тюркский этноним, *ия* — хозяин. *Асия* 'территория, владение асов'.

На территории Малой Азии расположены горы *Тавр*: *Понтийский тавр* и *Малоазийский тавр*. Из сообщения древних греков историк И. В. Пьянков заключает, что местные народы еще задолго до н.э. эти горы *Тавр* и всю цепь гор, тянувшихся отсюда на восток через Переднюю и Среднюю Азию вплоть до *Гималаев*, называли словом *Тавр*. *Тавр* — это этноним тюрков, состоит из *тау/ту* 'гора', *ар/ир* — тюркский первичный этноним: *тау-ар* > *тав-ар* > *тавр* 'горные ары'. Такое изменение фонологического состава морфонологически можно показать следующим образом: *тауар* 'горные люди' — *тавр* = (у-в), (а-Ø). Местные турки, знакомя историков Александра Македонского местным ландшафтом, сообщали названия гор исходя из наименования жителей этой местности. Так, этноним *тавр/тауэр* 'горные люди' перешел в разряд топонима.

Горы *Тавр* в настоящее время турками именуются словом *Торос* (*Toroslar*). Этот топоним состоит из двух древних тюркских этнонимов: часть *тор* восходит к этнониму *ту-ар/тавр*. Второй частью выступает древний тюркский этноним *ас*. Возле Тавра жили не только *тауары/тавры*, но и *асы*.

Необходимо напомнить, что *тавры/тау ары* жили и в Крымском полуострове, отсюда при присоединении Крыма к России Крым начали называть словом *Таврида*, до этого он носил название *Таврия*. А древнюю южную часть Крыма по имени народа тавров именовали как *Таврика*. Таким образом, из этнонима *тавр/тауэр* 'горные люди' образовалось несколько топонимов: *Тавр* (гора), *Таврия*, *Таврида*, *Таврика* и частично *Торос* < *Туарас*.

В Малой Азии и смежных территориях Малой Азии и Кавказа был распространен топоним *Кавказ*. Локализуя географические объекты, И. В. Пьянков отметил, что современный Кавказ и вся цепь гор, тянувшихся на восток от него вплоть до *Гималаев*, называли словом *Кавказ*. В тех

случаях, когда надо было отличить настоящий Кавказ от восточного Кавказа, т.е. от Гиндукуша и Гималаев, первый называли *скифским*, второй — *индийским* или просто Индийскими горами [Пьянков 1997, 283].

Топоним *Кавказ* — это чисто тюркское слово, которое состоит и *ку/ко* 'белый' + *каз/касс* 'скалистая гора' или просто 'скала'. Тюркское слово *кыя* 'скала' происходит от корня *кыю* 'резать', и *кас* 'скала' — от корня *касс/кис* 'резать'. Значение *Кавказ* — это 'белые горы'. По сообщению греческих авторов, горы Кавказ скифы-тюрки называли *Кроукас* 'снежные скалы', точнее 'скалы, покрытые инеем'.

В северной части Малой Азии в древней области *Понт* образовалось Понтийское царство, которое существовало и развивалось в 302-64 годах до н.э. Основным населением этого государства были капподокийцы, которых относят к хеттоязычным (т.е. тюркоязычным) племенам. Топоним *Понт* — тюркское слово, образованное от корня *бун/пун* — 'суп, пища, еда', при помощи аффикса *-ты/-лы* т.е. обладательного аффикса. *Пунты* значит 'богатое пищей море', именно поэтому греки называли Черное море *Понтом гостеприимным*.

В связи с этим надо сказать и о топонимии *Каппадокия*, которая основана на этнониме *капподок*: *каппа/капы* 'прикрытые накидкой' и + *док/дак/сак* — этноним. В целом: 'саки, прикрытые накидкой'. Каппадокийцы официальной историей отнесены к хеттоязычным племенам, которые говорили на тюркском языке и до сих пор сохранились среди тюрков под названием *Hetiti- Heti – Eti*.

На юго-западе Малой Азии еще в конце второго тысячелетия до н.э. была древняя область *Кария*, язык населения которой относился к хеттолувийской группе тюркских языков (не индоевропейских, как это пытаются доказать ученые — европоцентристы).

В Карии еще более 1000 лет до н.э. был основан город *Эфес*, который был знаменит своим материальным и духовным богатством. Здесь храм Артемиды считался одним из семи чудес света. Основным населением *Эфеса* были тюркоязычные *апа асы* 'старшие асы', поэтому город по-тюркски назывался *Алас*, состоящее из *апа* 'старшие' и *ас* 'древний этноним тюрков', который был основой и топонима *Асия/Азия*. По результатам исследований Рафаила Нудельмана — автора книги «Библейская археология. Научный подход к тайнам тысячелетий» [2008]. Название города *Алас* греки превратили в *Эфес*.

Изучая топонимию Малой Азии, необходимо сказать, что здесь главный, самый объемный топоним скифского периода — это *Анатолия/Anadolu*, который этимологизируется на основе турецкого языка, хотя в справочниках он считается греческим словом *Anatole* (Восток). Этим топонимом сейчас называется вся азиатская часть Турции.

Недалеко от Малой Азии находится *Фракия*, название которой, по нашему мнению, является тюркским топонимом. *Фракия* — это по-другому *Тракия* (греч. *Thrake*, латин. *Thracia*). Это слово лег в основу этнонима тюрк, который состоит из элементов *т/тю* — это *тау* 'гора', *п/ар* 'люди, иры', *к/ок* — древний тюркский этноним. В целом: *ту-эр-ок* = *тюрк*.

Таким же лингвоархеологическим исследованием нами выделены древнетюркские топонимы а) в Передней и Средней Азии: *парды/барды* (турец. *varlı*) 'богатые', который в результате замены *th* (Parthians) в русском языке превратился в *парфы/парфяне*; *хорезм/хуар-ас-м* 'мой суар ас'; *Хорасан/хуар-ас-сөн* 'асские сюны речных иров'; *Бактрия* 'страна багты иров, т.е. иров, имеющих сады';

б) на Кавказе: *Кыукас/Кавказ* 'белые скалы', *Кроукас* 'снежные скалы', *Казбек/Касбек* 'скалы высокие', *Каспи* 'бей скалистых гор' и т.д.

в) в Причерноморье: *Пантикапей* 'ворота Понта', *Фанагория/фуногур*, *Керч/Кереш* и т.д.;

г) в Урало-Поволжье: *Идел/Иди + ел* 'великая река', *Казань/Кусян* 'белые сюны', *Урал* 'поднимись окольными путями' и т.д.

Естественно, необходимо дальше продолжать исследования для выявления древнетюркских топонимов периода Древнего мира.

ЛИТЕРАТУРА:

Закиев М.З. Zakiev M. Is There any need of palaeoturkology? (Нужна ли нам палеотюркология?) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность / Труды международной конференции. Казань, 1993. С.21-23.

Камалов А. Башкирская топонимия. Уфа, 1994. 304 с.

Кинжалов Р.В. Искусство древних майя. Л., 1968. 202 с.

Кузмищев В.А. Тайна жрецов майя. М., 1968. 360 с.

Малолетко А.М. Палеотопонимика. Томск, 1993. 262 с.

Нудельман Рафаил. Библейская археология. Научный подход к тайнам тысячелетий. Ростов-на-Дону-Краснодар, 2008. 638 с.

Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997. —344с.

ТУЙМАЗЫ РАЙОНЫ ЯПРЫК АУЫЛЫ ҺӨЙЛӘШЕНДӘГЕ ДИАЛЕКТ ҺҮЗЭР

Япрык ауылының тарихы 16-17 быуаттан килә. Ауылды беренсе тапкыр 1719 йылда үткәрелгән ревизия билдәләгән.

Ауылдың исеме асаба башкорт Япырык исемәнән сыға. Уның тураһында мәғлүмәт табылманы, ләкин уның улының — Йолош Япырыковтың исеме 1742 йылдағы документта иҫәпләнә [Әсфәндиәров 1991,451]. Япрык халкы ауылдың исемән башкорт телендәгә «япрак» һүзе менән бәйләй. Беззәң эзләнеүебез буйынса бер нисә вариант табылды: 1. диалект һүзе «йапырык» (урта) и. калын, йыуан кеше «толстяк». *Ана, йапырык килә.* [Русско-башкирский словарь водных объектов 2005, 248]. Ихтимал, ауылдың атамаһы берәр кешенәң кушаматынан барлыкка килгән. 2. диалект һүзе «йапрак» (төньяк-көнбайыш, төньяк-көнсығыш, урта-урал) и. миндек «веник» (для парки в бане). *Йапрак апарзыңма мунсаға.*(Әй). 3. диалект һүзе «йапрак кар» (төньяк-көнсығыш) и. ябалак кар «Снег хлопьями». 4. диалект һүзе «йапрак сәй» (кызыл) с. төрлө есле үлән, ағас япрактарынан яһалған сәй «чай, приготовленный из разных листьев» [Башкорт теленәң диалекттары һүзлегә 2002, 112]

Япрык ауылының урам исемдәре лә тарих менән бәйлә. Ауыл халкы араһында ошондай риүәйәт быуындан быуынға һакланып күсә: «Борон вакытта ошо иҫ киткес матур ергә өс кеше килде, ти. Береһе Ык буйында, икенсәһе Ык боролошонда, тау итәгендә, ә өсөнсөһө инде тау башында урынлашкандар,ти. Беренсе урам Асаба тип атала башланы, икенсәһе – Түбән ос, өсөнсөһө — Казан урамы. Асаба урамында борондан бирле эре кешеләр йәшәне, ти». Ошо урам исемдәре әлегә вакытта ла һаклана, ләкин уның тарихы онотола башланы. Атап әйткәндә, «Түбән ос» урамы рус тәржемәһендә «Набережная» урамына әйләнде. «Асаба» тигән һүз рус теленә «Особенная» тип тәржемә ителде. Ләкин һәр урам исеме тарихына документаль раҫлауы бар. Асаба урамында кыр-йылан кәбиләһе асаба башкорттар йәшәгән (1719 йылдағы ревизия мәғлүмәттәре буйынса). Түбән оста Әй буйынан 1753-55 йылдарҙа күсеп килгән башкорттар йәшәй башлаған. (Был мәғлүмәттә без 1902 йылда тыуған Хәмзә Заһизулла улы төзөгән шәжәрәһенән алдык). Ә инде ошо ергә килгән татарҙар тау башында урынлаштылар һәм уларзың урамы Казан урамы тип атала башланы. 1859 йылдағы ревизия мәғлүмәттәре буйынса Япрык ауылында ир-ат затынан 143 башкорт – кыр-йылан, әйле, тәмйән, бәйләр ырыуҙарынан, 88 тептәр, 45 татар билдәләнде. Күренеүенсә, Япрык ауылы һөйләшсәһенә төрлө диалекттарзың һөйләштәре ингән.

Япрык ауылы һөйләшсәһенәң үзенсәлекле лексик катламын бер ни тиклем күзаллау өсөн төрлө тармакка караған терминдарға, атамаларға, төшөнсәләргә бер аз тукталабыз, түбәндәгә таблица ярҙамында күрһәтәбез:

Әзәби тел	Япрык ауылының һөйләшсәһе	Урысһаға тәржемә
бесәй	песи, пси	кошка, кот
бызау	бозау	теленок
бәрән, бәрәс	бәрән, бәкәй, бәкәч	барашек
өйрәк	үрзәк,үрдәк	утка
турғай	турғай,сыпчык	воробей
һайысқан	сайысқан	сорока
һандугас	сандугач	соловей
һарык	һарык	овца
һеләүһен	селәүчән	рысь
һыйыр	һыйыр	корова
йомортка	күкәй	яйцо
себеш	чеби	цыпленок
һауынсы	саумчы	доярка
илек, коралай	кыр кәжәсә	косуля
ата, иркәк	ата хайуан	самец
колон	колон	жеребенок
алйырзан, ала ирлән	эрлән	хомяк
тукал һыйыр	мүкләк һыйыр	безрогая корова
атай	әтәй, әткәй,әтекәй	отец
әсәй	әни, әнкәй, инәкәй, инәй	мать
олатай	картатай, бабакай	дедушка

өлөсэй	нэнэй, эбекэй, дэүэни	бабушка
балдыз	балтыс	старшая сестра жены
кэйнэ	бейанай, бейэнэ	свекровь
кайны	бейатай, бейэтэй	свекр
йөклө	корсаклы, ауырлы	беременная
hipкел	сипкел	веснушки
енсек	сирак, тубык	голень
кэйнеш	жанагай, кайныгач	деверь
кинйэ	төпчөк	младший
агай	абый	старший брат
агай	абзый	старший родственник

Шулай итэп, Япрык ауулы һөйлөшөнөң һүзлек составы үзөнсәлекле.

Нь. М. Иванов, г. Якутск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В ЭВЕНО-БЫТАНТАЙСКОМ УЛУСЕ

В декабре 2010 года был собран топонимический материал Эвено-Бытантайском улусе, который находится на северо-востоке Республики Саха (Якутия). Территория 55,6 тыс. кв. км. Численность населения 2,9 тыс. человек, в основном преобладают эвены, саха. Материал был снят на видеокамеру. Информантами (всего 13) были местные оленеводы, коневоды, охотники, знающие свой родной край. Старшему было 81, младшему 36 лет. При обработке материала выявлено более 600 топонимов. Основная река – Бытантай, левый приток реки Яна. В устах местных жителей данной топонимии функционирует в различных вариантах *Бытантай Эбэ* ‘Бабушка Бытантай’, *Бытантай Эбэ Хотун* ‘Бабушка Госпожа Бытантай’. По словам информанта М. Г. Сыроватской «в старину еще воздерживались от названия Бытантай, а просто называли *Улахан Үрэх* ‘Большая Речка’». Информант Слепцов Василий Николаевич, 1937 г.р., рассказал о возможности образования от слова *быта* ‘нора лисицы’, также название норы тарбагана, который изобильно плодится в этих краях.

На первый взгляд много топонимов на языке саха и эвен. По словам информантов «по реке Бытантай название долин, местностей, полей на языке саха, на западе название речек и скал на языке эвен». Это определяется географическим положением ведения хозяйства. Роды саха, как исконные скотоводы, освоили территорию пригодные для разведения крупного рогатого и конного скота долины рек с хорошим травостоем и сенокосным угодьем. А эвены занимались оленеводством, охотой, рыболовством на западных речках, в горной местности, и топонимы там, в основном, эвенские. Это видно из названий речек *Аччыгый Саккырыыр*, *Улахан Саккырыыр*, которые являются левыми притоками реки Бытантай, протекающие с западных горных территорий улуса. Эти речки имеют по два-три названия. Например, верхнее течение речки *Улахан Саккырыыр* называют Тумара. И вот названия горных притоков эвенские: *Учаһын*, *Сахчаан*, *Омбодьо* и др. Информант Горохов И.В. (1949 г.р.) объясняет, *Учаһын* как ‘последняя речушка’. В эвенском языке *учаһьон* ‘приток реки’ [Колесова, 2006, с. 62]. По словам информатора «*Сахчаан* – значит крутая скала перед последней речушкой. Речка с крутой скалой». В эвенском языке *һах* ‘место окруженное горами’ [ССТМЯ, с. 311]. *Омбодьо* по словам Ивана Васильевича ‘средняя, средняя речка, средняя течение’.

Из рассказа Слепцова В.Н. (1937 г.р., эвен) речка *Аччыгый Саккырыыр* имеет тоже два названия. «Только нижнее течение речки называем *Саккырыыр*. Верховье имеет другое название, *Хаалынньа*. Потому, что там был поселок колхоза, в верховье». Эту речку другой информатор Бочкарев Виктор Дмитриевич (1949 г.р.) объяснил в трех названиях: «речка *Аччыгый Һаккырыыр* вниз от местности Чубукалаах называется так и *Аччыгый Һаккырыыр*, а вверх от этой местности — *Хаалынньа*. Здесь стоял поселок *Хаалынньа*. А там дальше верховье называется *Киидь-имбэ*. Вот одна речка имеет три названия». Нами просмотрена топографическая карта «Баатагай Алыта» (масштаб 1:500 000, 1995). Здесь нет названия *Хаалынньа*. Действительно речка имеет два истока: *Киидимде* уонна *Мёнгюлячян*. Для местных жителей функционирование двух, трех названий одного географического объекта не вызывает удивления.

Это явление можно объяснить этноязыковым процессом в период освоения рек, речек неродственными этносами, племенами. Саха-язычные роды освоили нижнее течение речек *Улахан Саккырыыр* и *Аччыгый Саккырыыр*, пригодные для разведения скота, и названия легко определить с языка саха *улахан* ‘большой’, *аччыгый* ‘маленький’, *саккырыыр* от глагола *саккыраа* ‘течь, литься сильной струей’ в форме причастия на *-ыыр*. И притоки в этих местах имеют названия с языка са-

ха: например, *Сытыган* ('гниль; гнилой, тухлый') приток речки *Аччыгый Саккырыыр*, *Мас Салаа* (*мас* 'дерево; лес', *салаа* 'приток') приток речки *Улахан Саккырыыр*.

Географические названия с *Саккырыыр* зафиксированы в Амгинском, Вилюйском, Кобяйском, Намском, Сунтаарском, Томпонском, Усть-Алданском, Хангаласском, Чурапчинском улусах, которые считаются колыбелями основных родов народа саха.

Продуктом заимствования эвенских топонимов саха-язычными родами в данной территории являются двусоставные названия, где одним из компонентов является эвенизм. Например: топоним *Нэргэнэт Хонуута* 'Поляна Нэргэнэта'. Первое слово эвенское, второе – якутское. Это свидетельство того, что якуты освоили эти места после эвенов и заимствовали некоторые названия. Как объяснил информант Д. Д. Стручков *нэргэнэт* эвенское слово, 'название травы, которая появляется рано весной во время появления проталин вместе с подснежниками на кочках, с черной макушкой. Полезный корм для лошадей и оленей'. В «Эвенско-русском словаре» *нергэт* 'пушица (болотное и тундровое растение, служит пищей оленям с мая' [Роббек, 2004, с. 190], в диалекте тюгэсирских эвенов *ньээргээт* 'болотная трава пушица' [Колесова, 2006, с. 47]. Такие места-пастбища эвенам, как исконным оленеводам, выделяется и планируется в маршрутах кочевки. Переданные старшим поколением этнокультурную информацию топонима Дмитрий Дмитриевич изложил следующим образом: «Поэтому исторически это поляна является местом весеннего сбора кочевых эвенов. Поются песни, танцуют круговую национальную сээдьэ, нэсирийэ. В это время знакомятся молодые, влюбляются, создают семейный очаг. Место почитаемое, священное. Поблизости тут много могил. Это объясняется тем, что по желанию умерших они возвращаются в места молодости и счастливой жизни. Это до времен советской власти. А после нет».

Язык эвенов данной территории относится к малоизученному диалекту – тюгэсирскому [Колесова, 2006]. В данное время на территории улуса практически не осталось носителей эвенского языка, что усложняет сбор топонимов эвенского происхождения. Сбор, фиксация и этноязыковое исследование топонимов края даст много ценных материалов по исчезающим языкам, в частности тюгэсирских эвенов. Сравнительные, сопоставительные исследования прояснят возможные этноязыковые процессы, контакты с другими диалектами, а также языками родственными и неродственными в истории тюгэсиров.

ЛИТЕРАТУРА:

- Колесова М. Е. Тюгэсирский диалект эвенского языка. Якутск, 2006. 88 с.
Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск, 2004. 356 с.
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.3. Л., 1977.

И.В. Исламова, Туймазы районы

ЭЗЭБИ ТЕЛМЭР МЕНЭН ДИАЛЕКТ АРАҢЫНДАҒЫ АЙЫРМАНЫ АҢЛАТЫУ БУЙЫНСА ЭШ ТӨРЗӨРӨ

Балаларзы ээби телдэ һөйлэргэ һәм язырга өйрөтөү укыусыларзың телмэр мәзәниәтен тәрбиәләүзән, артабан үстөрөүзән, камиллаштырыу эштәренән башланарға тейеш. Укыу программаһында бының өсөн махсус сәғәттәр зә, киңәйтелгән курстар за каралмаған. Укытыусылар алдында укыусылар телмәрендәге диалект хаталарзы алдан күрә белеү, даими иҫкәртеү һәм уларзы булдырмау бурысы тора. Бының өсөн ээби әсәрзәргә мөрәжәғәт итеү якшы һөзөмтә бирә. Башкорт ээбиәтендә диалект һүзәрзең асыл өлгөләрән биргән арзаклы языусыларыбыз күп. һ. Дәүләтшина, З. Биешева, Н. Мусин, Я. Хамматов, И. Абдуллин, Д. Юлтый әсәрзәрендә ээби һүзәр менән йәнәш ерле һөйләш һүзәрә лә аралашып килә.

Теге йәки был әсәрзән диалект һүзәрән табып, мәғәнәһен аңлатыу уның төп асылына төшөнөргә булышлык итә. Диалект йоғонтоһо көслә булған ерзәрзә орфографик хаталар язма эштәрзең бөтә төрзәрендә лә тиерлек оһрап тора. Ээби тел нормаларына өйрөтөүзә, укыусыларзың ишетөү, күрөү һәләтен һәм хәтерән үстөрөүсә алым буларак, өйрөтөү характерындағы диктанттар (ирекле, ижади, күрөү, һүзлек, иҫкәртмәле, аңлатмалы, һайланма диктант), орфографик күнегеүзәр, тексты хатаһыз күсереп языу кеүек эштәр балаларзы ирекле һәм ижади характерзағы язма эштәр үтөүгә әзерләй.

Ээби телмэр менән диалект араһындағы айырманы аңлатыу эше лә, шулай ук ерле һөйләштәге һүзәрзе ээби телдәге варианттар менән үз-ара сағыштырыу за укыусыларза зур кызыкһыныу уята.

Һүзлек өстөндәге эш ээби телдәге һүзәрзең ерле һөйләштә нисек кулланылыуы тураһындағы мәғлүмәт менән тулыландырылыуы яғынан отоһло.

Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеген, орфографик, диалект, синонимдар, антонимдар һүзлектәрен кулланып, һүзгә фонетик, морфологик, лексик яктан анализ яһау за кызыклы эштәрҙең береһе.

Орфоэпик-орфографик биш минутлыктарҙы һәр дәрестең башында үткәрерү зә укыусыларҙың һүзлек минимумдарын тултырыуға бер азым булып тора. Мәсәлән: *үрмәксе – үрмәкес (ау үрәп, бөжәк тотоп туклана торған быуынтык аяклы вак йән эйәһе).*

Башкорт теле дәрестәрендә укыусылар тарафынан диалект һүзлек төзөү зә зур әһәмиәткә эйә. Текст өстөндә эш алымы төрлө типтағы биремдәр һәм күнегеүҙәр үткәрерү өсөн уңайлы. Ул өй эше материалына кушып та, факультатив дәрестәрҙә лә ойошторола. Астына һызылған һүзәрҙең мәғәнәһен аңлатып, синонимдарын табуу укыусыларға зур кызыкһыныу уята.

Шулай ук, әзәби әсәрҙәр укыу барышында ораған диалект һүзәрҙе укыусыларҙан: «Безҙең өләсәйҙәр был һүзҙе нисек әйтәләр? — тип һорайым.

Мәсәлән: 1. Атайым бик оҙак эсе бошоп, *томһайып (кәйефһезләнеп)* йөрөнө. (З. Биһшева.) 3. Туры атка *әүеһлектән (лапас)* бесән төшөрөп һалдым. (Д. Юлтый.) 3. Тимербулат асыуынан ниһләрғә белмәй, иптәшенең сикәһенә берҙе *шаңлань (киҙәнеп һукты).* (Р. Низамов.)

Йомһаклау дәресендә карточкалар, тест һорауҙары кулланыу үтелгән теманы нығытуу, диалект һүзәр өстөндә үз аллы эһләү өсөн кулай. Балаларҙың телмәр мәҙәниәтен тәрбиәләүҙә йәнә әзәбиәт дәрестәре лә, төрөк һүзәр өстөндә эш алымы ла, күргәзмә материал кулланыу за зур роль уйнай. Төрлө типтағы күнегеүҙәр үткәрерү, әсәрҙән өзөктәр ятлау, телдән иншалар төзөү кеүек эштәр укыусы телмәрен байытыуға эффектлы сара булып тора. Бындай эш төрҙәрен тормошка ашырыуға техник саралар ярзамға килә. һүзәрҙе дөрөс әйтергә һәм язырға өйрәнәүҙә магнитофон, компьютер, мультимедиа проекторы, интерактив такта бик уңайлы.

Изложениелар, ирекле һәм әзәби темаларға иншалар яззыруу диалект хаталарын иһкәртерү буйынса иң һөзөмтәле алымдарҙан һанала. Шулай ук кластан тыш саралар за (кисәләр, фәнни-ғәмәли конференциялар, төрлө уйындар, конкурстар, диспут-бәйгеләр, укыусыларҙың ерле һөйләште, диалектты өйрәнәү буйынса фәнни-эһләнеү эштәре, тел һәм әзәбиәт буйынса викториналар, түңәрәк эштәрен ойоштороу) диалект шарттарында башкорт телен укытыуға, балаларҙың әзәби тел нормаларын үзләштерәүенә, белемдәрен байытыуға ярзам итә. Бындай сараларҙы кызыклы иһемдәр менән атау зарур, мәсәлән, «Диалекттар батшалығында», «Ауылым һөйләштәре», «Йәшә, телем!», «Матурлык донъяһында», «Минең телем», «Районымдың ерле һөйләш һүзәр».

Эсә теле укытыусыһы балаларҙың ижади феһерләүен үстәрерү, шәхес тәрбиәләү эһмәкәрлегендә яңынан-яңы эш төрҙәре, алымдар һәм ыһулдар уйлап сығара ала. Э инде диалект хаталарына каршы көрәш башкорт теле һәм әзәбиәте дәрестәрендә генә түгел, кластан тыш сараларға ла, укыусылар менән аралашыу эһмәкәрлегендә лә туктауһыз дауам итергә тейеш.

Иһмет Бинер, Стамбул, Төркия

БАШКОРТ МӘКӘЛДӘРЕ ҺӘМ ӘЙТЕМДӘРЕНДӘ ИЗГЕ ЙОЛАЛАРЗЫҢ САҒЫЛЫШЫ

Мәкәл-әйтемдәрҙең төп йүнәлеше — тәрбиәүи, өгөт-нәсихәт бирерү максаты. Шуға ла улар айырыуса тормош тәҗрибәһенә бай, халык педагогикаһын яхшы белгән тел оһталары телмәрендә йыш кулланыла.

Үзәрәнең барлыкка килерү тарихы менән тәрбиәүи һәм өгөт-нәсихәт бирерүҙе күз уңында тотканлыктан, мәкәл һәм әйтемдәрҙең изге йолаларҙы аткарыуға сағылышы бик тәбиғизер, тип уйларға кәрәк. Артабан ошо дөйөм феһерҙе анык миһалдар менән нығытып китеүгә күсәйек. Ошо өлкәгә караған мәкәл һәм әйтемдәрҙең иң үтемлеһе изгелекте эһләрғә кәрәк, уның тап шул мәлендә генә нәтиҗәһе күренмәһә лә, изгелек барыбер касандыр, кемгәлер бик кәрәкле, файзалы буласағына кинәйәләй. Әйтәйек: «алтын ерҙә калмас, яхшылык юлда калмас» мәкәленән күренерүенсә, ер астындағы алтын кайсандыр табылып, барыбер кешегә байлык килтерәсәген күзаллап, кылған изгелегендәң касан да булһа тормошта бик файзалы ғәмәл буласағы феһер ителә. Йәки шундай ук мәғәнәгә эйә бер нисә миһал килтерәйек: изгелек кыл да һууға һал, балык белер, балык белмәһә, халык белер; изгелек ерҙә калмас; изгелектең иртәһе-кисе юк; үкһезгә өгөт бирмә, урын бир; һузы эһкәндә шишмәһен онотма; элек үзәң ярзам ит, унан кешенән ярзам көт; ат бирһәң - узыр, кейем бирһәң – тузыр, яхшылык – барынан да узыр; яхшылык кылып диңгезгә ташлаһаң да кайтыр һ.б.

Халыкта изге ғәмәлдәрҙең сағылышын күрһәтерү максатында туранан-тура изгелеккә өндәүҙән тыш изгелекһез булмауға өндәгән мәкәл-әйтемдәр йәнә шул ук төркөмдә каралырға тейештер.

Эйтәйек: әзәм менән әзәм бул; ярзам итә алмаһаң, камасаулык итмә; ыҙғыш төбө урын тарлыктан түгел, күнел тарлыктан; әсер һыуға төкөрмәйҙәр; яҡшы кеше ярзамсыл, һ.б.

Яманлыктан йыраҡ булырға өндәгән мәкәл-әйтемдәрҙе башҡорт халқында бик йыш ишәтергә мөмкин. Бындайҙары ла шулай ук яманлыкка изгелекте каршы куйыуы сағылдырған мәкәл-әйтемдәр: койоға төкөрмә, кайтып һыуын әсерһең; койоға таш ташлау еңел, алыуы ауыр; күккә төкөрмә, күкрәгең төшөр; козокка төкөрмә, һыуһағанда һыуы кәрәк булыр.

Башҡорт халқы менталитеты изгелек, ярзамсыллыҡ кеүек мактаулы йолалар менән бер катар куйылырға тейешле йола итеп изгелеккә изгелек менән яуап биреүҙе хуплай. Әлбиттә, мәкәл-әйтемдәрҙегә канундар буйынса ундай мәкәл-әйтемдәр тормош-көнкүрешкә яҡын булған, йәғни халыҡ күңеленә яҡын булған күренештәрҙән хасил булыусан. Был тәңгәлдә лә бик күп мәкәл-әйтемдәр килтерә алабыз: коймактың майы булмаһа, эштең яйы булмай; коро кармакка балыҡ капмай; коро кашыҡ ауыз йырта; коро кулға кош кунмаһ; кош емгә төшә; кулды кул йыуа; майламаған тәгәрмәс шығырзай; майламаһаң, кайыш та өзөлә;

Кешенең хәтерен һаҡлау күңелен кырмауға өндәгән мәкәлдәр йәнә изге йолаларҙы сағылдыра. Бындай мәкәлдәрҙе лә йыш ослатырға мөмкин: калған хәтерҙең кары китһә лә бозо китмәй; калған күңел – сыккан йән; аҙған ғына күңел табыла, юктан ғына күңел кителә; көлкө көлә етер, артынан һәрә етер (был мәкәл кешенән көлмәскә өндәй, кешенән көлһең, оҙакламаһ – үҙеңдән көлөүҙәр мөгәнһең бирә)

Якшылыкка өндәгән мәкәл-әйтемдәрҙе бик йыш ослатабыз. Уларҙы ла шул ук изгелек кылыуға өндәгән мәкәл-әйтемдәр менән бер рәттән карарға кәрәк. Сөнки якшылык менән изгелек ап-асыҡ синоним мөгәнһәләр: якшылык иткән якшылык күрер; якшы менән юлдаш бул; яман менән юлдаш булған абынған да һөрөнгән. Быныһында инде шул якшылыкка капма-каршы куйылыуы яманлыҡты күрһәтеп тә якшылыҡтың кәзерен күтәрә. Йәки, яманлыҡтың сиге бар, якшылыҡтың сиге юҡ, тигән мәкәлдә якшылыҡты ни тиклем эшләһең дә артыҡ булмай, якшылык һәр ваҡыт якшылыкка илтә тигән мөгәнһәл һалынған. Шигыр үлсәүҙәренә һалынған ошондай мәкәлдә лә килтерәйек: якшылыкка якшылык – һәр кешенең эшелер, яманлыкка якшылык – ир кешенең эшелер. Бындай мәкәлдәр, күрәһебездә, кешелектең дөйөм нигеҙен, ынтылышын тәшкил иткән изгелек, якшылык кылыу йолаларын алға куя.

Башҡорт халыҡ мәкәлдәре араһында йәнә изгелеккә яуызлыҡ менән яуап бирмәскә, кешенең кәзерен белергә өйрәткән мәкәл-әйтемдәрҙе йыш ослатабыз. Ундайҙары ла шул ук изге йолаларҙың сағылышын күрһәтә: ашаған табағыңа төкөрмә; кешене кәзер итһең, кәзер күрһең; курың бөтһә, кеше кәзерен белерһең; кәзер белмәһеңдең кәзере юҡ; кәзерләһеңдең кәзерен бел; кешегә шәфҡәт ит, уҙаманға хөрмәт ит; таш менән атканға аш менән ат һ.б.

Кешенең холкондағы асыл сифаттар за афористик жанрҙарҙа мөһим урын ала. Айырыуса сабырлыҡ, ярзамсыллыҡ, кешене хөрмәтләргә өндәгән мәкәл-әйтемдәрҙе күпләп килтерергә мөмкин. Эйтәйек, сабыр төбө һары алтын; сабыр иткән моразына еткән кеүек мәкәлдәр кешене характерындағы бик мөһим сифатты мактай. Сабыр булыу, күтәрелеп-бәрелмәү башҡорт характерындағы иң төп сифаттыр. Сабырлы - солтан, сабырһы - шайтан. Был мәкәлдә лә шул ук сабырлыҡ сифаты мактала. Холкондоң шундай булыуы мәкәлдә солтан тигән һүз менән бирелгән юғарылыҡка күтәрәһәк тигеңдә төшөндөрә. Ә сабырһы булыу – шайтансылыҡка тиң. Ә шайтан тип һәр хәлдә яҡшы холҡа эйтмәйҙәр.

Изге йолалар атай-әсәйҙе, ололарҙы һәм кескәйҙәрҙе хөрмәтләүгә, тәрбиәләүгә ҡағылышлы ла бик йыш кулланыла: ата-инә - алтын һөйәк; ата-инәңдә хөрмәт ит, үлгәһ - зыярат ит; ата-инәһең изгелек күрһәтмәһең үҙе лә изгелек күрмәһ; ата-инәң кәзер күрһәткән бала-саға кәзер күрер; ата-инәң ни кылһаң, алдыңа шул килер; аталы бала – аркалы, инәле бала – иркәле; атаң усағын һүндөрмә; атанан күрер ул үсәр, инәнән күрер кыҙ үсәр кеүек бик күп мәкәл-әйтемдәр ошондайҙарға инә.

Йомаһаҡлап шуны әйтергә кәрәк: башҡорт халқының ауыз тел ижадында афористик жанрға ҡараған мәкәл һәм әйтемдәр һөйләүһенең телмәрен матурлау менән бер рәттән уның телмәренең тәһсирләгән арттыра. Эйтәйек тыңлауһы телмәрең бүтән өлөшөн онотһа ла, тапкыр әйтелгән мәкәлдә, мәһәләң, кеше һүҙе кеше үлтерә, тигән әйтем нәк шул яңғырашта һәр тыңлауһының хәтеренә уйылып ҡала һәм кешене наһаҡка рәһиәтеп уны үлем хәленә килтереп еткереп була икәнлеген хәтергә һеңдерә. Ә инде без үрҙә яҙып киткән байтаҡ мәкәл һәм әйтемдәр башҡорт халқының изге йолаларын сағылдырған мәкәлдәрҙең төрлө ослаттарҙа һисек кулланылышын күрһәтте. Быларҙан сығып, изге йолаларҙың, изгелектең кешелек тормошонда үтә лә мөһим сара булғанлығына, һөмүмән, изгелектең доньяның тотҡаһы булыуына инандыра. Тәрбиә өлкәһендә уларҙың ғайҙаһын баһалап бөткөһөҙ.

Резюме

В пословицах вложена вся народная мудрость, ее философия по отношению ко всем обстоятельствам жизни народа. Здесь перечислять их невозможно, так как цель данной статьи, как

показывает заголовок статьи, отражение святых обычаев в башкирских пословицах и поговорках. Мы стремились останавливаться именно на таких афоризмах. Что характерно для пословиц и поговорок любого народа, это – стремление воспитывать у человека положительных черт, которые направлены лишь улучшать жизненные условия, взаимопомощи, благотворительности, взаимному уважению. Особенно уважительному отношению к своим родителям, малышам, пожилым. В башкирских пословицах и поговорках мы встречаем их в любой речи пожилых людей, в любом художественном произведении или даже в стихах. Их очень удачно употребляют башкирские драматурги, так как поговорки и пословицы такой удобный жанр, который отличается краткостью, мудростью, глубоким смыслом, глубокой философией.

ӘЗӘБИӘТ:

Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө, 1980.
Башкорт халык мәкәлдәре. Өфө, 1960.
Әзәбиәт гилеме һүзлегә. Өфө, 1965.
Нәкый Исәнбәт. Отканга мәкаль, тапкырга табышмак. Казан, 1973.
Пословицы, поговорки, загадки. Москва, 1986.
Русские пословицы и поговорки (Учебный словарь). Москва, 1994.
Исмәт Бинәр. Башкорт, төрөк телдәрендә мәкәл һәм әйтемдәрҙең тел-стиль үзенсәлектәре. Филология фәннәре кандидаты ғилми дәрәжәһенә диссертация. Өфө, 2004. (Кульзәма хокуғында).

М. Х. Исхакова, Ишембай к.

ДИАЛЕКТ ҺӘМ ОНОМАСТИКА

Донъяла кешеләр һөйләшә башлау менән предметтарға, төрлө күренештәргә, вакифаларға, шулай ук бер-береһенә исемдәр бирә башлагандар һәм исем төп аралашыу сараһы булып торған. Исемдәр атамаларға караганда мөһимерәк мәғәнәгә эйә. Шуға ла кешеләргә исемдәрҙең борон-борондан уның эйәһенәң үткәнәң, бөгөнгөһөнә һәм киләсәһенә бәйлә булуы билдәле.

Һуңғы йылдарҙа республикабыҙдың бөтә мәктәптәрендә лә туған тел һәм дәүләт телдәре уҡытыла башланы. Дәрестәрҙә балаларҙы диалект һүҙҙәр, ономастик мәғлүмәттәр менән таныштырыу, был материалдарҙы кулланыу, балаларҙы кызыкһындырыуҙың бер алымы булып тора.

Түбәндә ошо йүнәлештә эшләгән үземдәң эш тәҗрибәм менән таныш-тырмак булам. Ишембай районы Түбәнге Әрмет ауылы фамилиялары күбе-һенсә кеше исемдәренән килеп сыккан. Мәсәлән: Әбдерәхимов – Әбдерәхим; Бариев – Барый; Хәмизуллин – Хәмизулла, Сәфиуллин – Сәфиулла исемәнән һ.б. Ләкин фамилиялар араһында ата-бабаларының чиндарына, уларҙың тоткан дәрәжәләренә карап бирелгән фамилиялар за бар. Мәсәлән: Мыр-забаев – мырза (ата-бабалары, бәлки, абруйлы кеше булған); Муллабаев – мулла булған һ.б.

Шулай ук ауылда бик күп кешеләрҙең кушаматы бар. Сөнки бер үк исемле кешеләр күп. Уларҙы фамилиялары менән атап әйтеп тормайҙар, ә кушаматтары менән генә атайҙар. Мәсәлән: Аҡһак Абдулла (аяғы аҡһак булғанға), татар Нәғим – татарса һөйләшәргә яраткан (бигерәк тә кунаҡ-тарза, әҙерәк кызмаса булып алғас) һ.б.

Кешеләрҙең эштәренә, һөнәрҙәренә карап бирелгән кушаматтар за бар. Мәсәлән: почта Зөфәр (ғүмер буйы почтала контролер булып эшләне); почта Фәһимә; уҡытыусы Ғәйшә; магазинсы Мөһирә; силсәүит Тәнзилә; көтөүсә Шакир; төлкө Миңнебаныу – төлкө фермаһында эшләгән.

Йәшәү урыны менән бәйлә яһалған кушаматтар за осрай. Мәсәлән: Күпер башы (Хәмзә күпер яһында йәшәй); Тау Сирай, Тау Зинур, Тау Ғәни (улар тауза – Сәфәр туйы утарында йәшәһәләр); һаз урамы Зифа (һаз урамында йәшәгән). Был кушаматтарҙың күбеһе балаларына, туғандарына ғүмерлеккә тағылып калғандар.

Кайһы бер кешеләрҙең ике исеме була. Ғәзәттә был балаға миң сығыу йәки башка хәүефтән һаҡлап кушыла. Мәсәлән: үз исеме танытма буйынса Рәйфә, ә уны туғандары ла, ауыл халқы ла Миңтифа (Миңләзифа) тип йөрөтәләр. Сөнки был апайҙың күҙендә миң булған, шуға күрә ата-әсәһе ошо исемдә биргән. Уның үз исеме менән өндәшкән кеше лә юк; Миңнебай (Миңлебай) – үз исеме – Сабит. Халыкта элек, миңле балаға миңле исем кушмаһаң, миңненә азып китеүе лә бар, тигән ышаныу йөрөгән. Шуға ла ата-әсәһе балаға миңен күргәс, «Миңле» һүҙен өстәп исем кушырға тырышкан.

Йомғаҡлап шуны әйтергә була: дәрестәрҙә ерле материалдарҙы кулланып, әсәрҙәрҙә оһраған ошо типтағы материалдар буйынса тикшерев эштәре алып барһаң, дәрестәр йөкмәткелерәк, фәһемлерәк буласаҡ, уҡыусыларҙа тыуған телгә кызыкһыныу артасаҡ.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НАЧАЛЕ СЛОВА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы звукового состава слова и изменений всегда были и являются объектом лингвистического исследования. Необходимо проследить, какие звуковые процессы наблюдаются в современном башкирском языке.

В данной статье будут рассмотрены фонетические явления, связанные с анлаутом слова.

Звуковые изменения в начальной позиции главным образом связаны с выпадением или вставкой звука. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Афerezис – выпадение начального звука или звуков. Данное фонетическое явление довольно редкое в тюркских языках. Ярким примером афerezиса в говорах башкирского языка служит отсечение анлаутного «h» в арабизмах в тех говорах, где этот звук вообще не представлен даже в собственной лексике. Такой процесс, известный говорам башкирского языка, продолжает существовать и в современное время: *һәйбәт* ‘хороший’ — сев.-зап. диал., ай., ик-сакмар. [эйбәт], *һуш* ‘память’ — дем., средн., ай., сев.-зап. диал. [уш], др. гов. (лит.) *һауа* ‘воздух’ — сев.-зап. диал., кыз., миас., иргиз.-кам., ик-сакмар. [ауа] (ДСБЯ, 30); др. гов. (лит.) *һәр* ‘каждый’ — сев.-зап. диал. [эр] (ДСБЯ, 426); др. гов. (лит.) *һөнәр* ‘ремесло’ — среднеурал., дем., сев.-зап. диал. [өнәр] (Дильмухаметов 2006, 44; ДСБЯ, 258) и т.д. Выпадение фонемы [h] наблюдается, в основном, в тех говорах, где данная фонема отсутствует вообще или он произносится как заднеязычный щелевой «х»: др. гов. (лит.) *һаман* ‘все еще’ — дем., гайн. [хаман] — дем., иргиз. [хануз]; др. гов. (лит.) *һөнәрмән* ‘мастер на все руки’ — караид. [хөнәрмән]; др. гов. (лит.) *һуш* ‘сознание’ — дем., средн., ай. [хуш], *һәләк* ‘очень, изумительно’ — арг., дем., караид., средн. [хәләк].

Афerezа – один из видов афerezиса – может функционировать и в литературном языке. Для афerezы характерно отсечение безударного гласного в начале слова, примером которого являются формы *вак*, *валсык*, *ваклык*, *ватыу* и производные от них лексемы. Основой данных слов является древний корень – *uv* ‘измельчать, крошить’ (ДТС, 619) от пратюркского **ob-* ‘давить, крошить, молотить, измельчать’. В некоторых говорах башкирского этот корень продолжает звучать как *уу-* (его мягкий вариант *әу-*), от которого и произошли следующие лексемы: *ууак* ‘мелкий’, *ууалсык* ‘крошка’, *ууатыу* ‘бить, разбивать’. К основе *уу-* / *әу-* восходят такие глаголы, как *уууу* ‘тереть, натирать’, *ууалау* и его мягкорядная пара *әүәләу* ‘обкатывать, обваливать; уминать и др.’, *вағайтыу* ‘измельчать’ (в некоторых говорах [ывағайтыу]) и т.п. Под влиянием литературного языка отсечение анлаутного этимологического гласного звука все больше наблюдается в разговорной речи: *вак*, *вағайтыу*, *ваклык*, *валсык*, *ватыу* и др.

Противоположный процесс афerezису – **протеза** – присоединение звука (звуков) в начале слова для облегчения произношения. Как известно, тюркским языкам не свойственно стечение согласных в начале слова. «В башкирских лексемах стечение согласных свойственно только концу слова» [Киекбаев 1958, 54]. В связи с этим в заимствованиях с такой звуковой структурой присоединяется дополнительный гласный для разделения двух согласных на отдельные слоги. «В заимствованиях из восточных (монгольского, арабского, персидского) языков с начальным согласным «р», «ч», «л», «в» практически во всех говорах появляется протеза» [Киекбаев 1958, 56].

Данное явление было описано еще Н.К. Дмитриевым (1948). К примеру, в виду отсутствия в анлауте дрожащего «р» в башкирском языке в заимствованиях он произносился со вставкой гласных «э», «ы», «у»: *ы-раҫлау* ‘оправдывать’ < перс. *раст*, *э-рәт* < *ряд*, *у-раза* ‘ураза (мусульманский пост)’ < перс. *руза*, *э-рәуеш* ‘манера, форма’ < перс. *рэвиш* и т.п. [1948, 16-17]. В некоторых случаях протеза приобрела литературную норму: *рожь* > *арыш*, *руза* > *ураза*, *русский* > *урыҫ*.

Протезу можно наблюдать в речи старшего поколения при произношении слов русского или иностранного происхождения: *стакан* – *ыстакан*, *столовая* – *ысталауай*, *станция* – *ыстанция*, *свод* – *ысбут* и т.д. В речи молодых и детей этот процесс уже не ярко выражен. Протеза существует и как литературная норма в лексемах, заимствованных с русского языка: (рус.) *шляпа* > лит. *эшләпә*, (рус.) *скирда* > лит. *эскерт*, (рус.) *стол* > лит. *өстәл*, (рус.) *смола* > лит. *ысмала*, (рус.) *лавка* > лит. *эләүкә*, (рус.) *шля* > лит. *ышля* и т.п.

В инициальной позиции слов башкирского языка наблюдается процесс **ассимиляции**, т.е. уподобление качества согласного соседнему звуку. «Данное фонетическое явление характерно в большей степени для устной, а не письменной речи» [Бускунбаева 2008, 50]. Ассимиляции анлаута (т.е. регрессивная ассимиляция) частое явление в говорах башкирского языка. Например: юж. диал. (лит.) *сәтәш* ‘дужка’ – кыз., ай. [шәтәш] (ДСБЯ, 401) (сев.-зап. [йәзәс]); *сүкеш* ‘молоток’ – тук-соран, средн., сакмар., иргиз. [шүкеш]; др. гов. (лит.) *себеш* ‘цыпленок’ – средн., дем. [себеш] ‘гусенок’ – икск.,

кыз., миас. [сепеш] 'гусенок' – гайн., среднеурал. [шефеш] 'курица' (ДСБЯ, 393) – средн. [шефеш] 'утенок' (ДСБЯ, 393) – тук-соран., иргиз. [шефеш] 'цыпленок' (ДСБЯ, 393); др. гов. (лит.) *салыш* 'кривой' – дем. [шалыш], др. гов. (лит.) *сырышыу* 'морщиться' – дем. [шырышыу] (Яруллина 1959, 180) и др.

Таким образом, актуальным на сегодняшний день являются такие фонетические процессы в анлауте слова, которые в основном связаны с заимствованиями. Определенные фонетические единицы, не свойственные башкирскому языку, адаптируются с помощью явлений афerezиса и протезы. Также для части говоров собственная лексика подвергается облегчению произношения с помощью регрессивной ассимиляции.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. Уфа, 2008. 140 с.
Диалектологический словарь башкирского языка (на баш.). Өфө, 2003. 432 б.
Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.
Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М. Л., 1948. 275 с.
Киекбаев Ж.Г. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958. 211 б.
Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа, 2006. 191 с.
Яруллина У.М. Звуковой состав говора демских башкир // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С. 169-185.

Ф. Ф. Ишкенина, Күмертау к.

КӨЙӨРГӘЗЕ ЕРЕ – ӘҮЛИӘЛӘР ТӨБӘГЕ

Элек-электән Көйөргәзе районының да әүлиәләр төбәгенә бай булыуы билдәле булған. Әлегә көндә барлык мәғлүмәт район ауылдарындағы өлкән йәштәге кешеләрҙең иҫтәлектәренә таяна, Күмертау калаһы һәм Көйөргәзе районының ижтимағи-сәйәси гәзите «Юшатыр»за был турала әленән әле мәкәләләр донъя күрәп тора. Унда килтерелгән мәғлүмәттәр буйынса, район ауылдарынан Яманһарыла, Якутта, Кинйәлә, Ялыскайза, Мәмбәтколда, Түбәнгә Бабаларза, Зәк-Ишмәттә әүлиә урындары бар. Ошо һанап кителгән урындарза ниндәй әүлиә ерләнгән, уның тарихы нисегерәк булған, кызғаныска, белешмәләр бик аз.

Яманһарыла ауыл осондағы бейек тау Әүлиә тауы тип атала. Ғәрәпсә язылған кәбер ташы кәртәләп алынған. Оло йәштәгеләр инәй-бабайзар серле ул тауға барып, доға уқып, хәйер һалып кайткандарын күрәп үстек. Ололарҙың һөйләүе буйынса, бик борон Бағыр Усман атлы әүлиә булған. Кешеләргә ярзам иткән, дауалаған, барыһын да алдан беләп, күрәп торған. Касан үләсәген дә, ошо тауға күмеләсәген дә белгән. Әүлиә бабайҙың рухы ауылды, уның халкын бөтә бәлә-казаларзан һаклай. Йөзйәшәр инәйҙәргә был турала уларҙың ата-бабалары, әсәй-өләсәйҙәре һөйләп калдырған була. Өстәп шуны әйтергә мөмкин: Яманһары әүлиәһе тураһында дан бүтән күп тарафтарға ла таралған. Шулай тау эргәһенән аккан шишмә Бағырлы тип, яқында аккан йылға Бағырлы һыуы тип атала.

Илкәнәй ауылынан Ғиләжетдин ишан тураһында ла матбуғатта йыш һөйләнелә. Ауыл карттарының һөйләүе буйынса, Ғиләжетдин ишан, үз заманының иң ғилемле кешеһе булыу менән бергә, бай һәм киң күңеллелегә, әзәплелегә менән халықты хайран калдырған. Илкәнәй ауылының муллаһы оло йәштәге Абдулхак Әхтәмов хәтерләүенсә, боронғолар әүлиәнең кешеләрҙең нисек ауырығанлығы тураһында әллә кайзан уҡ беләп торор, ауырыуҙы аҡланда үсеп ултырған ағас янында уҡ қаршы алып, кулдары менән теймәйенсә, бер серле таяғы менән доғалар уқып дауалауы, төрлө мөгжизәләр күрһәтә алыуы тураһында хайран калып һөйләр булғандар. Ғиләжетдин ишан кешеләрҙең киләсәктә тимерсыбыҡ аша һөйләшерҙәре, өй мөйөшөндәге йәшниккә қарап ултырасақтары, ауылдан йыраҡ түгел ете кат ер астында күз күрәп етмәстәй зур қазан, уның әсе тулы бөтә ғаләмгә таралыр яғыулықты халыҡ кулланырын әйткән булған. Ғиләжетдин әүлиәнең рухы ауылдаштарын төрлө бәлә-казаларзан һаклап тора икән. Граждандар һуғышы йылдарында тирә-яктағы ауылдарға қот осорлоқ әллә күпмә бәлә-каза қилгән, ә Илкәнәйгә ақтар за, қызылдар за керә алмаған, сөнкі әүлиәнең рухы бер кемде лә ебәрмәгән. Тағы ла шуны өстәп әйтеү урынлы булыр: Ғиләжетдин ишандың 5-се-6-сы быуын вариҫтары әйтеүенсә, олаталарының рухы әле лә ғайләләрен һаклап тора. Төштәренә керәп, тура юл күрһәтеп, қәңәштәрен бирә икән.

Якут ауылы янында ла (ауылға ингән урында) Әүлиә урыны бар. Қызғаныска, унда ниндәй әүлиә ерләнгәнән анық қына белгән кеше юқ. Ауылдың олорак быуын кешеләре йыл һайын басыу эштәре тамамланғас, бала-саға менән 2-3 тапқыр шулай урынға сығып, доға қыла, яңы уңыштың мул һәм бәрәкәтле булыуын һорай. Әүлиә үзе изге, яқты күңелле кешеләргә генә осрай за, алдан бәлә-каза булырын иҫкәртә икән. Ауылдан ситтә йөрөгәндәр тыуған ауылына аяқ бәскәндә, ошо урынға

туктап, әүлиә рухына доға кыла. Кызғаныска, Акхары-Мораптал трассаһын һалғанда ошо әүлиә урынынан ер ташыйзар. Якуттар һөйләүенсә, тап ошо трассала авариялар йыш булып тора икән. Әүлиә урынын борсомаҫка булған, тизәр.

Тугай Кинйәһе ауылында ике ерзә әүлиә кәберлегә булғаны билдәлә, тип һөйләй Көйөргәзе районы Ермолаево мәсете муллаһы Азат Хәлилов. «Электән безгә ололар ул тирәлә ярау итмәҫкә, шаярмаҫка куша инеләр. Айсыуак әүлиәнең ташы ауыл осонда ине. Был әүлиә Алтын Урза дәүеренә барып тоташа. Ваҡытында ауылыбыздың укымышлы (ғәрәп, фарсы телдәрен белгән кешене шулай атап йөрөтәләр ине) кешегә булған Әхәт Хәлилов һәр сак ошо кәбер янында ултырыр ине. Без, балалар, янына барһаҡ, шаяртып, әүрәтеп безгә ситкә алып китә торғайны. Бер мәл безгә ултыртып куйып, шул әүлиәнең исемең укып ишеттерзе. Айсыуак Сокорямов тип әйткәнә әле булһа хәтеремдә. Әхәт бабай ошо ташка башын терәп, серем итә торғайны. Бына йылдар үткәс кенә уның дауаланып ятыуына ышандым. Икенсә кәбер Ғәзиз тауының башында. Өләсәйем Зәйнәпъямал Мөһмин кызының һөйләүе буйынса, ауылыбызды афәттәрҙән ике әүлиә һаҡлай. Улар әллә кайҙан балкып тора.»

2010 йылда **Түбәнгә Бабалар ауылында** Урал һәм Миңъямал Ғәлимовтар тырышлығы менән Әүлиә кәберлегә кәртәләп алына. Ауыл тирәһендә бындай кәберлектәрҙән икәү икәнлегә фаразлана, тик урынлашкан урыны әлегә сер булып кала.

Әүлиә – ул халықтың хезмәтсегә, кешеләргә яҡшылык теләүсә, Аллаһы тәғәләһең ярҙамсыһы. Бәхтегәрәй хәҙрәт Бәхтеғәни улы 1857 йылда **Зәк-Ишмәттә** тыуып үскән, балалар уҡыткан, ауырыуларҙы дауалаған. Әле булһа уға рәхмәтлеләр байтаҡ. Шуға ла ауылдаштары быйыл әүлиәнең кәберен төҙөкләндерерәү эшен изге ниәт менән башкарып куялар.

Әүлиәләргә оноторға ярамай. Файзалы ғилемдәр биреп калдырған милләтебезгә изге улдарын хөрмәтләп иҫләп тороу – безгә изге бурысыбыз.

ӘЗӘБИӘТ:

Бухарова Г. Х. Башкирская ономастика в контексте духовной культуры: Словарь мифотопонимов. Уфа, 2006. 116 с.

Ғайсина Ф. А. Башҡортостан – әүлиәләр иле. «Йәшлек», №31-46. 2012.

Дауытова Р. Ф. Әүлиә рухтарын һаҡлайыҡ. «Юшатыр», 11. 08. 2011.

Ильясов М. М. Әүлиәме, уйҙырмамы? . «Юшатыр», 8.12. 2011.

Рәхимов Ғ. Ғ. Берҙәмлектә – изге эш. . «Юшатыр», 23 август 2012.

Түләгәнова З. Н. Аккан һыуың кәҙерен беләйексә.... «Юшатыр», 29.08. 2006.

Халикова А. Н. Илкәнәй ауылындағы Ғиләжетдин әүлиә. «Юшатыр», 14. 08. 2012.

А.Д.Каксин, г. Абакан

Н. Ф. КАТАНОВ – АВТОР ПЕРВОГО ПОЛНОГО ОПИСАНИЯ САГАЙСКОГО НАРЕЧИЯ (ДИАЛЕКТА)*

Свою научную деятельность выдающийся востоковед Николай Федорович Катанов (1862-1923) начал в юном возрасте, в годы учебы в Красноярской мужской гимназии (1876-1884). И начал он ее как диалектолог. «Сагайская грамматика», или «Грамматика сагайского наречия», – самая ранняя крупная работа Н. Ф. Катанова, выполненное им еще в Красноярске. До сих пор эта грамматика остается в рукописи, в двух тетрадах (первая тетрадь датируется 1882 годом, а вторая – 1884-ым), которые хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан.

Работа Н. Ф. Катанова состоит из двух частей: сначала следует грамматическое описание, а во второй части даны образцы примеров и словарь. В таком качестве – нормативной грамматики, она была известна исследователям прошедшего века. Хакасоведы осознавали, что грамматика Н. Ф. Катанова – детище своего времени, но очень ценное и как практическое пособие, и как теоретическое описание, и об этом часто упоминали в своих статьях и выступлениях [Доможаков 1958, 10-11; Чанков 1964 126-129].

Далее кратко изложим содержание грамматики Н. Ф. Катанова. Во «Введении» упоминаются работы предшественников (которых, понятно, немного, но среди них обязательно есть М. А. Кастрен; см. [Castrén 1857]) и, самое главное, очень четко и ясно прописаны мотивы, побудившие автора написать «Грамматику сагайского наречия».

«Предлагаемая мною грамматика есть руководство к правильному пониманию и употреблению в разговоре слов, входящих в состав Сагайского наречия.

Представляя на суд почтеннейшей публики настоящее сочинение, прошу снисхождения к тем погрешностям, какие могут в этой книге встретиться. Единственным моим желанием и целью было то, чтобы облегчить Русским изучение Сагайского наречия, а миссионерам дать небольшое ру-

ководство при переводе богослужебных книг на инородческий язык» [Катанов 1882, XXXVI-XXXVII].

Далее следует собственно грамматика, и мы представим ее в кратком конспективном изложении.

«Грамматика делится на две части: 1) этимология, или учение о формах отдельных слов; 2) синтаксис, или учение о предложениях, то есть словах в их совокупности.

Этимология содержит в себе: а) учение о произношении; б) учение о словах изменяемых; с) учение о словах неизменяемых; d) учение об образовании слов посредством производства их от других и сложения их.

Синтаксис заключает в себе: а) учение о согласовании частей предложения; б) учение об управлении слов; с) учение о размещении членов предложения; d) учение о построении предложения. ...

Отделение первое. Этимология.

I. Учение о произношении: Параграф 1. О буквах. Параграф 2. О слогах. Параграф 3. Об ударении.

II. Учение о словах изменяемых. Параграф 4. О частях речи. 1. Имя существительное. 2. Имя прилагательное. 3. Имя числительное. 4. Местоимение. 5. Глагол. 6. Наречие. 7. Послелог. 8. Союз. 9. Междометие.

Параграф 5. Об имени существительном. А. О роде. В. О числах. С. О падеже. Д. О склонении. Образцы склонения.

Параграф 6. Об имени прилагательном. Качественные прилагательные. Притяжательные прилагательные. обстоятельственные прилагательные.

Параграф 7. Об имени числительном.

Параграф 8. О местоимении. Личные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные и неопределенные местоимения. Образцы склонения местоимений.

Параграф 9. О глаголе. Залоги глагола. Принадлежности глагола. Принадлежности глаголов, кроме залогов, суть: времена, наклонения, числа и лица.

А. Времена. В. Наклонение. С. Спряжение.

Глагол изменяется по наклонениям, временам, залогам, числам и лицам. Все эти изменения окончаний в глаголе называются спряжением. В татарском языке спряжений только одно.

Таблицы спряжения.

III. Учение о словах неизменяемых.

Параграф 10. О наречии.

Параграф 11. О послелог.

Параграф 13. О союзе.

Параграф 13. О междометии.

IV. Учение об образовании слов.

Отделение второе. Синтаксис.

I. Согласование частей предложения.

Понятия о частях предложений.

Понятие о предложениях.

Предложения бывают: 1) утвердительные и отрицательные; 2) вопросительные и восклицательные; 3) повествовательные; 4) нераспространенные и распространенные; 5) полные и неполные; 6) главные и придаточные.

Согласование.

Учение об управлении слов.

Параграф 1. Управление слов непосредственное. Параграф 3. Управление слов посредственное. Параграф 3. Наречия, управляющие падежами.

III. Учение о размещении членов предложения.

IV. Учение о построении предложений.

Часть II. Сборник примеров и словарь сагайско-русский. Перечень собственных имен, встречающихся в богатырских поэмах минусинских татар, и прибавление к словарю некоторых употребительных, пропущенных слов» [Катанов 1882-1884].

Теперь вернемся к той части грамматики Н. Ф. Катанова, где речь идет о глагольных наклонениях. Рассмотрим подробнее отрезок текста этого раздела, чтобы показать значимость труда молодого Н. Катанова для современного изучения сагайского диалекта хакасского языка.

«В. Наклонение.

Наклонение есть форма, которую принимает глагол для показания – каким образом или способом представлено выраженное глаголом утверждение. Наклонений в татарском языке шесть: неопределенное, соизволяющее, изъявительное, повелительное, желательное и условное.

Неопределенное наклонение представляет утверждение, выраженное глаголом, неопределенным образом, то есть не показывает ни лица, ни времени, ни числа. Неопределенное наклонение есть прямая форма или начало глагола, то есть играет ту же роль, что (прямой, независимый) именительный падеж в именах существительных; например, парарга – отправляться, чөрерге – ходить, махтирга – хвалить, сөлирге – сказывать. Звук -р в неопределенном наклонении часто выбрасывается; так, например, говорят: парага, чөреге, махтиге, сөлиге.

Соизволяющее наклонение означает действие, так сказать, охотное или согласное; например, паргайбын – ладно, отправляюсь; пазыргайбын – хорошо, помолюсь; пасхайбын – ладно, напишу, чөргейбін – ладно, буду ходить; майтаайбын – (сокр. из махта-гай-бын) – хорошо, буду хвалить, сөлеейбін (сокр. из сөлегейбін) – ладно, скажу.

Изъявительное наклонение показывает, кем и когда производится действие; например, парчам – иду, еду; сөлепчем – сказываю; паргам – шел, ехал; парабын – пойду, поеду; сөлирбін – скажу.

В татарском языке сходно с русским: лицо часто опускается; это бывает тогда, когда оно легко может быть подразумеваемо.

Повелительное наклонение выражает повеление, приказание или просьбу, побуждающие к какому-нибудь действию; например, ал – бери, көр – смотри, хырых – стриги, махта – хвали, параң – пойдем, пазыңар – пишите, наступайте, өртеңер – жгите, чоохтассыннар – пусть разговаривают.

Желательное наклонение представляет действие только желаемым, предполагаемым или возможным; желательным наклонением, надо заметить, выражается такое желание, которое высказывается субъектом без отношения к другому лицу; например, сөлирхикпін – я сказал бы, мог бы сказать, могу сказать (по своей собственной воле, по своему желанию), чоохтирхыпын – я желал бы говорить, көрерхикпін – я посмотрел бы, махтирхыпын – я похвалил бы, желал бы похвалить; мин сағам избер парыбызархыпын – сейчас я желал бы уехать домой.

Условное наклонение означает, что действие происходит, или производится, или совершается под каким-нибудь условием, например, чоохтап ползам (или чатсам, турзам и т.д.) – если я говорю; чоохтан ползам – если я смогу говорить, чоохтазам – если я буду говорить» [Катанов 1882, 145-151].

Теперь сравним текст Н. Ф. Катанова с теми положениями, которые содержатся в современных описаниях хакасского языка. Для примера возьмем выдержки из грамматического очерка хакасского языка в академическом издании «Тюркские языки».

«У глаголов хакасского языка пять наклонений: повелительное, лишенное формального показателя (*ырла* ‘пой’, *ырлазын* ‘пусть поет’); желательное, обозначаемое афф. *-гай/-гей*, *-хай/-кей*, *-ай/-ей* (*пар-гай-бын* ‘пойду-ка; пойду, пожалуйста’); условное, обозначаемое афф. *-за/-зе*, *-са/-се* (*пар-за-м* ‘если пойду’, *пар-за-ңар* ‘если пойдете’); сослагательное, обозначаемое афф. *-чых/чйк*, *-чых/чйк* (*пазар-чых-пын* ‘я бы писал’) и изъявительное, которое реализуется в формах трех времен – настоящего, прошедшего и будущего. ...

Наиболее многочисленны формы прошедшего времени, образуемые афф. *-ды/-дй*, *-ты/-тй*. *хасты-м* ‘я копал’ (прошедшее недавнее); *-га(н)/-ге(н)*, *-ха(н)/-ке(н)*, *-а(н)/-е(н)*: *пйл-ген* ‘он знал’, *пйл-ге-м* ‘я знал’, *тоң-ан* ‘он мерз’, *тоң-а-зар* ‘вы мерзли’ (прошедшее неопределенное); *-ча(н)/-че(н)*, *-ча(н)/-че(н)*: *ат-чаң-мын/ат-ча-м* ‘я стрелял’ (прошедшее обычное многократное); *-чатха(н)/четке(н)*: *узу-п-чатхан* ‘он спал’, *узу-п-чатха-м* ‘я спал’ (прошедшее определенное); *-дыр/-дйр*, *-тыр/-тйр*: *аңна-п-тыр-бын* ‘я, оказывается, охотился’ (прошедшее заглазное); *-ғалах/-гелек*, *-халах/-келек*, *-алах/-елек*: *пар-ғалах-сың* ‘ты еще не ушел’ (прошедшее несовершенное) и нек. др. ...

Значения наклонений и времен могут быть выражены и аналитически, с участием вспомогательного глагола *пол-* ‘быть’, например: *хынған ползам* ‘если бы я любил’ (усл. наклонение), *парчаң полгам* ‘я ходил когда-то’ (прош. время) и т.д.» [Донидзе 1997, 464-465].

Как видим, различий немного: Н. Ф. Катанов отдельными наклонениями называет «неопределенную форму глагола» и одну из функций форм индикатива (именно - соизволение), а желательным наклонением называет ту группу форм, которая в современных грамматиках называется сослагательным наклонением. Современные грамматики «неопределенную форму» трактуют как инфинитив, форму соизволения включают в индикатив, а желательным наклонением, в свою очередь, называют другую функцию форм индикатива – «самопобуждение» и призыв к совместному действию.

Анализ всего вышеизложенного позволяет сделать следующие выводы:

«Сагайская грамматика» Н. Ф. Катанова – первая описательная грамматика, выполненная в России на материале инородческих языков, первая в своем роде. До этого все подобные грамматики (в России) имели в виду русский, украинский и белорусский языки [Березин 1990].

Сообразно уровню развития грамматической (лингвистической) мысли того времени описаны все уровни конкретного языка. Точность большинства положений Н. Ф. Катанова подтверждена последующими поколениями исследователей сагайского наречия и хакасского языка [Дмитриев, Исхаков 1954; Баскаков 1959; Карпов 1966; Грамматика хакасского языка 1975; Боргояков 1981; Донидзе 1990; Карпов 1995].

Таким образом, совершенно справедливо будет утверждать, что своей «Сагайской грамматикой» Н. Ф. Катанов опередил время, «выдав» в таком юном возрасте достаточно полное и точное описание одного из тюркских наречий (диалектов) России. Только высокая требовательность к себе, критическое отношение к своей научной работе впоследствии не позволили Н. Ф. Катанову настаивать на публикации этой работы.

ЛИТЕРАТУРА:

- Баскаков Н. . Тюркские языки Южной Сибири. Хакасский язык // Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959.
- Березин Ф.М. Языкознание в России // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н.Ярцева. М., 1990. С.622-623.
- Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981.
- Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А.Баскакова / Редколл.: М.И.Боргояков, А.И.Грекул, Г.И.Донидзе, Д.Ф.Патачакова. М., 1975.
- Дмитриев Н. К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.
- Доможаков Н.Г. Николай Федорович Катанов // Николай Федорович Катанов: Материалы и сообщения / Сост. Н.Г.Доможаков / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан, 1958. С.3-33.
- Донидзе Г.И. Хакасский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. М., 1990. С.568.
- Донидзе Г.И. Хакасский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С.459-470.
- Карпов В.Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Т.П: Тюркские языки. М., 1966. С.428-445.
- Карпов В.Г. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты): [научный доклад, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук] / Институт языкознания РАН. М., 1995.
- Катанов Н.Ф. Татарский язык (Сагайского наречия). Часть 1-я. Грамматика (этимология и синтаксис). Красноярск, 1883. 381 л. [рукопись: НА РТ. Ф.969. Оп.1. Д.5].
- Катанов Н.Ф. Грамматика Сагайского наречия Татарского языка. Часть II. Сборник примеров и словарь Сагайско-Русский. Красноярск, 1884. 433 л. [рукопись: НА РТ. Ф.969. Оп.1. Д.6].
- Чанков Д.И. Н. Ф. Катанов исследователь хакасского языка // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск X. Серия филологическая. 1964. С.125-133.
- Castrén M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857.

* В то время, когда Н. Ф. Катанов писал этот труды, еще не было терминов «хакасы», «хакасский», и сегодня мы применяем словосочетания «сагайский диалект» и «хакасский язык» для обозначения того, что во времена Н. Ф. Катанова считалось «сагайским наречием».

З. С. Каримова, Офё к.

ЯЗУЧЫЛАР ИҖАТЫНДА ДИАЛЕКТИЗМНАР (АЯЗ ГЫЙЛӘЖЕВ МАТЕРИАЛЫНДА)*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ РФ: «Урал – история, экономика, культура в рамках грантов научно-исследовательского проекта «Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты изучения слова в языке и речи (на материале татарского языка)». №12-14 – 02011 а/У

Аяз Гыйләҗев – татар әдәби теле тарихында сүзлек составы киң, бай, булуы ягыннан танылган язучы. Ул үзенә эсәрләрендә сүз сәнгатең бер төре булып торган диалектизмнарда бик оста файдалана. Диалектизмнар әдәби телгә кабул ителмәгән, билгеле бер территориядә яшәүчеләр өчен генә хас тел үзенчәлекләре. Матур әдәбият эсәрләрендә жирле диалектизмнар еш очрый, чөнки матур әдәбият теле әле әдәби тел дигән сүз түгел, анда жирле диалектизмнарда тыш гади сөйләм сүзләре дә, жаргоннар да һ.б. булырга мөмкин. Алар образларны индивидуальләштерү, типик шартларны, типик вакыйгаларны, күренешләрне тудыру чараларыннан исәпләнеләр.

Диалект сүзләре гадәтгә сөйләшү стилинең гади сөйләм сүзләре белән бергә киләләр һәм норматив булулары белән үзара урталык та табалар. Диалекталь сүзләргә куллану эсәрнең темасына, сүрәтләү объектына, авторның максатына, аның эстетик идеалына, осталыгына ла бәйле. Әдәби эсәрдә кулланылган диалектизмнар шул якның милли колоритын да сүрәтлиләр. Димәк, һәр язучы үзенә эсәрләрендә үзә яшәгән жирнең диалекталь лексикасын кулланып, туган ягы сөйләменең үзенчәлекләрен чагылдыра. Аяз Гыйләҗев үзә Татарстанның Сарман районыннан, анда, мәсәлән, «з» авазын берәз сакау итеп, «й» авазын «ж» белән аралаштырып сөйләләр: *зәңгәр*,

заман, тозак, жәшел, жегерме, дәнжа һ.б. Бу үзенчәлекләр язучының әдәби әсәрләрендә дә чагылыш тапмый калмый, әлбәттә.

«Жүләр хатын түли, сыналган, дүрт эчендә бер пот тоз ашарга өлгермәсәләр дә, шатлык-кайгыны житәрлек татыдылар» (Урамнар артында яшел болын). «Миңа пәке алып кайт, Мөнир абый, җәме, - диде ул, - дүрт жәплесен, бозгавы, безе булсын!» (Урамнар артында яшел болын).

Диалектизмнар матур әдәбият әсәрләрендә төрле максатлар белән кулланылалар. Алар автор яшәгән якның сөйләм үзенчәлекләрен генә чагылдырып калмыйлар, ә бәлки әдәби әсәрнең темасын һәм анда катнашкан геройларның характерларын, эчке дөньясын тулырак ачарга ярдәм итәләр. А. Гыйләҗевның «Балта кем кулында» романында автор Гөлгенәнең искиткеч ялкаулыгын, бозык хатын булуын, начар тормышта яшәвен түбәндәге жөмләр белән тулысынча күзалларга мөмкинчелек бирә.

«Мөрҗәннан төшәрләр, шонныклар! Бәрәңге утыртмыйлар, ындырларын бакра белән билчән басты, шепкән котырды. Төн туды исә бурлыкка чыгалар, ярканатлар». Диалекталь сүзләргә без язучы ижатында автор сөйләмендә дә, персонаж сөйләмендә дә очратабыз.

«Райуннан чутсыз килде милиция, карга җыелганнан аңышып кына таптылар. Өй бүрәнәләре череп муртаеп беткән, төртсәң таралырга гына торалар. Нигез ниргәләр зыян күргән, алар сары череккә әверелеп, бер-берсен сытып кәргәннәр».

Аяз Гыйләҗев үзенең әсәрләрендә персонаж сөйләмендә еш кына «аппарабыз», «апкайттың», «кайтышмы», «китешме» кебек сүзләргә куллана. Бу сүзләрдә әдәби тел нормалары бозып әйтеләләр һәм алар да диалектлар өчен хас. Мәсәлән: «Җаным, сез бу якныкы түгел, шикелле, кайтышмы, китешме! — дип сорады». (Балта кем кулында).

Күп кенә диалектизмнар телебезнең бик борыңгы чорын чагылдыралар һәм килеп чыгыш ягынан теге яки бу төбәкләрдә генә сакланып калган гомумхалык теле сүзләргә дә булып торалар. Язучылар тарафыннан кулланылган диалектизмнар иң беренче чиратта язучы үзе яшәгән төбәкнең диалекталь лексикасын күрсәтәләр. Моның шулай икәнлеген раслау өчен язучының «Урманнар артында яшел болын» исемле романынан тагын берничә мисалга күз салыйк. «Жилкә чокырыннан чөөлдәрек бавы теләрмен эле». (Урамнар артында яшел болын). «Эләкчегә җәзатанавын җәмкә белән кысабыз!» (Урамнар артында яшел болын). «Нигә болай соңгардың, нәнәм?» (Урамнар артында яшел болын).

А. Гыйләҗев диалекталь сүзләр белән бик оста итеп фразеологик әйтелмәләр дә төзи.

Үземнең барып караганым юк, иллә-мәгәр исеннән баш доңка китә. — (баш әйләнә). Күз көеге булып монда кайтмасыннар гына! — (имгәк булып). Юл буенда ялгыз-ялгыз куе ботаклы камыр агачлары очрады, җимешләренең ярты ягы кызарган, яртысы яшел, тик бу турыда Мөзәкир дә, Зәйтүнә дә сөйләшеп тормадылар, эшләргә тәҗел иде. — (кирәкле). Юк, кәбәм, дөньяның һәркемгә бер үзгәрәсен белгәнә, егылган җиремә салам җәеп куйдым. Хәзер син шул саламга ут җибәрмәк келисең — (өметне кисү). Болай гына куеныма алырга син минем үгәй малаем түгел! — якын кешем түгел (мишәр диалекты). Җир астыннан җылан йөртә Гинтерс! — «ж»лаштыру, астыртын дигән мәгънәгә аңлата.

Мисаллардан күренүенчә, Аяз Гыйләҗев үзенең әсәрләрендә диалектизмнарны бик урынлы, белеп кенә, чама белән файдалана.

ӘЗӘБИЯТ:

Гыйләҗев А. Әсәрләр. Дүрт томда Том 3/ А. Гыйләҗев. Казан, 1994. 567б.

Гыйләҗев А. Әсәрләр. Дүрт томда Том 4/ А. Гыйләҗев. Казан, 1994. 439б.

Татар теленең диалектология сүзлегә. Казан, 1993

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1974. 345с.

З. Ә. Кашапова, Әбйәлил р.

ТӨНЬЯК-КӨНБАЙЫШ ҺӨЙЛӘШТӘРЭ ШАРТТАРЫНДА

БАШКОРТ ТЕЛЕН УКЫТЫУ

Башкорт теле укытыуының өсөн диалект шарттарында балаларның телмәрен үстәрәү, уларны башкорт әзәби теленең нормаларына ярашлы Һөйләргә һәм язурга өйрәтәү иң зур мәсьәләләргәң берәһе булып һанала.

Был мәкәләлә без төньяк-көнбайыш диалекты шарттарында башкорт әзәби телен өйрәнәүзәң кайһы бер алымдарын карап үтәбәз.

Был төбәк Һөйләштәргәң аралашыуы укыуыларның Һөйләү һәм язур телмәргәң **һ, җ** (сүз, сүз-һүз, салам-һалам, өстәл-өстәл, баскыс-баскыс, булса-булһа һ.б.), һүз башында **й, я, ю, е** өн-хәрәфтәргә урынына **с, ж** тартынкылары кулланылуын (жегет-егет, жакты-якты, жүләр-йүләр, житмеш-етмеш һ.б.) йәки **-өй** кушылмаһының **ү** өнөнә күсәүен (үрәнәү-өйрәнәү, сүләү, сүләнәү-Һөйләү, Һөйләнәү), ялғау һәм киҗәксәләр башындағы **л, н, д** өндәргә урынына **з** өнө йөрөүен (калаза-калала, кайзазыр-кайзалыр, барса за-барһа ла) һәм башка шундай тел күренештәргән

күзәтергә мөмкин. Балаларзың телмәренә эсә һөтө менән ингән һөйләштәң бындай үзенсәлектәрен эзәби телдә кулланылган һүзәр менән алмаштырыу еңел эш түгел, әлбиттә. һүзәрзәге теге йәки был өндө дөрөс әйттерәү һәм язырыу күнекмәләрен тәрбиәләү, артабан үстәрәү өсөн башкорт теле дәрестәрендә даими рәүештә орфоэпик-орфографик биш минутлыктар үткәрәү, дәрес алды, ял минуты (физкультминутка) шиғырзарын күмәкләп (хор менән) һөйләтәү отошло буласак. Бындай биш минутлыктарза плакатка язылган төрлө таблицалар, класс тактаһы, күсмә такта, укыусыларзың һүзлек-минимумдарын кулланырға мөмкин. Уларзы диапроектар аша экранға төшөрөп, балаларзың орфоэпик күнекмәләрен үстәрәү эшен тағы ла эффектлырак ойштороп була. Бындай алым укыусының күрәү хәтерән һәм күрәү һәләтен үстәрәүгә, орфография, орфоэпия буйынса белемен нығытыуға булышлык итә.

Таблицалар күләме яғынан зур булырға тейеш түгел. Ундағы һүзәрзә укыусыларзан айырым-айырым укытырға мөмкин. Кластағы укыусыларзың белем кимәле бер сама булһа, хор менән укыузы ойшторорға кәрәк.

Һ, й өндәрән дөрөс әйт, һүзәрзә урынлы куллан!

һабын	йондоз
һағыз	йәйләү
һазлык	йомғак
һайғау	йәйән
һалам	йыйнак
һарымһак	йәймә
һикһән	йәһәт
һеләүһән	йәмәгәт
һүзһез	йүгән
һыуһын	йәйһылыу

Төньяк-көнбайыш һөйләштәрендә аралашыусы укыусыларзың телмәрендә ирен гармонияһы буйынса ла хаталар күзәтелә. Мәсәлән: *корылыш, йөрегез (йөрөң), көн-көнегез, көне, гөл-гөле, гөленең, гөлегез, көз-көзе, көзегез, көзгегез* һ.б. Бындай диалект хаталарын искәртеү һәм **о, ө** өн-хәрәфтәрен телмәрзә дөрөс кулланырға өйрәтәү өсөн һүзәрзә хор менән укытыу, ижектергә айырыу, юлдан юлға күсерәү, шулай ук тамырзарын һәм ялғаузарын таптырыу, килеш менән үзгәртеү кеүек эштәрзә үткәрәү зә отошло һанала. Уларзы тормошка ашырыуза «Дөрөс әйт!», «Дөрөс яз!» тип искәртеүсә таблица-плакаттар, карточкалар кулланыу ыңғай һөзөмтәләр бирәсәк.

Дәрестәрзә шулай ук сюжетлы картиналар, перфокарталар кулланыу, һүзәрзәң лексик мәғәнәләрен аңлатыу, синонимдарын таптырыу кеүек эш алымдарын кулланыу за укыусыларзың телмәрен байытыуза мөһим сара булып тора. Балаға һүзәң мәғәнәһән төшөндөрөү менән генә сикләнеп калырға ярамай. Укыусылар үзәрәнен һүзлек дәфтәрәнә был лексик берәмектәрзә язып, теркәп барырға, уларзы кулланып һүзбәйләнештәр, һөйләмдәр уйларға тейеш.

ӘЗӘБИӘТ:

Азнағолов Р. Ғ. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу методикаһы. Өфө, 1991.

Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары. Өфө, 2000.

Сәйетбатталов Ғ. Ғ. һ.б. Башкорт теле: Педагогия колледждары һәм училищелары өсөн дәрәслек. Өфө, 2004.

В. В. Куканова, Н. Ч. Очирова, г. Элиста

ОБЩЕЕ ИЛИ ИНДИВИДУЛЬНОЕ, НОРМА ИЛИ УЗУС В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

*Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047, тип «в»)

На современном этапе калмыцкий язык внесен ЮНЕСКО в список языков, которые находятся на грани исчезновения [ЮНЕСКО]. В целях его сохранения в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН проводится планомерная работа по ревитализации языка в обществе, при этом конечный результат реализации проекта видится в том, чтобы сохранить все многообразие языковых вариантов, в их числе и литературную кодифицированную форму. Такое многообразие пока еще можно сохранить или хотя бы зафиксировать на аудио- и видеоносители, на основе которых можно попытаться реконструировать систему языка и дать ему вторую жизнь.

Одним из таких проектов является создание Национального корпуса калмыцкого языка, электронного ресурса, который будет доступен любому пользователю сети [Куканова 2011]. В перспективе этот ресурс будет содержать мультимедийный материал, помимо размеченных тек-

стов. В процессе его создания лингвисты постоянно сталкиваются с проблемами разного характера, начиная с теоретических и заканчивая техническими. К одной из таких проблем относится проблема выявления общего и индивидуального, кодифицированного и некодифицированного в материалах корпуса калмыцкого языка. Целью данной работы является постановка проблемы соотношения нормы и узуса в калмыцком языке в свете создания Национального корпуса калмыцкого языка.

Калмыцкий язык на данном этапе развития представляет собой единство трех территориально-языковых разновидностей: дербетского, бузавского и торгутского диалектов [Кичиков 1963; Бардаев 1985; Убушаев 2006 и др.]. Одним из первых в калмыцкой диалектологии Номто Очиров отмечает наличие в калмыцком языке двух основных говоров – торгутского и дербетского [Очиров 1910]. В.Л. Котвич выделил – торгутский, дербетский и бузавский (донской) [Котвич 1929, XI]. Следует отметить, что не все ученые считают бузавский говор самостоятельным. Например, Б.Я. Владимирцовым среди ойратских, или калмыцких, говоров, отнесенных им к западной ветви монгольского языка, выделены дербетский говор с большедербетским и донским-бузавским подговорами и торгутский с уральским и оренбургским подговорами [Владимирцов 1929, 6]. Д.А. Павлов выделяет только два говора: дербетский и торгутский, – при этом говоры уральских, оренбургских и донских калмыков не считает самостоятельными территориально-языковыми разновидностями [Павлов 1968, 4-5]. Лексиколог Э.Ч. Бардаев утверждает, что в калмыцком языке существует 4 говора: дербетский говор (багадербетский, икидербетский и бузавинский подговоры), торгутский говор (каспийский, волжский и хошутский подговор), оренбургско-уральский говор и говор иссык-кульских калмыков [Бардаев 1985, 100].

Каждая разновидность калмыцкого языка является важнейшей составляющей его системы, включающей и кодифицированную, и некодифицированную формы. В основу литературного языка положены дербетский и торгутский говоры, имеющие несущественные отличия от бузавского диалекта [Омакаева 2010, 380]. Изучение некодифицированных форм крайне важно для реконструкции истории языка калмыцкого этноса и, шире, для истории монгольских народов.

После возвращения калмыков из незаконной ссылки интеллигенция с воодушевлением принялась за восстановление республики, в том числе стала проводить, с одной стороны, целенаправленную языковую политику по унификации калмыцкого языка, в результате чего появились нормативные словари, например по орфографии [Павлов 1962]. С другой стороны, параллельно шел процесс русификации, проявлявшийся в первую очередь в использовании русского языка в официально-деловой сфере. Однако не стоит забывать, что на территории Калмыкии проживали и проживают самые разные народности и единственным общим средством коммуникации был и является русский язык, поэтому им старались овладеть все национальности хотя бы на разговорном уровне. Все эти факторы во многом расширили пространство, где употребляется русский язык. Именно в этот период, 60–70-е гг., стала складываться кодифицированная система калмыцкого языка. Процесс этот достаточно сложный и длительный и, конечно, должен происходить в естественных условиях, с одной стороны, вне конкуренции с другим языком, с другой стороны, не под угрозой уменьшения количества его носителей и в конце концов его исчезновения и перехода в статус мертвого языка, лишённого постоянного развития и движения вперед.

В таких условиях, когда язык исчезает из повседневной жизни и перестает быть средством познания и коммуникации, можно говорить о том, что территориально-языковые различия постепенно нивелируются и, по сути, представители калмыцкого народа предпочитают осуществлять коммуникацию на русском языке как вне семьи, так и внутри нее, что в большей степени способствует вымиранию языка.

Сама же система кодифицированного калмыцкого языка недостаточно исследована, не говоря о различиях, характерных для его территориально-языковых разновидностей, о чем уже не раз писалось (см., например, [Рассадин, Трофимова 2012, 7]). Тем не менее описаны некоторые их специфические черты на разных уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом [Котвич 1929; Кичиков 1963; Павлов 1968; Тенищев 1976; Убушаев 2006 и др.]. Большинство особенностей диалектов калмыцкого языка было выявлено при помощи самонаблюдения или наблюдения за речью носителей, что недостаточно для более глубокого изучения территориально-языковых диалектов.

Анализируя исследования по созданию и развитию диалектных корпусов [Летучий 2005; 2009; Крючкова, Гольдин 2008; 2011; Некрасова 2009; Юрина 2011], можно выделить два вида диалектных корпусов: 1) информационно-справочная система, где целью аннотирования является выделение ненормированных языковых фактов в текстах; 2) информационно-справочная система, содержащая диалектные тексты, которые представлены в виде фонетической записи. Первый тип не интересен диалектологам, поскольку в данном случае перед нами материал, в котором тот или иной

лингвист уже констатировал наличие диалектных явлений. Второй, напротив, является материалом, который еще не изучен ни в каких-либо аспектах и который является источником для исследования уже известных фактов и выявления новых диалектных явлений, характерных для той или иной территориальной разновидности языка.

Поскольку мы только в начале пути по созданию корпуса, думается, что на первом этапе для нас имеет значение маркирование специфических черт территориально-языковых разновидностей калмыцкого языка. К тому же пока в нашем распоряжении находятся только письменные тексты, в которых можно обнаружить фонетические, лексические и грамматические черты существующих в калмыцком языке диалектов. Для нас важно выделить неcodифицированные элементы калмыцкого языка в этих текстах, чтобы обозначить норму и узус в текстах на калмыцком языке. Конечно, тем самым мы сузим поле для исследователей, прежде всего для диалектологов. На данный шаг мы идем сознательно, поскольку другого решения мы пока не видим. Надо сказать, что в архивах Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН содержится большое количество аудиозаписей, однако они не расшифрованы в нужном для диалектологов виде. Даже в опубликованных письменных текстах черты диалектов «стерты», другими словами, язык текстов отредактирован и доведен до норм литературного языка, поэтому количество диалектизмов в них мизерно, что недостаточно для системного и глубокого изучения диалектизмов.

В диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка выбирается морфологически ориентированная стратегия: «отмечаются только те отличия от литературного языка, которые имеют отношения к грамматике или отражаются на грамматических особенностях» [Летучий 2005, 217]. В калмыцком языке невозможно избрать только данную стратегию, поскольку большинство диалектных различий приходится на фонетику и лексику. Морфологических особенностей не так много, хотя они имеются. Например, при выделении словоизменительных классов помечались диалектные варианты словоизменений (см. подробнее [Куканова 2012]). Так, плюральный аффикс *-дуд/дуд*, который является составным по своему составу (*-д* + *-уд/уд*), встречается в торгутском диалекте и образует множественное число у существительных на неустойчивый *-н*, когда в литературном языке у таких слов исчезает *-н* и присоединяется аффикс *-д* [Убушаев 2006, 7].

Можно выделить три типа диалектных особенностей в калмыцком языке: *dialfon* – особенности на фонетическом уровне, отражающиеся в письменной форме; *diallex* – особенности на лексическом уровне; *dialmorf* – особенности на морфологическом уровне.

Для каждого говора введены индексы: Т – торгутский, D – дербетский, В – бузавский. Пометы *dialfon* и *dialmorf* конкретизируются: указывается, в чем состоит диалектная особенность. В силу ограничения в объеме статьи ниже приводятся наиболее яркие диалектные отличия на трех уровнях языка.

dialfon

vocal(o/əD-y/yT) – наличие гласного *o* вместо *y* в торгутском в позиции перед губно-губными *м* и *в*, например: *совсн* – *сувсн* ‘жемчуг’; *ховр* – *хувр* ‘редкий’; *цомрх* – *цумрх* ‘провалиться’; а также наличие гласного *ə* вместо *y* в позиции перед губно-губными *м* и *в* в переднерядных словах: *хəв* – *хүв* ‘доля, судьба, участь, счастье; часть’; *хəмх* – *хүмх* ‘собирать’, *əмсх* – *үмсх* ‘одевать, обувать’.

vocal(aD/əT) – наличие в дербетском говоре *ə* в непервых слогах вместо *a*, например: *сəрə* – *сарə* ‘сарай’; *орəə* – *ораа* ‘поздно’ [Кичиков 1963, 3-5];

vocal(aaB/əəTD) – наличие в бузавском говоре в первых слогах долгого *a* вместо *ə*, например: *заалихы* – *зəəлхə* ‘полоскать’, *наатихы* – *нəəтхə* ‘чихать’ [Кичиков 1967, 42-43].

diallex

Лексические диалектизмы представлены в художественных текстах достаточно широко (см., например, на примере произведений одного автора [Очирова 2011]). В грамматическом словаре отмечены слова, характерные для говоров. Например, *дахм* ‘нагрудный карман пиджака или сорочки’ – < *diallexD* >, *хор* ‘небольшой кармашек’ – < *diallexT* >. Чаще всего это лексические корреляты: *аһурцг* < *diallexD* > – *хаяр* < *diallexT* > ‘огурец’. Если же слово не имеет диалектного или литературного эквивалента и если значение слова специфично и характерно только для данной территориально-языковой разновидности, то в тегах приводится тематическая группа. Например, *доньр* ‘секретарь хурула’ – < *diallexT_religion* >.

dialmorf

Caus²B – двойное оформление каузативного залога, возможно проявление противодействия сплошной редукции гласных: *суулѳах* – *суулѳх* ‘посадить, сажать’, *күргəх* – *күргѳх* ‘доставить’ [Убушаев 2006, 16; Кичиков 1967, 44];

DirD – наличие направительного падежа с аффиксом *-ур (-үр)*, например: *моднур* ‘к дереву’, *герүр* ‘к дому’, *чамур* ‘к тебе’ и т. д. [Убушаев 2006, 235];

DirT – наличие направительного падежа с аффиксом *-ад (-эд)*: *гэрэд* ‘к дому’, *худгад* ‘к колодцу’, *холад* ‘к реке’ [Убушаев 2006, 235];

GenT – наличие родительного падежа с аффиксом *-ан (-эн)* (вместо *-ин* – в дербетском): *укрэн* ‘коровье молоко’, *эргэн хулсн* ‘прибрежный камыш’, *цурхан амн зэнгдэ* ‘щучья пасть’ [Убушаев 2006, 235];

PastT – наличие первой формы прошедшего времени на *-ва (-вэ)* (вместо *-вы (-в)*, *-в (-в)* – в дербетском): *һарва* ‘вышел’, *күрвэ* ‘дошел’, *гуувэ* ‘побежал’ [Кичиков 1967, 23];

JussT – наличие пригласительной формы 1 лица мн.числа повелительно-желательного наклонения на *-йа (-йэ)* (вместо *-й (-й)*, *-й* – в дербетском): *босйа* ‘встанемте-ка’, *хэрийэ* ‘пойдемте-ка домой’ [Кичиков 1967, 23];

PronB – личные местоимения 1 и 2 лица *би*, *чи* в родительном падеже приобретают аффикс *-эн*: *миньэн* ‘мой’, *чиньэн* ‘твой’ [Кичиков 1967, 44];

AntConvB – при соединении вспомогательного глагола *од* с соединительными и разделительными деепричастиями образуется форма глагола совершенного вида: *йовждв* ‘ушел’, *укждв* ‘умер’, *йоваддв* ‘ушел’ [Кичиков 1967, 44];

FutConvB – при соединении аффикса *-х* причастия будущего времени выпадает глухой смычный заднеязычный *к*: *ирчих* (вместо *ирчикк*) ‘придет’, *ирчихлэ* (вместо *ирчикклэ*) ‘если непременно придет’ [Кичиков 1967, 44-45].

Описанные в статье пометы позволят разграничить общее и индивидуальное, норму и региональный узус в корпусе текстов на калмыцком языке. Конечно, это будет приближение к диалектной системе калмыцкого языка, но, тем не менее, это позволит, с одной стороны, изучающим калмыцкий язык более сознательно подходить к процессу обучения, с другой – исследователям отсеивать языковые факты, проявление которых связано с диалектными особенностями калмыцкого языка.

На современном этапе развития калмыцкого языкознания отсутствуют репрезентативные записи текстов разных диалектов. В перспективе планируется создать самостоятельный диалектный модуль в корпусе калмыцкого языка, который будет представлен в фонетической записи.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста, 1985. 154 с.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. 436 с.
- Кичиков А. Ш. Дербетский говор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 26 с.
- Кичиков А. Ш. О говоре донских (бузава) калмыков // Ученые записки КНИИЯЛИ КАССР. Вып. 5. Серия: филологическая. Элиста, 1967. С. 39-51.
- Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Прага: Б.и., 1929. XI с. + 418 с.
- Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/36.pdf> (дата обращения: 30.11. 2013).
- Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/41.htm> (дата обращения: 30.11. 2013).
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 168-177.
- Куканова В. В. Общая структура и перспективы использования Национального корпуса калмыцкого языка в свете проблемы репрезентативности // Материалы XI Международной филологической конференции (10–15 марта 2011 г., Санкт-Петербург). Вып. 24: Полевая лингвистика и интегральное моделирование речи / отв. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2011в. С. 125-137.
- Летучий А. Б. Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2009. С. 114-128.
- Летучий А.Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 215-233.
- Некрасова Г.А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Языковая палитра. 2010. С. 13-16.
- Омакаева Э.У. Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М., 2010. С. 375-383.
- Очилов Н.О. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. С. 61-75.
- Очилова Н.Ч. Диалектная лексика в художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 3. С. 68-71.

Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык (фонетика и орфография) / отв. ред. Л.В. Бондарко. Элиста, 1968. 240 с.

Павлов Д.А. Орфографический словарь литературного калмыцкого языка. Элиста, 1963. 230 с.

Рассадин В. И., Трофимова С.М. О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 7-11.

Тенищев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82-87.

Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э.У.Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

ЮНЕСКО [электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/> (дата обращения: 30.11. 2013).

Юрина Е.А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 58-63.

А. Н. Куклин, г. Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ ГОВОРЫ ПРИУРАЛЬЯ В МОЗАИКЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Основными мари́йскими говорами Приуралья являются красноуфимский и кунгурский, распространенные в крайней юго-западной части Свердловской и юго-восточной части Пермской областей.

Красноуфимский говор охватывает Артинский, Красноуфимский, частично Нижнесергинский районы Свердловской и ряд деревень Октябрьского района Пермской областей. Основная масса носителей кунгурского говора проживает в Суксунском, Кишертском районах Пермской и Ачитском районе Свердловской областей. Они возникли в результате миграции части луговых мари.

Процесс формирования первого начался еще в начале XVI века, второго – в конце XVI века, подтверждением чего служат отдельные архивные данные. Так, в материалах подворной переписи 1888-1891 годов в Красноуфимском уезде Пермской губернии про мари́йцев деревни **Кугу Тавра́** (офиц. Большая Тавра) сказано, что они поселились здесь в 7016 году [Материалы для стат. 1893, 85] – по современному летоисчислению в 1508 году [Сепеев 1975, 27]. Жители деревни Большая Тавра являются представителями красноуфимского говора. Михаил Кайсаров, переписывавший в 1623 году сылвенских и иренских татар и остяков, обнаружил среди них 4 юрты, то есть 4 двора, черемисских [Шишонко 1872, 150; Теплоухов 1924, 85; Преображенский 1956, 12-13]. По современному административному делению они расположены на территории распространения кунгурского говора. В отдельных документах указаны конкретные места расселения уральских мари, их количество. Например, «на устье Кунгура речки белая черемиса» (1646 г.) [Сигов 1928, 98]. На реке **Карше** (возможно, **Карши**), протекающей на территории современного Ачитского района, в 1651-1652 годах мари́йцы проживали в количестве «больше двадцати дворов» [1, л. 2-2 об.]. Речь, скорее всего, идет о деревне **Мари́йские Крапи**, языковая особенность ее жителей относится к кунгурскому говору. В некоторых источниках содержится примерная дата основания того или иного селения. Так, «в описании деревни Байтемировка 30-х годов XVIII века говорится, что мари́йцы поселились на реке **Бисерти** примерно сто лет назад, то есть в 30-х годах XVII века» [Сепеев 1975, 28]. К концу XVII века мари́йское население в Среднем Приуралье, согласно данным Г.А. Сепеева, извлеченным из Переписной книги Д.Жукова и П.Ахматова 1678-1679 годов, составляло 100 юрт, где насчитывалось людей мужского пола – 276; 17 безьюртных семей, в них 35 мужчин [Сепеев 1975, 28]. По данным переписи населения Пермской губернии 1883 года в губернии числилось уже 9162 мари обоого пола, 1884 году – 9171 человек, 1885 году – 9225 человек [Отчеть Перм. губерн. стат. комит, 1883-1885, ф. № 208, оп. № 1, д. № 1]. За эти 3 года численность мари́йского населения Пермской губернии увеличилась лишь на 63 человека. Таким образом, к концу XIX века поточные миграции мари в районы Приуралья сменяются единичными случаями переселения и продолжаются до наших дней. По переписи 1989 г. в Приуралье насчитывалось более 31297 мари.

Как свидетельствуют некоторые топонимические и родовые названия, поточные миграции по разным причинам шли в основном с северо-восточной части Мари́йского края, хотя пучки импульсаций исходили и из других его местностей. Ср., например, топонимические параллели поволжских, вятских и уральских мари: д. **Отсола** (офиц. Ключики), Красноуфимск. р-н Свердловск. обл. и д. **Одосола**, Байсинск. волость Уржумск. уезда Вятск. губ. [Никольский 1913, 18]; д. **Васькино** (неофиц. **Энер мучаш**), Суксунск. р-н Пермск. обл. и дд. **Васькино**, Уржумск. и Тужинск. р-ны Кировск. обл. [Киров. обл. 1978, 182, 190, 260]; д. **Тюм** (неофиц. **Тўм**), Октябрьск. р-н Пермск. обл. и д. **Тюм-Тюм** (неофиц. **Тўм-Тўм**), Уржумск. р-н Кировск. обл. [Киров. обл. 1978, 193, 374] и другие. Указанные ойконимы и родовые названия в период миграции, видимо, были перенесены

переселенцами из прежнего местожительства. Об этом же свидетельствуют и изоглоссные явления, пронизывающие все уровни языка.

Переселившись на новое местожительство, марийцы обычно занимали необжитые места, поэтому их селения в территориальном отношении расположены неравномерно. Неравномерность расселения, а также разновременность миграции и принадлежность к тому или иному «материнскому» говору определенного диалекта, от которого они отпочковались, обусловили возникновение языковых особенностей внутри отдельного говора и появление изоглоссных явлений, сближающих рассматриваемые говоры с другими марийскими диалектами. Однако многовековые тесные культурно-экономические и родственные связи на новой территории способствовали нивелировке большинства перенесенных диалектных отличий внутри каждого из указанных говоров. Вместе с этим следует отметить, что в силу территориальных условий и, видимо, ряда других причин красноуфимский и кунгурский говоры складывались в самостоятельные в изоляции друг от друга, то есть не имея тесных контактов, и в настоящее время они существуют как островные, обнаруживая различия на всех уровнях языковой структуры.

Рассматривая отдельные страницы истории формирования марийских говоров Приуралья, нельзя без внимания обойти и вопрос о путях миграции. Из-за отсутствия надежных архивных материалов, опираясь на данные лингвогеографии и топонимии, в качестве первоначальной можно выдвинуть гипотезу, согласно которой предки носителей современного красноуфимского говора, отколовшись от основного ядра марийского населения, с бассейна реки Вятки, точнее с Уржумского и отчасти сопредельных с ним уездов, двинулись на восточные земли и первоначально осели в Бирском уезде, а затем, спустя определенное время, часть их в силу различных причин переселилась в южную часть Пермской губернии. Доказательством чего служат отдельные топонимические параллели уральских и башкирских мари. Так, в Октябрьск. р-не Пермск. обл. расположена д. **Баймурзино** (неофиц. **Ардаш агул**). Из рассказов старожилов этой деревни известно, что они переселились сюда из д. **Баймурзино** (неофиц. **Ардаш**) Мишкинск. р-на Башкирской АССР в 1914 году [Матер. диал. эксп. 1979, 5-6]. Из этого вполне понятно, что после миграции мари в районы Приуралья и Прикамья продолжались их взаимные перемещения внутри указанных регионов. Нельзя не учитывать также того, что красноуфимские (так называемые «уфимские») мари делят себя еще на две подгруппы: ближние (**ончыл юпо-ныш марий**) и дальние (**ше—гел юпоныш марий**). Первые проживают в Свердловской области, а вторые – на территории Мишкинского р-на Башкортостана (примерно в ста двадцати километрах к югу от них), языковые особенности которых относятся к бирскому говору восточного наречия. Приведенные примеры в какой-то мере также свидетельствуют об определенной общности переселенцев указанных регионов. Движение предков современных носителей кунгурского говора шло из Ветлужско-Вятского междуречья. Первоначально им был освоен бассейн реки Камы, а затем уже Сылвы по ее среднему течению с ее притоками. Представители этого говора себя называют **кӧ—гыр марий** по территории, прилегающей к городу **Кунгур**. Любопытно в связи с этим указать аналогичный ойконим: д. **Кунгур** Шабалинск. р-на Кировск. обл. [Киров. обл. 1978, 208, 308].

Красноуфимский говор в начальные этапы своего развития подвергся интенсивному воздействию со стороны диалектов татарского и башкирского языков, с конца XVI века – русского. Кунгурский говор с самого начала имел более тесные связи с русскими говорами Среднего Урала. О чем наглядно свидетельствует анализ их лексического состава и фонетической структуры. Так, система гласных кунгурского говора, как и марийского литературного языка, представлена 8 гласными фонемами: *i, ü, e, ö, (a, и, o)*. Вокализм красноуфимского говора включает в себя дополнительный гласный переднего ряда, нижнего подъема *ä* [Куклин 1979, № 3, 159-163]. В кунгурском говоре, по-видимому, гласный *ä* с самого начала отсутствовал. Этот говор не мог получить благоприятные условия для вторичного развития переднерядного *ä* и в процессе языковых контактов, так как ближайшими соседями кунгурских мари (Ачитский район Свердловской области и Суксунский район Пермской области) оказалось в основном русское население [Коведяева 1970, 86]. В русском языке имеется лишь оттенок фонемы *a*, приближающийся к марийскому *ä* в позиции между мягкими согласными: *мять* [м'äт'], *пять* [п'äт'], *дядя* [д'äd'äe], *тятя* [т'ät'äe] [Совр. мар. яз. 1960, 49; Матусевич 1976, 74]. Анализ одних и тех же слов показывает, что переднеязычному *ä* красноуфимского говора (КУ) во всех случаях соответствует гласный *a* кунгурского говора: в анлауте – *ala, ama-l, ara-m*, КУ *älä, ämä-l, ärä-m* (частица неопределенная; повод, причина; напрасно, зря, попусту, без пользы). В инлауте: *ümba-l, küba-r, ka-l, uštara-š*; КУ *ümbä-l, kübä-r, kä-l, üštärä-š* (сливки, сметана; пол; сила, мощь; дополнять, дополнить что-л. чем-л., прибавлять, прибавить что-л. к чему-л.). В ауслауте: *ajža, näña, üaCa, üärña, opsa*; КУ *ajžä, näñä, üäCä, üärñä, opsä* (ребенок, дитя; хлеб / в детской речи /, колобок; масленица; дверь).

Другой не менее важной отличительной чертой кунгурского говора от красноуфимского является отсутствие в нем переднерядного *ə*. В красно-уфимском, как и в других восточномарийских говорах, иллабиальный гласный переднего ряда, среднего подъема *ə* проявляется в основном под действием гармонии гласных и функционирует как факультативный вариант редуцированного гласного ([Куклин 1979, № 4, 231].

В некоторых словах в позиции первого слога на месте красноуфимского (в кунгурском употребляется гласный *i*: *ilé*, КУ *(i)lé* 'было' (3 л. ед. ч. прош. очев. вр. от глагола *ulas* 'быть'); *ti-γ(де, КУ ti-γ(де* 'мелкий, мелочь'; *kiCk(ra-š*, КУ *k(Ck(ra-š* 'кричать, скрикивать, окликать кого-л.; раскричаться'.

В отличие от красноуфимского говора в консонантизме кунгурского говора наличествует твердая аффриката *č*, которая бытует также в калтасинском, елабужском, частично бирском диалектах восточного наречия и больше-паратско-петъяльском подговоре лугового наречия. Например: *iye-če* 'погода'; *ke-če* 'день, солнце'; *koča-š* 'кушать, есть что-л., питаться чем-л.; *ku-čo* 'лови, держи'; *muča-š* 'конец', *muča-š* 'хлестать кого-л.'; *no-čko* 'мокрый, сырой, мокрота, сырость'; *pe-če* 'ограда, изгородь' и т.д.

Однако в речи молодого поколения в указанных словах вместо твердой глухой аффрикаты *č* употребляется близкая ей по артикуляции палатальный согласный *ç*. Причиной нейтрализации противопоставления аффрикат по твердости-мягкости является воздействие местных русских говоров, поддерживаемое влиянием русского литературного языка, т.к. преподавание в школах ведется на русском языке. В русском литературном языке имеется лишь аффриката [*ч*].

Таким образом, процесс формирования марийских говоров Приуралья был сложным в своей последовательности и состоял из накладывающихся друг на друга как интралингвистических, так и экстралингвистических факторов. Обобщая весь диалектный материал, можно констатировать, что кунгурский говор по своим языковым особенностям ближе к основным говорам лугового наречия, а красноуфимский обнаруживает больше сходства с мишкинским и малмыжским говорами восточного наречия марийского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

Архив г. Красноуфимска, ф.3, оп. I, № 76, л. 2-2 об. Госархив Красноуфимского района Свердловской области.

Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979. Т. I, А-Б. 256 с.

Кировская область. Административно-территориальное деление (На 1 июня 1978 года). Киров, 1978. 424 с.

Коведяева Е.И. Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970. 136 с.

Куклин А.Н. Гласный *ä* в красноуфимском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение. Ж./АН ЭССР. Таллин, 1979. № 3 (XV). С. 159-163.

Куклин А.Н. Гласный *i* в красноуфимском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение. Ж./АН ЭССР. Таллин, 1979. № 4 (XV). С. 226-233.

Марийский мир (информационно-статистический справочник) / Служба Государственного секретаря Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1996. 94 с.

Материалы диалектологической экспедиции 1979 г. № 186, 5-6 л. НРФ МарНИИЯЛИ.

Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. —Казань, 1893, вып. IV. -156 с.

Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. 288 с.

Никольский Н.В. Статистическія свѣдѣнія о черемисахъ за 1911 годъ, съ указателемъ литературы о нихъ и изданій на черемисскомъ языкѣ. Казань, 1913. 88 с.

Отчетъ Пермскому губернскому статистическому комитету. Приложение ко всеподданнѣйшему отчету. Обзоръ Пермской губерніи за 1883 г. лл. 144-145; 1884 г. —л. 202; 1885 г. — л. 274. Госархив Пермской области. Пермь. ф. № 208, оп. № 1, д. № 1.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII вв. / А.А. Преображенский. М., 1956. 302 с.

Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. 248 с.

Сигов П. Марийцы (черемисы) Уральской области. Историко-этнографические очерки // «Марий Эл», № 5-6, 1928. С. 88-103.

Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960. 162 с.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания в г. Свердловске. Т. XXXIX, с таблицами. (Bulletin de la Société Ouralienne d'amis des sciences naturelles. T. XXXIX avec planches). Свердловск, 1924. С. 81-113.

Шишонко В. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь, 1873. 177 с.

ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВНАЯ ЛЕКСИКА В ТОДЖИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Первыми исследователями языка, речи тувинцев-тоджинцев были М. А. Кастрен [1858], Т. И. Арцыбашева [1935]. В течение многих лет речь северо-восточных тувинцев исследовала диалектолог З. Б. Чадамба, в результате которой выпустила монографию «Тоджинский диалект тувинского языка» [1974]. С тех пор речь носителей тоджинского (или северо-восточного) диалекта почти не изучалась, хотя в диалектном отношении под непосредственным влиянием литературного тувинского языка произошло достаточно изменений.

Диалектная лексика, относящаяся к животному и растительному миру, можно сказать, изучена в не полной мере. Наименования некоторых реалий, которые входили в общеупотребительную лексику языка в прошлом, в наши дни стали забываться. Сбор и анализ таких слов является актуальной и важной задачей языковедов, лексикографов, поскольку они находятся под угрозой исчезновения. С учетом этого нами предпринята попытка исследовать охотничье-рыболовную лексику тоджинского диалекта тувинского языка.

Тоджа – основной район охотничьего и рыболовного промысла республики, развитие названных отраслей предопределяет наличие в языке множества слов и словосочетаний, выражающих специальные термины и понятия. Остановимся на нескольких лексико-семантических группах исследуемой темы.

1. Охотничья лексика

Диалектизмы, обозначающие наименования диких животных:

сарыг аңнар (букв. желтые животные по окрасу) – *чөлеге* лит. *сыын* 'марал самец', *бызаа* – детёныш марала до одного года, *сарадак* 'однолетний марал', *чудай сырыглык* – двухлетний марал, *чиңге сырыглык* – трёхлетний марал; *даъс, тош / адан* лит. *буур* 'лось-самец'; *шөл аңнары* – животные, обитающие в поле: *илиг / иниг* лит. *булан* 'самка лось', *хожагар миистиг даъс* 'годовалый лосенок', *адыр кестиг даъс* 'двухлетний лось', *айбыжа иниг* 'годовалая лосиха'

хая аңнары (букв. горные животные), т.е. наименования, относящиеся к копытным животным, обитают они в горных местностях: *кара-кулак* (букв. черное ухо) – детёныш косули, *хожагалдай* – годовалый самец косули, *сарчык* – годовалая косуля-самка, *шаараш-хулбус* – двухлетний самец косули, *хуран* 'косуля'; *чары-буга* лит. *черлик иви* 'дикий олень', *тавырга / шывыргын* лит. *эр то-оргу* 'самец кабарги', *азыглыг* (букв. клыкастый) – самец кабарги, *эшки* – самка кабарги, *шышкак азыглыг тавырга* – детёныш кабарга до года.

слова, относящиеся к медведю: *эш* 'медведица', *ак-моньяк / хур оол / медвежик* (< медведь + -жик – уменьшительно-ласкательный аффикс тувинского языка) – медвежонок до одного года, *чарыңды* – двухлетний медвежонок, *хоруспаш / бичии хоруспаш* – трёхлетний медвежонок, *улуг хоруспаш* – четырёхлетний медведь.

Медведь для большинства народностей самый почитаемый и потому всячески оберегаемый зверь. По этой причине в исследуемом диалекте имеется много иносказательных названий медведя, нами обнаружены следующие эвфемизмы табуированного слова *адыг*: *хайырган* лит. *хайы-ракан, ире(й)* (букв. дедушка), *иьргек* – самый большой медведь самец, *куьзуктаар* лит. *тоорук-таар* (букв. ходящий шишками; шишкующий), *чааш* 'спокойный, смирный', т.е. людям вреда не приносящий, *өвээгей* – один из вариантов эвфемизма, этимология пока неизвестна.

2. Рыболовная лексика

Носителям тоджинского диалекта знакомы следующие рыбы как объект рыболовного промысла: *кадыргы / кадырга* 'хариус', *бел* 'таймень', *мыйыт* 'ленок', мезил 'налим', *шуруш* лит. *шортан* 'щука'.

Кроме этих наименований встречается ряд специфических слов, т.е. названий рыб, которые не имеют параллелей в других диалектах и говорах тувинского языка: *ак-балык* (букв. белая рыба) 'сиг', *даъш* 'крупный сиг', *сеьдис / шедис* (озерная рыба) 'язь', *шереш / алага / сөөктүг балык* (букв. костистая рыба) 'сорога', *кызыл-адак* (букв. красная нижняя часть) 'подъязик', *шор* 'плотва', *сал-дыг-байлаң* (букв. усатый малёк) 'пескарь', *калбак-балык* (букв. плоская рыба) 'язь, один из видов', *солдат балык* – один из видов рыб, *шавага* 'малёк', *сыйтың* – речные мальки, *белчик* – маленький таймень, *уңгүрген* лит. *үүргене* 'рыбья икра'.

Наименования орудий лова.

В данной лексико-семантической группе слов зафиксированы наименования удочек, сетей:

Одним из древнейших способов лова рыбы были *илбектээр*, т.е. ловить, вытаскивать рыбу из проруби при помощи самодельного крючка, *серээлээр* 'ловить рыбу острогой', *бижектээр* лит.

бийжек-биле балыктаар ‘ловить рыбу ножом’, это такой способ, когда рыбу ловят при помощи специального орудия в виде вил или ножа.

Сыырткыш лит. *сыырткыыш* ‘удочка’ – рыболовная снасть – гибкая длинная палка, к которой прикреплена леса с крючком. От этого слова образован глагол *сыырткыштаар* лит. *сыырткыыштаар* – ‘удить рыбу при помощи удочки’.

Хөтпө лит. *кармак* ‘крючок’.

Спиңка / *испиңка* ‘спиннинг’ – рыболовная снасть, состоящая из удилица с катушкой и блесны. Отдельных частей спиннинга тере-хольцы называют на тувинский лад: *кадуушка* ‘катушка’ и *плеснаа* ‘блесна’ – металлическая пластинка, к которой прикрепляют крючок для рыбной ловли. В этом случае от существительного *спиңка* образуется глагол *спиңкалаар* / *испиңкалаар* – способ ужения спиннингом.

Четки ‘сеть для рыбной ловли’, а способ лова называется *четкилээр* ‘ловить рыбу с сетями’. Сеть – это приспособление из перекрещивающихся нитей, закреплённых на равных промежутках узлами, используемое для ловли рыб.

Нами зафиксированы диалектизмы, которые не встречаются в других диалектах и в литературном тувинском языке, например: *чул* – место для нереста, *балык оюну* (букв. игра рыб) – период или определенное время нереста, *докпак* ‘колотушка, используемая для глушения рыбы’, *лууңка* / *улууңка* ‘лунка, прорубь для ловли рыбы’, *доорба* ‘торба’ – специальный ящик для хранения улова, *идиш* – специальный сосуд из бересты для хранения улова, *мөөннүт черлер* лит. *ээрэм* ‘глубокое место, омут, пучина’, *дунчулаар* – зимовать, собравшись в кучу (о рыбах).

Как показывает предварительный анализ материала, охотничье-рыболовная лексика тоджинского диалекта, по сравнению с литературным языком и с другими диалектами весьма специфична. Следует отметить, что этот вопрос требует более тщательного и углубленного изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

Castren M. A. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussischen Kreises. St.-Pb., 1857.

Арцыбашева Т. И. О некоторых особенностях диалекта Тоджи // Языки зарубежного Востока, № 1, вып. XIX. М., 1935.

Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

З. Ф. Кулбирзина, *Өфө к.*

БАШКОРТ ТЕЛЕ ДИАЛЕКТТАРЫНДА БАРМАК ИСЕМДӘРЕ

«Бармак» һүзенең этимологияһы боронғо төрки теленең «*barmaq*» һүзенә барып тоташа. Әлеге вақытта эзербайжан, карағалпактарза - (*barmaq*), татарларза (бармак), төрөктәрзә (*parmaq*), иран төркизәрәндә, уйғырларза (*قارماق* — *barmaq*) исемдәре кулланыла. Башкорт телендә бармак янау (искәртеү, куркытыу), бармак осо менән дә теймәү (йәлләү), бармак аша карау (кемделер йә нимәнелер игтибарһыҙ калдырыу), бармак күрһәтһең дә көлөү (бушка көлөү) кеүек төшөнсәләр йәшәп килә. Һәр бармактың исеме менән көйләп әйтелгән һамактар за бар. Мәсәлән: баш бармак бау ишә, имән бармак имән кишә, урта бармак ут эзләй, аҫһыҙ бармак ат егә, сәтәкәй бармак сәй эсә. Йәки, был бармак – бабай, был бармак — әбей, был бармак – атай, был бармак – эсәй, был бармак – бәпәй, уның исеме – Сәтәкәй! һ.б.

«Баш бармак»тың (большой палец) башкорт теле диалекттарында варианттары күп түгел. Төньяҡ – көнбайышта **баш барнак** булһа, күп осрақта ул үз исеме менән йөрөй. Казакса «бас бармак», кырым-татар телендә «баш пармак» мәғәнәһендә калған.

«Һук бармак» (указательный палец) – ғәйнә, урта урал, һөйләштәрәндә **баланбармак**, һакмар диалектында — **баланөйрәк**, төньяҡ-көнбайышта — **имәнбарнак**, ығрыз һөйләшендә **күзәмбармак**, күбәләк һөйләшендә **һуппармак**, урта һәм йылайыр һөйләштәрәндә **күзәүгес**, **күзәүес**, езем һөйләшендә – **күрһәткес бармак**, көнсығыш диалектта – **балан өйрәк**, изел башы – **бур бармак**, мейәс – **сит бармак**, салйот, мейәс, арғаяшта – **ситке бармак**, күбәләк һөйләшендә – **сөтәбә бармак**, изел башы һөйләшендә – **сәп бармак** атамалары менән йөрөй. Сағ.: »һук бармак» казакса **балаң үйрәк**, кырым – татар телендә - **ишарет пармак**, **иман пармак**, **косьтергич пармак**.

«Урта бармак»тың – арғаяш, һакмар һөйләштәрәндә — **уртатирәк**, ғәйнәләрзә - **атбармак**, күбәләк һөйләшендә - **урта төрөк** атамаларын осратырға мөмкин. Сағ.: казак, кырым-татар телдәрәндә лә урта бармакты «ортан терек», «орта пармак» тип йөрөтәләр.

«Сығанак бармак»тың (безымянный палец) атамалары бик күп һәм улар бер-береһенән ныҡ айырыла. Ғәйнә һөйләшендә сығанак бармакты **уйынкубыз** тип атап йөрөтәләр. һакмар һөйләшендә **хәмзәбармак**, арғаяшта – **йәнсе бармак**, күбәләк һөйләшендә - **йөрәк пармак**,

кырккырауыс, дим, инйэрзэ — **сегэнсэк**, мейәстә — сөрәгәй, ә бөрийән, инйәр һөйләштәрәндә **сығанак бармак** килеш калған. Сағ.: казакса — **шылдыр шүмек**, кырым-татар телендә — **адсыз пармак**, пади пармак. сығанак бармак казакса — **шылдыр шүмек**, кырым – татар телендә - **адсыз пармак**, пади пармак, Күренеүенсә, миҗалдарза бер ни тиклем уртаклык бар.

«Сәтәкәй бармак» (мизинец) иң бәләкәй бармак булганға күрә, исемдәре лә **кескибармак** (каризелдә), **тәпәсәйбармак** (урта урал), **әнәчәбармак** (каризел, төньяк-көнбайыш) **тәпәсәйбармак** (урта урал), **кесбармак** (эйек), **кеҗәкәй бармак** (дим), **кечтекәй бармак** (танып), **бәпес бармак** (басу), **бәпесәй** (т. көнс.), **ситәкәй** (изел башы), **сәтәкәй** (кызыл, күбәләк) тип йөрөтөлә. Сағ.: сәтәкәй бармак казакса — **кипкентай бөбек**, кырым – татар телендә **кичик пармак**, **чинатий пармак**, **сынбырча пармак**, **уфакь пармак** тип атала. Күренеүенсә, башка телдәр менән сағыштырып карап, миҗалдарза бер ни тиклем уртаклык булуын күрергә мөмкин.

Күп кенә озонлок үлсәү берәмектәре лә «бармак» менән бәйле. Мәсәлән, баш бармак менән бөкләнгән һук бармак араһындағы озонлокто көнсығыш диалектында «һынык һөйәм» тип йөрөтәләр. (Эй һөйләшендә был һүз киптерергә һөйләнгән как ағаска карата кулланыла). Шулай ук, көнсығыш диалектта «сирек» — кирелгән баш бармак менән һук бармак аралығындағы озонлок үлсәү берәмеге булып һанала. Урта бармак менән баш бармак араһынан торған үлсәү берәмеге әй һәм күбәләк һөйләштәрәндә «кирә» (*кирә сирек*) тип атала. Каты тиренән эшләнгән уймакты күбәләк һөйләшендә бармаксын тизәр. Эй һөйләшендә был һүз һалкында эшләгәндә бармактарға тегелгән кулайламаға һәм бирсәткәгә карата кулланыла. Арғаяш һөйләшендә бармак битенә үз исеме бар — **үрәй**. Көнсығыш диалектында быуыны төшкән бармакка **тупыс** тиһәләр, һакмар һөйләшендә ул шәбеһе төшкән бармакка карата әйтелә. Эй һөйләшендә **тупыс** бармак быуынын аңлата.

Р.Н. Кызылбаева, М.Ю. Кызылбаев. Учалы р.

УЧАЛЫ РАЙОНЫ КӘРИМ АУЫЛЫ ҺӨЙЛӘШЕНЕҢ ФОНЕТИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Учалы районы Кәрим ауылы башкорттарының теле көнсығыш диалекттың мейәс һөйләшенә карай. Һөйләштең фонетик үзенсәлектәрәнә түбәндәгеләр инә:

у < о — әзәби телдәгә кайһы бер һүзәрзең *о* өнә һөйләштә *у* өнә менән кулланыла: *һурай, һурау, туғайнык, бушыныу, эс бушыу, башкурт, байгуш, йәйгур*. Әзәби телдә: *һорай, һорау, торғайнык, бошоноу, эс бошоу, башкурт, йәйгор, байгош*.

ү < өй — әзәби телдәгә *өй* өндәре кушымалар (дифтонгылар) урынына һүзең башында һөйләштә *ү* өнә кулланыла: үрзәк, үрә, үрәнеү, үрәнсек, һүрәтеү. Әзәби телдә: *өйрәк, өйрә, өйрәнеү, өйрәнсек, һөйрәтеү*.

у < ы — әзәби телдәгә кайһы бер һүзәрзең тәүге һәм азақкы ижектерәндәгә *ы* өнә урынына һөйләштә *у* өнә кулланыла: *буйма, купандау, балдуз, боламук*. Әзәби телдә: *быйма, кыпанлау, балдыз, боламык*.

и < ә — һүзең тәүге һәм азақкы ижектерәндә әзәби телдәгә *ә* һузынкыһы урынына һөйләштә *и* өнә килә: *киңәш, фирештә*. Әзәби телдә: *кәңәш, фәрештә*.

е (э) < и — кайһы бер һүзәрзең тәүге ижегендә әзәби телдәгә *и* өнә урынына һөйләштә *е (э)* өнә кулланыла: *зрәү, эшетәү*. Әзәби телдә: *ирәү, ишетәү*.

е (э) < ө — бер нисә һүзә әзәби телдәгә *ө* өнә урынына һөйләштә *е (э)* өнә кулланыла: *әндәшеү, кетәү*. Әзәби телдә: *өндәшеү, көтөү*.

з < д < л — һөйләштең иң төп үзенсәлеге буларак, тамыры яңғырау тартынкыға бөткән һүзәр ялғауы әзәби телдә *л* өнәнән башланған осрактарза уның урынына һөйләштә даими рәүештә *з* һәм *д* өндәре кулланыла: *һөйзәү, йаузык, һаззык, бөрзөгән, орзок, белемде, йәндек*. Әзәби телдә: *һөйләү, яулык, һазлык, бөрлөгән, орлок, белемле, йәнлек*.

т < л, әгәр тамыры һаңғырау тартынкыға бөткән һүзәрзең ялғауы әзәби телдә *л* өнәнән башланһа, һөйләштә уның урынына даими рәүештә *т* өнә кулланыла: *эштәү, баштау, таштау, йәштек, иптәп, коттау* һ. б. Әзәби телдә: *эшләү, башлау, ташлау, йәшлек, ипләп, котлау*.

д < т — күп һүзәрзең башында әзәби телдә *т* өнә килгән осракта һөйләштә *д* өнә кулланыла: *дәрән, дегәнәк, дары, дуғай, дән, дуғарыу*. Әзәби телдә: *тәрән, тегәнәк, тары, туғай, тән, туғарыу*.

һ м с, х — бик аз һүзәрзә әзәби телдәгә *с, х* өнә урынына *һ* өнә кулланыла: *һырмалсык, һәтте, һәзер, һатта, һөкәмәт*. Әзәби телдә: *сырмалсык, хәтле, хәзер, хатта, хөкүмәт*.

ж < й — һирәгерәк әзәби телдәгә *й* өнә урынына *ж* өнә күзәтелә: *жарыу, жан, Жәүәт, Жеүәйрә*. Әзәби телдә: *ярыу, йән, Йәүәт, Йеүәйрә*.

Учалы районының Кәрим ауылында көнсығыш диалектының мейәс һөйләшендә аралашалар. Һеззең иғтибарға үзәбеззең карамакк үзенсәлектә тип табылған фонетик күренештәрзе тәкдим иттек.

ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЙ «МАТЬ» И «ОТЕЦ» В ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА*

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09-06-00 –304а

0. Настоящая работа написана на основе комментариев к картам «Мать» и «Отец» диалектологического атласа удмуртского языка, составляемого в лаборатории лингвистического картографирования Удмуртского государственного университета. Описание названий, подвергнутых картографированию, как правило, мы начинаем с русских заимствований, если таковые имеются, продолжаем словами исконного происхождения и завершаем тюркизмами. В ходе исследования основной упор делаем на рассмотрение распространения явлений и несколько меньше уделяем внимание происхождению картографируемых слов, поскольку большинство из них всесторонне рассматриваются в обстоятельно написанной монографии Энико Сий «Термины родства и свойства в удмуртском языке» (1998).

1. ПОНЯТИЕ «МАТЬ»

1.1. **мама, мам.** Слово *мама* больше всего распространено в верхнечепецком диалекте северного наречия и средне-восточном диалекте. В указанных диалектах оно употребляется не только молодым и средним, но и старшим поколением, вытеснив исконное слово или старое заимствование для обозначения матери в состав пассивной лексики. Также широкое функционирование оно имеет и в некоторых других группах срединных говоров. В нижне- и среднечепецком диалектах северного наречия слово *мама* можно услышать в целом только в речи молодого поколения. Приблизительно такая же картина в южном наречии, в котором, оно не получило ещё сплошного распространения. Ареал бытования формы *мам* практически полностью совпадает с границами глазовского и бalezинского говоров среднечепецкого диалекта северного наречия. Существует мнение, что слово *мама* является удмуртским термином родства, относящимся к словам детского языка [Сий 1998, 84]. На самом же деле его следует относить к поздним русским заимствованиям, интенсивно проникающим во все диалекты и постепенно вытесняющим прежние слова, выражающие понятия «мать», «мама».

1.2. **мумы, мыпый.** Слово *мумы* как название матери известно практически на всей территории северного наречия; за его пределами зафиксировано только в отдельных опорных пунктах в ареале срединных говоров. Форма *мыпый* записана в д. Светозарево (2, слободской говор), вариант *мыпый* – в п. Лытка (5) и с. Люм (26) (глазовский говор). Для косинского говора (6, 8, 9) характерен вариант *мапый*. Удмуртское слово *мумы* ставят в родство с коми словом *мам* 'мать, мама', [Wichm., 165; КЭС, 170]. Но такое родство подвергают сомнению [Сий 1998, 38]. С нашей стороны следует отметить, что фонетического препятствия родства удмуртского и коми слов не существует.

1.2.1. **нэнэ, ноной.** Первое из названий имеет достаточно обширный ареал. В первую очередь оно характерно для срединных говоров, также собственно южного диалекта, но встречается и в северном наречии. Форма с конечным *-й* – *нэнэй* в основном распространена в собственно южном диалекте, также встречается в некоторых населённых пунктах, представляющих срединные говоры. Слово *ноной* бытует в средне-западном диалекте: в опорных пунктах 10, 11 (Унинский р-н, Кировская обл.). Данное слово, употребляемое чаще при обращении, может реализоваться также в сокращённой форме – *ной*, которая зафиксирована и в с. Нов. Мултан (86в) Увинского района. Энико Сий, ссылаясь на Ахметьянова (1981), пишет, что «Слова *пепе, попо(й), тере(й)* выступают как татарские заимствования в детской речи» [Сий 1998, 84].

1.3. Лексема **мэмэй** распространена в срединных говорах, частично в средне-южном говоре. Вариант *мэмэ* известен в основном в юго-западной группе срединных говоров. Слово *мэмэ(й)* возводят к татарскому языку, в котором оно принадлежит к детской речи [Сий 1998, 38, 106].

1.4. **анай, а|кай.** Слово *анай* в первую очередь употребляется в южном наречии. В периферийно-южном диалекте оно распространено повсеместно, за исключением канлинского (173) и красноуфимского (175) говоров. Для центрально-южного диалекта также характерно почти сплошное употребление слова *анай*, исключением является только средне-южный говор. В пределах срединных говоров записано в некоторых опорных пунктах на границе с южным наречием. Также слово *анай* употребляется в бесермянском наречии (226, 36, 45, 46, 49). Вариант *а|кай* употребляется в закамских говорах. Слова *анай, ани, аныкай, анакай* относят к татарским заимствованиям [Алатырев, 1988, 93; Сий 1998, 80].

1.5. Слово **инай** употребляется в ташкичинском (167, 173), канлинском (173) и красноуфимском (175) говорах периферийно-южного диалекта. В отношении происхождения следует сказать, что Энико Сий [1998, 82–83] данное слово относит к башкирским заимствованиям.

2. ПОНЯТИЕ «ОТЕЦ»

2. 1. **папа, пап.** Слово *папа* употребляется практически во всех диалектах, за исключением периферийно-южного диалекта. В северном наречии зафиксировано в некоторых говорах среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов; представлено также в срединных говорах и южном наречии. Слово *пап* бытует в среднечепецком диалекте. Слова *папа, пап* заимствованы из русского языка.

2. 2. **г'аг'а, г'аг'.** Лексема *г'аг'а* употребляется в верхнечепецком диалекте северного наречия, достаточно широко представлена в срединных говорах, встречается также в собственно южном диалекте. Вариант *г'аг'* функционирует в среднечепецком диалекте северного наречия. Исследуемые слова заимствованы из русского языка [Сий 1998, 73–74].

2. 3. Слово **д'ад'ай** функционирует в южной группе срединных говоров, а также в собственно южном диалекте. Вариант без конечного *-й* – *д'ад'а* широко распространён в срединных говорах, при этом преимущественно в западной группе. Слово *д'ад'а(й)* восходит к русскому языку [Сий 1998, 70–73].

2. 4. Лексема **айы** в качестве слова для обозначения отца распространена преимущественно в северном наречии; также употребляется в срединных говорах. Является словом финно-пермского происхождения. В частности ставится в родство с коми словом *ай* ‘самец, отец’ [КЭСК, 31; UEW, 609].

2. 5. Слово **бубы** в настоящее время преимущественно употребляется в северном наречии (северо-восток УР); кроме того, записано от уроженки д. Павловцы (6а) Богородского района Кировской области. В незначительной мере встречается в срединных говорах. Слово *бубы* (*буби*) ‘отец, папа’ В. И. Алатырев [188, 176] относит к тюркизмам без указания конкретного языка, а С. В. Соколов [1997, 87] – к татарским заимствованиям. Мы полагаем, что исследуемое слово, а также название дедушки *буба* являются собственно удмуртскими словами, возникшим как ласковое обращение в детской речи, ср. рус. *папа, баба*, тат. *бабай*. С другой стороны, близкие в фонетическом и семантическом отношении слова можно найти не только в тюркских, но и других языках, ср. например: тадж. *бобо* ‘дед, дедушка’, непал. *buba* ‘отец, папа’. Следовательно, иранская версия происхождения может быть ещё одной альтернативной этимологией удмуртских слов *буба, бубы*.

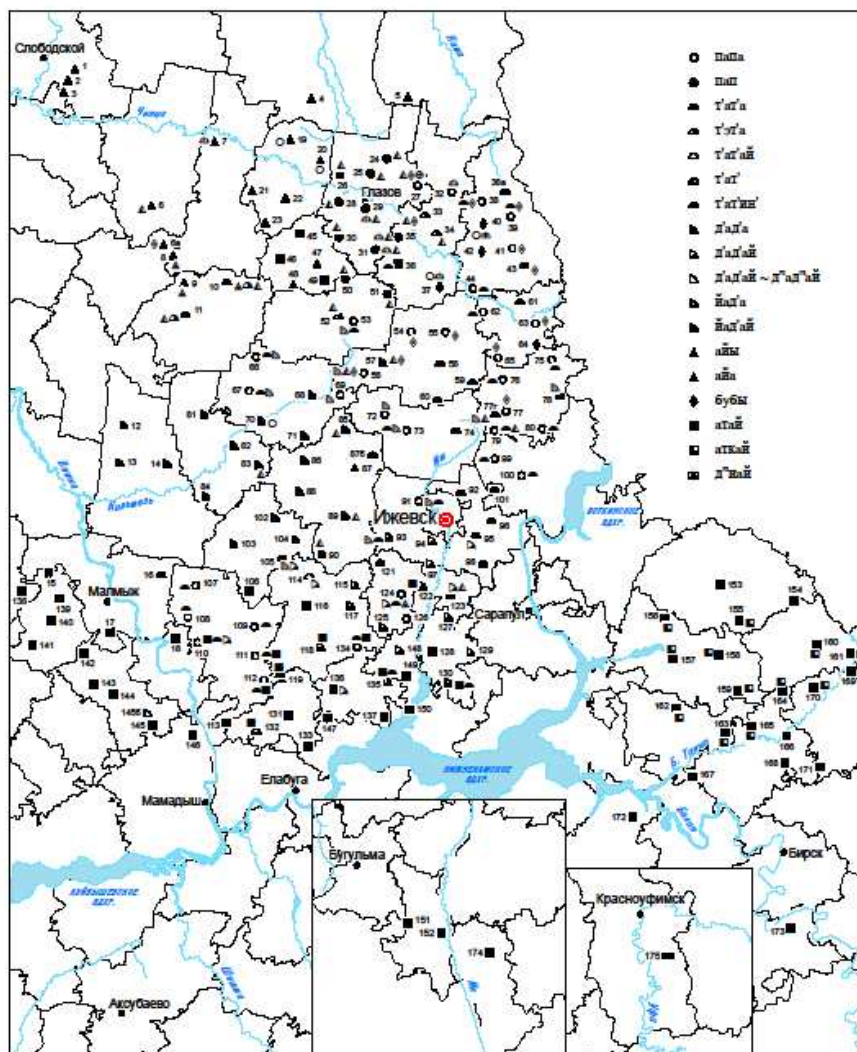
2. 6. **атай, аткай.** Слово *атай* функционирует преимущественно в южном наречии, встречается в некоторых группах срединных говоров, характерно для бесермянского наречия (36, 45, 46, 49). Модификация *аткай* употребляется чаще в функции ласкового обращения; в территориальном отношении в основном распространена в периферийно-южном диалекте. Слова *атай, атыкай* относят к тюркским заимствованиям [Алатырев, 1988, 130; Сий 1998, 80].

2. 7. Слово **д'най** употребляется в красноуфимском говоре периферийно-южного диалекта (175). По происхождению, как и слово *инай*, должно восходить к татарскому языку.

3. Исследование слов, выражающих понятия «мать» и «отец» в удмуртском языке позволяет проследить их историю возникновения, развития и функционирования в современных диалектах. Наиболее древним из них является слово *мумы*, восходящее, по-видимому, к общепермскому времени, и *айы*, которое в финно-пермский период имело значение ‘отец; большой’. В ходе исторического развития система терминов родства испытала сильное влияние со стороны контактирующих языков – первоначально булгарского и татарского, из которых были заимствованы не только лексические единицы, но и модели образования терминов. В течение нескольких последних столетий отмечается усиленное влияние русского языка, что ведёт к постепенной замене исконных и ранее заимствованных терминов родства и стиранию особенностей их функционирования.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. Ижевск, 1988. 240 с.
Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 431 с.
Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest: Akadémiai kiadó, 1998. 217 с.
Соколов С. В. Этимологической пичи кылбугор // Вордскем кыл. 1997. 5-ти №. 84–88 б.
Татар теленен диалектологик сузлеге (= Диалектологический словарь татарского языка) / Сост. Н. Б. Борганова, Л. Т. Махмудова, З. Р. Садыкова, Г. К. Якупова. Казань, 1969. 643 с.
Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Rédei. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986–1991.
Wichm. = Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

З. Р. Миндибаева, Мәсетле р.

РИНАТ КАМАЛДЫҢ ӘСӘРЗӘРЕНДӘ ДИАЛЕКТ ҺҮЗЭРЗӘҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Ринат Камалдың «Озонтал», «Сабыр йән», «Ағай-энеләр» әсәрзәрендә кулланылган диалект Һүзәрзәң күбәһе — кәрәшлек терминдары: *инәй* — әзәби телдә әсәй, *әтей*, *карттай* — олатай, *кәртнәй* — өләсәй, *быуай* — бабай, *тәнәй* — ирзәң бер туғанының улына карай әйтелә, *иркәм* — кусты, һеңле, *балдыз* — ирзәң кустыһы, *әбей* — әсәйзән өлкән апай (әзәби телдә инәй) һ.б. Һүзәр осрай.

Языусының әсәрзәрендә кешеләрзәң холок һызаттарын билдәләгән Һүзәр зә үзенсәлекле. Мәсәлән, кызыу холокло кеше «Аға-энеләр» романында *кызмаса* тип әйтелә. Ышаныслы басып йөрөгән, бошмас кешене «*манма басып йөрөй*» тип кылыкхырлай Р. Камал. Әзәби телдәге кылынсык Һүзән «*шыйкандак*» Һүзе менән алмаштырһа, тиз кызыгусан кешене «*жендекәй*» тип атай. Әзәби телдәге *исәр* Һүзе көнсығыш диалекттағы «шакай» Һүзе менән алыштырыла. Бер катлы, донъяны алһыу күзлек аша ғына күргән кыз баланы бер Һүз менән генә «шәмәк» тип атай.

Көнсығыш диалекта ғына кулланылган кылымдарзы ла әсәрзәренә индергән Ринат Камал. *Манма басып йөрөү* кушма кылымы ышаныслы атлап йөрөүзә аңлата. Әзәби телдәге *ошаклау* Һүзе — башырыу, *хур итеү* — ысым итеү, *илау* — өнрәү, *бошмау* — моңшаймау, *үзәң көс һалып эшләү* — әңкәндәү, *тилергән* — саташкан Һүзәрзә менән алмаштырыла.

Тормош-көнкүрешкә кағылышылы Һүзәргә килгәндә, Ринат Камал уларзы һирәк, әммә урынлы куллана. Бындай Һүзәр әзәби телдәге Һүзәрзән фонетик составы менән генә айырылмай, морфологик яктан карағанда ла үзенсәлекле. Әзәби телдә *аш бүлмәһе* тип йөрөтөлгән бүлмәнең атамһы кашыяк, *икмәк* — әпәй, *көрпә* — өнөрө, *кәртә* — текмә, русса забор. Туй йолаһына

кағылышлы ике һүз кызыклы. Береһе — *ижап*, эзәби телдә никах, тип әйтелә. Икенсәһе — *ығырмау*, был һүзәң әй һөйләшсәһендә сук тип тә атала. *Ығырмау* — кейәү яғына күсеп килгәс, килендә яуыз күзәрзән һаклау өсөн таратылған, ике башы суклы, үрелгән бау була. Ул төрлө ептәрзән үрелә. Әлбиттә, был күренеш йола талабы буларак кына һакланған, практик әһәмиәтен юғалткан. Мал-тыуар атамаларынан *кыштау* һүзә бирелә. Бер йыл кышлаған мал — кыштау була. *Мискәне* көнсығыш диалектта сапсак, *сынаякты* сөңкә тип йөрөтәләр.

Һаз, һырт менән камаулы урынды атар өсөн дә Ринат Камал диалект һүз кулланған — *токон*.

Көнсығыш диалекттың әй һөйләшәндә кулланылған үзенсәлекле модаль һүзә лә телгә алмай булмай. Ул — икеләнеүзә белдергән модаль һүз *шай*. «*Езнәм Мәғзәнгә килгән шай*», эзәби телдәге «шикелле»гә тап килә.

Фразеологик берәмектәргә килгәндә, Ринат Камал көнсығыш диалектта ғына әйтелгән нығынған һүзбәйләнештәрзә куллана. «Мотай заманындағы» тигән фразеологизм «әллә касанғы, онотолоп бөткән» тигәндә аңлата. Әрһез кешене «әрһез алабай» тип атай. Эзәби телдә «акман-токман» тип йөрөтөлгән бурандар көнсығыш диалекттың әй-миәс һөйләшәндә ике төрлө әйтелә: «насый бурандары», «шакай бурандары». «Сабыр йән» романында был нығынған һүзбәйләнештәң «насый бурандары» тигәнә кулланыла.

Көнсығыш диалекттағы әй-мейәс һөйләшәндәгә күп кенә һүзәр үзәрәнең фонетик йөзә менән эзәби телдәгә һәм һөйләштәгә һүзәрзән айырыла. Мәсәлән, күп һүзәрзәң башында *й* урынына *ж* осрай. *Жыя* — йыя, *жыйын* — йыйын, *жарыу* — ярыу (тукмау мәғәнәһендә). һүз башында, һүз уртаһында *ө* хәрәфе *ү* өнөнә әйләнә. Мәсәлән, «күркә» һүзә «көркә» тип әйтелә. Бынау, бында кеүек күрһәтеү алмаштарындағы *б* өнө *м* менән алыштырыла, «мынау», «мында» тип әйтелә.

Шулай итеп, Ринат Камалдың романдарындағы диалект һүзәрзә, уларзың лексик, фонетик, морфологик үзенсәлектәрән тикшергәндән һуң, шундай һығымтаға килдем: языусы әсәрзәрәндә диалект һүзәрзә урынлы куллана. Геройларының телмәрән байытыу, характерын асыклау өсөн кулланылған һүзәр эзәби телдәгә күп һүзәрзәң синонимы булырзай. Был һүзәр эзәби телдә байытыусы сығанактар за була ала, ерле халыктың телен, тормош-көнкүрешен асыклауза һәм һүрәтләүзә уларзың роле зур.

ЭЗӘБИӘТ:

Ишбулатов Н. Х. Башкорт тел һәм уның диалекттары. Өфө, 2000.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно- историческом освещении). М., 1976.

Камал Ринат. Таш койо. Өфө, 2007.

Камал Ринат. Озонтал. Романдар. Өфө, 2003.

О. А. Мудрак, г. Москва

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ВОПРОСНИК ПО КЫПЧАКСКИМ ЯЗЫКАМ

Значения основ даются приблизительными, их каждый раз следует уточнить.

В именах обязательно спрашиваются личные формы, по крайней мере 3sg.

В глаголах обязательно спрашиваются формы инфинитива (супина или отглагольного имени), начинающиеся на гласный.

Выделенные большими буквами согласные могут произноситься как глухо, так и звонко, следует обращать внимание на их произношение и записывать правильный для конкретного языка (диалекта) вариант. В части случаев на месте большой буквы может ничего не быть, т.е. согласный может отсутствовать.

Список не является окончательным и приветствуются его дополнения, актуальные для нескольких кыпчакских языков.

Вопрос 1.

аРi%oqa 'муж, старик', а%o- 'открывать', а%o 'голод', а%oaj 'старший родственник женского полу', а%oi- 'жалеть', а%oi 'горький, кислый', %oа%o- 'рассыпать', %oа%oаq 'бахрома', %oа%o 'волосы', %oа%oа- 'закашляться', аq 'белый', аq- 'течь', аҫа%o 'дерево', баq- 'смотреть', саq 'бдительный', Јаq- 'сторона', %oаq- 'высекать огонь', %oаq 'время', баQа 'лягушка', ЈаQа 'воротник', %oаQа 'ребенок, детеныш', баQai 'щиколотка', баQапа 'ягненок (или шура)', баQaj 'копыто', аQа 'старший родственник мужского пола', саQа 'альчик, бабка', саQаq 'жабры; часть шеи; борода', саQапаq 'концы палочек в решетке юрты', таQааq 'корыто', баQir 'медь', %oаQir 'светло-серый', саQiz 'смола', саQin- 'думать, размышлять', ТаQi 'кроме, еще', таQап 'козлы,

тренога', JaQilPaj 'ястреб', baqra 'куколь', aQirin 'медленно', aqça 'деньги', Jaqtı 'свеча', Jaq- 'светить', al- 'брат', bal 'мед', %aal- 'бить, хлестать', %aal- 'заворачивать', Jal 'грива', tal 'ветка; ива', tal- 'терять силы', sal- 'класть', talQin 'волна', qal- 'оставаться', bala 'ребенок', balaQ(aj) 'маленький, небольшой', Jala 'подозрение', alama □ ala□ 'дурной', ala 'пестрый', Jala□ 'степь', Jala□ 'голый', tala- 'нападать, грабить', tala- 'кусать', qala- 'нагромождать', Jala- 'лизать', JalPar- 'требовать, нанимать', alTi 'впереди', alTi 'шесть', balTi 'топор', ala□ 'равнина', Jalin- 'пылать', alQi□ 'восхваление', JalQan 'ложь', JalQiz 'одиноким', bal%oi□ 'болото, грязь', balTaq 'рукоять', balTir 'икра ноги', %altir 'голень', JalPaq 'плоский', balan 'калина', baliq 'рыба', qalim/□ 'выкуп', qali□ 'толстый', salma- 'петля, праща', JalPaq 'широкий', qalPaq 'шапка', salmaq 'увесистый', salPi 'обвислый', samar 'мешок (спец.)', tam- 'капать', tam 'стена', tamir 'жила, корень', qami□ 'камыш', ana 'мать', aniq 'готовый', tamQa 'знак, пятно', a□Qa- 'широкий', Jam 'почтовая станция', Jama- 'латать', Jaman 'скверный', Jamiz 'пах', tamiz- 'жечь, зажигать', qama□- 'уставать, изнемогать', qama 'выдра', qamQaq 'солянка, поташник (раст.)', JamGur 'дождь', qanat 'крыло', qan- 'удовлетворяться', san 'голень; часть тела', Jan- 'поворачивать назад', Jana 'опять, снова', Jan- 'гореть', Jani- 'угрожать', tani- 'знать, узнать', qan 'кровь', Jan%- 'ломать', Jan%oiq 'карман', qanTala 'клоп', %aa□Qi□ 'калина', %aa□Qi□Ta- 'тявкать, визжать', Ja□Qir- 'звучать', Ja□Qaq 'грецкий орех', a□(-) 'понятие, понимать', ta□- 'удивление', ta□ri 'бог', ma□- 'скакать', Ja□aq 'щека', Ja□aq 'косяк двери', Ja□a 'новый', sa□aq 'жабры', %ar- 'бить', %ar%- 'бочка', sar 'ручка', sar- 'вдевать нитку', qar%- 'пузырь, мошонка', sar- 'уйти с дороги', qar- 'кусать', qarPin- 'загореться', qarPan 'кабан', qarPQaq 'крышка', qarPal 'бок', qarPar- 'нарывать', qarPa 'распухший', qarPiq 'кора', aPa 'старший родственник женского полу', aPa 'отец', aPaça 'ольха', arPa- 'колдовать', arPa 'ячмень', saPan 'плуг', saPan 'солома', JaP- 'покрывать', JaPa 'вилы, лопата', taPa- 'топтать', qaPaq 'веко', saPaq 'ветвь, кисть', saPir- 'махать, развеивать', Jar□- 'приклеиться', JarPi□Qa 'вошь, гнида; пиявка', JarPirQaq 'лист', taPin- 'поклоняться', tar- 'находить', tarpa- 'тесать', %ar%- 'трясогузка', %ar%- 'прыгать', ar 'совесть', bar- 'идти, уходить', bar 'имеется', Jar 'обрыв', ari- 'уставать', %ar- 'точило', qar 'снег', qari□ 'пядь', aran 'хлев', ariw 'чистый', ari 'пчела', Jarin 'будущий год', ara 'между', ari□ 'оглобля', sar- 'обматывать, завертывать', sari 'желтый', sara□ 'жадный', sari(%) 'птица (орлиная)', sarimsaq 'чеснок', sarin 'заунывная песня', taram□ 'жильная нить', tari 'просо', tari- 'сеять', qari 'рука, локоть', qarın 'живот', qari□- 'встречаться', qaraq 'разбойник', qara 'черный', qaraq 'глаз', qaraQan 'акация', qaramiq 'куколь', baran 'баран', Jari 'кожица', Jariq 'свет', Jarliq 'приказ', sariq 'овца', arqa 'сзади', arQan 'аркан', JarQaq 'дубленая шкура', sarQi- 'капать, стекать', qarQa 'ворона', qarQa- 'проклинать', tarQaq 'хищная птица', qari □ qart 'старый', %orTan 'щука', tart- 'тянуть', arlan 'хомяк', armaj 'палач', barmaq 'палец', тармақ 'грабли', qarmaq 'удочка', JarPa- 'залезать', as- 'висеть', as 'горностаи', bas 'давить', basa 'еще', Jasa- 'управлять', Jasımuq 'чечевица', qasiq 'пах', bas 'цена', JasTi□ 'подушка', a□ 'еда', a□- 'переваливать через', a□iq 'лодыжка', ba□ 'голова', qa□ 'бровь', qa□i- 'чесать, скрести', qa□iq 'ложка, весло', ba□qa 'кроме', ba□maq 'обувь', ba□alTaj 'голеностоп', Ja□ 'год', Ja□ 'слеза', Ja□ 'молодой', Ja□il 'зеленый', Ja□in- 'сверкать', qa□Qa 'лысина, белое пятно', az 'мало', az- 'ошибаться, сбиваться', azir 'готовый', sazar- 'неметь, цепенеть', sazan 'сазан, рыба', Jaz- 'писать', Jaz 'весна, лето', Jazi 'плоский, степь', saz 'болото, грязь', qaz- 'копать', qazan- 'приобрести', qazan 'котел', qaziq 'колышек', qazi 'брюшной жир', at- 'бросать, стрелять', ta□ at- 'рассветать', at 'конь', at 'имя', atla- 'шагать', aTim 'шаг', aTa 'отец, дядя', bat- 'тонуть', batPaq 'болото', Jat- 'лежать', Jat 'чужой', JaTi□ 'удобный', JaTa% 'дужка кости', qati 'твердый', qat- 'смешивать', qaTaq 'гвоздь', sat- 'продавать', sata□- 'бредить', tat 'пятно', buTaq 'ветка', quQa 'тростник', tu□a- 'стреножить', i□an- 'верить', i□la- 'рыдать', Jiraq 'далекий', si□ar 'один из пары', qulaq 'ущербный', Jum□aq 'мягкий', qo□aq 'пояс', JuPar 'вонь, мускус', Jom(P)aq 'сказка, притча', qomta 'ящик', sonar 'собачья охота', qula% 'сажень, охват', sila- 'тереть, стирать', sura- 'спрашивать', soQan 'лук (раст.)', toPal 'кузовок', u□aq 'мелкий'

Вопрос 2.

Joq 'нету', %ooq 'угли, жар', %ooq(-) 'много, очень', oq 'стрела', soq- 'бить, ударять', soQir 'слепой', oQa 'позумент', oQi- 'читать', boQaq 'зоб', boQaz 'горло', boQirTaq 'кадык', boQana 'поджные ребра', JoQari 'вверх', %ooQi- 'клевать', %ooQin- 'молиться', toQi- 'ткать', toQa 'пряжка', toQin 'обод', ToQiz 'девять', qoQa 'тростник', qoQiz 'недостаточный', oQra 'прыщ', soQan 'лук (раст.)', toQal 'комолый', toQi- 'бить, ударять', toqli 'ягненок (до полугода)', u%iz 'легкий, тонкий', %oo%Qa 'поросенок', qo%Qar 'баран', bol- 'становиться', toli 'полный', toli 'град', qol 'рука', qol 'долина', qolaq 'инвалид', olaq 'неумелый', so(w)la- 'тяжело дышать', mol 'обильный', Jol 'дорога', Jolbars 'пантера', sol- 'вянуть', sol 'левый', %olaq 'калека', ulaq 'желоб', tolaQa- 'заворачивать',

tolQan 'волна', omir- 'ломать', qom 'вьючное седло', qomsi- 'жадный', %om- 'нырять', Jom(P)aq 'сказка, притча', qomta 'ящик', tom(P)a-laq 'круглый', tomar 'чурбан', on 'десять', Jon- 'строгать, тесать', Jonaq 'потник', sonar 'собачья охота', Joni%Qa 'клевер', qoni%o 'голенище', mon%aaq 'бусы', o□ 'правый', o□- 'линять', qo□ 'толстая часть бедра', so□ 'задняя часть, конец', to□ 'мороз', To□Qiz 'свинья', qo□Qiraw 'колокольчик', qo□Qir 'рыжевато-бурый', qo□Qiz 'жук', tor 'вместе', tor 'мяч', or- 'сосать', oPa 'порошок (белый)', toPilQi 'таволга, тальник', toPir%oiq 'шишка, бутон', toPal 'корзинка', toPiq 'коленная чашечка', toPan 'мякина', qoPiz 'музыкальный инструмент', oPqin / oPa 'водоворот, вихрь', toPraq 'земля', ot 'трава, сено', ot 'огонь', oTir- 'сидеть', oTiz 'тридцать', oTraw 'остров', tot 'пятно', JoTa 'голень, ляжка', oTaw 'шалаш', oTar 'пастбище', qotar- 'ломать, сдвигать', qotir 'парша', sor- 'сосать', bor 'мел', boran 'ветер', borsiq 'барсук', orin 'место', oram 'улица', orman 'лес', Jora- 'толковать сон', sura- 'спрашивать', JorQan 'одеяло', torQaj 'жаворонок', %orTan 'щука', tor 'сеть', qor 'закваска', qorti- 'вид рыбы', Josiq 'обычай', osal 'плохой, небрежный', bo□ 'пустой', qo□ 'пара', qo□- 'соединять', qo□ 'шалаш', qo□aq 'пояс', to□ 'увесистый', oz- 'бежать, спасаться', boz 'серый', toz 'береста', tozan 'пыль', qoz- 'бозбуждаться', qozi 'ягненок', soz- 'тащить', ul 'тот', ol 'этот'

Вопрос 3.

buq- 'прятаться', Juq- 'прилипать', ala-buQa 'окунь', buQa 'бык', JuQa 'тонкий', buQaw 'путы, цепи', uQin- 'понимать', qul 'слуга', bulaq 'источник', bulan 'лось', buTiriq 'куропатка', buQa- 'перемешивать', %ulQa- 'обматывать', %uPar 'пестрый', tul 'вдова', sul 'овес', uli- 'выть', uli 'большой, старший', bulin 'угол', bulit 'облако', qula- 'падать, скатываться', qula%o 'сажень', qula 'желтый, саврасый', qulaq 'уха', qulin 'жеребенок', tulim 'коса', ulta□ 'подошва', tumaw 'простуда', tumaq 'шапка', tum□iq 'рыло, морда', tumPujuq 'кувшинка', Jumran 'суслик', Jum□aq 'мягкий', umti- 'надеяться', sun- 'протягивать', munar 'туман', unit- 'забывать', una- 'соглашаться', mi□ 'мучение', bur- 'крутить, вертеть', bur%aaq 'горох', qursaq 'желудок', burQi 'трубка', urQa%oi 'самка', burin 'нос', murt 'усы', Jurt 'жилище', qurt 'червь', tur- 'стоять', turna 'журавль', Jurin 'лохмотья', qurim 'сажа', qur- 'строить', qur 'пояс', quri 'сухой', quri%o 'острый', quriq 'аркан', suri 'серый, бурый', ur- 'ударять', uri 'опухоль', urliq 'семя', but 'бедро, нога', buTaq 'ветка', ut- 'выигрывать', Jut- 'глотать', Jut 'бескормица', qut 'счастье', tut- 'держат, хватать', JuTiriq 'кулак', quTir- 'дуреть', utiri 'напротив', qum 'песок', qumalaq 'помет', Jum- 'закрывать, жмурить', Jumraq 'круглый, кулак', JumQaq 'клубок', qumQan 'кувшин', Jumran 'суслик', Jumi□ 'работа, служба', Jumiirtqa 'яйцо', qumlaq 'хмель', qunt 'внимание', qunTaq 'пеленки', bus- 'прятаться', qus- 'блевать', sus- 'черпать', bu□- 'быть раздраженным', qu□ 'птица', tu□ 'напротив', tu□a- 'стреножить', u□aq 'мелкий', u□aq 'клевета', u%o 'конец', u%o- 'лететь', u%oin- 'появиться (о сыпи)', qu%o- 'обнимать', u%oa 'крестец', uzin 'длинный', uzaq 'далекий', buz 'лед', buz- 'разрушать, вредить', buzaw 'теленки', Tuz 'соль'

Вопрос 4.

%oiq 'мокрый', %oiq- 'выходить', siq- 'давить, жать', tiq- 'набивать, втыкать', biQin 'бедро', %oiQanaq 'колючка; засов; локоть', bi%Qaq 'нож', i%Qin- 'теряться', qi%Qir- 'кричать', %oi%- 'испражняться', %oi%Qan 'мышь', qil 'волос', qil- 'делать', Jil 'год', Jil- 'ползать', Jilan 'змея', Jila- 'плакать', qilaw 'иней', Jili 'теплый', Jilim 'костный мозг', qili 'ручка, ухо', Jilim 'сеть', JilQi 'табун', qilQan 'ость колоса', biTir 'прошлый год', tiTaq 'причина', tilma%o 'переводчик', im 'знак', imiz 'дымка', imirt 'сумерки', Tim 'молча', %oitm 'дерн', %oitm%oi- 'щипать', %oitmTi- 'щипать', qimti- 'подворачивать', Jin 'содержимое желудка', qin 'ножны', sin 'тело', tin 'дыхание', tini□ 'спокойный', sin- 'ломаться', mi□ 'тысяча', ti□ 'очень', si□ar 'один из пары', ti□la- 'слушать', i□QiTaq- 'плакать', qi□Qir 'косой', %oiPin 'муха', %oiPan 'фурункул', %oiPiq 'ветка', %oiPirQi 'плетка', %oiPir%oiq 'мелкая птичка', JiPar 'мускус, запах', siPir- 'жадно глотать', qirQin 'искра; зола', Jir- 'разрывать', biraq- 'бросать', sir- 'простегивать', iriq 'предсказание', ir 'песня', Jir 'песня', qir- 'брить', iraj 'характер', siriq 'шест', qiraw 'иней', qir- 'край', tirnaq 'ноготь', qirQ- 'стричь', qirq 'сорок', qirQij 'сокол', sirQa 'серьга', qirti□ 'кора', sirt 'спина; взгорье', qit- 'скудный', qiTir- 'обходить вокруг', iTi□ 'сосуд', %iTaq- 'терпеть', is 'дым, запах', issi 'теплый', qisir 'яловая', qisqa 'узкий, тесный', mi□iq 'кошка', i□an- 'верить', qi□ 'зима', i□ 'дым, копот', i□i- 'тереть, царапать', qi□i- 'скрести, чесать', tiz- 'убегать', qizQan- 'собирать, желать', ilmaq 'петля', izan 'межа', qizil 'красный', qiz 'девушка', siz- 'сочиться', siz- 'чертить', siz 'ломота'

Вопрос 5.

ne 'что', Te- 'сказать, говорить', Je- 'есть, кушать', ek- 'сеять', Jek 'плохой', kek 'гнев', tek 'нечетный', eKi 'два', eKew 'напильник', bek 'крепкий, прочный', beKe 'складной нож', Jeker-

'бранить', teKe 'баран', %eKe 'висок, скула', %eKe- 'лес', %eKerTek 'орех', %eKirtKe 'кузнечик', %eKin 'кочерыжка', eKe- 'дерзить, ссориться', seKiz 'восемь', beKire 'стерлядь', eKer 'лягавая собака', seKir- 'прыгать, скакать', keKir- 'рыгать', keKirTek 'глотка', keKire- 'изгибаться', keKej 'спица колеса', keK□k 'кукушка', teKene 'корыто', teKiz 'ровный', et 'мясо', et- 'делать', bet 'лицо', KeT- 'уходить', Jet- 'достичь', eTek 'подол', eTmek 'хлеб', teTe 'хороший', ete%o 'петух', eTik 'обувь', JeTi 'семь', JeTim 'сирота', ketik 'зарубка', ketmen 'мотыга', %e%o- 'развязывать', Ke%o- 'переправиться', Ke%o(e) 'вечер, вчера', %e%eek 'цветок', el 'страна', bel 'поясница', bel 'лосось', Tel- 'продырявить', Teli- 'отдать теленка', Kel- 'приходить', keli□- 'свататься', Kele%oi 'сват', Keliп 'невестка', Jel 'ветер', Jel- 'бежать рысью', el(K)ek 'сито', belek 'подарок; приплод', mele□ 'рябина', elik 'косуля', Jelim 'клей', Jelin 'вымя', Jeli 'веревка для привязывания', keli 'ступка', beli□ 'пирог', elt- 'нести, вести', belKi 'может быть', e□t- 'ходить, брести', TelPe 'сумасшедший', JelPi- 'махать', кем 'меньше', Kemi 'лодка', neme 'вещь', KemiK 'кость (спец.)', Jemi□ 'овощи, фрукты', Jemi- 'разрушать', Kemi- 'грызть, глодать', semiz 'жирный', emKek 'мучение, болезнь', JemKek 'темя, родничок', em%ek 'женская грудь', men 'я', sen 'ты', kene 'клец', Jene 'опять, снова', Kenep- 'получать удовольствие', enTi 'сейчас, теперь', enTik- 'мучиться', kenTir 'конопля', en%oi 'подарок, приданое', en- 'спускаться', e□ 'очень, самый', e□ 'ширина', Ke□ 'широкий', Je□ 'рукав', Je□- 'победить', me□ 'родинка', se□ 'шуга', Teniz 'море', Te□Kil 'ось', Je□Ke 'жена старшего брата', Je□Kil 'легкий', te□ri 'небо', e□se 'шея, загривок', ke□e□ 'совет', кер- 'сохнуть', сер 'добавка', сер- 'рассыпать, брызгать', тер- 'топтать', ePej 'печеный хлеб', tePe 'холм', tePen 'посуда', JePer- 'посылать', kePek 'отруби', kePe%o 'шапка', KePelek 'бабочка', kePen 'стог', bePek 'зародыш, початок', bePe 'малыш', %ePrek 'тряпка, лохмотья', tePre-п- 'двигаться, качаться', kePre- 'чваниться', kePe- 'пухнуть', tePen 'шило, игла', sePKeK 'веснушки', er 'мужчина', eren 'люди', erim 'полынь', Jer 'земля', Jer- 'неавидеть', ber- 'давать', ber- 'бросать, кидать', Ker- 'вешать, растягивать', ter 'пот', ter- 'собирать', teri 'кожа, шкура', eri- 'таять', eri□- 'достигать', erik 'абрикос, слива', berik 'мощный, крепкий', Keri 'назад', tere- 'подпирать', teri 'крест', Terek 'тополь, дерево', Tere□ 'глубокий', bereme%o 'ватрушка', Jerek 'ольха', Kerek 'надо', kereKe 'решетка юрты', bert- 'ранить, вредить', %ert- 'щелкать', eTe 'рано', %er 'болезнь', erKe 'любимый', erKek 'самец', KerKi 'пьяльцы', terKe- 'ругать; исследовать', Kerti 'правдиво', kerTe 'шест', berTi 'хариус', ermek 'шутка', ernew 'край, кромка', es 'память', bes 'иней', Kes- 'резать', ses 'голос', esir- 'пьянеть', keset- 'предостерегать, штрафовать', esKi 'старый', kesKek 'привязь', KesKin 'острый', sesKen- 'угрожать', e□- 'вить, плести', Te□- 'продырявить', be□ 'пять', e□ek 'осел', e□it- 'слышать', e□ik 'дверь', be□ke 'гриб', ez- 'разминать, толочь', bez 'железа; шрам', bez 'бязь', kez 'насечка', Kez- 'гулять', sez- 'чувствовать', Jezne 'зять', Tez 'быстро', tez(K)ek 'навоз', kezek 'кизяк'

Вопрос 6

□t- 'пройти насквозь', □t 'желчь', K□Ter- 'подниматься', b□TeKe 'зоб', K□Tek 'буйволенок', k□k 'корень', K□k 'синий, зеленый', k□Kiz 'грудь', k□Kirek 'грудь', k□Ken 'застежка', T□Kerek 'круглый', □Kin- 'раскаиваться', □Kiz 'бык', t□k- 'лить, сыпать', s□k- 'ругать', s□k- 'распороть', b□k- 'наедаться', b□Ki 'пробка', %□k- 'опускаться, оседать', %□Ke%o 'молот', k□kle- 'обметать', J□Ke 'липа', □Kej 'неродной', b□kse 'зоб', □k%e 'пятка', k□l 'озеро', □l- 'умереть', □Tir- 'убить', b□l- 'делить', %□l 'степь', t□l 'приплод', s□l 'бульон', k□lik 'упряжное животное', K□leKe 'тень', K□lem 'размер, объем', □l%e 'мерить', □lKi 'мера', K□m- 'закапывать', %□mele 'стог', %□mi%o 'черпак', k□mir 'уголь', k□milTi(ri)k 'грудной ремень', □milTi(ri)k 'нагрудник', K□lmeK 'рубашка', t□mKek 'пень', □n- 'расти', K□n 'дубленая шкура', s□n- 'гаснуть', J□n 'причина, способ', T□n- 'превращаться', k□nek 'ведро', K□ntele- 'поперек', □□ 'пере□д', k□□ 'навоз', □□le- 'настраивать', □□e%o 'гортань', □□ez 'слизь', K□□il 'дух, сердце', m□□re- 'кричать', □□Ke 'другой', m□□Ki- 'брыкаться', k□p 'много', K□p- 'опухать', %□p 'мусор', □PKe 'легкие', k□Pek 'пуп', k□Pe 'стог сена', K□Pek 'собака', K□Pik 'пена', k□Pir 'мост', k□Pme 'матрац', □r- 'плести', K□r- 'видеть', t□r 'почетное место', b□ri 'волк', b□rik 'шапка', k□rik 'меха', T□rt 'четыре', □rt 'пожар', k□rt 'сугроб', K□rset- 'показывать', k□rKe 'индюк', □s- 'расти', b□s- 'прорваться', k□sew 'кочерга', □%o 'гнев', □%- 'гаснуть', K□%- 'кочевать', t□□ 'грудь', t□□ek 'тюфяк', k□□i- 'замерзнуть', □□in 'плечевая кость, грудь', □z 'сердцевина', □zKe 'другой', s□z 'слово', K□z 'глаз', t□z- 'терпеть', k□ze 'каша', K□zel 'красивый'

Вопрос 7.

k□t- 'ждать', s□t 'молоко', □t- 'опалить', b□tin 'весь, целый', t□Tin 'дым', T□Tik 'трубка', k□Te(r) 'болото', b□k- 'сгибаться', J□k 'вьюк', t□k 'волосок', □k- 'молоть', %□Ke 'стердядь',

t□Ken- 'кончатся', □Ki 'полынья', □Ki 'сова', T□Kil 'нет', t□Kir- 'плевать', J□Kir- 'спешить, бежать', J□Kin- 'кланяться', J□Ken 'уздечка', J□Keri 'кукуруза', b□kter 'холмик', k□I 'пепел', □le□- 'распределять', J□li- 'брить', s□li 'овес', b□lin- 'разрушаться', s□lik 'пиявка', k□ITe 'вязанка', t□IKi 'лиса', t□men 'десять тысяч', K□mi□ 'серебро', K□n 'день', J□n 'пух, перо', t□n 'ночь', □n 'звук', K□nle- 'ревновать', s□□Ki 'копье', □□Ki- 'ковырять', t□□lik 'дымовое отверстие', t□p 'дно', t□Pe 'холм, вершина', K□Pe 'кольчуга', t□r- 'засучивать', s□r- 'гнать', k□r 'откормленный', □r- 'дуть', b□ri 'почка', k□re□- 'бороться', k□rek 'лопата', J□rek 'сердце', J□ri- 'ходить', b□rKe □ b□r%oe 'блоха', □rki- 'бояться', b□rkit 'орел', b□rKe- 'покрывать', K□rKe 'индюк', k□rt 'сугроб', t□rPi 'напильник', t□rli 'разнообразный', b□rliKen 'ягода (спец.)', k□se- 'хотеть', □%o 'три', K□%o 'сила', b□%oek 'насекомое', K□%oik 'щенок', k□%oiKen 'орел', %□%oi 'сладкий', □%oin 'потому что', t□□- 'падать', t□□ 'полдень', t□□ 'сон', t□□ 'семья', t□□in- 'думать, понимать', □□i- 'замерзать', k□□il 'крыса', K□z 'осень', s□z- 'цедить', t□z 'ровный', J□z- 'плавать', □z- 'рвать, ломать', J□z 'сто', J□zim 'виноград', K□zen 'хорек', K□zK□ 'зеркало'

Вопрос 8

bit 'вошь', bit- 'кончать', Jit- 'теряться, пропадать', it 'собака', iT(ir)- 'толкать, ударять', Jiti 'острый', Jip 'нитка', JiPi- 'мокнуть', %oiPi-□- 'цыпки', siPir- 'месты', Jik 'шов', tik 'вертикально', tiKi 'тот', tiKen 'колючка', tiKenek 'репейник или терновник', til 'язык', til- 'расщеплять', il- 'вешать', bil- 'знать', bilew 'точило', bilek 'запястье', silKi- 'трясти', kim 'кто', simir- 'сосать', simKir 'сопли', min 'грех, недостаток', min- 'ехать верхом', inek 'корова', ini 'младший брат', si□- 'погружаться, тонуть', si□il 'младшая сестра', si□ir 'сухожилие', i□Kir 'сумерки', bir 'один', Kir- 'входить', kir 'грязь', tire- 'подпирать', tiri 'живой', kiri□ 'тетива', iri 'грубый, крупный', iri- 'гнить', %oiri- 'гнить', inTiK- 'улавливать, тяжело дышать', KinTik 'пупок', tinTi- 'искать', Jin%oik 'голень', in%oi- 'капризничать', Jin%oKe 'тонкий', irk- 'собираться', irKe 'порог', t□rPi 'напильник', kirPik 'ресница', kirPi 'еж', sirke 'гнида', sirke 'уксус', bi%o- 'резать', ki%oiw 'щекотка', Ki%oi 'маленький', bi□- 'сварить', i□ 'работа', bi□- 'помещивать', ki□ 'соболь', ti□ 'зуб', □i□ 'вертел', ti□i 'самка', Ki□i 'человек', □i□- 'пухнуть', biz 'мы', biz 'шило', tiz- 'нанизывать', tiz(e) 'колени', iz 'след'.

Вопрос 9.

aw 'сеть', aw 'клин (в штанах)', awi- 'сгибаться, опрокидываться', taw 'гора', Jaw- 'дождить', Jaw 'враг, война', baw- 'связывать', qaw 'древесный гриб', awlaq 'пустое место, поляна', Jawliq 'платок', qawQa 'ведро', sawQa 'подарок', sawit 'посуда', aQiw 'яд', Jaw%oi 'сват', awir 'тяжелый', awri- 'болеть', awiz 'рот', qawi□- 'собираться', bawir 'печень', qawiz 'отруби', qawiq 'содранная кожа', qaw(aq) 'кожура, шелуха', tawiq 'курица', Jawrin 'спина, лопатка', saw 'здоровый, saw- 'доить', bew 'качаться', uw- 'давить, крошить', uwi%o 'пригоршня', bu 'этот', buw 'пар, туман', buw- 'завязывать', suw 'вода', quw- 'гнаться, преследовать', Juw- 'мыть, купаться', quw 'лебедь', uwiz 'молозиво', uwiTiriq 'молоки, икра', buwaz 'беременная', buwin 'сустав', suwir 'грызун', %uwar 'пестрый', Juwan 'толстый', tuwar 'товар', suwal- 'испаряться', suwir- 'веять', suwir- 'вытаскивать, выдергивать', suwiq 'холодный', uwiT 'закваска', quwaq 'тополь, ива', uwi 'сын', suwliq 'удила', uwi 'вор', tuwra- 'резать ломтиками', tuwri 'прямой', tuwma 'незаконнорожденный', JuwQan 'одеяло', suwr- 'сосать', uwrT 'внутренняя часть рта', buwra 'самец верблюда', quwi□ 'желоб', quwiq 'мочевой пузырь', quwan- 'быть счастливым', suwiq 'жидкий', uwlaq 'желоб', suwla- 'тяжело дышать', qo(w)□ 'шалаш', ariw 'чистый', otaw 'шалаш', bojaw 'краска', buraw 'бурав', Jalaw 'лента (священная)', azaw 'клык', buzaw 'теленос', ataw 'остров', qizaw 'кузов', otaw 'шалаш', %uIQaw 'портянки', Tawil 'буря', Jawiq 'близкий', basiw 'поле', Juwa 'лук (раст.)', Juwa□ 'мягкий', Juwan- 'утешаться', qa%oaw 'долото, зубило', quwa 'желтый', suwal%oan 'червь', sojaw 'шпора, зубочистка', talaw 'мор, поветрие', tanaw 'ноздры', tumaw 'простуда', tewlik 'сутки', kewek 'перхоть', KewTe 'туловище', KewSe 'комель; лопатки', kew□en 'подарок (спец.)', Kewert 'дупло', ernew 'край, кромка', eKew 'напильник', bilew 'точило', silewsin 'рысь', bitiw 'письмо (спец.)', k□w□e- 'жевать', k□wri%o 'ясень'.

Вопрос 10.

aj 'луна, месяц', baj 'богатый', baj 'завязка, привязь', taj 'жеребенок', maj 'жир', maji□- 'качаться', ajiq 'резвый, резвель', ajaq 'нога', ajaq 'чаша', ajir- 'отделять', qajir 'песчанник', qajin 'составитель', qaji□ 'береза', qaji- 'сшивать', qaji□ 'пояс', taji- 'скользить', sajisQan 'сорока', aja- 'беречь, жалеть', aja 'ладонь (мера)', taja- 'подпирать', baja 'недавно', ajaz 'ясный (о небе)', %oajan 'скорпион', Jajaw 'пешком', ajt- 'говорить', ajran 'простокваша', bajraq 'знамя', bajram 'праздник', qajra- 'точить', qajri 'кора', qajizQaq 'перхоть', %oajna- 'жевать', qajna- 'вариться', qajma 'кайма', JajQa- 'качаться', qajQi 'печаль', kej- 'плохой, дурной', mija 'солодка, лебеда', oj-

'долбить', boj 'тело', boja- 'красить', buj- 'прибивать, гвоздик', qojin 'подмышка', qoji 'густой', toj 'свадьба', tojQin- 'наедаться', ojqin- 'проснуться', ojin 'игра', ojna- 'играть', qoj- 'класть, оставлять', quj- 'лить, сыпать', qujQa 'панцирь', quja□ 'солнце', qujruq 'хвост', Jaj(a) 'лук (для стрельбы)', Jaja 'ягодицы', Jajin 'сом', qaja 'скала, утес', qajiq 'лодка', -dej уподобительный аффикс, bejKe 'скачки', sejlen 'бисер', tij- 'препятствовать, задержать', ij- 'посылать', Jij- 'собирать', sij- 'вмещаться', sij 'подарок', qijaq 'осока', sijPa- 'растирать, гладить', qijin 'вина', mijiq 'усы', ijiq 'священный', %oijir 'топтать', Jiji 'густой, плотный', tijin 'белка', sijir- 'сдирать', sijir 'корова', sijir%oaq 'куропатка', sijraq 'копыто', mija 'лебеда', qijaq 'осока', qijiw 'кайма, опушка', qijiq 'дичь', uja 'гнездо; родственник', qijmilTa- 'шевелиться', %oijQan 'чирей', qij□a- 'кривой', %oij 'тростник', bij- 'танцевать', tij- 'стоять', Kij- 'одевать', bijik 'большой', ije 'хозяин', ijek 'челюсть', bije 'кобыла', ijer- 'следовать', ijer 'седло', mij(e) 'мозг', %oije 'ягода (спец.)', Kijew 'зять', ijKe 'хороший', ijin 'плечо', ijiir- 'крутить, прясть', kijin 'сзади', kijik 'дичь', kijiz 'войлок', ijmen- 'смушаться, робеть', sijrek 'редкий', Jijren 'рыжий', Jijren- 'испытывать отвращение', Jijlek 'земляника', ijne 'игла', ijren- 'испытывать отвращение', ujal- 'стыдиться', Joj- 'разрушать', mojin 'шея', bojTaQ 'ягненок; холостой', soj- 'сдирать шкуру', qojan 'заяц', sojaw 'шпора, зубочистка', s□jle- 'говорить', k□jze- 'шелушить', bujiq- 'замерзать, грустить', bujir- 'приказывать', tujaq 'копыто', tuj- 'слышать, чутый', uji□- 'следовать, соответствовать', ujiq 'чулки (войлочные)', ujiq-la- 'сон; спать', □j 'дом', □j- 'нагромождать', t□j- 'молотить, долбить', t□j- 'завязать узлом', k□j 'мелодия', □jir- 'поворачивать', □jir 'стадо, стая', %o□jir- 'делать складки', m□ji□ 'угол', b□jir(ek) 'почки (анатом.)', s□jir 'острый', K□je 'моль', s□jek 'кость', k□jenTe 'кормысло', m□jKiz 'por', t□jKeс 'пест, толкушка', b□je 'тарантул', b□jen 'толстая кишка', t□je 'верблюд', s□je- 'подпирать', s□jel 'бородавка', K□j- 'гореть', k□jin- 'страдать', K□ji□ 'жвачка', K□jiz 'ковер', s□j- 'любить', □jre 'кашица', □jrek 'утка', □jren- 'научиться', k□jrek 'хрупкий', s□jre- 'тащить, тянуть', □jle 'полдень', %o□jTe 'затылок, обух'.

Вопрос 11.

a%o- 'открывать', a%o 'голод', a%oaj 'старший родственник женского полу', a%oi- 'жалеть', a%oi 'горький, кислый', a%oaj 'старший родственник женского полу', ba%oa 'свояк', b□w%oek 'насекомое', %oa%o- 'рассыпать', %oa%oaq 'бахрома', %oa%o 'волосы', %oa%oa- 'закашляться', aya%o 'дерево', %oaq- 'высекать огонь', %oaq 'время', %oaQa 'ребенок, детеныш', %oaQir 'светло-серый', %oal 'серый', %oal- 'бить, хлестать', %oal- 'заворачивать', bal%oi□ 'болото, грязь', %oaltir 'голень', Jan%o- 'ломать', Jan%oiq 'карман', %oa□Qil 'калина', %oa□QilTa- 'тявкать, визжать', %oar- 'бить', %oar%oaq 'бочка', qar%oiq 'пузырь, мошонка', %oar%oaq 'трясогузка', %oar%o- 'прыгать', %oogTan 'щука', JaTa%o 'дужка кости', qula%o 'сажень, охват', %ooq 'угли, жар', %ooq(-) 'много, очень', %ooQit- 'клевать', %ooQin- 'молиться', u%oiz 'легкий, тонкий', %oo%oQa 'поросенок', qo%oQar 'баран', aPi%oqa 'муж, старик', %oolaq 'калека', cоj(K)in 'чугун', %oom- 'нырять', Jonir%oQa 'клевер', qonir%o 'голенище', mon%oaq 'бусы', toPir%oiq 'шишка, бутон', %ouQa- 'обматывать', %ouPar 'пестрый', bur%oaq 'горох', urQa%oi 'самка', quir%o 'острый', u%o 'конец', u%o- 'лететь', u%oin- 'появиться (о сыпи)', qu%o- 'обнимать', u%oa 'крестец', %oiq 'мокрый', %oiq- 'выходить', %oiQanaq 'колочка; засов; локоть', bi%oQaQ 'нож', i%oQin- 'теряться', qi%oQir- 'кричать', %oi%o- 'испражняться', %oi%oQan 'мышь', tilma%o 'переводчик', %oitm 'дерн', %oitm%oi- 'щипать', %oitmTi- 'щипать', %oiPin 'муха', %oiPan 'фурункул', %oiPiq 'ветка', %oiPirQi 'плетка', %oiPi%oiq 'мелкая птичка', %oeKe 'висок, скула', %oeKe- 'лес', %oeKerTek 'орех', %oeKirtKe 'кузнечик', %oeKin 'кочерыжка', ete%o 'петух', kePe%o 'шапка', □□e%o 'гортань', bereme%o 'ватрушка', %oe%o- 'развязывать', Ke%o- 'переправиться', Ke%o(e) 'вечер, вчера', %oe%oek 'цветок', Kele%oi 'сват', em%oek 'женская грудь', en%oi 'подарок, приданое', %oert- 'шелкать', %oer 'болезнь', %o□k- 'опускаться, оседать', %o□Ke%o 'молот', k□wri%o 'ясень', □k%oe 'пятка', %o□i 'степь', □i%oe- 'мерить', %o□mele 'стог', %o□mi%o 'черпак', %o□p 'мусор', □%o 'гнев', □%o- 'гаснуть', K□%o- 'кочевать', %o□Ke 'стердядь', b□r%oe 'блоха', □%o 'три', K□%o 'сила', b□%oek 'насекомое', K□%oik 'щенок', k□%oikеп 'орел', %o□%oi 'сладкий', □%oin 'потому что', bi%o- 'резать', biсen 'сено', %oiPi-□- 'цыпки', %oiri- 'гнить', Jin%oik 'голень', in%oi- 'капризничать', Jin%oKe 'тонкий', bi%o- 'резать', ki%oiw 'щекотка', Ki%oi 'маленький', Jaw%oi 'сват', uwi%o 'пригоршня', qa%oaw 'долото, зубило', %oajan 'скорпион', %oajna- 'жевать', %oijir 'топтать', sijir%oaq 'куропатка', %oijQan 'чирей', %oij 'тростник', %oije 'ягода (спец.)', %o□jir- 'делать складки', %o□jTe 'затылок, обух'.

Вопрос 12.

saq 'бдительный', saQa 'альчик, бабка', saQaq 'жабры; часть шеи; борода', saQanaq 'концы палочек в решетке юрты', saQiz 'смола', saQin- 'думать, размышлять', qarsaq 'степная лиса', sal- 'класть', salma- 'петля, праща', salPi 'обвислый', samar 'мешок (спец.)', san 'голень; часть тела', sa□aq 'жабры', sar 'ручка', sar- 'вдевать нитку', sar- 'уйти с дороги', saPan 'плуг', saPan 'солома', saPaq 'ветвь, кисть', saPir- 'махать, развеивать', sar- 'обматывать, завертывать', sari 'желтый', sara□ 'жадный', sari(%) 'птица (орлиная)', sarimsaq 'чеснок', sarin 'заунывеая песня', sariq 'овца', sarQi- 'капать, стекать', as- 'висеть', as 'горноста́й', bas 'давить', basa 'еще', Jasa- 'управлять', Jasimuaq 'чечевица', qasiq 'пах', bas 'цена', JasTiQ 'подушка', aqsaq 'хромой', sazan

'сазан', saz 'болото, грязь', sazar- 'неметь, цепенеть', sat- 'продавать', sata□- 'бредить', -sa условное наклонение (глагол. показатель), so(w)la- 'тяжело дышать', Jolbars 'пантера', sol- 'вянуть', sol 'левый', qomsī- 'жадный', sonar 'собачья охота', borsiq 'барсук', sura- 'спрашивать', Josiq 'обычай', osal 'плохой, небрежный', soz- 'тащить', suw 'вода', sulī 'овес', sun- 'протягивать', suwr- 'сосать', qursa□ 'желудок', bus- 'прятаться', qus- 'блевать', sus- 'черпать', si□ 'давить', jāt, borsiq 'барсук', sin 'тело', sin- 'ломаться', si□ar 'один из пары', sirī- 'простегивать', sirīq 'шест', sirQa 'серьга', sirt 'спина; взгорье', issi 'теплый', qisir 'яловая', qisqa 'узкий, тесный', is 'дым, запах', siz- 'сочиться', siz- 'чертить', siz 'ломота', -si 3sg личный порказатель, seKiz 'восемь', seKir- 'прыгать, скакать', semiz 'жирный', sen 'ты', se□ 'шуга', e□se 'шея, загривок', ser 'добавка', ser- 'рассыпать, брызгать', es 'память', bes 'иней', Kes- 'резать', ses 'голос', esir- 'пьянеть', keset- 'предостерегать, штрафовать', esKi 'старый', kesKek 'привязь', kesKin 'острый', sesKen- 'угрожать', sez- 'чувствовать', s□k- 'ругать', s□k- 'распороть', b□kse 'зоб', s□l 'бульон', s□n- 'гаснуть', K□rset- 'показывать', □s- 'расти', b□s- 'прорваться', k□sew 'кочегра', s□z 'слово', s□t 'молоко', s□li 'овес', s□lik 'пиявка', s□□Ki 'копье', s□r- 'гнать', k□se- 'хотеть', s□z- 'цедить', siPir- 'мести', silKi- 'трясти', simir- 'сосать', simKir 'сопли', si□- 'погружаться, тонуть', si□il 'младшая сестра', si□ir 'сухожилие', sirke 'гнида', sirke 'уксус', sawQa 'подарок', saw 'посула', saw 'здоровый', saw- 'доить', suwīr- 'веять', suwīr- 'вытаскивать, выдергивать', suwīq 'холодный', suwīq 'жидкий', suwla- 'тяжело дышать', sojaw 'шпора, зубочистка', KewSe 'комель; лопатки', sajisQan 'сорока', seilen 'бисер', sij- 'вмещаться', sij 'подарок', sijir- 'сдирать', sijir 'олень', sijir%a□ 'куропатка', sijraq 'копыто', sijrek 'редкий', soj- 'сдирать шкуру', s□jle- 'говорить', s□jir 'острый', s□jek 'кость', s□je- 'подпирать', s□jel 'бородавка', s□j- 'любить', s□jre- 'тащить, тянуть'

Вопрос 13.

a□Qa- 'широкий', %a□Qil 'калина', %a□QilTa- 'тявкать, визжать', Ja□Qir- 'звучать', Ja□Qaq 'греческий орех', ta□ri 'бог', Ja□aq 'щека', Ja□aq 'косяк двери', Ja□a 'новый', sa□aq 'жабры', i□la- 'рыдать', To□Qiz 'свинья', qo□Qiraw 'колокольчик', qo□Qir 'рыжеватобурый', qo□Qiz 'жук', si□ar 'один из пары', ti□la- 'слушать', i□QilTa- 'плакать', qī□Qir 'косой', Te□Kil 'ось', Je□Ke 'жена старшего брата', Je□Kil 'легкий', emKek 'мучение, болезнь', JemKek 'темя, родничок', te□ri 'небо', e□se 'шея, загривок', ke□e□ 'совет', □□le- 'настраивать', □□e%o 'гортань', □□ez 'слизь', K□□il 'дух, сердце', m□□re- 'кричать', □□Ke 'другой', t□mKek 'пень', m□□Ki- 'брыкаться', s□□Ki 'копье', □□Ki- 'ковырять', t□□lik 'дымовое отверстие', si□il 'младшая сестра', si□ir 'сухожилие', i□Kir 'сумерки', simKir 'сопли', □je□Ki 'клен'

Вопрос 14.

Ja□- 'сторона', JaQa 'воротник', JaQilPaj 'ястреб', Jaqtī 'свеча', Jaq- 'светить', Jal 'грива', Jala 'подозрение', Jala□ 'степь', Jala□ 'голый', Jala- 'лизать', JalPar- 'требовать, нанимать', Jalīn- 'пылать', JalQan 'ложь', JalQiz 'одиноким', JalPaq 'плоский', Jam 'почтовая станция', Jama- 'латать', Jaman 'скверный', Jamiz 'пах', Jan- 'поворачивать назад', Jana 'опять, снова', Jan- 'гореть', Jani- 'угрожать', Jan%- 'ломать', Jan%□ 'карман', Ja□Qir- 'звучать', Ja□Qaq 'греческий орех', Ja□aq 'щека', Ja□a 'новый', JaP- 'покрывать', JaPa 'вилы, лопата', Jari□- 'приклеиться', Jari□Qa 'вошь, гнида; пиявка', Jari□Qaq 'лист', Jar 'обрыв', Jari□ 'будущий год', Jar 'обрыв', Jari 'кожица', Jariq 'свет', Jariq 'приказ', JarQaq 'дубленая шкура', Jasa- 'управлять', Jasimuq 'чечевица', JasTi□ 'подушка', Ja□ 'год', Ja□ 'слеза', Ja□ 'молодой', Ja□il 'зеленый', Ja□in- 'сверкать', Jaz- 'писать', Jaz 'весна, лето', Jazi 'плоский, степь', Jat- 'лежать', Jat 'чужой', JaTi□ 'удобный', JaTa%o 'дужка кости', Jiraq 'далекий', Jum□aq 'мягкий', Joq 'нету', JoQari 'вверх', Jol 'дорога', Jolbars 'пантера', Jom(P)aq 'сказка, притча', Jon- 'строгать, тесать', Jonaq 'потник', Joni%-Qa 'клевер', JoTa 'голень, ляжка', Jora- 'толковать сон', sura- 'спрашивать', JorQan 'одеяло', Josiq 'обычай', Juq- 'прилипать', JuQa 'тонкий', Jumran 'суслик', Jum□aq 'мягкий', Jurt 'жилище', Jurin 'лохмотья', Jut- 'глотать', Jut 'бескормица', Jumi□ 'работа, служба', Jumirtqa 'яйцо', Jil 'год', Jil- 'ползать', Jilan 'змея', Jila- 'плакать', Jili 'теплый', Jilim 'костный мозг', Jilim 'сеть', JilQi 'табун', Jin 'содержимое желудка', JiPar 'мускус, запах', Jir- 'разрывать', Jir 'песня', Je- 'есть, кушать', Jek 'плохой', JeKer- 'бранить', JeKirmi 'двадцать', JeKit 'парень', Jet- 'достичь', JeTi 'семь', JeTim 'сирота', Jel 'ветер', Jel- 'бежать рысью', Jelīm 'клей', Jelin 'вымя', Jeli 'веревка для привязывания', JelPi- 'махать', Jemi□ 'овощи, фрукты', Jemi- 'разрушать', JemKek 'темя, родничок', Jene 'опять, снова', Je□ 'рукав', Je□- 'победить', Je□Ke 'жена старшего брата', Je□Kil 'легкий', JePer- 'посылать', Jer 'земля', Jer- 'неавидеть', Jerek 'ольха', Jez 'медь', Jezne 'зять', J□Ke 'липа', J□n 'причина, способ', J□k 'выюк', J□Kir- 'спешить, бежать', J□Kin- 'кланяться', J□Ken 'уздечка', J□Keri 'кукуруза', J□li- 'брить', J□n 'пух, перо', J□rek 'сердце', J□ri- 'ходить', J□z- 'плавать', Jit- 'теряться, пропадать', Jiti 'острый', Jir 'нитка', JiPi- 'мокнуть', Jik 'шов', Jin%oik 'голень', Jin%oKe 'тонкий', Jaw- 'дождить', Jaw 'враг, война', Jawliq 'платок', Jaw%oi 'сват', Jawrin 'спина, лопатка', Juw- 'мыть, купаться', Juwan 'толстый', JuwrQan 'одеяло', Jalaw 'лента (священная)', Jawi□ 'близкий', Juwa 'лук (раст.)', Juwa□ 'мягкий', Juwan- 'утешаться', Jaj- 'расстилать, рассыпать', Jaj 'лето, весна', Jajaw 'пешком', JajQa- 'качаться', Jaj(a)

'лук (для стрельбы)', Jaja 'ягодицы', Jajin 'сом', Jajiq 'река', Jij- 'собирать', Jiji 'густой, плотный', Jijren 'рыжий', Jijren- 'испытывать отвращение', Jijlek 'земляника', Joj- 'разрушать'.

Вопрос 15 (в этом и следующем вопросах спрашивать варианты после имен с родительным падежом)

TaQaraq 'корыто', TaQi 'кроме, еще', TaQan 'козлы, тренога', Tal 'ветка; ива', Tal- 'терять силы', TalQin 'волна', Tala- 'нападать, грабить', Tala- 'кусать', Talaw 'мор, поветрие', Tanaw 'ноздры', Tam- 'капать', Tam 'стена', Tamig 'жила, корень', TamQa 'знак, пятно', Tamiz- 'жечь, зажигать', Tani- 'знать, узнать', Ta□- 'удивление', Ta□ri 'бог', TaPa- 'топтать', TaPin- 'поклоняться', Tap- 'находить', Tapta- 'тесать', Tarami□ 'жильная нить', Tari 'просо', Tari- 'сеять', TarQaq 'хищная птица', Tart- 'тянуть', Tarmaq 'грабли', Ta□ at- 'рассветать', Tat 'пятно', Taw 'гора', Tawiq 'курица', Tawil 'буря', Taj 'жеребенок', Taji- 'скользить', Taja- 'подпирать', ToQi- 'ткать', ToQa 'пряжка', ToQin 'обод', ToQiz 'девять', ToQal 'комоль', ToQi- 'бить, ударять', Toqli 'ягненок (до полугода)', Toli 'полный', Toli 'град', TolQa- 'заворачивать', TolQan 'волна', Tom(P)a-la□ 'круглый', Tomar 'чурбан', To□ 'мороз', To□Qiz 'свинья', Tor 'вместе', Tor 'мяч', ToPilQi 'таволга, тальник', ToPir%oiq 'шишка, бутон', ToPal 'корзинка', ToPiq 'коленная чашечка', ToPan 'мякина', ToPraq 'земля', Tot 'пятно', TorQaj 'жаворонок', Tor 'сеть', To□ 'увесистый', Toz 'береста', Tozan 'пыль', Toj 'свадьба', TojQin- 'наедаться', Tul 'вдова', Tu□ 'напротив', Tu□a- 'стреножить', Tulim 'коса', Tumaw 'простуда', Tumaq 'шапка', Tum□iq 'рыло, морда', TumPuiq 'кувшинка', Tur- 'стоять', Turna 'журавль', Tut- 'держать, хватать', Tuz 'соль', Tuwar 'товар', Tuwra- 'резать ломтиками', Tuwri 'прямой', Tuwma 'незаконнорожденный', Tujaq 'копыто', Tuj- 'слышать, чуют', Tiq- 'набивать, втыкать', TiTa□ 'причина', TiMa%o 'переводчик', Tim 'молча', Tin 'дыхание', Tini□ 'спокойный', Ti□ 'очень', Ti□la- 'слушать', TiMaq 'ноготь', Tiz- 'убегать', Tij- 'препятствовать, задержать', Tijin 'белка', Te- 'сказать, говорить', Tek 'нечетный', TeKe 'баран', TeKene 'корыто', TeKiz 'ровный', TeTe 'хороший', Tel- 'продырявить', Teli- 'отдать теленка', TelPe 'сумасшедший', Teniz 'море', Te□Kil 'ось', Te□ri 'небо', Ter- 'топтать', TePe 'холм', TePen 'посуда', TePre-n- 'двигаться, качаться', TePen 'шило, игла', Ter 'пот', Ter- 'собирать', Teri 'кожа, шкура', Tere- 'подпирать', Teri 'крест', Terek 'тополь, дерево', Tere□ 'глубокий', TerKe- 'ругать, исследовать', Te□- 'продырявить', Tez(K)ek 'навоз', Tewlik 'сутки', T□Kerek 'круглый', T□k- 'лить, сыпать', T□l 'приплод', T□mKek 'пень', T□n- 'превращаться', T□r 'почетное место', T□rt 'четыре', T□□ 'грудь', T□□ek 'тюфяк', T□z- 'терпеть', T□tin 'дым', T□Tik 'трубка', T□k 'волосок', T□Ken- 'кончаться', T□Kil 'нет', T□Kir- 'плевать', T□IKi 'лиса', T□men 'десять тысяч', T□n 'ночь', T□□lik 'дымовое отверстие', T□p 'дно', T□Pe 'холм, вершина', T□r- 'засучивать', T□rPi 'напильник', T□rli 'разнообразный', T□□- 'падать', T□□ 'полдень', T□□ 'сон', T□□ 'семя', T□□in- 'думать, понимать', T□z 'ровный', T□j- 'молотить, долбить', T□j- 'завязать узлом', T□jKe□ 'пест, толкушка', T□je 'верблюд', Tik 'вертикально', TiKi 'тот', TiKen 'колючка', TiKenek 'репейник или терновник', Til 'язык', Til- 'расщеплять', Tire- 'подпирать', Tiri 'живой', TinTi- 'искать', T□rPi 'напильник', Ti□ 'зуб', Ti□i 'самка', Tiz(e) 'колени', Tij- 'стоять', -dej уподобительный аффикс.

Вопрос 16.

kek 'гнев', KeKir- 'рыгать', KeKirTek 'глотка', KeKire- 'изгибаться', KeKej 'спица колеса', KeK□k 'кукушка', KeT- 'уходить', Ketik 'зарубка', Ketmen 'мотыга', Ke%o- 'переправиться', Ke%o(e) 'вечер, вчера', Kel- 'приходить', Keli□- 'свататься', Kele%oi 'сват', Keli 'невестка', Keli 'ступка', Kem 'меньше', Kemi 'лодка', KemiK 'кость (спец.)', Kemi- 'грызть, глотать', Kene 'клещ', Kene- 'получать удовольствие', KenTir 'конопля', Ke□ 'широкий', Ke□e□ 'совет', Ker- 'сохнуть', KePek 'отруби', KePe%o 'шапка', KePelek 'бабочка', KePen 'стог', KePre- 'чваниться', KePe- 'пухнуть', Ker- 'вешать, растягивать', Keri 'назад', Kerek 'надо', KereKe 'решетка юрты', KerKi 'пяльцы', Kerti 'правдиво', KerTe 'шест', Kes- 'резать', Keset- 'предостерегать, штрафовать', KesKek 'привязь', KesKin 'острый', Kez 'насечка', Kez- 'гулять', Kezek 'кизяк', Kewek 'перхоть', KewTe 'туловище', KewSe 'комель, лопатки', Kew□en 'подарок (спец.)', Kewert 'дупло', Kej- 'плохой, дурной', K□Ter- 'подниматься', K□Tek 'буйволенок', K□k 'корень', K□k 'синий, зеленый', K□Kiz 'грудь', K□Kirek 'грудь', K□Ken 'застежка', K□kle- 'обметать', K□l 'озеро', K□lik 'упряжное животное', K□leKe 'тень', K□lem 'размер, объем', K□m- 'закапывать', K□mir 'уголь', K□milTi(ri)k 'грудной ремень', K□lmeK 'рубашка', K□n 'дубленая шкура', K□nek 'ведро', K□ntele- 'поперек', K□□ 'навоз', K□□il 'дух, сердце', K□p 'много', K□p- 'опухать', K□Pek 'пуп', K□Pe 'стог сена', K□Pek 'собака', K□Pik 'пена', K□Pir 'мост', K□Pme 'матрац', K□r- 'видеть', K□rik 'меха', K□rt 'сугроб', K□rset- 'показывать', K□rKe 'индюк', K□sew 'кочерга', K□%o- 'кочевать', K□□i- 'замерзать', K□z 'глаз', K□ze 'каша', K□zel 'красивый', K□t- 'ждать', K□Te(r) 'болото', K□l 'пепел', K□lTe 'вязанка', K□mi□ 'серебро', K□n 'день', K□nle- 'ревновать', K□Pe 'кольчуга', K□r 'откормленный', K□re□- 'бороться', K□rek 'лопата', K□rKe 'индюк', K□rt 'сугроб', K□se- 'хотеть', K□%o 'сила', K□%oik 'щенок', K□%oiKen 'орел', K□□il 'крыса', K□z 'осень', K□zen 'хорек', K□zK□ 'зеркало', K□w□e- 'жевать', K□wri%o 'ясень', K□je- 'шелушить', K□j 'мелодия', K□je 'моль', K□jenTe 'коромысло', K□j- 'гореть', K□jin- 'страдать', K□ji□ 'жвачка', K□jiz 'ковер', K□jrek 'хрупкий', kim 'кто', Kir- 'входить', Kir

'грязь', Kirí□ 'тетива', KinTik 'пупок', KirPik 'ресница', KirPi 'еж', Ki%oiw 'щекотка', Ki%oi 'маленький', Ki□ 'соболь', Ki□i 'человек', Kij- 'одевать', Kijew 'зять', Kijín 'сзади', Kijik 'дичь', Kijiz 'войлок'.

Р.Т. Муратова, г. Уфа

ЛЕКСИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ*

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук РАН «Язык и культура в контексте культурной динамики»

Народы и соответственно их языки на основе общности культурных традиций, экономическое, политическое и культурное развитие объединяются культурно-исторический ареал. Урало-Поволжский культурно-исторический ареал включает в себя удмуртский, марийский, мордовский, чувашский, башкирский, татарский, калмыцкий языки. Исследование Урало-Поволжского лингвистического ареала, состоящего из разных языковых групп, представляет интерес в том плане, что результаты этнолингвистического картографирования помогут выделить особенности в языке разных культур.

Под этнолингвистическим картографированием подразумевается нанесение на карту лексики духовной культуры народов, населяющих данный ареал. Очевидно, что не каждое явление народной духовной культуры получает закрепление в языке. В связи с этим, одним из основных направлений этнолингвистической географии можно считать анализ фактов внеязыковой реальности в сопоставлении с наличием или отсутствием соответствующей терминологической лексики. Создаются карты, дающие представление о том, «где и какие внеязыковые, реальные, «этнографические» признаки отражены языком, а какие и где не отражены» [Толстой 1995, 35]. Этнолингвистический метод картографирования способствует выявлению так называемого центра локализации признака, который «характеризуется наличием как лексемы (термина), так и соответствующего этнокультурного контекста» [Плотникова 2004].

Большинство исследований по ареальной лексике ставит целью описание распределения в лингвистическом пространстве лексем или их значений. Также уделяется внимание изучению географического распределения внутренней формы лексических единиц. Например, в исследованиях, выполненных в рамках проекта «Лингвистический атлас Европы», имеются мотивационные карты по генетически неродственным языкам.

Следует отметить, что при лингвогеографическом изучении лексики духовной культуры, необходимо учитывать этнокультурные явления. Если до сих пор проблемы картографирования явлений народной духовной культуры находились в ведении этнографии, то терминология и особенности ее функционирования в языковом пространстве изучается этнолингвистической географией.

Лексика традиционной духовной культуры с точки зрения распределения в культурно-историческом ареале, ее семантика, внутренняя форма, мотивационные признаки, символика требует детального изучения. На современном этапе развития лингвистики особую актуальность приобретают фиксация и изучение языка в связи с духовной культурой народа, его различий в различных регионах бытования.

В плане этнолингвистического картографирования в отечественной филологии можно назвать ряд исследований, например, изыскания польской этнолингвистической школы во главе с Е. Барминьским, московской этнолингвистической школы во главе Н. И. Толстым и др. Учеными проведен ряд исследований, посвященный картографированию лексики южнославянского языкового ареала, например: этнолингвистическое исследование болгарской свадьбы (Е. С. Узеновой), собраны материалы для полесского этнолингвистического атласа (коллективом авторов московской этнолингвистической школы), изданы малый диалектологический атлас балканских языков, книга-атлас по южнославянским говорам (В. Помяновской), монография по этнолингвистической географии Южной Славии (А. А. Плотниковой) и др.

По языкам Урало-Поволжья также имеется опыт лингвистического картографирования диалектов. Созданы «Диалектологический атлас башкирского языка» (Уфа, 2005), который представляет собой итог многолетнего лингвогеографического изучения диалектной системы башкирского языка. «Диалектологический атлас удмуртского языка» (Ижевск, 2010), где даются мотивационные карты отдельных лексем, «языковые явления показаны как живой процесс взаимодействия языков и слов внутри слова, борьба слов между собой либо за сохранение самого себя, либо формы, либо семантики» [Насибуллин 2010, с.10].

В данной статье мы коротко остановимся на некоторых лексемах, связанных с сакральной семантикой и символикой числа семь. Число – как универсальная категория человечества является культурным кодом, носителем зашифрованной информации о нормах поведения, нравственности, ценностях, ритуалах, символах, знаниях, мифах, идеях, обычаях, традициях, языке. Помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации.

Семиричная «модель мира» является одним из архаичных, что связано с широким распространением магической семерки во многих языках. С числом семь связаны следующие лексико-семантические поля: структура мироздания, пространство, время, стихийные силы, физический и духовный облик человека, его жизненная цикличность и происхождение конкретных родов, формы родственных связей, представления о соседних этносах. Например, по нашим исследованиям, представления о семи слоях земли встречается у следующих народов Урало-Поволжья: калм. – *дордин дола норн* ‘семь стран преисподней (Нижнего мира)’, башк. – *ете кат ер астында* ‘под семью слоями земли’, тат. *жиде кат жир астында* ‘под семью слоями земли’.

У народов Урало-Поволжья существует четыре основных семантических групп названий созвездия Большой Медведицы: семерка (баш. *Етегән йондоз*, тат. *Жидегән йолдыз*, чув. *Җич җәлтәр* ‘семь звезд’, калм. *Долин бурхн* ‘Семь богов’), ковш (эрзянск. *покш кече*, мокшанск. *кархкя тяште*, марийск. *кучу коркашудыр*, чув. *Пысак Алтар җәлтәр*), лось (марийск. *Шордо-шудыр* ‘лось-звезда’, рус. диал. *Лось*), повозка (рус. диал. *телега*) [Никонов 375]. Выясняется, что название созвездия Большой Медведицы связано с числом *семь* в тюркской и монгольской группах урало-алтайской семьи языков.

Э. Р. Тенишев отмечает, что *jetegen* обычно связывают с числительным *jeti/zeti* ‘семь’ по замеченному древними тюрками количеству наиболее ярких звезд в созвездии [СИГТЯ 2006, 345]. В некоторых языках существуют наряду с указанными выше другие сложные образования мифологического происхождения, где присутствует число *семь*: алт. *d’eti qān* (досл. *семь князей*), тур. *jedi kardeş* (досл. *семь братьев*), *jedi jar* (досл. *семь друзей*), узб. *jetti oʻajni (qaroqʻi)* (досл. *семь братьев (разбойников)*), кирг. *žeti arqar* (досл. *семь архаров (горных баранов)*), каз. *žeti qaraqşy* (досл. *семь разбойников*) [СИГТЯ 2006, 345].

В одной башкирской легенде созвездие Большой Медведицы предстает золотым ковшом, который опрокинул древний великан (алп). В ней говорится, что во времена, когда люди ели из одного котла, появился великан и съел всю еду. Люди изготовили другой, а для него отлили ковш из золота. А когда великан подкинул ковш, он взлетел к звездам [БНПЛ 2001, 182]. Интересен тот факт, что семантика «ковш» не закрепилась в башкирском названии Большой Медведицы, что наблюдается в эрзянском, мокшанском диалектах мордовского языка, марийском, чувашском языках.

Таким образом, этнолингвистическое картографирование предполагает фиксацию на карте этнокультурной лексики и соотносимых с ней явлений народной культуры, которое дает представление о географии того или иного тематического фрагмента традиционной духовной культуры. Язык традиционной народной духовной культуры может рассматриваться как система взаимосвязанных «кодов», отражающих мифологическое значение различных фрагментов народного мышления.

ЛИТЕРАТУРА:

- Башкирские народные предания и легенды. Уфа, 2001.
Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа, 2005.
Насибуллин Р.Ш. и др. Диалектологический атлас удмуртского языка. Выпуск II. Ижевск, 2010.
Никонов В.А. Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. С. 373–381.
Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, М., 2006.
Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Р. Ш. Насибуллин, г. Ижевск

НАЗВАНИЯ ПОЛДНИКА В УДМУРТСКИХ ГОВОРАХ*

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00 –304а

Названия полдника в удмуртском языке не подвергались специальному исследованию. Т. И. Тепляшина, написавшая обширную программу по собиранию сведений об удмуртских диа-

лектах, в свой вопросник не включила вопрос о полднике по простой причине: она ещё не знала о существовании разнообразных названий данного объекта [Тепляшина 1966].

В удмуртских лексикографических работах первая попытка для обозначения понятия «полдник» была предпринята в «Русско-удмуртском словаре», изданном в 1956 году. Русское слово *полдник* в нем переведено как «нуназеян, нуназе (лымшор) сиськон» [РУС 1956, 754]. *Нуназеян, нуназе (лымшор) сиськон* не обозначают выше приведённое понятие. Этими словами удмурты повсюду называют обед и обеденное время.

Интерес автора данного сообщения к проблеме выражения понятия «полдник» в удмуртских диалектах возник после завершения сбора материала на вопрос № 219 к Первому вопроснику Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ). Удмуртский язык в ЛАЕ представлен 21 опорным пунктом. Среди собранных материалов для ЛАЕ имеются довольно интересные изоглоссы, в частности, нам впервые стало известно о том, что «полдник» у удмуртов имеет разнообразные названия, а в двух опорных пунктах его называют именем того человека, который первым начал устраивать полдник, а именно: *ондыр обэд* (Покровский Урустамак Бавлинского района Республики Татарстан) и *кашти кк°л'Ым* (Уразгильды Татышлинского района Республики Башкортостан), которые дали основание включить вопрос о данном объекте в Вопросник по сбору материалов для Диалектологического атласа удмуртского языка (ДАУЯ). Подобный же вопрос содержится в Вопроснике Общеславянского лингвистического атласа (Вопрос № 1200).

В результате сбора материала для ДАУЯ выявлены ещё новые, ранее неизвестные названия полдника, также образованные от личных имён: *паша лымшыр* 'обед Паши' (опорный пункт 111 – Верх. Тьжма Кизнерского района УР), *эшмэнэй* 'обед Эшменей' (оп 110 – Стар. Бодья Кизнерского района УР), *ьямай* 'обед Дзямая' (оп 95 – Пычанки Завьяловского района УР, оп 96 – Нов. Казмаска Завьяловского района УР., 98), *ьямай обэд* 'обед Дзямая' (оп 123 – Сред. Кечёво Малопургинского района УР); *ьямбай* 'обед Зямбая' (оп 127 – Аксакшур Малопургинского района УР); *ьямакэй* 'обед Джамакея' (оп 92 – Ягул Завьяловского района УР), *аптрай кк°л'Ым* 'полдник Аптрая' (оп 16 – Бол. Шабанка Кильмезского района Кировской области). Названия *ьямбай* 'обед Зямбая' и *ьямакэй* 'обед Джамакея' на карту ещё не нанесены.

Называть полдник от имени человека свойственно не только удмуртскому языку. Такое явление бытует и в других языках, в частности, в соседнем с удмуртским – марийском языке, ср. мар. *андри обед* 'полдник', букв. 'обед Андрея' [РМС 1966, 534]. В названии *кашти кк°л'Ым* определяемое слово *кк°л'Ым* является заимствованием из соседних тюркских языков, ср. башк. *кулем* 'перерыв' (*во время полевых работ*) [БРС 1996, 313], тат. *кулем* 1. 'обеденный перерыв'; 3. 'отрезок рабочего времени' [РТС I: 2007, 673]. Здесь больше подходит семантика башкирского слова.

В разброс отдельными точками встречается заимствованное из русского языка слово *полд'ник* (54, 66, 67, 73, 77, 99, 100, 153, 166), а *подобэд* зафиксировано только в одном опорном пункте – в д. Малягурт Красногорского района УР (53).

Удмуртские названия *палужин* (4, 5, 10, 11, 18–26, 28–35, 37, 45–57); *паужин* (8, 9, 29), *паложин* (81); *палжин* (30), *пальын* (1–3); *пальын* (6), *полужин* (27, 36) представляют уникальный случай контаминации слова и семантики. В основе *палужин* лежит русское слово *паужин* 'устар. и нар.-разг. еда между обедом и ужином' [БТСРЯ 2003, 787]. На его усвоение повлияло удмуртское слово *пал* 'половина' на том основании, что устройство паужина проходит между обедом и ужином, что соответствует половине времени между обедом и ужином. Мало того, в слове *палужин* элемент *пал* повлиял на *жин*, которое по звучанию совпадает с удмуртским словом *жын* ~ *лыны* 'половина'. Получилось слово, состоящее из двух основ, которые имеют идентичную семантику 'половина', т.е. 'половина' + 'половина'. В финно-угорских языках, в том числе в удмуртском, довольно много случаев, когда сложные слова состоят из синонимов типа *пудо-живот* 'скот', букв. *пудо* 'скот' + *живот* 'скот, животное', *выт-ккрсь* 'платёж'. В сложном слове *пудо-живот* 'скот' *пудо* восходит к иранским источникам, а *живот* является русским заимствованием. В слове *выт-ккрсь* 'подать, повысить' *выт* – праславянское заимствование, *ккрсь* – болгарское. Оба слова в отдельности обозначают 'подать, повысить'.

В небольшом регионе встречаются названия *ковыр обэд* (13); *кокыр обэд* (13); *кокыр с"ийон* (14) (*с"ийон* 'еда, пища, принятие пищи'). Название *ковыр обэд* по своему образованию прозрачное, можно перевести как «ковровый обед, полдник, устраиваемый на ковре», т.е. не за столом. Использование атрибутивного слова *кокыр* «кривой» в названиях *кокыр обэд* (13); *кокыр с"ийон* (14) следует мотивировать тем, что в это время траектория солнца искривляется в сторону заката.

Названия *пичи обэд* 'маленький обед' (44, 63, 93, 101, 114, 121); *почи обэд* 'маленький обед' (51); *пичи лымшыр* 'маленький обед' (155); *пичи нымшор* 'маленький обед' (158); *пичи нымшор* 'маленький обед' (163); *пичи нышыр* 'маленький обед' (138–141), *балакай ймшыр* 'маленький обед' (173) образованы одинаковым способом: к словам, употребляющимся в значении 'обед' (*обэд*,

лымшыр, нымшор, нымшор, нышыр, Ымшър) присоединены определения со значением ‘маленький’ (пичи, пкчи, балакай, последнее слово – из тюркских языков, ср. башк., тат. *бәләкәй* ‘маленький’). Диалектным формам слов *лымшыр*, *нымшор*, *нымшор*, *нышыр*, *Ымшър* в литературном соответствует *лымшор*, которое состоит из компонентов *лым* ‘день’ и *шор* ‘середина’, *лым* восходит к общепермскому *лун* ‘день’, ср. коми *лун* ‘день’, ‘юг’ [КЭСК 1999, 163].

В единственном опорном пункте (лп 128 – Карамас-Пельга Киясовского района УР) зафиксировано *гусйас'кон*, образованное от глагола *гусйас'кыны* ‘подзакусить’. Последнее имеет свое соответствие в некоторых родственных языках [КЭСК 1999, 79].

Название *лытн'ан'* (38–44, 55, 58–61, 68–72, 74, 82, 83, 85–91, 94, 102–109, 113, 115, 118, 131, 133) и его варианты *лытн'ан'* (133), *лы'н'ан'* (112, 117, 126) состоят из атрибутивного словосочетания: *лыт* ‘вечерний’ + *н'ан'* ‘хлеб’, букв. ‘вечерний хлеб’. Носитель другого диалекта данное название воспринимает как ‘ужин’. Во время ужина люди не довольствуются одним хлебом, а принимают горячую пищу. Удмурты повсюду ужин называют *лытсэ сиськон* ‘вечерний приём пищи’.

Подводя итог всему изложенному, следует отметить, что привычка полдничать, по-видимому, выработалась довольно поздно, причём под влиянием отдельных лиц из среды удмуртов либо под влиянием соседних народов. Именно об этом говорят собранные материалы.

ЛИТЕРАТУРА:

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003. 1536 с.

Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.

Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан.; под ред. З. Г. Ураксина. М., 1996. 866 с.

Русско-марийский словарь: Ок 35000 слов / Сост. И. Ф. Андреев, Л. П. Васикова, Ф. И. Гордеев и др.; Гл. ред. И. С. Галкин; Мар. НИИ ЯЛИ. М., 1966. 848 с.

Русско-татарский словарь: Ок 47000 слов / Э. М. Ахунзянов, Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; Под ред. Ф. А. Ганиева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 736 с.

Русско-удмуртский словарь: Ок. 40000 слов / Сост. А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников, Н. И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.

Тараканов, И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск., 1993. 170 с.

Тепляшина, Т. И. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах. АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1966. 96 с.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИРСКОГО ДИАЛЕКТНОГО *ТӘХЕ*, *ДӘХИ* ‘ЕЩЕ’

В восточном диалекте, который считается более консервативным, отмечено слово *тәхе* (аргаяшский и сальютский говоры) в значении ‘еще’. Такое же слово, фонетически несколько различающееся, а именно *дәхи*, есть также в архаическом демском говоре южного диалекта, а также в айском и миасском говорах восточного диалекта. Башкирский литературный язык использует аналогичные формы *даһа*, *заһа*, *лаһа*, *таһа* в значении усилительно-утвердительной частицы, применяемой в постпозиции. Чаще всего находят применение формы *забаһа* и подобные последней. Пример: Асы елдә баһып торманан да ярай *забаһа* (Ә. Бикчәнтәев), цит. по: [Максютова 1981, 329] – На холодном ветру можно же было и не стоять.

В этимологическом плане показанные выше слова, надо полагать, восходят к тюркским *да* ~ *де* ‘и, также, еще’ [Севортян 1980, 109]; эти формы широко распространены в тюркских языках, скажем тур. *da*, *de* (также *ta*, *te*) ‘и, также, еще’ [Menges 1968, 110], ср. также огуз. *la* ‘усилительно-подтвердит. частица’ [ДТС, 640].

Эти грамматические элементы имеют *алтайскую* этимологию и возникли из алтайской постпозитивной усилительной частицы *dā* ‘же, также, и’.

Наличие похожих по значению и форме элементов в афразийских, картвельских, алтайских, индо-европейских языках позволило ученым вести речь о борейском (ностратическом) происхождении таких форм как с.-х. *d(H)* ‘и, тоже’, картв. *da* ‘и’, слав. **da* ‘соединительная и усилительная частица’ [Иллич-Свитыч 1971, 214-215], ср. также тур. *da* ‘и’, тот же арио-алт. корень в болг. *та*, арм. *thē* [Младенов 1941, 627].

Наряду с этим, сбор и анализ научных фактов на материале многих языков народов Евразии и других частей света дал компаративистам возможность говорить о сходствах грамматических форм вроде баск. *e-do* ‘или’, якут. *da* ‘также, и, даже’, о повторяющихся формах типа *du... du* в значении ‘или... или’ во множестве языков [Trombetti 1925, 119]. Впервые ученый привел такие сопоставления еще в 1903г.: «груз. *da*, ласк. *da* – берб. *ed*, *d* – баск. *eta*, *ta* ...», сходные формы в очень многих африк. языках» [Trombetti 1902-1903, 163]; (*перевод с итал. автора*). В наше время множество подобных примеров приведено в новейшей монографии Дж. Гринберга [Greenberg 2000, 155-157].

Можно ли объяснить фактором случайности близость, созвучие таких форм как баск. *ta* ‘и’, шумерское *da* ‘с’, русское *да* [к примеру дед *да* баба – автор], якутское *да* (см. выше), ительменское *da*, форма *ta* из африканского языка бареа – все в сходных или близких значениях с цитированными в [Trombetti 1925, 144] примерами? Скептически мыслящие языковеды-компаративисты действительно допускают такое объяснение. Другая же группа языковедов полагает, что столь широкое распространение упомянутых форм есть свидетельство огромной, доисторической их древности, весьма большой устойчивости таких «вспомогательных» слов как частицы, союзы, коннективы и подобные грамматические формы. Как известно, таковые не значатся в 100 словном списке М. Сводеша.

Также едва ли случайным является созвучие, сходство башк. диал. *тәхе*, *дәхи* ‘еще’ и ностр. усилительной и соединительной частицы *daH* с ее алтайскими рефlekсами *dā* ‘тоже, же, и’.

Данный вопрос требует дополнительного, более углубленного рассмотрения, особенно с точки зрения исторической, этимологической связи со словами для выражения *локативных* отношений.

Более конкретно автор имеет в виду башкирские усилительно-утвердительные частицы *да-дә, за-зә, ла-лә, та-тә* с перспективой сравнения их с ностр. локативными частицами *da, la*, см. [Иллич-Свитыч 1971, № 59 и книга того же автор от 1976, № 256].

ЛИТЕРАТУРА:

- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М., 1971; Т. II. М., 1976.
Максютова Н. Х. Частицы // Грамматика современного литературного башкирского языка. М., 1981.
Младенов Ст. Етимологическ и правописенъ на былгарския книжовенъ языкъ. София, 1941.
Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. III. М., 1980.
Greenberg J.H. Indo-European and its closest relatives. Vol. 1. Stanford, 2000
Menges K.H. The turkic languages and peoples. Wiesbaden, 1960.
Trombetti A. Delle relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camitosemitiche e con altri gruppi linguistici // Giornale delle Società asiatiche italiane. Vol. XV, 1902 e XVI 1903. P. 126-159.
Trombetti A. Origine della lingua basca. Firenze, 1925.

Г. Н. Ниязова, г. Тюмень

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В СИБИРСКОТАТАРСКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение языковых контактов является одним из актуальных задач лингвистической науки.

Как известно, разные пласты лексики образовались в соответствующих исторических условиях и своим содержанием отражают конкретную эпоху. Часть многочисленных совпадений в различных группах тюркских языков восходит к общетюркской эпохе, другая часть отражает результат более поздних этноязыковых контактов.

Взаимодействие сибирских татар с башкирами отмечается в трудах Г.Х. Ахатова, Ф. Т. Валеева, Дж. Г. Киекбаева, Р. Г. Кузеева и др. На основе этнографических, лингвистических наблюдений авторы приходят к выводу о том, что между указанными народами существовали исторические, этногенетические и этнокультурные связи и башкиры вошли в состав отдельных групп сибирских татар. Самые ранние контакты сибирских татар с башкирами отмечаются еще в конце XVI – начале XVII вв., в дальнейшем, в XVIII–XIX вв., осевшие в Тюменском уезде башкиры в официальных документах считались татарами [Валеев 1993, 34].

Близость между сибирскими татарами и башкирами отчетливо проявляется в их языках – в области фонетики, морфологии и лексики. В частности, общность сибирскотатарского и башкирского языков наблюдается во всех лексико-семантических группах наименований материальной культуры: названиях хозяйственных построек, жилого помещения, убранства, домашней утвари, одежды и т. д. Часть лексем, совпадая по форме, имеет свои семантические особенности. Рассмотрим их.

Так, например, сиб. тат. *кура* (в тобольском говоре) означает «загон для скота» – в башк. *кура* «хлев»; сиб. тат. *кәтәк/китәк* «куратник; птичник» – башк. *кетәк* «птичник»; сиб. тат. *тесмә* «забор из штакетника» – башк. *текмә* «тын; частокол» (ср.: в др. тюрк. *tik-* «устанавливать, втыкать, водружать» [ДТС 1969, 558]); сиб. тат. *итән* «пол» – башк. *изән* «пол»; сиб. тат. *Мунца/муйца/мүлцә* «баня». Различались два типа бань: *ак мунца* (досл. «белая баня», или баня с выводной трубой для дыма) и *кара мунца* (досл. «черная баня», или баня без выводной трубы, дым которой выходит в дверь). Аналогичные наименования таких типов бань имеются и в башкирском языке: *ак мунса* «белая баня», *кара мунса* «черная баня» [ЭСТЯ 2003, 74]; сиб. тат. *кәсәнкә/кәсәңкә* «кладовая, чулан» – в разных фонетических вариантах употребляется и в говорах башкирского языка – *кәзәнкә, кәжәнкә, кәзәнке, кәжиңкә, кәжүңкә, кәзүңкә* – в значении «отсек в чулане» [Дильмухаметов 2006, 87]. Данное слово восходит к арабскому *hazina* «казна» < гл. *hzn-* «охранять». Ср.: в русском языке *казенка* означает «каморка; чулан; лежанка на печи». Слово считается заимствованием из тюркских языков, происходит от слова *казна* [Фасмер 1986, 160].

Сиб. тат. слово *төнлөк* означает в тобольском говоре тоболо-иртышского диалекта сибирскотатарского языка «проем в потолке для лестницы, ведущей на второй этаж», в других говорах встречаются фонетические варианты данного слова с другими значениями: в тарском говоре *төннөк* – «крышка подполья», в тевризском говоре *төнлөк* – «подполье». В барабинском диалекте есть также слова *төннөк* «труба», *түннүк* «отверстие в юрте для выхода дыма», в томском диалекте *түннүк* – «дымоход» [Тумашева 1992, 215, 221]. В башкирском языке есть слово *төндөк*, означающее «вентиляционное отверстие в чем-либо». Эти лексемы восходят к древнетюркским словам *tüŋlük* «отверстие, проем (для освещения, для дыма и т. п.)», *tüŋluq* «окно» [ДТС 1969, 586, 597].

Среди наименований предметов быта, в частности, названий предметов мебели и домашних матерчатых изделий, отметим следующие лексемы: сиб. тат. *утырғыш/ултырғыш* «стул, сиденье» – башк. *ултырғыс* «стул, сиденье» (ср.: др. тюрк. *oltruy* «сидение» [ДТС 1969, 366]); сиб. тат. *киштә*

«полка для посуды и прочих вещей» – башк. *кәштә* «полочка для вещей»; сиб. тат. *цәңгелцәк/цәлгенцәк/сәңгесәк* «колыбель» – башк. *сәңгелдәк* «колыбель»; сиб. тат. *йәймә* «простыня» – башк. *йәймә, япма* «простыня»; сиб. тат. *қорама/қорамыш* «подстилка или одеяло, сшитое из цветных лоскутков в форме квадратов, треугольников, ромбов» (от гл. *қора-* в значении «составлять, шить что-либо из отдельных лоскутков») – башк. *қорама* «лоскут», *қорама юрған* – «одеяло, сшитое из лоскутков» [ЭСТЯ 2000, 157–158].

Общность сибирскотатарского и башкирского языков наблюдается в названиях предметов конской упряжи. Так, например, сиб. тат. *мөйәт* (фонетические варианты *мийәт/меуәт/пеуәт*) означает «хомут» – в башк. *мөйәт* – «подхомутик (длинный мягкий футляр, употребляемый для того, чтобы хомут не натер шею лошади)»; сиб. тат. *йөгән/үгән* «узда, уздечка» – башк. *йүгән* «узда». Это слово является общетюркским, восходит к др. тюрк. *jügün* «узедчка» [ДТС 1969, 284]; сиб. тат. *күмелтерек* «часть верховой сбруи» – башк. *үмелдерек* «нагрудник седла». Данное слово – производное, образованное от существительного *көнүл-гөнүл* в значении «грудь (лошади)» + суфф. *-турук*. Г. Рамстедт предполагает монгольское происхождение лексемы: монг. *kömlüdüрге* > тюрк. *kömlüdürük* [ЭСТЯ 1989, 72]. По мнению исследователя А.Р. Рахимовой, источником данной лексемы является тофаларское слово *һүмүлдүрүк* «нагрудник». В одних языках начальный согласный звук опущен, в других – перешел на [к] [Рахимова 2001, 72]. Ср.: др. тюрк. *kömlüdürük* «нагрудный ремень лошади» [ДТС 1969, 314]; сиб. тат. *сағалтырық* «ремень под нижней частью узды» – башк. *һағалдырық* «подбородник (часть узды)». Вероятно, восходит к др. тюрк. *saqalduruq* «шелковый шнур, которым удерживают шапку на голове, завязывая его под подбородком» [ДТС 1969, 486].

Обнаруживаются параллели и среди наименований посуды. Например: сиб. тат. *ашлау* «лоток для муки» – башк. *ашлау* «большая деревянная чаша для подачи супа, выдолбленная из цельного куска дерева». Эта лексема образована от гл. *ашылау* «добавлять какой-либо компонент» < *ашы* «полезная добавка» + суфф. *-ла-у* [Ахметьянов 2005, 76]; сиб. тат. *цүмөц* «ковш» – башк. *сүмес* «ковш»; сиб. тат. *күнәк* «берестяная кадка для хранения зерна, муки» – башк. *күнәк* «короб; бурдюк». Вероятно, слово восходит к др. тюрк. *könäk* «сосуд; ведро; бурдюк» [ДТС 1969, 315]; сиб. тат. *цынайақ, чинақ* «чайная чашка» – башк. *сынаяк* «чашка». Слово образовано от *цын/сын* «китайский» + *айақ* «чаша, чашка», ср.: др. тюрк. *җапақ* «деревянная долбленая посуда небольшого объема», «чашка; миска; блюдо» [ДТС 1969, 138]; сиб. тат. *йайбах* «чайное блюдце» – башк. *йәйкә* «чайное блюдце», *йәйпәк, йәйпе* «плошка (плоский сосуд)» [ЭСТЯ 1989, 101].

Среди наименований одежды и украшений отметим следующие. Сиб. тат. *көртә* «пальто» – башк. *көртәй* «душегрейка», «детская телогрейка»; сиб. тат. *цалбар* «штаны» – башк. *салбар* «штаны»; сиб. тат. *сырга* «серьги с подвесками» – башк. *һырга* «серьги-подвески». Этимология данного слова неясна. Одни исследователи полагают, что оно является производным от гл. *ас-* «вешать». По мнению других исследователей (В.И. Даля, В. В. Радлова и др.), тюркское *сырга* заимствовано из русского *серьга* [ЭСТЯ 2003, 415]. Исследователи М. Фасмер, М. Рэсэнен, основываясь на фактах наличия данного слова не только во многих тюркских, но и финно-угорских языках и отсутствия его в индоевропейских, делают вывод о тюркском происхождении слова [Рахимова 2002, 65]. М. Рэсэнен также сравнивает тюркские *ысырга, исырга* с русским *серьга*, как будто предполагая для них общий источник. Еще одна этимологизация данного слова принадлежит Г. Рамстедту. Он связывает тюркское *асырга* «ушная подвеска» с монг. гл. *агса-, асга-* «пришнуривать к поясу лук и колчан» > *агсарга* «кушак для ношения лука и стрел». Значение «ушная подвеска» в тюркских языках могло возникнуть в результате полисемии на основе исходного значения (из монг.) «то, что подвешивают» [ЭСТЯ 2003, 416]; сиб. тат. *түмә* «пуговица» – башк. *төймә* «пуговица; кнопка; брошь; завязка». Слово восходит к др. тюрк. *tügmä* «пуговица (завязка)». Образовано от гл. *түг-/туй-/төй-* < др. тюрк. *tüg-* «завязать, затягивать» [ДТС 1969, 595]; сиб. тат. *төйрәүец* «булавка» – башк. *төйрәүес* «булавка».

Таким образом, наблюдаемые лексические параллели в сибирскотатарском и башкирском языках отражают единство тюркской лексики в целом, а также являются свидетельством этногенетических, языковых контактов народов в историческом прошлом и их культурных связей с древнейших времен.

ЛИТЕРАТУРА:

- Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка. В 4-х т. Т. 1. Бирск, 2005.
Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа, 2006.
Древнетюркский словарь. Л., 1969 (ДТС).
Рахимова А.Р. Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). Казань, 2001.
Рахимова Р.К. Лексика и словарь татарского ювелирного дела. Казань, 2003.
Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1993.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т.3. М., 1986.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989 (ЭСТЯ).

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». Выпуск второй / Под ред. Г.Ф. Благовой. М., 2000 (ЭСТЯ).

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Под ред. А.В. Дыбо. М., 2003 (ЭСТЯ).

Е. В. Перехвальская, г. Санкт-Петербург

ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

«Язык — это диалект с армией и флотом»

М.Л. Вейнрейх

Традиционно в работах по диалектологии, например, по диалектологии русского языка, диалекты определяются как *территориальные разновидности*. «Предметом диалектологии являются территориальные разновидности языка». «Внутри такого региона речь людей характеризуется значительным единообразием и стихийно сложившимися представлениями о норме («так у нас скажут, а так — нет») [Пожарицкая 2005]. Однако чаще этот термин относится к таким вариантам речи, которые не имеют письменной фиксации и которыми пользуются преимущественно сельские жители [Беликов, Крысин 2001]. «В обыденном употреблении обычно противопоставляют язык и диалект с точки зрения престижа: язык более престижен, чем диалект» [Вахтин, Головкин 2004]. Термин *диалект*, следовательно, существует не сам по себе, он противопоставлен терминам *язык* либо *литературный (нормированный) язык*.

В соответствии с данными противопоставлениями, существуют и две связанные между собой, но все же различающиеся проблемы:

- 1) разграничение «отдельных языков» и «диалектов языка»;
- 2) взаимодействие «литературного (письменного) языка» и «диалектов указанного языка».

Отдельный язык или диалект?

В современной лингвистике не ослабевает интерес к проблеме разграничения «языков» и «диалектов» [Мусорин 2001]. Причина актуальности этой проблемы для лингвистики заключается в необходимости классификации, ранжирования различных языковых форм. Однако еще большее значение решение этих вопросов имеет для практики — для языковой политики и языкового строительства. В отличие от многих других проблем языкознания этот вопрос оказывается связанным с судьбами людей, поскольку от того, будет ли признано их средство общения «языком» или «диалектом» зависит очень многое — от организации школьного образования до возможности использовать этот «идиом» в официальных инстанциях, например, в суде.

Лингвистам-теоретикам, занимающимся вопросами структуры языка, грамматикой, отдельными проблемами языкового строя, решение этого вопроса, как правило, не очень актуально. Чтобы избежать определения статуса языка — язык или диалект — лингвисты часто употребляют термин «идиом» или пишут «язык/ диалект».

Однако для решения практических вопросов решение этой проблемы чрезвычайно важно. Если это язык, то для него вырабатывается письменность, он преподается в школе, на нем составляют официальные документы. Если это диалект, то его удел — разговор в семье на домашние темы, исполнение народных песен, фольклор. Поэтому решение вопроса о статусе языка — это насущная социальная потребность.

Решить вопрос «язык или диалект?» легко, если речь идет о неродственных или отдаленно родственных языках. Понятно, что английский и башкирский, или башкирский и китайский — разные языки. Однако труднее решать эти вопросы, когда речь идет о родственных языках. Действительно, почему белорусский считается отдельным языком, а язык донских казаков — диалектом русского языка? Белорусская речь в той же степени понятна жителю Москвы, как и речь донского казака, однако в каждом из этих случаев москвич будет понимать не все сказанное и отмечать отличия от его родного «идиома» в произношении и подборе слов.

Люди говорящие на датском, норвежском и шведском — идиомах, считающихся различными языками — без труда понимают друг друга. При этом диалекты немецкого языка различаются лингвистически значительно больше, чем указанные скандинавские языки между собой, так что говорящие на одном немецком диалекте не понимают людей, говорящих на другом диалекте. То же самое касается и итальянского языка. Еще более значительны диалектные различия в китайском языке — там насчитывается 18 крупных диалектных групп, каждая из которых могла бы считаться отдельным языком (со своими диалектами), если бы во внимание принимался только критерий взаимопонимания. Известно, что китайские этнографы и фольклористы могут работать только в тех областях, откуда родом они сами, потому что в других регионах они просто не поймут ни слова (или будут вынуждены общаться на литературном языке).

Для разграничения «языка» и «диалекта» используются следующие критерии:

- 1) структурно-лингвистический;
- 2) критерий взаимопонимания идиомов;
- 3) социолингвистические критерии, учитывающие исторические, социальные и этнопсихологические факторы.

Структурно-лингвистический критерий представляет собой попытку найти в самих «идиомах» такие диагностические особенности (в фонетике, лексике или грамматике), которые могли бы с уверенностью указать на то, что данный идиом является отдельным языком или диалектом родственного языка. Сразу следует заметить, что таких диагностических признаков не существует. Вынесенное в эпиграф знаменитое высказывание М.Л. Вейнрейха как раз и было им произнесено, чтобы в парадоксальной форме объяснить аудитории¹, что термины «язык» и «диалект» — это понятия социолингвистики, а не собственно лингвистики, и что решение вопроса «язык или диалект?» — это в значительной степени проблема социальная, историческая, политическая, а не чисто лингвистическая.

В последние годы для решения вопроса о статусе языка стали применяться методы лексико-статистики (глоттохронологии) [Мудрак 2002; Старостин 2012]. Этот метод связан с подсчетом совпадений в базовой лексике «идиомов». Считается, что если процент совпадений в базовой лексике меньше 89%, то перед нами родственные языки, если же процент совпадений — 97% или больше, то мы имеем дело с диалектами одного языка. Однако «идиомы» с процентом совпадений от 89% до 97% попадают в так называемую «серую зону», они могут считаться, как языками, так и диалектами в зависимости от внеязыковых (т. е. исторических, политических и т. п.) условий.

Казалось бы, данный объективный критерий должен быть ведущим, однако на практике он не работает. Упомянутый белорусский язык имеет с русским языком около 95% совпадений в базовой лексике, однако это, несомненно, отдельный язык. К тому же известны случаи, когда один и тот же идиом менял свой статус в разное время. Так, молдавский считался в XIX веке диалектом румынского языка, затем после вхождения Молдавии в состав СССР он получил статус отдельного языка, что поддерживалось введением кириллицы. В настоящее время молдавский язык вновь использует латинский алфавит, и его вновь считают диалектом румынского языка. Все это было бы невозможным, если бы статус языка — отдельный язык или диалект? — определялся по объективным лингвистическим критериям.

При определении статуса языка часто используют **критерий взаимопонимания между носителями** рассматриваемых идиомов (см., например [Эдельман 1978, 1980], [Яхонтов 1980]): т. е. «наличие или отсутствие взаимопонимания между носителями форм речи, представляющих различные локальные единицы» [Эдельман 1978]. Предполагается, что носители разных диалектов практически полностью понимают друг друга и лишь отмечают особенности произношения и различия в употреблении некоторых слов (диалектная лексика). При взаимодействии же носителей близкородственных языков определенная степень взаимопонимания также сохраняется, однако понимание оказывается не полным, часты случаи провала коммуникации. Взаимопонимание между носителями неродственных или отдаленно родственных языков отсутствует.

Данный критерий также не может являться полностью надежным средством определения статуса языка. Разумеется, отсутствие взаимопонимания часто свидетельствует о том, что перед нами разные языки. Однако известно немало случаев, когда также практически полностью отсутствует и взаимопонимание между говорящими на идиомах, считающихся диалектами одного и того же языка (диалекты китайского, диалекты арабского); в других случаях взаимопонимание между ними очень затруднено (немецкие диалекты). Напротив, наличие взаимопонимания вовсе не свидетельствует в пользу того, что перед нами непременно диалекты одного и того же языка. Носители русского и украинского языков, как правило, хорошо понимают друг друга, то же самое можно сказать о носителях различных тюркских языков, например о носителях татарского и башкирского, башкирского и казахского, турецкого и крымскотатарского. Однако несмотря на наличие взаимопонимания, перед нами несомненно различные языки.

В данной связи следует отметить интересный феномен — некоторые родственные языки понятны только «в одну сторону». Как правило, один из языков оказывается «более инновационным», например, в фонетическом отношении. Такой язык обычно является непонятным носителям «менее инновационного языка». Так, эстонцы хорошо понимают финнов, но не наоборот. Португальцы понимают испанский язык, но испанцы не понимают по-португальски. Можно предположить, что башкиры будут лучше понимать татарскую речь, чем наоборот — башкирский литературный язык, а также восточные диалекты башкирского языка будут менее понятным говорящим по-татарски.

¹ Мейер Лазаревич Вейнрейх (Макс Вайнрайх) произнес это ставшее знаменитым выражение во время чтения публичных лекций в Нью-Йорке, куда он незадолго перед этим эмигрировал из Вильнюса.

Как мы видим, «объективные» критерии оказываются совершенно недостаточными при определении статуса «локальной языковой единицы». Как уже говорилось, проблема заключается в том, что термины «отдельный язык» и «диалект» — это понятия социолингвистические, и, соответственно, ранжирование идиомов на «языки» или «диалекты» должно проводиться при помощи аппарата социолингвистики с учетом исторических и политических факторов. «Граница между языком и диалектом является в значительной степени условной и существует только с социолингвистической, но не с чисто лингвистической точки зрения» [Вахтин, Головкин 2004].

Социолингвистические критерии учитывают в первую очередь то, как функционирует данный идиом [Беликов, Крысин 2001]. Важнейшими вопросами здесь будут следующие:

— Является ли данный идиом функционально полноценным языком? Способен ли он обслуживать все сферы общения людей, которые им владеют?

— Имеет ли данный идиом свой стандартизованный письменный вариант?

— Используется ли этот идиом в различных сферах устного и письменного общения?

Требуется не просто наличие письменных текстов на данной «локальной языковой единице», поскольку писать можно и на диалекте. Требуется именно стандартизованный вариант, т. е. полноценный литературный язык, выработавший строгие правила грамматики и правописания, обладающий стилистическим разнообразием. Если перед нами *язык*, то он должен быть способен употребляться в различных сферах жизни людей, а, скажем, не быть только языком фольклора или неформального общения. Именно поэтому упоминавшиеся датский, норвежский и шведский — отдельные языки, а не диалекты какого-то общего «скандинавского языка».

Для языков, обладающих длительной письменной традицией, важнейшим является следующий критерий — используют ли они один и тот же письменный литературный язык. По этому критерию многочисленные и невзаимопонятные диалекты китайского языка не приобретают статуса отдельных языков. Это могло бы произойти только в том случае, если каждый из них выработал бы свою письменную норму. Этого, однако, не происходит — все диалекты пользуются одной и той же письменной литературной нормой. То же самое можно сказать о диалектах немецкого или итальянского языка.

Важнейшим соображением при анализе социолингвистической ситуации той или иной «локальной языковой разновидности» является политический фактор. Идиом, являющийся основным средством общения какого-то государства, области, республики в составе федерации, как правило, считается отдельным языком. Показателен в этом отношении пример сербского и хорватского языков. В условиях объединенной Югославии было принято говорить о едином сербо-хорватском языке, несмотря на то, что сербский язык использовал кириллицу, а хорватский — латинский алфавит. После развала Югославии и образования на ее территории нескольких государств, стали говорить о сербском и хорватском как об отдельных, хотя и очень близкородственных языках. При этом перевод с сербского языка на хорватский часто заключается в замене одного слова в предложении [Мусорин 2001].

Учитывается, разумеется, и наличие лингвонима, то есть названия данного языка/диалекта. Так, в западной Белоруссии в районе польского и литовского пограничья сельские жители говорят на нескольких языках — на белорусском, польском, литовском, однако затрудняются ответить, на каком же языке они сами общаются между собой. «На вопрос «А на каком языке между собой говорите?» они пожимают плечами и не вполне уверенно отвечают: «Мы по-прóсту говорим!»» [Беликов, Крысин 2001]. Не имеющий названия идиом, разумеется, нельзя считать отдельным языком.

По-видимому, самым важным критерием обладания идиомом статуса самостоятельного языка является наличие у его носителей языкового самосознания. Люди не только осознают себя как отдельный этнос (народ), но и считают, что их средство общения — самостоятельный язык, отличный от языка соседей. «Языковое самосознание — это представление говорящих о том, на каком языке они говорят». «Если коллектив говорящих считает родную речь отдельным языком, отличным от языков всех соседей, значит то, на чем данный коллектив говорит, — это отдельный самостоятельный язык» [Мечковская 1994].

Таким образом, мы видим, что главными критериями при определении статуса «локальной языковой разновидности» являются критерии социолингвистические: наличие у носителей языкового самосознания и лингвонима, наличие стандартизованного письменного варианта, отличного от других письменных языков, функциональная полноценность языка. Дополнительными факторами будет наличие политического образования (государство, республика в составе федерации), где этот язык был бы титульным, а также соображения структурного характера и наличие/отсутствие взаимопонимания с соседними идиомами.

В прошлом не все из указанных критериев применялись при определении статуса идиома. В результате при описании языков допускались ошибки. Иногда это происходит и в наши дни. Можно встретить безосновательные утверждения о том, что, например, украинский язык является

диалектом русского! В действительности, даже в структурном отношении украинский достаточно далек от русского. Точно также, известно, что башкирский язык некоторыми татарскими лингвистами прошлого рассматривался как диалект татарского языка [Баишев 1955], а в настоящее время делаются попытки объявить таковым западные диалекты башкирского. Строгое применение социолингвистических критериев указывает на то, что башкирский, безусловно, является отдельным языком. Об этом свидетельствует наличие четкого языкового самосознания у носителей языка, наличие длительной письменной традиции, его безусловная функциональная полноценность. Эти выводы, сделанные на основе социолингвистических критериев с учетом исторических и политических условий существования данного языка, подкрепляются и выводами лексикостатистики [Мудрак 2002].

ЛИТЕРАТУРА:

- Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955.
Башкирский диалектологический сборник // Академия наук СССР, Башкирский филиал, Ин-т истории, языка и литературы, 1959.
Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.
Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. Санкт-Петербург, 2004.
Ишбулатов Н. Х. Башкирская диалектология. Уфа, 1980.
Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1994.
Мудрак О. А. Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
Мусорин А. Ю. Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар № 1. Новосибирск, 2001. С. 12–16.
Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.
Старостин Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. М., 2012.
Ураксин З. Г. Исследования и материалы по башкирской диалектологии. Уфа, 1981.
Эдельман Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
Эдельман Д. И. Проблема «язык или диалект» при отсутствии письменности (на материале памирских языков) // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1978.
Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.

З.М. Раемгужина, г. Уфа

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

В лингвистической науке, исследующей диалектическое взаимодействие языка и речи, сложилось достаточно твердое убеждение в том, что в лексико-семантической системе языка сосуществует два противопоставленных друг другу разряда языковых номинаций — аппеллятивная и ономастическая лексика.

Восходящая к А. Гардинеру [Gardiner 1940] и Е. Куриловичу концепция трактовки этих двух противопоставленных разрядов лексической номинации предполагает, что различия между ними состоят в первую очередь в том, что имя нарицательное не только называет, но и обозначает класс объектов, в то время как имя собственное является лишь названием определенного индивидуального объекта. Соответственно имя собственное не имеет ни лексического, ни словообразовательного значений. Оно обладает только классификационным значением, выражающемся в его способности сочетаться с номенклатурными именами — терминами родства, географическими терминами и другими сопутствующими ему нарицательными словами [Курилович 1955, 251–252]. Совершенно справедливо, на наш взгляд, указывали теоретики языка, что любая лексическая единица, включая нарицательные и собственные имена, может быть употреблена для именования любого объекта.

Противопоставление имен нарицательных и собственных подкрепляется тем аргументом, что аппеллятивы, как правило, многозначны, им свойственны сдвиги в значениях, обусловленные как внеязыковыми факторами, так и особенностями развития самой лексико-семантической системы языка: наличие лексико-семантических вариантов у полисемантического слова, словообразовательного значения у дериватов и композитов, парадигматические отношения синонимии, антонимии, гиперонимии и гипонимии, влияние контекста на семантику слова и др. В тоже время для имен собственных характерна однозначность, независимо от того, образованы ли они морфологическим или лексико-семантическим способом. Имя собственное в пределах одной языковой системы, как правило, относится к одному индивидуальному объекту природы или лицу, животному. Перенесение одного и того же имени собственного на другой объект живой или неживой

природы сопровождается обычно присоединением к этому имени уточняющих слов: определений, номенклатурных терминов, других имен собственных.

Характеризуя соотношение рассматриваемых двух номинативных разрядов в лексиконе языка, Е. Курилович выделяет как онтологическое свойство апеллятивов их первичность, в то время как онимам он приписывает признак вторичности. Исследователь, объясняя причины такой взаимобусловленности обоих классов имен различиями в их денотатной соотносительности указывает что, разнообразие употребления, свойственное нарицательным существительным, способным обозначать различные объекты, у имен собственных отсутствует; имена собственные могут относиться лишь к одному определенному индивидуальному объекту. Такое различие создает между именем нарицательным и именем собственным отношение обоснования: нарицательное является исходной (обосновывающей) формой, собственное — обоснованной формой [сравн.: Курилович 1962, 255].

Подобная семасиологическая установка на выявление различий между именами нарицательными и собственными безусловно имеет под собой все основания. Однако такое ограничение проблемы названных двух разрядов имен является, на наш взгляд, далеко не бесспорным, так как оно сужает круг сопричастных к номинации вопросов в онтологическом плане. Представляется, что при семасиологической постановке вопроса упускается из виду ономазиологическая сущность языковой номинации, которая позволяет выявить то общее, что лежит в природе именования апеллятивом и онимом, в целом, и что допускает некоторую возможность их объединения в один класс существительных независимо от генезиса в частности.

Исследование указанной специфики имен, как единиц номинации, безусловно предопределяет обращение к весьма широкому кругу проблем, связанных с процессами познания и отражения объективной действительности и закрепления их результатов в номинативных единицах языка. Иными словами, изучение онтологии имен нарицательных и собственных неизбежно упирается в такие проблемы общего языкознания, как язык и мышление, язык и общество, знаковость языковых единиц, сущность языковой номинации и др. В лингвистике в настоящее время является преобладающей точка зрения о том, что язык представляет собой сложно структурированную, динамическую, саморазвивающуюся знаковую систему. Это не должно, однако, пониматься слишком односторонне. Так, самой динамической подсистемой в структуре языка, по-праву, считается лексико-семантическая, фактически ежедневно пополняющаяся неологизмами — новыми лексическими, единицами или новыми лексико-семантическими вариантами слов. В связи с этим, исследователи указывали, что относительная устойчивость и определенность языковой системы, обеспечивающие возможность сохранения и передачи знаний о мире, обуславливающие самую возможность взаимопонимания между носителями того же языка, не служат в то же время препятствием для языкового отображения безграничного количества ситуаций и постоянного изменения как самого мира, так и человеческих знаний о нем. Это определяется прежде всего двумя факторами, лежащими в основе всякой номинации: абстрагирующим характером лексики и полифункциональностью ее единиц.

Вместе с тем, как неоднократно отмечалось, что собственные имена как номинативный разряд лексикона языка имеет особенности не только в семантике и употреблении, но весьма существенно отличаются от нарицательных имен, благодаря специфическим закономерностям функционирования на всех уровнях и подуровнях языковой системы — фонологическом, морфонологическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, стилистическом и текстовом.

Логически отсюда следует предположить, что изначально акт именования предмета словом, т.е. установление ассоциативной связи "предмет - понятие - форматив = акустический образ в памяти" свершается в привязке имени к конкретному, единичному предмету. Онтологически этот акт именования идентичен как для предмета неодушевленного, так и для живого существа. Мы не усматриваем в онтологии именования принципиального различия между номинацией апеллятивной или ономастической единицей. Тожественность апеллятивных и ономастических актов именования, направленных на единичный объект, подтверждается и тем, что кроме класса предметов, обозначаемых нарицательными именами, существуют и уникальные, единичные в своем роде предметы, также отражаемые языковым сознанием в словах типа башк. ер «земля», кояш «солнце». Но прежде всего в пользу данной гипотезы говорят многочисленные и практически неограниченные факты "взаимоперехода" апеллятивов в онимы и наоборот, имен собственных в класс нарицательных существительных.

Кратко изложенный выше процесс номинации апеллятивными именами в онтогенетическом плане идентичен называнию человека антропонимом. Имянаречение связано с именованием единичного, конкретного объекта. Антропонимическая номинация нацелена на снабжение новорожденного его отличительным знаком от других членов семьи - личным именем. Личные онимы выполняют в системе языка ряд общих функций с именами нарицательными, но обладают и своими

специфическими чертами, как особые единицы языковой номинации. Общими для двух рассматриваемых разрядов именной номинации следует считать такие ономазиологические категории, как: 1) этноязычность; 2) знаковость; 3) мноминативность; 4) предметность; 5) одушевленность / неодушевленность.

На первом месте в иерархии названных ономазиологических категорий находится этноязыковая принадлежность слова. Мы считаем возможным и уместным в дальнейшем употреблять, как адекватный и экономный, однословный термин-компонент этноязычность. Всякое слово создается в определенном этноязыковом коллективе, оно является в дальнейшем составной частью лексико-семантической системы языка конкретного народа. Не языка вообще, а языка определенного этноса. Не существует слов-космополитов. Каждое слово возникает и существует, выполняя свои номинативные, коммуникативные и иные функции, только в языковой системе данного конкретного этноса. Факт заимствования слов из других языков сам по себе не меняет сути дела. Будучи заимствованным, каждое слово должно прижиться в новой языковой системе и должно пройти путь от его восприятия носителями языка как чужеродного лексического элемента до признания "своим", т.е. воспринимаемым как равноправный член лексической системы родного языка. Прежде всего, каждое заимствование подвергается фонетической ассимиляции, т.е. приспосабливается носителями заимствующего языка к произносительным навыкам, усвоенным в ходе овладения родной речью.

Становясь элементом лексико-семантической системы другого языка, заимствованное слово проходит также через "горнило" грамматического приспособления, т.е. претерпевает, в первую очередь, морфологическую и последующую синтаксическую ассимиляцию, приспособляясь к новым условиям внутриязыкового существования.

Таким образом, заимствованные слова в новых условиях этноязыкового бытия проходят через процесс комплексной адаптации как к произносительным навыкам носителей данного языка, так и к иному внутрисистемному статусу в лексико-семантической системе и грамматическом строе, приобретаемому с вхождением в качестве новых номинативных единиц в заимствующий язык. Это приспособление включает и орфографию: одним из видов такой графической этноязычной ассимиляции является транслитерация при несовпадении алфавитов языка донора и языка реципиента.

В башкирском языке очень много имен собственных, которые употребляются в различных фонетических вариантах. Причиной тому является то, что грамматические (фонетические) системы русского (флективный строй) и башкирского языков (агглютинативный строй) не соответствуют друг другу. Различия появляются, в частности там, где нужно передать графически на русский язык звуки/буквы башкирского языка, которых нет в русском. Наблюдается постепенная адаптация звуков в двух языках.

ЛИТЕРАТУРА:

Gardiner A. The theory of proper names. L., 1990.

Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М., 1955.

Раемгужина З. М. Башкирский язык в контексте национальной культуры. Уфа: 2003.

Раемгужина З. М. Формирование антропонимической системы башкирского языка. Уфа: 2006.

В.И. Рассадин, г. Элиста

СУБСТАНТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЧАСТИЙ В ЯЗЫКЕ ДЕРБЕТОВ КАЛМЫКИИ И МОНГОЛИИ*

*Издание (материалы научной конференции) осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-24-03-005/aМон

Субстантивация причастий не только в языке дербетов Калмыкии и Монголии, но и современном калмыцком языке, до сих пор еще не была объектом специального исследования.

При изучении субстантивации мы считаем нужным отметить следующее.

В научной литературе встречается два различных взгляда по вопросу о том, как происходит субстантивация в монгольских языках. Согласно первой точке зрения, субстантивация причастия предполагает предварительную его адъективацию. То есть, процесс идет по схеме: причастие → прилагательное (адъективированное причастие) → существительное (субстантивированное прилагательное).

Есть субстантивированные причастия, которые употребляются в качестве прилагательных, действительно адъективированные предварительно. Действие признака становится постоянным, характерным признаком предмета, а затем может заменить и сам предмет (речь, разумеется, идет

о словах-названиях). Субстантивация причастий считается более распространенным способом словообразования и большинство монголоведов являются сторонниками именно этой точки зрения.

В языке дербетов Калмыкии и Монголии причастия почти всех морфологических типов субстантивируются, кроме причастия возможности на *-мар*, и страдательного причастия на *-ата*. Причастия же настоящего времени на *-а* и будущего времени на *-х* субстантивируются достаточно регулярно. Однократное причастие на *-гч*, субстантивируясь, участвует в процессе терминотворчества, например, *орлгч нерн* - местоимение, многократное на *-дг* и постоянное на *-ач* также регулярно субстантивируются. Эти причастия вместе с так называемыми временными — прошедшего времени на *-сн* и будущего времени на *-х* — образуют так называемый тип полной субстантивации.

Кроме этого, в языке дербетов Калмыкии и Монголии также выделяется окказиональная субстантивация, позволяющая причастию в предложении в зависимости от контекста вести себя как имя, получать падежные окончания, показатели числа и личной принадлежности и употребляться в функции подлежащего, дополнения и обстоятельства. При окказиональной субстантивации в роли субстантиваторов выступают частицы личного притяжания, из них чаще всего частица 3 лица *-нь*, а также возвратная частица *-ан*. Примеры: *Даархинь чигн үзэд, көрхинь чигн үзэд* — Вишел и мороз и холод; *Хур ордган уурв* — Дождь перестал.

Надо отметить, что спецификой в языке дербетов Калмыкии и Монголии является то, что в калмыцком языке есть категория принадлежности. Грамматические показатели категории принадлежности могут присоединяться как к глагольным, так и к именным основам. Однако, если к основе неличных форм глагола с аффиксом принадлежности присоединяются падежные аффиксы, то она выступает, как правило, в качестве существительного или субстантивированного слова. Такое явление вполне можно отнести к причастиям, представляющим одну из неличных форм глагола. В этом, на наш взгляд, специфика субстантивации причастий в языке дербетов Калмыкии и Монголии, например: *Танад ирснь - Бадмин ах* - Приехавший к вам - брат Бадмы [Грамматика калмыцкого языка, 1983, с. 95].

Конечно, данная классификация условна, но, тем не менее, отражает типы субстантивации, которые имеют место как в калмыцком языке, и в языке дербетов Калмыкии и Монголии.

Как в современном калмыцком языке, так и в языке дербетов Калмыкии и Монголии встречаются субстантиваторы различных степеней.

1. На наш взгляд, большей регулярностью по типу "полная субстантивация" обладают видовые причастия, из которых самыми продуктивными в этом плане являются причастия однократное на *-гч* и постоянное на *-ач*.

2. Все остальные причастия, как калмыцкого языка, так и языка дербетов Калмыкии и Монголии субстантивируются окказионально. Причастия возможности на *-мар* и страдательное на *-ата* имеют окказиональную субстантивацию, присоединяя к себе лишь лично-притяжательные частицы.

На основании проведенного нами анализа можно сделать вывод о том, что в синтаксическом отношении между калмыцкими причастиями и причастиями языка дербетов Калмыкии и Монголии есть существенное типологическое сходство. Основными синтаксическими функциями причастий в простом предложении являются функции определения и сказуемого. И это не случайно. В этом проявляется грамматическая суть причастия, его причастность и к прилагательному, и к глаголу.

В остальных же случаях — в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства - причастия выступают в субстантивированной форме.

Не претендуя на полноту изучения вопроса о субстантивации, понимая, что данная проблема в языке является объектом специального исследования, мы ограничились нашими наблюдениями. Эту проблему мы вынуждены затрагивать в связи с исследованием нами так называемой "несобственно" причастной функции, когда причастие начинает указывать не на признак, а на носителя признака и объект действия.

ЛИТЕРАТУРА:

Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.

Renata Marciniak-Firadza, Łódź, Polska

О НЕКОТОРЫХ НАЗВАХ ДРЕВ И КРЗЕВОВ В ГВАРАХ МАЛОПОЛЬСКО- МАЗОВЬСКО-ВІЕЛКОПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧНА ЯЗЫКОВОГО (ЕТІМОЛОГІА І ГЕОГРАФІА ЛІНГВІСТЫЧНА)

В статье Ренаты Марчиняк-Фирадза “О некоторых названиях деревьев и кустов в говорах пограничья Малой Польши, Мазовша и Великой Польши (этимология, лингвистическая география)” описываются названия деревьев и кустов в ловицких говорах с точки зрения языковой системы (т.е. фонетики и морфологии). Автор статьи обращает внимание на этимологию названий, на их праславянское происхождение и связи с названиями в некоторых славянских языках.

Materiał poddany analizie został zebrany w 10 równomiernie rozmieszczonych punktach-wsiach. Eksplorowane wsie oznaczono następującymi skrótami: B – Bobrowniki, C – Czatolin D – Dąbkowice, G – Gzów, K – Kompina, M – Mastki, O – Osiek, P – Pszczonów, Ś – Świeryż, U – Urzecze.

W obrębie nazw drzew i krzewów wyróżniłam cztery grupy nazw: 1. nazwy drzew i krzewów liściastych dziko rosnących, 2. nazwy drzew i krzewów iglastych, 3. nazwy leśnych krzewów owocowych, 4. nazwy drzew i krzewów rosnących w sadzie i ogrodzie.

Za podstawę grupowania desygnatów przyjąłam tzw. „kryterium zwyczajowej odpowiedniości desygnatów», wyrażające się w występowaniu nazw-homonimów i poczuciu podobnej funkcji oraz zastosowania danych desygnatów. W obrębie każdej z wymienionych 4 grup zastosowałam podział na nazwy nieodróżniane na badanym obszarze i nazwy wykazujące odróżnianie (bądź to na płaszczyźnie systemowej, bądź na leksykalnej). W obrębie nazw odróżnianych i nieodróżnianych przyjąłam prezentację materiału alfabetyczną.

1. Nazwy drzew i krzewów liściastych dziko rosnących

Większość nazw drzew liściastych posiada zasięg ogólnosłowiański, wśród których to nazw wyróżniają się nazwy prасłowiańskie, dotyczące drzew dobrze znanych zarówno dawniejszym, jak i współczesnym Słowianom, rosnących na całym ich dawniejszym i obecnym terytorium.

Tezę, że „nazwy określonych gatunków drzew liściastych (poza dębem) mają charakter prасłowiański i są identyczne (poza głównie różnicami fonetycznymi) dla całego obszaru Słowiańszczyzny» [por. Budziszewska 1965; 292] potwierdza materiał gwarowy z Łowickiego. Mianowicie większość zapisanych tu nazw drzew i krzewów to nazwy nieodróżniane zarówno systemowo, jak i leksykalnie, por. nazwy *buku* i *klonu*; obok nich nazwy odróżniane systemowo (por. nazwy *brzozy*, *jarzębiny*, *jesionu*, *lipy*, *olchy*, *osiki*, *róży polnej*, *wierzby*). Wyjątek stanowią nazwy *czerechwy* odróżniane leksykalnie, por.:

Buk (*Fagus silvatica*L.): w Łowickim występuje tylko jedna nazwa tego desygnatu, tj. ogólnopolska i zarazem ogólnosłowiańska nazwa **buk** (por. też czes. *buk*, ros. б́лр. ukr. *buk*, bułg. *buk*), będąca ogólnosłowiańskim zapożyczeniem z języków germańskich [Brückner 1927; 48; Budziszewska 1965; 290, 296; Sławski 1952 i n.; I; 49].

Klon (*Acer* L.): na badanym obszarze zanotowano tylko jedną nazwę tego drzewa, mianowicie **klon**, będącą jednocześnie formą ogólnopolską i ogólnosłowiańską, por. ros. б́лр. ukr. *klen*, czes. *klen*, mac. bułg. *klen*.

Brzoza (*Betula* sp.): na określenie desygnatu najczęściej notowaną formą jest **b_oza** (cały badany obszar z wyjątkiem wsi U), poza tym **b_eżina** (Ś, U). Obie te nazwy mają charakter ogólnosłowiański, por. czes. *b]iza*, *b]ezina*, ros. *berioza*, *bereznjak*.

Jarzębina (*Sorbus aucuparia* Gaertn.): drzewo, które ma kiście czerwonych jagód nazywane jest w Łowickim **za_omp** (G, P, Ś), **za_ombek** (C, M, O, U) oraz **za_ymbina** (B, D, K, M, P, U). Nazwa *jarzáb* do XV wieku miała wyłącznie znaczenie ‘jarząbek, ptak’, od XVIII wieku występuje *jarzáb* w znaczeniu ‘Sorbus’. Etymologicznie wywodzi się *jarzáb* z psł. *ǰręb|, *eręb| ‘jarząbek, kuropatwa, Sorbus’¹. Według Sławskiego ta wyłącznie słowiańska postać oznaczała zwierzęta lub drzewa o ciemnej lub czerwonej barwie [Sławski 1952 i n.; I; 506-507]. *Jarzębina* występuje w języku polskim oznaczając *Sorbus aucuparia*, od wieku XV. Formę **za_omp** na obszarze Polski zanotowano na pld. Mazowszu i w Małopolsce, **za_ombek** w Wielkopolsce, Małopolsce i pld. Mazowszu zaś **za_embina** obok **za_ymbina** poza przykładami poświadczonymi niemalże na całym obszarze, tworzą zwarty obszar na Śląsku i Kaszubach [por. MAGP; IV; m. 189].

Jesion (*Fraxinus excelsior* L.): w Łowickim drzewo to nazywane jest: **ześon** (K, M, P, U), **ześun** (B, C, D, Ś), **ześŷn** (O, Psz) obok **zaśon** (G). *Jesion* to rdzenna nazwa ogólnosłowiańska, etymologicznie wywodząca się z psł. *asen| [Taszycki 1934; 72-74], występująca w szeregu języków słowiańskich z różnicą *ja-* (postać pierwotna) // *je-* w nagłosie (por. st.czes. *ješen* // *jasen*, czes. *jasen*’, ros. б́лр. ukr. *jasen*’). Według W. Taszyckiego pierwotne, ogólnopolskie postaci fonetyczne to *jasion* // *jasień*, zaś forma *jesion* powstała pod wpływem staroczeskiej nazwy tego drzewa, por. *ješen*. Prócz tego na terenie Polski zachodniej i północnej formy z nagłosowym *je-* powstały niezależnie od wpływów staroczeskich,

¹ Por. np. dłuż. *jeréb* ‘jarząbek’ czy słoweń. *jeréb* ‘kuropatwa’.

a są wynikiem polskiej wymiany grup *ja-* > *je-*, będącej rezultatem wpływu *j-* na samogłoskę *-a* [Taszycki 1934; 48-49].

Lipa (*Tilia Mill.*): podstawowym określeniem tego ważnego w gospodarstwie (łyko, miód, napar) drzewa jest mająca charakter ogólnopolski i ogólnosłowiański nazwa **Dipa** (C, G, K, M, O, P, Ś, U) // **lipa** (B, D) // **Dypa** (P) (por. czes. *lípa*, biał. *lipa*, bułg. *lipá*).

Olcha (*Alnus*): na drzewo rosnące na wilgotnych łąkach używa się na omawianym obszarze nazw: **woła** (B, D, K, M, P) // **ola** (G) obok **Wolsyna** (C, M) // **woRyna** (Ś) // **wołyna** (O, U). W języku literackim występują obie nazwy *olcha* i *olsza*. Ponadto nazwa z *-cha* występuje też w dialektach wschodniosłowiańskich, w grupie ruskiej, w języku serbskim, chorwackim i bułgarskim, por. przykładowe ros. *ol'cha*, ukr. *vil'cha*, bułg. *jelcha*, a staropolska *olsza* we wszystkich językach słowiańskich z wyjątkiem grupy ruskiej, odpowiedniki zaś polskiej *olszyny* znajdują się we wszystkich językach północnosłowiańskich z wyjątkiem jęz. rosyjskiego. *Olszyna* notowana m.in. w Łowickim to derywat od rzeczownika *olsza*, utworzony za pomocą sufiksu *-(y)na*. Jeśli chodzi o geografie tych nazw na obszarze Polski to w Wielkopolsce *olszyna* jest najpowszechniejszą nazwą [por. AJKLW; II; m. 164], notuje ją też *Atlas gwarowy województwa kieleckiego* na całym przedstawionym przez siebie obszarze [por. AGK; III; m. 394]. Sporadyczna w Wielkopolsce i w Kieleckim jest nazwa *olcha*.

Osika (*Populus tremula L.*): na określenie 'drzewa, którego liście drżą na wietrze'¹ stosuje się na terenie badanych gwar nazwy: **Wośika** (cały obszar prócz M) obok **Wośica** (M) z sufiksem *-ica*, w którym spółgłoska *-c-* jest wynikiem tzw. III palatalizacji tylnojęzykowych (postępowej). Derywatem jest też forma *Wośika*, utworzona od podstawowego rzeczownika *osa*² za pomocą sufiksu *-ika*. Forma *osika* występuje w różnym nasileniu na Mazowszu, poza tym notowana jest na Podlasiu, w Lubelskiem, Rzeszowskim, w ziemi dobrzyńskiej i wieluńskiej, w Wielkopolsce, na Śląsku, sporadycznie na Warmii [za: AGM; VI; cz. II; 29]. Na Mazowszu południowo-zachodnim i w okolicach Płocka grupuje się formacja *osica*, znana poza tym na Podlasiu, w Kieleckim, Sieradzkim, w Wielkopolsce, na Kociewiu, w ziemi wieluńskiej, na Śląsku Opolskim, sporadycznie na Mazurach [za: AGM; VI; cz. II; 30].

Czeremcha (*Prunus padus L.*): nazwa *czeremcha*, w Łowickim w postaciach fonetycznych: **cerem,a** (D, K, P, Ś) // **ceren,a** (C) // **cerym,a** (M, U), etymologicznie wywodzi się z psł. **lerma*, **lerm-* } *cha* i występuje w większości języków słowiańskich (por. np. słowac. *lremcha*, ros. *leremucha*, ukr. *leremucha*). Poza tym zanotowano tu nazwy **smrovina** (C, G) obok **smrutka** (B), występujące w staropolszczyźnie jako nazwy czarnej porzeczki (por. ros. ukr. *smorodī(y)na*). Nazwę **kucipa** (P) *Słownik gwar polskich* pod red. J. Karłowicza wywodzi od słowa *kocierba* 'czeremcha' [por. SGPK; II; 392]. A. Brückner wywodzi *kucipę* od *kocirpki* // *pocirpki* wiążącej się najprawdopodobniej z *cierpkością* młodych pędów [Brückner 1927; 242]. Zaś W. Budziszewska od słowa dial. *kocierbka* // *kotarba* a te od stp. *pocierpka*. Nagłosowe *k-* jest wg Budziszewskiej wynikiem etymologii ludowej przez skojarzenie z *kotem* z powodu silnego i niezbyt przyjemnego zapachu kwiatów tej rośliny [Budziszewska 1965; 283].

Nazwa *czeremcha* notowana w różnych postaciach fonetycznych jest najczęstszą na całym Mazowszu. Poza Mazowszem tworzy zwarty kompleks na wschodzie – Suwalskie, Augustowskie, Podlasie, ziemia łukowska, Lubelszczyzna [za: AGM; V; cz. II; 164; por. też MAGP; XI; m. 548]. W półn.-zach. części Mazowsza zwartą grupę tworzą nazwy pochodzące od rdzenia *smrod-* // *smrodz-* [AGM; V; m. 248]. Nazwa *smrodzina* na Mazowszu rzadka i sporadyczna zanotowana została poza tym w Iławskim, Ostródzkim, na Warmii, Pomorzu, w Kieleckim, Łęczyckim i Wielkopolsce [MAGP; XI; m. 548]. Mazowsze południowo-zachodnie obejmuje m.in. nazwa *kucipa* [AGM; V; m. 248; cz. II; 165].

2. Nazwy drzew i krzewów iglastych

O ile rodzime nazwy drzew liściastych występowały niemal niezmienione na ogromnych terytoriach, o tyle nie ma nazwy rodzimej drzewa iglastego, która by obejmowała całą Słowiańszczyznę bez zmiany znaczenia, co częściowo uzasadnić można z jednej strony mniejszym zasięgiem tych drzew, z drugiej faktem, że Słowianie posuwając się na południe napotykali nowe gatunki drzew, na które przenosili nazwy drzew znanych im uprzednio na północy.

W przypadku nazw drzew i krzewów iglastych na obszarze Łowickiego obok nazw nieodróżnionych (tak systemowo, jak i leksykalnie), np. *cis*, *jałowiec*, notują nazwy zróżnicowane fonetycznie bądź morfologicznie (nazwy *jodły*, *modrzewia*, *świerku*) a także nazwy zróżnicowane leksykalnie (nazwy *sosny*).

Cis (*Taxus baccata L.*): dla całego badanego obszaru charakterystyczna jest nazwa **ćis**, wywodząca się z cerk. *tis*, z **tig-s* [Brückner 1927; 64].

¹ Definicje podają za: Dejna K., 1987, *Atlas gwar polskich. Kwestionariusz-notatnik*, Łódź.

² *Osa* to pierwotna psł. nazwa osiki o postaci **wopsa* > **opsa* > **osa* [Brückner 1927; 383-384].

Jałowiec (*Juniperus communis* L.): nazwa *jałowiec* wywodzi się bądź od słowa *jałowcy* tj. ‘na jałowej ziemi’, bądź od kwiatów męskich, więc *jałowych* [Brückner 1927; 198]. Ten wspólny Słowianom rdzeń (*jał-*) jest widoczny w zarejestrowanej powszechnie w Łowickim nazwie drzewa **zaWolęc**.

Jodła (*Abies alba*): na określenie ‘drzewa podobnego do świerku, ale z płaskimi i płasko ułożonymi szpilkami’ używa się w Łowickim nazwy ogólnopolskiej **zodWa** (wszystkie badane wsie z wyjątkiem U), obok której pojawiają się formy ze śródgłosowym *-d-*: **zedle** r.n. (U) i **zedCina** (U). Dwie ostatnie nazwy to prawdopodobnie wynik wpływów polskiego języka literackiego. Etymologicznie nazwy te wywodzą się ze wspólnego psł. **edle* (w jęz. południowo- i wschodniosłowiańskich nazwy z uproszczeniem w grupie *-dl-*, por. bułg. *jela*, serb. *jela*, ros. *jel’*, *jołka*) [Brückner 1927; 208].

Modrzew (*Larix*): ogólnopolską nazwę *modrzew* w różnych postaciach fonetycznych zanotowano w: **mot_ef** (B, D, K, M, O, P, Ś), **moo_ef** (G), **mWoo_ef** (C), **oo_ef** (C). Formę **modrot_ef** (C) wiązać należy z *modrym drzewem* i kolorem *modry* ‘siny’ [Brückner 1927; 343]. Nazwa *modrzew* występuje na całym Mazowszu, na Suwalszczyźnie, Podlasiu, w Lubelskim, Kieleckim, w ziemi chełmińskiej, Wielkopolsce i na Pomorzu, w Sieradzkim, Łęczyckim, ziemi wieluńskiej, na Śląsku, zaś *modrodrzew* przede wszystkim na Mazowszu północnym, poza tym w Łęczyckim, w Wielkopolsce, w ziemi wieluńskiej i dobrzyńskiej [za: AGM; VI; cz. II; 30-31].

Świerk (*Picea excelsa*): na interesującym nas obszarze zanotowano nazwę ogólnopolską **swerk** (B, D, G, K, P, Ś, U) lub jej fonetyczne oboczności tj. **śferk** (C), **śwerek** (C) oraz **ćwerk** (M, O). Nazwa *świerk* jest genetycznie południowopolska, gdyż „(...) na obszarze południowym, gdzie świerk współżyje z jodłą, zwie się stale **sm|rk*}, **smerk*} lub **s(k)v|rk*}, **s(k)verk*}} [Nitsch 1955; 118]. Formy *świerk*, *świerek* są południowomazowieckie. Poza tym notowano je w Ostródzkim, na Warmii i Mazurach, w Lubelskim, ziemi dobrzyńskiej, Wielkopolsce, Sieradzkim, Łęczyckim, Krakowskim i Zielonogórskim [za: AGM; VI; cz. II; 34].

Sosna (*Pinus* L.): ‘drzewo, które ma kępki długich igieł i brunatną korę’ nazywa się w Łowickim **sosna** (C, M, P, Ś). Obok tej ogólnopolskiej nazwy notuje się także nazwy z rdzeniem *choj(-)*-, wywodzące się z psł. **chvoja*, *chvojina*, w których grupa *chv-* uległa uproszczeniu w *ch-* (por. *chory* < *chwory*)¹, tj., **ozna** (M, Ś) oraz **ozok** (B, D, K, M, O, U) // **ozak** (Ś). Nazwa *sosna* występuje na całym Mazowszu. Również na całym Mazowszu, nieco częściej na północy, występuje nazwa *choina*, wychodząca poza Mazowsze na Lubawskie, Ostródzkie, Warmię, Mazury, Suwalszczyznę, Podlasie, Lubelskie, Rzeszowskie, Krakowskie, Nowotarskie, Kieleckie, na ziemi dobrzyńską, Sztumskie, Bory Tucholskie i Śląsk. Dla Mazowsza południowego charakterystyczna jest nazwa *chojak*, notowana też w Łęczyckim, Sieradzkim, Kieleckim, Krakowskim, Lubelskim, na Kujawach, w Wielkopolsce, ziemi dobrzyńskiej i na Podkarpaciu [za: AGM; VI; cz. II; 31 -32].

3. Nazwy leśnych krzewów owocowych

W obrębie nazw leśnych krzewów i owoców można wyróżnić nazwy zróżnicowane w Łowickim fonetycznie (por. nazwy *jeżyny*) oraz nazwy zróżnicowane leksykalnie (por. nazwy *borówki*, *czarnej jagody*, *leszczyny*).

Jeżyna (*Rubus fruticosus* L.): w Łowickim krzew ten będący ‘leśną rośliną o kolczastych pędach i granatowych owocach’ nazywa się **ze_yna** (B, M, Ś, U) obok **zezyna** (C, D, G, K, M, O, P). Brückner wywodzi *jeżynę* od ie. **egh* ‘kłuć’ [Brückner 1927; 207]. Na terenie Polski *jeżyna* obejmowała głównie dialekty historycznej Wielkopolski i Mazowsza [Dubisz 1977; 57]. Obecnie obszar ten jest rozszerzony na całą Polskę północną i środkową [por. MAGP; IV; m. 199]. Postać **za_yna** (B) w znaczeniu ‘jeżyna’ wiążąca się ze stp. zmianą nagłosowego *ja-* > *je-*, bez wątplenia nawiązuje do analogicznych nazw na obszarze wielkopolsko-kociewsko-chełmińskich [MAGP ; IV; m. 199]. Na terenie Słowiańszczyzny zróżnicowane morfologicznie odpowiedniki pol. *jeżyny* występują tylko w jęz. wschodniosłowiańskich, por. ros. *e_evika*, *e_evinka*, ukr. *je_evyka*, biał. *a_yna* oraz w dialektach zachodniobiałoruskich, por. *za_yna*, w których jest to prawdopodobnie wynikiem dialektalnych wpływów Mazowsza [Dubisz 1977; 57; por. też Budziszewska 1965; 283].

Borówka (*Vaccinium vitis idaea* L.): borówka brusznica nazywana jest w Łowickim **borufkM** (cały badany obszar). Na terenie Polski nazwa ta obejmuje w zasadzie cały obszar dialektalny, tj. Polskę północną i centralną, półn. Śląsk, półd.-wsch. i półn.-zach. Wielkopolskę [MAGP; XII; m. 553]. Poza tym zanotowano nazwy **borufka cervona** (Ś) oraz **cervuno zagoda** (C). Ta ostatnia nazwa zwarcie występuje w półd.-wsch. Wielkopolsce wraz z częścią Kujaw i Chełmińskiego [MAGP: XII; m. 553]. Na terenie języków słowiańskich zakres występowania *borówki* i jej derywatów w znaczeniu ‘borówki brusznicy’ jest mniejszy niż tej samej nazwy w znaczeniu ‘borówki czernicy’, por. np. rus. *borovika*, bułg. *borovinka*, *borovka*, *borovnica* itd.

¹ Nazwy tego typu występują niemal we wszystkich językach słowiańskich w nazwach związanych z drzewami iglastymi, por. czes. *chvoji* ‘choina, młody las szpilkowy’, *chvojka* ‘sosna’, ukr. *chvoja* ‘drzewo iglaste, sosna, igliwie’, słoweń. *hoja* ‘jodła’, bułg. *chvojna* ‘jałowiec’.

Czarna jagoda (*Vaccinium myrtillus* L.): krzewy tej rośliny ‘mającej owoce jadalne barwy ciemnogrnatowej’ określane są w Łowickim mianem: **zagoda** (B, C, D, G, K, O, P, Psz), **corna zagoda** (M, Ś), **corno zagoda** (U) oraz **borufka** (M). Nazwa *czarna jagoda* pochodzi od barwy dojrzałych owoców, zaś nazwa *borówka* od miejsca, które porasta roślina. Ta ostatnia nazwa ma szeroki zasięg występowania na terenie Słowiańszczyzny w znaczeniu ‘borówki czernicy’, por. np. czes. *boróvká*, *borovnice*, słowac. *borovnica*, dłuż. *borowka*, rus. *borovika*, bułg. *borovinki*, *borovica*. Zróżnicowanie regionalne na obszarze Polski powyższych nazw przedstawia się następująco: *borówka* ‘czarna jagoda’ – Małopolska, *czarna jagoda* – pozostałe tereny Polski [MAGP; IV; m. 188].

Leszczyna (*Corylus avellana* L.): na obszarze Łowickiego zanotowano nazwy **leRlyna** (P) // **lescyňa** (cały obszar z wyjątkiem C). Poza tym zapisano nazwę **Wo_eRyna** (C, M). Pierwsza nazwa występuje na terenie języków północnosłowiańskich w jednakowym ukształtowaniu morfologicznym z sufiksem -*ŕ(y)na*, por. też *olszyna*, *jarzębina*, druga natomiast powstała w wyniku kontaminacji *orzech* + *leszczyna* = *orzeszyna*¹. Na obszarze Mazowsza powszechna jest nazwa *leszczyna*, zaś *orzeszyna* zanotowana została na pld. Mazowszu, poza tym na ziemi chełmińsko-dobrzyńskiej, Pomorzu, Kaszubach, Wielkopolsce, w Łęczyckiem, Sieradzkim, Kaliskiem, Lubelskim, na ziemi wieluńskiej i na Śląsku [AGM; VI; cz. II; 24-25].

4. Nazwy drzew i krzewów rosnących w sadzie i ogrodzie

Nazwy, które zostaną omówione w tej grupie to głównie nazwy zróżnicowane w Łowickim pod względem fonetycznym i morfologicznym, por. nazwy *czereśni*, *gruszy*, *jabłoni*. Wyjątek stanowią zróżnicowane leksykalnie nazwy *bzu czarnego*.

Czereśnia (*Prunus avium* L.): forma nazwy ‘drzewa podobnego do wiśni’, tj. *czereśnia*, powstała pod wpływem ruskim, por. stp. i dial. *trześnia* [Budziszewska 1965; 290]. Forma *trześnia* natomiast to zapożyczenie z ludowej łaciny [por. Sławski 1952 i n.; I; 118], prawdopodobnie przez medium języka bawarskiego lub niemieckiego. Na gruncie języków słowiańskich nazwa *czereśnia* nie występuje jedynie w języku dolnołużyckim, gdzie, pod wpływem niemieckim (por. niem. *Kirche*) wyraz *wiśnia* ma dwa znaczenia: 1. ‘czereśnia’, 2. ‘wiśnia’ [Budziszewska 1965; 290], por. czes. *třešeň*, słowac. *čerešňa*, ros. *čerešnja*, błr. *čarėšnja*, ukr. *čerešnja*, słoweń. *čerešnja*, bułg. *čereša*, mac. *čreša*. W przypadku nazw *czereśni* na obszarze Łowickiego obserwujemy formę ogólnopolską **lereśnia** (B, D, K, O, P, Psz), także w postaciach zmazurzonych **cereśnia** (U), **cereśno** (C). Formy tego typu charakterystyczne są dla gwar pld. Małopolski, dla Kaszub i gwar leżących na tzw. ścianie wschodniej [MAGP; VIII; m. 375]. Poza wymienionymi zapisano w Łowickim formy **tereśnia** (G) obok **tereśno** (M, Ś), będące najprawdopodobniej wynikiem kontaminacji stp. i obecnej gwarowej *trześni*. Na terenie dialektów polskich *tereśnia* zwarcie występuje w Wielkopolsce, poza tym w północnej i środkowej Małopolsce [MAGP; VIII; m. 375].

Grusza (*Pirus communis* L.): na badanym obszarze zanotowano nazwy *grusza*, *gruszka* i *kruska* w różnych postaciach fonetycznych, por. **gruRa** (B, D, G, K, Psz), **grusa** (M), **gruRka** (P), **gruska** (C, M, Ś, U), **kruska** (M, O, Ś). Sławski zalicza nazwę *gruszka* do zapożyczeń jeszcze z okresu wspólnoty bałto-słowiańskiej. Na podstawie przytoczonych przez niego danych można wnioskować, że na gruncie staropolskim nazwa *grusza* została wyparta przez nazwę z suf. *-ka* *gruszka* o funkcji początkowo deminutywnej, a następnie powstała wtórnie w XVIII wieku, może pod wpływem języka kresowego [Sławski 1952 i n.; I; 361]. Podobny proces zaszedł w językach słowackim, por. *hruška*, słoweńskim, por. *hruška*, serbskim i chorwackim, por. *kruška*, w których, jak widać, nazwa *grusza* obecnie nie występuje. Brückner nazwy *gruszy* wywodzi z języków wschodnich, łącząc je z kurdyjskimi *koreshi*, *kureshi* [Brückner 1927; 160]. Nazwy tego drzewa występują we wszystkich językach słowiańskich ze zróżnicowaniem fonetycznym w nagłosie: *k-* // *g-* // *ch-*. Zróżnicowanie nagłosowego *k-* // *g-* pochodzi, zdaniem Budziszewskiej, z czasów dialektalnego zróżnicowania na gruncie języka prasłowiańskiego. Świadczy o tym zachowanie form z *k-* na obszarach peryferyjnych, tj. w grupie łużyckiej, por. dłuż. *kšušā*, na Kaszubach, por. kasz. *kreša* i w Polsce północnej, por. płnopol. *kruška* oraz w językach serbskim, chorwackim, bułgarskim i macedońskim, por. serb., chorw. *kruška*, mac. *kruša* [Budziszewska 1965; 278-279]. Na terenie dialektów polskich nazwa *kruska* występuje w północnej ich części. Prawie wyłączna jest w Wielkopolsce, na Pomorzu i w pasie od Malborszczyzny po Suwalskie. Na pozostałym obszarze dominuje *gruszka*. *Grusza* zaś jako nazwa drzewa występuje jako wyłączna koło Sanoka i Buska Zdroju [MAGP; VIII; m. 395].

Jabłoń (*Malus Mill.*): na obszarze Łowickiego na określenie ‘drzewa, na którym rosną jabłka’ używa się nazw *jabłoń* i *jabłonka* w różnych postaciach fonetycznych, por. **zabWoń** (P), **zabWuń** (B, D, K, M, O, Psz, Ś), **zabWonka** (M, U), **zabWunka** (C). *Jabłoń* to wyraz o genezie prasłowiańskiej [por. Brückner 1927; 196], występujący na całej Słowiańszczyźnie ze zróżnicowaniem morfologicznym na całym terenie i zróżnicowaniem semantycznym w południowej Słowiańszczyźnie, por. dłuż. *jabłoń*, głuż.

¹ Utożsamianie nazw rośliny i owocu i przenoszenie nazw w związku z tym z jednych na drugie jest częste w przypadku nazw drzew i krzewów owocowych.

jabłonina // *jabłońca*, ros. *jablonja*, ukr. *jabliń* // *jabłoń* // *jabłuń*, słoweń. *jablana* // *jablan*, mac. *jaboľnica*, z drugiej strony w serbskim i chorwackim określeniem tym nazywa się 'topolę, platan, klon' zaś w bułgarskim 'platan' [por. Budziszewska 1965; 278]. *Jabłonka* to strukturalnie deminutivum w stosunku do *jabłoń*, przy czym *jabłonka* to w zasadzie w języku potocznym synonim *jabłoni* (sufiks *-ka* pełni już tylko funkcję strukturalną), mającej charakter literacki.

WNIOSKI

Analiza przedstawionego w artykule materiału dowodzi, że wiele nazw drzew i krzewów w Łowickiem charakterystyczna jest również dla większości współczesnych języków słowiańskich. Nazwami rodzimymi, które można uważać za niegdyś prasłowiańskie są np.: *brzoza*, *grusz(k)a*, *jabłoń*, *jarzab* // *jarzębina*, *jodła*, *klon*, *lipa*, *olcha*, *osina*.

Przykładami starych zapożyczeń o zasięgu ogólnosłowiańskim są nazwy *buka* (z jęz. germańskich) i *czereśni* (z dawnej łaciny). Nieliczne zapożyczenia świadczą o tym, że Prasłowianie mieli wysoko rozwiniętą kulturę rolniczą.

O zróżnicowaniu dialektalnym w obrębie prasłowiańszczyzny świadczą zanotowane m.in. w Łowickiem pñpol. *kruszk* obok ogpol. *gruszk*.

Nazwami nieznaczonymi w Łowickiem są nazwy *buka*, *grubu*, *klonu* czy *cisa*.

Zróżnicowanie nazw drzew i krzewów w Łowickiem można rozpatrywać w trzech płaszczyznach: a/ fonetycznej, por. *jesion* // *jasion*, *agrest* // *jangryst*, *świerk* // *śwerk*; b/ morfologicznej, por. *jarzab* // *jarzabek* // *jarzębina*, *chojna* // *chojak*; c/ leksykalnej, por. *czerecha* // *smrodzina* // *smródka* // *kucipa*, *sosna* // *chojna*, *leszczyna* // *orzeszyna*.

Fakultatywny charakter leksyki i jej otwartość w stosunku do systemu skłania do traktowania zróżnicowania wyrazowego jako argumentu pomocniczego w przedstawieniu zróżnicowania językowego na omawianym obszarze. Położenie Łowickiego (a konkretniej: gwar łowickich) na obszarze wpływów dialektów: mazowieckiego, małopolskiego i w mniejszym stopniu wielkopolskiego powoduje, że na badanym terenie rejestruje się nazwy drzew i krzewów, które ekspandowały tu z Mazowsza, np. *czerecha* [por. MAGP; XI; m. 548], *kucipa* 'czerecha' [AGM; V; m. 248; cz. II; 165], *świerk*, *świerek* [AGM; VI; cz. II; 30-31], *chojna* [AGM; VI; cz. II; 31-32], *leszczyna* [AGM; VI; cz. II; 24-25]; z Małopolski, np. *borówka* 'czarna jagoda' [MAGP; IV; m. 188], *czereśnia* [MAGP; VIII; m. 375]; czy z Wielkopolski, np. *czzerwona jagoda* 'borówka' [MAGP; XII; m. 553], *kruszk* 'gruszk' [MAGP; VIII; m. 395], *modrodrzew* [AGM; VI; cz. II; 30-31].

W przypadku wielu nazw trudno ustalić kierunek ekspansji ze względu na ich występowanie na kilku obszarach gwarowych, por. mazowiecko-małopolskie *jarzab* 'jarzębina' [MAGP; IV; m. 189]; mazowiecko-wielkopolskie *osica* 'osika' [AGM; VI; cz. II; 30], *orzeszyna* 'leszczyna' [AGM; VI; cz. II; 24-25] czy małopolsko-wielkopolskie *tereśnia* 'czereśnia' [MAGP; VIII; m. 375], *smrodzina* 'czerecha' [MAGP; XI; m. 165].

Powyższe rozważania dotyczące zróżnicowania leksyki związanej z nazwami drzew i krzewów, nawiązujące do obszarów występowania zjawisk systemowych, potwierdzają tezę o pogranicznym charakterze Łowickiego.

LITERATURA:

- BRÜCKNER A., 1927, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków.
BUDZISZEWSKA W., 1965, Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej, Wrocław.
DUBISZ S., 1977, Nazwy roślin w gwarach ostródzko-warminsko-mazurskich, Wrocław.
NITSCH K., 1955, Mazowieckie wyrazy przyrodnicze, [w:] Wybór pism polonistycznych, t. II, Kraków-Wrocław.
SŁAWSKI F., 1952 i n., Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I, II, Kraków.
TASZYCKI W., 1934, Z dawnych podziałów dialektalnych języka polskiego, cz. II. Przejście ja > je, Lwów.
WAREŻAK J., 1952, Osadnictwo kasztelanii łowickiej (1136-1847), cz. I, Łódź.
SKRÓTY:
AGK – DEJNA K., 1962-1968, Atlas gwarowy województwa kieleckiego, z. 1-6, Łódź.
AGM – Atlas gwar mazowieckich, t. I-X, Wrocław-Warszawa-Kraków 1971-1992.
AJKLW – Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski, t. I-VII, Wrocław 1979-1992.
MAGP – Mały atlas gwar polskich, t. I-XIII, Wrocław-Warszawa-Kraków 1957-1970.
SGPK – Słownik gwar polskich, pod red. J. Karłowicza, t. I-VI, Kraków 1900-1911.

A. Я. Салчак, г. Кызыл

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ*

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.» Проект № 13. -1. 3. 2-12-000-3004-001 «Взаимовлияние генетически и типологически родственных языков на всех ярусах младописьменного языка (на примере тувинского языка)»

Тувинцы проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая преимущественно в деревнях Хом, Ханас, Ак-Хава. Численность тувинцев Китая по последним данным около 2500 чел. Язык тувинцев Китая до недавнего времени не был объектом специального изучения. Можно отметить работы этнографического характера [Монгуш, 1997; 2010; Намкамидок, 2007]. Некоторые данные о языке имеются в статье «К изучению тувинского языка в КНР» Ш. Ч. Сата и Л. Ю. Доржу [1989]. Сведения о социолингвистической ситуации представлены в статье М.В. Бавуу-Сюрюн «Социолингвистические заметки о тувинцах Китая» [2011]. В данной статье анализу подвергается материал, собранный автором во время экспедиции в Китай в августе 2012 г.

Глагольную лексику языка тувинцев Китая можно разделить на несколько групп:

- глаголы, не имеющие различий в семантике с глаголами тувинского литературного языка;
- глаголы, различающиеся по семантике с глаголами тувинского литературного языка;
- глаголы, зафиксированные только в языке тувинцев Китая;
- глаголы, не имеющие различий в семантике с глаголами языка тувинцев Монголии;
- глаголы, заимствованные из других языков.

В статье мы не рассматриваем глаголы, которые не имеют семантических различий с глаголами тувинского литературного языка.

Глаголы, различающиеся по семантике с глаголами тувинского литературного языка

В языке тувинцев Китая появление у многозначных глаголов новых значений происходит разными способами. Одним из способов является расширение значения. Расширение значения слова можно определить как развитие его значения от частного к общему. При наличии в одном слове исходного (производящего) и производного значения, между ними в результате сужения или расширения значения устанавливаются соответственно родо-видовые и видо-родовые отношения. «Родо-видовые и видо-родовые отношения чаще всего выражаются отдельными словами, а не разными значениями одних и тех же слов, что в какой-то мере объясняет относительно небольшие масштабы распространения многозначности, связанной с сужением (расширением) значений» [Татаринцев 1987, 39]. Расширение значения можно отметить у глаголов **чазаар** и **малдаар**. В Тувинско-русском словаре глагол **чазаар** имеет следующие значения: 1) строгать, тесать; *манзы чазаар* 'строгать доску'; 3) делать, изготавливать (строганием, тесанием); *балды сывы чазаар* 'делать топориче'; 3) править, исправлять, поправлять; 4) прибирать (напр. *волосы при стрижке*) [ТРС: 509]. В тувинском языке у данного глагола в значении 'делать' очень важен именно способ действия – строганием, тесанием. В языке тувинцев Китая у глагола **чазаар** преобладает значение 'делать'. Указание на способ изготовления (строганием, тесанием) присутствует лишь в некоторых случаях. Например: *Игилди оглум чазаан* 'Игил сделал (смастерил) мой сын'; *Хаакты шивинен ээл чазаар* 'Лыжи делают (мастерят) из ели'. Более частотное значение 'делать': *Дойну дең чазай бээр* 'Свадьбу делают вместе (сообща)' вместо тув. лит. *Куданы деңге кыла бээр* 'Свадьбу делают вместе (сообща)'; *Чем чазаар* 'делать (готовить) еду' вместо тув. лит. *Чем кылыр* 'делать (готовить) еду'.

Глагол **малдаар** в тувинском литературном языке имеет значения: 1. Разводить скот, заниматься скотоводством. *Мал малдаан кижии тодуг болур* 'человек, который разводит скот, бывает сыт'; 3. Пасти скот [ТСТЯ II, 326]. В языке тувинцев Китая глагол **малдаар** кроме своего основного значения 'пасти скот' используется носителями в значении 'разводить пчел, заниматься пчеловодством'. *Ары малдаар* 'разводить пчел'. Поскольку у тувинцев Китая основной деятельностью является скотоводство, глагол **малдаар** выступает как родовой в описании какой-либо деятельности, направленной на разведение и присмотр не только за скотом, но и за другими живыми объектами (пчелами, детьми). Синоним глагола **малдаар** глагол **кадарар** 'пасти' в тувинском литературном имеет также значение 'присматривать', 'сторожить'. В языке тувинцев Китая у глагола **кадарар** отмечено значение 'присматривать за детьми'. Например, *Бурун бисте база болган ындыг ясли кадарыыр кижии. Хоюг чувелерни кадарыыр* 'Раньше у нас тоже был такой человек, присматривающий за яслями. Присматривал за детьми' (букв. пас детей).

Среди глаголов распространена многозначность, являющаяся результатом метафорических переносов, образующихся на ассоциативном сходстве обозначаемых действий. В языке тувинцев Китая посредством метафорического переноса образуются новые значения у ряда глаголов. Например, у глагола **андарар**, который имеет в тувинском литературном языке значения 'переворачивать, поворачивать на другую сторону'; 'ставить что-л. вверх дном'; 'выворачивать наизнанку'; 'взводить курок'; 'пахать, вспахивать'; 'из-за неосторожного вождения переворачивать машину', отмечено значение 'переводить (с одного языка на другой)'.

Аъткаар в толковом словаре тувинского языка имеет значения 'сажать на лошадь', 'отправлять на лошади или на любом транспорте'. В языке тувинцев Китая зафиксировано значение 'выдавать замуж'. *Ийи уругну аъткарган* 'Выдал замуж двоих дочерей'. Значение данного глагола

отражает существующий до сегодняшнего дня свадебный обряд, который включает в себя отправление невесты в дом жениха верхом на лошади.

Каар ‘кылыр’. В толковом словаре тувинского языка глагол *каар* имеет значения: 1. Уходить, покидать. *Төрээн суурун каар* ‘покидать родное село’; 3. Добавлять в пищу что-л. для придания ей приятного вкуса. *Мунге дус каар* ‘добавлять в суп соль’; 3. Разводиться (о муже и жене). *Кадайын каар* ‘Оставлять жену’; 4. Освобождаются от какой-либо вредной привычки. *Арагазын каар* ‘бросать пить’; 5. Класть, положить. ... *таваанга каап алгаш* ‘положив в тарелку’; 6. Помещать куда-л.. располагать где-л. – *Бо хамык белекти каяа каарыл, дарга?* ‘Куда положить все эти подарки, дарга’... [ТСТЯ II, 9-10]. В толковом словаре тувинского языка данный глагол имеет 15 значений, основными из которых являются значения ‘оставлять, покидать’, ‘добавлять’ ‘ставить’, ‘бросать’. В языке тувинцев Китая глагол *каар* имеет также значение ‘делать’. *Өгнү дыттан каар* ‘Дом строят (делают) из листовенницы’; *Тыва кижии өгнүң эжиин соңгаар кагбас* ‘тувинец не делает (не ставит) окна на север’.

Основное значение многозначного глагола **кагар** в тувинском литературном языке ‘бить, ударять’. *Сиген кагар* ‘косить (траву)’, *кадаг кагар* ‘забивать гвоздь’ и т.д. В языке тувинцев Китая зафиксировано значение ‘звонить по телефону’, *телепон кагар* ‘звонить по телефону’ (букв. ‘бить в телефон’). В тувинском литературном языке значение ‘звонить по телефону’ передается при помощи глагола *долгаар* ‘крутить’, *телефон долгаар* ‘звонить по телефону’ (букв. ‘крутить телефон’). Выбор данных глаголов в тувинском литературном языке и в языке тувинцев Китая связан с активными действиями, производимыми при наборе номера телефона. Первые телефоны, появившиеся в Туве, были дисковые, отсюда активное действие *долгаар* ‘крутить’. У тувинцев Китая первые телефоны были кнопочные, следовательно, активное действие *кагар* ‘бить, ударять’. У глагола *кагар* отмечено также значение ‘париться’: *пар кагар* ‘париться’ букв. ‘бить пар’.

В тувинском литературном языке основное значение глагола **дужер** ‘спускаться’, ‘падать’. Б. И. Татаринцев отмечает, что «у некоторых глаголов с исходной конкретной семантикой имеются связанные значения довольно отвлеченного характера, которые реализуются главным образом в сочетаниях с абстрактными существительными со значением положения, состояния, результата действия, процессов, качества и т.д.» [1987, 94]. Например, глагол *душ* = ‘спускаться’, ‘падать’ в устойчивых сочетаниях с определенными существительными имеет значения ‘впадать’, ‘попадать’ (в определенное чаще всего неприятное положение) – *өреге дужер* ‘попадать (влезать) в долги’, *түреге дужер* ‘впадать в нужду’. В языке тувинцев Китая отмечено у данного глагола значение ‘фотографироваться’. *Чурукка дужер* ‘фотографироваться’ (букв. ‘падать на фотографию’). *Энир мээң дем чаа аажам демги кижилер-биле кады чурукка душкен* ‘Раньше мой отец вместе с теми людьми сфотографировался’. В тувинском литературном языке значение ‘фотографироваться’ передается при помощи глагола *тыртар* ‘тянуть’: *чурукка тырттырар* ‘фотографироваться’ (букв. ‘быть притянутым на фотографию’). Значения ‘списать, переписать’, ‘фотографировать’, ‘записать на магнитофон’ у глагола *дужур* = зафиксированы в тофаларском языке В.И. Рассадина [1971, 127].

Глагол **сыыраар** ‘выпить’ в тув. лит. *ижер*, в тув. лит. *сыыраар* ‘глотать’, ‘жадно есть’. В тувинском литературном языке у данного глагола в значении ‘есть, кушать’ присутствует семы ‘жадно’, ‘не прожевывая’, ‘торопливо’ с резкой отрицательной оценкой. В языке тувинцев Китая глагол *сыыраар* реализуется в значении ‘пить (спиртной напиток)’ без отрицательной оценки.

Глаголы, зафиксированные только в языке тувинцев Китая

Сүрлээр ‘коптить’. *Этти дузааш, сүрлээр* ‘Мясо посолив, коптят’: *сыпырыр* ‘выуживать’; *Теңге сыпырыр* ‘выуживать деньги’. В тув. лит. близкий по значению глагол *сывыраар* ‘выдергивать’, ‘вытягивать’; *тырмыжыыр* ‘толпиться, толкаться (в переполненном помещении)’ тув. лит. *сыңмарлажыр*. В тувинском литературном имеется глагол *тырлыр* близкий по значению к данному глаголу. *Тырлыр* 1) застрять; 3) образоваться, возникнуть - о заторе); 3) заполнять, толпиться; *кудумкуда улус тырлы берген* ‘на улице толпится народ’ [ТРС 1968, 430].

Глаголы, не имеющие различий в семантике с глаголами языка тувинцев Монголии

В языке тувинцев Китая представлена лексика, отмеченная в языке тувинцев Монголии. По мнению М.В. Бавуу-Сюрюн, языки тувинцев Цэнгэла, Кобдо, Китая некогда представляли единое целое [2011]. Это подтверждается и на примере нашего собранного материала. Среди глагольной лексики наблюдается достаточное количество общих слов, у которых совпадает также лексическое значение. Это следующие лексемы: *айтыр* ‘говорить’ тув. лит. *чугаалаар*; тув. лит. *айтыр* ‘указывать’, ‘рассказывать, объяснять’; *домактаныр* ‘говорить’ лит. *чугаалаар*. *Чартыын казакша домактаныр* ‘Половину говорят по-казахски’ тув. лит. *Чартыын казак дылга чугаалаар*; *сояр* ‘заколоть (скот)’. тув. лит. *өзээр*. тув. лит. *сояр* ‘снимать, сдирать’ [Цэцэгдарь 2003; Серен 2006]. *Кыш-тап чиирде соьгум сояр бис* ‘На зиму закалываем скот’; *унер* ‘родиться’, тув. лит. *төрүттүнер*,

тув. лит. *үнэр* 'выходить' [Цэцэгдарь 2003; Серен 2006]. *Чаш уруг үнерде бе? Дой чазаар-ла* 'Когда ребенок рождается, да? Праздник (дой) делают'; *үндүрер* 'рожать', тув. лит. *божуур*, тув. лит. *үндүрер* 'выпускать' [Цэцэгдарь 2003; Серен 2006]; *хоочулаар* 'говорить, рассказывать' тув. лит. *чугаалаар*, тув. лит. *хоочу* 'речь, разговор, рассказ' [Цэцэгдарь 2003; Серен 2006]; *хоочулажыр* 'разговаривать' тув. лит. *чугаалажыр*.

Глаголы, заимствованные из других языков

Тувинцы Китая живут в тесном контакте с казахами, соответственно язык испытывает влияние со стороны родственного казахского языка. В основном можно отметить заимствованные из казахского языка существительные: *теңге* 'деньги', *бал* 'мед', *нан* 'хлеб' и др. Среди глаголов частотно употребление глагола *омшуур* 'учиться' вместо тув. лит. *өөренир*. *Казак мектеп чок, казактар ишкээр Бурчинге омшуур* 'Казахской школы нет, казахи учатся в Бурчине, расположенном внизу' (каз. *сауатын ашу* 'учиться грамоте').

Бийлээр 'исполнять бий, танцевать' из монг. *биелгээ* 'монгольский национальный пластический танец', *бие* 'тело, организм' [МРС I: 241–243]. *Бийлевес силер бе? «Чалым хара» тыртып берейн, бийлеңер* 'Не будете танцевать? Я вам сыграю «Чалым хара», потанцуйте'.

В языке тувинцев Китая представлена глагольная лексика, заимствованная из китайского языка: *майлаар* 'давать в аренду'. *Өөн кыдатка майлап берген* 'Свой дом сдал в аренду китайцу'; *Аът майлап чоруур* 'дает в аренду коня'.

Таким образом, глагольная лексика тувинцев Китая характеризуется рядом особенностей: происходит сужение или расширение значения, появление новых специфических значений некоторых глаголов, обусловленных укладом жизни, хозяйственной деятельностью, традициями и обычаями. По нашим данным, заимствованные глаголы составляют небольшое количество.

ЛИТЕРАТУРА:

Бавуу-Сюрюн М.В. Социоллингвистические заметки о тувинцах Китая // http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuu-syuryun.html

Большой академический монгольско-русский словарь (МРС I). Т. I. М., 2001

Монгуш М. В. Тувинцы Китая (историко-этнографический очерк). Кызыл, 1997.

Монгуш М. В. Один народ и три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном аспекте. Осака, 2010.

Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Сат Ш.Ч., Доржу Л. Ю. К изучению тувинского языка в КНР // Советская тюркология. Баку, 1989. №5. С. 93–96.

Серен П.С. Моолда Цэнгэл тываларының чаңчылдары. Кызыл, 2006.

Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987.

Толковый словарь тувинского языка (ТСТЯ I). Т. I. Новосибирск, 2003.

Толковый словарь тувинского языка (ТСТЯ II). Т. II. Новосибирск, 2011.

Тувинско-русский словарь (TRC). М., 1968.

Цэцэгдарь У. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл, 2003.

<http://www.sozdik.kz.ru>

Ж. Ш. Санжанов, Улан-Батор, Монголия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ

БОДОНГУУД АБИДЫ «BURİYAD MONGGUL-UN TOVČI TEÜKE»

‘КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛОВ’

Бодонгууд Абида является первым бурятским исследователем XX в., написавшим свои работы в соответствии со старомонгольской письменной традицией бурят. В своей работе «Краткая история бурят-монголов» он использует термин «бурят-монгол», который применялся в отечественной науке до переименования в 1958 г. Бурят-Монгольской АССР в Бурятскую АССР. Данный термин до сих пор используется в Монголии, Внутренней Монголии и западной научной литературе.

Кроме указанной работы автор издал еще одну хронику бурят: *Sineken-ü buriyadčud-un oyir-ayin teüke-yin toyimu* 'Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна' [БА 1985]. Обе работы были выпущены в издательстве комитета по печати Внутренней Монголии КНР (*Öbür mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriγ-a*) на старомонгольской письменности.

В работе автора употреблена общественно-политическая и социально-экономическая лексика, характерная для бурятского языка 1920–1930-х гг. В настоящее время данная лексика недостаточно представлена в современном бурятском языке, что вызывает затруднение в ее понимании и использовании бурятами Российской Федерации.

Текст хроники состоит из 19 параграфов: предисловие, 1) формирование и состав бурят-монголов; 2) бурят-монголы эпохи Чингисхана; 3) распад монгольского государства; 4) начало вторжения российского самодержавия на территорию бурят-монголов; 5) распространение буддизма на территории бурят-монголов; 6) социальные преобразования бурят-монголов; 7) административное устройство бурят; 8) хозяйство бурят и его развитие; 9) культура и образование бурят-монголов; 10) политическое движение среди бурят-монголов; 11) происхождение шэнэхэнских бурят; 12) административное устройство бурят после переселения в Хулун-Буир; 13) переселение бурятских скотоводов в Шилин-гол во главе с Ринчиндоржем; 14) положение бурят после расселения в Хулун-Буире; 15) Бурят-монголы в период японской колонизации; 16) положение бурят в период второй мировой войны; 17) разруха в период японской колонизации; 18) контрреволюционная деятельность Ринчиндоржа; 19) развитие бурят-монголов в Хулун-Буире под руководством коммунистической партии; заключение.

В тексте хроники методом сплошной выборки выявлен общественно-политический словарный состав: государственно-административная, делопроизводственная и научная лексика. Они имеют четкие дефиниции, что дает возможность однозначного понимания слов и словосочетаний.

Государственно-административная лексика представлена следующими словами: стп.-монг. *ulus türü*, монг. *улс төр*, бур. *улac түрэ* ‘политика, государство’: *buddha-yin šasin-i delgeregülkü ajil ulus türü-yin ayuly-a-tai buyu jorily-a-tai yeke kücü-ber yabuγdaqu üi-e-du mongyulčud uy-ača böge-yin šasin-tai bayıysan* ‘монголы изначально были шаманистами в период распространения буддизма в политических целях’ [там же: 2]; стп.-монг. *jorily-a*, монг., бур. *зорилго* ‘цель’ [там же: 2]; стп.-монг. *buddha-yin šasin*, монг. *буддын шашин*, бур. *буддын шажан* ‘буддизм’ [там же: 2]; стп.-монг. *böge-yin šasin*, монг. *бөөгийн шашин*, бур. *бөөгэй шажан* ‘шаманизм’ [там же: 2]; стп.-монг. *samayun*, монг. *самуун*, бур. *хамуун* ‘смута, беспорядок’: *samayun-du jobaju bayıysan* ‘страдали в смуту’ [там же: 2]; стп.-монг. *γadaγadu-yin kümüs*, монг. *гадаад хүмүүс*; бур. *гадаада хүнүүд* ‘иностранные граждане, иностранцы’: *γadaγadu-yin kümüs бүртечину-a-yi keger-e-yin ariyatan činu-a tegün-ü gergei you-a maral-i em-e buyu geγü keleged teden-ü qoyorundu-ača mongyul-un degedü üy-e ni бүрildügsen geγü kelegsen baiydaγ* ‘иностранцы, говорили, что Буртэчино – дикий волк, его жена Гоа-марал – олениха, и что от них пошли древние монголы’ [там же: 2]; стп.-монг. *ulus*, монг. *улс*, бур. *улac* ‘государство’: *burıyadčud-i mongyul ulus-du nigedkegdegsen* ‘включил бурят в состав монгольского государства’ [там же: 3]; стп.-монг. *türü*, монг. *төр*, бур. *түрэ* ‘государство как политический институт’: *türü-yin tüblerel aly-a boluysan* ‘исчезла государственная централизация’ [там же: 6]; стп.-монг. *jakırayčid*, монг. *захирагчид*, бур. *захирагшад* ‘наместники’: *jakırayčid-un door-a üledekü* ‘оставаться под управлением наместников’ [там же: 15];

Лексика делопроизводства представлена следующими словами: стп.-монг. *sanal*, монг. *санал*, бур. *ханал* ‘предложение, мнение’: *onča-yin sanal γarγaqu* ‘вносить особое предложение’ [там же: 2]; стп.-монг. *jasaburi*, монг. *засвар*, бур. *захабари* ‘исправление’: *jasaburi oruyuluysan ügei* ‘не внесли исправление’ [там же: 2]; стп.-монг. *ayuly-a*, монг., бур. *агуулга* ‘содержание’: *ayuly-a-yin tal-a-bar bodatai-bar notalaju bičigsen* ‘относительно содержания написано реальные доказательства’ [там же: 2]; стп.-монг. *baiyulayčı*, монг. *байгуулагч*, бур. *байгуулагша* ‘создатель, организатор’: *baiyulayčı-yin qubi-du mongyul ündüsüten-degen yekete күндүтгекү* ‘монгольский народ его очень сильно уважал как создателя’ [там же: 2]; стп.-монг. *beledkel*, монг. *бэлтгэл*, бур. *бэлдэхэл* ‘подготовка, приготовление’: *urdu quyučayan-u beledkel* ‘предыдущая подготовка’ [там же: 2]; стп.-монг. *nüküčel*, монг. *нөхцөл*, бур. *нүхэсэл* ‘условия’: *asiγtai nöküčel-yien güyčed badarayulaqu* ‘с полной пользой использовать условия’ [там же: 2]; стп.-монг. *bičig*, монг. *бичиг*, бур. *бэшэг* ‘документ’: *bičig-i paıγaγulun bičijeı* ‘написан документ’ [там же: 3] и т.д.

Научная лексика представлена следующими словами: стп.-монг. *temdeglel*, монг., бур. *тэмдэглэл* ‘записи, заметки’: *teüke-yin temdeglel-i ündüsüleki* ‘обосновать исторические записи, заметки’ [там же: 1]; стп.-монг. *bürildüče*, монг. *бүрдэлц*, бур. *бүрилдэсэ* ‘состав, формирование’: *buryad-un uy-un бүрildüče geγü üjeγü bolun-a* ‘это можно рассматривать как формирование бурятских родов’ [там же: 1]; стп.-монг. *bürildükün*, монг. *бүрэлдэхүүн*, бур. *бүрилдэхүүн* ‘состав’: *ügs-ün бүрildükün* ‘словарный состав’ [там же: 2]; стп.-монг. *eke nooraγ*, монг. *эх ноорог*, бур. *эхэ ноорог* ‘черновик, рукопись’: *burıyad mongyul-un tobči teüke gedeg-ün eke nooraγ-i bi son-ırqan üjel-e* ‘я с интересом изучил рукопись «Краткая история бурят-монголов» [там же: 3]; стп.-монг. *suduluγči*, монг. *судлагч*, бур. *шудалагша* ‘исследователь’: *mongyul teüke suduluγči* ‘исследователь истории Монголии’ [там же: 2]; стп.-монг. *kele bičig*, монг. *хэл бичиг*, бур. *хэлэ бэшэг* ‘филология, письменный язык’: *mongyul kitad orus yabun jerge kele bičig-i neliyed sayın mededeg* ‘очень хорошо знает монгольский, китайский, русский, японский языки’ [там же: 2]; стп.-монг. *ouun*, монг., бур. *оюун* ‘интеллект, ум’: *ouun-u kücü-yien sibqaqu* ‘приложить все свои интеллектуальные способности’ [там же: 2] и т.д.

Некоторые исследователи классифицировали часть вышеприведенной лексики как вышедшие из употребления книжные слова, историзмы и архаизмы [Шагдаров 1967, 81-82; 1974, 68-71; Дондуков 1970, 31; Цыдендамбаев 1972, 632-645]. Они отмечали, что данная лексика была характерна для старописьменного монгольского языка и использовались в бурятском языке до 1920-1930-х гг.

Исследование же словарного состава исторического сочинения Бодонгууд Абида показало, что вышеуказанная классификация нуждается в уточнении и применима лишь к небольшой части общественно-политической лексики. В частности к историзмам и архаизмам можно отнести лишь некоторые лексические единицы, обозначающие должности, титулы и некоторые административные единицы, например, *qayan* 'хан', *vang gung* 'ван гун', *tayiji* 'тайжа', *qosiγun* 'хошуун' и др.

Анализ лексики хроники Бодонгууд Абида показал, что общественно-политическая лексика бурят Внутренней Монголии не только не устарела, но даже приобрела более точные и современные дефиниции. При этом носителям языка удалось сохранить преемственность лексики старописьменного и современных монгольских языков.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ, 2005. – 216 с.
Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ, 2012. 296 с.
Бодонгууд Абида «Buriyad mongγul-un tobči teüke» 'Краткая история бурят-монголов' / Bodongγud Abida. – Öbür mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1983. 114 с.
Бодонгууд Абида «Sineken-ü buriyadčud-un oyir-a-yin teüke-yin toyimu» 'Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна' / Bodongγud Abida. - Öbür mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1985. – 32 с.
Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т./ Под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М., 2001.
Дондуков У-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ, 1970. 79 с.
Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М., 2012. 270 с.
Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967. 107 с.
Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974. 346 с.
Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972. 660 с.
Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: СЭ, 1973. 803 с.

Н. Н. Санина, г. Горно-Алтайск

ТОПОНИМЫ В ТЕЛЕНГИТСКОМ ДИАЛЕКТЕ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

С целью изучения причины, времени, структуры и других обстоятельств происхождений названий местностей в теленгитском диалекте алтайского языка нами собрано от 70-ти информантов около 700 названий. Теленгиты проживают в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай. Материалы собраны от теленгитов Улаганского района. Выяснилось, что многие наименования возникли в далеком прошлом и сохранили свое значение. Некоторые названия, утратив свое первое значение, обретали новые.

Собранные материалы по тематике разделили на следующие группы: топонимы, связанные с именами людей; топонимы, связанные с названиями деревьев, кустарников и камней; топонимы, связанные с обычаями и традициями алтайского народа; топонимы, связанные с животными; топонимы, связанные с мифологическими персонажами и другие.

Географические названия в теленгитском диалекте, связанные с именами людей возникли в недалеком прошлом, т.е. в 20-ом веке. Записано около 25 географических названий. Некоторые такие названия возникли с прибавлением к имени слова «дьурты», что в переводе означает «стоянка», указывая на то, что стоянка принадлежит этому человеку: Анисак-Дьурты, Герой-Дьурты, Бабачак-Дьурты и т.д. Хотя многих стоянок давно нет, названия этих местностей до сих пор хранят имена тех, кто жил и работал на этой долине, тайге и т.д. [Санина 2010, 247].

Некоторые такие названия, связанные с именами людей, образованы с помощью слова «сооги», который в переводе означает «могила», констатируя тот факт, что на этой местности похоронен тот или иной человек: Солом-Сооги, Абэне-Сооги, Кам-Сооги, Судьап-Сооги и другие [Санина 2010, 247].

От информантов записано 26 наименований, связанных с названиями деревьев. Некоторые из них обозначают цвета деревьев: Сары-Агыш — желтое дерево. Наблюдаются некоторые сходства произношений топонимических терминов и других слов в теленгитском диалекте и в башкирском языке. Лексема «агаш», которая в теленгитском диалекте звучит как «агыш», в башкирском языке означает «ағас» [Хисамитдинова 2011, 23]. Интересно то, что в башкирском языке слово «сары» звучит как «һары» [Хисамитдинова 2011, 359]. Названия Кара-Тыт — черная лиственница, Кара-Чиби — черная ель указывают на цвет деревьев. Слово «кара» в башкирском тоже звучит как «кара» [Хисамитдинова 2011, 245].

Несколько топонимов обозначают местонахождение деревьев: Алдыгы-Кезек-Тыт — лиственницы, которые находятся внизу, Устиги-Кезек-Тыт — лиственницы, которые находятся выше, Тон-Тыт — дерево, находящееся на горке. Живя в лесистых местах, люди всегда обращали внимание на вид деревьев и давали названия местности по таким признакам: Баш-Мош — богатый-кедр, Бел-Чиби — ель, похожая на спину, Дьоон-Тыт — толстая лиственница, Кам-Тыт — лиственница-шаманка, Куу-Сыра — голый сухостой, Сал-бак-Тыт — растрепанная лиственница, Тонкыр-Тыт — лиственница, срубленная с верхушки и другие.

Такие наименования, как Кайынду — березовая («береза» в башкирском языке означает «кайын» [Хисамитдинова 2011, 237]), Талду — ивовая, Мош-ту-Айры — кедровое перепутье и другие говорят о том, что в этих местах растут те или иные деревья [Санина 2010, 247].

Географическое название Артыш со значением «можжевельник» обозначает, что в данной местности растет много можжевельника. В башкирском языке, как и в теленгитском диалекте лексема «артыш» означает «можжевельник» [Хисамитдинова 2011, 79].

Записанные от жителей Улаганского района около 36 топонимов, связанные с камнями, имеют конкретные объекты, по которым давались названия. Лексема «камень» в теленгитском диалекте означает «таш», что находит сходство в башкирском языке. Некоторые топонимы, входящие в эту группу, возникали, указывая на принадлежность камня кому-то или чему-либо. Такие топонимы, указывая на конкретные объекты (в данном случае на камень), в то же время рассказывают о жизни того или иного человека. Например, название Арык-Тажы таит в себе историю о жившем вблизи этого камня Арыке, мастера на все руки, который изготовил курительную трубку для Сталина.

В нескольких названиях, связанных с камнями, обозначаются цвета камней: Ак-Таш — белый камень, Кара-Таш — черный камень, Кызыл-Таш — красный камень. Заметим, что лексемы «ак» и «кызыл» нашли созвучие в башкирском языке [Хисамитдинова 2011, 42, 269].

Теленгиты все время занимались своим хозяйством, охотились, поэтому закономерным является то, что имеются топонимы, связанные с животным миром. В географических названиях Ийнек-Дьадыны (букв.: место, где постоянно бывают коровы), Мюн-Тонбос (букв.: бульон не охладевает) и других отражаются хозяйственная жизнь, быт теленгитов [Санина 2010, 257].

Фольклор алтайского языка богат и разнообразен различными персонажами: Алмыс — название одного из злых духов [Вербицкий 2005, 20], Дьелбеген — сказочный людоед [Вербицкий 2005, 90]. Имена этих персонажей присутствуют и в топонимах теленгитов. Так, в местности Дьелбеен-Кайа на большой черной скале вырисован облик женщины с распущенными волосами, из обвисающих грудей капает молоко. Именно таким представляли теленгиты сказочных персонажей Дьелбеена и Алмыса. Это сходство нашли на рисунке, нарисованном самой природой на скале. В башкирской мифологии такое представление находят в персонаже Албасты [Хисамитдинова 2011, 57].

Название местности Алмыс-Ичеени (букв.: пещера Алмыса) подтверждается представлениями старожилов о месте обитания этого персонажа, т.е. в обрывистых местах.

Закономерным является то, что в некоторых географических названиях зафиксированы влияния языков народов, живущих по соседству. Улаганский район, где живут теленгиты, граничит с Тувой, и влияние на происхождение названий местностей тувинского языка обусловлено тем, что народы общались. Так, по рассказам старожилов, название местности Тюдюжек, дано тувинцами. Это название является двусложным, произошед от слов «тидю» со значением «острый» и «бычак» со значением «нож». В основе названия лежит легенда, рассказанная местными жителями: «В то время из соседней Тувы постоянно приезжали и охотились. Однажды один охотник убил марала. Разделывая тушу, он выронил нож на скалу. Ему было очень жалко своего ножа. И в память о своем ноже он назвал эту местность Тюдюжек, что означает «острый нож» [Санина 2012, 257].

Очень много названий под влиянием многих обстоятельств утратили свои значения, некоторые искажены, но это является закономерным явлением, т.к. язык каждого народа всегда находится в развитии.

Таким образом, на данном этапе на примерах всего лишь нескольких названий даны лишь некоторые данные о происхождении топонимов в теленгитском диалекте. На самом деле причины и обстоятельства происхождения географических названий Улаганского района гораздо разнообразны. Они тают в себе историю, быт, культуру, обычаи и традиции теленгитского народа.

ЛИТЕРАТУРА:

- Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск, 2005. Переиздание. С. 20, 90.
Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011. С. 23, 42, 57, 79, 247, 245, 269, 359.
Мурзаев Э.М. Изучение географических названий.
Санина Н.Н., Санина Л.В. Улаганнын укаалу сози. Барнаул, 2010. С. 247, 257.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ КРЕЩЕНИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ*

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09-06-00-304а

Для наименования крещения в диалектах удмуртского языка используются как заимствованные слова, так и собственные новообразования.

Слово *крэст'ит' карон* употребляется в северном наречии, копкинском говоре средне-западного диалекта, а также в некоторых населенных пунктах среднеижского и периферийно-южного диалекта. В данном слове второй компонент является производным от глагола *карыны* 'делать', с помощью которого в удмуртском усваиваются русские глаголы. К основе данного компонента присоединяются различные аффиксы при словоизменении и словообразовании. Компонент *карыны* обычно служит для усвоения невозвратных глаголов.

Происхождение: русское *крестить*, укр. *крестити*, *хрестити*, болг. *крѣстя*, польск. *chrzcić* является отыменным производным от общеславянского *крест*, которое заимствовано из др.-в.-нем. яз., где *krist*, *christ* < греч. *Christos* «Христос». Исходно – «Христос», затем – «то, на чем его распяли, крест» [Фасмер 1967, 374; ШЭСл 2003, 155]. Второй компонент: удм. *карыны* 'делать', коми *карны* 'тж'. Общеп. **kar-* 'делать'. В общепермский период заимствовано из иранских языков, ср. авест., др.-инд. *kar-* 'делать' [КЭСК, 117; Соколов 1998₆₋₇, 57].

В удмуртских лексикографических источниках лексемы *крест*, *крестить карыны* зафиксированы уже в XVIII в.: 1785 *крёс* 'крест' [Кротов, 96]; 1775 *крестить карыны* 'крестить, обратить в христианство' [Тепляшина 1966, 101]. В русском языке данные слова известны с XI в. [Насибуллин 1998, 74, 86].

Следующие названия объединяются компонентом *пыртон*. Форма *чэркэ пыртон* большей частью употребляется в северном наречии, среднеижском диалекте и шарканском говоре, а также в буйско-таныпском говоре Закамья. Вариант *чэркэ пыртон* отмечен в населенных пунктах Золотарево (24) и Пусошур (31) глазовского говора; *чэркэ пыртон* зафиксирован также в глазовском и юкаменском говорах. Словоформа *цэркэ пыртон* записана в косинском говоре, а *чэрикэ пыртон* – слободском говоре. Данные говоры объединяются в нижнечепецкий диалект северного наречия, но первый компонент наименования усвоен неодинаково. Сочетание *чэркэ пыртон* буквально означает 'ввод, введение в церковь'.

Происхождение. Русское *церковь*, укр. *церква*, блр. *церква*, др.-русс. *църкы*, болг. *цръква*, черк. *cerkieu*, н.-луж. *cerkej* является заимствованием [в эпоху поздних (начала н.э.) общеславянских языковых переживаний] из германских языков, где **kirkf* (ср. нем. *Kirche* 'церковь') < греч. *kyriakos (domos)* 'господний (дом)'. Праслав. **kirky* > *церковь* в результате изменения *k > ц*, прояснения редуцированного *ь* в *е* и подравнивая именительный падеж по основе косвенных (*църкъве*), ср. аналогичные *морковь*, *свекровь* и т.д. [Фасмер 1973, 300; Черных 2002, 367; ШЭСл 2003, 357].

Форма *крашин пыртон* записана в оп. Нов. Бия (117), вариант *крашин'э пыртон* – в д. Стар. Монья (126) средне-южного говора и шошминском говоре (Татарстан). Первый компонент – удмуртская форма русского 'крещеный'. Следует отметить, что удмурты данным словом называют крещеного татарина. В письменных источниках впервые зафиксировано в словаре Видеманна: *крашин* 'крещеный' [Wied. 1880, 489].

Сочетание *пин'ал пыртон* (букв. 'вводение ребенка') характерно для бесермянского наречия. Это обряд крещения и назначение крестных родителей. Обряд крещения бесермяне никогда не воспринимали только как способ приобщения ребенка к церкви и православной религии. Опасение за здоровье новорожденного породило взгляд на крещение как на апотропеический обряд. Крещеного считали более защищенным от воздействия нечистых сил и болезней. Каноны обряда крещения, установленные церковью, часто нарушались, жизнь вносила свои изменения. Часто в отдаленных селениях священник крестил ребенка прямо в доме по приглашению ребенка или во время приезда в деревню. После крещения устраивали небольшой праздничный обед. Обязательным блюдом застолья было топленое масло, к которое после угощения гости и крестные клали для новорожденного деньги. Возможно, поэтому крещение, крестильный обед обозначают одним термином *вкй сиён* 'поедание масла'. У удмуртов крестильный обед также завершался таким же обрядом. Закрытие приходских церквей в советское время привело к изменению обряда крещения

и трансформации социально-религиозных отношений. «Крещение» стали проводить в домашних условиях, без участия священника. На крестильный ужин приглашали родственников, будущих крестных и перед началом застолья «крестили» ребенка. Присутствующие рассаживались за столом, кто-либо из старших родственников брал ребенка на руки и со словами «У нашего новорожденного нет крестного отца и крестной матери. Ему нужны крестный отец и крестная мать», передавал ребенка через стол на руки крестным. Будущие крестные принимали ребенка и подержав некоторое время, возвращали со своими пожеланиями быть здоровым, послушным, трудолюбивым. По-видимому, практика домашнего крещения привела у бесермян и северных удмуртов и к появлению нового названия обряда *лъкк вамен сётон* ‘передавание через стол’. У удмуртов «домашнее» крещение проходило так же, как и у бесермян. Не случайно в северном наречии удмуртского языка зафиксированы сочетания *пинал пыртон*, *пинал пьртон*, которыми называются крестины, когда для ребенка также в домашних условиях проводят крестильный обряд, выбирают крестных родителей, без священника, не посещая церковь. В последние годы в жизнь людей вновь возвращаются церковные обряды. Восстанавливается и традиция крещения детей в церкви, «домашние крестины» уже не всегда считаются достаточными, особенно для слабых и болезненных детей [Попова 1998, 52–55].

В кукморском говоре для обозначения крещения зафиксировано сочетание *вюэ пьртон* с огублённым *у* в первом компоненте, букв. ‘введение в воду’. Является калькой с русского «окувание, купание в воде». Компоненты являются словами исконного происхождения. Удмуртское *ву* восходит к общеуральскому слову **wete* со значением ‘вода’ и имеет параллели во многих индоевропейских языках, ср. и.-е. **&wd-б*. [UEW 1986–1991, 479, 570]. *Пырыны* ‘зайти, войти’, *пыртыны* ‘внести, занести; ввести’, коми *пырны* ‘тж’, м. *пураш* ‘тж’, *пура* ‘заходит’, венг. *férni* ‘помещаться’. Под вопросом включают в лексику финно-угорского происхождения и реконструируют ф.-у. праформу **pVrз* [КЭСК 1999, 237; Соколов 1999_{3,4}, 61].

Лексема *пылатон* употребляется в средне-западном диалекте удмуртского языка, в некоторых населенных пунктах кизнерско-можгинского (116) и средне-южного (115, 117) говоров. Вариант *пыуатон* записан в кульминском говоре (12, 13), в водзимоньинско-омгинском диалекте и примыкающем кизнерско-можгинском говоре южного наречия. Данные говоры характеризуются наличием неслогового *у*. Также является калькой с русского ‘купание, умывание’.

Происхождение: удм. *пыласькыны* ‘мыться, умываться; купаться (в реке)’, *пылатыны* ‘купать’, коми *пывсян* ‘баня’, *пывсьыны* ‘париться в бане’. В КЭСК под вопросом приводятся примеры из финского и мордовских языков. Т. Утила пермские слова сопоставляет с обско-угорскими примерами, К. Редей со знаком вопроса приводит венгерское слово [КЭСК 1999, 234; Соколов 1999_{3,4}, 60; UEW 1986–1991, 407].

Лексема *чукиндырон* употребляется в граховском и алнашском говорах собственно южного диалекта, в с. Бол. Гондырь (155) шагиртско-гондырского и д. Вот. Ошья (156) буйско-таньпского говоров Закамья. Варианты *чукиндырон* и *чукьндьрон* с разными произносительными нормами *ы* отмечены в кырыкмасском и алнашском говорах южного наречия. Форма *с’укьндьрон* записана в д. Пойкино (146) кукморского говора; *т’укиндырон* – д. Покровский Урустамак (153) бавлинского говора, в котором встречается аффриката *ч* со слабо выраженным фрикативным моментом; словоформа *чукьндьрън* зафиксирована в д. Кузюмово (135) алнашского говора.

Происхождение: удм. *чукиндырыны* ‘окрестить, обратить в христианство’ заимствовано из тюркских языков, ср. тат. *чукиндыру*, башк. *сукиндырыу* ‘тж’ [Munk. 1896, 327; Тараканов 1993, 145].

Слово *чукинон* употребляется в оп. Бол. Сибы (118) и Стар. Каси (120) (Можгинский район УР) собственно южного наречия; вариант *чукьнон* – в д. Стар. Юмья (144) (Татарстан) кукморского говора. Словоформа *чукинис’кон* записана в д. Арвазь-Пельга (113) кизнерско-можгинского говора.

Происхождение. *Чукиныны* ‘креститься, принять христианскую веру; спешить, поспешить’, перен. ‘погибать, погибнуть, умирать, умереть; исчезнуть, запропасться’ < тат. *чукину*, башк. *сукиныу* ‘тж’ [Munk. 1896, 326; Тараканов 1993, 145].

ЛИТЕРАТУРА:

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003. 1536 с.
Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: научно-практический журнал. № 3 (13). Ижевск, 2011. 140 с.
Кротов З. Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ. 1785 года. 285 с. [В кн.: Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 1995. XX + 285 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар, 1999. 431 с.

Насибуллин Р. Ш. Приложения к дисс. ... докт. филол. наук на тему: Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период. Ижевск, 1998. 364 л.

Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян. Монография. Ижевск, 1998. 241 с.

Садыхов Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. 232 с.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1983. 188 с.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. I. АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1966. 324 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. II: Е–Муж. 1967. 671 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. IV: Т–Ящур. 1973. 852 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 5-е изд., стереотип. М., 2003. Т. 3. 560 с.

Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. 6-е изд., стереотип. М., 2003. 400 с.

Munkacsi B. A votjak nyelv szótara. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pecs, 1990.

Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Redei. Budapest: Akademiai Kiado, 1986–1991.

Wiedemann, F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. 692 S.

А. Т. Сивонен, г. Москва.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ В КАЛТАСИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Деепричастия в марийском языке образуются от основ глаголов инфинитива на -аӱ с помощью суффиксов -эн, -ен, -де / -те, -деҥе / -теҥе, -меке, -мӧӧ / -меҥе, -меӱке, -ӱла, -мӱла. В калтасинском диалекте все эти суффиксы, кроме -ӱла, довольно продуктивны, суффикс -меке употребляется редко он замещается диалектными вариантами -мӧӧ / -моӧ / -меҥе.

Деепричастие – неспрягаемая форма глагола, обозначающая добавочное действие, связанное с основным действием, выраженным формой инфинитива другого глагола. Деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия, и некоторые признаки имен существительных.

Деепричастия в калтасинском диалекте обладают общими с глаголом: а) видовыми значениями, напр.: *šalat-en p̄taraš* 'разбросать, букв. разбросав кончить' — *šalat-aš* 'раздать (однократность)', *šalat-el-en p̄taraš* 'букв. раздав кончить' — *šalat-el-aš* 'раздавать (многократность)', *šalat-edel-en p̄taraš* 'букв. раздав кончить' — *šalat-edel-aš* 'раздавать (многократность-прерывистость)'; *pur-eden ilaš* 'жить, копаясь' — *pur-ed-aš* 'копаться (многократность)', *pur-edel-en ilaš* 'жить, копаясь' — *pur-edel-aš* 'копаться (многократность-прерывистость)' *lu-en šoyaš* 'стоять, смешивая' — *lu-aš* 'мешать, смешать', *lu-alt-en koldaš* 'помешав, пустить, т.е. помешать' — *lu-alt-aš* 'помешать (однократность)', *lu-edel-en šoyaš* 'стоять мешая' — *lu-edel-aš* 'мешать (многократность-прерывистость)'; б) залоговыми значениями, напр.: *voltaš* 'спустить', *vol-tar-en vožaš* 'спустив, уронить (понудительность)', *rižaš* 'прилепиться', *p̄žak-tar-en ruaš* 'прилепив, дать (понудительность)' *kokəraš* 'кашлять' — *kokə-alt-en koldaš* 'кашлянув, пустить (возвратность)'.

Подобно наречию деепричастия могут иметь при себе: а) суффикс сравнительной степени -рак с оттенком приблизительности, напр.: *vurś-en-rak ojalaš* 'поругивая говорить', *onč-en-rak šoyaš* 'стой, поглядывая, следя', *tərś-en-rak əštaš küleš* 'нужно (немного, несколько) стараясь' (*vurśaš* 'ругать', *ončaš* 'смотреть, видеть', *təršaš* 'стараться'); б) усилительные частицы -ат, -ак: *onč-en-ak šoyem iše* 'стояла, глядя (же)', *už-en-at əšəm šukto* 'и даже не успел оглянуться, букв. не успел увидеть' (*ončaš* 'смотреть, видеть', *užaš* 'видеть, увидеть'); в) притяжательные суффиксы: *mij-möŋ-et jazum sere* 'добравшись, ты напиши письмо', *kajə-š-et-la pur-en lek* 'зайди по пути, букв. идя, зайди - выйди', *palə-deŋeš-ta tə paša o lj iše* 'без вашего ведома это дело не состоялось бы' (ср.: *mijaš* 'прийти, идти', *kajaš* 'идти, пойти', *paraš* 'войти', *palaš* 'знать').

Деепричастия на -эн и -ен обозначают добавочное действие, протекающее одновременно с основным действием, напр.: *vurśedal-en koštaš* 'ругаясь, ходить', *vašk-en kajaš* 'торопясь, уйти', *roč-en paraš* 'отворив, войти', *petər-en kodaš* 'заперев, оставить', *əšten kijaš* 'делая, лежать, т.е. делать', *oltal-en ojalaš* 'обманывая, говорить', *kijen kodaš* 'лежа, остаться, т.е. остаться', *ončal-en umlaš*

'глянув, понять', užən lüdəš 'увидев, испугаться' (vuršədəlaš 'ругаться', vaškaš 'торопиться', rošaš 'открыть', rətarəš 'запереть', əštaš 'де лать', oltalaš 'обмануть', kijaš 'лежать', ončalaš 'посмотреть', užaš 'увидеть'). Существуют парные образования, состоящие из двух одинаковых или из двух разных деепричастий: maḡəren-maḡəren oĵla 'плача, говорит', vičən-vičən tolna 'мы шли, ожидая', kurž-ən-oškə-ən kaja 'идет торопясь (букв. идет, бегая-шагая)', mijen-tolən koštaš 'ходить приходя-уходя', (maḡəraš 'плакать', vičaš 'ждать', kuržaš 'бежать', oškəlaš 'идти, шагать', mijaš 'прийти (туда)', tolaš 'прийти (сюда)').

Деепричастия на -де / -te, -деҫе / -теҫе показывают отсутствие ожидаемого сопутствующего действия при протекании главного действия: nal-де-ҫе iḡa tol 'не получив, (не взяв), не возвращаясь', koč-te-ҫе kodəda 'не поев, останетесь (останетесь голодными)', polša-де o lij 'не помогая, нельзя т.е. нельзя не помочь', vüdəš pur-де kelḡəṭšəm ot pale 'не войдя в воду, не узнаешь глубины' nalaš 'получить, взять', kočkaš 'есть', polšaš 'помочь, помогать', puraš 'войти'). Существуют парные отрицательные образования, состоящие из разных отрицательных деепричастий: tol-де-mij-де ilat 'живут не дружно, букв. не придя-не ходя, живут', koč-te-jü-де košt-ən tolna 'вернувшись не поев, не попив, букв. не поев-не попив, походивши, пришли' (tolaš 'прийти; вернуться', mijaš 'прийти', kočkaš 'есть', jüäš 'пить', koštaš 'ходить').

Деепричастия на -mönḡö / -моḡḡo / -меḡе показывают добавочное действие, предшествующее главному, выражаемому спрягаемым глаголом: kurəkəm volə-mönḡə-dä purlaškəla kajeḡa 'спустившись с горы, повернете направо', kočk-ən lek-mönḡö rakmatəm kalaše 'поев, благодари, букв. выйдя после еды, скажи спасибо)', tol-mönḡö purena 'зайдем, после того, как приедем, букв. придя, зайдем', koč-mönḡö kajeḡa 'пойдем после того, как поедим, букв. поев, уйдем', rašam rətarḡmoḡḡo kajaš küleš 'закончив работу, нужно уйти' (volaš 'спуститься', kočkaš 'есть', lekaš 'выйти', tolaš 'прийти', kočkaš 'есть', rətarəš 'закончить'). Деепричастия с суффиксом -mönḡö / -моḡḡo / -меḡе могут принимать суффикс сравнительной степени -rak, который придает им оттенок приближенности: šošo tol-mönḡə-rak užəna ḡəst 'ближе к весне еще (возможно, надеемся) увидимся', vüt-šor ertəmoḡḡarak luḡiḡe lekteš 'где-то после паводка рождаются (проклевываются) букв. выходят утята'.

Деепричастия с суффиксом -meške / -meš обозначают добавочное действие, совершающееся после главного: kučaš 'держат, поймать, ловить' > kučə-meške 'до того, как поймал', rustaš 'пьянеть' > rustmeške jüäš 'пить до опьянения', pörtäläš 'вернуться' > pörtəl-meške 'до того, как вернуться', malaš 'спать' > malə-meške 'до того, как спать', kajaš 'уйти; отправиться; идти' > kaj-meške əšten šukto 'успей сделать до того, как отправиться', sunḡaš 'фильтроваться, осесть' > sunḡə-meške šoḡəktəman 'держат до того, как осядет', šəḡḡaš 'посадить; поставить' > rakšam šəḡḡə-meš toləna 'приедем до того, как сажать огород'.

Деепричастия с суффиксом -šəla / -šəlä / -məla обозначают добавочное действие, которое совершается одновременно с главным: muraš 'петь' > mur-šəla 'в то время, когда пел', ruraš 'войти' > rur-šəla 'в то время, когда входил; входя', küzäš 'подниматься' > küzə-šəlä 'в то время, когда поднимался; поднимаясь', kajaš 'идти' > kaj-šəla užna 'видели, в то время, когда шли', моḡaš 'играть' > моḡ-məla pörtən kajeḡ 'упал в то время, когда играл'. Часто в речи носителей калтасинского диалекта деепричастия с суффиксами -šəla / -šəlä -məla заменяются формой, состоящей из страдательного причастия в лично-притяжательной форме и послелога ḡəḡəm 'в то время, как'.

Деепричастия обнаруживают некоторые признаки имен существительных. Деепричастия на -meške могут принимать все лично-притяжательные суффиксы: noḡəmešk-**em** kuštəšəm 'я плясал до упаду', noḡəmešk-**et** kuštəšəč 'ты плясал до упаду', noḡəmešk-**əže** kuštəš 'он плясал до упаду', noḡəmešk-**əna** kuštəšna 'мы плясали до упаду', noḡəmešk-**əḡa** kuštəšḡa 'вы плясали до упаду', noḡəmešk-**əšt** kuštəšt 'они плясали до упаду'; aḡḡḡə-mešk-**em** lünḡältəšəm 'я качался до своего головокружения', aḡḡḡə-mešk-**et** lünḡältəšəč 'ты качался до своего головокружения', aḡḡḡə-mešk-**əže** lünḡältəš 'он качался до своего головокружения', aḡḡḡə-mešk-**əna** lünḡältəšnä 'мы качались до своего головокружения', aḡḡḡə-mešk-**əḡa** lünḡältəšḡa 'вы качались до своего головокружения', aḡḡḡə-mešk-**əšt** lünḡältəšt 'они качались до своего головокружения' (nojaš 'устать', aḡḡḡaš 'укачаться; угореть, потерять сознание'). Также деепричастия на -mönḡö / -моḡḡo / -меḡе могут принимать все лично-притяжательные суффиксы: purt-aš 'впустить' > purtə-mönḡö 'впустив': purtəmoḡḡ-**em** 'впустив, я', purtə-mönḡḡ-**et** 'впустив, ты', purtə-mönḡḡ-**əžö** 'впустив, он', purtə-mönḡḡ-**əḡä** 'впустив, мы', purtə-mönḡḡ-**əḡä** 'впустив, вы', purtə-mönḡḡ-**əšt** 'впустив, они'; kaj-aš 'идти; уйти' > kaj-mönḡö 'уйдя; после того, как ушел': kaj-mönḡḡ-**em** 'уйдя, я; после того, как я ушел', kaj-mönḡḡ-**et** 'уйдя, ты', kaj-mönḡḡ-**əžö** 'уйдя, он', kaj-mönḡḡ-**əḡä** 'уйдя, мы', kaj-mönḡḡ-**əḡä** 'уйдя, вы', kaj-mönḡḡ-**əšt** 'уйдя, они'. Лично-притяжательные суффиксы также могут быть вставлены между основой глагола и деепричастным суффиксом: kajmet-mönḡö 'уйдя, я; после того, как я ушел', kajmet-mönḡö 'уйдя, ты; после того, как ты ушел', kajməž-mönḡö 'уйдя, он; после того, как он ушел', kajməna-mönḡö 'уйдя, мы; после того, как мы ушли', kajməḡa-mönḡö 'уйдя, вы; после того, как вы ушли', kajməšt-mönḡö 'уйдя, они; после того, как они ушли'.

Сложные по своему составу деепричастные суффиксы $-šəla < šə + la$ (суфф. причастия $-šə +$ сравнит. суфф. $-la$) и $məla < mə + la$ (суфф. причастия $-mo +$ сравнит. суфф. $-la$), принимая все лично-притяжательные суффиксы единственного числа и суффикс 3 л. множественного числа, оказываются разделенными ими: $kajaš 'идти' > kajšəla 'идя' : kaišəmla$ *puren lektam* 'идя, зайду-выйду, т.е. по пути зайду', $kaišetla$ *puren lektat* 'идя, зайдешь-выйдешь, т.е. зайдешь по пути', $kaišəžla$ *puren lekteš* 'идя, зайдет-выйдет, т.е. зайдет по пути', $kaišəštla$ *puren lektət* 'идя, зайдут-выйдут, т.е. зайдут по пути'; $šinčaš 'сидеть' > šinčəšəla 'сидя' : šinčəšəmla$ *malenat koltenam* 'сидя, я уснул', $šinčəšetla$ *malenat koltenat* 'сидя, ты уснул', $šinčəšəžla$ *malenat kolten* 'сидя, он уснул', $šinčəšəštla$ *malenat koltenət* 'сидя, они уснули'. Лично-притяжательные суффиксы вносят в деепричастия значение действующего лица, а употребляясь с именами существительными, указывают на принадлежность тому или иному лицу.

В ряде случаев отдельные деепричастия полностью утратили глагольные признаки и перешли в разряд наречий, напр.: *vaškeŋ* 'быстро', *toštəŋ* 'смело; решительно', *ilen-toləŋ* 'со временем', *mijen-toləŋ* 'дружно' (*vaškaš* 'торопить ся', *toštaš* 'осмелиться; решиться', *ilas* 'жить', *tolaš* 'прийти', *mijaš* 'прийти').

*З. А. Сиразитдинов, Л. А. Бускунбаева, А. Ш. Ишмухаметова, А. Д. Ибрагимова,
Л. Г. Мигранова, г. Уфа*

КОРПУС ТЕКСТОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья подготовлена при поддержке гранта «Корпусная лингвистика. Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России. Создание корпуса текстов республиканских газет на башкирском языке».

Корпусная лингвистика – относительно молодое, но в то же время наиболее стремительно развивающееся направление в лингвистической науке, которая занимается разработкой, созданием и использованием лингвистических корпусов. Под лингвистическим корпусом текстов понимается большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения лингвистических задач [Захаров, 2005: 3].

Корпуса, включающие большой массив электронных текстов различных жанров и стилей (художественные произведения, публицистику, диалектные тексты, научную, учебную и религиозную литературу и т.д.), дают пользователям возможность всесторонне и объективно исследовать языковые явления.

Однако лингвистический корпус представляет собой не только коллекцию текстов, подобранных и объединенных теми или иными общими признаками (автором, жанром, тематикой, периодом создания и т.д.), а базу языковых данных, снабженной филологической разметкой.

В 2011 году лаборатория лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН приступила к разработке Национального корпуса башкирского языка, который открывает доступ к представительному массиву текстов (многомиллионным словоупотреблениям), отражающему реальное состояние языка в конкретный момент времени, позволяющий разносторонне исследовать лингвистические феномены.

В 2012 году был запущен пилотный проект Национального корпуса башкирского языка. На сегодняшний день данный проект состоит из корпуса прозаических текстов, который включает в себя свыше 579 произведений 63 авторов. За год переведены в электронный вид и отредактированы прозаические тексты общим объемом в 9277754 словоупотреблений начиная с 17 года XX века.

В лаборатории параллельно ведется работа и по корпусу периодической печати. В ходе выполнения данного проекта предусматривается решение ряда задач, включая построение и анализ базы данных материала периодической печати для получения объективной картины состояния языка газетных и журнальных текстов. Для решения данной задачи осуществляется подборка текстов республиканских и районных газет и журналов, выходящих в Республике Башкортостан на башкирском языке.

На сегодняшний день материалы, предоставленные редакциями республиканских газет и журналов, усилиями сотрудников лаборатории лингвистики и информационных технологий переведены в нужный формат для дальнейшей работы в корпусе и отредактированы.

Данный корпус охватывает статьи из средств массовой информации начиная с 2000 годов. На данный момент в корпус включены полные тексты следующих газет и журналов:

- «Башкортостан кызы» (с 2002 по 2011 гг.);
- «Киске Өфө» (с 2003 по 2012 гг.);
- «Йәшлек» (с 2003 по 2010 гг.).

Предполагается дальнейшее пополнение корпуса за счет текстов республиканских и районных газет и журналов, выходящих в Республике Башкортостан на башкирском языке.

Данный корпус дает возможность пользователю получить не только объективную картину соотношения в газетном и журнальном материале текстов периодической печати различного жанра и тематики, их единиц и отношений между ними, но и лингвистические данные относительно семантической и морфологической информации представленных текстов.

Каждый текст корпуса содержит следующие **экстралингвистические характеристики**:

а) дата издания (*для газетных текстов – год, месяц, число, для журнальных – год, месяц, номер выпуска*);

б) автор;

в) название источника;

г) жанр текста: интервью, беседа; статья, очерк, репортаж, обозрение; рецензия; обзор печати; советы; письма; поздравления; художественно-публицистические жанры: (эссе, фельетон, рассказ, стихи, эпиграммы);

д) тематика текста: политическая и социальная жизнь (политика, право, философия); экономика (бизнес, финансы, коммерция, производство, сельское хозяйство, строительство); искусство и культура; наука и техника; образование; природа, путешествие; здравоохранение, медицина; частная жизнь.

е) объем текста (число предложений, словоформ);

ж) тип носителя (газета, журнал).

Данный тип разметки дает возможность пользователю, ограничив область поиска и отметив в совокупности или отдельно интересующие его параметры, за короткий промежуток времени получить нужную информацию.

Помимо экстралингвистической, тексты содержат внутрилингвистические (морфологическую и семантическую) разметки.

Морфологическая разметка дает возможность выбора той или иной словоформы с конкретными морфологическими характеристиками, т.е. каждой словоформе приписывается информация «о лексемной принадлежности и об инвентаре морфологических признаков» [Плунгян, 2004 : 152]. Для того, чтобы не нагромождать экран информацией, реализована возможность выбора отображаемой информации на выходе: исходная форма слова (лемма), признак части речи, признаки грамматических категорий [см. подр.: Бускунбаева, Сиразитдинов, 2011 : 47–49].

Семантическая разметка. В 2012 году нами разработана система семантической разметки, которая включает в себя глубинный (расширенный) тематический класс и словообразовательные характеристики лексемы в национальном корпусе башкирского языка [см. подр.: Сиразитдинов, 2012 : 124–126].

Корпуса, в том числе и периодической печати, представляя собой электронный банк данных, способны не только заменить предшествующие картотеки, но и осуществлять поиск необходимой информации за короткий промежуток времени.

ЛИТЕРАТУРА:

Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А. Система разметок в национальном корпусе башкирского языка // Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы. Сборник материалов международной конференции. Йошкар-Ола, 2011. С. 46–51.

Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.

Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка: опыт создания корпуса текстов современного русского языка // Сборник: Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». СПб., 2004.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Бардыбаева А.Д., Ишмухаметова А.Ш., Рафикова Л.Н. О разработке национального корпуса башкирского языка. // Роль и место Национальной библиотеки в социокультурном пространстве. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа, 2012. С. 124–126.

М. С. Солтанбаева, И. М. Мәхмүтов, Учалы р.

УЧАЛЫ РАЙОНЫ КТОЙ АУЫЛЫ ТЕЛЕ ЫНЙЫЛАРЫ

Учалы районының кара табын ырыуына караған Котой ауылы кешеләренә тел байлығына караған кайһы бер һүзәрғә тукталып китмәксебез.

ярыкай

мактансык

Минең күрше ярыкай ғына.

жот

комһоз

Кит инде, бигерәк жот эзәм.

һантый

иҫәр

Һантыйланма, әйткәнде тыңла!

битһез	оятһыз
көшкө	иркә
хәстрүш	меҫкен
былағай	тауыш сығарыусан (скандальный)
яһил	уҫал
һолһоз	килбәтһез
бирән	комһоз
сарға	сая, уҫал
ямакай	йәмһез, курқыныс
жылан	яуыз, хәйләкәр кеше.
койолдорок	ялағай
бәләһник	мыжык
сәмәкәй	тәрән
шуттай	һанай, иҫәпләй
килеп утыра	килә (хәзерге заман)
аңдый	күзәтә
жара	тукмай
һәмгелдәй	бәүелтә
ороша, ирешә	әрләй
апара	алып бара
айпалаша	көрәшә
купырайыу	маһайыу
хисаптау	һанау
бүскәрәү	кәмәү
шапырыныу	мактаныу
кымсыктау	һүз менән төрткөләшәү
базай	арый
һылтыктай	сатанлай

Аҫкы ос Хәтимә, битһез, сдачаны теүәл бирмәне
Минең туғаным көшкө генә инде.
Эй, хәстрүш, мактанған була.
Туйға былағай кешеләргә әйтмәгез.

Бигерәк яһил кыланаһың.
*олһоз ғына бер нәмә инде шунда.
Анау һарык бигерәк бирән.
Арғы торғаны бигерәк сарға себеш.
Йөзә бик ямакай.

Ул жыланға нисек ышанаһың.
койолдорок исеме ала күрмә.
Бәләһниктәр зә күп осрай.
Сәмәкәй тәгәскә генә һал
Аксаһын дөрөҫ шуттаманы.
Атайым килеп утыра.
Бесәй сысканды аңдый.
Ағаһы кустыһын жара.
Бишекте һәмгелдәт
Өләсәйем орошор.
һыузы апайым апарыр.
Ағайымдар айпалаша
Артык купырайыу килешмәй шул.
Бармактарың менән хисапта.
һауыттағы бал бүскәргән.
Артык һык шапырынма.
Кеше менән бик кымсыкташма
Бесән бик базатты.
Көтөүән һыйыр һылтыклап кайтты.

Күренекле телсе-ғалим Николай Константинович Дмитриев әйтеүенсә, һәр башкорт ауылы – үзе бер грамматика, үзе бер фән. Башкорт теле һөйләштәренәң үзенсәлектәрен ентекле өйрәнәүзе күз уңында тотканда, үрзә әйтелгән һүзәрзәң актуаллеге бөгөн дә юғалмаған, ә арта ғына төшкәнлеге бәхәһез. Сөнки халык теле ыңыйларын йыйыу, өйрәнәү, эшкәртәү – әзәби телебеззе байытыу тигән һүз бит ул.

Р. Ә. Солтангәрәева, Өфө к.

ҒӘЙНӘ ЫРЫУЫ БАШКОРТТАРЫ: ХАЛЫК ИЖАДЫ, ТЕЛ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕНӘ КАРАТА*

*Работа выполнена в рамках проекта «Фольклор гайнинских башкир: традиции и современность» гранта ГНТП

Ғәйнә башкорттарының телен билдәле телсе ғалимдарыбыз төһьяк-көнбайыш диалектына карауын расланы [Миржанова 2006, 210-211]. Пермь өлкәһендә йәшәүсе ғәйнәләрзәң тормош-көнкүрешен, йолаларын XVII быуат башында ук Н. С. Попов тикшерә [Попов 1804].

Ғәйнә ырыуының боронғо үсәргән, бөйрән, түнгәүерзәр, мең башкорттары менән ырыу атрибуттары уртаҡ булыу (тамға, кошы, ағасы) нигезендә Р.Г. Кузеев уларзың бәйләнештәрен XII–XIII быуаттарға кайтарып, «Минзәлә яғынан», «боронғо Болғарзан» килгән халыктың этник тарихын асыҡлағайны [Кузеев 1974, 34]. Ғәйнәләрзә көслә һакланған кыпсаҡ ырыуларының йоғонтоһон иһә ғалим XIII—XIV быуаттарға кайтып калыуын күрһәтте [Кузеев 1974, 346-347]. Р.М. Йосопов, ғәйнә башкорттарының үсеш хронологияһын, антропологик күрһәткестәрен өйрәнәп, ғәйнәләрзәң сығышын ифрат боронғо дәүергә, беззәң эраның III—IV быуаттарында халыктарзың бөйөк күсенәүе һөзөмтәһендә көһьяк Уралға күскән сак-массагеттар менән бәйләй [Юсупов 2008, 322]. Күрһәтелгән кәбиләләрзәң азак фин-уғырзәр һәм һун-сармат дәүерендәге

төрки телле күсмә халык менән аралашыуын һызык өстөнә ала [Юсупов 2008, 322]. Был инде ғәйнәләрҙең тарихи йәшә күпкә боронғорак булыуы тураһында дәлилле фараз.

Халыктарҙың этногенезына бағышланған хезмәттәрҙә «Ар» һүҙен ғәзәттә һәр сак фин-уғырҙар менән бәйләйҙәр [Кузеев 1974, 332-333]. Эммә этнонимға «ар» элементының кушылыуы буйынса ғына халықты фин-уғыр сығанаҡлы тип атау бер яҡлы булып ине. Боронғо төркиҙә «ар» — «ир кеше», «кеше», «ир» тигәнде аңлатканын иҫтә тотҡанда, ғәйнәләрҙең килеп сығышына карата фекер тәрәнәйтер урын бар. Боронғо санскрит менән бәйлә «Удик», «Уса» исемле йылғалар мәсәлән, Пермь өлкәһендә лә, Себерҙә лә бар [Жарникова 2003, 33]. Пермь өлкәһе Барда районында иһә Оса районы, Удик ауылы бар. Шулай уҡ «ар» элементы кушылған Харина, Харино, Харово, Харсиское исемле күп ауылдар һаман Себерҙә һаҡлана [Жарникова 2003, 33]. Сағыштырайыҡ: Шишмә районында Ар(ово), Дыуан районында Арий ауылдары.

Беренсә кешене «ар» (ауылға беренсә килеп ултырған, бәйгелә беренсә һ.б.) тип атау ерле халыҡ хәтерендә һаман тоторукло. Шулай уҡ, «ар» этнонимын фәкәт фин-уғырға ғына бәйләмәү ҙә һиземләнә информаторҙарҙың һөйләүендә.

Удик (Елпачиха) ауылының килеп сығышын, халыҡ ошо ерҙәргә беренсә килеп ултырған ар кәбиләһенә бәйләй. «Удик – беренше дигәнде аңлата. Ар дигән халыҡ йәшәгән мында» (Аҡбаев Бижан, 1925, Тау ауылы). «Толбуйзан был тирәгә беренше кешеләр – арлар килгән» (Ибраһимова Р., 1924 й., Удик ауылы). «Ар — беренше дигәнне аңлата, Удик дигән сүз дә беренше кешене аңлата» (Адутова М., 1938 й., Удик ауылы). Йыйылған материалдар нигеҙендә ерле халықтың килеп сығышына, этник тарихына бәйлә һорауҙарға асыҡлыҡ индерерлек яңы фараздарға урын бар.

Мифик белем — халыҡ хәтерендә һаҡланышы менән этностың килеп сығышы һәм уның тарихи, милли йөзөн объектив сағылдырыуы күслә дәлил. Билдәле мифты иҫкә төшөрәйек. Мифик аллегория аша бәйән иткән генеалогик легендалар халықтың төп инаныуына (болан культы), шулай уҡ, холкона бәйлә һызаттарҙы сағылдыра. Аҡ болан менгән беренсә кешеләр — Әйнә менән Ғәйнә Танып буйына Кояшты алып киләләр һәм күккә олғаһтыралар. Ошо ваҡыттан башлап үзҙәре килгән ергә ерегеп китәләр (икенсе вариантында Ғәйнә үҙе генә иҫән кала) [БХИ 2001, 76-78].

Беренсә кешеләрҙең кояшты мәмерйәнән сығарып (икенсе вариантта коткарып) аждаһанан алып килеүенә бәйлә мифологик легендалар һаман ғәйнәләр хәтерендә һаҡлана һәм бик боронғо реалияларҙы сағылдыра.

Кояшты коткарыу мотивы «Ригведа»ла, «Махабхарата»ла, боронғо һинд-арийҙарҙың «Авестаһында»ла тоторукло урын биләй [Жарникова 2003, 18]. Бактиһең, Кояш (ут) алып килеү (коткарыу) мотивы географик үҙенсәлектәр һәм ваҡыт үзгәрештәренә бәйлә архаик ысынбарлыҡты сағылдыра. Мәсәлән, төньякта йыл әсендә 100 көн, 100 поляр төн дауам итеп, унан һуң тәбиғәт тереләүе, кояш балкыуы реаль күренеш. Кояштың шул ваҡыттағы сағыу мәле «мифик аждаһанан котолю» мотивында аныҡ сағылған һәм тарихи реалияларға, климат тап килә, булһа кәрәк. Арийҙарҙың тыуған төйгә Себерҙә булыуын раҫлаған күп ғалимдарҙың һығымталарына таянып [Елпачич, 1910; Соболевский 1927; Абаев, 1981, 89], башкорт легендаһындағы Ғәйнә менән Әйнәне лә төньяктан Кояш (ут) алып килеүсә тәү кешеләр (йәки климат үзгәргән мәлдә килеүселәр), артабан халыҡ (ырыу) башлыктары, ә исемдәре ырыу этнонимы булып киткән тип әйтеп була. Ар тигән кешеләрҙең арий булыуҙарына ныҡлы ишара бар был мотивта. Пермь өлкәһендә, шулай уҡ Башкортостандың Әлшәй, Шишмә, Дыуан, Мәсетле райондарындағы ауыл исемдәре (Арий, Ар, Ғәйнә, Ғәйнәмак) арҙарҙың арийҙарға бәйләлегенә тарихи лингвистик дәлил була алаһы.

Үз тыуған төйгәһенән күсә килә боронғо кәбиләләр башкорт ырыуҙары менән аралашып, этник булмышын үзгәрткәндә үзҙәренә тарихи хәтерен ер атамаларында, тел үҙенсәлектәрендә, йолаларында күсереп алып килә мөһөр. Был этногенез процесында тәбиғи һәм реаль күренеш. һәр хәлдә Пермь өлкәһендә йәшәгән ғәйнәләрҙең тарихи хәтерендә «ар» атаманы фин-уғырҙарға бәйләлектә генә аңлатмай. Р. М. Йосопов «ар» элементына иғтибар итеп һәм халықтың үз танытмаларына таянып, ғәйнәләрҙә фин-уғырҙарға түгел, ә бик боронғо халыҡка бәйләү яғында [Юсупов 2008, 11]. Ырыу, милләт тамыры ана шул арийҙарға барып тоташканлығы, «Әйнә менән Ғәйнә», «Ғәйнәләр—Толбуйҙар» кеүек мифологик легендала сағыла. Кояшты коткарып, аҡ боланда килгән тәү кешеләрҙең ғәйнәләр икәнлегә мифологияла, халыҡ хәтерендә шулай һаҡланған, күрәһең... Мифик белем, ер-һыуға бәйлә легендалар иһә шул мифтары булған ерҙә йәшәгән кешенә бик боронғо милли үзбилдәләнеш күрһәткәсе, тарихы, сакраль паспорты ла булып тора.

Боронғо арийҙар менән бәйләнешле булғанын этник хәтеренә бикләп куйған халыҡ; «беренш'е килгән халыҡ ул — арлар. Ар — беренш'е дигәнне аңлата» (Арзыев Г., 1926 й., Удик ауылы), (М. Адутова, 1983 й.). «Барда, Эрәмауыл, Тауауыл, Искер, Удик — барысы ҙа арлар. Ар — безнән арларныҡынш'а «бер» тигән сүз» (Б. Аҡбаев, 1925 й., Тауауыл).

Гәйнәләрҙән язып алынған мәғлүмәттәр халыҡ рухиәте сағылышы ул. Гәйнәләр үзәренең кемлеген белә: «без боронғо башҡортлар», «арларҙан калған башҡорт» (Адутова М., 1938 й., Удик ауылы), «без башҡортлар бит, тел генә беткән» (Азнағолова С.А., 1932 й., Танып ауылы) тип әйтәләр.

Татар теле йөгөнтөһө, туған телдең бозолоп юғала барыуы ла ерле халыҡ узаһында төрлө каршылыҡлы фекер тыуыра: «Кайсылар биткә (хәлгә – Р.С.) барып ш’ыҡтыҡ, кый, татар, диләр безне. Казаннар яҡын булғаш’. Без ни эшләп татар була зи?» (М. Йосопова, 1925 й., Удик ауылы). «Хәҙер гәйнә татарлары сез, диләр. Переписьта ла әйттермәҙеләр, башҡорт, дил!» (Г. Сәйдәшева, 1926 й.). Төрлө сәйәси уйындар һәм боронғо гәйнә телен татар диалекты, йәки «барда теле» тип әленән-әле асыҡлап «билдәләп» тороу аркаһында [Рамазанова 1996, 36-38] ерле халықтың аһында үз-үзенә ышанмаусанлыҡ, үз туған тамырҙарына карата шик уятыла. Гәйнәләрҙең теле бозолһа ла, төпкөл узаһы, мифик белемә бөтөн һаҡлана.

Дөйөм алғанда, Ак болан менеп килгән тәү кешеләр – арийҙар Әйнә менән Гәйнә төпләнгән ерҙә рухи қазаныштарына тоғро булып ата-баба аманатын һаҡлаған халыҡ йәшәй. Буйсан, ғорур һынлы, алһаҡ йөзлө, йәшкелт-зәңгәр күзлө, мөһабәт рухлы был халыҡ Кирәй Мәргәнсә «башҡорттоң төбөн», милләт ағасының мәшһүр бер олоһон тәһкил итеп тора.

ӘЗӘБИӘТ:

- Рәсәй фәндәр академияһы Өфө Ғилми Үзәге Архивы, ф 3, оп 32, с/х 1, 1-се бит.
Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 2006. С. 210-211.
Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии . Пермь, 1804 г.
Кузеев Р.Г. Күрһәтелгән хезмәт, 1974. 347-се бит.
Кузеев Р.Г. Күрһәтелгән хезмәт, 1974 й., 346-347-се бб.
Юсупов Р.М. Палеоантропология Южного Урала и вопросы происхождения башкир-гайнинцев // Башкиры – гайнинцы Пермского края. Уфа, 2008. С. 323.
Юсупов Р.М. Күрһәтелгән хезмәт, 2008. С. 323.
Р.Г. Кузеев Күрһәтелгән хезмәт, 1974 й., 332-333-сө бб.
Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда. 2003. С. 33.
Жарникова С.В. Күрһәтелгән хезмәт. С. 33.
Башҡорт халыҡ риүәйәттәре һәм легендалары (өс телдә) / Төз., баш һүз һәм коммент. авторы Ф.А. Нәҙершина. Өфө. 2001. 76-78-се бб.
Жарникова С.В. Күрһәтелгән хезмәт, 2003. С. 18
Соболевский А.И. Название рек и озер Русского Севера // Известия отделения русского языка и словесности. СССР. М.1927, № 32.
Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контекстов// Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 89.
Елачич Е. Крайний Север как родина человечества. – СПб., -1910.
Юсупов Р.М. Гайнинские башкиры // Башкиры-гайнинцы Пермского края. Уфа, 2008. С. 11
Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань 1996. С. 36-38

В. В. Субракова, г. Абакан

СОГЛАСНЫЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ КЫЗЫЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА)

В настоящее время в составе хакасского языка принято выделять четыре территориальных диалекта: качинский, сагайский, шорский и кызыльский [Карпов 1966 : 443; Патачакова 1992 а: 14; Радионова 1983; 1984], названия которых остаются традиционными с до-революционного времени. На основании ряда лингвистических критериев, прежде всего фонетических, хакаские диалекты делятся в лингвистической литературе на две группы: 1) **с/з**, или свистящие диалекты, представленные сагайским и ассимилированным им бельтирским и 2) **ш/ж**, или шипящие диалекты, включающие качинский с ассимилированным им койбальским, кызыльский и шорский, сближающийся с соседним шорским языком [Грамматика хакасского языка 1975 : 3; Боргоякова 1998; Чиспиякова, Шавлова 1991].

Внутри диалектов выделяются говоры. В качинском диалекте принято различать абаканский, уйбатский, белоюсский и староюсский говоры, в сагайском – аскизский, есинский, бельтирский и тейский говоры [Боргоякова 1998]. Каждому из них свойственны свои фонетические, грамматические и лексические особенности, в различной степени изученные.

Несмотря на высокий интерес к изучению хакасской фонетики, звуковые системы хакасских диалектов, говоров и подговоров слабо или недостаточно изучены, остается це-

лый ряд неисследованных проблем, в частности, в области вокализма и консонантизма, требующих своего решения, как в литературном хакасском языке, так и в его диалектах.

У хакасоведов нет единства мнений по вопросу об инвентаре консонантных единиц языка и речи (фонем и фонов) даже на уровне литературного языка; тем более нет ясности в отношении его диалектов и говоров, некоторые из которых не имеют даже первичного описания звукового состава.

Одной из основных задач фонологического исследования является выявление инвентаря функциональных единиц – фонем – совокупностью различных методов и приемов.

Исходя из понимания фонемы как минимальной смысловоразличительной единицы языка и в соответствии с принципами функционального анализа, при определении состава фонем за основу были приняты критерии различительной релевантности, дополнительно – распределения и свободного варьирования [Общее языкознание, 1972].

Цель данной статьи – выявление дистрибуции шумных и малошумных согласных фонем одного из исчезающих диалектов хакасского языка, кызыльского диалекта.

Ниже приводятся списки слов, иллюстрирующие функционирование согласных во всех возможных позициях и комбинациях, при этом используются символы: С₁ – шумные глухие согласные, С₂ – шумные звонкие и С₃ – малошумные согласные.

Звук p – шумный глухой смычный губно-губной – встречается в начальной, конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной в комбинации с согласными С₁ и медиально-постконсонантной после согласных С₁ позициях, например: **пјрік** pərsk ‘шапка’, **пала** pala ‘ребенок’, **пудах** pudaχ ‘ветка, сучок’, **ізеп** gzəp ‘карман’, **чіп** ʃgr ‘нитка’, **апыях** apjəχ ‘кукла’, **іпек** spək ‘хлеб’, **шапшах** ʃapʃaχ ‘кадка’, **эппі** ɛpʃg ‘женщина, жена’, **ыспа** ɣspa ‘избушка’, **эпке** ɛpkə ‘домой’, **хооспах** χə:spaχ ‘ковш’, **сэтпер** sətper ‘мешок’.

Звук b (~ β) – является шумным звонким смычным, губно-губным согласным, может стоять в интервокальной, медиально-постконсонантной позициях, например: **шабых** ʃabəχ ‘закрытый’, **абаам** aba:m ‘мой старший брат’, **ойба** əjba ‘пепел’, **халбаан** χalba:n ‘не осталось’, **хайбасха** χajbasχa ‘не обращать внимания’. По наблюдениям Д.Ф. Патачаковой звук b носителями кызыльского диалекта произносится как щелевой звук β [Патачакова, 1995, 11].

Звук t – шумный глухой смычный переднеязычный – употребляется во всех позициях: в начальной, конечной, интервокальной (редко), медиально-преконсонантной перед согласными С₁ и медиально-постконсонантной после согласных С₁ и С₃ позициях, например: **та-ах** ta:χ ‘курица’, **тайде** tajde ‘дедушка, отец матери’, **от** ət ‘сено’, **чарианат** ʃarCanat ‘летучая мышь’, **татанас** tatanas ‘ласка’, **атпагы** atpaγ ‘жабры’, **кјлеткј** kəletkγ ‘тень’, **сетпер** sətper ‘мешок’, **честе** ʃeste ‘муж старшей сестры’, **хасты** χastə ‘свекоп, тесть’, **јстік** əstək ‘бицепс’, **сор-тан** sortan ‘щука’, **тэлте** təlte ‘прорубь’. В кызыльском диалекте т озвончается и в тех словах, где в литературном хакасском языке он остается глухим. Например, **хаат** – **хаады** (лит. хат-хаты) ‘жена женщина’, **хадыг** (лит. хатыи) ‘твердый’, **адауа** (лит. атаруа) ‘стрелять’, **пат** – **падауа** (лит. патаруа) ‘вязнуть, погружаться’ [Грамматика хакасского языка, 1975].

Звук d – шумный звонкий смычный переднеязычный согласный – зафиксирован в интервокальной, медиально-преконсонантной перед согласными С₁ и С₃ и медиально-постконсонантной позициях, например: **хыдыр** χədyr ‘рябой’, **кеден** kəden ‘холст’, **хадыг** χadyg ‘твердый’, **пудах** pudaχ ‘ветка’, **подкоп** podkop ‘подкова’, **тадлыи** tadlʲɣ, ‘вкусный’, **абдра** abdra ‘шкатулка’, **харындаш** χarəndaʃ ‘брат’, **кјриндјш** kərindeʃ ‘зеркало’, **сымды** sɣmdə ‘рябчик’, **эмдік** ɛmdək ‘дикий, необученный’, **чолдаш** tʃ (ʃ)oldaʃ ‘спутник’.

Звук s – шумный глухой щелевой переднеязычный – констатируется в анлаутной, интервокальной, ауслаутной, медиально-преконсонантной с согласными С₁ и медиально-постконсонантной после согласных С₁ и С₃ позициях, например: **сас** sas ‘болото’, **сай** saj ‘галька’, **сестек** sestek ‘ягода’, **мус** mus ‘лед’, **палиас** palCas ‘грязь’, **охчаныс** oχʃanəs ‘поцелуй’, **устух** ustux ‘часть ноги выше колена’, **паспах** paspaχ ‘западня, ловушка для мелких зверей’, **эскј** ɛskγ ‘старый’, **морсук** morsuk ‘барсук’, **ахсах** aχsaχ ‘хромой’, **охсас** oχsas ‘подобно, подобный’, **хорсынауа** χorsɣnaCa ‘опасаться’.

Звук z – звонкая пара шумного глухого согласного s, звук z функционирует в интервокальной, медиально-преконсонантной, медиально-постконсонантной позициях, например: **музурух** muzuruχ ‘кулак’, **ороза** oroza ‘пост’, **пезерјл** püzürəl ‘сырки из арчи’ **кезер** күzer ‘муравейник’, **азриуа** azriCa ‘кормить’, **хазна** χazna ‘государство’, **парза** parza ‘если пойдёт’, **килзе** kiʃzə ‘если придёт’.

Звук ʃ – шумный глухой, в литературном языке ч представляет аффрикату, а в кызыльском – это щелевой переднеязычный звук, звучит примерно как щ русского языка, данный звук может употребляться в начальной, интервокальной, медиально-

преконсонантной в комбинации с согласными С₁, медиально-постконсонантной после согласных С₁ и С₃, *конечной* позициях, например: **чабыи** ʃabʲyC 'крыша', **частых** ʃastʲx 'подушка', **чел** ʃel 'ветер', **пычак** pʲʃak 'нож', **хуча** χuʃa 'баран', **ичкер** ɟʃker 'восток, на восток', **хычхыр** χʲʃχʲr 'кричи', **эпчигей** ɛpʃʲigej 'клоква', **пахчар** paχʃar 'скворец', **чирче** ʃirʃe 'чашка', **перчек** pürʃük 'почки тальника', **мэрчи** mɛʃʲg 'железы (лимфатические)', **халач** χalaʃ 'хлеб', **сауыч** saCʲʃ 'мысль', **ач** aʃ 'голодный'. напр.: **кещ** küʃ 'сила' **елещ** üleʃ 'удочка', **ауаш** aCaʃ 'дерево', **омащ** omaʃ 'ложка', **нанош** nanoʃ 'брусok'. При прибавлении аффиксов с начальными гласными озвончается, переходит в свою звонкую пару х.

Звук з — шумный щелевой звонкая пара шумного щелевого ч, данный звук констатируется в интервокальной, медиально-постконсонантной после согласных С₂ и С₃ позициях, например: **ахыг** азʲx 'кислый, горький', **аых** азʲx 'открытый', **кixig** kgʲʃg 'маленький', **пыхах** pʲxax 'нож' **хадаухы** χadaCʲʃ 'пастух', **пэлхеу** pɛlʲxɛɲ 'перевал (горный)', **пjлхек** pɛlʲxɛk 'волк (иносказ.)', **чымхиуа** ʃʲmχʲiʲCa 'кастрировать', **чызынхак** ʃʲzʲɛnχʲak 'полотенце'.

Звук ʃ — шумный глухой шипящий переднеязычный — зафиксирован в анлаутной, интервокальной, медиально-преконсонантной перед согласными С₁, медиально-постконсонантной после согласных С₁ и С₃, ауслатной позициях, например: **шабал** ʃabal 'плохой', **шер** ʃɛr 'земля', **шэвiргi** ʃɛvɛrgɛ 'двадцать' **шиг** ʃgɛ 'сырой', **хуша** χuʃa 'баран', **алышпаш** alʲʃpaʃ 'бессменный', **тишкін** tʲʃkɛn 'бешеный, бандит', **ештенде** üʃtɛnde 'наверху', **хыйыштырауа** χʲjʲʃtʲɛraCa 'искажать', **хуршаг** χurʃaɟ 'оборки', **шапшах** ʃapʃaχ 'кадка', **эпшi** ɛpʃɛ 'женщина, жена', 'ойнапшат', **моршо** moʃʃo 'цветок', **хуршаг** χurʃaɟ 'оборки', **каиш** kaiʃ 'ремень', **тырбаш** tʲɛrbaʃ 'грабли', **ауаш** aCaʃ 'дерево'. Как известно, в литературном хакасском языке звук **ш** отсутствует, в коренных, хакасских словах не употребляется. Имеется **ш** в шорском диалекте и староинюсском говоре качинского диалекта. Здесь **ш** употребляется вместо согласного **с**, например: **хыш** 'девушка', **пеш** 'пять' вместо **хыс**, **пис**. В кызыльском диалекте **ш** употребляется вместо **ч** литературного языка, например: **шазы** ʃazʲ 'поле', **шон** ʃɔn 'народ' вместо **чазы** и **чон**³.

Звук з — наличие звука ж — это сугубо внутренняя черта кызыльского диалекта, шумный звонкий шипящий переднеязычный встречается в интервокальной, медиально-постконсонантной позициях, например: **пыжах** pʲzax 'нож', **пиже/ пэже** pʲzɛ/ pʲzɛ 'сестра', **пjжик** pɟʃɟk 'письмо', **iже** ɟzɛ 'мать', **эжик** zɟik 'ворота, дверь', **тыжак** tʲzɟak 'колени', **кежегеч** kɛʲzɟɛʃ (ʲʃ) 'щенок', **нэгежим** nɛʲzɟim 'жена старшего брата', **найжы** nɛʲzʲ 'друг, товарищ, приятель', **монжых** moɲʲx 'бисер', **хорианжы** χorʲCanʲzʲ 'свинец', **тэйже** tɛʲzɛ 'бабушка, мать матери', **jлгенже** ɔlʲɛnʲzɛ 'навек', **артханжи** artχanʲzi 'объедки'.

Звук к — шумный глухой заднеязычный согласный встречается в начальной, конечной, интервокальной, медиально-пре- и постконсонантной с согласными С₁ и С₃ позициях, напр.: **кобыт** kɔbʲt 'хомут', **кјс** kɛs 'уголь', **кенсей** kɛnʲsej 'каждый день', **перчек** pürʃük 'почки', **пjлхек** pɛlʲxɛk 'волк (иносказательно)', **сэлек** sɛ:lɛk 'ведро', **јкiс** ɛkss 'сирота', **iki** sks 'два', **пилекте** pɛlɛktɛ 'готовить', **јткiнеге** ɛtksnɛʲgɛ 'подражать, передразнивать', **ітке** stkz 'затылок', **маска** maska 'молоток', **иркін** ɪrksn 'порог', **кускун** kuskun 'ворон'.

Звук ɟ — шумный звонкий заднеязычный согласный констатируется в интервокальной, медиально-преконсонантной в комбинации с согласными С₂ и С₃ и в медиально-постконсонантной позициях напр.: **еге** ügü 'сова', **пугдай** puɟdaj 'пшеница', **паглиуа** paɟliCa 'вязать, привязывать', **егренеге** ügrenɛgɛ 'учиться', **телге** tɛlgü 'лиса', **эргек** ɛrgɛk 'большой палец', **сјргиге** sɛrgigɛ 'вышивать петельным швом',

Звук χ — шумный глухой заднеязычно-язычковый встречается в анлаутной, ауслатной, интервокальной, медиально-преконсонантной в комбинации с согласными С₁, медиально-постконсонантной после согласных С₁ позициях, напр.: **хамах** χamaχ 'лоб', **тамах** tamaχ 'горло', **хулнах** χulnaχ 'жеребёнок', **таха** taχa 'каблук', **чаха** tʃ (ʃ)aχa 'доха', **пызылах** pʲzʲlaχ 'творог', **пахчар** paχʃar 'скворец', **сыхтига** sʲχtʲiga 'плакать', **холохпа** χɔlɔχpa 'лепёшка', **охсас** oχsas 'подобно, подобный', **пысхы** pʲsχʲ 'колотушка для глушения рыбы', **хатхах** χatχaχ 'жабры' **намачхы** namaʃχʲ 'заплата'.

Звук C — шумный звонкий заднеязычный согласный зафиксирован в интервокальной, медиально-преконсонантной перед согласными С₂ и С₃, медиально-постконсонантной позициях, напр.: **ауа** aCa 'дед', **шоуыл** ʃɔCʲl 'нет', **оуыр** ɔCʲɛr 'вор', **хауас** χaCas 'бумага', **соуан** sɔCan 'стрела', **пауа** paCa 'лягушка', **сауы** saCʲʃ 'сторона', **тоуиуа** tɔCiCa 'сбивать (масло)', **науыс** naCʲʃs 'один, единственный', **науы** naCʲʃ 'эхо', **суулиуа** su:liCa 'говорить, шуметь', **сабауа** sabaCa 'молодой березняк', **тоузон** tɔCzɔn 'девятисто', **хиулиуа** χiCiCa 'кричать, звать', **оулы** ɔCʲlʲ 'сын', **пулиуа** puCiCa 'перемешивать', **чориан** ʃɔrCan 'одеяло', **сулиах** suCiCaχ 'портянки', **ориы** ɔrʲCʲʃ 'детёныш марала', **хорианжи** χɔrCanʲzi 'свинец'.

Звук m — малошумный смычный губно-губной носовой согласный встречается в начальной, интервокальной, конечной, медиально-преконсонантной позициях в сочетании с согласными из групп C₁, C₂ и C₃, а также в медиально-постконсонантной позициях, напр.: **меес** mü:s 'рога', **мус** mus 'лёд', **мэн** mɛn 'я', **мии** mi: 'мозг, разум, ум', **эмек** ɛmek 'темя', **кјміске** kɛmɟskɛ 'бровь', **кемес** kɛmɛs 'серебро', **јлим** ɛlim 'смерть', **кім** kɛm 'кто', **эмчимже** ɛmʃimʒɛ 'немного, чуточку', **тамкы** tamkɛ 'табак', **эмдік** ɛmdɟk 'дикий, необученный (о лошади)', **хомды** ɟomdɛ 'гроб', **тамныи** tamnɛC 'вкусный, питательный', **чымхы** ʃɛmʒɛ 'кастрируй', **хамхы** ɟamʒɛ 'кнут', **шомлак** ʃomlak 'ложка' **сымды** sɛmdɛ 'рябчик', **сеумен** sɛjmen 'вид наконечника', **эрмекей** ɛrmɛkɛj 'бабочка', **туума** tujma 'младший (брат, сестра)', **хаймах** ɟajmaɟ 'сметана',

Звук n — малошумный смычный переднеязычный носовой согласный функционирует в начальной, конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной в комбинациях с согласными C₁, C₂ и C₃ и медиально-постконсонантной позициях, напр.: **наа** na: 'новый', **наумыр** naɟmɛr 'дождь', **тазын** tazɛn 'вол', **сыын** sɛ:n 'марал', **шын** ʃɛn 'верно', **чалын** tʃ (ʃ)alɛn 'пламя', **шон** ʃon 'народ', **інек** ɟnɛk 'корова', **шыныхтаг** ʃɛnɟtaC 'проверка', **ланпа** lanpa 'лампа', **нандыра** nandɛra 'обратно', **харындаш** ɟarɛndaʃ 'брат', **хынуаны** ɟɛnCaɛ 'любовь', **чуунхау** tʃ (ʃ)u:nʒaɟ 'умывальник', **инге** ɛngɛ 'иголка', **кјриндіш** kɛrɛndɛʃ 'зеркало', **чызынхак** ʃɛzɛnʒak 'полотенце', **холнак** ɟɛlnak 'колонок', **хамных** ɟamnɛɟ 'елец', **сјунј** sɛjɛnɛ 'марьян корень'.

Звук l — малошумный смычный переднеязычный боковой согласный констатируется в ауслаутной, интервокальной медиально-преконсонантной перед согласными C₁ и C₂, медиально-постконсонантной после согласных C₂ и C₃ позициях, напр.: **оол** ɔ:l 'парень', **шоуыл** ʃɔCɛl 'нету', **пурул** 'возвращайся, поворачивай обратно', **талииа** talɛCa 'распрягать, расплетать, распускать, разрушать', **тјлиге** tɛlɛgɛ 'платить', **пилектиге** pilɛktɛgɛ 'готовить, заготавливать', **сэлек** sɛlɛk 'ведро', **алты** altɛ 'шесть', **хулиа** ɟulɛCa 'дужка (ведра)', **пілді** psldɛ 'знак, пометка, отметка', **алиыг** alɛCɟ 'широкий', **сулиах** sulɛCaɟ 'портянки', **паглииа** paɟliCa 'вязать, привязывать', **соулииа** sɔCɛliCa 'измываться надсмехаться', **хилииа** ɟɛliCa 'кричать, звать', **оилы** «oCɛlɛ» 'сын', **тарлау** tarlaɟ 'пашня', **эрлиг** ɛrlɛɟ 'имеющий мужа', **илгиш** ɛlɟɛ 'вешалка'.

Звук r — малошумный переднеязычный дрожащий согласный встречается в конечной, интервокальной, медиально-преконсонантной в комбинации с согласными C₁, C₂ и C₃ и медиально-постконсонантной после согласных C₁ (редко) и C₂ позициях, напр.: **тээр** tɛ:r 'порох', **шэр** ʃɛr 'земля', **ур** ur 'лей, поливай', **терезе** tɛrɛzɛ 'окно', **пірјлеу** psrɛlɛɟ 'кто-то', **јреме** ɛrɛmɛ 'пенка (сливки) с кипяченого молока, в пищу употребляли в мороженом виде', **тірсек** tsrɛk 'часть ноги выше пятка', **ортын** ɛrtɛn 'средний', **ортолыг** ɛrtɛlɛɟ 'косопог, склон горы', **јрге** ɛrɟɛ 'суслик', **тырбоч** tɛrbɔɟ 'грабли', **хурда** ɟurda 'отощавший скот', **тарлау** tarlaC 'пашня', **прис** prɛs 'кошка', **шубрек** ʃubrɛk 'тряпка', **абдра** abdra 'шкатулка', **азрииа** azrɛCa 'кормить'.

Звук j — малошумный щелевой среднеязычный согласный функционирует как и в литературном хакасском языке в начальной позиции йа ja'да', йу ju 'возглас обозначающий боль' в конечной интервокальной медиально-преконсонантной перед согласными C₂ и C₃ позициях, в медиально-постконсонантной позиции не употребляется, напр.: **пэй** pɛj 'кобыла', **тай** taj 'жеребенок от одного года до трех лет', **хой** ɟɛj 'овца', **авый** avɛj 'родственник по крови', **хайах** ɟajaɟ 'масло', **тайы** tajɛ 'дядя, брат матери', **хызыах** ɟɛzɛjɟ 'девочка', **айах** ajaɟ 'миска', **мойдырых** mojdɛrɟɟ 'воротник', **хайда** ɟajda 'где', **эйленеге** ɛjlɛnɛgɛ 'возвращаться, поворачиваться', **худай** ɟudaj 'бог', **пойыл** pɛjɛl 'нынче, в этом году', **хаймах** ɟajmaɟ 'сметана', **пайлау** pajlaɟ 'кедр', **айуах** ajɛCa 'когти'.

Звук ɲ — малошумный смычный велярно-увулярный носовой согласный констатируется в интервокальной, конечной, медиально-преконсонантной в комбинации с согласными C₂ и C₃ позициях, например: **пайлау** pajlaɟ 'кедр', **пулуу** puluɟ 'угол', **ау** aɟ 'зверь', **хайлау** ɟajlaɟ 'чайка', **сиуе** sɛjɛ 'марьяны коренья', **ізеуе** ɟzɛjɛ 'стремена', **тіуізі** tsɛjɛzɛ 'тот', **олауай** olaɟaj 'простой', **кјузиге** kɛjɛzɛgɛ 'пригореть (о каше, супе)', **ауналаиа** aɟnalaCa 'падать', **наумыр** naɟmɛr 'дождь', **ауноч** aɟnɔɟ 'охотник'.

Звук ɟ — малошумный заднеязычно-язычковый встречается в ауслауте, напр.: **чазаг** ɟazaɟ 'пешком', **одаг** ɔdaɟ 'шалаш', **хуршаг** ɟurʃaɟ 'оборки', **тамныг** tamnɛɟ 'вкусный, питательный', **сабыг** sabɛɟ 'вставка, клин', **сјунјндег** sɛjɛnɛndɛɟ 'малиновый', **нандыг** nandɛɟ 'приданое',

Звук C — малошумный заднеязычный зафиксирован в конечной позиции, например: **палыи** paɛC,6 'рана', **тарлау** tarlaC,6 'пашня', **позыи** pozɛC,6 'гвоздь', чабыи ʃabɛC,6 'крыша', **одыи** ɔdɛC,6 'шалаш'.

В суммированном виде дистрибуция согласных звуков кызыльского диалекта хакасского языка представлена в таблице 1.

Дистрибуция согласных кызыльского диалекта хакасского языка

Таблица № 1

Звук	Позиции								
	CV-	-VC	-VCV-	- V[C]C ₁ V-	- V[C]C ₂ V-	- V[C]C ₃ V-	- VC ₁ [C]V-	- VC ₂ [C]V-	- VC ₃ [C]V-
p	+	+	+	+	+	—	+	—	+
b ~β	—	—	+	—	—	—	—	—	+
t	+	+	(+)	+	—	—	+	—	+
d	—	—	+	+	—	+	—	—	+
s	+	+	+	+	—	—	+	—	+
z	—	—	+	—	—	+	—	—	—
ʃ (~tʃ)	+	—	+	+	—	—	+	—	+
ʒ	—	—	+	—	—	—	—	+	+
ʃ	+	+	+	+	—	—	+	+	+
ʒ	—	—	+	—	—	—	—	—	+
k	+	+	+	+			+		
g			+		+	+			
χ	+	+	+	+			+		
с			+		+				+
m	+	+	+	+	+	+			+
n	+	+	+	+	+	+	—	—	+
r	—	+	+	+	+	+	(+)	+	—
l	—	+	+	+	+	—	—	+	+
j	(+)	+	+	—	+	+	—	—	—
ŋ (ŋ)	—	+	+	—	+	+	—	—	—
ɣ (~ ɣ)	—	+	—	—	+	+	—	—	—
с,	—	+	—	—	+	+	—	—	—

(+) – редко встречающиеся звуки

ЛИТЕРАТУРА:

Боргоякова М. А. О состоянии изучения диалектов хакасского языка // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. Абакан, 1998. С. 20-25.

Грамматика хакасского языка / Кол. авт. под ред. Н.А. Баскакова. Редкол.: М.И. Боргояков, А.И. Грекул, Г.И. Донидзе, Д.Ф. Патачакова. М., 1975.

Карпов В.Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966. С. 428-445.

Общее языкознание (Внутренняя структура языка). М., 1973. 149-153.

Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. Абакан, 1992 а. С. 14-18.

Патачакова Д.Ф. Кызыльский диалект (краткий очерк). Пособие для учителя. Абакан, 1995.

Радионова К.Ф. Дистрибутивный анализ согласных шорского диалекта хакасского языка // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 32-50.

Радионова К.Ф. Исследование консонантизма шорского диалекта хакасского языка // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 83-85.

Р. А. Сулейманова, г. Уфа.

**РОЛЬ И МЕСТО РУССКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ИМЕННИКЕ
БАШКИР* (НА ПРИМЕРЕ ИМЕННИКА БАШКИР ПО МЕЧЕТЛИНСКОМУ И
ХАЙБУЛЛИНСКОМУ РАЙОНАМ РБ ЗА 1930-2011 ГГ.)**

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук РАН «Язык и культура в контексте культурной динамики»

В данной статье на основе фактических материалов из архива ЗАГСов Мечетлинского и Хайбуллинского районов РБ за 1930-2011 гг. рассмотрена русско-европейская лингвокультурная традиция в именнике башкир.

В ходе исследования выяснилось, что, исходя из степени интенсивности, а также глубины социального и культурного развития, процесс распространения русско-европейских заимствованных имен среди башкир в указанных районах отличается друг от друга. Например, в Мечетлинском районе среди башкир приобщение к западной и русской культуре шло более интенсивно, нежели в Хайбуллинском районе, где данный процесс происходил несколько пассивно. Это можно объяснить тем, что в первом вышеуказанном районе широко распространены эндогамные браки. В межнациональных семьях при выборе имени для новорожденного предпочтение отдается таким именам, в семантике которых национальность ребенка выражена слабо. Кроме того, выбирались имена, внешняя форма которых не искажалась при русском звучании. Для подтверждения своих доводов приведем несколько цифр. Так, в Мечетлинском районе в 1940 году родилось всего 585 детей, в т.ч. в экзогамных семьях – 472, а в смешанных – 113. В то же время в Хайбуллинском районе количество детей в экзогамных семьях составило 300 детей, а в смешанных семьях – 17.

Для наиболее полного представления проникновения в башкирское культурное пространство и распространения в нем заимствованных личных имен выделены три хронологических среза: первый – 1930-1950 гг., второй – 1960-1980 гг., третий – 1990-2011 гг.

Статистические данные показывают, что первый хронологический срез характеризуется наибольшим количеством употребления заимствованных имен среди башкир. Вместе с тем, данный период характеризуется и тем, что была заложена совершенно новая традиция образования имен – способом аббревиации. Так, в базе данных нами найдены следующие имена-аббревиатуры: *Виль* (Владимир Ильич Ленин), *Ким* (Коммунистический Интернационал молодежи); *Дамир*, *Дамира* (да здравствует мир); *Ленар(а)* (ленинская армия); *Ренария* (революционная народная армия); *Мэлс* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин); *Ре(и)нат* (революция, наука, труд); *Вилена* (Владимир Ильич Ленин).

В спорах о значении таких имен и их месте среди исконных нет единого мнения: одни ученые относят часть таких имен к неудачным, другие отмечают положительные стороны появления такого рода имен, считая их совершенно «особым родом имен», которые своим происхождением напоминают о том, что принесла революция и тем самым, представляют собой своеобразный «отпечаток своей эпохи». К тому же они не стоят особняком, а функционируют параллельно с традиционными именами, иногда органически сливаются с ними, подтверждая тем самым, что они поддерживают проверку временем [Никонов 1970, 35]. Эти имена содержат ценную языковую и историческую информацию, поэтому, как и исконно башкирские, они являются важным материалом для изучения.

В указанный период также нами отмечены имена, образованные от фамилий и имен писателей, художников, общественных деятелей: *Энгельс*, *Феликс*, *Марат*, *Люция*, *Луиза*, *Клара*, *Альберт*, *Дарвин*, *Рафаэль*, *Роза*, *Рюрик*, *Марсель*; имена литературных героев из художественных произведений: *Зарема*, *Луиза*, *Тимур*; имена, образованные из апеллятивной лексики, от названий рек, гор, городов, планет: *Марс*, *Памир*, *Рим*, *Иран*, *Рафинат*, *Эра*, *Юрис(т)*, *Рамир*, *Идея*, *Замир*, *Венера*. Характерно, что в настоящее время некоторые из этих антропонимов хорошо прижились именно у башкир. В современном русском именнике они не распространены, большинство вообще отсутствует.

В первом хронологическом срезе наблюдается тенденция, когда родители стремятся дать своему ребенку неординарное имя, не задумываясь о его значении. В качестве примеров таких имен можно назвать следующие: *Риян*, *Гельмын*, *Уклима*, *Раит*, *Савера*, *Разел*, *Рист*, *Вернис*, *Роврет*, *Сабера*, *Алфур*, *Рикзя*, *Лерида-Лерид* (близнецы), *Фрат*, *Морес*, *Кемая*, *Рузе*, *Фельд*, *Ралат*, *Фриня*, *Алкин*, *Фера*, *Зиларис*, *Разай*, *Мадгар*, *Егел*, *Риян*, *Лима* и др. Отличительной особенностью этих имен является их случайность, однодневность.

Мужские имена *Виль*, *Ренат*, *Дамир*, *Марат*, *Венера* во всех хронологических срезах отличаются своей популярностью.

Во втором этапе (1960-1980 гг.) наблюдается интерес к благозвучным именам. При выборе имен заметна тенденция возврата к традиционным мотивам. Из употребления выходят имена, в семантике которых проявлялись революционные, идеологические мотивы. Интересна группа заимствованных имен, объединенных этимологическими значениями. Это женские имена, которые в русском языке являются названиями цветов – *Лилия*, *Роза*, *Резеда*, *Сирина* (от сирень), *Ландыш*, *Глория*. Эти имена этимологически перекликаются с многочисленными тюркскими именами, в частности с именами, содержащими компонент *гуль* 'цветок'. *Лилия* и *Роза* входят в десятку самых популярных имен. Этому способствовало «фонетическое совпадение с привычными именами Лейля, Лала, Рашида, Сагида» [Никонов 1970, 112]. Но эти имена (*Лилия*, *Роза*) действительно названия цветов, а не переименованные тюркские имена.

Для второго этапа так же, как и для первого, характерны имена, названные в честь имен литературных героев. Так, например, в 60-ые годы после появления книги В. Драгунского "Денискины рассказы" многие родители называли своих детей *Денисом*. А еще раньше под влиянием повести А. Гайдара "Тимур и его команда", многие родители своим новорожденным детям давали имя *Тимур*.

В третий исследуемый период времени (1990-2011 гг.) значительное место занимают имена, созвучные национальным антропонимам. Например, такие имена, вошедшие в башкирский именник в 90-е годы, как *Адель, Аделия (древнегерм.), Камилла (лат.), Карина (греч.), созвучны именам Гадель, Гадиля, Камиля, Карима*.

В третьем хронологическом срезе наблюдается рост интереса башкир к русским и европейским именам. В именнике исследуемого нами периода представлены такие русские имена, как *Анна, Ирина, Лариса, Маргарита, Ольга, Светлана, Юлия, Вадим, Олег, Роман* и др. Некоторые из них входят в состав десяти наиболее часто встречающихся имен. Наибольшей популярностью среди русских имен нашего именника пользуется имя *Светлана*. При выборе имени немаловажную роль играет отчество ребенка для благозвучного сочетания с именем. В наших же материалах наблюдается обратное, например, *Нина Улмаскуловна, Морес Муллаянович, Памир Аллабирдиевич, Анна Хажеевна, Рафинат Мухаметьянович, Рафинат Рафкатович*.

Рассматривая антропонимы европейского происхождения, следует отметить разные взгляды исследователей:

а) среди русского населения они «не приживаются, остаются на третьих ролях» (В. А. Никонов);

б) «активно используются» (А. В. Суперанская, А. В. Суслова).

В вопросе о месте имен данного типа у тюркоязычных народов существует также два мнения:

а) изучаемые имена занимают «достойное место» (К. З. Закирьянов, В. А. Никонов и др.);

б) «встречаются реже, чем у русских» (А. В. Суперанская, А. В. Суслова).

Наше же исследование позволяет подтвердить факт большого распространения данных имен среди башкир. Особенно наблюдается тенденция к возрастанию их количества с 1990 года по настоящее время. В именнике можно выделить следующие западноевропейские имена: *Альберт, Альфред, Артур, Оливер, Марсель, Рафаэль, Роберт, Эдуард, Эмиль; Альбина, Виолетта, Эльвира, Элина, Эльза, Эммануэль*. Некоторые из них, например, *Артур, Марсель, Эльвира, Эльза*, зафиксированы в словаре Т. Х. Кусимовой [Кусимова 2009]. Это говорит о том, что данные имена в башкирском антропонимиконе закреплены и занимают в именнике заметное место. Популярность этих имен объясняется тем, что, во-первых, как установили лингвисты, для тюркских языков характерен высокий показатель сонорных. Во-вторых, эти имена легко произносимы и без особых затруднений пишутся на русском и на башкирском языках. Для иноязычных имен на первый план выступают «критерии краткости, удобства произношения и письма» [Ураксин 1970, 185]. Также по сопоставлению с именами традиционными имена заимствуются и из других языков. В этом отношении интересно замечание В. А. Никонова: «Почему из всех революционных деятелей предпочтен Марат (имена других в тысячу раз реже), а из всех великих художников – Рафаэль (имена других не употреблены ни разу)? Дело в том, что в старом именнике тюркоязычных народов были Мурат и Рафил» [Никонов 1974, 25].

Некоторые западноевропейские имена претерпели в башкирском языке фонетические изменения, приспособились к нормам орфоэпии башкирского языка. Например, при переносе ударения на конечную позицию происходят следующие фонетические изменения:

а) передача гласного «э» через «и», «э» (*Эдуард – Идуард, Эльвира – Ильвира, Эльза – Ильза, Эльмира – Илмира, Элмира*);

б) «о» через «а» (*Флорида – Фларида*);

в) оглушение звонких (*Эдуард – Идуарт, Альфред – Элфэрит*).

В-третьих, на процесс имяназвания все большее влияние начинают оказывать средства массовой информации, особенно телевидение. Становятся все более популярными имена, взятые из литературных произведений, телесериалов: *Эдвард, Эдгар, Амелия, Анжела, Лаура, Милана, Элеонора* и другие.

Только с недавних пор тюрко-башкирскими именами начала называть своих детей преимущественно интеллигенция, тогда как родители с менее низким образовательным уровнем обычно ориентируются на указанные выше имена.

В отличие от именника Мечетлинского района в Хайбуллинском районе русские и европейские имена зафиксированы в малом количестве (*Альберт, Юрий, Зоя, Сатурн, Радцель, Роза, Эрнст, Флот, Ким, Клара, Люция* и т.д.). В данном районе в башкирских семьях родители предпочитают отдавать таким именам, как *Алгын, Азамат, Ансар, Бүребай, Зиннэт, Батыр, Булат, Ирхан, Йәнтимер, Кинйәбай, Салауат, Урал, Шаянбик, Йәнбулат, Шайморат; Айнәгәл, Алма, Бүләк, Гөлгәйшә, Нәфисә, Нураниә, Таңһылыу, Зәлифә, Бибинур, Йәнбикә, Сулпан, Сәлимә, Язгәл* и т.д.

Итак, в результате интернационализации наблюдается проникновение русско-европейских имен в башкирский антропонимикон, что отрицательно сказалось на именнике башкир. Так, проникновение новых имен привело к тому, что башкирские личные имена не в полной мере стали выполнять функцию отличительного знака национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА:

Кусимова Т.Х., Биккулова С. Башкирские имена. Уфа, 2009. С.23.

Никонов В. А. Личные имена у тюркских народов. // Имя и общество. М., 1974. С.25-29.

Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С.35.

Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974. С.112

Ураксин З. Г. Основные критерии выбора имени у башкир // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С.185.

Ф. Х. Сәғәзиева, Бүздәк р.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШКОРТ ТЕЛЕН УКЫТЫУ

Бала донъяға килгәс тә беренсе иркә һүзәрзе әсә телендә ишетә. Ошо байлыкты күңеленә һәм аңына һендереп, телмәрендә нығытып, мәктәпкә килә. Әлифбаны укый башлагас та әзәби телдәге һүзәрзе ишетә һәм укый башлай. Шулай итеп, ул беренсе тапкыр диалект һәм әзәби тел айырмалыктары менән осраша.

Үзенәң өндәр королюшо, һөйләмдәр төзөлөшө, һүз байлығы менән беззәң көньяк диалект башкорт әзәби теленә яқын тора.

Без башкорт теленәң көньяк диалектының дим һөйләшендә һөйләшеүсә балалар менән эш итәбез. Был һөйләштә күплек ялғауларының ике фонетик вариантын *-лар*, *-нар* кулланыу, дөйөм төрки *с* тартынкыһы урынына *һ*, *с* формаларын кулланыу кеүек тел күренештәре хас.

Дим һөйләшендә *-лар*, *-лык*, *-лы*, *-ла* кеүек ялғауларға *л* өнө күбәһенсә һаклана: *таллар*, *атлар*, *һыйырлар*. *таулар*, *еүешләй*, *ташланыу*. М, н, ң өндөрөнән һуң бындай ялғаулар н өнөнән башлана: *уннык*, *тәмне*, *иркеннек*.

Дим һөйләшендә *һ* өнө урынына *с* өнө йөрөй, мәсәлән: *һикһән* — *сиксән*, *һыуһар* — *сыуһар*, *һарык* — *сарык*. *с* өнө лә үз урынында кала: *кыска*, *асыл*, *баһа*.

Шуны әйтергә кәрәк, *һ* өнө урынына *с* өнөн кулланыу оло быуын вәкилдәре телендә нығырак осрай. Оло быуын кешеләре телендә шулай ук төньяк-көнбайыш диалектындағы *з* өнө урынына *з* өнөн кулланыуосрактары йыш күзәтелә. Мәсәлән *зарар* — *зарар*, *зыян* — *зыян*, *завферма* — *завферма* һ. б.

Ауылдағы иң өлкән йәштәге кешеләрзәң телмәрендә йәштәр аңламаған һүзәрзе кулланыу осрактары ла осрай, мәсәлән: *азбар* — *синнек*, *койма* — *текмә*, *утын* — *әрзәнә* һ. б.

Диалект шарттарында әзәби телдәң фонетик, лексик нормаларына өйрәтеү өсөн хәзер укытыусының кулында материал етерлек. Бының өсөн дәреслектәрзе, башкорт теле һәм әзәбиәте буйынса һәр класка тәғәйенләнгән махсус дидактик материалдарзы, диктанттар һәм изложениялар йыйынтыктарын, фонограммаларзы, таблицаларзы, төрлө һүзлектәрзе кулланырға мөмкин. Дәрестә укытыусыға төп игтибарзы балаларзың телдәң өндәр системаһына йүнәлтергә кәрәк.

Телдәге һүзәрзәге теге йәки был өн-хәрәфтә дөрөс әйттерәү һәм яззырыу күнекмәләрен тәрбиәләү, артабан үстәрәү өсөн башкорт теле дәрестәрәндә даими рәүештә орфоэпик-орфографик биш минутлыктар үткәрәү бик файзалы.

Шулай ук укытыусыларзы әзәби телдәң лексик нормаларына өйрәткәндә һәр һүззе, һәр төшөнсәнә, һәр лексик күренештә хәтерәндә калдырыу, күңеләндә тотоу зирәкләгән үстәрәү алғы планға куйыла. Әзәби телдәң лексик нормаларын өйрәтеүзә тәржемә алымын да кулланып була. Шулай ук һүззәң мәғәнәһен конкрет миһалдар менән әйтеү зә, күрһәтеү зә отошло алымдарзан һанала. Диалект шарттарында әзәби телдә өйрәткәндә уны өйрәнәүзәң мөһимлегән аңлатыу менән бер рәттән, диалекттың да бәһән төшөрмәскә кәрәк, сөнки ул укыусылар өсөн әсә теле.

Диалект шарттарында укыусыларзы әзәби телдәң лексик нормаларына өйрәтеүзә һүззе теге йәки был һөйләшкә тәржемә итеү, һүззәң төп лексик мәғәнәһен эзләү, лексик берәмектәрзе диалекттағы варианттары менән сағыштырыу, һәр һүззәң, һәр төшөнсәнәң мәғәнәһен аңлатыу алымдары дәрестән-дәрәскә күсә килергә тейеш.

С. Г. Сәйәхова, Бөрйән р.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА УКУСУСЫЛАРЗЫ БАШКОРТ ТЕЛЕНӘ ӨЙРӘТЕУ

Һәр укытыусы, укыусыларзың телмәрендәге диалект хаталарын ентекләп өйрәнәп, хаталарзың кимәленә карап, теге йәки был бүлектәрзе, темаларзы өйрәнәү өсөн бүленгән сәғәттәр һанын арттырырға йәки кәметергә тейеш. Ерлә һөйләштәң фонетикаһына нигезләнгән орфоэпик һәм орфографик хаталарзы искәртеү, артабан төзәтеү өсөн дәреслектәрзе, һәр класка тәғәйенләнгән махсус дидактик материалдарзы, диктанттар һәм изложениялар йыйынтыктарын, фонограммаларзы, таблицаларзы, төрлө лингвистик һүзлектәрзе һәм башка кулланмаларзы файзаланырға мөмкин.

«Фонетика, графика һәм орфография» бүлектәрән үткәндә, тәүге дәрестәрзән үк әзәби телдәң дөрөс әйтелеш һәм дөрөс язылыш нормаларын комплекслы рәүештә өйрәтеү отошлорак буласак. Укыусы өндә (хәрәфтә;) — ижекте — һүззе — һүзбәйләнеште — һөйләмдә орфоэпик һәм

орфографик нормаларға ярашлы дөрөс әйтергә һәм язырға бер юлы өйрәнә, күнегә барырға тейеш.

Диалект шарттарында башкорт теленә өйрәтеүсез сифатын якшыртуу, балалардың белемдәрен, күнекмәләрен үстәреү өсөн өстә әйтелгән кулланмалар ғына етмәй. Уларҙан тыш, укытыусыға укыусылардың үз аллы таныш белеү күнекмәләрен, ижади фекерләүен үстәреүсә төрлө күнегеүсә үткәреү өсөн өстәмә материалдар тупларға, орфоэпик карточкалар, орфоэпик схема-таблицаһар, фонетик, морфологик, лексик таблицалар, киҫмә хәрәфтәр әзерләргә һәм дәреҫтәрҙә файҙаланырға, диалект ерлегендә барлыкка килгән телмәр хаталарының үзенсәлегенә карап эш алымдарын асыҡларға тура килә.

Укыусыларҙы башкорт әҙби теленә тартынкы өндәрен укытыу күләме һәр һөйләш шарттарында бер төрлө түгел. Әммә күпселек һөйләш солғанышында балаларҙы башкорт теленә генә хас өн-хәрәфтәренә (**һ, ҫ, ҙ**) өйрәтеү алғы планға куйылырға тейеш. Кайһы ғына һөйләш вәкилен алып караһаҡ та, уның телмәрендә **һ, ҫ, ҙ** өн-хәрәфтәренә ныклы урын биләмәһен күҙәтәһеҙ була. Быларҙан тыш, кайһы бер һөйләш шарттарында укыусыларҙы әҙби телдә **с, к, б, п, д, х, л, й** өн-хәрәфтәрен телмәрҙә дөрөс кулланырға өйрәтеү мәсьәләһе лә килеп тыуа. Кыҫкаһы, тартынкы өн-хәрәфтәр буйынса эштең күләме кайһы бер һөйләш шарттарында түбәндәгесә бүленә:

дим һөйләше: һ, ҙ — сыу, ҫандуғас, ҫөйләшеү, ҫүз, бар-ҫа, кайт-ҫа, ҫез-нең, каз-ның һ. б.;

көнбайыш диалект: һ, ҫ, с, ҙ, к, й, ҙ—сандуғас *йәки* сандугач, баткыс — баскыс — баскыч, бармаҫ, килмәҫ, кайт-са, кит-сә, тастымал, зур — дур, без-нең, Дөфәр, за- вут, Закир — Дакир, жил, жиләк—зиләк, жирән — зирән *һ. б.*;

көнсығыш диалект һөйләштәрендә: ф, х, л, й — һатир, һәл, һәзер, һәләл, һөй-зө, май-за, йәш-тек, аш-тык, тың-да, кинжә, мөржә *һ. б.*;

урта һөйләш: б, п, д — палта, палтырған, анта, мынта, урманта, мин тә, барта (*парта*), бейзаж (*пейзаж*), батриот (*патриот*), бартрет (*портрет*) *һ. б.*;

әйек-һакмар һөйләшенең кайһы бер төбәктәрендә: ҫ, л, ҙ, х, т — баһырау, эһе, килмәһ, бармаһ, төһө, йаһы, ком-нок, кыз-лар, һүз-ләр, һәмит, һәрәф, ат-лар, уй-лар *һ. б.*

Мәктәптә баланың һәр һүҙҙе, һәр төшөнсәне, һәр лексик күренештә хәтерендә калдырыу, күңелендә тотоу зирәклеген үстәреү өсөн укытыусы тел һәм әҙбиәт дәреҫтәрендә һүҙҙең, төшөнсәнең мәғәнәһи нескәлектәренә, күркәмлегенә, тасуирилығына, тәҫирлегенә укыусылардың игтибарын йүнәлтергә бурыслы.

Билдәле булыуынса, һүҙҙәрҙең мәғәнәләрен аңлатыу алымдарына түбәндәгеләр инә: синонимдарын әйттерәү, яззырыу; антонимдарын әйттерәү, яззырыу; һүрәтләү юлы менән аңлатыу; предметты белдергән һүҙҙең, төшөнсәнең һүрәтен йәки предметын үзен күрһәтеү; этимологияһын, йәғни һүҙҙең барлыкка килеү тарихын, төшөндөрөү: мәҫәлән, *селлә* һүҙендәге *сел* компоненты иран телдәрендә кулланылған *чил*, йәғни *кырк*, һүҙенән алынған, ә һуңғы иҫкеге - *лә* боронғо күплек ялғауы *һ. б.*; әҙбиәт дәреҫтәрендә һүҙлек өҫтөндә эш; лексик күнегеүсә үткәреү; әҙби телдәге һүҙҙәрҙе ерлә һөйләштәге варианттары менән сағыштырыу *һ. б.*

Быларҙан тыш, әҙби телдә лексик нормаларына өйрәтеүҙә тәржемә алымын киң кулланырға була. Укыусылар өсөн таныш булмаған әҙби телдәге лексик берәмектәрҙең диалектағы варианты менән бирәү балаларҙа һүҙҙе һиземләү тойғонон, уның мәғәнәһенә игтибарын, кызыкһыныуын үстәрә. Мәҫәлән, көнбайыш диалект һөйләштәрендә аралашыусы укыусыларға әҙби телдәге түбәндәге һүҙҙәр **бөтөнләй таныш түгел:** *колон, бәпкә (каз бәпкәһе), бауырһаҡ, имән сәтләүеге, сылғау, күп, тукал, ҡасау, өләсәй һ. б.* **Улар урынына һөйләштәрҙә түбәндәге лексик, берәмектәр кулланыла:** *көләкәй, билей, майаш, туйра, киндерә, аймак, мүкләк йәки мөғәләй, өтөргө, йыракай.*

Ошондай ук күренештә башка диалекттың һөйләштәрендә лә күҙәтергә була.

Һүҙлек эштәре ваҡытында, программа талаптарына ярашлы рәүештә, укыусы билдәле күләмдә яңы лексик берәмектәрҙе үзләштерергә лә тейеш була. Балаға һүҙҙең мәғәнәһен генә төшөндөрөү менән сикленеп калырға ярамай, әлбиттә. Киреһенсә, теге йәки был лексик берәмектә бөтә мәғәнәһи бизәктә менән телмәрҙә кулланылыу күнекмәләрен формалаштырыу мөһим. Укыусылар үҙәренә һүҙлек дәфтәренә яңынан-яңы лексик берәмектәрҙе теркәп барырға, уларҙы кулланып һүҙбәйләнештәр, һөйләмдәр уйларға һәм күнегеүсә эшләргә тейеш.

ӘЗӘБИӘТ:

Юлдашбаев Я. Ш. Башкорт теле һәм әҙбиәтә дәреҫтәрендә ономастика материалдарын файҙаланыу. Өфө, 1994.

Азнағолов Р. Ғ. 5-9-сы кластарҙа башкорт телен укытыу методикаһы. Өфө, 1996.

Азнағолов Р. Ғ. Ерлә һөйләм шарттарында башкорт теленә укытыу методикаһы. Өфө, 2006.

Азнағолов Р. Ғ. Мәктәптә башкорт теле укытыу методикаһы. Өфө, 2009.

Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары. Өфө, 2000.

СӘЛИМЙӘН БӘЗРЕТДИНОВ ИЖАДЫНДА ДИАЛЕКТАЛЬ, АРХАИК ҺӘМ ПОЭТИК СИНОНИМДАР

Сәлимйән Бәзретдиновтың әсәрҙәрендә («Тереләргә — тере һыу», «Башкорттарға ғаилә короу рәүешә», «Бал корто мөгжизәһе» һ.б.) һүзәрҙе урынлы һәм тос куллана. Ундағы тасури эпитеттар, метафоралар, сағыштырыулар, тиң киҫәклә һүзәр теземә әсәрҙе йәнләндереп, укыусыға кызыкһыныу уяталар, һүз байлығын үстәрәләр.

«Ағизел»дең быйылғы 7-се һанында басылып сыккан «Хан кызы» киссаһында елдәй елеп килгән егеттең атын бына нисек итеп һүрәтләй ул: «...Толпары акбуз токомо — **еңел, текә тояклы, озон бәкәллә, куян ботло, тар бөйөрлө, карсыға түшлө, бөркөт кабаклы, камыш колаклы, кысыр йылан тамаклы, ас яңаклы, соңқа эйәклә, кымты иренлө, киң танаулы, бакыр күзлө, кырас яллы, калкыу мундаллы, куш урайлы, суртан һыртлы...**» (32-се бит).

Уралып яткан Уралтау иленең байлығын, унда ғүмер иткән ата-бабаларың көн-күрешен һанап бөткөһөз тасури «тиң киҫәктәр» менән асып бирә: «... **Атам-бабам бары ла быуын-быуын торған ил. Бында — карағас, карағай, шыршы, имән, кайын, йүкә, уҫак, саған, ерек... Бында — айыу, бүрә, куян, төлкө, ас, бурһык, һыуһар, әлгәнийәк, кеш, һеләүһен, тейен, янут, шәшкә, кама, көзән, йофар, болан, мышы, коралай... бында — бөркөт, шоңкар, кыйғыр, карсыға, аккош, карағош, ябалак, һупайзы, тумыртка, кәкүк, һандуғас, карлугас, күгәрсен, сәпсек, торна, каузы, бүзәнә, һуйыр, кор, сел, тартай, сөрәгәй...**» (32-се бит).

Сәлимйән Бәзретдиновтың ижадына башкорт миллиәтенә, башкорттоң тарихи көнкүрешен, боронғо телен, тарихи мәзәниәтен хәзергә быуын укыусыларына еткерерлек һәм уларға кызыкһыныу уятырлык итеп оҫта һәм урынлы кулланылған диалектик-архаистик һәм поэтик синонимдар хас. Уның юғарыла атап киткән күләмә яғынан зур за булмаған «Хан кызы» киссаһынан ғына миҫалдар килтереп карайык.

...Ер-һыу шундай саф, шундай **хозур** (*һокланғыс*), мөһабәт, әзәм кулы теймәгән **йәменә** (*матурлығына*) (32-се бит).

...**һаба-һаба** (*кымыз һаклау өсөн эре мал тиреһенән яһалған махсус һауыт*) кымыз һемерә... (32-се бит).

...**кәүеменә** (*халкына*) ата ла, инә лә булған Уралын уйлай... (32-се бит).

Армыт-армыт (*тармак-тармак, боролош-һынылыш*) таузар иле... - ғәжәйеп **хозур** (*һокланғыс*), илаһи, иҫ киткес бай, **хөр** (*иреклә, иркән*) төйәк (32-се бит).

Бында **йәмғеһә лә** (*бөтәһә лә*) **йөп-йөһөн** (*кәнәғәт, тыныс*) донъя көтә, ... **ағытмай** (*бейәләргә колондарзы кушмай*) бейә һауып, **һаба** тултырып кымыз бешә, каймак язып, май **таҫкый** (*яза*),... кейем-һалым **таярлай** (*рәтләй*)... (32-се бит).

... **баймандан байман** (*тыныстан тыныс, матурзан матур*) донъяға һокланып, аталы-уллы ир-узаман менән ир-егет басып тора (33-се бит).

... Былар барыһы ла күккә ашқан Ирәмәлдә тереклек иткән **илаһтар** (*тәбиғәт, донъя менән идара иткән юғары заттар*) эше (33-сө бит).

Төн уртаһында төшөндә ғәжәп һын - **хур кызы** (*оҫмаһ кызы*) **пәйзә булды** (*күренде*)... (33-сө бит).

...**Мәйеләң төшһә** (*күзең төшһә, күңеләң тартһа, теләгең булһа*), кил эзләп... (34-се бит).

... **арманым** (*теләгем, ынтылышым*) ыласындай, атам... Дәртем дә, дарманым да таша Нургөлөмдө табырға (34-се бит).

... **мәгәр** (*тик шулай за*) юл **азабы** (*ызаһы, мәшәкәте*) ғына түгел, әзәм яманы ла күп булып, балам... (34-се бит).

Бара торғас, Нурйән **һазамыкты** (*һазлы*) күлдәр төйәгенә килеп сыкты (35-се бит).

Казак азарынып-казарынып, каш төйөп **телдәрләнде** (*теле асылды, телгә килде*):

— **Истәк** (*башкорт*), хан кызына иш булып, тирә-якта данланып, бөтә ерҙә макталыр, безҙең атыбыз **аҫ калыр** (*еңелер, аҫта калыр*) (41-се бит).

Калмык та йәнә сыға язып **комһарылды** (*ағарынды*):

Шулай итеп, атап кителгән әсәрҙе һүз байлығы күзлегенән сығып анализлау авторың әсәрҙә һөйләнелгән боронғо осорҙоң тормош-көнкүреш үзенсәлектәрен укыусыға дөрөҫ итеп күз алдына баҫтырыу өсөн үз халкының тарихын, тел үзенсәлектәрен ни тиклем яҡшы беләү кимәлен дәлилләй. Юғарыла һанап киткән миҫалдар халықтың тарихына қағышлы күп осрактарзы асыҡлай. Осорона тамам вакиғаларзы төрлө тасуири алымдар аша һүрәтләп, автор үз әсәренә тарихлык колоритын биргән. Был максатта әсәрҙә башкорт теле диалекттарында һәм кайһы бер һөйләштәрҙә генә осрай торған һүзәрҙе урынлы кулланған. Бигерәк тә йылкы малына қағылған, башкорттоң көнкүреш үзенсәлектәрен сағылдырған, миллиәт-ара мөнәсәбәттәрҙә күрһәткән поэтик һүрәтләү саралары айырыуса үзенсәлектә. Языусы — тик йәнлө телгә генә хас һүзәрҙе, һүз алымдарын әзәби телдә кулланып, башкорт теленә һүз байлығын үстәрәүгә тос өлөш индергән абруйлы прозаиктарзың береһе.

ЭЗЭБИЭТ:

Бэзретдинов С. Хан кызы (Кисса) //Ағизел. 2012. №7.

Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. Өфө, 2002.

Асадуллина Ф.Ф., Сахипова З.Г., Саяхова Л.Г., Ураксин З.Г. Русско-башкирский учебный словарь. Уфа, 1997.

А. Р. Тазранова, Г. Новосибирск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕЛЕНГИТСКОГО ДИАЛЕКТА АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА*

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-18003.

Традиционно алтайский язык представлен 6-ю диалектами, которые делятся на две группы — южную и северную. К южной группе относились диалекты алтай-кижи, теленгитский и телеутский, к северной — тубаларский или туба киж, кумандинский и чалканский, которые в 1993 г. (чалканский, туба киж, кумандинский и телеутский) и в 2000 г. (теленгитский) получили статус самостоятельных языков малочисленных народов.

Широко употребляемое название «алтайский язык» традиционно относилось ко всему коренному тюркоязычному населению РА, включая северные диалекты, а также южные.

В 1993 г. алтайский язык стал государственным языком РА, после того как Горно-Алтайская автономная область получила статус республики.

На алтайском языке ведется преподавание родного языка в национальных школах, родной язык и литература преподаются на специальном отделении пед. колледжа и гос. университета в г. Горно-Алтайске. На нем выпускаются газеты «Алтайдын Чолмоны», «Ажуда», «Өйдин үни», журналы «Эл Алтай» и «Кан Алтай», детский журнал «Солонь». Ведутся передачи на алтайском языке на радио и телевидении, а также издаются художественные и публицистические произведения.

По данным переписи 1989 г., в РФ численность алтайцев составляла 69 тыс. алтайцев, из них 59 тыс. — в Республике Алтай, но в их число включались члены других этнических групп, проживающих в РА (кумандинский, телеутский, теленгитский, чалканский, туба). По данным переписи на 2002 г. — 67 239 алтайцев, но в их число не включены перечисленные выше этнические группы. Родным языком владеет 53 тыс. алтайцев. Русско-алтайское двуязычие распространено довольно широко, особенно в центральных районах Республики Алтай.

Теленгиты — коренной народ Республики Алтай. Русские часто называли теленгитов также *калыками*, *урянкайцами*, гораздо реже *татарами*.

Проживают теленгиты в центре Азии, на стыке границ четырех государства Китая, Казахстана, Монголии и России. Теленгиты компактно проживают в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай.

Теленгиты в Кош-Агачском районе составляют основное население в населенных пунктах: Курай, Чаган-Узун, Ортолык, Мухор-Тархата, Белтир, Кокоря; в Улаганском районе проживают в населенных пунктах — Улаган, Саратан, Балыкча, Язула, Кара-Кудюр, Балыктуоль, Коо, Чибилу, Паспарта, Чибит, Акташ.

В настоящее время теленгитами считают себя в основном коренные жители вышеназванных двух южных районов Республики Алтай. По переписи населения 2002 года численность теленгитов в Республике Алтай составляла 2368 человек. Вместе с тем сами теленгиты оценивают свою численность не менее чем 15 тыс. человек.

Язык теленгитов считается бесписьменным. Теленгитский диалект в недалеком прошлом представлял собой племенной язык теленгитов и родственных им групп *тёлёсов* и *кёбёков* в системе алтайского языка. В нем сохранились значительные отличия от собственно алтайского языка, как в области фонетики, морфологических форм, так и в лексике, и в то же время по целому ряду признаков сближается с северо-алтайскими диалектами, в частности с диалектом тубаларов и др. [Бабушкин 1966, 167].

Детей в школах учат на алтайском литературном языке. По классификации Н. А. Баскакова, теленгитский диалект распадается на два говора: а) теленгитско-телесский, носители которого живут по рекам Чолушман, Башкаус и по южному берегу Телецкого озера (самоназвание *теленит*) и б) чуйский, носители которого живут по р. Чуй (самоназвание *чуй-кижи*) [Баскаков].

Материалы по истории, этнографии и фольклору теленгитов представлены в трудах известных исследователей как Л. П. Потапов, Н. Г. Потанин, Н. П. Дыренкова, В. И. Вербицкий, В. П. Дьяконова, Н. А. Баскаков. Также имеются статьи О. Ф. Герцога, посвященные звуковому строю теленгитского диалекта (1986, 1988, 1989), Н. А. Кучигашева «Теленгитский диалект алтайского языка» (1961), Г. Ф. Бабушкина «О некоторых фонетических и морфологических осо-

бенностях теленгитского диалекта» (1966), «Словарь говоров Кош-Агачского и Улаганского районов» (2006).

В данной статье хотелось бы рассмотреть некоторые отличия теленгитско-телесского говора в сравнении с литературным алтайским языком в области фонетики, морфологии и лексики.

Фонетика теленгитского диалекта полностью не описана, но можно отметить некоторые особенности:

1. Долгота или удвоение гласного во многих словах являются результатом выпадения тех или иных звуков неударных слогов, часто заднеязычного *g*. Ср. т.-теленг. *чеедак* — лит. *чегедек* 'накидка замужней женщины'; т.-теленг. *телаан* — лит. *тейлеген* 'коршун'; т.-теленг. *тарбаан* — лит. *тарбаган* 'сурок'; т.-теленг. *тõраан* — лит. *тõрõгõн* 'родственник'; *õбаан* — лит. *õбõгõн* 'мужчина'; т.-теленг. *эмаан* — лит. *эмеген* 'женщина'; т.-теленг. *маа* — лит. *меге* 'мне'; т.-теленг. *ога / оо* — лит. *ого* 'ему'.

2. В теленгитско-телесском говоре эта касается и аффикса прошедшего времени на *=ган=*, т.е. в отрицательном аффиксе прошедшего времени, например, помимо согласного в интервокальной позиции опускается и вторая гласная: ср. т.-теленг. *албаам* — лит. *албагам* 'я не взял'; т.-теленг. *сукпаан* — лит. *сукпаган* 'он не спрятал'.

3. Для данного говора характерен в анлауте вместо литературного *ш* употребление *ч*, реже — в середине слова: т.-теленг. *чили* 'стекло' — лит. *шил*; т.-теленг. *чакпырт* — лит. *шакпырт* 'суета' и т.д.

Морфология

В данном говоре происходит упрощение аффикса принадлежности 1-го и 2-го лиц мн. числа. После основ, оканчивающихся на согласные в 1-м л. мн.ч. употребляются варианты в т.-теленг. *-ус*, *-ýс*, в отличие от литературного языка, где распространены полные формы *-ыбыс*; *-ибис*, например: т.-теленг. *айл-ус* — лит. *айл-ыбыс* 'наш дом', т.-теленг. *ийд-ýс* — лит. *ийд-ибис* 'наша собака'. Данная форма образуется в результате выпадения смычного согласного *б* в интервокальной позиции и второго гласного.

После основ, оканчивающихся на гласные, в теленгитском употребляется стяженный вариант *-с*, в отличие от литературного полного варианта *-быс*: т.-теленг. *тура-с* — лит. *тура-быс* 'наш дом', который образуется в результате выпадения согласного *б* и гласного. Также в данной позиции в теленгитско-телесском говоре распространен вариант *-аас*, например: т.-теленг. *эна-ас* — лит. *эне-бис* 'наша мать'.

Аффикс притяжательности 2-го л.мн. ч. в теленгитско-телесском говоре стягивается до *-ар* (*-aar*), *-ер(-eer)*, *-оо (-oor)*, *-õр (-õõr)*, тогда как в литературном сохраняется полная форма *-ыгар*, *-игер* после согласных, *-гар*, *-гер*, *-гор*, *-гõр* — после гласных: ср. т.-теленг. *кõстар-ар* — лит. *кõстõр-игер* 'ваши глаза', т.-теленг. *кол-ар* — лит. *кол-ыгар* 'ваша рука', т.-теленг. *эна-ар* — лит. *эне-гер* 'ваша мать'. Данные варианты формируются в результате выпадения заднеязычного *г*. В словах, оканчивающихся на огубленные гласные *-у*, *-ý* могут быть варианты *-ур -aar*, например, т.-теленг. *боз-ар*, возможен вариант *бозу-aar* — лит. *бозу-гар* 'ваш теленок', т.-теленг. *оор-aar* — лит. *оору-гар* 'ваша болезнь', т.-теленг. *кýйа-ар* — лит. *кýйý-гер* 'ваш зять'.

Особенности падежных показателей: падежные аффиксы чуйского говора совпадают с аффиксами алтайского литературного языка, за исключением стяженных форм дательного-направительного и родительного падежей.

К существительным, оканчивающимся на гласные звуки, в рассматриваемых говорах в большинстве случаев присоединяются стяженные формы дательного-направительного падежа: *-aa/-ee*. Например: т.-теленг. *тура-а* — лит. *тура-га* 'в дом'; т.-теленг. *кажа-а* — лит. *кажаган-га* 'во двор'; т.-теленг. *бала-а* — лит. *бала-га* 'ребенку'.

В теленгитском можно включить в парадигму падежей направительный падеж на *-даан*, он употребляется в телесско-теленгитском со всеми словами без ограничений, образовался от послелога *дõн*, который в литературном включен в качестве послелогов и пишется отдельно, например, т.-теленг. *школ-даан* — лит. *школ дõн* 'в сторону школы'.

Лексика

Словарный состав теленгитского диалекта в основе своей совпадает с лексикой литературного алтайского языка, ядро которой составляет исконно тюркский пласт, например: *жер* 'земля', *суу* 'вода', *кел-* 'приходить', *сен* 'ты' и т. д.

Но вместе с тем в лексике теленгитского диалекта имеется ряд особенностей, отличающих его от литературного алтайского языка. Они заключаются в следующем:

1) в теленгитском диалекте встречаются лексемы, отсутствующие в алтайском литературном языке (этнографические диалектизмы), например, *челга* 'копченое мясо'; *кõнкõк* (чуй.говор) 'сделанный из кожи мешок для сборки кизяка (сухого помета) (по данным Бидиновой А. К.); лексемы, имеющие варианты в литературном алтайском языке (собственно лексические диалектизмы), те-

ленг. *кепаш* 'кольцо', алт. *јустук*, лексемы, отличающиеся от литературного варианта фонетически (фонетические диалектизмы): теленг. *јеспак* 'мох', лит. *јенес*; лексемы, отличающиеся от литературных вариантов семантически (лексико-семантические диалектизмы), слово *кыскаш* в теленгитском знакомо в значении 'щипцы для горящих дров, угля'. В литературном алтайском языке данная лексема употребляется в значении 'плоскогубцы'.

Как и во всех языках, у каждого говора теленгитского диалекта имеются свои собственные этнографические диалектизмы. Одним из свидетельств тому, может служить тип жилища, свойственный теленгитам Чолушмана и Чуи: у чуйских теленгитов войлочная юрта, а у телесских теленгитов – деревянная, соответственно название жилищ и деталей отличаются: ср. для наименования 'юрты' чуйские теленгиты используют лексемы *кереге* или *кийис айыл* (букв. войлочный дом), а теленгиты-телессы – три варианта *агыш уй*, *агыш аль* (букв. деревянный дом) и *чертпӓ* (жители с. Балыкча). В данном значении в литературном алтайском языке используется лексема *чадыр* или *чадыр айыл*.

В лексике теленгитско-телесского говора наибольшее количество слов – из монгольского и тувинского языков, которые не встречаются в алтайском литературном языке. Часть таких заимствований продолжает функционировать наряду с литературными вариантами.

В обогащении словарного состава алтайского литературного языка, в установлении и уточнении ряда его терминов исследуемый говор, как и другие говоры и диалекты, несет определенный вклад. Подобные исследования диалектов ведутся для установления этнических и лингвистических связей между родственными и неродственными языками в процессе их исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА:

Бабушкин Г. Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. С. 167–177.

Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958.

Языки народов России. Красная книга. М., 2003.

С. М. Трофимова, В. И. Рассадин, г. Элиста

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 10-04-00496а

Имена существительные как в монгольских, так и тюркских языках выражают совокупность предметов (лиц) и без формального показателя числа не содержат в себе указаний на число, поэтому для обозначения грамматической категории числа не подходят термины «единственное число», «множественное число», как это характерно, например, для русского языка.

Для монгольских и тюркских языков больше подходят понятия единичности и множественности предметов. При этом выделяются следующие типы множественности: определённая, неопределённая, собирательная, соотнесённая, индифферентная и др. Кроме того, выделяются лексический, морфологический и синтаксический способы выражения единичности и множественности. Такая особенность в отношении единичности и множественности присуща вообще всем алтайским языкам и отличает их от индоевропейских и иных. Так, например, Г.И. Рамстедт писал о множественности в алтайских языках: «Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа при условии, что на множественное лицо указывало числительное или какой-либо иной показатель множественности. Там, где применяется оформленное множественное число, оно может быть также и показателем качественных различий, подразделения на группы, либо совокупности нескольких групп» [1957, с. 57]. Все сказанное полностью можно отнести к монгольским и тюркским языкам.

Что касается выражения категории множественности, выраженной с помощью формальных показателей, то монгольские языки ближе стоят к древнемонгольским языкам, нежели современные тюркские к древнетюркским. Исключение составляет тофаларский язык. Материалы монгольских и тюркских языков позволяют выделить несколько типов категории множественности.

Рассмотрим некоторые типы множественности у имен существительных.

1. Определённая множественность соотносится с уже подсчитанным и известным количеством предметов, каждый из которых мыслится как самостоятельный предмет и противостоит неопределённой, незавершённой множественности. В монгольских и тюркских языках определённый количественный признак выражается в виде атрибутивных сочетаний имен существительных с количественными числительными, например, монг. *таван хүн*, тоф. *беш киши* «пять человек».

Парность в монгольских и тюркских языках выражается особой, сравнительно небольшой группой слов, как пишет В.И. Рассадин: «... называя предметы, одновременно выражает в формах ед. числа их постоянный количественный признак – парность...» [1978, с. 20]. Сюда относятся слова, которые существуют парами, например, монг. *чих*, тоф. *кулак* «уши», монг. *гар*, тоф. *кол* «руки», монг. *хөд*, тоф. *бут* «ноги», монг. *гутал*, тоф. *итк* «сапоги», монг. *бээлий*, тоф. *элдк* «рукавицы, варежки» и т.п. Эти слова никогда не принимают показателей неопределенной множественности или собирательности, так как уже называют предметы, число которых уже известно точно – их два. Чтобы назвать один предмет из этой пары достаточно дать основе определение в виде слов: монг. *нэг(эн)*, калм. *негн*, бур. *нэгэн* «один», монг. *ганц*, *ганцахан*, калм. *ханц*, *ханцхн*, бур. *ганса*, *гансахан* «единственный» или монг. *өрөөсөн*, бур. *үрөөлэ* (ср.стп.-м. *örügeli id.*). Существует возможность указать на один предмет из неопределенного количества путем присоединения к основе числительного монг. *нэг(эн)*, тоф. *бйрээ* «один» или слова *ганц*, *ганцхан* и соответственно *нюнус* «единственный», например, монг. *нэг ном* тоф. «одна книга», *ганц ном / ганцахан ном*, *нюнус һйнээк* «единственная книга».

2. Неопределенная множественность сообщает о некотором точно не подсчитанном предмете и неизвестном множестве предметов без указания на точное количество этих предметов. Для выражения этого типа множественности, неопределенного, нерасчлененного множества предметов, в монгольских языках используются показатели множественности, выражающиеся следующими морфологическими средствами: - *д*. Примеры: монг. *өвгө(н)* «старик» — *өвгөд* «старики», *нөхө(р)* «друг» — *нөхөд* «друзья», *түшмэ(л)* «чиновник» — *түшмэд* «чиновники», *ажилчи(н)* «рабочий» — *ажилчид* «рабочие»; калм. *көвү(н)* «мальчик» — *көвүд* «мальчики», *терг(н)* «телега» — *тергд* «телеги»; бур. *хони(н)* «овца» — *хонид* «овцы», *нүхэ(р)* «друг» — *нүхэд* «друзья», *мори(н)* «конь» — *морид* «кони»; см. бур. словообразовательный аффикс *-ша(н)*, например, *ажалша(н)* «рабочий» — *ажалшад* «рабочие»; -*нууд/-нууд* присоединяется к именам существительным, оканчивающимся на гласные звуки и дифтонги, например, монг. *ямаа* «коза» — *ямаанууд* «козы», *хэррээ* «ворона» — *хэррээнүүд* «вороны», *далай* «море» — *далайнууд* «морья», бур. *уула* «гора» — *ууланууд* «горы», также на сонорные согласные *-р*, *-л* и шипящие *-ч*, *-ш*, *-ж* в заимствованных словах типа *гэр* «дом» — *гэрнүүд* «дома», *врач+нууд* «врачи»; -*ууд/-үүд* присоединяется к именам существительным, оканчивающимся на согласные звуки, например, монг. *гэр* «дом» — *гэрүүд* «дома»; *ном* «книга» — *номууд* «книги», *арад* «народ» — *арадууд* «народы»; -*уд/-үд*: калм. *белг* «подарок» - *белгүд* «подарки», *гешүн* «член» - *гешүд* «члены»; бур. -*ууд/-үүд*: *номо* «книга» — *номууд* «книги», *түсэб* «план» — *түсэбүд* «планы», *худаг* «колодец» — *худагуд* «колодцы»; -*чууд/-чууд* присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные, и образуют словоформы с собирательным значением, например, монг. *залуу* «молодой» — *залуучууд* «молодежь», *бага* «малый» — *багачууд* «дети»; -*муд/-мүд*: калм. *гер* «дом» — *гермуд* «дома», *дегтр* «книга» — *дегтрмүд* «книги», *дер* «подушка» — *дермүд* «подушки»; -*с*: калм. *така* «кура» — *такас* «куры», *үг* «слово» — *үгс* «слова», *ноха* «собака» — *нохас* «собаки»; -*гууд/-гүүд* присоединяется к основам, оканчивающимся на заднеязычный звук *-н*, например, монг. *ан(г)* «зверь» — *ангууд* «звери», бур. *дэн(г)* «свеча» — *дэнгүүд* «свечи»; -*гуд/-гүд*: калм. *булң* «угол» — *булңгуд* «углы», *дүн* «итог» — *дүнгуд* «итоги». В тюркских языках для выражения этого типа множественности применяется в основном общетюркский аффикс *-лар* с фонетическими вариантами: *-лер*, *-нар*, *-нэр*, *-тар*, *-тэр*. Примеры из тофаларского языка: *таштар* «камни», *даглар* «горы», *нэштар* «деревья».

3. Собирательная множественность находит свое выражение в словах, обозначающих группу предметов как одно целое, при этом не выделяются отдельные предметы, составляющее данное целое. Имена существительные со значением собирательности употребляются в форме основы без показателя множественности. Это характерно как для монгольских, так и тюркских языков. Так, например, такие слова как калм. *боднцг*, монг. *төмс* «картофель», калм. *цэ*, монг. *цай*, бур. *сай* «чай» и другие подлежат скорее всего измерению, взвешиванию, чем счету. Далее. Выражение собирательной множественности неизменяемыми основами, обозначающими животных, птиц, рыб, растений, например, калм. *адун* «табун», *сург* «стадо», *кенчр* «тряпье», *заһсн* «рыба», *церг* «армия» и т.д. Примеры из тофаларского языка: *аң* «зверь, звери», *балык* «рыба», *кушкаш* «птица, птицы», *кат* «ягода, ягоды». Кроме того, сюда же относятся слова типа *улус* «народ, люди», *шериг* «войско», *арыг* «лес».

Рассмотренные случаи позволяют сделать некоторые выводы: значения того или иного типа множественности подсказывается контекстом, причем минимальный контекст не всегда достаточен, значения некоторых типов множественности могут быть однозначны и устанавливаться только в рамках оппозиций единичность-множественность. Характер отношений между значениями множественности и единичности является при этом универсальным.

ЛИТЕРАТУРА:

- Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Пер. с немецкого. М., 1957.
Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Н.С. Уртегешев, Т.А. Токмашова, г. Новосибирск

СРЕДНЕМРАССКИЙ ГОВОР ШОРСКОГО ЯЗЫКА

Шорцы и их язык. Шорский язык — это язык шорцев (шор киж, тадар ~ тадэр ~ тадыр киж) одного из малочисленных тюркоязычных этносов, населяющих северные предгорья Алтая (Кузнецкий Алатау) в верхнем течении реки Томи и по её притокам — Мрас-Су, Кондоме, Абе, по реке Чумыш и её притокам в Кемеровской области, захватывая часть территории Алтайского края, вплоть до границ бывшего расселения телеутов, тесно соприкасаясь с зоной кумандинского языка, а также в долинах рек Абакан, Таштып, Матур в Республике Хакасия Российской Федерации. На данный момент времени около 1 тыс. шорцев проживает в районе озера Балхаш в Республике Казахстан (необходимо уточнение). Название «шорский язык» традиционно относится к языку, на котором говорят шорцы проживающие на территории Кемеровской области [Уртегешев 2002].

Численность шорцев по переписи: 1897 г. — 11674 чел., 1926 г. — 12600 чел., 1959 г. — 14900 чел., 1970 г. — 16500 чел., 1979 г. — 16033 чел., 1989 г. (РФ) — 16652 чел., 2002 г. (РФ) — 13975 чел., 2010 г. (РФ) — 12888 ((???) перепись проводилась с нарушениями) чел. В эти показатели не включаются шорцы, населяющие Аскизский и Таштыпский районы Хакасии, а также шорцы, проживающие в Алтайском крае и в республиках ближнего зарубежья, т.е. те шорцы, которые по административно-территориальному принципу были отнесены к другим народам, в том числе и к русскому.

Шорский язык в генеалогической классификации Н.А. Баскакова отнесен к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков [Баскаков 1960; 1969, 353-354] или, в его же более ранней классификации — к хакасской подгруппе уйгурской группы [Баскаков 1952, 134], что свидетельствует об относительной близости шорского языка к другим языкам этой же подгруппы — хакасскому, чулымско-тюркскому, кумандинскому, чалканскому и тубинскому.

А.М. Щербак относит шорский язык — вместе с северными диалектами (с 2002 года языками) алтайского языка [Баскаков 1972; 1985], сарыг-югурским [Тенишев 1996], хакасским [Исхаков 1956; Грамматика хакасского языка, 1975], чулымским [Бирюкович, 1979] — к смешанной группе, в которую включены тюркские языки, представляющие трудности для классификации: одни из них отражали взаимодействие нескольких классификационных типов, другие, первоначально относящиеся к одному классификационному типу, затем утратили некоторые важные черты [Щербак 1994, 39].

Таким образом, по вопросу о классификационной соотнесенности шорского языка с той или иной языковой группой у ученых-тюркологов нет единого мнения, что свидетельствует о настоятельной необходимости дальнейших лингвистических исследований.

Диалектный состав. В шорском языке принято выделять два диалекта [Radloff, 1882; Дыренкова 1941, 5; Чиспиякова 1991, 14-18; Чиспияков 1994, 144-157]: мрасский и кондомский, получившие названия по рр. Мрас-Су и Кондоме, главным водным магистралям Шории. Основным принципом выделения данных диалектов послужил фонетический принцип. Так, по ряду звуковых соответствий «**ɖ**» / «**ʈ**» ~ «**z**» / «**s**» ~ «**j**» ~ «**ɢ**» мрасский диалект является «**z**» / «**s**»-диалектом (қозан 'заяц', кузурук 'хвост', қазың 'береза'), а кондомский диалект — «**j**»-диалектом (қойан, қойрук, қайың 'береза').

В настоящее время произошел процесс почти полной нивелировки этих диалектов: мрасское — қозан, кузурук, қазың, кондомское — қозэн, кузурук, қазың, поэтому название «кондомский» и «мрасский» диалекты несколько условные объединения 10 говоров, некоторые из которых локально совпадают с расселением шорских родов. Принципиальные различия (в основном фонетического характера) остались между говорами.

«**Кондомский й-диалект**» распространён по реке Кондоме и её притокам, от верховьев до впадения в реку Томь, а также по реке Томи от посёлков Абашево и Безруково вниз по течению до впадения в Томь реки Верхняя Терсь. Западная граница диалекта проходит по реке Чумыш и её притокам, захватывая часть территории Алтайского края, в пределах которого по реке Тогул имеются отдельные шорские посёлки вплоть до границ бывшего расселения телеутов, тесно соприкасаясь с зоной кумандинского языка.

Представляя собой относительно единое целое в фонетике, морфологии, лексике, кондомский диалект имеет некоторые существенные локальные особенности, на основе которых в нём можно выделить пять говоров: *нижнекондомский, мундыбашский (каларский), антропский, верхнекондомский, пызасский* [Чиспияков 1994, 146-147].

«Мрасский 3-диалект» распространён по реке Мрас-Су и её притокам, от верховьев до впадения в реку Томь, а также по реке Томи от границ с Республикой Хакасия вниз по течению до пос. Кольчезас включительно, в котором говорят на переходном к кондомскому диалекту говоре. Как и кондомский, мрасский диалект имеет свои локальные особенности, которые дают основание выделить в нём пять говоров: *нижнемрасский*, *томский*, *среднемрасский*, *кобырзинский*, *верхнемрасский* [Чиспияков 1994, 148-149]. Отчасти к этому же диалекту относится говор шорцев, живущих по системе рек Таштып и Матура в Таштыпском, а также в Аскизском районах Республики Хакасия.

Более детально нами будет рассмотрен среднемрасский говор шорского языка.

Среднемрасский говор. Занимает территорию по реке Анзас, правому притоку реки Мрас-Су, а также небольшую территорию вверх и вниз по течению Мрас-Су. При большей близости по фонетической структуре к нижнемрасскому говору и при наличии некоторых кондомских черт он имеет специфическую особенность, выделяющую его среди всех говоров шорского языка, – это употребление заднеязычного носового согласного **ң** «**ң**» вместо заднеязычного щелевого ротового «**у**» (в шорской графике **г**) в конце значительного количества слов, например:

Общешорское	Среднемрасское	Значение
суг (suɣ)	суң (suŋ)	‘вода’
таг (taɣ)	таң (taŋ)	‘гора’
тириг (tiriɣ)	тириң (tiriŋ)	‘живой’
кичиг (kičiɣ)	кичиң (kičiŋ)	‘маленький’
чүг (čüɣ)	чүң (čüŋ)	‘перо’

Это явление является одним из двух зафиксированных примеров, когда языковая особенность совпадает с ареалом расселения родовой группы, в данном случае рода **қағға** (**qarǵa**) [Чиспияков, Бабушкин 2004].

Таким образом, в исследуемом говоре отмечается омонимия слов:

Общешорское	Среднемрасское	Значение
та Г (taɣ)	та Ң (taŋ)	‘гора’
та Ң (taŋ)	та Ң (taŋ)	‘заря’

В ряде случаев, когда к двухсложной словоформе с конечным **ң** «**ң**» присоединяется аффикс с инициальным гласным, заднеязычный носовой заменяется заднеязычным ротовым **г** «**г**», как и в других говорах.

кичи Г (kičiɣ)	кичи Ң (kičiŋ)	‘маленький’
кичи Г еш (kičiǵeʃ)	кичи Ң еш (kičiŋeʃ)	‘малюсенький’
улу Г (uluɣ)	улу Ң (uluŋ)	‘большой, взрослый’
улу Г аш (uluǵaʃ)	улу Ң аш (uluŋaʃ)	‘врослый’

ЛИТЕРАТУРА:

- Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР, отделение литературы и языка. Том XI. Вып. 3. М., 1953.
- Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.
- Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1973.
- Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М., 1985.
- Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.
- Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.:Л., 1941.
- Исхаков Ф.Г. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, 1956.
- Тенишев Э.Р. Сарыг-югурский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1996.
- Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2003.
- Чиспияков Э.Ф. О диалектном членении шорского языка // Шорский сборник. Кемерово, 1994.
- Чиспияков Э.Ф., Бабушкин Г.Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004.
- Чиспиякова Ф.Г. Учебное пособие по диалектологии шорского языка. Новокузнецк, 1991.
- Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. Санкт-Петербург, 1994.
- Radloff W. Phonetik der nördlichen Tu_rksprachen. Leipzig, 1883.

КИЛӘСӘК ЗАМАН ТӨШӨНСӘНЕНЕҢ ҺӨЙЛӘШТӘРЗӘ САҒЫЛЫҢЫ ҺӘМ УКЫТЫҢЫ ПРОГРАММАЛАРЫНДА БИРЕЛЕҮЕ*

*Статья печатается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Идеографическое описание лексики современного башкирского языка и составление «Идеографического башкирско-англо-русского тематического учебного словаря» 12 а.л.». № 12-14-02005/12.

-а/-ә, -й ялғауларының башкорт телендә хәзерге заманды ла, киләсәк заманды ла биреүе тураһында фәнни хезмәттәрҙә, дәреслектәрҙә яҙылған (2;3;5 һ.б.). Әйткәндәй, Н.К.Дмитриев үзенә башкорт тел ғилеме өсөн бик тә кәҙерле булған «Грамматика башкирского языка» исемле китабында хәзерге заман күрһәتكес булған **-а/-ә, -й** ялғауларының киләсәктә **мотлак була, эшләнә торған эш-хәлдәрҙе белдереүе, бигерәк тә уның башкорт теленә хас булыуы** хақында яҙып калдырған: «Что касается основного содержания формы настоящего времени изъявительного наклонения, то она означает и действие данного момента, совпадающее с моментом речи [*язам* – я пишу (сейчас, когда говорю), англ. *I am writing*], и действие, не совпадающее с моментом речи. ... она же указывает (и это особенно часто в башкирском языке) на такое будущее, осуществление которого говорящий считает несомненным: *Мин Өфөгә барам*» (2, 124-се б.).

Башкорт теленә тағы бер үзенсәлеге бар: кайһы бер кылымдар хәзерге заманды белдерә алмай, улар киләсәк заманды ғына белдерә. Ундайҙарға **барыу, булыу, килеү, китеү, кайтыу, алыу, биреү, һатып алыу, узыу, үтеү, көтөү, сығыу, инеү, осоу, асыу, ябыу, һикереү, йүтереү** һ.б. карай. Шуға ла ошо кылымдарҙан киләсәк замандың билдәле формаһын яһайбыз тип, **-сак** ялғауын өстәү (мәсәлән, *концерт буласак*, ярыш *узасак*, автобус *китәсәк*) — телдә белмәгәнлектән бер күрһәتكес. Ә хәзерге заман төшөнсәһен ошо кылымдарҙан яһалған кушма формалар ғына бирә. Уларға башкорт теле бик бай. Мәсәлән: *магазинға барам* – киләсәк заман, *магазинға китеп барам* // *бара ятам* // *китеп бара ятам* – хәзерге заман; *эштән кайта* – киләсәк заман, *эштән кайтып килә* // *кайтып бара, кайтып килә ята* – хәзерге заман; *һорауға кем яуап бирә?* – киләсәк заман, *һорауға яуап биреп тора* – хәзерге заман, *һатып алам* – киләсәк заман, *һатып алып торам* – хәзерге заман һ.б.

Хәҙер башкорт теленә Һөйләштәрҙә киләсәк заман төшөнсәһенә ниндәй ялғауҙар менән биреләүен карап китәйек. Беренсенән, өс диалектта ла **-а/-ә, -й** ялғауларының киләсәк заманды белдереүе асыкланды: көньяк диалект эйек-һакмар Һөйләше: *Ашамас буһаң, әйтәбез* «При условии, если его не съешь, скажем»; һакмар-һүрән зонаһы: *каламың?* — эз. т. *калаһыңмы?* «остаешься ли», *эсәмең?* – эз. т. *эсәһеңме?* «будешь пить?»; урта Һөйләш: *калайым у* «давай останусь», *калайың әле* «останемся-ка», дим. Һөйләш: *үземә етәрлек йуллык нейен алам да калғанын бис сиңә бирәм дә гитәм* (9: 64, 136-137 б.); төньяк-көнбайыш диалект таныш Һөйләш: *барамын / барам, барасың / бараң, бара* «пойду, пойдешь, пойдет»; *Кайа барасығыз* «куда идете?»; көнсығыш диалект: эй Һөйләш: *һин алаң, бараң*; (8: 54-се б.); төньяк-көнбайыш диалект: *Бөгөн билет аласығызмы?* Икенсенән, өс диалекттың да Һөйләштәре өсөн **-р, -ыр/-ер, -ор/-өр** характерлы. Мәсәлән, көньяк диалект урта Һөйләш: *калырым, калырың, калыр* «останусь, останешься, останется»; — эз. т.; *калырмын, калырһың, калыр*. Әйткәндәй, урта Һөйләштә түбәндәге форма ла бар: *барым, керем, ебәрәм* «пойду (поеду), зайду (заеду), отправлю» — эз. т. *барырым, керермен, ебәрермен*; дим Һөйләш: утыры(а)рмын / утырымын, утыры(а)рсың / утырысың, утырыр(а)р, утыры(а)рбыз / утырыбыз, утыры(а)рсың / утырысыз, утырыр(а)р (9: 209 б.). Бынан тыш күренекле диалектолог Н. Х. Мәксүтова билдәле киләсәк заман формаһы **-асак** Һөйләштәр өсөн характерлы түгел, көнсығыш диалекттың бар Һөйләше өсөн дә **-р, -ыр/-ер** типик форма булып һанала, бынан тыш бөтә Һөйләштә лә **-ар/-әр** ялғауы йөрөй, ул бигерәк тә кызыл Һөйләшенә хас, тип яза. Миҫалдар: *алырым, алырың, алыр* «возьму, возьмешь, возьмет», *барым / барырым* — эз. т. *барырым* «пойду», *күрем / күререм* — эз. т. *күрермен* «увижу»; *Атаңа апарып күтәрәп һуғармын* «Я тебя отдам отцу»; *Куркмаймын, тороп тороп йарып-бәрәп һөйзәрмен* «Не боюсь, обо всем откровенно расскажу»; арғаяш Һөйләше: *Утызып алып китәрзәр*; һайот Һөйләше: *тотарым, тотарың, тотар* — эз. т. *тотормон, тоторһоң, тотор* «поймаю, поймашь, поймает»; *тотарбыһ, тотарһыһ, тотарзар* - эз. т. *тоторбоз, тоторһоғоз, тоторзар* «поймаем, поймаете, поймают» мейәс Һөйләше: *алырым, алырың, алыр* «возьму, возьмешь, возьмет», (8: 55, 134, 194, 233, 276 б.); төньяк-көнбайыш диалекттың каризел Һөйләшендә эзәби телдәге **-р, -ыр/-ер, -ор/-өр** менән бер рәттән **-ар/-әр** аффиксы ла кулланыла: *ут сығыр, кый, анта* — эз. т. *ут сығыр* «Там ведь пожар может выйти»; *торор* «постоит», *пискә йағарбыс микән* — эз. т. *яғырбыз* «затопим ли печь»; түбәнгә изел-ык Һөйләш: *сыйырбыз / сыйарбыз* «уместимся», *узырмын / узармын* «обгоним»;

ғәйнә һөйләше: барым / барырым - эз. т. барырымн «пойду», барысың / барырысың – «пойдешь» (9: 171, 248 б.).

Шулай итеп, һөйләштәрҙең барыһында ла киләсәк заманды белдерер өсөн **-а/-ә, -й** һәм әзәби телдә булған **-ыр/-ер, -ор/-өр** формаһы менән бер рәттән **-р, -ар/-эр** формаһы ла йөрөй. Һөйләштәрҙә был ялғаузарҙы киләсәктә булырына, эшләнәренә ышанған эштәрҙе, хәл-вакиғаларҙы белдерер өсөн кулланалар. Һөйләштәрҙә был ялғаузарға билдәһезлек мәғәнәһе һалынмаған.

ӘЗӘБИӘТ:

1. Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
2. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 2007.
3. Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. Юғары уҡыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. Өфө, 2002.
4. Ишбулатов Н.Х., Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Фонетика. Морфология. Өфө, 1986.
5. Кейекбаев Ж.Ғ., Ғәлләмов А.А. һ.б. Башкорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. Өфө, 1983.
6. Кейекбаев Ж.Ғ., Сәйетбатталов Ғ.Ғ. һ.б. Башкорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. Өфө, 1997.
7. Мансуров Ә. Башкорт теле грамматикаһы. I китеп. Өфө, 1953.
8. Максүтова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976.
9. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.
10. Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. Башкорт теле. Урта мәктәптәң 5 класы өсөн дәреслек. Өфө, 1995.
11. Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 5-11 кластар өсөн башкорт теленән программалар. Өфө, 1999.
12. Усманова М.Ғ., Абдуллина Ф.Ф. Башкорт теле. Мәктәп уҡыусылары һәм юғары уҡыу йорттарына уҡырға инеүселәр өсөн кулланма. Өфө, 2000.
13. Хәзерге башкорт әзәби теленң морфологияһы. II китеп. Өфө, 1979.

Усманова М.Ғ., Сәғитова Г.Б. Өфө к.

ЗУР ТӨШӨНСӘҢЕНЕҢ БАШКОРТ ТЕЛЕ ҺӘМ УНЫҢ ДИАЛЕКТТАРЫНДА БИРЕЛЕҮЕ*

* Статья печатается при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Идеографическое описание лексики современного башкирского языка и составление «Идеографического башкирско-англо-русского тематического учебного словаря» 12 а.л.». № 12-14-02005/12.

1. **Зур** «большой» тип дәүмәле, күләме саманан артык булған нәмәгә әйтәләр. Мәсәлән, *зур йылға, зур ауыл, зур һауыт, зур итеп яһау* һ.б. Уның синонимы булып **оло, дәү** һүзҙәре йөрөй: *Олойылға* – Ейәнсура, Әбйәлил, Бөрйән, Йәрмәкәй, Йылайыр, Күгәрсен, Мәләүез, райондарындағы йылға исеме; *Оло тау* — Әбйәлил, Баймак, Бөрйән райондарындағы тау; *оло өй, оло урам, дәү һарык*. Күләме яғынан зур булыуы **эре һүзе лә бирә: эре картуф** һ.б. Һөйләштәрҙә был төшөнсәне биреү өсөн **дур** (дим, каризал, мейәс, урта, төньяк-көнбайыш, әй), **йур** (ғәйнә, мейәс, урта, ыргыш), **һур** (кызыл, эйек-һакмар), **ата: ата бизрә** (урта һөйләш) һүзҙәре кулланыла: *Йүрүзән* = Зур йылға (Р. Шәкүр этимологияһы) – Салауат районындағы йылға.

Һан яғынан ғәзәттәгенән артык; күп, күмәк булыу за **зур, зур** (мейәс) һүзе менән бирелә: *зур ғаилә, зур класс, зур акса*. Күп һанлы, күп булыуы **ишле** һүзе лә бирә: *ишле ғаилә, ишле мал. Үзем ишле ғаиләлә үстем*. Бер ауылдан икенсе ауыл айырылып сығып, яңы ауыл барлыкка килгән ваҡытта, тәүге булғаны башкорт телендә элекке исемәнә **иске** «старый», **өлкән, оло** «большой» кушып атала башлай. Мәсәлән, Баймак районындағы *Үрге Изрис* ауылы халык телендә **Өлкән Изрис** булып йөрөй; *Оло Кызылбай* – Мәсетле районындағы ауыл (*оло* һәм элекке ауыл исеме *Кызылбай*); *Иске Сибай* – ауыл (*иске* һәм нигеҙ булған ауылдың исеме *Сибай*) һ.б.

Бик зур «очень большой, огромный» төшөнсәһе **гигант, алаптай, ат башындай; кистәндәй, күсәктәй, услаптай; эзмәүерҙәй, оло-кара**, самаһыз зур - **күл кеүек, күлдәй; убыр өңөндәй, ә** һөйләштәрҙә **зор, зур** (арғаяш, әй), **атактай** (арғаяш) һүзҙәре менән бирелә.

2. ЗУР «старший» – йәш яғынан зур булыуы **зур, оло, өлкән, карт** һүзҙәре бирә: *зур кызы // оло кызы, өлкән кызы; олатай, өләсәй, картатай, картәсәй. Зур, оло, карт, дүр* һүзҙәре, диалект һәм һөйләштәрҙә туғанлыҡты белдергән һүзҙәр менән бергә кушма һүз яһап, туғандарҙың оло быуынын күрһәтә. Мәсәлән: **зурәңкәй** (төньяк-көнбайыш, урта) өләсәй — *бабушка; зурәтәй* (төньяк-көнбайыш) 1. олатай — *дедушка (со стороны отца)*. 2. атай йәки әсәйҙең иң оло ағаһы — *старший брат отца или матери; дүрәңкәй* (төньяк-көнбайыш, урта) өләсәй — *бабушка по отцу или матери; дүрәтәй* (төньяк-көнбайыш, урта) олатай — *дедушка по отцу или матери; зуринәй, зурнәй, зурәңкәй* (төньяк-көнбайыш) 1. өләсәй — *бабушка*. 2. (каризел) әсәйҙең әсәһе — *бабушка со стороны матери*. 3. (төньяк-көнбайыш) атайың еңгәләренә өндәшеү һүзе — *слово обращения к супругам старших братьев отца; зурәбей* (төньяк-көнбайыш) ата-әсәнән өлкән кәрҙәш катын-кызға өндәшеү һүзе — *слово обращения к женщине-родственнице старше родителей; зурәтәй* (төньяк-көнбайыш) 1. олатай — *дедушка*. 2. атайың бер туған ағаларына өндәшеү һүзе — *слово обращения к старшим братьям отца*. 3. иренең бер туған ағаларына өндәшеү һүзе — *слово-обращения к*

старшим братьям мужа; картаңкы (ыргыз) оло кеше — *пожилой человек; картатай* (дим, гәйнә, кызыл, мейәс, нөгөш, тук-соран, урта, урта урал, һакмар) 1. Олатай — *дедушка*. Картатай, картэтэй (төньяк-көнбайыш), карт ата (кызыл), карттай (дим, каризел, төньяк-көнсыгыш, урта урал, эйек-һакмар), карттэй (төньяк-көнбайыш), картай (аргаяш, дим, каризел, эйек-һакмар). 2. (төньяк-көнбайыш, һакмар, эйек) Олатай (*атайзың атаһы*) — *дедушка (со стороны отца); картинэй* (дим, төньяк-көнбайыш, урта, эйек) 1. өләсэй — *бабушка*. картнэй (минзәлә, төньяк-көнбайыш, төньяк-көнсыгыш, тук-соран, урта урал), картнэй (төньяк-көнбайыш). 2. (минзәлә, тук-соран, эйек) өләсэй (*әсәйзең әсәһе*) — *бабушка (со стороны матери)*. 3. (төньяк-көнбайыш, тук-соран) өләсэй (*атайзың әсәһе*) — *бабушка (со стороны отца)*. картнэй (дим); **карт-камкы** (дим, кызыл, мейәс, каризел, тук-соран, урта, һакмар, ыргыз) карт-коро — *старые (пожилые) люди; карт-канкы, карт-камка* (кызыл, мейәс), карт-канды (урта); **карткартинэй** (төньяк-көнбайыш) атайзың йәки әсәйзең өләсәһе — *прабабушка; карткартэтэй* (төньяк-көнбайыш) атайзың йәки әсәйзең олатаһы — *прадед; карт-карий* (дим, төньяк-көнбайыш, һакмар) карт-коро — *старые (пожилые) люди*. карт-карийзың һүзе һүз түгел хәзер (һакмар). Карт-карай (һакмар), карт-корой (дим, каризел, төньяк-көнбайыш, һакмар), карт-короба (дим); **карт-кура** (урта) оло — *пожилой, пожилая. картнәнэй* (гәйнә, дим, каризел) өләсэй — *бабушка; картый* (минзәлә, төньяк-көнбайыш) өләсэй — *бабушка*. картыкай (төньяк-көнбайыш); **кәртәсэй** (тук-соран, урта, эйек) өләсэй (*атайзың әсәһе*) — *бабушка (со стороны отца), кәртәсэй, кәрсэй* (һакмар) өләсэй — *бабушка; кәртәтей* (гәйнә) олатай — *дедушка; кәссэй, кәртсэй* (һакмар) өләсэй — *бабушка (со стороны отца); озурнэй* (гәйнә) өләсэй — *бабушка; озуртэй* (гәйнә) олатай — *дедушка; олатай* (һакмар) 1. атай-әсәйзән өлкән ир кеше — *мужчина старше отца и матери*. олатаңа урын бир. 2. оло йәштәге бабай — *старик преклонных лет. өләс* (кызыл) өләсэй — *бабушка; өләпсә, өләсэй* (һакмар) 1. әсәйзең әсәһе — *бабушка со стороны матери*. 2. (урта) Өлкән әсәй (*кесе катын балаларының өлкән катынға өндәшеү һүзе*) — *старшая жена мужа по отношению к его детям от младших жен*.

Бынан тыш диалект һәм һөйләштәрҙә оло быуынды, йәш яғынан зур булған туғандарҙы белдерәү өсөн айырым лексик берәмектәр йөрөй: **ағай, апай, апа, бабай** һ.б.: **бабай** (төньяк-көнбайыш) Оло ир кеше — *старик, пожилой мужчина*. 4. (мейәс) Атай-әсәйзең ағаһы — *старший брат отца или матери; бабай, бауай, бауый* (мейәс), быуай (эй); (урта, эйек-һакмар) Атайзың ағаһы — *старший брат отца; апа* (кызыл) и. 1. Атайзың, әсәйзең ағаһы — *старший брат отца или матери (дядя)*. 2. (мейәс) Кайны — *тесть*. 3. (кызыл, мейәс, урта, һакмар) Ата-әсәнән оло ир кеше — *мужчина старше матери или отца*. Әйткәндәй, венгр телендә лә **апа** һүзе оло ир кешене белдерә.

3. ЗУР «большой – важный по значению» – көсө, кеүәте, кимәле яғынан артык, зур: *зур иғтибар, зур баһа, зур уңыш* һ.б.

4. ЗУР (важный) – зур әһәмиәткә эйә булған: *зур мәсьәлә, зур һорау* һ.б.: *Зур үтенес менән килдем бит әле*.

5. ЗУР (большой, выдающийся) – юғары дәрәжәгә эйә булған: *зур түрә, зур кеше*; синонимдары - **танылған, билдәле, абруйлы кеше, дәрәжәле**.

Башкорт телендә низендер зурайыуын, зур булып китеүен белдергән лексик берәмектәр шулай ук байтаҡ. Бына улар:

ЗУРАЙҒАН (сталь большим, вырос) **зурайып киткән, үскән**: *һурайып киткән (диал.); еткән* (кешегә карата): *еткән кыз*,

ЗУРАЙЫУ 1. (расти, взрослеть) **үсәү, етеү, бәлиғ булыу, олоғайыу, өлкәнәйеү, олоғай (өлкәнәйә) төшөү** (кешегә карата); буйға үсәү: *һуйылдай булып китеү*. Башкорт телендә низендер зур булып үсәүен белдерер өсөн сағыштырыулар киң кулланыла. Мәсәлән, *Урмандарза беләк йыуанлығы* көпшәләр үсә, *акландарза турғай башы зурлығы* еләктәр бешә. (М.Кәрим)

ЗУРАЙЫУ 2. (увеличиваться) **артыу, ишәйеү, күбәйеү (һан яғынан);**

ЗУРҒА (ОЛОҒА) ЕБӘРЕҮ (эште, һүззе) (усложнять, затруднять) **ауырлаштырыу, кармарлы итеү, катмарлаштырыу, кыйынлаштырыу; өлкәнгә ебәреү, куйыртыу, киҫкенләштереү, катмарландырыу, катмарландырып ташлау**

ЗУРҒА КИТЕҮ (эш, һүз) (усложняться, затрудняться) **ауырлашыу, тәрәнгә китеү, етди төс алыу, едтиләнеү, кыйынлашыу, катмарланыу, катмарлашыу, катмарлыға эйләнеү, олоға китеү;**

ЗУРЗАР (старшие) **ололар, өлкәндәр, өлкән (зур, оло) кешеләр, ағай-апайзар;**

ЗУРЛАУ (читать, почитать кого) **хөрмәтләү, ололау, ололоклау, ихтирам итеү, ихтирамлау, арзаклау.**

Шулай итеп, башкорт телендә зур төшөнсәһен белдергән һүззәр (бигерәк тә диалектҡа караған һүззәр) бик күп. Башкорт теленең лексик байлығын күрһәткән был катламды һәр ауыл буйынса йыйыу, туплау, өйрәнеү, уны башка телдәр менән сағыштырып тикшерәү тел ғилеменең мөһим мәсьәләләренең береһе булып тора.

ӘЗӘБИӘТ:

1. Башкорт теленең һүзлегә (БТһ). Т.1-2. М., 1993.
2. Башкорт теленең диалекттары һүзлегә. Өфө, 2002.
3. Башкортса-русса һүзлек. М., 1996.
4. Башкортостан Республикаһының топонимдар һүзлегә. Өфө, 2002.

СПЕЦИФИКА ПРАГМАТОНИМОВ В СОСТАВЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Среди многих проблем антропоцентрической лингвистики в современной науке большое внимание уделяется проблеме изучения дискурса, в рамках теории которого обсуждаются самые разнообразные вопросы, начиная от дефиниции самого термина до выявления специфики его структуры в различных сферах функционирования. Пространство дискурса многомерно и захватывает такие фундаментальные науки, как история, философия, психология, литературоведение, языкознание. В лингвистике интерес к дискурсу обусловлен тем, что дискурс-анализ позволяет исследовать природу речевого высказывания с самых разных точек зрения. С его помощью становится возможным рассмотрение языковых фактов сквозь призму психических и социальных процессов.

В современном понимании «дискурс» включает в себя обширный спектр вопросов как лингвистического, так и экстралингвистического свойства, что позволяет рассматривать его в качестве продукта речевого действия с присущей ему смысловой однородностью, актуальностью, жанровой и идеологической принадлежностью, а также соотнесенностью с целым слоем культуры, социальной общности и даже с конкретным историческим периодом [1; 24].

В нашей работе под дискурсом (гастрономическим) понимается особое использование языка, в данном случае русского, функционирующего в сфере «повседневной культуры» для выражения особой ментальности, что проявляется в названиях продуктов, национальных предпочтений в еде, специфических поведенческих сценариев. Такой подход активизирует отдельные параметры языка, требующего, в конечном счете, характерной лексики, грамматики, особого набора речевых жанров и пр. Дефиниция гастрономического дискурса напрямую соотносится с его хрестоматийным определением, данным Н.Д. Арутюновой: «Дискурс... – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) и изучается с соответствующими «формами жизни» (репортаж, инструктаж, светская беседа и т.д.)» [2; 136-137].

Гастрономический дискурс, выступающий в качестве сложной многоаспектной структуры, предстаёт как процесс коммуникативно-прагматической повседневной деятельности человека. Следует также отметить, что сам термин «гастрономический дискурс» вполне соотносится с другими видами дискурсов (городским, религиозным, юридическим, музыковедческим и пр.), которые выделяются исследователями. Данный тип дискурса А.В. Олянич, который назвал его глоттоническим (от лат. *gluttonare* – «есть, питаться, поглощать пищу»), определил как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [1; 168]. По мнению исследователей, в современном обществе представления о пище, еде образуют когнитивную систему этноориентированных ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глоттонии, т.е. потребления и поддержания жизни человека. Эта система состоит из знаков, образующих четкую иерархию и имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию, что приводит их к выводу о правомерности рассмотрения гастрономического дискурса как отдельной лингвистической проблемы [1; 426].

Ученые еще только приступают к изучению данного вида связанных текстов. Однако в настоящее время рассмотрению уже подверглись содержательное пространство гастрономического дискурса (А.В. Олянич), его семиотика (С.В. Захаров, А.Ю. Земскова), субъекты деятельности, функции, признаки (Н.П. Головницкая) и др. аспекты. В этом плане особый интерес представляет также сборник научных трудов «Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда», в котором, в частности еда, представлена как один из центральных концептов повседневности, вокруг которого выстраивается «система ценностных ориентиров человека в различные периоды его жизни и в различных культурных стратах» [3; 4].

Количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов решающим образом отличается у разных этносов, а искусство приготовления и потребления пищи является одной из самых древних областей человеческой деятельности, в которой проявляются национально-специфические, социально-специфические и эстетические нормы поведения [4].

Именно поэтому, говоря о гастрономическом дискурсе, в частности о названиях продуктов, отметим, что здесь основными признаками следует считать национально-специфическую и личностную направленность, а также организацию языка в виде особой знаковой системы, включающей в себя такие факторы, как символы национальной культуры, гендерные, социальные, религиозные и пр. характеристики.

В связи с тем, что номинативная составляющая гастрономического дискурса остается для ученых *tabula rasa*, целью данной статьи стало рассмотрение корпуса номинаций продуктов питания и его отражение в языковом сознании жителей полиэтнического города, каковым является столица Башкортостана Уфа. Это тем более важно, поскольку на протяжении времени исследования нами данной проблемы показывают, что состав языковых единиц меняется в сторону его расширения. Все больше различий в названиях связывают с новым и квалификационными характеристиками пищи: полезная для здоровья, вредная, традиционная, современная, экологическая, национальная, «заимствованная» и пр.

В статье, вслед за Н.В. Подольской, для обозначения названий продуктов питания используется термин *прагматоним* (от греч. *πράγμα* – ‘предмет’, ‘вещь’ + *ονομα* – ‘имя’, ‘название’), под которым понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [5, 81]. Специфичность прагматонимов заключается в том, что: 1) они «маркируют» серию, тип однородных объектов и относятся как к отдельному элементу ряда, так и ко всей серии в целом; 2) прагматонимы относятся к сфере производства и торговли, что предполагает наличие аттрактивной и рекламной функций; 3) у данного вида онимов наличествует повышенная связь с экстралингвистическими факторами: они должны соответствовать определенным законодательным нормам, их соотносительность с конкретным объектом фиксируется юридически.

Прагматонимы не только отражают, но и во многом способствуют формированию картины мира современного человека, или его когнитивной модели мира. В условиях современной глобализации наблюдается активный процесс проникновения лексических онимических единиц из языков народов мира. В настоящее время все больше возрастает влияние на русскую пищевую культуру национальных традиций не только Запада, но и Востока. Обращают на себя внимание заимствованные имена нарицательные из адыгейского языка: *халуж*, *щелям*, *курамбий*, *щипс*. Очень много заимствований из языков народов бывшего СССР: *сациви*, *хачапури*, *харчо*, *чахохбили*, *чурчхела* (груз.), *хаш* (арм.), *люля-кебаб*, *долма* (азерб.), *манты*, *шурпа* (узбек.). Интересны также названия видов продуктов из японского языка: *суши*, *роллы*, *темпура*, *сашими* и пр. Рассмотрим эти явления подробнее.

Национальная культура питания ориентирована на определенные формы её существования, что выражается господствующими в обществе архетипами. Для японской культуры важнейшим архетипом, связанным с культурой питания, выступают традиционные блюда *суши*, приготовленное из риса с уксусной приправой и различных морепродуктов, а также других ингредиентов, и *роллы* (одна из разновидностей суши). Их можно считать визитной карточкой японской кухни. Блюдо, снискавшее популярность японской кухне по всему миру. Вот уже и в России суши не кулинарная экзотика, а скорее, модное светское увлечение: суши готовят к праздничному столу, чтоб удивить гостей, суши-бары уже становятся привычным местом для бизнес-ланча, а многие японские рестораны готовы предложить доставку на дом или в офис.

Номинация суши и роллов богата и разнообразна. Так, выделяется группа прагматонимов, обозначающих географию, традиции, культуру японского народа. Например, широко представлены названия городов Японии: *Мидори*, *Сайгон*, *Токио*, а также мужских и женских имен: *Кю-ши*, *Мицуки*, *Мисаки*. В качестве названия традиционного блюда участвуют онимы *Самурай*, *Гейша*, *Слезы Гейши*. Большой ассортимент холодной и горячей закуски не перестаёт удивлять посетителей японских ресторанов: роллы *Бонзай*, *Горячая Gedza*, *Дракон*, *Кагами*, *Кохана*, *Кин*, *Рока*, и др.

Следующую группу составляют прагматонимы, образованные от лексических единиц других языков. В большинстве случаев они обозначают оттопонимичные названия государств: *Аргентина*, *Исландия*, *Колумбия*, *Мадагаскар*, *Мальдивы*, *Мексика* и городов: *Калькутта*, *Рио-де-Жанейро*, *Самара*, *Филадельфия*. Данное предпочтение в номинации блюд объясняется большим успехом японской кухни в мировом масштабе.

Таким образом, современная глобализация и культура народа неотделимы от языка. Все, что происходит с народом, все, что он создает в процессе своей жизни, так или иначе отражается в языке, формируя особенности национальной языковой картины мира. Социальные предпочтения самым непосредственным образом влияют на гастрономические предпочтения народа и формируют новые кулинарные тенденции и культуру питания, что естественным образом отражается в национальной языковой картине мира (мы едим то, что едим). Поэтому изучение прагматонимов и их функционирование в составе гастрономического дискурса позволяет выявить специфику номинаций продуктов питания, а также степень их влияния на языковое сознание жителей полиэтнического города Уфы.

ЛИТЕРАТУРА:

- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград, 2004. 507 с.
Лингвистический энциклопедический словарь. Советская Энциклопедия, 1990. 685 с.
Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н.В. Злыднева. СПб., 2011. 580 с.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСЛОЖНЕННЫХ АФФИКСОВ НАПРАВИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Падеж – грамматическая категория, выражающая отношение имени к другим словам в предложении. Каждому падежу свойственно выражать несколько значений, однако форма с более общим грамматическим значением становится его основным значением и подчиняет себе все остальные. Так, например, направительный падеж, имея общее грамматическое значение направления действия, имеет ряд частных значений: объекта, причины, цели и т. п. Каждый падеж имеет особую, только ему присущую форму, в чем и заключается морфологическая сущность категории падежа.

Направительный падеж в современном татарском и башкирском литературных языках оформляется с помощью аффикса *-га/-гә, -ка/-кә*: *бакча-га* – *бакса-га* (в огород), *өй-гә* (в дом), *балык-ка* – *балык-қа* (за рыбой) и т. д. Имена существительные с аффиксом принадлежности I и II лица единственного числа принимают аффикс *-а/-ә*, с суффиксами принадлежности III лица *-на/-нә*: *бакча-м-а* – *бакса-м-а* (в мой сад), *бакча-сы-на* – *бакса-һы-на* (в его сад) и т. д.

В башкирском языке по фонетическому закону сингармонизма окончания направительного падежа выступают в виде *-га, -гә (-ка, -кә)*, т. е. к словам с гласными заднего ряда присоединяется аффикс *-га (-ка)*, с гласными переднего ряда *-гә (-кә)*, например, *урман-га* (в лес), *үсемлек-кә* (на растение), *баш-қа* (в голову), *итек-кә* (на сапог). В отдельных тюркских языках, например, в татарском языке, местоимения 1-го, 2-го лица в направительном падеже имеют форму *миңа, сиңа*. Происхождение данной неподдающейся сингармонизму формы некоторые исследователи возводят к древнетюркскому **мингар > *минга > *миңга > миңа, сингар > *синга > *сиңга > сиңа* [4: Б.51]. На первый взгляд, такое утверждение кажется близким к истине. Однако, возникает вопрос, откуда и почему к личным местоимениям с гласным переднего ряда *мин, син* наращивается элемент, который представляет широкий гласный заднего ряда (*миңа, сиңа*)?

Как верно отмечают исследователи историю башкирского языка А. М. Азнабаев и В. Ш. Псянчин, «историю происхождения такого явления следует искать, на наш взгляд, в природе самого дательного (направительного) падежа» [1: Б.47]. Во-первых, «дательно-направительный падеж достаточно обширен в смысле своих значений и функций, особенно если учесть древнейшие письменные памятники тюркских языков» [10: Б.51]; во вторых, данный падеж входит в число пространственных (локативных) падежей. По утверждению профессора Дж. Г. Киякбаева, разработавшего теорию определенности и неопределенности, «пространственные падежи связаны с понятием неопределенности, так как сфера распространения их действия не является определенной и предполагает обычно широкое пространство» [5: Б.23]. Из-за этого во многих тюркских языках личные местоимения в направительном падеже меняют свою огласовку: киргизский основной падеж *мен, сен* – направительный *мага/маңа, сага/саңа* [12: Б.493], хакасский основной падеж *мин* – направительный *мага* [12: Б.435].

Таким образом, в форме *миңа, сиңа* татарского языка отражена неопределенность пространственного падежа, в данном случае направительного падежа. В киргизском, казахском, хакасском языках показатель неопределенности – широкий гласный *-а* повлиял и на гласный звук корня, т. е. на *-и*, следствием чего образовалась форма *мага, сага*. В развитии татарского языка этого не случилось, гласный звук в корне слова сохранился.

В диалектах татарского языка некоторые личные и указательные местоимения в направительном падеже имеют форму с конечным элементом *-р*: *мин аңга р сөйләдем* (я ему рассказывал), *тегеңгә р әйт* (скажи тому), *моңга р су сал* (этому лей воду) [Примеры относятся парангинскому и заказанскому говорам среднего диалекта и извлечены из «Диалектологического словаря татарского языка (Казань, 1969)»]. Известный тюрколог и алтаист В. М. Насилов относительно такого типа направительного падежа пишет, что «дательно-направительный падеж личных местоимений в караханидских памятниках имеет две формы: *мана, маңар* (мне), *саңа, саңар* (тебе)» [9: Б.106]. Полагаясь на эти примеры, мы можем утверждать, что аффикс с конечным *-р* направительного падежа – явление древнее. Как известно, аффикс *-р* является одним из показателей множественного числа. Данный аффикс, присоединяясь к основе *аңга* (ему),

тегенгэ (тому), *моңга* (этому), усиливал значение неопределенности направительного падежа, т. е. выступал показателем неопределенности.

Местоименные формы направительного падежа типа *миңар*, *маңар* (мне), *сиңар*, *саңар* (тебе), встречающиеся в различных современных языках и в древне- и среднетюркских письменных памятниках дает основание нам утверждать, что они произошли по следующей структурной схеме: корень (основа) слова + элемент *-н < н*, восходящий к показателю винительного падежа пратюркского языка, + элемент *-а*, представляющий собственный аффикс направительного падежа, + *-р*, древний показатель множественного числа, выражающий неопределенность.

Как было указано выше, аффикс направительного падежа *-а, -э* наращивался на аффикс принадлежности (*ата-м-а* «к отцу моему», *ата-н-а* «к отцу твоему») и образовывал данный падеж от имени существительных, стоящих в форме принадлежности. Такое явление допускалось лишь в словах, выраженных формой единственного числа. К словам, имеющим в основе аффикс принадлежности множественного числа типа *ат-ыбыз* «наши лошади», «наша лошадь», *ат-ыгыз* «ваши лошади», «ваша лошадь», аффикс направительного падежа *-а, -э* мог присоединяться только через древний показатель определенной основы *-ғ* и *-г*. Это явление можно показать по следующей схеме: **атыбыз-ыг-а > *атыбызыга > атыбызга*, **атыгыз-ыг-а > *атыгызыга > атыгызга*.

В говорах устья реки Камы, относящихся к среднему диалекту татарского языка, встречаются следующие формы направительного падежа имени существительного, местоимения, числительных: *минем кулымарга* «моим рукам», *синең кулыңарга* «твоим рукам», *аның кулыңарга* «его рукам»; *тегесенэргэ* «тем», *бусыңарга* «этим», *бишесенэргэ* «к его пяти» [3: Б.627; 11: Б.72-73].

Авторы «Диалектологического словаря татарского языка» и «Татарских народных говоров» приводят литературные варианты этих форм: *минем кулыма* «моей руке», *синең кулыңа* «твоей руке», *аның кулына* «его руке». Однако авторы этих изданий не совсем правы в объяснении значений этих форм. Приведенные в них формы *кулымарга*, *кулыңарга*, *кулыңарга* стоят не в единственном, а скорее всего во множественном числе. В формах притяжательности обладаемый предмет бывает и во множественном числе, хотя обладатель выражен в единственном числе. Эта закономерность присуща тюркским языкам. Например: *китапларым* досл. «мой книги», *китапларың* «твой книги», *китаплары* «его/ее книги». Из примеров видно, что при одном обладателе предметов, принадлежащих ему, много. Приведенные формы стоят во множественном числе, на это указывает один из аффиксов, а именно *-ар*, который заменил аффикс принадлежности множественного числа *-(ыб)ыз*.

Для того чтобы убедиться в этом, нужно обратиться к данным других тюркских языков. В узбекском литературном языке местоимение 1 лица множественного числа оформилось в форме *бизлар* «мы», а в кыпчакском говоре этого языка оно имеет форму *бизар*. Здесь аффикс *-ар* заменил аффикс множественного числа *-лар*.

Итак, в формах слов *кулымарга* «моим рукам», *кулыңарга* «твоим рукам» и *кулыңарга* «его рукам» действовала единая структурная модель, где, аналогично словам *атыбызга*, *атыгызга*, образовался направительный падеж: 1-ое лицо **кулымар-ыг-а > *кулымарыга > кулымарга* и т. д.

В говорах башкирского языка встречаются личные и указательные местоимения в направительном падеже с осложненной форме типа *һинегә// һинегә* «тебе», *мыныға//мыныға* «этому», *минегә//минегә* «мне», *шуныға// шуныға* «тому», *аныға//аныға* «ему», *ошоноға//ошоноға* «вот этому» [8: Б.167]. Например: *М и н е г ә афтамабил бирзеләр Сәрмәнгә тикле* «Мне дали автомобиль до Серменево»; *Үз генәң бар за ғуй, ниңә а н ы ғ а бойораң?* «Иди только сам, зачем ему приказываешь?»

В формах местоимения *мине-г-э*, *һине-г-э* соответственно «мне», «тебе» основы *мине-* и *һине-*, имеющие формы определенного винительного падежа, вполне могли бы быть основами определенности для получения формы направительного падежа. По справедливому утверждению А. М. Азнабаева и В. Ш. Псянчина «до присоединения аффикса направительного падежа (в данном случае *-а*) вклинился древнетюркский и общеалтайский показатель определенности *-г*, и возникла форма *мине-г*, *һине-г*» [1: Б.50].

Таким образом, в этих словах образовалась плеонастическая (фузированная) форма определенного винительного падежа и только после всех этих моментов наращивался аффикс направительного падежа *минегә*.

О встречающихся в кубалыкском говоре башкирского языка формах *минегә* «мне», *һинегә* «тебе», *аныға* «ей/ему» можно сказать следующее: основой определенности для этих слов является их форма родительного падежа *минегә* «моего/моей», *һинегә* «твоего», *аныға* «его/ее», к этой основе и присоединился собственный древний аффикс направительного падежа *-а, -э*. В

результате образовалась ныне функционирующая в говоре форма *минен-э* «мне», *хинен-э* «тебе», *анын-а* «ему/ей». Здесь следует отметить, что форма направительного падежа личных местоимений типа *минегэ* «мне», *хинегэ* «тебе», *аныга/уныга* «ему/ей» часто встречается и бурзянском говоре башкирского языка [7: Б.100].

Осложненные формы, образованные из нескольких аффиксов, выполняющих одинаковые грамматические функции, частое явление в тюркских языках. Дж. Г. Киекбаев и Г. Х. Ахатов выявили в диалектах башкирского и татарского языков двойное употребление окончания направительного падежа в именах существительных с аффиксами принадлежности 1-го лица множественного числа: *инэм-э-лэр-гэ* «к родителям», *йенкэм-э-лэр-гэ* «к семье брата и снохи» вместо ожидаемых форм *инэм-лэр-гэ*, *йенкэм-лэр-гэ* [5: Б.16; 2: Б.155].

В говорах восточных диалектов татарского языка обнаруживаются такие формы направительного падежа, как *карттасынынкыга* «дедушкину», *картинэсененкегэ* «бабушкину» [2: Б.155]. При разложении на аффиксы получим следующее: *картта-сы-ны-н-кы-г-а*, *картнэ-се-не-н-ке-г-э*. В этих словоформах выделяются аффиксы принадлежности 3-го лица *-сы*, определенного винительного падежа *-ны*, притяжательного падежа *-н*, принадлежности *-кы*, основы определенности *-г* (показатель древнего определенного винительного падежа) и собственного направительного падежа *-а*.

Материалы узбекского и уйгурского языков также показывают, что форма направительного падежа, аналогичная *карттасынын-кы-га* в говорах татарского языка, считается в этих языках нормативными, например, *ата-сы-га* «его отцу, на его отцу». Направительный падеж в этих двух языках образовался от основы определенности на *-г*: *атасы-г*. Древняя форма винительного падежа типа *ата-сы-г*, *йылкы-г* ни в одном из современных тюркских языков не сохранилась.

Таким образом, данная структурная модель в развитии направительного падежа является единой и для других языков. Но вместо показателя основы определенности *-г* в узбекском и уйгурском языках в других тюркских языках употреблялся аффикс *-н*, являющийся адекватным показателем определенного винительного падежа для слов с аффиксом принадлежности 3-го лица *-ы*, *-сы* (*ат-ы-н* «его коня»), например, в башкирском и татарском языках *ат-ы-н-а* «на его коня», *ата-һы-н-а* (*ата-сы-н-а*) «на его отца» и др. В говорах отдельных тюркских языков сохранились плеонастически наращенные показатели определенности и неопределенности к корням слов, которые вместе с основными морфологическими показателями образовывали сложные аффиксы падежей.

ЛИТЕРАТУРА:

- Азнабаев А. М., Псянчин В. Ш. Историческая грамматика башкирского языка. Уфа, 1983.
Ахатов Г. Х. Диалект западно-сибирских татар. Уфа, 1963.
Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.
Исхаков В. Г. Местоимения // ИСТГЯ, ч. II. Морфология. М., 1956.
Киекбаев Дж. Г. О диалектах башкирского языка // В помощь учителям башкирского языка. Уфа, 1960.
Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков». Уфа, 1967.
Максютова Н. Х. Бурзянский говор // Башкирская диалектология. Уфа, 1963.
Миржанова С. Ф. Кубалаянский говор // Башкирская диалектология. Уфа, 1963.
Насилов В. М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма // Вопросы языкознания. 1971. №1.
Севортян Э. В. Категория падежа // ИСТГЯ, ч. II. Морфология. М., 1956.
Татар халык сөйләшләре. 2 китапта, 1нче китап. Казан, 2008.
Языки народов СССР. т. 2. Тюркские языки. М., 1966.

Ю.В. Хвостова, Актобе, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Русская диалектная речь на территории Казахстана наиболее полно изучена с точки зрения варьирования ее фонетики, грамматики, словарного состава. Развитие говоров в современных условиях также исследуется в основном в структурном плане, поэтому и будущее русской диалектной речи в Казахстане обсуждается прежде всего как сохранение или утрата ее структурно-территориальных особенностей, а постепенное нивелирование структурных различий между говорами рассматривается как процесс разрушения диалектов и движение к полному их исчезновению.

Однако сущность диалектов, по мнению исследователей, заключается не столько в их структурно-территориальном своеобразии, сколько в коммуникативно-когнитивных особенностях: в характере традиционного сельского общения, обслуживаемого диалектом, в соответствующей ему языковой картине мира, в свойственных диалекту формах рефлексии над речью, в специфических способах передачи диалекта от поколения к поколению и т. д. В этом аспекте все русские говоры близки друг другу и выступают как особый тип речевой культуры, существенно отличающийся от речевой культуры, обслуживаемой литературной книжной речью.

Диалекту, как особому типу речевой культуры, свойственны признаки, определяемые, во-первых, исключительно устной формой бытования; во-вторых, его функциональной, социальной, ограниченностью; в-третьих, особым репертуаром речевых событий (в том числе ритуалов) традиционного сельского общения; в-четвертых, спецификой социальной структуры сельского коллектива.

Эти признаки получают наиболее яркое выражение в текстовой организации традиционного сельского общения на диалекте.

Так, к примеру, помимо формально замкнутых, относительно целостных текстов (примерами таких текстов могут служить фольклорные произведения), диалект реализуется в текстовых образованиях, которые правильно было бы называть *продолженными*: в континууме общения они не получают полной формальной и содержательной завершенности и репрезентируют миры (или относительно самостоятельные фрагменты мира), к которым говорящие вновь и вновь возвращаются в коммуникации, совершенно так же возобновляя и продолжая развитие того или иного текста, как возобновляют работу, временно оставленную ради других дел. Тематика продолженных текстов соответствует кругу основных интересов жителей русского села и может быть исчислена, а комплекс таких постоянно готовых к продолжению чередующихся текстов образует важную часть общей информационной базы носителей диалекта. Современные изменения уклада сельской жизни, расширяющие коммуникативное пространство сельских жителей, сказываются на составе «продолженных» текстов, и это — один из индикаторов совершающегося развития диалекта.

Не менее существенным признаком традиционного сельского общения на диалекте является, как правило, большее, чем при общении на литературном языке, единство информационных баз коммуникантов, поэтому носители традиционной диалектной речевой культуры зачастую с трудом преодолевают значительные или просто непривычные для них информационные расхождения с партнером, часто возникающие, например, в ситуации общения с диалектологом. Главная область таких затруднений — операции с индивидуальными номинациями (личными именами людей, названиями уникальных частей ландшафта, названиями сел и т. п.), денотаты которых прецедентны для жителей данного села, но неизвестны собеседнику и еще не введены в мир развиваемого текста. Как показывают наблюдения, в современных коммуникативных условиях несколько усиливается сознательный контроль носителей диалекта над степенью общности собственной информационной базы и информационной базы собеседника, последовательнее используются в общении различного типа интродуктивные номинации уникальных объектов, но полного преодоления трудностей отмеченного типа обычно не происходит.

Кроме того, диалект как особое коммуникативно-когнитивное образование характеризуется существенно иным в сравнении с литературно-книжной речью соотношением типов текстообразования («регистров», в терминологии Г. А. Золотовой). Основной тип повествования на диалекте — репродуктивный. При этом он представлен гораздо полнее и последовательнее, чем в литературной речи, а так как свойство изобразительности распространяется в традиционном сельском общении и на невербальные компоненты коммуникации, пронизывает общение в целом, то его можно считать не столько собственно речевым, сколько семиотическим по своей природе принципом, присущим диалекту, — принципом изобразительности. Действие этого принципа прослеживается в «натуралистичности» звукоподражаний, в использовании разнообразных средств синхронизации ситуации-темы с ситуацией текущего общения, в неразвитости косвенной речи, в значительной части повторов и во многом другом.

Исследование диалектной речи, записанной на разных территориях, от лиц разного пола, возраста, образования и социальной ориентации, сопоставление диалектной речи с просторечием и литературно-разговорной речью по обсуждаемым параметрам текстовой завершенности, интродуктивности, изобразительности и совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения показывает, что коммуникативно-когнитивные черты традиционного сельского общения на диалекте обладают большой устойчивостью. Они часто сохраняются и тогда, когда людьми в значительной степени утрачиваются фонетические и грамматические черты материнского говора, теряется его лексическое своеобразие. Эта устойчивость, присущего диалекту характера текстообразо-

вания, с одной стороны, зависит от сохранения коммуникативных условий, порождающих соответствующие коммуникативно-когнитивные черты диалектной речи, а с другой стороны, связана с возможностью осознания данных черт как стилистического признака непосредственности и непринужденности разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА:

Толстой Н. И. Язык и культура: (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991. С. 5–17.

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. Саратов, 1993. С. 9–19.

Гольдин В. Е. Машиннообрабатываемые корпуса диалектных текстов и проблемы типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. № 3. С. 72–87.

Золотова Г. А. Говорящее лицо и структура текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995. С. 120–132.

К. М. Хозайбирзина, Стәрлебаш р.

СТӘРЛЕБАШ РАЙОНЫ МОРТАЗА АУЫЛЫ ҺӨЙЛӘШЕНЕҢ ТЕЛ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Ерле һөйләш материалдарының бәләкәй генә өлөшөнөң тел үзенсәлектәре лә бик мөһим сығанакка әйләнә. Мәкәләлә Стәрлебаш районы Мортаза ауылының тел үзенсәлектәренә байкау яһамаксыбыз.

Мортаза – башкорт ауылы. Мортаза ауылы һөйләшәндә күрше урыс ауылдарының, рус теленәң йогонтоһо бар. Мәсәлән, *матик* – тәпкә (мотыга), *балтнай* (полдник), *сәйгүн* – сәйнүк (чайник), *тәрлицкә* – тәрилкә (тарелка), *шәшкә* – сынаяк (чашка), *вис* – бөтәһе (все), *сәпсим* (совсем), *как наят* – тап-таман (как на ять), *куфайка* (фуфайка). *Балтнайға кыстыбый бешерәм тигәйнем. Сәпсим тыңламағанһың. Нейә, вис нәстәләрге китерзем.* Бындай һүзәрҙе тематик йәһәттән дә айырып карап була. Мәсәлән, өй төзөгә караған һүзәр: *кәсәк* – тәҙрә яңағы (косяк), *франтун* (фронтон), *солан* – чулан, *убырный* – бәзрәф (уборная). Күренеүенсә, урыс теленән һүзәр үз ителеп алынғандар, башкорт теленәң нормаларына яраклаштырылғандар.

Бынан тыш, ауылдың төп тел үзенсәлектәрен һөйләшкә ингән башка һүзәрҙе кылыкһырлай: *һайғау* – өрлөк, *бәпкә* – стропила, *япма* – солан, *бакырас* – аш сүмесе, *йәмшегән* – энәлек, *кәлкүн* – бәүелмәк, *титарай* – еңел холокло кеше, *айғыр*, *малайша* – малай холокло кыззарға карата, *болама* – туззырылған өй, *лыкыра* – бысрак йәшәгән кеше, *һәпрә* – яй, йүнһез кешегә карата, *сәмбүсә*, *сүсмәрә* – эремсеклә эре билмән, *бәзе* – какы, *арбаз* – һарай, *бәзиха* – әрпеш.

Фонетик үзенсәлектәр: *фәрзә* – пәрзә, *тәрзә* – тәҙрә, *еде* – ете, *пысрак* – бысрак, *әпәй*, *әпәк* – икмәк; бер төркөм һүзәрҙе *с~с ~h* тап килешә күзәтелә: *яса* – яһа, *һуғаным* – һуһаным, *тупса* – тупһа, *нәстә* – нимә.

Морфологик үзенсәлектәрҙән, көньяк диалектына хас булған *малайлар*, *кызлар* кеүек һүз формаларынан тыш, ауыл һөйләшәндә һүзбәйләнештәрҙең кыскарыуын, бер һүзгә калдырылып һөйләнәүен күрһәтеп була: *мынаулай* – бына ошолай, *әпир* – алып бир, *әпкил* – алып кил, *апар* – алып бар, *ивет* – ибет – әйе бит.

Шулай итеп, көньяк диалектының әйек-һакмар һөйләшенә караған Мортаза ауылы һөйләше, дөйөм алғанда, әзәби телдән бик нык айырылмай, көньяк диалекттың төп фонетик, морфологик, лексик үзенсәлектәре уға ла хас, синтаксик үзгәрештәр бөтөнләй күзәтелмәй. Ерле һөйләш күренештәре башлыса лексикала сағылыш таба.

Г. Р. Хәсәйенова, Өфө к.

ХӘЗЕРГЕ ЫРЫМБУР БАШКОРТТАРЫНЫҢ ЙӘНЛӘ ҺӨЙЛӘҮ ТЕЛЕНӘ КАРАТА КАЙҠЫ БЕР КҮЗӘТЕҮЗӘР* (2011, 2012 йй. ФОЛЬКЛОР ЭКСПЕДИЦИЯЛАРЫНДА АВТОР ЯЗЫП АЛҘАН МАТЕРИАЛДАР БУЙЫНСА)

*Статья выполнена в рамках проекта №12-14-02600 «Экспедиционный выезд в Оренбургскую область РФ»

Донъя фольклорында ғалимдар халыҡ ижады әсәрҙәрен йәнлә һөйләү телендә теркәүҙе талап итә. Экспедициялар ваҡытында без ошо ҡағизәне тоторға тырышабыз. Кызғаныска ҡаршы, ваҡыт тарлығы арҡаһында материалдарыбыҙға халықтың йәнлә һөйләү телен тейешенсә күрһәтә

алмайбыз. Ләкин кайһы бер күзәтүзәребез киләсәктә телсе ғалимдарзың, языусыларзың игтибарын йәлеп итер һәм кызыкһыныу уятыр тип ышанабыз.

Башкортостандан ситтә йәшәгән милләттәштәребезең һөйләү теле нык үзгәргән. Силәбе, Курган, Ырымбур башкорттарының үсеп килгән быуыны тулыһынса рус телендә һөйләшеүгә күсеп бара, өлкән быуын вәкилдәренең һөйләү телендә лә урыс һүззәре кәрәгенән күп кулланыла. Ырымбур башкорттарының телендә һирәк-һаяк «таярлаган», «налайым» кеүек казак һүззәре лә кулланыла. Шуға карамастан, информанттар менән эшләгәндә уларзың теленән матур диалект һүззәр, үзенсәлекле һүзбәйләнештәр, әйтемдәр язып алдык. Был ошо төбәктә башкорт йәнле һөйләү теленең бай, һутлы булуына ишаралай. 2011, 2012 йылдарҙа Ырымбур өлкәһенә ойшторолған фольклор экспедицияларҙа теркәлгән үзенсәлекле «тел бизәктәрен» айырып күрһәтмәксебез.

80-се йылдар азағында институтта билдәле тел ғалимы, күренекле диалектолог Н.Х. Мәксүтова менән кабинеттарыбыз эргәләш ине. Бер ваҡыт ул килеп инде лә: «һин Учалынан бит әле, кайза миңә эзәби телдә кулланылмаған, һезең төбәк һөйләшенә хас һүззәрҙе әйт әле», - ти. Мин капыл бирелгән көтөлмәгән һорауға юғалыбыраҡ калһам да, ниндәйҙер һүззәрҙе атап күрһәттем. Шулар араһынан, хәтеремдә, ул ике һүзгә игтибар итте, окшатты. «Йорсо» (катын кешегә иренең кустылары йорсо була – Х.Г.); июль азағы, август башында беззә йәш бәрәнгәне кытыклап алып, тамырын имгәтмәй генә, бешереп ашай башлайҙар. Шулар һүззәрҙе язып алып, кәнәғәт кенә сығып киткәнә хәтеремдә калған. Шуғамылыр, экспедиция мәлдәрендә ятыраҡ һүз ишәтһәм, игтибарһыҙ калдырмаһка, мәғәнәһен теркәп куйырға тырышам.

Ырымбур өлкәһенең Гай районында йәшәгән башкорттарзың телендә әле лә кулланылыуын дауам иткән диалект һүззәр: *туҡым* – аттың эйәре астына һалына торған кейеҙ; *ек* (изән еге) – ярык; *көртөй* – өс кейеҫ, камзулды хәтерләтә, тик калын була; *мәнһез* – тәрбиәһез һ.б.

Туғанлыкты белдергән һүззәр: *әнәй/әнәй, әтәй, карсәй, картатай, кайны, бейем, бикәс, апһын, кайната, бикәм* (ирзең бер туған апаһы), *кайынезнә* (бикәмдең ире).

Йәнә «*усында аксаһын шалдырлап ишеттерер ине*», «*саңғырлап йөрөгән тәңкәләр*» тигән һүзбәйләнештәр игтибарҙы йәлеп итте. Ырымбурҙарзың телендә устағы акса шалдырлай, ә кейемдәгеһе – саңғырлай. Бер үк предметтың төрлө осраҡта төрлө тауыш сығарыуын халыҡ теле төрлө кылымдар ярамында бик уңышлы әйтеп бирә. Ә һужа күрмәгән бәхетле кешене ул шулай ук бик үзенсәлекле һүрәтләй: «*колон майы йөрөй йөзөндә*». «Ышанды» урынына «әшәнде», «әшкәртеп» урынына «әшкәртеп», «якты» урынына «яклы» (иртән яклырыуға, яклы донъя) һүззәре, исемдәрең күплек ялғауы –*лар, -ләр* формаһы: кызлар, быҙаулар, күзләр, күлләр; –*нар, -нәр*: туғаннар, томаннар, карлығаннар, көннәр, кемнәр; төшөм килеш ялғауы –*һы, -һе*: комғанһы, һүземһе, күземһе; кылымдың күплек ялғаулы заман формалары (бирмәйләр, килмәйләр, әйтемнәй – хәзәрә заман; ашағаннар, эскәннәр, киткәннәр, ебәрмәгәннәр, һипкәннәр – үткән заман; йыйырлар, эшләрләр – киләсәк заман) ошо яктың йәнле һөйләү теленең үзенсәлектәре.

Кыуандыҡ районында йәнле һөйләү теле байыраҡ тойолдо. Диалект һүззәр зә йышыраҡ һәм күберәк осраны: *билғауыс* (кочерға), *бөкөл* – бөтә, *бүртей* – көпшә (үсәмлек), *киң бәйенне* – киң күңелле, *татый* – торошло, *йәмбил* – озон йышҡы, *шапанлап* – шашып, көтороп; *ыңыйтмағыз* – қаңғыртмағыз; *ут яккыс* (Имәнтамаҡ ауылында), *көркә* (Сабаҡлы ауылында) – аласыҡ; *аяғорсок* (урысһа прялка) – йөн иләй торған кулланма (Колға белән иләйем, ә аяғорсокта йөндө сиратам), *шленка* – дебеткә катлай торған еп, *сәлшәк* – майлы икмәк..

Йәнле һөйләү телендә шулай ук нығынған бик матур һүзбәйләнештәр, әйтемдәр зә осрай: Уңа татый бер улым бар, эсә; әнәйем йән тапшырҙы, үтеп калды; йырларға башым эшкә ашмай; күзең күреп һаулығың бар, һисек көш бакмай утыраң; сәсем озон булды, камыш һикелле; Зыя тип исем куштым да, зыяндан башка эшкә ашмай, эсә; йәшләр үзәренең музыкаһын туңкылдата; казан ашы, икмәк күрмәнек; андый-мындыйға шапанлап йөрөмәнем. Ауыр булдым; клуб һиңкеп тора торғайны «Күләгә» уйнап; Атам: «Бире йөрөгән һикелле күрәм бейей башлаһалар», - ти ине. Бейегәнде яратманы, йырларға яратты; хәзәрә шыйыҡ-мыйыҡ йырларны йырлайым; бутилькалай балаға, өс айлыҡ, көн һайын мунса яғабыз; үгез эйәһенә күтән юк, үзебезсекәләр мунса ингәне юк әле. 3 көнгә 5 мәртәбә мунса яктым, үзем барып аяғымды ла йыуа алманым; йомакты уны өйзөк инде интернатта укығанда; үлеп-мүлеп калһам, кыйын булыр алып кайтыуы тинем; зыңкылдатып гармун уйнай; убыр уйыннарының һакын түләп бөттө инде улым.

Килтерелгән миһалдар халықтың һөйләү теленең мөмкинлектәренә, байлығына ишаралай һәм халкыбыздың ысынлап та сәсэн телле булуын раһлай.

Ырымбурҙарзың йәнле һөйләү телен тағы ла асығыраҡ күз алдына килтереү өсөн түбәндәге текстты тәкдим итәбез:

«Ялсыбай токомонан Ғилман ағай (1923). Сөйәле булды сикәһендә. Борон казактар бала урлаган. Ялсыбайҙы казактар урлап алып киткән булған. Байбисә (Ялсыбайҙың үгәй әсәһе)

Ялсығолдоң таярлаган (тәрбиэләгән) атын, бәйгегә әзерләгән, үз улына биреп ебәргәс, Ялсығол бик илаган. Шунан бер өлкән әбей сакырып алып был балаға әйтә: «Һин быларзан кас. Һин шундайынса урланып килгән бала. Һинең ауылың менә шул якта, тыумаларың шул якта. Ике атты ал. Берәүен әйәрләп ал. Берәүһен яйлак ал, ти инде. Шунан улар, Һин каскас, артындан кыуа сығарлар. Улар кыуған (в)уа(к)хытта, белмәйем мына ошо Яйык йылғаһы буламы, әллә һакмар буламылыр инде, йылғаны. Яйлак атка утырып, ялына нык итеп йәбеш тә һыуға ос. Әйәрле атты ташла ла. Шунан улар Һине тоталмай калырлар яр башында», — тип өйрәткән әбей. Шунан кайтып килгән был бала эзләп, әбей өйрәткәнсә, тыумаларына. Шунан кайтқас, баяғы сикәһендәге сөйәленән белеп, баяғы баланы үзләренеке икәнән белгәндәр икән, тигән бер әкиәт йөрөй безҙең ауылда. Шул менә, шунан килгән током буйынса, кыз балаларза ла бәләкәй генә сөйәл бар. Әнә Флүрәлә лә бар, Йәдкәрҙең кызында ла бар, ти, шул сөйәл. Током буйлап килә шул бәләкәй генә сөйәл. *Ялсыбай токомо шунан йәйелгән*». Нарбулатова Гөлнур Ғиниәтулла кызынан (1928 й. тыуған. Ошо ауылдыкы. 6 класс белемле. 5 бала әсәһе. Колхозда төрлө эштә эшләгән) язып алынған мәғлүмәт.

Шулай итеп, Ырымбур өлкәһендә йәшәгән башкорттарҙың теле башкорт йәңле һөйләү теленәң бай, һутлы булыуына күрһәтә, башкорт һөйләштәренәң үзекһәлектәрен сағылдыра.

Л. М. Хөсәйенова, Стәрлетамак к.

КӨНЬЯК ДИАЛЕКТТЫҢ ӨРШӘК ҺӨЙЛӘШЕН ӨЙРӘНЕҮГӘ КАРАТА

Хәзерге башкорт тел ғилемендә башкорт теленәң өс диалекты тикшерелә: көньяк, көнсығыш, төньяк-көнбайыш диалекттар. Был мәкәләлә без көньяк диалектка караған өршәк һөйләшенәң тел үзенсәлектәренә тукталмаксыбыз. Әйтергә кәрәк, атап үтелгән һөйләште тап ошо атама менән XXI быуатка тиклем диалектологтар махсус тикшермәне. Ул көньяк диалекттың дим һөйләше составында каралды. Өршәк һөйләше тураһында тәүге мәғлүмәттәрҙе профессор Р. З. Шәкүров хезмәттәрендә таба алабыз. Ул оҙак йылдар БДПУ-ла башкорт филологияһы факультеты студенттары өсөн башкорт диалектологияһы курсының уҡыны, был фән өлкәһендә булған яңылыктарҙы һәм ғалимдар тарафынан үткәрелгән ғилми тикшеренеүҙәр барышында ирешелгән яңы қазаныштарҙы иҫәпкә алып, был курстың программаһын төзөнө. һәм, һиһайәт, 2011 йылда Р.З.Шәкүровтың «Башкорт диалектологияһы» исеме астында күләмле уҡыу кулланмаһы донъя күрҙе. Автор унда өршәк һөйләшенәң фонетик, морфологик һәм лексик үзенсәлектәре тураһында тулы мәғлүмәт бирә.

Ғалимдың етәкселегендә 2010 йылда аспиранты Р.Ш. Алсынбаева «Башкорт теленәң өршәк һөйләше» темаһы буйынса кандидатлыҡ диссертацияһы әҙерләне һәм уңышлы якланы. Диссертацион хезмәттә күрһәтелеүенсә, өршәк һөйләшендә Ауырғазы (*Моразым, Төрөмбәт, Усман (Казморон), Нәжметдин (Карағайлы), Юлдаш, Түрһәгәзе, Игенсе (Күккәзә), Иске Этекәй (Дүртөйлө), Яңы Этекәй (Дүрттояк), Миңнебай (Дөйәбатқан), Өсбәләш (Турғай), Түбәнге Бәғәнәш (Әбүкән, Яран) Болаш ауылдары*), Әлшәй (*Мырзағол, Әбделкәрим (Маянған) ауылдары*), Дәүләкән (*Иске Мерәс, Яңы Мерәс, Яңы Йәнбәк (Япар Йәнбәк), Хөсәйен (Өсәйен), Казырғол ауылдары*), Қырмысқалы (*Иске Йәнбәк (Тау Йәнбәге), Иске Муса, Яңы Мусса ауылдары*), Стәрлетамак (*Абдрахман, Яңы Абдрахман (Сумар), Бәғәнәш ауылдары*) райондарында урынлашқан башкорт ауылдарының йәңле һөйләү теле тикшерелә. Тарихи яктан был төбәктә мең кәбиләһенә караған меркет-меңделәр һәм өршәк-меңделәр йәшәй.

Атап үтелгән ауылдар Өршәк йылғаһы бассейнында урынлашқанлыктан, һөйләштең атамаһы шулай алынған. Көнъяк диалекттың дим һөйләшендә үз аллы өршәк һөйләшен айырып тикшереп мөмкинлеген диссертант тарихи факттарға һәм тел үзенсәлектәренә таянып дәлилләй. һөйләштә дөйөм төрки теленә хас булған күренештәрҙең һакланыуы (фирештә — фәрештә, сәке — һике, сүрау — һорау, кая — кайза, дәрән — тирән һ.б.) өршәк буйында көн күргән башкорттарҙың боронғоло һакында һөйләй. Мәләт, Кәлдә (күл атамалары), Казырғол (ауыл исеме), Өршәк кеүек онимдарҙы анализлау за был фекерҙе раҫлай.

Тәкдим ителгән мәкәләлә без Ауырғазы районына караған Усман (Казморон) ауылында йәшәүсә халықтың телендә әлегә вақытта ла йыш кулланылған «кором», «кором ашы», «коромға йыйыу», «коромға буялыу», шулай уҡ «дүс яһашыу» кеүек һүзбәйләнештәр һәм ошоға бәйле йолалар һакында һөйләмәкһебез.

Башкорт теленәң аңлатмалы һүзлегендә «кором» һүзенең тик бер генә мәғәнәһе теркәлгән: утта янып бөтмәй оскан бик вақ саң сифатындағы матдә. Диалекттар һүзлегендә был һүз бөтөнләй бирелмәгән, тимәк, уның һиндәйһер башка мәғәнәһе һәм кулланылышы юқ.

Шулай за «кором» хүзенәң мәғәнә үзенсәлегә әйтеп үтелгән төбәктә киңерәк. Ул туй йолаһы менән бәйле. Кыз биреүсә йәки килән алыусы төп коза булыусы кеше туй алдынан үзенәң туғандарын (Усман ауылында әйтеүенсә, үзенәң нәселдәрен, нәсел кешеләрен) «кором ашына йыя». Был хакта хужалар алдан хәбәр итә һәм сақырылыусылар күрше-тирәләренә шунса көндә коромға сақырыузырын зур кинәнес менән һөйләргә ярата торған була. Йәғни, коромға сақырылыу ул ниндәйзәр бер мәртәбәлә эш һанала. Кором ашына хужалар бик һәйбәтләп, мул итеп әзерләнә һәм тейешле вакытта кунактарын ихлас каршы ала. Бактиһәң, кором ашына йыйылған туғандар үтәсәк туй хакында кәңәшләшәргә йыйыла икән. Усман ауылында туйға күмәкләп, йәғни кыз биреүсә йәки килән төшөрөүсә төп йорт — баш козалар ғына түгел, ә бөтә нәселе әзерләнәләр. Коза булып килеүселәрзәң барыһын да коромда булыусылар, өршәк һөйләшәндә әйтелгәнсә, «коромға буялыусылар» үз йортона сақырып кунак итә. Тимәк, кәрәк икән, мал һуйып, зур табын короп, һый-ниғмәттә тулыһынса үзә әзерләп, коромға буялған нәселе туйзы үзенә алып кайта. Ғәзәттә козаларзы килеп төшөү менән төп йортта һыйлайзар, шунан рәсми рәүештә теркәү (ЗАГС) була, әгәр килән төшөрәләр икән, һыу юлы башлаталар, һуңынан коромға буялыусыларзың берәһе бар кунактарзы үз йортона сақырып һыйлай. Әгәр кабул иткән баш козаларзың нәселе ишле икән, бер-ике йортта кунак булыузы ла мөмкин. Киске кунак ашы төп йортта — баш козаларза үткәрелә, коза-козасаларға козағый бүләктәр бирә, шул вакытта туйзы үткәрәргә ярзам итешәүсә барлык туғандарына ла матур бүләктәр таратыла. Йәштәрзә котлау, уларға бүләктәр биреү зә ошо тантаналы кунакта башкарыла. Туйзың икенсә көнөндә иртән тороу менән бөтә кунактарзы төп козаларзың коромға буялыусы тағы бер нәселе (әйтеүебезсә, әгәр нәселе күп икән, бер-ике туғаны) үз йортона алып кайтып һыйлай. Әгәр туй ике кискә һөйләшәлгән икән, икенсә көндә бер нисә туғанында туй дауам итә. һуңғы вакытта, әлбиттә, туйзар тик бер генә кис үткәрелә, хатта көнөнә узғарылған осрактар за йыш осрай. Туйзы тамамлаусы мәжлес төп йортта — баш козаларза әзерләнә. Был табындың да үз йолаһы бар. Мәжлестә катнашыусылар (килгән козалар) кабул иткән коза-козағыйзарына рәхмәтен әйткәс тә кайтырға ашыкмай. Тик тыштан коромда катнашыусы ир-аттарзың «босмак каға» башлауын ишеткәс кенә козалар кайтырға вакыт етеүен «белә». «Босмак кағыу» — ул өйзәң кунакка килгән төп козалар ултырған мөйөшөнә тыштан зур бүрәнә менән кағыу (өршәк һөйләшәндә «мөйөш» һүзә урынында «босмак» һүзә кулланыла). Бик абруйлы козалар босмакты (мөйөштә) бер нисә тапкыр каккандан һуң ғына кайта. Был тәбиғи: кабул итеүсә баш козалар кунактарзы һыйлауын дауам итә, тағы ла бер азға булһа ла калырға өгөтләй.

Туйға әзерләнеүсә туған кешеләрзәң кәңәшләшәү корон ниңә «кором ашы» тип атанылар икән һуң? Был һорау менән без Усман ауылында йәшәүсә оло быуын кешеләренә мөрәжәғәт иттек. 1941 йылғы Солтакаев Мизхәт Ғайса улының аңлатмаһы буйынса, «кором ашы» төшөнсәһе туранан-тура «кором» һүзә менән бәйле. Кором ашына йыйылыусылар туйға килгән бөтә кунактарзы үз йортона алып кайтып һыйлай алырлык, тимәк, етеш йәшәгән кешеләр була. Козалары алдында дәрәжәһен күтәрерзәй туғандарын кором ашына йыя ла инде буласак баш козалар. Әлбиттә, матур итеп донъя көтмәй, насар йәшәгән туғандарына был эште тапшыра алмайзар. Шуға ла коромға буялыу ул мәртәбәлә, игтибарға лайыклы эш һанала. Кором ашына баш коза буласак туғанының якшы итеп әзерләнеүе — үз туғандарын оло хөрмәтләүсә аңлата; уларзан балаларының туйын ғүмерзәре буйына искә алырлык матур мәжлес итеп үткәреүзәрен һорауы ла ул. Кором ашына йыйылған нәселдәренәң кайһыһы башлап кунакка ала (өршәк һөйләшәндә — ашка ала) һуң? Был да сетереклә һорау. Сөнки кунакка килгән козалар алдында йөз йыртырға ярамай, был яңы тормош корорға йыйынған йәштәр өсөн дә мөһим. Шуға ла «кем беренсә кунакка ала, шунан һуң кемгә баралар» кеүек һорау һәр вакыт бәхәс тыузырған. Үзен дәрәжәлә тип һанаған һәр туғаны иң элек үзенә сақырырға тырышқан, иң элек уның өйөн күрһәндәр, ул әзерләгән һыйзан ауыз итһәндәр, тип һораған. Шул вакытта бәхәстә сисеү өсөн бәләкәй балалар ярзамға килә. Бер баланан, кулын мейескә тығып, бер генә бармағын коромға буяуын һорайзар. Коромға буялған бармак йозрок эсенә йәшерелә һәм кором ашында катнашыусыларзың кайһыһы коромло бармакты дөрөс күрһәтә, шул ғаилә тәүгеләрзән булып козаларзы үз йортона кунакка алыу бәхетенә ирешә. Калғандар за шул рәүешлә үз сиратын билдәләй. Бына ошо вакиғаға бәйле «кором ашы, коромға буялыу» тигән төшөнсәләр барлыкка килгән дә инде. Әлбиттә, беззәң көндәрзә балаларзың бармағын коромға буяп, үткәреләсәк туйзың нисек булырын билдәләмәйзәр. Бармакты коромларлык мейестәр зә ауылдарза юк хәзәр — һәр

йортта зәңгәр ут яна. Йәштәр «кором ашы» тигәндә туй алдынан сакрыла торған кунак булыуын ғына беләләр. Шулай за «кором ашы», «коромға буялыу» кеүек төшөнсәләр әлеге вакытта ла йыш кулланыла өршәк һөйләшәндә. Беззәңсә, бына ошондай тел күренештәрен һаклаған һөйләште айырым өршәк һөйләше буларак тикшерерү үзен аkläй.

ӘЗӘБИӘТ:

- Башкорт теленең диалекттары һүзлегә. Өфө, 2002.
Башкорт теленең һүзлегә. Ике томда. Т.1. М., 1993.
Шәкүров Р. З. Башкорт диалектологияһы. Өфө, 2011.
Алсынбаева Р. Ш. Уршакский говор башкирского языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 26 с.
Алсынбаева Р. Ш. Топонимия Уршакского бассейна // Кикбәевские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. Стерлитамак, 2005. С.44-46.
Алсынбаева Р. Ш. Уршакские башкиры // Ватандаш. 2006. №9. С. 187-194.
Алсынбаева Р. Ш. Уршакский говор башкирского языка // Вестник БГУ. — Уфа.- 2009.- №2 (Т. 14). С. 510-512.

М. Д. Чертыкова, г. Абақан

ДИАЛЕКТНЫЕ ЭКСПРЕССИВЫ КАК ВТОРИЧНЫЕ СИНОНИМЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «БИТЬ»)

Современный хакасский язык изначально является результатом консолидации наречий тюркоязычных племен: сагайцев, бельтиров, качинцев (с камасинцами), койбал, кызыльцев (с кюэриками) и шорцев после Октябрьской революции. В 1924 году, при создании хакасской письменности начал формироваться хакасский литературный язык на базе двух наиболее передовых и наиболее распространенных диалектов: качинского и сагайского. Вопросы создания и формирования хакасской письменности освещаются в работах таких известных лингвистов, как Дмитриев Н. К., Исхаков Ф. Г., Баскаков Н. А., Чанков Д. И., Боргояков М. И. и др. [1]. В 40-60 годах прошлого столетия все четыре диалекта хакасского языка получили системное описание в кандидатских диссертациях хакасских ученых, рукописи которых хранятся в архивном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории [2]. В более позднее время к различным лексико-грамматическим вопросам диалектологии не раз обращались такие хакасоведы, как Патачакова Д. Ф., Доможаков Н. Г., Субракова О. В., Боргояков В. А. и др. [3].

Одну из основных задач исследования диалектологии в хакасском языке на современном этапе мы видим в описании многозначности и синонимии диалектной лексики и выявление специфики их семантики в системе диалектного языка. В своей статье мы рассматриваем лексико-семантическое варьирование многозначных слов в рамках одного синонимического ряда с общим значением «бить».

Синонимический ряд включает в себя разные в стилистическом отношении глаголы **соуариа** (бить, избивать) — **чыртариа** (бить, сечь) — **чызариа II** (бить) — **наарариа** (колотить, бить) — **сойариа** (белть: избивать) — **пирерге** (дать как следует). Доминанта ряда глагол **соуариа** (бить, избивать), в хакасско-русском словаре (далее ХРС) представлен следующим образом: 1) бить, избивать кого-л. 2) колоть, закалывать скот. 3) толочь [ХРС, 485]. По своему основному ЛСВ1 глагол **соуариа** синонимизируется с глаголом **чыртариа**, который в своем значении «бить, сечь кого л.» маркирован специфичной семой орудийности — «плеткой, прутиком и т.д.». *Онха пала пвр оолахты сохча* — Примерно десять мальчиков бьют одного. *Кбзблернб, большевиксбу, хызылыу тбп, харибге чаап турлар, чыртып турлар* — Людей заключают в тюрьмы, бьют, обвиняя в том, что они большевики и красные.

Потенциальность синонимичности остальных же членов данного синонимического ряда чызариа — наарариа — сойариа — пирерге, связанных с явлением многозначности, проявляется в текстовой реализации. Тем самым они являются вторичными синонимами, или же контекстуальными экспрессивами, по отношению к нейтральным глаголам соуариа и чыртариа.

В хакасско-русском словаре рассматриваемые вторичные синонимы представлены таким образом:

а) **чызариа** 1) тереть, натирать, вытирать что-л. 2) перен. прост. надавать как следует, проучить как следует, сильно ругать. 3) стащить, украсть, мошенничать. *Ол ахчам чыс парыбыстыр* — Он мои деньги спер, оказывается [ХРС, стр. 1015-1016];

б) **наарариа** 1) притискивать, прижимать; 2) бить, долбить, ударять; разг. тряхнуть; *Наар салыбызариа* - побить поколотить [ХРС, стр. 263].

в) **сойаруа** 1) сдирать, обдирать (кожу, кору и т.п.) снять, ободрать шкуру; 3) бить, разг. пороть. *Хат сойхау ирен* – Мужчина имеющий привычку бить свою жену [ХРС, стр. 487].

г) **пирерге** 1) давать, выдавать, отдавать; 2) перен. бить, ударять. *Пазынау пирерге* – Бить по голове. *Мынау пирер ползам* – Сейчас как дам (т.е. побью) [ХРС, стр. 361].

Эти глаголы в значении «бить» относятся к просторечному стилю, в частности, в данном значении они употребляются в сагайском диалекте хакасского языка.

Синонимия их вторичных значений формируется на основе действия экспрессивного фактора. *Чыс пирим ме аны* – Побить ли мне его. *Паза хатап сјклензеу – наардырарзыу* – Если еще будешь обзывать – будешь побитым. *Кічігде ол матап сойдырхау* – В детстве его сильно колотили. *Тоыныхыларын хырысча, сойча* – Своих работников ругает, бьет. *Наах пастыра пирібізерге* – Ударить по щеке.

Как видим, сосуществование синонимов данного типа в системе одного синонимического ряда вполне возможно благодаря общему значению «бить». Например, глаголы соуаруа и чызаруа, различающиеся по своим исходным значениям «бить» и «тереть, натирать» обнаруживают зону синонимичности в общих значениях «бить». Если общее для данного синонимического ряда значение «бить» контекстуальные синонимы-глаголы выражают лишь в своих вторичных ЛСВ, то основные первичные ЛСВ их значений ведут их к синонимичности в других синонимических рядах. Как считает Нефедова Е. А.: «Экспрессивность предопределяет слабую закрепленность, известную неустойчивостью таких значений и, в конечном счете, многокомпонентность и неустойчивость синонимических рядов» [Нефедова, 2008, стр. 21].

Таким образом, данный синонимический ряд представляет собой одну из определенных семантических зон, в которых концентрируется значительное число вторичных синонимов с экспрессивно-эмоциональным оттенком. В их значениях ЛСВ «бить» в языке существует лишь потенциально, которого обеспечивает сочетание вторичных синонимов-глаголов с одушевленным объектом: бить + кого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов (материалы для научной грамматики). Абакан, 1954. 137 стр.; Баскаков Н.А. История изучения хакасского языка // Записки Хакасского Научно-исследовательского института, выпуск II, Абакан, 1951; Баскаков Н.А. К истории изучения хакасского языка // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VI 1958 г.; Чанков Д.И. Развитие и формирование хакасского литературного языка // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII, Серия филологическая, №2, 1973; Боргояков М.И. К истории формирования хакасского языка // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XII, 1966 г.; Патачаков К.М. К истории создания хакасской письменности // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XII. Абакан, 1966 г. и др.

2. Инкижекова А.И. Сагайский диалект хакасского языка. М., 1948 (рукопись); Доможаков Н.Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Абакан, 1948 (рукопись); Патачакова Д.Ф. Качинский диалект хакасского языка. Абакан, 1965 (рукопись); Межекова Н.Н. Описание шорского диалекта хакасского языка. М., 1969 (рукопись); Доможаков Н.Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: Дисс. канд. филол. наук // Рукописный фонд ХАКНИИЯЛИ.

3. Патачакова Д.Ф. Личная форма на –сым в диалектах хакасского языка // Языки народов Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Кемерово, 1979. стр. 44-50; Доможаков Н.Г. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов // Ученые записки ХАКНИИЯЛИ. Вып. IV, Абакан, 1956; Доможаков Н.Г. Нижнеирусинцы (материалы по языку) // Ученые записки ХАКНИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 187-210; Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. Абакан, 1992. С.14-18; Субракова О.В. Падежная система в бельтирских говорах хакасского языка. // Хакасская диалектология. Абакан, 1992. С.32-50; Боргояков В.А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка. АКД, 2001, Москва и др.

4. Хакасско-русский словарь. Новосибирск. Наука, 2006.

5. Нефедова Е.А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта // АДД, Москва, 2008

Г.М. Чульчаева, г. Элиста

МЕСТОИМЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ДЕРБЕТОВ КАЛМЫКИИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-24-03005а/Мон

В калмыцком языке можно выделить два основных говора: дербетский и торгутский, которые имеют свои подговоры. Проблемами калмыцкой диалектологии занимались Н. Очиров [1910; 1913], А.Н. Кичиков [1962; 1963; 1967], Н.Н. Убушаев [1969; 1970; 1979; 2006].

Мы в своей работе хотим охарактеризовать местоимение в языке дербетов Калмыкии.

Местоимение понимается как часть речи, которая не называя предметы, их признаки и количество, указывает на них. Как отмечают ученые, по своему лексическому значению и грамматическим признакам местоимения соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными и в предложении выполняют аналогичные синтаксические функции. [Грамматика калмыцкого языка ... 1983, 161].

В калмыцком языке можно выделить: личные, указательные, возвратные, вопросительные, определительные, отрицательные, неопределенные местоимения.

Как отмечает А. Ш. Кичиков, личные местоимения в калмыцком языке имеют фонетическое разнообразие не только по говорам, но и внутри одного и того же говора. Кроме собственно личных местоимений (би, чи, бидн/мадн /ма, та/тадн/танр), которые выделяются в «Грамматике калмыцкого языка», А. Ш. Кичиков, а вслед за ним и Н. Н. Убушаев к разряду личных местоимений относят еще указательные местоимения (эн, тер, эдн, тедн), которые появились вместо утраченных местоимений третьего лица *ину, ану*. [Убушаев 2006, 149]. Как отмечает Н. Н. Убушаев, от данных местоимений в современных калмыцких говорах осталась частица третьего лица –*нь*, употребляющаяся в лично-притяжательном склонении. Наиболее полную парадигму склонения личных местоимений в дербетском говоре дал А. Ш. Кичиков. [Кичиков 1963, 47, 49].

Единственное число				
Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	
Именительный	би	чи	эн	тер
Родительный	мини	чини	энүнэ, үнүнэ, үүнэ	терүнэ, түрүнэ, түнүнэ, түүнэ
Дательный	нанд	чамд	энүнд, үнүнд, үүнд	терүнд, түрүнд, түнүнд, түүнд
Винительный	намэг, нэмэг, намэ, нэмэ	чамэг, чэмэг, чамэ, чэмэ	энүг, үнүг, үңгиг, үңг, үүг	терүг, түрүг, түнүг, түүг, түргиг, түңгиг, түңг
Орудный	нанар	чамар	энүгэр, үнүгэр, үнгэр, үүгэр	терүгэр, тенүгэр, түрүгэр, түнүгэр, түңгэр, түүгэр
Направительный	нанур	чамур	энүнүр, үнүнүр, үүнүр, үңгүр, энүгүр	терүнүр, тенүгүр, түрүнүр, түүнүр, түңгүр
Соединительный	нанлэ (наллээ)	чамлэ	энүнлэ, үнүнлэ, үнүлэ, үүнлэ	терүнлэ, түрүнлэ, тенүнлэ, түүнлэ
Совместный	нантэ	чамтэ	энүнтэ, үнүнтэ, үүнтэ, үүтэ	терүтэ, тенүнтэ, түнүнтэ, түүнтэ, түүтэ
Исходный	нанас	чамаас	энүнэс, үнүнэс, үңгэс, үүнэс	терүнээс, тенүнээс, түүнэс, түүгэс, түңгэс

Данные таблицы показывают, что при склонении личных местоимений появляется несколько супплетивных основ: *би, мин-, нан-* для 1-го лица единственного числа; *чи-, чин-, чам-* для 2-го лица единственного числа.

У личного местоимения 1-го лица единственного числа в винительном падеже сохраняется основа *нам-*, где вследствие регрессивной ассимиляции гласный *а* корня переходит в *э*. [Там же, 46]. А. Ш. Кичиков по поводу основы *нан-* отмечает, что она сохраняется в самостоятельном

употреблении в сочетании с послелогоми: *нан деер* «на мне», *нан тал* «ко мне». [Там же]. В дербетском говоре калмыцкого языка насчитывается около шести и более форм местоимения третьего лица единственного числа, которые параллельно может использовать в своей речи одно лицо. По модели «местоимение + аффикс» в дательном-местном падеже вместо *энунд*, *тенунд* должна была быть форма *энд*, *тенд* (*эн* + *д*, *тен* + *д*). Ожидавшиеся формы перешли в наречия места и тем самым выпали из парадигмы склонения.

А. Ш. Кичиков считает, что основа *үүн* образовалась так: *үүн* < *үнүн* < *энүн* – в результате регрессивной ассимиляции корневого *э* под влиянием *ү* второго слога и стяжения или гаплогии одного из двух одинаковых слогов. Аналогична ситуация с основой *туун* (< *терүн*).

Ученым высказана мысль о том, что элемент *үүн* в дербетском говоре выступает как некий архаичный аффикс родительного падежа (например, *өр* «утро» – *өрүн* «утра»): в местоимениях *эн*, *тер* элемент *үн* появляется, начиная с родительного падежа.

В склонении личных местоимений множественного числа тоже есть свои особенности. Основной особенностью языка дербетов от литературного калмыцкого языка является сохранение основы *бүдн*- в склонении первого лица множественного числа, данная особенность отражена у А.Ш. Кичикова. [Там же, 49].

Множественное число						
Падеж	1-е лицо			2-е лицо	3-е лицо	
	Включи-тель-ная	Исклю-чи-тель-ная	Общая			
Именительный	бүдн	мадн	-	тадн	эдн	тедн
Родительный	бүднэ	маднэ	манэ	таднэ	эднэ	теднэ
Дательный	бүднэ	маднд	манд	таднд	эднд	теднд
Винительный	бүдниг бүдн'ииг	мадниг мадн'ииг	маниг ман'ииг	тадниг тадн'ииг	эдниг	тедниг
Орудный	бүднэр	маднар	манар	таднар	эднэр	теднэр
Направительн-ый	бүднүр	маднур	манур	таднур	эднүр	теднүр
Соединительн-ый	бүднлэ	маднлэ	манлэ	таднлэ	эднлэ	теднлэ
Совместный	бүднтэ	маднтэ	мантэ	таднта	эднтэ	теднтэ
Исходный	бүднэс	маднас	манас	таднас	эднэс	теднэс

Как видно, первое лицо множественного числа имеет три формы с основами *бү-*, *ма-*, *ман-*. В первых двух формах показатель *-днь* выступает как аффикс множественного числа.

А. Ш. Кичиков замечает, что для исключительной формы употребительны основы *ма-* и *ман-*: *ма һурвн* «мы втроем», *ман тал* «к нам». [Там же, 51].

Ученый также отмечает, что все три формы первого лица множественного числа *бүдн*, *мадн*, *ма* употребляются без различия. [Там же].

В «Грамматике калмыцкого языка» **указательные местоимения** по своим семантико-грамматическим особенностям разделены на следующие разряды: предметно-указательные (*эн* «этот», *тер* «тот»), качественно-указательные (*иим* «этаким», *тиим* «такой»), количественно-указательные (*эду* «вот столько, столько», *теду* «вон столько, столько»), пространственно-указательные (*энд* «здесь», *тенд* «там», *эдукнд* «недалеко», *тедукнд* «поодаль»), глагольно-указательные (*ингх* «делать эдак», *тингх* «делать вон так, как тот; таким образом»). [Грамматика калмыцкого языка ... 1983, 163]. Данные местоимения образуют соотносительные пары *эн* – *тер*, *иим* – *тиим*, *эдуу* – *тедуу* со значением «далекое – близкое» и противопоставлены друг другу. В синтаксическом отношении они несут определительную функцию, например: *эн мөрн* «этот конь», *тер күн* «тот человек».

Практически все указательные местоимения имеют свойство при наращении аффиксов множественного числа субстантивироваться: *эднь* «они – эти», *теднь* «они – те», *иимснь* «они – этакие», *тиимснь* «они – такие». Исключение составляют местоимения *эдуу*, *тедуу*.

Собственно **возвратным местоимением** в дербетском говоре калмыцкого языка является местоимение *эврэн* «сам», имеющий варианты *эврэн* (метатеза) и *эврэ* «свой».

В качестве возвратного местоимения употребляется также местоимение – *бий* «сам». Оно приобретает частицы притяжания: *бийм* «я сам», *бийчн* «ты сам», *бийэн* «он сам», *бийтн* «они сами».

Данное местоимение склоняется по типу именного склонения: *бийим* «самого», *бийдм* «себе», *биййурм* «к себе» и т.д.

Оба эти местоимения часто употребляются вместе, как парное слово: *эврэ бийм* «я сам», *эврэ бийэсн* «от него самого», при этом склоняется второй элемент.

Также как и указательные местоимения, **вопросительные местоимения** по значениям можно разделить на группы: предметно-вопросительные (*кемб?* (*кем?*) «кто?», *юмб?* (*юм?*) «что?»); качественно-вопросительные (*ямаран?* «какой?», *альк?* «который?», «кой?», «который из ...?»); пространственно-вопросительные (*хама?* «где?», *альд?* «где», *хамаран?* «куда?»); вопросительно-временные? (*кезэ?* «когда?»); количественно-вопросительные (*кедү?* «сколько?», *кедүв?* (*кедү?*) «сколько?»); причинно-вопросительные (*юнгад?* «почему?», *хуучв?* «причем?»).

В языке дербетов местоимение *кедү?* «сколько?» может сочетаться с аффиксами порядкового числительного: *кедүдкч?* «который» и разделительного числительного: *кедүһэд?* «почем?», «по сколько?».

Многие из вопросительных местоимений склоняются.

Местоимение *хама?* «где?» имеет следующие надежные формы: *хамаһас?* (исх.) «откуда?», *хамаһур?* (напр.) «куда? в какую сторону?».

По поводу местоимения *хама* Н. Н. Убушаев отмечает, что оно имеет общемонгольское происхождение и восходит к стп.-монг. *qamiga*. В калмыцком языке стало особенностью дербетского говора. [Убушаев 2006, 165]

Местоимение *альк?*, условно переводимое как «который из...?», обозначает выделение какого-либо предмета из его среды не по порядку счета, а по внешнему признаку. Точный перевод *альк?* должен звучать как «какой из них? какой из этой среды?»

Местоимение *али?*, традиционно переводимое как «где?», обозначает вопрос в связи с отсутствием того, о чем идет речь, и переводится как «где же в конце концов?». *Кезэнэ ирх саната куукн али?* «Где же в конце концов девушка, которая давно собиралась придти?»

К **определительным** относятся **местоимения**. *цуг* «весь», *ху* «все», *цуһар* «все», *зэрм* «некоторый», *альк нег* «всякий», *аль вис* «всевожможный», *хамг* «весь, все». От местоимения *цуг* «все» производными являются *цугтан* «они все» (форма дательного падежа с возвратной частицей -*ан*), *цугтнь* «их всех» (форма винительного падежа), *цугтэһинь* «их всех» (// *цугтнь*), *цугтэднь* «им всем», *цугтэһэснь* «от них всех». Они образованы путем присоединения аффикса дательного падежа -*т*- с присоединением к последнему частиц личного и безличного притяжания: *цуг-т-нь*, *цуг-т-ан*.

В местоимении *цугтэднь*, кроме того, имеется аффикс собирательности *лэ* - (ср. *хорвлэднь* «троим»).

Местоимение *цуһар* имеют следующие падежные варианты: *цуһараднь* «всем» (дат. пад.), *цуһараһаснь* «ото всех них», *цуһараһинь* «всех их» (вин. пад.), *цуһаралэнь* «с ними со всеми». Впрочем, возможно присоединение и частиц личного притяжания, например: *цуһарадмднь* «всем нам», *цуһараһитн* «вас всех» (вин. пад.) и т.д.

По этой же аналогии изменяется местоимение *ху*: *хугтан*, *хуһар*, *хуһараднь* и т.д., причем все образования от *цуг*, *ху* и *цуһар* взаимозаменяемы, употребляясь в одних и тех же значениях, т.е. говорящий не видит никакой разницы.

Зэрм обозначает часть целого или множества. По мнению А.Ш. Кичикова, данное слово имеет тюркское происхождение (ср. узб. *йарим* «половина», каз. *жэрим* «половина»).

Зэрм, как и другие местоимения, бывает как определением, так и определяемым словом. В функции определяемого слова подвергается изменению по всем падежам.

В форме дательного падежа безлично-притяжательные склонения (*зэрмдэн*) превратилось в наречие времени в значении «иногда, кое-когда».

Для обозначения множества *зэрм* может приобрести соответствующий аффикс (-*с*) *зэрмснь* «некоторые из них».

Сложные определительные местоимения *альк нег*, *аль вис* имеют первый компонент, корень которого обозначает «кой, который». Компоненты *нег* (< *негн* «один») и *вис* (< *биш* «не тот, иной») вносят оттенок некоторой обобщенной неопределенности.

Местоимение *хамг* в родительном падеже в сочетании с прилагательным обозначает высшую степень качества, например: *хамгин сэн* «самый лучший», *хамгин бичкн* «самый маленький». Эта форма может употребляться также с наречиями и обстоятельственными словами: *хамгин түрүнд* «в самом начале», *хамгин захд* «в самом конце».

Как отмечает А. Ш. Кичиков, **отрицательных местоимений** как таковых в калмыцком языке нет. В значении отрицательных местоимений в языке дербетов выступают аналитические конст-

рукции *виш* (< *кен чигн биш*) «никто», *юнч виш* (*биш*) «ничто», где *виш* (< *биш*) значит «не тот, не, иной», *чигн* — усилительная частица [Кичиков 1963, 55].

Неопределенные местоимения также возникли путем аналитического построения из различных частей речи, прежде всего из других разрядов местоимений: *нег кун* «некий человек, некто», *нег юмн* «некая вещь, нечто», *нег цөөкн* «несколько», *юу кун* «кое-что», *юу вис* (< *юу бис*) «что-нибудь, кое-что».

В функции неопределенных местоимений выступают также и местоимения *кенчн* (*кен чигн*), *юнчн* (*юн чигн*) в значениях «любой, всякий, каждый».

К так называемым **глагольным и наречным местоимениям** в дербетском говоре относятся слова: *иик* «сделать таким образом, подобно этому», *тиик* «сделать таким образом, подобно тому», которые имеют образования: *иигж*, *иигэд*, *иигн*, *иигсн*, *тиигж*, *тиигэд*, *тиигн*, *тиигсн* (формы соед., разд., слитн. деепричастий и причастия прошедшего времени); *яах?* «как быть? что делать?» с причастно-деепричастными формами (*яаһж?* *яаһад?* *яахсн?* *яаһн?* *яахлэнь?* *яахсар?* и т.д.). Наречные местоимения в дербетском говоре представлены следующими двумя словами: *иигэн* (*иглэн*) «сюда, в эту сторону», *тиигэн* (*тииглэн*) «туда, в ту сторону», обозначающими направление движения.

Исследователи отмечают, что за последние годы наречные местоимения стали звучать иначе, как *иигэлэн*, *тиигэлэн*. Это можно объяснить тенденцией слияния двух диалектных форм местоимения: дерб. *иигэн*, *тиигэн* (*иглэн*, *тиглэн*) и торг. *игэрэн*, *тигэрэн*.

Дальнейшее изучение местоимения в калмыцком языке (и его говорах) в сравнении с местоимениями в других монгольских языках позволит выявить и определить его противоречивую природу.

СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ:

дерб. — дербетский говор калмыцкого языка
каз. — казахский язык
стп.-монг. — старописьменный монгольский язык
торг. — торгутский говор калмыцкого языка
узб. — узбекский язык

ЛИТЕРАТУРА:

- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
Кичиков А.Н. Об оренбургском говоре калмыцкого языка // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962.
Кичиков А.Ш. Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). — Элиста, 1963.
Кичиков А.Ш. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка // Ученые записки НИИЯЛИ КАСССР. №5. Сер. Филология. Элиста, 1967.
Очиров Н. Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. №10., СПб., 1910.
Очиров Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков // Отчет Известий русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. 11. №2. СПб., 1913.
Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. — Элиста, АОр НПП «Джангар», 2006.
Убушаев Н.Н. Некоторые особенности цаатанского говора // 20 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970.
Убушаев Н.Н. О некоторых особенностях торгутского диалекта по материалам экспедиции в Юстинский район // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 7. Сер. Филология. Элиста, 1969.
Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста, 1979.

З. Ф. Шайхисламова, г. Уфа

ЭМОТИВНЫЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ БАШКИРСКИХ ГОВОРОВ, Т. 3, ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ)

В силу разного рода внешних и внутренних причин лексический состав системы говоров башкирского языка представлен нетождественными семантическими единицами. Однако, предпринимая попытку описания эмотивных диалектизмов западного диалекта башкирского

языка, мы учитываем прежде всего общность их развития, а также историческое единство всех говоров башкирского языка в их основе и соотношение со всем языком в целом, включая его литературную форму.

Эмотивные диалектизмы – слова ограниченного употребления, тесно связаны и с просторечиями, выступают в номинативной функции, называют предметы, явления, состояние души и т. д. Эта лексика не относится к стилистическому пласту, но может использоваться в стилистических целях, особенно в художественной литературе как средство создания местного колорита и речевой характеристики персонажей. Поэтому в силу их функционирования эмотивные диалектизмы обладают стилистическим потенциалом и могут считаться стилистическим резервом словаря.

Задача настоящей статьи – анализ эмотивных диалектизмов западного диалекта башкирского языка на материале словаря башкирских говоров, т. 3.

«Словарь содержит лексическое богатство языка северо-западных районов Башкирии и башкирского населения Куйбышевской, Оренбургской, Пермской, Саратовской и Свердловской областей. Обобщение лексического своеобразия лингвистических регионов башкир в «Словаре башкирских говоров» дается в связи с историей развития звукового, грамматического строя башкирского языка»[Bhh, 1987].

Выбранная нами тема актуальна и в плане того, что изучение народных говоров имеет не только научное, но и большое историко-культурное значение. Следовательно, изучение диалектов, говоров в лингвокультурологическом аспекте представляется сегодня наиболее злободневным. В свете важности, а также понятной срочности фиксации, изучения и описания народных говоров, означенная тема предполагает сбор материала для лингвокультурных, социолингвистических и этнолингвистических изысканий. Например, изучение особенностей народного речевого этикета: формулы благодарности, обращения; изучение речевых жанров с перспективой составления их энциклопедии, как способа моделирования социокультурных процессов региона и т. д.

Особое значение составляют словари говоров башкирского языка и в отношении того, если сказать словами В. Гумбольдта, что нельзя изучать язык без человека и изучать человека без языка, с одной стороны, а с другой стороны, язык как дух народа так тесно переплетается с особенностями времени и говорящего на нем народа, что поневоле и естественно сохраняет и осуществляет межпоколенную трансляцию национально-специфических культурных таксонов. В этом отношении, несомненно важное место занимает «Башкорт һөйләштәренә һүзлегә» 3 том (Көнбайыш диалект). Даже только за то, что когда язык называет какие-либо понятия, он их опредмечивает. В свою очередь, форма значима, каждая из них включена в семантические и ассоциативные ряды, коррелирующие с национально-культурным духом языка.

Языковая реализация эмоционального понимания и понимания эмоционального тесно связаны между собой. Данный факт В. И. Шаховский объясняет следующим образом: «в мире имеется мыслительный конструкт-понятие о нем, имеется его концепт в виде существующих в сознании о предмете и понятии о нем мельчайших конституентов его идеальной сущности (семантики). Все это знание о предмете-понятийное и концептуальное-проектируется на смысловое содержание их вербального коррелята (и понятие, и концепт – авербальны) в виде лексико-семантических вариантов и их семных наборов, которые, в свою очередь, состоят из признаков и конкретизаторов» [Шаховский 2008, 322]. В этом отношении, как культурный памятник целой эпохи, словарь башкирских говоров (том 3, западный диалект), вобравший в себя огромное лексическое богатство башкирского языка и стоящее за ним богатство культуры, в полном смысле отвечает данному предназначению. Нужно особо отметить, что словари говоров в целом содержат в себе большой потенциал для ее лингвокультурологического описания. В перспективе на основе таких описаний в толковом словаре, наряду с лексикой основного словарного фонда представится возможность сопровождать пометами лексику разных стилей. Следовательно, большой интерес представляют эмотивные диалектизмы, включающие в состав: шутливые, презрительные, пренебрежительные, неодобрительные, иронические, бранные и т. д. В силу их функционирования эмотивные диалектизмы обладают стилистическим потенциалом и могут считаться стилистическим резервом толкового словаря башкирского языка.

Языковая фиксация физических состояний, устойчиво ассоциируемых с той или иной эмоцией, является основой, на которой формируются представления о сущностных характеристиках эмоций. Языковые единицы человек, как справедливо отметил В. Шаховский [Шаховский 1987, 7;104], употребляет не только для утверждений, фиксации и организации мыслей, но и для выражения, возбуждения, вызывания эмоций.

В свою очередь, эмотивность является важнейшим компонентом прагматики языка, так как эмоции, являясь частью самой объективной действительности, участвуют в формировании языковой картины мира. Психологи насчитывают более 500 различных эмоций человека. По их мнению, в человеке все движимо эмоциями, которые составляют мотивационную основу его деятельности [Изард 2000, 208] и, следовательно, не могут не отражаться в его языке.

Эмоциональное отношение всегда неразрывно связано с оценкой, характером понимания реальной действительности и является важной составной частью языковой модальности. Тесная связь эмотивности и оценочности в слове идет от того, что эмоция и оценка участвуют синхронно в актах отражения и познания, представляя в них выражение субъективной стороны результатов, т. е. отношения отражающего субъекта к отражаемым объектам и их свойствам. Эмотивность как семантическую способность слова выражать эмоции нельзя искусственно в одночасье и навсегда привить какому-либо слову, нельзя ввести ее в язык, как вводятся например, термины.

Учитывая все эти факторы, в данной статье мы ставим задачу по возможности охарактеризовать, описать на материале «Словаря башкирских говоров», т. 3 (западный диалект) эмотивные диалектизмы.

Эмоции существуют там, где имеется интерес, пристрастие субъекта к объекту и их взаимодействие. В этом плане эмоция является ответной реакцией субъекта на объект, которая заставляет его по-иному группировать объекты мира и их свойства. Первую условную группу эмотивных диалектизмов составляют положительные эмотивы, характеризующие различные качества человека.

1. Арзаклы (ғәйнә, һакмар) с. Кәзерле, һөйөклә - любимый. Аныһы арзаклы улы. 2. Алһаман (төньяк-көнбайыш) и. күкрәкле, зур күкрәкле - здоровяк. 3. Айаз (төньяк-көнбайыш, урта урал) с. асык – приветливый, с открытым лицом. Бик айаз кеше. 4. Айы (ғәйнә) ы. Ғәжәпләнеү һүзе – слово удивления. Айы, ни былшаң? 5. Ай-хай (каризел) ы. ғәжәпләнеү һүзе – слово, выражающее удивление. 6. Арамдаһыз (һакмар) с. хәйләһез – бесхитростный. Арамдаһыз кеше шулай була инде. 7. Алғыш (урта урал) и. ризалык, бөтә йөрәктән әйтелгән рәхмәт – благодарность. Ғүмеренә алғыш алмай, карғыш ала. 8. Алғыштаныу (урта урал) к. 1. Шатланыу, шатланып рәхмәт белдереү – быть благодарным. Балам шу тикле алғыштанды. 2. (ыргыз) Ымһындырыу, ышандырыу – обнадеживать. Алғыштандырзы ла алып барманы. 9. Акбәйел (һакмар) и. якшы күңелле, изгелекле - благодущный, мягкий. Әхмәт хас акбәйел ине, үлдә кий былтырын. Акмәйел (урта урал). 10. Айнанып китеү (һакмар) к. кәнәғәт булыу – быть удовлетворенным. Кустым кайткан бит, айнанып китәйем! и т. д.

Вторую группу составляют диалектизмы, характеризующие негативные качества человека.

1. Аңшырык (каризел) с. аңра – несообразительный. 2. Атакый (төньяк-көнбайыш) и. уйнашсы – развратник. 3. Аташ (һакмар) и. тартына белмәгән кеше – беспардонный. 4. Бүтек (төньяк – көнбайыш) и. 1. Өндәшмәс – молчун. 2. (урта урал) с. кыйырытылған – обиженный. 5. Быхыу (ыргыз) с. тыңкыш – гнусовый. Мыхый(урта урал). 6. Кибер (төньяк – көнбайыш) с. 1. Изгелекһез – неблагоприятный. 2. (урта урал) тиҫкәре – упрямый. 7. Абағай (ғәйнә, һакмар) и. яндырай – вспыльчивый. 8. Кинә (төньяк – көнбайыш) и. кенә — затаенная злоба. 9. Аркыры (ғәйнә, урта урал) с. тиҫкәре – упрямый. Аркыры менән һөйләшеп буламы. 10. Алпанша (төньяк-көнбайыш) и. әрпәтһез - неаккуратный. 11. Киезғолак (төньяк – көнбайыш) с. тыңлауһыз непослушный. 12. Былағайланыу (төньяк – көнбайыш) к. шаярыу - дурачиться. и т. д.

Третью группу составляют эмотивные диалектизмы, входящие и в первую и во вторую в зависимости от говора.

1. Атахатын (төньяк-көнбайыш) и. 1. Кыланышы менән ир кешегә окшаған катын – мужеподобная женщина. 2. Кыйыу катын – мужественная женщина. 2. Ауан (урта урал, һакмар) с. 1. Тома – темный. Кызыргарт ауан була, күп хәлдә аңламай. 2. (урта урал) итәгәтле, тыңлаулы – услужливый. Бигерәк ауан бала, йомош-йулға дан. 3. Тыңлауһыз, ялкау – непослушный (о лошади). Ауан атка утырма и т. д.

По материалам видно, что языковые единицы человек употребляет не только для утверждений, фиксаций и организации мыслей, но и для выражения, возбуждения, вызывания эмоций. Эмотивных диалектизмов, характеризующих негативные качества человека, значительно больше, чем характеризующих положительные и нейтральные качества. Объясняется это тем, что отрицательные эмоциональные состояния, будучи отклонением от обычного состояния, требуют определенных усилий для сопротивления им. Поэтому актуализируя и вербализируя переживаемые негативные состояния, говорящему проще в них разобраться и выработать стратегии, нацеленные на избавление от чувств, не являющихся нормой для человека. Положительные эмоции являются нормой для человека, чем обуславливается их меньшее количество.

В эмотивах превалирует эмоционально-оценочная установка, при эмотивной номинации одновременно с наименованием объекта речи выражается психическое состояние автора речи, его отношение к адресату речи.

Таким образом, диалектизмы, характеризующие человеческие качества и составляющие эмотивный фонд башкирского языка, в рамках классификационного поведения могут быть расчленены на различные группы по множеству признаков.

ЛИТЕРАТУРА:

Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә (өс томда), 3 том (көнбайыш диалект). Редакторы: филол. фәндәре докторы Н. Х. Мәксүтова. 1-се басма. Өфө, 1987. 232 б.

Изард К. Э. Психология эмоций / Пер. с англ. СПб., 2000. 464 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М., 2008. 416 с.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 192 с.

А. Г. Шайхулов, г. Уфа

КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМАТИКА ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-14-02010 а/У

При классификации типов идеографических словарей тюркских языков исследуемого региона, опираясь на результаты некоторых исследователи [1 : 14-16] в зависимости от исходной базы, выделяем такие их разновидности как **1) дифференциальный** (т.е. включающий только диалектную лексику) — **недифференциальный** (включающий также общетюркскую лексику); **2) односистемный** (по лексической системе одного говора или диалекта) — **региональный** (по лексической системе говоров одного региона) — сводный по всем тюркским говорам или диалектам); **3) синхронический** (отражающий лексику одного современного синхронного среза) — **диахронический** (отражающий лексику в диахронии); **4) полный** (включающий всю лексику) — **неполный** (включающий какой-либо определенный разряд лексики, например, какую-либо часть речи). К сожалению, это отмечают и другие авторы, ни один вышеописанных типов (разновидностей) диалектных идеографических словарей на материале тюркских языков пока не реализован.

В качестве классификационного подхода к описанию диалектального универсума указанных языков, нами использована идея, выдвинутая в своё время немецкими учеными-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом, осмысление которой находит, на наш взгляд, всё больше и больше сторонников. Предложенную ими синоптическую схему **а) «Вселенная», б) «Человек» и в) «Вселенная и Человек»** мы изменили в определенной логической последовательности, что позволило, как нам кажется, построить достаточно универсальную и более или менее стройную систему для предварительной семантической классификации диалектальных единиц, которая может быть принята за основу характеристики их идеографической парадигматики в рамках когнитивных сфер. Предлагаемая нами схема описания диалектных лексических единиц. [I. «Познание (априори)», II. «Природа (неживая и живая)», III. «Человек (как анатомо-физиологическое существо)», IV. «Общество (человек как социальное существо)»] может помочь определить в исследуемых языках слой лексики, специфичный только для отдельного (татарского, башкирского или чувашского) языка или же для определенных групп в рамках алтайской (возможно в перспективе и урало-алтайской) семьи языков.

Поскольку главная цель идеографического словаря когнитивного типа заключается в логической классификации литературной лексики, облегчающей поиск наиболее адекватного слова по разделам, то и исследователи в области диалектной идеографии видят главной целью при составлении словаря в распределении слов по разделам, рубрикам, полям, субполям идеографической схемы. В результате такой работы, словарь получает ещё один вход, а каждое слово исходного списка наряду с номером субполя (к которому относится) индекс соответствующей ячейки исходной схемы словаря. Такое решение вопроса позволяет поставить и приблизить решение ряда научных проблем, над которыми работают лексикологи-диалектологи (место «диалектного и общетюркского слова и диалектного слова-термина в лексической системе говора в зависимости от особенностей их семантики, парадигматических и синтагматических связей; особенности диалектной синонимии и антонимии, полисемия слов в говоре и т.д. [4: с.147-152].

Одним из таких вариантов является, на наш взгляд, удачное обобщение системы Халлига-Вартбурга, сделанное исследователями [2: с.34-57].

Составленный нами универсалий для лексико-семантической (идеографической) классификации, который очевидно, может послужить для ономазиологических и когнитологических исследований на последующих этапах. Наша классификация состоит из четырех основных когнитивных

групп, которые располагаются в предлагаемом синопсисе в следующей логической последовательности: **I. Природа. II. Человек. III. Общество. IV. Познание (априори)**. Ввиду ограничения объема работы ниже приводится только идеографический синопсис для системного исследования лексического универсума диалектной лексики тюркских языков Урало-Поволжья и их диаспоры в рамках указанных лексико-тематических групп.

При этом отметим, что предложенная нами строгая логическая последовательность расположения четырех когнитивных сфер (**I. Природа (неживая и живая). II. Человек (как живое физико-биологическое существо). III. Общество (человек как общественное существо). IV. Познание (априори)**) объясняется с одной стороны – обоснованной выше необходимой целенаправленностью в лексикологических исследованиях в области тюркских диалектов, с другой – характером самого системного подхода к изучению как лексического строя того или иного языка, так и системным характером самой реконструкции общего словарного фонда и идеографической характеристики диалектной лексики отдельно взятого (в данном случае – татарского) языка.

В проекте план-проспекта многотомного коллективного труда «Татарская лексикология» в томе, посвященном тематической структуре татарской лексики в свете ее происхождения, академик М. Закиев выделял следующие тематические группы: I. Татарская, башкирская и чувашская лексика, относящаяся к когнитивной сфере «**Природа**». II. Татарская, башкирская и чувашская лексика, относящаяся к когнитивной сфере «**Человек**». III. Татарская, башкирская и чувашская лексика, относящаяся к когнитивной сфере «**Общество**». IV. Татарская лексика, относящаяся к когнитивной сфере «**Человек и вселенная**».

Вполне понятно, что все это вместе взятое очень тесно связано с попыткой, хотя она и носит предварительный характер, проникнуть через исследование диалектной системы (чтобы выяснить, какие же стороны объективной языковой картины мира отражены собственной их лексикой) в онтологические аспекты познавательной деятельности тюркского (всп. алтайского) мирозерцания и мировоззрения, суть которых может быть, в известной мере, осмыслена в рамках предлагаемой первоначальной лексико-тематической группировки и классификации (это – одно из центральных, основных условий, при несоблюдении которого рассчитывать на достоверность анализируемого материала и тем более выводов типологического порядка не приходится), а только затем, на последующем этапе (уже на основе полученных и упорядоченных данных) в рамках лексико-семантической классификации лексической; ономастической и идеографической структур сравниваемых диалектных единиц исследуемого региона. Предлагаемая нами схема (синопсис) системы лексико-тематической классификации когнитивных сфер, а также высказанные здесь соображения о методологических аспектах системного подхода в реконструкции диалектного фонда татарского языка носят предварительный характер и не претендуют на полноту и окончательность. Только дальнейшие исследования и время могут наполнить эти пока умозрительные схемы более или менее достоверным содержанием.

I. Человек (как живое физиологическое разумное существо)

A. Человек как живое физико-биологическое существо

I. Фазы (периоды) человеческой жизни: I) Рождение, рост и развитие человека: рождение, жизнь, смерть. II) Периоды развития (возраст): младенческий, детский, юношеский, зрелый, пожилой и старческий.

II. Организм (внешнее и внутреннее строение; органы) человека: 1. Внешнее строение (см. «Внешний вид, наружность»). 2. Внутреннее строение: скелет, кости; мышцы (мускулы, сухожилия), ткань (кожа). 3. Внутренние органы и их функционирование: головной мозг, нервная система, органы дыхания, органы зрения, органы кровообращения, органы пищеварения.

III. Внешний вид (наружность, облик) человека: I. Возраст («Рождение, рост и развитие человека»). II. Внешний вид (наружность). III. Фигура (телосложение, осанка). IV. Рост. V. Лицо (черты лица). VI. Походка и ее особенности.

IV. Физическое состояние и возможности человека: 1. Здоровое состояние (нормальная деятельность, организм человека). 2. Здоровый (физически сильный, крепкий). 3. Слабый (физически немощный). 4. Болезнь, заболевание (расстройство здоровья): 1) Причины болезней. 2) Признаки, течение болезней. 3) Виды болезней: 1) заболевание полости рта, десен, зубов; 2) заболевание органов движения; 3) болезни внутренних органов (внутренние болезни): болезни крови и кровеносных сосудов; болезни органов дыхания; болезни сердечно-сосудистой системы (ишемическая болезнь); болезни органов пищеварения (желудочные, кишечные болезни): болезни печени, почек, желчных путей; простаты и др.; 4) болезни обмена веществ; 5) болезни нервной системы, нервные болезни и болезни, связанные с расстройством психики; 6) болезни органов чувств; 7) заболевания уха, горла, носа; 8) заболевание соединительных тканей; 9) вирусные (инфекционные) заболевания; 10) повреждения в тканях тела от внешнего воздействия (виды повреждений и следы от повреждений). 4. Лечение и его виды («Общество», «Учреждения» – «Лечебные учреждения»). 5. Исход болезней: выздоровление, инвалидность (калека), смерть (гибель).

V. Физиологические потребности человека как живого существа: 1. Сон. 2. Питание (прием пищи). 3. Личная гигиена и др.

VI. Жизненно-необходимые потребности человека: 1. Одежда. 2. Обувь. 3. Жилье.

Б. Человек как разумное существо.

1. Ощущения и виды восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание). 2. Восприятие и его виды. 3. Эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния: 1. Эмоциональные свойства: эмоциональное состояние; чувства, проявляемые к другим; эстетические чувства; религиозные чувства; проявление чувств. каузация чувств.

Воля и виды ее проявления: проявление воли; предпосылки волевого акта; мотив волевого акта; формирование волевого акта.

Интеллектуальные действия и состояния: 1. Ум, сознание:

1) способности, склонности: имеющий или не имеющий способности. 2) интеллектуальные чувства и состояния: внимание, память, воображение.

4. **Душевный склад (темперамент, характер, психика) человека:** 1) Темперамент человека: 1. Определенный темперамент: подвижный или инертный тип, ровный тип; 2. Проявление темперамента: 3) Характер человека: черты характера, отражающие отношение к другим людям, человека к себе, к труду (делу), к вещам; 3) Психические качества человека: 1) уравновешенный (спокойный); 3) медлительный (замедленный); 3) вспыльчивый.

5. **Деятельность (действие, дело) человека:** 1) действие, деятельность (дело): 2) структура деятельности: 3) факторы, определяющие деятельность; 4) деловые и профессиональные качества; 5) характеристика деятельности: 6) использование чего-либо; 7) средства осуществления деятельности; 8) конкретная деятельность.

Следует также отметить, что у исследователей, к сожалению, до сих пор не было единой точки зрения, касающейся целенаправленных методов изучения исторической лексики тюркских языков в ареальном аспекте. Существующие же точки зрения различны. В основном диалектологи придерживаются мнения, что история языка, в том числе и история лексики, должна изучаться путем теснейшей увязки явлений языка с историей народа, т.е. каждое явление языка должно быть соотнесено с последовательными сменами различных формаций (роды, племена, племенные союзы и т.д.) и которые входил на протяжении своей истории тот или иной народ тюркской семьи. Это, как известно, общепринятая методологическая установка.

Таким образом, конечная цель сравнительного исследования диалектных единиц – выявление их особенностей в плане идеографической парадигматики в общем словарном фонде того или иного тюркского (resp. алтайского) языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Востриков О.В. Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала // Уральский лексикографический сборник. Свердловск, 1989. С. 4-16.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 34-57.
3. Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1976. С.26-28.
4. Раков Г.А. О диалектном идеографическом словаре // Сибирские русские говоры. Томск., 1984. С.147-152.
5. Шайхулов А.Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне). Уфа, 1999. С. 63-73.
6. Шайхулов А. Г., Бикмаева Л. У., Садыкова З. Р. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка Том 1, ч. 1, Уфа, 2005. С.510; ч.2. 2005. С.506.

Р. А. Шаяхметов, Уфа

СРНГ КАК ИСТОЧНИК НАРОДНЫХ ТЕРМИНОВ ШАШЕЧНОЙ ИГРЫ

Неоценимую помощь исследователю оказывает коллективный труд – СРНГ, Словарь русских народных говоров, – квинтэссенция русской диалектной лексикографии. Издающийся с 1965 года *Словарь...* впитал в себя, по возможности, почти все известные источники *живаго Великорусского языка*.

Словарь, будучи корпусом текстов (в виде списка литературы, иллюстративного материала и ряд др.), способен дать системное описание выделенной части языковой картины мира, в том числе по 'Игре' (см. подобный подход в [Хроленко 1995]).

Диалектам присуще свойство единства противоположностей: сохранения утраченного и непрекращающегося потока нововведений.

Следовательно, диалекты способны стать источником по истории игр, в том числе шашечного типа.

Так, распространенная на Юге России лексема *майдан* вбирает и игровые термины: '1. (дон., 1858) игра в шашки; 2. (дон., 1858) шашечная доска. *Поставить шашки на майдане*; 3. (мурман., 1970) группа людей, играющих в карты' [СРНГ 17, 303]; 1 и 2 семы также [Миртов 1929], с указанием ареала. Многозначность, видимо, развилась из исходного значения 'игорный стол', вторичные – по смежности. «[Про] князя Репнина», строки 15-18: *Расставили майданы терския и раздер-*

нули ковры сорочинския; а играли казаки золотыми оне тавлеями, кто-де костью, кто-де картами. См. замечание у Владимира Броневского: «на майдане^(а) старики играли в шашки или зернь; молодые же на площади в кости и бабки. [Прим.] ^(а) Майдан по Турецки значит площадь: Казаки усвоили это имя станичным или станowym избам» [Броневский 1834, 128]. Известно упоминание *майдана* в 1642 г.: «Гаврило Сурнин ходил по зимовьям а носил с собой карты и кости и свечи салние и майдан розставлял и кости выпускает и зернь составляет» [СРЯ 9, 9].

СРНГ неоценим для построения словообразовательных гнезд, деривационных моделей и др. системно-структурных образований. Полученные результаты могут применяться в диалектологии, скажем, в анализе корпуса фольклорных текстов.

Один пример. В былинах Русского Севера встречаются лексемы, которые определены по контексту: *ступать* ‘(печор., Ончуков) делать ходы при игре в шашки, шахматы’ [СРНГ 42, 96] и *заступь, заступовать* ‘начать игру, сделать ход (в шахматах, шашках и т. п.)’ [Евгеньева, 1977, 474] (такого значения нет в СРНГ). Первый глагол (I) – частотный, второй (II) известен лишь в одном тексте. I. «Добрыня Никитич и Василий Казимирович», 140-141: *Кабы раз Васька ступил, да другой ступил, / Как третьей ступил – ей больше некуда*; «Василий Касимирович», 187-191: ... *Давай теперь играть со мной: | Мы играть станем нын во шахматы».* | *Да во первый раз Василий ступил, | 190 Во второй раз Батуй-от сходил, | А во третий раз ступить не мог.* II. «Ставр Годинович»: 244 *Как ступили они во пешецьки, во шахматы, | 245 Как ступил ноньце Василей сын Ивановичь, | А другой-де раз ступил, да им ходу не дал, | А во третей раз ступил, дак их с доски сгонил.* «[Про] Ставра-боярина»: 192 *Стал с ним в шахматы играть / Золотыми тавлеями: / Первую заступь заступовали, | 195 И ту посол поиграл; / Другую заступь заступовали, / И другую заступь посол же поиграл; / Третью заступь заступовали, / Шах да и мат да и под доску.* Существительные связаны с первым тематическим глаголом: *ступень* ‘(петрозав., олон.) ход в шашечной игре’ [СРНГ 42, 96], с примерами и ссылкой на Рыбникова; *ступь* ‘(беломор.) при игре в шахматы – ход’¹ [СРНГ 42, 106], с примерами и ссылкой на Маркова. Отрицательный поиск по СРНГ потенциальных дериватов от *ступить* с игровой семантикой показывает идиолектность лексемы *заступовать* ‘начать игру, сделать ход (в шахматах, шашках и т. п.)’. Полученный результат прекрасно сочетается с доктриной фольклорной диалектологии².

Выводы. СРНГ, как «словарь словарей», способен выполнять роль корпуса диалектных текстов, приводя максимально возможное употребление народных терминов, в том числе лексики, используемой в шашечных играх.

ЛИТЕРАТУРА:

Броневский В.Б. Описание Донской земли / I. Статистика. (в 4 частях). СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834.

Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских говоров. Ростов-на-Дону, 1929.

Словарь русского языка XI–XVII вв. т.т. 1-28... М., 1975.

Словарь русских народных говоров. т.т. 1-43... Л., М., 1965 Электронный ресурс [iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html]

Хроленко А. Т. Игра в эпической картине мира: сквозь призму словаря русского фольклора // Живая старина. М., 1995. № 2. С. 27-28.

Р. З. Шәкүров, Өфө к.

БАШКОРТ ТЕЛЕНЕҢ ЕГӘН ҺӨЙЛӘШЕ*

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект «Диалектная система современного башкирского языка», N 11 06 97020

Егән һөйләше Ғәфүри һәм Ишембай райондарында урынлашкан типтәр-башкорт һәм бер төркөм катнаш татар-башкорт ауылдарының йәнле һөйләү телен үз эсенә ала. Һөйләш таралған ареалдың төп өлөшө Ағизелден һул кушылдығы – Егән йылғаһы бассейнына тура килә. Шуға күрә без уны егән һөйләше тип атарға булдык. Ғәфүри районында был һөйләшкә караған ауылдар: Игенйылға, Котлоғужа, Бурлы, Байәмбәт, Татар һаҫыккүле, Базык, Езем-Каран, Туғай, Үтәк, Яңғызкайын; Ишембай районында – Үрге һәм Түбәнге Әрмет, Әрмет-Рәхим, Көзән, Йәнырыс, Кыяуык. Улардың күпселеге типтәрзәр, кайһы берзәрә мишәрзәр менән асаба башкорттарзан торған катнаш ауылдар буларак формалашкан.

Егән буйы типтәр-башкорт ауылдары халкының тарихи сығыштары буйынса бер-береһенә яқын булыуы, оло юлдарзан алыстағы бер төпкөлдә, тау-урмандар араһында бер нисә быуат буйы

¹ По Линдеру-старшему ‘партия, игра’ [Линдер 1975, 136-140], что маловероятно.

² См., например, [Праведников 2011].

үз-ара аралашып, ойшооп йәшәүе, рухи-мәзәни, кәсеп-шөгөл, тормош-көнкүреш берзәмлеге бында телдең боронғолок һызаттарының күп кенә бүтән һөйләштәргә карағанда тоторуклорак һакланыуына, үзенсәлекле ерле һөйләштең формалашыуына булышлык иткән. Был һөйләш башкорт теленең диалекттар системаһында оригиналь урынды алып тора һәм артабан монографик планда, бүтән һөйләштәр һәм әзәби тел менән сағыштырып, ентәкле өйрәнәүҙе талап итә.

Һөйләштең фонетик үзенсәлектәре

Егән һөйләше тураһында иң тәүге мәғүмәттә күренекле диалектолог Т.Ғ. Байышевтың 1955 йылда Мәскәүҙә донъя күргән «Башкорт диалекттары һәм уларҙың әзәби телгә мөнәсәбәте» («Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку») тигән хезмәтендә табабыз¹. Дөрөс, был һөйләште ул безҙең хәзерге классификациялағы урта һәм каризел һөйләштәре менән бергә карай һәм уны, төп фонетик үзенсәлектән сығып, **п - т** шиүәһе (наречие) тип атай. Уның башкорт теленең диалектологик картаһында ла һөйләштең таралыу ареалы аныҡ итеп күрһәтеп бирелгән. **П - т** һөйләшен Таһир Ғәлләм улы «күп кенә үзенсәлектәре менән ғәйәт кызыклы» тип атай. Был һөйләү теле вәкилдәренең күбеһе республиканың урта өлөшөндә, Макар (хәзерге Ишембай), Ғәфүри һәм Белорет райондарында, бер азы Иглин, Нуриман, Аскын һәм Каризел райондарында йәшәй тип күрһәтә. Билдәле булыуынса, был территория безҙең хәзерге көньяҡ диалект составындағы урта һәм егән һөйләштәренә, шулай уҡ өлөшсә төньяҡ-көнбайыш диалектка караған каризел һөйләше ареалына тап килә. Т.Ғ. Байышев был өс һөйләш өсөн дә характерлы мөһим фонетик үзенсәлектәрҙе билдәләй (артабан без зә үз урынында ул күрһәткән үзенсәлектәргә тукталып үтәсәкбез, әлбиттә). Шулай уҡ ваҡытта һирәкләп с өнө лә кулланыла: *нәстә* (*әллә нәстә*), *төс*. *Койаһ пайыған сакта офокта йәшел төслө сызык күренсә, кеше бәхетле пула*.

Һөйләшкә хас төп фонетик үзенсәлек, каризел һөйләшендәге кеүек үк, *лт, мт, нт, ңт* һәм *нк, нк, ңк, ңк, мк, мк, рт* ассимилятив өн кушылмаларының кулланылыуынан тора. Мәсәлән: *түшелтерек* – әзәби телдә *түшелдерек*, *урманта* – *урманда*, *ынтыр* – *ырзын* (дим, эйек-һакмар һөйләштәрендә: *ындыр*); *Яңғызкайын* – *Йегән пуйынтағы кармыш башкортлары ауылы*; *Антамынта йөрөгәнтә төшөп калған янтауым*; *инте* – *инде* (*Ынтырза эшләнем инте*); *пәрәңке* – *бәрәңге* (картуф); *Пәрәңкенең пер пото Петровскиза пиш тәңкә*; *караңкы* – *караңғы*, *саңкы* – *саңғы*, *пирте* – *бирзе* (*Пыйыл шәжәрә пәйрәме үткәрзеләр. Пүләкләр пиртеләр – иң бәләкәй кешегә, иң оло кешегә ауылының*).

Һүз башында регуляр рәүештә тиерлек **б** өнө урынына **п** өнө кулланыла: *бесән* – һөйләштә *песән*, *бесәй* – *песәй*, *без* – *пез*, *был* – *пыл/пу*, *бер* – *пер*, *баш* – *паш*, *башак* – *пашак*, *бала* – *пала*, *балта* – *палта*, *балык* – *палык*, *беләзек* – *пеләзек*, *бәшмәк* – *пәшмәк*, *тубырсык* – *тупырсык*, *белеү* – *пелеү*, *биреү* – *пиреү*, *бешереү* – *пешереү*, *барыу* – *парыу*; *Кыслыйылға пар*, шулай уҡ *Игеныйылғага тоташа парып*. *Анта кысла күп пулған. Анта-пынта парғанга палта тоткан кулына*. Шулай уҡ ваҡытта урыс теленән үзләштерелгән һүзәрҙә **п** урынына **б** әйтелә: *паштет* – *бастит*, *пальто* – *бәлтә*, *партия* – *бартия*.

Һүз башында бүтән һөйләштәрҙә һәм әзәби телдә **т** өнө кулланылған урында **д** өнө һәм, киреһенсә, **д** урынына **т** өнө кулланыла: *тулкын* – *дулкын*, *тамға* – *дамға*, ләкин *дүрт* – *түрт*, *дарыу* – *тарыу*, *тәңгәл* – *дәңкәл*. Шулай уҡ, каризел һөйләшендәге кеүек, **с ~ т** сиратлашыуы бар: *сөскөрөү* – *төскөрөү*, *сөсө* – *төсө*.

Т. Ғ. Байышев, үзе билдәләгән **п - т** һөйләшенә хас фонетик күренеште аңлатып, түбәндәгесә фараз итә: ул йә сыуаш теленән тороп калған (сөнки күп кенә сыуаштар касандыр ислам динен кабул иткән, башкорттар менән аралашып, уларҙың бер өлөшө башкортлашкан), йә иһә был фонетик фонетик үзенсәлек тобол (төмән, бараба) татарзари теленең йөгөнтоһо булыуы ихтимал, ти ул². С. Ф. Миржанова иһә, каризел һәм урта һөйләштәрҙә һакланып калған *лт, мт, нт, ңт* һымак өн кушылмаларының генезисы «берзәм субстрат күренеш»³ тигән фекерҙә тора. Субстрат, йәғни был һөйләштәрҙең үзәндә боронғонан тороп калған күренеш булып сыға. Профессор Ж. Ғ. Кейекбаев, был формалар тарихи яктан боронғо төрки Орхон-Йәнәсәй язма комарткыларының теленә барып тоташа, тип иҫәпләгән. Профессор Р. Ғ. Кузеев, был өн кушылмалары боронғо уйғыр телендә лә булған, тип күрһәтә.

Бүтән һөйләштәрҙәге, шулай уҡ урта һөйләштәге һәм әзәби телдәге **һ, ҫ** өндәре урынында, каризел һөйләшендәге кеүек, **с** өнө килә: *һыу* – һөйләштә *сыу*, *һарык* – *сарык*, *һыйыр* – *сыйыр*, *һазлык* – *сазлык*, *кысала* – *кысла*, *ас* – *ас*, *өс* – *өс*. Ләкин *төс*, *пасма*, *әллә нәстә*, *ни нәстә*.

Һүз башында **й ~ ж** өндәренә сиратлашыуы күзәтелә: әзәби телдә: *етте* – һөйләштә *житте*, *йыйыу* – *жыйыу*, *ыйны* – *әнже*, *йәй* – *жәй*; *Жәй көнө жиләк жыйабыз*, ләкин *йәмне*, *йеңгәй/жиңгәй*, *йәннәт*, *йыл*, *йылы*, *Йегән/Жигән* (йылға исеме).

¹ Баишев Т.Ғ. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. Уфа: Гилем, 2006. 43-45-се биттәр.

² Шунда ук. 44-45-се биттәр.

³ Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Китап, 2006. 18-се бит.

Айырым осрактарза *з ~ д, б ~ м*, шулай ук *п ~ ф* сиратлашыуы бар: *бойзай – һөйләштә: бодай, зур – дур, Изрис – Идрис, Хозай – Ходай. Сыусар кошо сыу сораған – сыу пиргәнсең, Ходайым, мин сорайым – миңә дә пир бәхет-тәүфик, Ходайым; тупрак – туфрак, япрак – йафрак, пәрзә – фәрзә, керлек – керфек.*

Ғөмүмән, егән һөйләше нәк үзенәң фонетик билдәләре буйынса башкорт һөйләштәре араһында ғәйәт үзенсәлекле урында тора.

Морфологик үзенсәлектәре

Күплек, исем, сифат яһаусы ялғаузар, бойорок кылым ялғаузары тулыһынса көньяк һәм төньяк-көнбайыш диалект һөйләштәрендәгесә, йәғни, *-лар/-ләр, -нар/-нәр, -лык/-лек, -нык/-нек, -лы/-ле, -ны/-не, -ла/-лә, -на/-нә* формаһында килә: *атлар, сарыклар, урманнар, көннәр, төннәр, утыннык, песәннек, иннек* (мал яба торған кура), *ашлык, жиләклек, ташлы, таллы, йәмне, тәмне, башла, йүннә, димнә.*

Көньяк диалекттың күршеләге урта һөйләшендәге кеүек үк, бында ла бала ата-әсәһенә йәки кесе туғанына өндәшкәндә, кәрзәшлек һүзәрәненә азағында *-ай* һәм *-әй* бөтөмдәре *-ый* һәм *-ей* формаһында әйтелә: *Ағый, әйзә песән сапмаға;*

-кай, -сай, -сақ, -кас, -анай, -с иркәләү-кесерәйтеү ялғаузары, сифаттарға, шулай ук исемдәргә кушылып, яңы һүзәр яһала: *сыбаркай, күксәй, колкас* (әзәби телдә: *колонсак*), *колос* (*колонсак*), *аканай, ак танакай;*

-са ялғауы күрһәтеү алмаштарына кушылып, күләм-дәрәжә рәүештәрен яһай: *анса* (*ул тиклем*), *мынса* (*быға тиклем*), *шунса* (*шул тиклем*);

күрһәтеү алмаштарына *-ңарсы* ялғауы кушылып, вакыт сиген белдергән рәүеш яһала: *аңарсы, мыңарсы, шуңарсы.*

Алмаштарҙың ошондай варианттары кулланыла: *аңа, шуңа, шуңарға; мынау, мыңа, шушы; әллә нинтәй, әллә нәмәкәй, әллә нәстә, берәй кем* (әзәби телдә *берәйһе*), *берәй калай* (*берәй нисек*) һ.б.

Был күрһәтеү алмашы ике төрлө - *пыл* һәм *пу* формаһында кулланыла.

Мәсәлән:

Пыл донйада пулма саран,
Саранныклар пигрәк йаман,
Ғәрипләргә иткән ярзам
Ходай үзе пирер йарзам.
Донйалыр пу, донйалыр пу,
Тик уафасыз донйалыр пу,
Кара сәсне, энже тешне
Гүргә салған донйалыр пу.

2010 йылдың июлендә Ғәфүри районы Туғай ауылында 61 йәшлек Рәйсә Усман кызы Әминеванан М.Акмұлла исемдәге Башкорт дәүләт педагогия университеты студенттары язып алды.

Кылымдың 2-се зат ялғаузарында *-һы* элементы кулланылмай: *син алаң – әзәби телдә һин алаһың, сез алағыз – һез алаһығыз.* Шулай ук кылымдың киләсәк заман зат ялғаузары кыскара: *киләрем, киләрең, киләрегез;*

-маға ялғауы максат хәл кылымын белдерә: *Песән сапмаға китте.*

Кылымдың йөкмәтеү йүнәлешенә күп кенә ялғаузары *з* өнөнә бөтә: *яткыз – әзәби телдә яткыр, котказ – коткар, үткәз – үткәр, күргәз – күрһәт.*

Кылымдың, күрше дим һөйләшендәге кеүек үк, *-ғаныйы/-гәнейе* тибындағы катмарлы формаһы кулланыла: *сукканыйы, Мин йәнә паш баласы булғас, инәй миңә тәүзән үк сымылтык суккайны инте.* Бынан тыш, кылымдың үткән заман катмарлы формалары хәзерге заман формаһына *ыйы/ейе* ярзамсы кылым кушыу юлы менән яһала: *торғаннарыйы, өләшәзерейе, сөйләшмәйләрейе.*

Көньяк диалекттың бүтән һөйләштәрендәге *белән* (әзәби телдә *менән*) бәйләүесе *пелән* формаһында әйтелә.

Лексик үзенсәлектәре

Егән һөйләше, урта һөйләш кеүек үк, территориаль йәһәттән барлык башкорт һөйләштәренә һәм, ғөмүмән, хәзерге Башкортостандың да, Тарихи Башкортостандың да урталығында урынлашкан. Шуға күрә уның лексикаһында көньяк диалект (урта, дим, өршәк, әйек-һакмар һөйләштәре), көнсығыш диалекттың кызыл, мейәс, әй һөйләштәре, төньяк-көнбайыш диалекттың каризел, түбәнгә ағизел-ык һөйләштәре менән уртаҡлыктар ғәйәт зур урын ала. Шул ук вакытта һөйләштең үзенә генә хас лексик диалектизмдар катламы ла бар. Уларҙың күпселеге семантик диалектизмдар. Мәсәлән: *бакырса – комған, сәйнүк* «медный кумган, чайник»; *сәнеске йеләге,*

айыу йеләге, бәләкәй ағас йеләге – эзәби телдә: *курай еләге*; эйек-һакмар һөйләшәндә шул ук мәғәнәлә: *айыу йеләге*; *йер йикмәге* – эзәби телдә *бәрәңге/картуф, әжәл бураны* – *акман-токман* (март айында була торған азналык буран), *йәлсе, шыкы* – *һаран*, урта һөйләштә шул ук мәғәнәлә – *шыкыры*; *тәктәкарлек* – *кускар*, *иңкәсәй* – *камка*, һакмар, ыргыз һөйләшсәләрендә *зиңгәсәй, зәңгәсәй*, өршәк һөйләшәндә *йеңгәсәй, бесәй тарысы* – *алабута, кабак* – *бойзай кабағы*; *кабарыу* – *үпкәләү, шәк-шәк* – *сәк-сәк*, *мунсала* – *йыуынғыс*. Туғанлык терминдары: *әнкәй/әнкей/әни/инәй/әннә* – эзәби телдә *әсәй*; *әтей* – *атай*; *абый* – *ағай*, *иркәм* – *һеңлем*, *нәнәй* – *әсәй* яғынан *өләсәй*; *әңкәй* – *атай* яғынан *өләсәй*; *картатай/татай* – *олатай*, *картинәй/нәни/нәнәй* – *бабушка*; *кәртәбаш* – *оло бала*; *абыстай/әбей* – *әсәһенән оло катын кеше*, *кайтармыш туй* – *кейәү* яғында *туй*.

Бүтән һөйләштәр менән уртаҡ диалекталь лексика: *гөбөрлө бака* – *гөбөргәйел*, тук-соран һөйләшсәһәндә лә шул ук мәғәнәлә: *гөбөрлө бака, кутырлы бака*, төньяк-көнбайыш һөйләштәрәндә, һакмар һөйләшсәһәндә: *гөбөрлө бака* – *әрмәнде*, *түш* – *шәре*, төньяк-көнбайыш һөйләштәрәндә, урта урал, әй һөйләштәрәндә: *түш/туш*, дим, мейәс, урта һөйләштәрзә: *тыуыш* – шул ук мәғәнәлә; *бука* – *бапак* (балаларзы куркытыу өсөн әйтелә торған һүз), мейәс, әй һөйләштәрәндә шул ук мәғәнәлә: *букай, Әнә, букай гилә!*; каризел һөйләшәндә: *бокай, эт әсәге* – *сырмалсык*, өршәк һөйләшәндә *эт әсәге* – шул ук мәғәнәлә, *шымтый* – *шым кеше*, урта һөйләштә *шымтый* – шул ук мәғәнәлә; *шешәк* – *икенсе йәштәге һарык, кәзә*; *Пер йыл пәрәннәмәсә, шешәк тип әйтелә*; тук-соран, ыргыз һөйләшсәләрендә, урта һөйләштә *шешәк* – шул ук мәғәнәлә; *малахай* – *бүрек*, тук-соран, ыргыз һөйләшсәләрендә *малахай* – шул ук мәғәнәлә; төньяк-көнбайыш һөйләштәрәндә иһә – *кырма бүрек* мәғәнәһәндә кулланыла; *көнәркеү* – *купырайыу*, каризел, әй һөйләштәрәндә: *көнәркеү* – *әллә кем булыу*, *бысый икмәк* – *бешеп етмәгән, уңмаған икмәк*, дим, өршәк, урта, кызыл, мейәс һөйләштәрәндә лә шул ук мәғәнәлә: *бысый икмәк, бүртлек/сарзак* – *кыйык*, һакмар һөйләшсәһәндә шул ук мәғәнәлә: *бүртлек*; *тыксыу* – *тығыу, тултырыу*. Урта һөйләштә лә шул ук мәғәнәлә. Мәсәлән: *туракланған казы киҫәктәрән ауызына тыксыны, ос һыйырым/койаш апай/алла быуай һыйыры* – *камка*, урта урал һөйләшәндә шул ук мәғәнәлә – *алла быуай сыйыры*, кызыл, эйек-һакмар һөйләшәндә – *койаш апай, текмә* – *койма*, төньяк-көнбайыш һөйләштәрзә лә *текмә* – шул ук мәғәнәлә; *камыраш* – *әнәле кыуаклык*, дим, урта һөйләштәрзә: *камыраш* – *әнәлек*, дим, урта урал һөйләштәрәндә: *камырийемеш*, төньяк-көнбайыш һөйләштәрзә: *камыр жимеше* – *әнәлек*; *тайансык мал* – *килен кайны йортона төшкәндә бирелгән мал*, каризел, урта урал, әй һөйләштәрәндә лә шул ук мәғәнәлә кулланыла; *иннек* – *индек капка* «ворота из нескольких снимающихся жердей», дим, урта, каризел, эйек-һакмар һөйләштәрәндә *иннек/иңнек* – шул ук мәғәнәлә.

Егән һөйләше башкорт һөйләштәре араһында ғәйәт үзенсәлекле урында тора. Үкенескә күрә, әлегәсә уны өйрәнәүгә етерлек игтибар бирелмәне. һөйләште, өр-яңы материалдар туплап, бөтөн тулылығында ғилми тикшерәү эшен бойомға ашырыу диалектологтарыбыз алдында торған бурыс булып кала әле.

З. С. Әбхәлимова, Күмертау к.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШКОРТ ТЕЛЕН УКЫТЫУ

Диалект һүзәр телмәребезгә үзенсәлекле төс биреп, телебеззе байыта. Балаларзы эзәби телдә һөйләргә һәм язырға өйрәтәү иң беренсе сиратта уларзың телмәр мәзәниәтен тәрбиәләүзән һәм артабан үстәрәү, камиллаштырыу эштәрәнән башланырға тейеш. Беззең алда укыусылар телмәрәндәге диалект хаталарзы алдан күрә белеү, даими иҫкәртеү бурысы тора.

Диалект йоғонтоһо көслә булған ерзәрзә орфографик хаталар бик йыш осрай. Мәсәлән, күплек ялғаузарында (*кыззар* – *кызлар*, *аттар* – *атлар*), дифтонгыларза (*ясы* – *йаһы*), кылым ялғаузарында (*барырға кәрәк* – *барыр кәрәк*), алмаштарзың төбәү килеш ялғауында (*уға* – *аңа*) йыш күзәтелә. Фонетика, орфографияны өйрәнгәндә тәүге дәрестәрзән үк эзәби телдең дөрөс әйтелешән һәм дөрөс язылыш нормаларын укыусыларзы бер юлы өйрәтә башлау үзен ақласак. Орфоэпик һәм орфографик биш минутлыктарза һүзлек диктанта, телдән хикәйәләү, теге йәки был өн-хәрәфте индереп һүзәр уйлатьы, язырыу, шул һүзәрзә кулланып һөйләмдәр төзөтөү, теге йәки был предметты әйттерәү һәм уның билдәләрен тасуирлау кеүек эштәрзә ойшторорға мөмкин [Азнағолов 2006, 52].

Диалект шарттарында укыусыларзы эзәби телдең лексик нормаларына өйрәткәндә түбәндәге алымдарзы кулланырға була: һүзәрзең синоним һәм антонимдарын табыу; һүрәтләү юлы менән аңлатыу; предметты белдергән һүззең, төшөнсәнең һүрәтен йәки предметтың үзен күрһәтәү; эзәбиәт дәрәсендә һүзлек өстөндә эш алып барыу; лексик күнегеүзәр үткәрәү; эзәби телдәге һүзәрзә ерлә һөйләштәге варианттары менән сағыштырыу; ерлә һөйләштәге һүзәрзә эзәби телдәге варианттар менән сағыштырыу һәм һүзлек төзөү [Азнағолов 2006,45].

Ошо алымдардың һуңғыһына (*һүзлек төзөүгә*) тукталып китәйек. Укыусыларға диалект һүззәргә мисалдар килтерергә кушһылһа, бер-ике һүз менән сикләнәләр. Ата-әсәләр зә был эштә балаларға ярамсы була алмай, сөнки үззәре лә күберәк диалект һүз урынына эзәби йәки рус теленән үзләштерелгән һүззәр куллана. Мәсәлән, *аяк – чашка, ширлек – эскәмйә, көлдөксә – усаҡ алды* һ.б. Был оракта тик оло бууын кешеләре генә ярамға килә ала. Туғызынсы класс укыусылары менән түбәндәге һүзлек төзөлдө. Шуны әйтәп китергә кәрәк, был эш укыусылар өсөн бик кызыклы булып сыкты. Һүззәргә (*теманы өйрәнәп бөтһәк тә*) ололарзан, туғандарынан һорашып, дәрәһ һайын өстәп торалар.

Һүззәр төрлө өлкәнән һайлап алынды. Һүзлектәң төзөлөшө түбәндәгесә:

1. Баш һүз алфавит тәртибендә бирелә.
2. Баш һүзгә башкортса аңлатма бирелә.
3. Анык тап килһә, эзәби телдәге һүз килтерелә. һирәк орактарза рус теленән тәржемә бирелә.

4. Диалект һүзгә этимологик аңлатма биреләүе мөмкин.

5. Диалект һүзгә грамматик билдә куйыла, йәғни һиндәй һүз төркөмөнән икәнлегә күрһәтелә: акыш (*сифат*) – зур. *Акыш күз*; арандай (*рәүеш*) – зур итеп. *Ауызын арандай асқан*, арамда (*сифат*) – эшкәнмәгән, ялкау; арыумы – һаумыһығыз, иҫәнме мәгәнһәндә; атам (*исем*) – атайым; апам (*исем*) – апайым. *Йәшкә үзәндән оло булған бер туған катын – кыз*; ашамһак (*сифат*) – күп ашарға ярата. *Ашамһак кеше*; бакан (*исем*) – һабангуыза ярышып буйлай торған бағана; барым (*исем*) – бәхет. *Барымы бар. Бәхет, уңышы бар*; баһы-рау (*исем*) – күбәнә ел осормаһын баһып куя торған кулайлама; берһегән (*рәүеш*) – ошо арала; бүртлек (*исем*) – һарай башында бәһән һала торған урын; көбәрсәк (*исем*) – күбек майы йәһай торған һауыт; күмһей (*кылым*) – әсей. *Иртәнгә һөт күмһегән*; кайырма (*исем*) – капка; мөстән (*сифат*) – эшһез күп йөрөгән кеше; мыртый (*исем*) – кусты, эне; мысай (*исем*) – ала-бута үләнә; сәмүсә (*исем*) – эсәк-бауырзан бәһерелгән бәләһ; тығын (*исем*) – мейестәң кулайламаһы. *Мейестәң тығынын яп*, тәңклә (*кылым*) – әйберзә бөкләп һалыу; саңғырау (*сифат*) – һаңғырау; суқыр (*сифат*) – һуқыр; саран (*сифат*) – һаран; утыяккыс (*исем*) – өй алдында бурап эшләнгән келәт; йәйге аш өйө; һәгәттә (*рәүеш*) – тиз. *Һәгәттә килеп етә* һ.б.

Ошо эш алымын кулланғанда диалект һүззәр кулланыузан төшә барыуына игтибар ителдә. Әлбиттә, эзәби телдә бәләү якшы, ләкин әсә теле, ерлә һөйләш теле һакланырға тейеш. Бөгөн телдәң был тармағына игтибар бүлмәһәк, телебәз бик арлыланасак.

ЭЗӘБИӘТ:

Азнағолов Р. Ғ. Ерлә һөйләш шарттарында башкорт теленә өйрәтәү методикаһы. Өфө, 2006. 152 бит.

Башкорт теленәң һүзлегә. I том. М., 1993. 345 б.

Башкорт теленәң һүзлегә. II том. М., 1993. 412 б.

Башкортса -русса һүзлек. М., 1996. 214 б.

Башкорт теленәң аңлатмалы һүзлегә. Өфө, 2011. 336 бит

Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм унәң диалекттары. Өфө, 2000. 212 бит.

Кейекбаев Ж. Ғ. Хәзәрә башкорт теленәң лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 2003. 264 б.

Хисамитдинова Ф. Ғ. Башкорт мифологияһы: Бәләһә һүзлек. Өфө, 2003.

Экба З. Н. Ғәрәп һәм фарсы телдәрәнән үзләштерелгән һүззәрзәң башкортса-урысса һүзлегә. Өфө, 2004. 208 б.

Т. М. Әхмәтова, Сибай к.

ТАҢСУЛПАН ҒАРИПОВАНЫҢ «БӨЙРӘКӘЙ» РОМАНЫНДА КЫЗЫЛ ҺӨЙЛӘШЕНЕҢ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРӘ

Һәр диалекттың үзенә генә хас үзенсәлектәрә бар. Таңсулпан Ғарипованың «Бөйрәкәй» романында, иһә, Кызыл һөйләшенең фонетик, морфологик, лексик үзенсәлектәрән күзәтергә мөмкин. Был һөйләштәң сигән билдәләгән төп һызат — -л өнөнән башланған ялғаузарзың, һүззәң һиндәй өнгә бөтөүенә карап, 4 фонетик вариантта киләүе (-л, -д, -т, -з өндәрәнән башланыуы).

«*Акылдымын*», «мин индә *нимештәйем*», «нимә *эштәйһең*, уныһын бел-мәйем», «тик малай ғына *эштәй* алманым», «шул *тиктем зур*», «*ташта*, тим баланы», «мин бит атаң менән әсәндәң һинә *етәктәп*, монаяттарын икә тәгәрмәслә арбаға тейәп, Тирәкләгә килеп ингәндәрәнә *тиктем иштәйем*. Эйе, эйе. Ауылда *тәүзәп* ораған кешеләре мин булдым», «мин дә какырас шуны *һөйзәй баштағайным* түгелме?», «Хашимыбыз касан китте лә, Гөлбаныу касан *бәләйзәнә*», «әлек тә бит улар Гөлбаныузы *ярзы* тип яратманы...», «үәт бит *оятһызык!*», «һин бит индә кош *балдары шикелдә* ауыздарын асып ятқан сабыйзарзы...», «бәлкәм әсәйем *йырзағандыр*, шунда отканмын-дыр...», «үзә *нимештәп* минәң йомортканы ашаны?...», «мин сокона *баш-таһам*, башыңды тығыр урын тапмашың!», «*эттәшергә*, мин һиңә этмә?» һ.б.

Әсәрзә бик күп морфологик үзенсәлектәрзә лә табырға мөмкин. Боронғо төрки телендә -й ялғауы иркәләү-кесерәйтәүзә һәм мәрәжәгәттә белдергән, шуға күрә кайһы бер ялғау алдынан -й төшөп кала: «*атаһы*», «*атаң*», «*атакайым*».

Кешегә бәйле һүзәр алдынан килгән *бер* һүзе – *кай* ялгауы менән билдәһезлектә белдерә: «бер кызыккай», «Шәһәрбаныуза бар икән бер кыз...» һ.б.

-*лыкт* (-*дыкты*, -*зыкты*) ялгауы ыңғай төшөнсәлә сифат яһай: «Рауза инәй бик *кеселекте* кеше ине» (якшы күңелле кеше); «...бигерәк *һөймәлектә* бала инде ул был Сәмәрә» (илгәзәк бала).

-*дай* ялгауы нигезендә үтә кесерәйтүзе белдерә торған -*дис* ялгауы килгән: «...*ошондис* кына харык бәрәсен күргәнегез бармы?...».

Зат менән күрһәтеү алмаштарының төбәү килеше -*ныға* ялгауы менән бирелә: *мыныға* — быға, *аныға* — уға.

-*дыниһә* (-*зыниһә*) конкрет шартты белдерә: «Локман *кайттыниһә*, Әбүбәкер алдынан төшмәс...»

-*ыл*, -*ылын* ялгауы төшөм йүнәлешен белдерә: «...һезгә инеп, әзерәк *йылынылды*...».

Какса, көпө, кура, базабырак, накыс, йөгәнәкләнергә, өстөрәне, илергәнсе, карындаш, шөйлә, бәлйерәп, мандыманы, ойоскота, бырағытып, ширлек, һөмһөрө койола, әрсәләгән, күтәрмә, тексәйзе, хәмсене, һауһак, тәгәс, мүкәйләне кеүек һүзәр ерлә һөйләшкә генә хас, халык телендә әле лә онотолмай һакланып килгән үрнәктәр.

Әсәрзең күркәмлеге, образлылығы языусының телмәр байлығынан һут ала. Халык ижадының гәүһәр ынйылары мәкәл-әйтемдәрзә, һүрәтләр, һынландырыу сараларында ла балкый:

«Терелеү генә түгел — яңынан сырағы асылыу; яман катындан яр биреһе каскан; халык ауырзы күтәрә, еңелде күтәрә алмай бит ул; гүмерең ағышы — акылың табышы; бәндәнән һорау алма — яуап үзе килер; йыландың юлын бүлгән — арымас, һөйөүзең юлын кыйған — бәхеткә тарымас; еүешләнгән һыузан куркмас; ризығы ситкә язған; диуананы рәнйеткән кешегә кот йокмас; яман көндө — якшы аш; кешенең иң зур дошмандары — үзенең хаталары; һәр нәмәнең үз мәйеле, үз вакыты; һуқырзың сырағы асылһа, унан, күрәһеңме, тип һорамайзар; ат урынына ишәк бәйләүзән һаклан; баһымсакка бака ла айғыр» кеүек әйтемдәр «Бөйрәкәй» романында бик йыш осрай. Бында халкыбыздың донъяға карашы, аңы, акылы тупланған.

ӘЗӘБИӘТ:

Гарипова Т. Х. Бөйрәкәй. Өфө, 2004. 768 бит.

Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары. Өфө, 2000. 212 бит.

Г.В. Юлдыбаева, Өфө к.

100 БАШКОРТ ХАЛЫК ЙЫРЫ* (АРХИВ МАТЕРИАЛДАРЫ БУЙЫНСА)

*Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Татарстан Республикаһы Фәндәр академияһы Тел, әзәбиәт һәм сәнгәт институтының Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә Солтан Ғәбәши фондында 1931 йылдарза йыйылған башкорт халык йырзаны тупланмаһы һаклана [1].

Солтан Ғәбәши (Әхмәтсолтан Хәсәнғата улы Ғәбәши) – татар компози–торы, музыка белгесе, хормейстер һәм фольклорсы-ғалим.

Ул 1891 йылда Татарстан Республикаһының Бейектау районы Солабаш ауылында тыуа. Атаһы укымышлы, тарихсы ғалим булғанлыктан, тәүге бе–лемде атаһынан, һуңынан «Мөхәммәзиә» (1908-1914) мәзрәсәһендә ала. Артабан Өфөлә һөнәри мәктәп тамамлай. С. Ғәбәшизең музыкаль һәләте бик иртә асылып, ул 1914 йылдарза ук көйзәр ижад итә башлай. Ул киң билдәлә «Сания» һәм «Әшсе» (Ғ. С. Әлмөхәмәтов, В. И. Виноградов менән берлектә) беренсе татар опералары, вокал һәм инструменталь әсәрзәр, халык йырзаны эшкәртмәләре, музыка өйрәнәү буйынса язылған мәкәләләр [2] авторы.

С. Ғәбәши халык йырзаны, көйзәре менән ихлас кызыкһынған, уларзы йыйған, өйрәнгән. 1931 йылда ул, татар милли этномузыкалогияһы тари–хында беренсе булып, комплекслы музыкаль-этнографик экспедиция ойош–тора һәм Аксубай, Чирмешән, Шөгөр, Әлмәт, Азнакай, Баулы райондарында эшләй. Экспедиция эшләгән төбәк йырзарға бай булып сыға. Материал–дарзың бер өлөшөн С. Ғәбәши матбуғатта бастырып сығара. Ошо ук йылда ул Башкортостан хөкүмәтенең рәсми сақырыуы буйынса, башкорт мәзәниә–тен үстәрәүгә ярзам итеү максатында, Өфөлә эш башлай. Башкортостанда С. Ғәбәши зур уңышка ирешә, хөрмәт қазана. Педагог буларак милли кадр–зар үстәрәүзә, башкорт телендә музыкаль йыйынтыктар, укыу китаптары әзәрләүзә, Башкортостан Композиторзар берлеген ойоштороуза актив кат–наша. Башкорт төбәктәрәнә комплекслы музыкаль-этнографик экспедиция ойоштора. Экспедицияла композиторзар А. Ключарев менән К. Рәхимов та катнаша. Улар Башкортостан Республикаһының Баймак, Белорет районында–рында, Өфө, Ишембай калаларында эшләй. Экспедиция бик һөзөмтәлә була.

Йыйылған мираҫ [1] архивта «Сто башкирских народных песен, собран–ных научными сотрудниками Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры С. Х. Габяши и А.С.Ключаревым» (фоно–графические и слуховые записи А.С.Ключарева, С. Х. Габяши и К.Рахимова) тигән атама астында һаклана, 35 биттән тора. Йырзарзың, көйзарзең нотаһы, һүззәре, кайзан, кемдән язып алыныуы тураһында белешмә бирелгән. Белешмә бирелмәгән кайһы бер йыр-көйҙәр зә осрай. Шулай ук, 7 биттән тороусы «Башкирские народные песни в записи С. Габяши. Текст на башкирском языке. Яналиф» тигән атама астында 24 башкорт көй нотаһы һаклана. Түбәндәге таблица архивта һакланған башкорт халыҡ йырҙарының тезмәһе бирелә.

Фольклорсы-ғалим Солтан Ғәбәшиҙең 1910-1920 йылдарҙа нотаға һалынған татар халыҡ музыка ижады әҫәрҙәре тупланмаһы нигеҙендә Казанда 2007 йылда музыкаль-текстологик йыйынтыҡ әҙерләнгән дә инде [3], киләсәктә безҙең алда ла йыйылған башкорт халыҡ йыр-көйҙәрен өйрәнөп, баһып, киң катлам уҡыусыға еткерөү максаты тора.

№	Йырзар	Кайзан, кемдән, кем тарафынан язып алынған
1.	«Мөнәй»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
2.	«Баяс»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
3.	«Калды»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
4.	«Кәтинкә»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
5.	«Калды» 2 вариант	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған).
6.	«Сәлимәкәй»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
7.	«Бейеш»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
8.	«Һары ла сәс»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
9.	«Ғилмияза»	С. Ғәбәши Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
10.	«Һыбай кашка»	А. Ключарев Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
11.	«Таштуғай»	А. Ключарев Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
12.	«Колхоз такмактары»	А. Ключарев Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
13.	«Колхоз такмактары. 2 варинат»	А. Ключарев Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
14.	«Алай окшамай»	А. Ключарев Белорет заводы эшсәһе Әхмәт Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
15.	«Күсбикә»	С. Ғәбәши Баймак районы Темәс ауылында Сөйөмбикә Күлбаеванан (19 йәш) язып алған.
16.	«Комсомолка Әсмә»	С. Ғәбәши Баймак районы Темәс ауылында Сөйөмбикә Күлбаеванан (19 йәш) язып алған.
17.	«Хәтирә»	С. Ғәбәши Баймак районы Темәс ауылында Сөйөмбикә Күлбаеванан (19 йәш) язып алған.
18.	«Совет уйыны көйө»	С. Ғәбәши Баймак районы Темәс ауылында Сөйөмбикә Күлбаеванан (19 йәш) язып алған.
19.	«Золотой»	С. Ғәбәши Баймак районы Темәс ауылында Сөйөмбикә Күлбаеванан (19 йәш) язып алған.
20.	«Золотой» 2 вариант	А. Ключарев Баймак калаһында йәшәүсә Ихсановтан (29 йәш) язып алған.
21.	«Наза»	А. Ключарев Баймак калаһында йәшәүсә Ихсановтан (29 йәш) язып алған.
22.	«Катерпир»	А. Ключарев Ишембай нефть эшкәртеү промыслаһында эшләүсә

		Б. Хазин менән М.Буранғоловтан язып алған.
23.	«Косилка»	А. Ключарев Ишембай нефть эшкәртеү промыслаһында эшләүсе Б. Хазин менән М.Буранғоловтан язып алған.
24.	«Яңы йыр»	А. Ключарев Ишембай нефть эшкәртеү промыслаһында эшләүсе Б. Хазин менән М.Буранғоловтан язып алған.
25.	«Совет уйыны йыры»	С. Ғәбәши Макар ауылында йәштәр кисәһендә язып алған.
26.	«Урал»	А. Ключарев Белорет металлургия заводында эшләүсе Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
27.	«Һырдаръя»	А. Ключарев Белорет металлургия заводында эшләүсе Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
28.	«Каһым түрә»	А. Ключарев Белорет металлургия заводында эшләүсе Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
29.	«Шафик»	А. Ключарев Белорет металлургия заводында эшләүсе Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
30.	«Ғайса Ахун»	А. Ключарев Белорет металлургия заводында эшләүсе Кәримовтан (37 йәш) язып алған.
31.	«Перовский генерал»	А. Ключарев Учалы районы Рай ауылында Ибәт Зәйнәтдиновтан (38 йәш) язып алған.
32.	«Сибай кантон»	А. Ключарев Хәбир Ғәлимовтан язып алған.
33.	«Буранбай»	А. Ключарев Хәбир Ғәлимовтан язып алған.
34.	«Шаһибәрәк»	А. Ключарев Распановтан язып алған.
35.	«Салауат батыр»	С. Ғәбәши Башкорт дәүләт академия театры артисы З.Бикбулатованан язып алған.
36.	«Салауат батыр» 2 вариант	С. Ғәбәши Башкорт дәүләт академия театры артисы З.Бикбулатованан язып алған.
37.	«Каһарман кантон»	А. Ключарев Хакберзиндан Сәлих ауылында (Карғалы) язып алған.
38.	«Каһарман кантон»	А. Ключарев М. Буранғоловтан язып алған.
39.	«Көлкө»	А. Ключарев язмаһы.
40.	«Еще раз – ногу- раз»	А. Ключарев язмаһы.
41.	«Мөглифә»	А. Ключарев язмаһы.
42.	«Мөглифә»	С. Ғәбәши язмаһы.
43.	«Зәйнәбем»	А. Ключарев язмаһы.
44.	«Шәл бәйләнем»	С. Ғәбәши язмаһы.
45.	«Кыззар бейеүе»	С. Ғәбәши язмаһы.
46.	«Карабай»	С. Ғәбәши язмаһы.
47.	«Зарифа»	С. Ғәбәши язмаһы.
48.	«Байык»	С. Ғәбәши язмаһы.
49.	«Шаян йыр»	С. Ғәбәши Кудияровтан язып алған.
50.	«Купейский Шәмсиә»	С. Ғәбәши Р.Исмәғилевтан язып алған.
С.Х.Ғәбәши тарафынан йыйылған көйзәр (ноталары менән бирелгән)		
51.	«Кара юрға»	А. Ключарев Байназаровтан язып алған.
52.	«Саптар юрға»	Канчуриндан язып алынған.
53.	«Туры ат сағылы»	Х.Нуховтан язып алынған.
54.	«Сал бөркөт»	К.Рәхимов Канчуриндан язып алған.
55.	«Сал бөркөт»	А. Ключарев Канчуриндан(Өфө, 1935) язып алған.
56.	«Бала карға»	К.Нуховтан язып алынған.
57.	«Кәкүк»	Курайсы Вәлиевтан язып алынған.
58.	«Кыр кәкүге»	Курайсы Канчуриндан язып алынған.
59.	«Ак куян»	Курайсы Канчуриндан язып алынған.
60.	«Сукмуйыл»	Курайсы Канчуриндан язып алынған.
61.	«Ак сәпсек»	Курайсы Канчуриндан язып алынған.

62.	«Тау көйө»	К.Рәхимов Г.Еникеевтан (Өфө) язып алған.
63.	«Ак сәскә»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
64.	«Акык күл»	Ибраһимовтан язып алынған.
65.	«Акык күл»	Ибраһимовтан язып алынған. (Бергәлиев варианты)
66.	«Кәмәлек»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
67.	«Ыңый»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
68.	«Йәш вакытта»	Зәйнибәшировтан язып алынған.
69.	«Абдрахман» көйө	Курайсы Канчуридан язып алынған.
70.	«Карабай»	Колхозда эшләүсе Г. Локмановтан язып алынған(38 йәш).
71.	«Ишемғол»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
72.	«Бейеш»	К.Рәхимов 1-се вариант Ушановтан, 2 вариант Әхмәтовтан язып алған.
73.	«Тубылкай»	Ибраһимовтан язып алынған.
74.	«Йән теле»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
75.	«Йәйәүле Мәхмүт»	Х.Әхмәтовтан язып алған.
76.	«Бакира»	Беляловтан язып алынған.
77.	«Шәмсиә»	Вәлиевтан язып алынған.
78.	«Маршут»	Кемдән язып алыныуы хақында мәғлүмәт юк.
79.	«Ете кыз»	Нуховтан язып алынған.
80.	«Һимез кыз»	Кемдән язып алыныуы хақында мәғлүмәт юк.
81.	«Салковский»	Бараковтан язып алынған.
82.	«Бикташев(бейеү көйө)»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
83.	«Мәликә»	Раймановтан язып алынған.
84.	«Йығаса» бейеү көйө	С. Ғәбәши язмаһы.
85.	«Мөглифә» бейеү көйө	Рәхимтовтан язып алынған.
86.	«Перовский»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
87.	«Сажидәбаныу»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
88.	«Шәһизә»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
89.	«Марш көйө»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
90.	«Балакарға»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
91.	«Бонапарт»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
92.	«Каранай һылыу»	Курайсы Канчуридан язып алынған.
93.	«Ике кыз»	Нуховтан язып алынған.
94.	«Кара тауык»	Әхмәтовтан язып алынған.
95.	«Кара юрға»	Әхмәтовтан язып алынған.
96.	«Сынрау торна»	Кемдән язып алыныуы хақында мәғлүмәт юк.
97.	«Коңгор сәс»	Кемдән язып алыныуы хақында мәғлүмәт юк.
98.	«Игзаков»	Кемдән язып алыныуы хақында мәғлүмәт юк.
99.	«Бала карға»	Әхмәтовтан язып алынған.
100.	«Кара тауык»	Кемдән язып алыныуы хақында мәғлүмәт юк.
С. Ғәбәши тарафынан язып алынған бапкорт халык йырзари <i>(Текстар башкорт телендә. Яңалиф)</i>		
101.	Кыззар бейеүе	Был йырзарзың кайзан, кемдән язып алыныуы тураһында мәғлүмәт юк.
102.	Бейеү көйө	
103.	Бейеү көйө	
104.	Салауат	
105.	Карабай	
106.	Зарифа	
107.	Ашказар	
108.	Каһым түрә	
109.	Шәл бәйләнем	
110.	Кыптыр-кыптыр	

	бисәкәй
111	Урал
112	Ерән кашка
113	Таштуғай
114	Колой кантон
115	Түрәкәй
116	Әрмейә
117	Эскадрон
118	Каһарман
119	Салауат
120	Карғалы көйө
121	Моңаям
122	Зәйнәбем
123	Буранбай
124	Аргужа

ӘЗӘБИӘТ:

1. Фонд 60, тасуирлама 1, һаклау берәмеге 14, 15.
2. «Музыканың эшләнеше» («Безнең юл, 1925, № 7.8), «Татар музыкасы турында. «Яналиф» анкетаһына яуап» («Яналиф», 1931, № 3,5-6), «Татар һәм башкорт – койләре турында» («Казан утлары», 1967, № 7), «Татар сәхнәсендә музыка» (Татар театры (1906-1926). «Театр мәжмугасы. Татар театрының 20 еллык бәйрәме». Төз. М. Парсин, М. Мутин-Баязитский. Казан, 1926) һ.б.
3. Милли моңнар. Төрки-татар көйләре (С. Габәши язмалары М48 буенча) / Төз.-авт. Г. М. Макаров. Казан: Мәгариф, 2003. 207 б.
4. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. 703 с., илл.

Г. А. Юсупова, г. Тюмень

СТРУКТУРА ЛЕКСИКИ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО ДИАЛЕКТА СИБИРСКИХ ТАТАР

Изучение сибирско-татарских диалектов является одной из актуальных проблем тюркологии, так как к настоящему времени многие факты диалектов утрачены и продолжают утрачиваться в результате языкового смещения. Издание в 1992 г. «Словаря диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1992] стало предпосылкой к формированию лексического аспекта в научном изучении сибирских диалектов. В 2010 г. вышел в свет «Русско-сибирскотатарский словарь» под редакцией доцента М. А. Сагидуллиной [Сагидуллин 2010]. Это, несомненно, большой вклад в развитие тюркского языкознания, в частности, татарской диалектологии. В процессе своего исторического развития диалекты сибирских татар как неотъемлемая часть вошли в диалектическую систему татарского языка. Диалектная лексика является одним из надежнейших источников разработки языковых проблем дописменной истории языка, дает ценный материал для установления исторических взаимоотношений между языками и диалектами.

Слова любого языка можно классифицировать, исходя из многих аспектов. Так, с точки зрения структуры, в лексике деревянной архитектуры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар выделяются синтетические и аналитические наименования.

Синтетические слова называют еще простыми. К ним относятся:

корневые слова – это слова, основа которых совпадает с корнем, т.е. в составе которых невозможно выделить какие-либо суффиксальные элементы. Это следующие слова: *өй*, *әү*, *эү* «дом, изба», *сарай* «хлев», *цыт* «плетень», *аран* «сени», *пас* «крыльцо», *агац* «дерево» и др.;

опрошенные названия — слова, утратившие свою первичную структуру, и в современном языке не распадаются на производную основу и суффикс: *уйан* «двор», *итән* «пол», *ишек* «дверь», *киртә* «хлев», *қапқа* «ворота», *цитән* «плетень», *төнлөк* «проем в потолке для лестницы, ведущей на второй этаж», *алацык* «летняя кухня», *багана* «столб», *пура* «сруб» и др.;

займствования из других языков. Такие названия также рассматриваются как корневые основы, так как эти слова образованы по закономерностям языка-источника. Например: *уғрат* «огород», *сагун* «загон», *путпал* «подвал», *ампар* «амбар», *пүрәнә* «бревно», *гарниц* «карниз», *ыштакетник* «забор из штакетника» и др.;

суффиксальные названия: *утын-лык* «дровяник», *ит-лек* «амбар», *кой-ма* «высокий забор», *тес-мэ* «забор из штакетника», *пул-мэ* «комната», *пас-қыц* «лестница», *ара-лык* «простенок», *йэй-лек* «крыльцо (делается на всю длину дома)», *тубэ-лек* «крыльцо (крытое)», *ур-мэ* «плетень», *кирт-мэ* «сруб» и др.

Выделяются три группы аналитических (или сложных) терминов лексики деревянной архитектуры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар:

парные названия, компоненты которых связаны между собой сочинительной связью и грамматически не зависят друг от друга. Следует отметить, что анализируемый вид сложных слов представляет собой в большинстве своем собирательное, обобщенное значение. Это следующие названия: *астылы-өстөле* (өй) «двухэтажный дом», *ампар-келэт* «амбар-клеть», *алсар-кура* «хлев и другие надворные постройки», *такта-токта* «всякие доски» и др.;

собственно сложные названия. В таких названиях два корневых слова выражают одно понятие, а формальные показатели синтаксической связи в таких названиях утрачены: *өйтүбэ* «потолок», *қырқапқа* «полевые ворота», *тирәс төп* «подоконник», *итән астык* «подполье», *тәрәс инә* «верхняя часть оконного косяка», *терке агац* «ель», *итлек тубэ* «кровля двухскатная с пологими скатами», *йэйлек паш* «крыльцо (делается на всю длину дома)» и т.д.;

составные названия включают слова, которые между собой соединены второй и первой изафетной связью (изафет – это средство связи между именными словосочетаниями). В изафете II господствующее слово принимает аффикс притяжательности, а зависимое имя находится в неопределенном падеже. В изафете I основным средством связи между компонентами выступает обязательное соседство [Татарская грамматика Т.З. 1995, 116]. Изафет II характерен больше для татарского литературного языка, в тоболо-иртышском диалекте изафет II применяется без аффикса притяжательности, т.е. он переходит в изафет I. Приведем примеры: *ишек алт* «двор», *йел қапқа / күсэнәк қапқа* «ворота (легкие, одностворчатые, сколоченные из жердей)», *пулмэ такта* «перегородка», *ишек қаш* «косяк дверей (верхний)», *қолақ пүрәнә* «матица бревна» и др.

С точки зрения производности термины изучаемой лексики подразделяются на две группы:

1. Непроизводные (или синтетические) термины, куда входят корневые слова, а также слова, которые в процессе развития языка и на его современном этапе стали нечленимыми. О них говорилось выше, когда речь шла о синтетических (простых) словах: *сарай* «хлев», *цыт* «плетень», *аран* «сени», *пас* «крыльцо», *цитән* «плетень», *төнлөк* «проем в потолке для лестницы, ведущей на второй этаж», *кәсэнкә* «кладовая, чулан», *путпал* «подвал», *ампар* «амбар».

2. Производные термины, к которым относятся названия, образованные от основы определенным словообразовательным способом:

а) суффиксальные слова: *кой-ма* «высокий забор», *тес-мэ* «забор из штакетника», *тубэ-лек* «дровяник», *йем-лек* «место для сена», *йэй-лек* «крыльцо (делается на всю длину дома)», *тубэ-лек* «крыльцо (крытое)», *ур-мэ* «плетень», *кирт-мэ* «сруб» и др.;

б) все типы сложных слов: *кура тубэ* «верх хлева, где хранят сено», *йэйлек паш* «крыльцо», *тубэ такта* «потолок», *ишек тупса* «порог», *итлек тубэ* «кровля двухскатная с пологими скатами», *йэйлек паш* «крыльцо (делается на всю длину дома)», *алсар-кура* «хлев и другие надворные постройки», *такта-токта* «всякие доски» и др.

Исследование лексики деревянной архитектуры ограничивается отражением в двуязычных и толковых словарях, диктует необходимость упорядочения, систематизации, серьезного изучения и сохранения терминологии этой отрасли.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алишина Х. Ч. Говоры сибирских татар юга Тюменской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1993.
- Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994.
- Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.
- Ахатов Г. Х. Татар теленен лексикасы. Казань, 1995.
- Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003.
- Баязитова Ф. С. Себер татарлары. Казань, 2001.
- Йосыпов Фэрит. Россия татарлары. Себер татарлары // Мирас, 2003. № 13.
- Насибуллина А. Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000.
- Насибуллина А. Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. Тюмень, 2001.
- Рамазанова Д. Б. Себер диалектларынан материаллар. Казань, 2001.
- Рахимова Асия. Лексика диалектов сибирских татар. Казань, 2001.
- Сагидуллин М. А. Русско-сибирскотатарский словарь. Тюмень, 2010. 216 с.
- Татарская грамматика. В 3-х т. Казань, 1995. Т.3. 576 с.

ИНТЕРНЕТ-ОБЪЯВЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО УФИМЦА

Образ жизни современный города весьма сложен, он представляет собой непрерывный синергетический процесс, связанный не только с расширением локуса (территории) и ростом населения, но и с изменением ценностных ориентиров горожан, перестройкой самобытной «языковой картины мира», которая соотносится, прежде всего, с личным опытом людей, с объективными параметрами среды, и, наконец, с социокультурной обстановкой (расположением города, его населением, социальным устройством и пр.). В культурном пространстве современной цивилизации городской образ жизни формирует по «техноэволюционному сценарию» особую урбоцентрическую ментальность, связанную с переосмыслением значений и смыслов городских «локусов», фактов, событий [Яковлева 2011].

Представляя собой феномен неофициальной бизнес-коммуникации, Интернет-объявления являются собой особый речевой жанр, содержащий «одноразовую», в основном коммерческую, информацию, призванную удовлетворить социально-экономические и личностные нужды горожан, координирующие с их ценностными ориентирами и установками. Жизненность этого жанра, по нашему мнению, в определенной степени объясняется перестройкой мышления современного человека на «клиповое» (*clip* в переводе с английского обозначает «стрижка; быстрота (движения); вырезка (из газеты); отрывок из фильма, нарезка»). «Бизнес-клипы» весьма перспективны: именно клиповое мышление современного человека обусловило появление нового рода тестов, фрагментированных, разбитых на небольшие смысловые блоки объемом в два-три абзаца. При этом причинно-следственная связь между частями зачастую теряется, и упор делается на эмоциональность содержания. Такая форма подачи материала оказалась весьма удобной для коммерции: переключение с одного канала на другой не мешает улавливать содержание рекламы. Специфические языковые черты Интернет-объявлений вполне соответствуют их содержательной стороне. Они характеризуются: текстовой компрессией, т.е. переводом на имплицитный уровень предикативности и других видов синтаксических связей; установкой на фасцинирующий эффект речи; использованием разного рода сокращений; отражением новых семантических оппозиций и изменений в сфере оценки; использованием в качестве текстовых опор слов определенных тематических групп; демократизацией и, наоборот, «олитературиванием» речи, ведущими к появлению не только разговорных элементов, но и неологизмов, заимствований, профессионализмов и терминов, наличием ошибок и неточностей разного рода.

Анализируя степень представленности этих единиц в текстах Интернет-объявлений, можно выявить набор **концептов**, функционирующих в рамках языкового сознания уфимца. По степени частотности (при анализе более 1000 Интернет-объявлений) были выделены следующие группы.

На первом месте в языковом сознании горожанина стоит типизированная ситуация **купли-продажи**, что говорит о значимости гиперконцепта **рынок**, репрезентируемом через конверсивные пары глаголов **купить-продать, снять-сдать, искать-предлагать**. Среди задействованных ключевых слов гиперконцепта выделяются: **недвижимость** (*жилье, земельный участок, бизнес* и пр.); **продукты питания, транспорт, бытовая и офисная техника** (*компьютеры, мобильные телефоны, холодильники* и пр.); **предметы гигиены, косметика, медицина, мебель; одежда; работа; деньги; животные и растения**.

Так, по нашим данным, концепт **недвижимость** представлен примерно в более четверти Интернет-объявлений. В настоящее время предлагают разные типы недвижимости: **загородную, от застройщика, зарубежную, коммерческую**, то есть то, что не было затребовано еще пару десятков лет тому назад. Тексты этого рода содержат информацию: 1) о типе недвижимости: **квартире**: продается двухкомнатная квартира; **доме**: таунхаус в д. Шипово; **даче**: продается дача; **гараже**: продается капитальный гараж; **земельном участке**: земля на Павловском водохранилище; **торговом помещении**: сдается помещение на красной линии 113,6 м²; сдается **бутик** по проспекту Октября (8м) на ост. ЖД Больница; **бизнесе**: продается ООО без долгов; продается контрольный пакет ЗАО, в собственности которого находится действующий производственный объект в г. Стерлитамак; 2) о площади: **участок 8 соток** в кп «Уршак» с домом 4х6; 3) о месте расположения: **на ДОКе**; **в Сипайлово**; **Сдам в аренду офисное помещение в историческом центре Уфы по ул. Мустая Карима, рядом с ТРЦ «Галерея»**; **Продам торговые нежилые помещения пристроенные к жилому дому общей площадью 21. 2 кв. м. (11. 6 кв. м., 9. 6 кв. м).** РБ, г. Уфа, Советский район,

ул. Хадии Давлетшиной, 11. «Красная линия». Интенсивный пешеходный и автомобильный трафик; 4) характеристике строения: хрущевка, дом кирпичный; цокольное помещение; сдается помещение по проспекту Октября (красная линия), закрывающийся на ролставни бутик (8м) под торговлю...; 5) дополнительные сведения: коттедж в Чесноковке 10х12, панорама, баня 9х6, гараж 8х4; 7) о цене: 35 тыс. м2. В последнее время увеличилось число объявлений о сдаче комнат на время: сдается на час; на сутки; на выходные, что свидетельствует об определенной моральной «раскрепощенности» горожанина.

Значительное число Интернет-объявлений посвящено купле-продаже **одежды, бытовых приборов** и пр.: купим б/у аккумуляторы - дорого; Продам шубу, мех мутон, очень красивая, почти новая; Продам 2 двери б/у недорого: 1 входная, 2 м/ж комнатная; Пышное свадебное платье недорого!! Продаем металлические бочки 200 литров, один раз б/у. Бочки в хорошем состоянии. Пропаренные. Оптом и в розницу; Антиквариат Самовар 3-х печатный Угольный продам! Одеждо KenkoDream дает оздоровительный эффект, улучшает кровообращение, расщепляет и выводит жиры, укрепляет нервную систему и др.

В Интернет-объявлениях широко отражен концепт **транспорт**, включающий следующие разделы — Спецтехника; Прицепы, автодома и фургоны; Водный транспорт; Малый коммерческий транспорт; Автобусы; Легковые автомобили; Средние и тяжелые грузовики; Автозапчасти; Автосервис и услуги; Аудиотехника; Автокосметика; Автомобильная видеотехника; Автохимия; Аксессуары; Мототехника; Сигнализация; Инструменты. Анализ показал: авторы объявлений совершенно уверены, что названия транспортных средств, исполненные латиницей и ранее почти неизвестные обывателю, будут легко восприняты и воспроизведены адресатом: BYD, Citroen, Ford, Great Wall, Hyundai, Kia, Nissan, Renault, Skoda, Suzuki, Toyota, Volkswagen, JCB 3CX, XCMG и пр.: Продается FORD FOCUS C-MAX 2007 г. в. Один хозяин; Осуществляем продажу погрузчиков Komatsu и Saff; Предлагаем услуги по аренде автогрейдера ДЗ-98 в Уфе; Наши запчасти привезены из Европы, Германии, Японии, Америки и не имеют пробега по РФ! и др. Таким образом, анализ показал своего рода «транспортный бум»: иметь даже несколько машин в семье стало совершенно обыденным делом.

Широко задействован в текстах Интернет-объявлений концепт **работа**, представленный лексемами **работа, бизнес, дело, занятость, услуги** и пр. Рубрики этого раздела демонстрируют широкий спектр сфер занятости: IT, компьютеры, работа в интернете; Агропромышленный комплекс; Бухгалтерский учет и аудит, экономика; Государственная служба; Дизайн; Индустрия красоты; Кадровые службы, HR; Маркетинг, реклама и PR; Медицина, фармацевтика; Нефтяная промышленность; Образование и наука; Обслуживающий персонал; Охрана, безопасность, милиция; Полиграфия; Продажа по каталогам, MLM; Работа без квалификации; Работа для студентов; Работа за рубежом; ТЭК и добыча сырья и пр.

Весьма значителен массив объявлений, посвященный **деньгам**. Ключевое слово **деньги** доминирует в текстах, типа: деньги сразу, деньги за час, нужны деньги – вот возьми, предлагаем деньги, деньги немедленно, деньги легко, деньги без напряжения, деньги без проблем; Очень срочно возьму деньги в долг и т.п.

Большое значение для жителя Уфы имеет также концепт **красота и здоровье** (внешность, фигура и пр.). Данные тексты способствуют вводу в речь горожанина достаточно сложных терминов: акупунктура, биогель, дреды, кератин, рефлекторно-сегментарный, су джок, целлюлит, эпиляция и т.п.

Задействованы и объявления, связанные со **спортом**. Сплывы по реке Ай!! Предлагаем провести незабываемые выходные на берегу самой живописной реке Южного Урала!

Весьма востребованными в наше время оказались объявления о **знакомстве**. Все больше горожане чувствуют себя одиночками: Познакомлюсь с девушкой умной и интеллектной (sic!); Если вы в поисках нежной, любящей и преданной ЖЕНЫ — зарегистрируйтесь в брачном агентстве «Слияние двух сердец»; Женский клуб «талисман Любви» и пр.

В связи с темой статьи нас особо заинтересовали объявления, формирующие фрейм **чтение**. Здесь также, по нашему мнению, проявляется клиповое мышление горожанина. Оказалось, что читать «объемную классику» горожанин не желает. Больше всего предлагают и покупают детективы и другое «легкое чтиво»; затем идут различного рода учебники и пособия, детские книги и пр. (словари, энциклопедии, книги по искусству, медицинские справочники, религиозная литература и пр.).

Анализ городского дискурса, связанного с Интернет-объявлениями, наглядно иллюстрирует мысль о том, что семантическое пространство языка соотносится с этноязыковым сознанием, ибо представляет собой единую и целостную систему взглядов – коллективную философию, которая

усваивается совокупным этноязыковым сознанием и сознанием каждого члена языкового коллектива [Алефиренко, 2006, с. 38].

ЛИТЕРАТУРА:

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (007). 2006. С. 36-45.

Яковлева Е. А. Филологическая урбанология: новые аспекты изучения города: Язык, литература, культура на рубеже XX-XXI веков. Международная научная конференция к 95-летию профессора Бориса Николаевича Головина (13-15 октября 2011 г.). // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011, № 6, ч. 2, т. II. С. 771-774.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Хисамитдинова Ф. Г., Псянчин Ю. В., г. Уфа. IX региональная конференция по диалектологии тюркских языков (Уфа, 1982): большой шаг в XXI век.....	4
Псянчин Ю. В., г. Уфа. Н. Х. Максюткова — выдающийся языковед-диалектолог и общественный деятель (к 80-летию со дня рождения).....	6
Рамазанова Д. Б., г. Казань. Слово о коллеге: Н. Х. Максюткова и вопросы башкирской диалектологии.....	9
Псянчин Ю. В., Гатин М. К., г. Уфа. «Словарь башкирских говоров. III том: (Западный диалект)» (Уфа, 1987) – 25 лет спустя!.....	10
Абубакирова Л. Ф. г. Уфа. Лингвогеографическая картина урало-сакмарского бассейна: вчера и сегодня.....	13
Азнабаев А. М., Акбулатова Р. Т., г. Уфа. К проблеме изучения этимологии диалектизмов.....	15
Алексеев М. Е., Муталов Р. О., г. Москва. Диалектологический словарь даргинского языка: задачи и проблемы.....	16
Алишина Х. Ч., г. Тюмень. Дилира Гарифовна Тумашева — выдающийся тюрколог XX столетия.....	18
Алмадакова Н. Д., г. Горно-Алтайск. Фонетические особенности теленгитского диалекта и его говоров.....	19
Аминев З. Г., г. Уфа. Еще раз о топониме «магаш».....	22
Asimi Oluwafemi Musibau, China. Mutually intelligible languages or varieties of one language.....	23
Асмондьяров В. Н., Шайхисламова З. Ф., Шайхулов А. Г., г. Уфа. К вопросу об идеографической характеристике диалектов тюркских языков народов урало-поволжья (на материале говоров башкирского языка).....	24
Ахмадиева Н. В., г. Уфа. К проблеме изучения языковой ситуации в Башкортостане во II половине XX века.....	26
Бавуу-Сюрюн М. В. г. Кызыл. Влияние казахского языка на язык тувинцев Китая.....	29
Багаутдинова М. И., г. Уфа. Пословичная концептуализация понятия "труд" в башкирской языковой картине мира.....	31
Бадмаева Л. Б., г. Улан-Удэ. Особенности байкало-кударинского говора бурятского языка.....	33
Баймырзина Р. Ф. Эбйәлил р. Халыктың алтын хазинаһы.....	36
Баширова А. Х., г. Тюмень. Типология восточных заимствований в диалектах сибирских татар.....	37
Баязитова Ф. С., г. Казань. Этнолингвистический ландшафт цоканья в тюркских и славянских языках.....	39
Боранбаева Г. Т., Унгарбаева Г. И., г. Актобе. Концепт «душа» в поэзии А. Ахматовой.....	42
Бурнакова К. Н., г. Москва. Ритмомелодические исследования диалектов живых языков народов Южной Сибири: опыт и перспективы.....	43
Бусыгина Л. В. г. Ижевск. Названия душицы в диалектах удмуртского языка.....	44
Вәлиева М. Р., Өфө к. Башкорт теле диалектарында н-м, м-б-п фонетик сиратлашыуы.....	47
Вәлитова Г. Т., Көйөргәзе р. Диалект шарттарында туған тел һәм дәүләт телдәрен укытыу.....	48

Гайнутдинова А. Ф., г. Казань. О субстантивной транспозиции русских диалектных прилагательных.....	50
Гатин М. К., г. Стерлитамак, Г. И. Султанова, г. Уфа. Монография М. И. Дильмухаметова «Говор среднеуральских башкир» (Уфа, 2006): статус и значение.....	51
Гусейнов Г. -Р.А.-К., г. Махачкала. К этимологии и историко-лингвистической интерпретации хоронима аух.....	53
Габдуллина Л. Р., Яңауыл к. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу.....	54
Гайсина Ф. Ф. Өфө к. Башкортостандағы ғәйнә ырыуы фольклоры.....	55
Давлетшин Габ. Я. Говоры башкирского языка.....	56
Данилова Н. И., г. Якутск. Якутская диалектология: этапы становления и перспективы развития.....	58
Даутова К. В., Магасумова Р. Д., г. Уфа. Есть ли физика в башкирских народных сказках?	60
Душенкова Т. Р., г. Ижевск. Диалектные различия понятия проклятие в удмуртском языке.....	62
Дыбо А. В., г. Москва. Морфонологический анализ и внутренняя реконструкция: к истории башкирского языка.....	65
Дәүләтколова Г. Ш., Салауат к. Хәзерге башкорт теленә акцентологияһы.....	69
Дьячковский Ф. Н. , г. Якутск. Заметки о говоре якутов в арктических районах якутии (на материале булунского, жиганского улусов)	70
Зайдуллина Р. Д., г. Уфа. Персидские заимствования в башкирских и татарских говорах.....	72
Закиев М. З., г. Казань. О древнетюркской топонимии.....	74
Заһизуллина К. Н. , Туймазы р. Туймазы районы Япрык ауылы һөйләшәндәге диалект һүзәр.....	77
Иванов Нь. М., г. Якутск. Функционирование топонимов в эвено-бытантайском улусе.....	78
Исламова И. В. , Туймазы р. Җәһи телмәр менән диалект араһындағы айырманы аңлатыу буйынса эш төрҙәре.....	79
Исмет Бинер, Стамбул, Төркия. Башкорт мәкәлдәре һәм әйтемдәрәндә изге йолаларҙың сағылышы.....	80
Исхакова М. Х. , Ишембай к. Диалект һәм ономастика.....	82
Ишкильдина Л.К, г. Уфа. Фонетические процессы в начале слова в башкирском языке.....	83
Ишкинина Ф. Ғ., Күмертау к. Көйөргәзе ере – әүлиәләр төбәге.....	84
Каксин А. Д., г. Абакан Н. Ф. Катанов – автор первого полного описания сагайского наречия (диалекта)	85
Каримова З. С. Өфө к. Язучылар ижатында диалектизмнар (Аяз Гыйләжев материалында)	88
Кашапова З. Ә., Әбйәлил р. Төнъяк-көнбайыш һөйләштәре шарттарында башкорт телен укытыу.....	89
Куканова В. В. , Очирова Н. Ч. , г. Элиста. Общее или индивидуальное, норма или узус в национальном корпусе калмыцкого языка: к постановке проблемы.....	90
Куклин А. Н., г. Йошкар-Ола. Марийские говоры приуралья в мозаике географических названий (топонимические и родовые названия в определении пучков импульсаций и миграционных волн)	94
Куулар Е. М., г. Кызыл. Охотничье-рыболовная лексика в тоджинском диалекте тувинского языка.....	97

Кулбирзина З. Г. , Өфө к. Башкорт теле диалекттарында бармак исемдәре.....	98
Кызылбаева Р. Н. , Кызылбаев М. Ю. Учалы р. Учалы районы Кәрим ауылы һөйләшенең фонетик үзенсәлектәре.....	99
Максимов С. А. г. Ижевск. Выражение понятий «мать» и «отец» в диалектах уд- муртского языка.....	100
Миндибаева З. Р. , Мәсетле р. Ринат Камалдың әсәрзәрендә диалект һүзәрзең кулланылышы.....	102
Мудрак О. А. г. Москва. Предварительный фонетический вопросник по кыпчак- ским языкам.....	103
Муратова Р. Т. Лексика духовной культуры народов Поволжья как объект лин- гвистического исследования.....	110
Насибуллин Р. Ш. , г. Ижевск. Названия полдника в удмуртских говорах.....	112
Нафиков Ш. В. , г. Уфа. Происхождение башкирского диалектного тәхе, дәхи 'еще'.....	114
Ниязова Г. Н., г. Тюмень. О некоторых лексических параллелях в сибирскотатар- ском и башкирском языках.....	115
Перехвальская Е. В. г. Санкт-Петербург. Язык или диалект: современное состоя- ние проблемы.....	117
Раемгужина З. М., г. Уфа. Лингвокультурологические особенности имени собст- венного.....	121
Рассадин В. И., г. Элиста. Субстантивная функция причастий в языке дербетов Калмыкии и Монголии.....	123
Renata Marciniak-Firadza, Łódź, Polska. O niektórych nazwach drzew i krzewów w gwarach małopolsko-mazowiecko-wielkopolskiego ogranicza językowego (etymologia i geografia lingwistyczna).....	124
Салчак А. Я. , г. Кызыл. Глагольная лексика в языке тувинцев Китая.....	129
Санжанов Ж. Ш. г. Улан-Батор, Монголия. Общественно-политическая лексика в исторической хронике Бодонгууд Абида «Buriyad mongγul-un tobči teüke» 'Крат- кая история бурят-монголов'.....	132
Санина Н. Н. , г. Горно-Алтайск. Топонимы в теленгитском диалекте алтайского языка.....	133
Семёнов В. Г. , г. Ижевск. Территориальное распространение и происхождение наименований крещения в удмуртском языке.....	135
Сиивонен А. Т., г. Москва. Деепричастие в калтасинском диалекте восточного на- речия марийского языка.....	137
Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш., Ибрагимова А. Д., Мигранова Л. Г. , г. Уфа. Корпус текстов периодической печати на башкирском языке.....	139
Солтанбаева М. С., Мәхмүтов И. М. Учалы р. Учалы районы Котой ауылы теле ыңыйлары.....	141
Солтангәрәева Р. Ә., Өфө к. Ғәйнә ырыуы башкорттары: халык ижады, тел үзенсәлектәренә карата.....	142
Субракова В. В., г. Абакан. Согласные хакасского языка (на материале кызыльско- го диалекта)	144
Сулейманова Р. А. г. Уфа. Роль и место русских и европейских личных имен в именнике башкир (на примере именника башкир по Мечетлинскому и Хайбул- линскому районам РБ за 1930-2011 гг.).....	148
Сәғәзиева Ф. Х. , Бүздәк р. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу.....	150

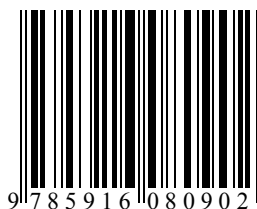
Сәйәхова С. Г. , Бөрйән р. Диалект шарттарында укыусыларзы башкорт теленә өйрәтеү.....	151
Сәхипова З. Ғ., Мәскәү к. Сәлимйән Бәзретдинов ижадында диалекталь, архаик һәм поэтик синонимдар.....	152
Тазранова А. Р., г. Новосибирск. Некоторые вопросы теленгитского диалекта алтайского языка	153
Трофимова С. М., В.И. Рассадин, г. Элиста. Категория числа в монгольских и тюркских языках.....	156
Уртегешев Н. С. , Токмашова Т. А., г. Новосибирск. Среднеурасский говор шорского языка.....	157
Усманова М. Ғ., Ғәлимова Р. Р. Өфө к. Киләсәк заман төшөнсәһенәң һөйләштәрҙә сағылыуы һәм укытыу программаларында биреләүе	159
Усманова М. Ғ., Сәғитова Ғ. Б. Башкорт теле һәм уның диалекттарында зур төшөнсәһенәң биреләүе.....	161
Файзуллина И. И., г. Уфа. Специфика прагматонимов в составе гастрономического дискурса.....	162
Хабиров Л. Г. , г. Уфа. Происхождение осложненных аффиксов направительного падежа в говорах татарского и башкирского языков.....	164
Хвостова Ю. В., г. Актобе. Некоторые особенности русской диалектной речи на территории Казахстана.....	167
Хозайбирзина К. М., Стәрлебаш р. Стәрлебаш районы Мортаза ауылы һөйләшәһенәң тел үзенсәлектәре.....	168
Хөсәйенова Г. Р., Өфө к. Хәзерге Ырымбур башкорттарының йәнле һөйләү теленә карата кайһы бер күзәтүҙәр.....	169
Хөсәйенова Л. М. , Стәрлетамак к. Көнъяк диалекттың өршәк һөйләшәһен өйрәнәүгә карата.....	170
Чертыкова М. Д., г. Абакан. Диалектные экспрессивы как вторичные синонимы в хакасском языке (на примере глаголов со значением «бить»).....	172
Чульчаева Г. М., г. Элиста. Местоимение в языке дербетов Калмыкии.....	174
Шайхисламова З. Ф. г. Уфа. Эмотивные диалектизмы башкирского языка (на материале словаря башкирских говоров. Том III. Западный диалект)	178
Шайхулов А. Г., г. Уфа. Когнитивная парадигматика идеографических словарей диалектов тюркских языков урало-поволжья: к постановке проблемы.....	180
Шаяхметов Р. А., г. Уфа. СРНГ как источник народных терминов шашечной игры	182
Шәкүров Р.З. Өфө к. Башкорт теленәң егән һөйләше.....	183
Әбхәлимова З. С., Күмертау к. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу.....	186
Әхмәтова Т. М., Сибай к. Таңсулпан Ғарипованың «Бөйрәкәй» романында кызыл һөйләшәһенәң үзенсәлектәре.....	187
Юлдыбаева Г. В. , Өфө к. 100 башкорт халык йыры (архив материалдары буйынса)...	188
Юсупова Г. А. г. Тюмень. Структура лексики деревянной архитектуры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар.....	192
Яковлева Е. А. Уфа. Интернет-объявления как отражение языковой картины мира современного уфимца.....	194

Научное издание

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

Материалы XII региональной конференции
(Уфа, 27-28 ноября 2012 г.)

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 60х90_{1/8}

Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 21,7.

Тираж 300.

Отпечатано на ризографе с готового оригинал-макета

ИП Поляковский Ю. И.

450058 Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, 45-19

Тел.: (347)223-29-07

E-mail: maxles@yandex.ru